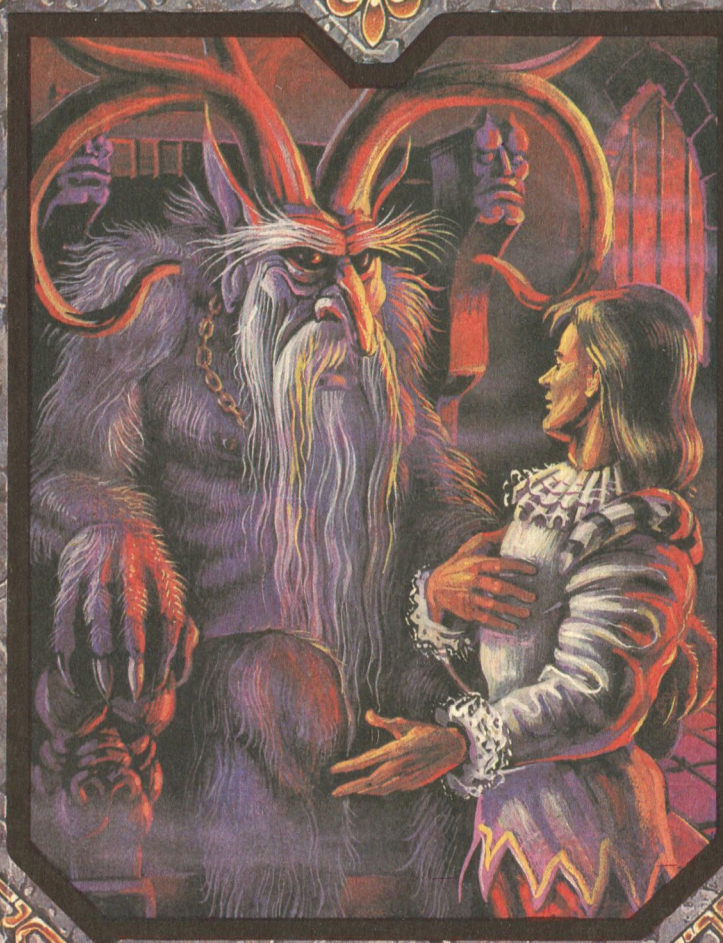

Джеймс Брэнч Кейбелл

Джеймс Брэнч Кейбелл

fantasy

Сказание о Мануэле

Северо-Запад

Джеймс Брэнч Кейбелл

1

Fantasy

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙБЕЛЛ

Сказание о Мануэле

ТОМ 1

Санкт-Петербург
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1994

ББК 84.7 США
К 33

Перевод с английского
Сергея Хренова

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.*

© С. Хренов, перевод, 1993
© Т. Канивец, В. Канивец,
иллюстрации, 1993
© «Северо-Запад», подготовка текста,
оформление, 1993
® . Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется
законом

ISBN 5-8352-0243-1(т. 1)
ISBN 5-8352-0244-х

ЗЕМЛЯНЫЕ ФИГУРЫ

(КОМЕДИЯ ВНЕШНЕГО ВИДА И ПРИЛИЧИЙ)

«Cascun se mir el jove Manuel,
Qu'era del mon lo plus valens dels pros».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джеймс Брэнч Кейбелл родился в Ричмонде (Виргиния) в аристократической семье американцев-южан 14 апреля 1879 года, а умер незадолго до своего восьмидесятилетия. Получив великолепное образование, он вскоре стал известен как историк, журналист и автор коротких рассказов. Но наибольшую популярность Кейбеллу принесло «Сказание о Мануэле», написанное между 1905 и 1930 годами, — многотомный труд (свыше 20 книг, среди которых романы, пьесы, сборники стихов и эссе), посвященный некоему свинопасу Мануэлю, жившему в XIII веке, и его потомкам вплоть до начала XX века.

В свое время Кейбелл пользовался большим успехом: среди поклонников его таланта были Марк Твен, Синклер Льюис и Карл ван Дорен; критики сравнивали его с Рабле, Стерном, Свифтом, Вольтером, Шериданом, даже Данте. С другой стороны, его романы обвиняли в непристойности и даже пытались запретить их публикации. Но тем не менее умер Кейбелл практически совершенно забытым.

Кейбелла вновь открыли в 60-е годы. Появилось несколько крупных исследований его творчества (не говоря уж о множестве критических статей в литературных журналах), было основано Общество Дж. Б. Кейбелла. Возобновление интереса к нему было явно связано с развитием в англоязычной словесности жанра «fantasy». И Кейбелла, недолго думая, причислили (наряду с Эдгаром Алланом По) к родоначальникам этого направления в американской литературе.

Кейбелл, разумеется, не применял к своим произведениям этот термин. Но несомненно, что потрясающее знание истории, литературы, культуры и мифологии (и, конечно же, незаурядное воображение и выдающийся дар рассказчика) позволили ему создать огромный самобытный мир, который включает в себя, кроме вымышленной провинции Пуактесм (расположенной якобы где-то во Франции), сказочные острова и древние империи, фантастические страны и существующие поныне города, Рай и Ад; мир, в котором существуют, наряду с придуманными Кейбеллом персонажами, реальные исторические личности и боги всевозможных пантеонов. Этот мир далек от привычного мира волшебной сказки: тут уживаются мечты и здравый смысл, романтичность и обыденность, ат-

рибуты магии и реалии современной цивилизации. Философии Кейбелла свойственны как пессимизм, так и жизнеутверждение.

Разгадывать загадки географии (или, скорее, космологии) этого мира мы предоставляем читателю. Точно так же, как и пытаться построить иерархию сил, правящих этой вселенной (где библейский Бог придуман экспромтом Кощеем Бессмертным, но над тем существуют и другие боги, не считая явно и неявно влияющего на события некоего Автора). Мы лишь могли помочь читателю, снабдив это издание примечаниями, где, в частности, даются более традиционные сведения об исторических и легендарных действующих лицах, достаточно вольно вплетаемых Кейбеллом в ткань повествования. Там же объясняются некоторые из словесных игр, к которым весьма тяготеет писатель.

Как заметил однажды сам Джеймс Брэнч Кейбелл, он писал свои изысканные, умные и остроумные романы «вообще не ради того, чтобы их читали, а по той, более разумной причине, что ему нравилось играть одному». Но увлекательнейшие книги Кейбелла волей-неволей приглашают принять участие в этой игре и других — вас, искушенные читатели.

Мы начинаем знакомство со «Сказанием о Мануэле» с публикации двух романов: «Земляные фигуры» (1921) — между прочим, это единственная книга, где непосредственно фигурирует главный герой сказания, но, почему оно все названо именем Мануэля, вы узнаете, прочтя роман «Серебряный жеребец», который выйдет в следующем томе, — и «Юрген» (1919). Во внутренней хронологии всей саги они не стоят один за другим. Но сам Кейбелл сопоставлял их, говоря о том, что «Мануэль — это Ахилл Пуактесма, тогда как Юрген — его Улисс».

ЧАСТЬ I

КНИГА ПРИХОДА

Ответил тогда Кудесник
голосом страшным: «Мануэль,
Мануэль, сейчас покажу я
тебе множество книг
по Некромантьи и покажу,
как с легкостью ей овладеть
и знать, как ее применять.
И, больше того, покажу
и тебя научу так,
что ты обретешь Желанье свое,
коее, мыслю, Дар великий
за деянье столь малое».

ГЛАВА I

Как Мануэль оставил болото

По актесме рассказывают, что в стародавние времена, когда чудеса происходили в два счета, юный Мануэль был скромным свинопасом и присматривал за стадом мельника. Говорят к тому же, что Мануэль был вполне этим доволен и не догадывался о судьбе, которая ему предстоит.

Меж тем в окрестностях Ратгора и в крытых соломой деревушках Нижнего Таргамона его любили. А когда молодежь собиралась по вечерам, чтобы выпить коньяку, закусывая его орешками и тминным хлебом, никто не танцевал веселее Косого Мануэля. С девушками он был тих, а с мужчинами серьезен и прост, что заставляло людей, торопливых на обобщения, считать его круглым дураком. Бывало, молодого Мануэля обнаруживали сонно улыбающимся без видимой причины, но больше всего в жизни, похоже, его тогда занимала статуя, которую он лепил из болотной глины на берегу Гарантонского пруда.

Эту статую он постоянно переделывал. Фигура стояла на кромке воды, а рядом два валуна, поросшие мхом, подпирали старинный, изъеденный червями деревянный крест, в память о том, что́ здесь некогда было содеяно.

В один прекрасный день, в начале осени, когда Мануэль сидел под крестом, глядя в глубокую спокойную воду, появился незнакомец, опоясанный длинным-предлинным мечом, сильно мешавшим ему при ходьбе.

— Диву даюсь, что ты нашел в этом темном пруду, коли так пристально в него уставился? — первым делом спросил незнакомец.

— Точно не знаю, — ответил Мануэль, — но мне кажется, я смутно различаю утонувшие там любовь,

желания и приключения (что у меня были), когда я жил в ином теле. Я должен сказать, что вода Гарантона не похожа на воду других водоемов, потому как она навевает странные сны.

— Я ничего дурного не говорю про толкование сновидений, хотя полная луна — едва ли лучшее время для подобных занятий, — заявил курносый незнакомец. — А это что такое? — спросил он.

— Это фигура человека, которую я делаю и переделываю, сударь, но не могу добиться того, чтобы она мне полностью понравилась. Поэтому думаю и дальше трудиться над ней, пока статуя не станет соответствовать моим помыслам и моему желанию.

— Но, Мануэль, зачем вообще нужно ее лепить?

— Потому что, сударь, моя мать всегда страшно хотела, чтобы я представлял в этом мире значительную фигуру, и, когда она умирала, я пообещал ей, что сделаю это, и тогда она наложила на меня гейс.

— О, разумеется! Но ты уверен, что она имела в виду именно этого истукана?

— Да, ибо я часто слышал ее слова, пока рос, и она хотела, чтоб я сделал все возможное, чтобы люди увидели великолепного и восхитительного во всех отношениях молодого человека. Поэтому необходимо, чтобы я создал статую молодого человека, ибо моя мать не из здешних краев, а из Ат-Клиата, и она наложила на меня гейс...

— Да-да, ты упоминал этот самый гейс, и мне интересно, что такое этот гейс.

— Вы могли бы назвать это долгом или обязательством, сударь, только он особенно сильный, непомерный и тайный: им пользуются Фирболги.

Незнакомец теперь перевел взгляд со статуи на Мануэля и задумался над вопросом (который позднее поставит в тупик множество людей), мог ли еще кто-нибудь быть так прост, каким казался Мануэль. Мануэль в двадцать лет еще не был тем великаном, которым стал потом. Но он уже был настолько высоким, что лишь немногие доставали ему до плеча, притом приятной наружности, с тонкими чертами лица, русыми волосами, небольшой головой, ясными светло-голубыми глазами и грудью жеребца; его левая бровь странным образом была опущена вниз, и многим

казалось, что этот огромный молодой человек при всей своей простоте лукаво подмигивает.

В целом незнакомец нашел этого молодого свинопаса довольно двусмысленным и, кроме того, заметил в облике Мануэля еще одну любопытную деталь.

— Так из-за этого гейса, — спросил незнакомец, — у тебя из шевелюры выстрижен большой клок?

В тот же миг лицо Мануэля стало мрачным.

— Нет, — сказал он, — это не имеет отношения к гейсу, и не будем об этом говорить.

— Странный ты парень, раз взял на свою голову такое обязательство, срезал с головы почти половину волос и имеешь в голове такие фантазии. И хотя, слушаясь матери, не наделаешь большого вреда, я удивляюсь, Мануэль, что ты валяешься тут на болоте среди свиней и отдаешь молодость этому пугалу и стоячей воде, когда у тебя впереди такое интересное приключение, когда Норны, прядя нить твоей жизни, предсказывают тебе великие подвиги.

— Ха, да будет славен Господь, сударь, но что это за приключение?

— Приключение состоит в том, что дочь графа Арнейского похитил некий волшебник, и этот высокородный граф Деметрий сулит несметные богатства, земли и руку девушки в придачу тому молодцу, который вернет ему любимую дочь.

— Я слыхал разговоры об этом на кухне Арнейского замка, куда продаю поросят. Но какое до этого дело свинопасу?

— Мой мальчик, сейчас ты свинопас, дремлющий на солнце, так же как вчера был младенцем, кричащим в колыбели, но завтра ты не будешь ни тем, ни другим, если есть хоть какая-нибудь правда в словах Норн, шушукающихся под своим ясенем.

По-видимому, Мануэль покорился неизбежному. Он наклонил свою белобрысую голову и торжественно сказал:

— Честь и хвала Урд, Верданди и Скульд! Если мне предписано стать спасителем дочери графа Арнейского, глупо спорить с Норнами. Скажите же мне, как зовут этого проклятого волшебника и как добраться до него, чтоб отрубить его мерзкую голову?

— О нем говорят как о Мирамоне Ллуагоре, повелителе девяти снов и князе семи безумий. Он живет

в сказочном великолепии на вершине серой горы Врейдекс, где изобретает всяческие иллюзии и, в частности, создает человеческие сновидения.

— Да, на кухне Арнейского замка говорят о Мирамоне и такое. И никто на кухне не отрицал, что этот самый Мирамон — опасная личность.

— Он самый хитрый из волшебников. Никто не может ему противостоять, и никто не может миновать ужасных змеев, поставленных Мирамоном для охраны серых склонов Врейдекса, если только человек не вооружен убийственным мечом Фламбержем, который висит у меня здесь, в этих синих ножнах.

— Что ж, тогда графскую дочь должны освободить вы.

— Нет, это не пойдет, потому что в жизни героя слишком много суматохи, схваток и кровопролитий, а мне это не подходит — ведь я миролюбивый человек. Кроме того, герою, который спасет госпожу Жизель, отдадут ее руку, а поскольку у меня уже есть одна жена, я знаю, что от двух жен будет только вдвое больше скандалов и все, а мне это не подходит — ведь я человек миролюбивый. Поэтому думаю, что лучше тебе взять меч и пуститься в приключение.

— В общем-то, — сказал Мануэль, — иметь под боком богатства, земли и красавицу жену лучше, чем стадо свиней.

Словом, Мануэль опоясался заколдованными ножнами, а заколдованным мечом он с грустью порубил на куски глиняную статую, которую так и не довел до совершенства. Затем Мануэль вложил Фламберж в ножны и прокричал свиньям слова прощания.

— Я никогда не вернусь к тебе, мое стадо, потому что, на худой конец, лучше доблестно умереть, чем проспать всю свою молодость. У человека лишь одна жизнь. Поэтому я покидаю вас, мои свинюшки, чтоб добыть себе красавицу жену, много богатств и свободу и исполнить волю моей матушки. А когда мой гейс будет с меня снят, я не вернусь к вам, мои хрюшки, а отправлюсь путешествовать и дойду до самого края земли, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить, покуда жив. Ибо после этого не я буду оценивать, но меня: ведь, как говорят, человек, которого покинула жизнь, не годится, в отличие от вас, даже на хорошую ветчину.

— Такого красноречия для свиней, — говорит незнакомец, — больше чем достаточно, и похоже, это им понравилось. Но нет ли какой-нибудь девушки, с которой ты хотел бы попрощаться не только на словах?

— Нет, сначала я подумал, что попрощаюсь с Сускинд, которая иногда благоволила ко мне в своем сумрачном лесу, но, поразмыслив, решил этого не делать. Сускинд, вероятно, разревется и потребует обещаний вечной верности или, что еще хуже, охладит мой пыл, с которым я устремился вперед к завоеванию богатств и прелестной дочери графа Арнейского.

— Вижу, ты, мой юный Мануэль, странный малый, хладнокровный и откровенный, и зайдешь далеко — неважно, в добре или зле!

— Я не разбираюсь в добре и зле. Но я — Мануэль, и я буду следовать своим помыслам и своим желаниям.

— И, определенно, не менее странно, что ты говоришь так, — ибо, как все знают, это была любимая поговорка твоего тезки, знаменитого графа Мануэля, который совсем недавно умер на Юге.

На это юный свинопас с серьезным видом кивнул:

— Я должен воспринять этот знак, сударь. Очевидно, как я это понимаю, мой благородный тезка уступил мне дорогу для того, чтобы я смог пойти гораздо дальше его.

Затем Мануэль учтиво попрощался с курносым незнакомцем и, оставив свиней мельника на произвол судьбы у Гарантонского пруда, зашагал в своих лохмотьях навстречу судьбе, о которой предстоит длинный рассказ.

ГЛАВА II

Ниафер

ервым делом Мануэль наполнил дорожный мешок простой, но питательной снедью, а потом отправился к серой горе, называемой Врейдексом, к далекой, окутанной облаками вершине, на которой обитал в своем подозрительном дворце страшный Мирамон Ллуагор — повелитель девяти снов, изобретатель иллюзий и создатель человеческих сновидений. Когда Мануэль проходил под древними кленами у подножия Врейдекса, он увидел невысокого, невзрачного на вид, темноволосого юношу, поднимавшегося впереди.

— Привет, коротышка, — говорит Мануэль, — и что же ты делаешь в этом опасном месте?

— Я иду, — отвечает темноволосый юноша, — разузнать, как поживает на вершине этой горы госпожа Жизель д'Арней.

— Ого! Значит, нам по пути, ибо у меня такое же намерение. Но когда доберемся, мы сразимся с тобой, и тот, кто уцелеет, получит богатства, земли и графскую дочку себе на колени. Как тебя зовут, приятель?

— Меня зовут Ниафер. Но я считаю, что госпожа Жизель уже обвенчалась с Мирамоном Ллуагором. По крайней мере, я искренне надеюсь, что она замужем за этим волшебником, ибо иначе для нее было бы неприлично жить с ним вне брака на вершине этой серой горы.

— Что за чушь! Какая разница? — говорит Мануэль. — У нас нет закона, запрещающего вдове вновь выходить замуж. А вдовами быстро становятся с помощью героев, о которых уже поведали мудрые Норны. Но я не должен говорить тебе об этом, Ниафер, поскольку не хочу показаться хвастуном. Поэтому я

просто скажу тебе, Ниафер, что меня зовут Мануэль, и у меня нет другого титула: я пока даже не барон.

— Однако ты слишком уверен в себе для молодого парня! — говорит Ниафер.

— А как же! На кого еще я могу полагаться в этом зыбком мире, кроме себя?

— Предки, Мануэль, считали, что подобное самомнение до добра не доводит, а, говорят, они были мудрее нас.

— Предки, Ниафер, слишком давно занимались устройством этого мира, но сам видишь, как они сделали свое дело. Что это за мир, спрашиваю я тебя, где время похищает у нас золото волос и пурпур губ, где северный ветер уносит прочь блеск, сияние и изобилие октября, где старый идиот чародей-блудодей крадет прелестную девушку? Подобный разбой не лезет ни в какие ворота; это ясно говорит, что предки понятия не имели, как заниматься такими делами.

— Эх, Мануэль, разве ты переделаешь мир?

— Кто знает? — говорит Мануэль с величественной гордостью, свойственной юности. — Во всяком случае, я не собираюсь оставлять его без изменений.

И тогда Ниафер — более прозаичный человек — взглянул на него с восхищением и жалостью, но не стал спорить. Вместо этого они дали клятву, что будут верны друг другу до тех пор, пока не спасут госпожу Жизель.

— Затем мы сразимся за нее, — поспешил напомнить Мануэль.

— Во-первых, приятель, дай мне увидеть ее лицо, потом дай мне узнать ее нрав, а уж после я подумаю, драться ли с тобой. Между тем это очень высокая гора, и восхождение на нее потребует всех сил, а мы тратим их здесь на болтовню.

Итак, они вдвоем начали восхождение на Врейдекс по извилистой дорожке, по которой спускались в долину сновидений, когда их насылал на людей повелитель семи безумий. Сперва это была просто каменистая тропа. Но вскоре они добрались до разбросанных по небольшой полянке обглоданных костей — останков тех, кто, очевидно, поднимался перед ними. А из-за высоких репейников тут же показался Змей Востока — самое страшное из созданий, которым Мирамон

тревожит сон литов и татар. Змей ехал верхом на черном коне, черный сокол сидел у него на макушке, и за ним бежала черная гончая. Конь споткнулся, сокол закричал, а гончая поджала хвост и завыла.

Змей взмахнул плетью и закричал:

— Эй, ты что, собачье мясо, спотыкаешься? А ты, сука, почему завыла? А ты, птичка, почему разоралась? Ведь эти три знамения предвещают мне какое-то несчастье.

— О, великое несчастье! — отвечает Мануэль, вынимая свой волшебный меч.

— Истину говоришь! Истинное несчастье предсказано тебе этим. Разве на Дубовом острове под двенадцатым дубом не стоит медная шкатулка, а в шкатулке — пурпурная утка, а в утке — яйцо, а в яйце — твоя смерть?

— Верно, что моя смерть находится в яйце, — сказал Змей Востока, — но никто никогда не найдет его, и поэтому я неодолим и бессмертен.

— А вот и нет, яйцо, как ты видишь, у меня в руке, и, когда я раздавлю это яйцо, ты умрешь, и твои братья — червяки — поблагодарят не тебя, а меня за сегодняшний ужин.

Змей взглянул на протянутое яйцо и задрожал. Он изогнулся так, что его чешуя заиграла солнечными зайчиками. Он вскрикнул:

— Отдай мне яйцо, и я позволю вам идти своим путем навстречу более ужасной гибели.

Хотя у его спутника было свое мнение, Мануэль решил, что так будет лучше, и в конце концов они совершили эту сделку ради детенышей змея. Затем они пошли дальше, в то время как змей завязал глаза коню и гончей, накрыл колпаком сокола и потихоньку пополз прочь, чтобы спрятать яйцо в укромном месте.

— Но как тебе, черт подери, — спрашивает Мануэль, — удалось достать такое бесценное яйцо?

— Это совершенно обычное утиное яйцо, Мануэль. Но у Змея Востока нет возможности обнаружить это, не разбив яйца. А это единственное, чего Змей никогда не сделает, поскольку думает, что это то яйцо, в котором заключена его смерть.

— Ну, Ниафер, хоть ты и замухрышка на вид, однако много умнее, чем я думал!

И только Мануэль хлопнул товарища по плечу, как лес у дороги закачался, затрещали кусты, а высокие буки стали ломаться и падать в разные стороны, — так сквозь толщу земли пробился Змей Севера. Только голова и шея этого создания Мирамона возвышались над поваленными деревьями, потому что нижние кольца Змея никогда не отпускали основание Норровегии. А все, что высунулось, было покрыто водорослями и ракушками.

— По воле Мирамона Ллуагора я сейчас же уничтожу вас обоих, — говорит этот змей, разевая пасть, похожую на пещеру со сталактитами и сталагмитами.

Еще раз юный Мануэль выхватил свой волшебный меч, но заговорил его товарищ.

— Нет, ибо прежде, чем ты погубишь меня, — говорит Ниафер, — я наброшу уздечку тебе на морду.

— Что это еще за уздечка? — презрительно спросил огромный змей.

— Разве эти вытаращенные глаза не достаточно велики и не видят, что это мягкая узда, называемая Глейпниром, которая сделана из дыхания рыб, слюны птиц и кошачьих шагов?

— Хотя несомненно, что подобная казнь мне предсказана, — проговорил змей с легким беспокойством, — как я могу быть уверен, что ты говоришь правду и вот эта штука и есть Глейпнир?

— Давай так: я брошу ее тебе на голову, и тогда ты сам увидишь, как исполнится древнее пророчество и тебя оставят силы и жизнь, а норманны больше не увидят снов.

— Нет, убери от меня эту штуку, маленький глупец! Нет, нет! Мы не будем проверять твою правдивость таким образом. Так и быть, вы вдвоем пойдете своей дорогой к более ужасной погибели и столкнетесь с варварской смертью запада, если дашь мне эту узду, чтоб я уничтожил ее вместо тебя. И тогда я, если буду жить вечно, удостоверюсь, что это в самом деле Глейпнир и ты сказал правду.

Поэтому друзья согласились, что лучше проверить правдивость своих слов, нежели позволить Змею погибнуть, а основанию Норровегии (а Ниафер якобы состоит в родстве с одной из тамошних правительниц) таким образом пошатнуться, освободившись из объя-

тий околевшего Змея. Узда была отдана, и Ниафер с Мануэлем пошли дальше.

Мануэль спросил:

— Коротышка, это правда узда, называемая Глейпниром?

— Нет, Мануэль, это обычная уздечка. Но у Змея Севера нет возможности обнаружить это, кроме как надеть ее на себя. А это единственное, чего Змей никогда не сделает, поскольку знает, что, если моя узда оказалась бы Глейпниром, силы и жизнь оставили бы его.

— О, хитрый и коварный коротышка! — сказал Мануэль. И вновь хлопнул товарища по плечу.

Затем Мануэль заговорил очень напыщенно про ум и сказал, что лично сам, со своей стороны, никогда не отрицал его большого значения.

ГЛАВА III

Восхождение на Врейдекс

аступил вечер, и они нашли приют на мельнице рядом с дорогой, у маленького сморщенного старичка в залатанной куртке. Он дал им постель и добрый каравай хлеба с сыром, а себе на ужин достал из-за пазухи лягушек и поджарил на углях.

Затем юноши сели на пороге посмотреть, как ночные кошмары спускаются с Врейдекса в мир мечтательных людей, к которым эти призраки являются в виде причудливых белых паров. Сидя вот так, они начали болтать о том о сем, и Мануэль обнаружил, что Ниафер исповедует старую языческую веру, что, по словам Мануэля, было превосходно.

— Когда мы завершим наше восхождение, — говорит Мануэль, — то должны будем сражаться друг с другом за графскую дочку, и я несомненно одолею тебя, дорогой Ниафер. Если б ты умер христианином, вот так, гнусно пытаясь убить меня, ты немедленно провалился бы в неугасимое пламя Чистилища или даже в еще более жаркие места. Но у язычников все, доблестно погибающие в битве, попадают прямиком в языческий рай. Да-да, твоя отвратительная религия — для меня огромное утешение.

— Для меня это тоже утешение, Мануэль. Но как христианину тебе не следует одобрять язычества.

— Это не совсем так, — говорит Мануэль, — в то время как моя мать, Доротея Белоручка, была самой рьяной христианкой, ты должен знать, что мой отец не причащался.

— А кто был твоим отцом, Мануэль?

— Не кто иной, как Пловец Ориандр, который, в свою очередь, сын Мимира.

— О, замечательно! А кто такой Мимир?

— О, замечательно! А кто такой Мимир?

— В общем, Ниафер, это не совсем понятно, но он прославился мудрой головой.

— Мануэль, а кто такой Ориандр, о котором мы говорим?

Мануэль же откашлялся и начал рассказ:

— О, из пустоты и темноты, населенной потомками Мимира, из бездны подводного мрака, из покоя безмолвия этой вечной ночи появился Ориандр, из Мимира, чтоб начать войну с морем и посмеяться над желанием моря. Когда бури вырываются с шипением и ревом из перевернутой чаши Асов, все моряки слышат его вопли и радостный крик. Когда водная поверхность опрокидывается и срывает крышу мира, его белое лицо мерцает в пучине, где обезумевшие волны терзают Пловца, но не властны над его силами. Сему Пловцу не дано глаз, но, и незрячий, он будет сражаться и насмехаться, пока не выйдет время, пока все любовные песни земли не будут спеты, и последняя погребальная песнь не будет спета, и изнуренное море не признает, что только Ориандру по плечу испытывать мощь его гнева.

— Поистине, Мануэль, таким отцом должно гордиться, хотя он и не похож на набожного родителя, и не его ли слепота ответственна за твое косоглазие? Да, несомненно. Теперь расскажи-ка мне о том, как же этот незрячий повстречался с твоей матерью, Доротеей Белоручкой, что́, полагаю, где-то произошло.

— О нет, — говорит Мануэль, — Ориандр никогда не перестает плавать и всегда должен находиться в воде. Так что он в действительности никогда не встречался с моей матерью, а она вышла замуж за Эммерика, являющегося моим номинальным отцом. Но что-то там такое произошло.

Тут Мануэль рассказал все об обстоятельствах своего рождения в пещере и об обстоятельствах своего воспитания в Ратгоре и близ него. Юноши все говорили и говорили, пока рукотворные сновидения плыли снаружи, а внутри мельницы маленький сморщенный старичок сидел и прислушивался к ним с очень подозрительной улыбкой, но не произносил ни слова.

— А почему ты так странно пострижен, Мануэль?

— Об этом, Ниафер, нам говорить не нужно, во-

первых, потому, что мои волосы больше так пострижены не будут, а во-вторых, потому, что время спать.

На следующее утро Мануэль и Ниафер заплатили, по обычаю древности, цену, которую затребовал их хозяин: они оставили ему залатанные башмаки. И, по-прежнему поднимаясь, не встретили больше костей, ибо еще никто из предшественников не забирался так высоко. Вскоре они подошли к мосту, на котором стояли восемь копий, а мост охранялся Змеем Запада. Этот Змей был голубой в золотую полоску и носил на голове огромную шляпу из перьев колибри.

Мануэль чуть было не вынул свой меч, чтобы напасть на это создание, с помощью которого Мирамон Ллуагор делал ужасным сон красных племен, что охотятся и рыбачат за Гесперидами, но взглянул на товарища. А тот показал Змею черепашку с причудливым узором на панцире, со словами:

— Масканако, разве ты не узнаешь Тулапин — черепаху, которая никогда не лжет?

Змей завыл, словно тысяче псов одновременно поддали под ребра, и убежал.

— Почему, коротышка, он так поступил? — с сонной улыбкой спрашивает Мануэль, поскольку в третий раз обнаружил, что его заколдованный меч Фламберж не пригодился.

— Поистине, Мануэль, никто не знает, почему этот Змей боится черепахи. Но нас меньше заботит причина, чем следствие. Между тем до этих восьми копий нельзя дотрагиваться ни при каких обстоятельствах.

— А у тебя что, совершенно обычная черепаха? — спросил Мануэль.

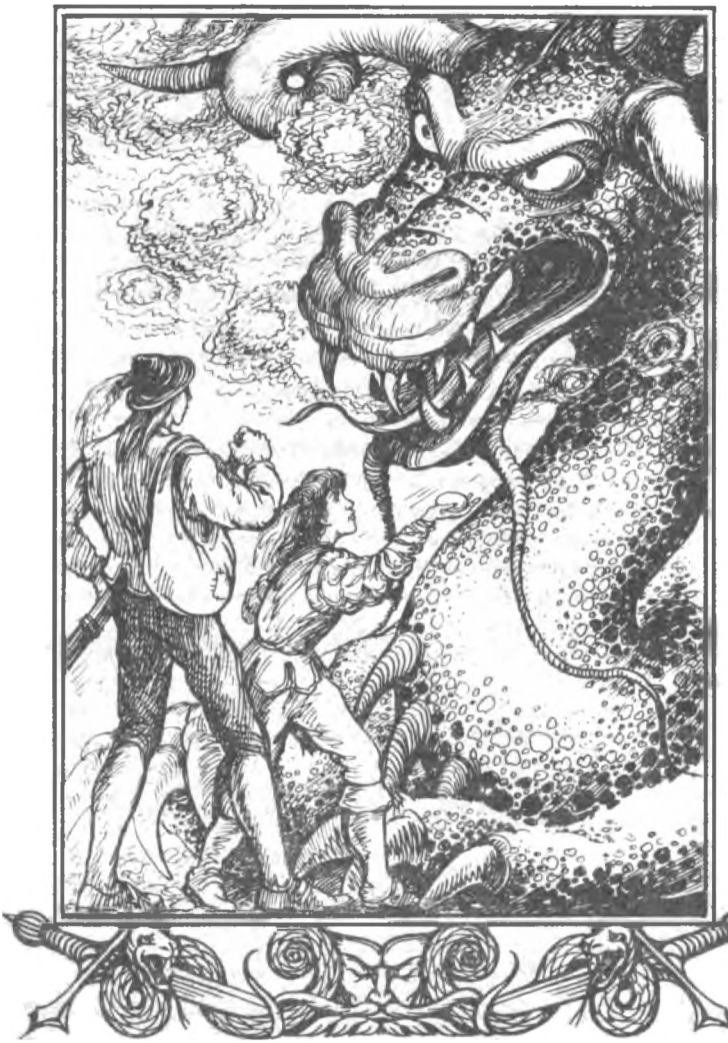
— Конечно. Где я возьму необычных черепах?

— Я раньше не рассматривал эту проблему, — отвечает Мануэль, — но вопрос, несомненно, не имеет ответа.

Затем они сели позавтракать и обнаружили, что хлеб и сыр, которые они купили у маленького старичка этим утром, превратились в мешке у Мануэля в слитки серебра и золотые самородки.

— Вот гадость, — сказал Мануэль, — и я не удивляюсь, что хребет у меня чуть не переломился.

Он выкинул сокровища, и они смиренно позавтракали черной смородиной.

Из зарослей смородины тут же вышел сияющий Змей Юга, являющийся самым маленьким, красивым и наиболее ядовитым из созданий Мирамона. С этим Змеем Ниафер справился весьма оригинально: он пустил в дело три вещицы — о двух из них следует промолчать, а третьей была маленькая фигурка, вырезанная из орешника.

— Несомненно, ты очень умен, — сказал Мануэль, когда они миновали и этого Змея. — Все же то, как ты использовал первые две вещи, — неподражаемо, но показ резной фигурки окончательно меня смутил.

— С такой опасностью, что встретилась нам, Мануэль, нечего церемониться, — отвечает Ниафер, — а мое заклинание — очень древнее и очень действенное.

И со множеством других приключений и опасностей столкнулись они, так что если обо всех рассказывать, получится длинная и весьма неправдоподобная история. Но погода им благоприятствовала, и они прошли через все препоны и рогатки с помощью всяких хитростей, которыми Ниафер, как оказалось, обладает в великом множестве. Мануэль громогласно расхваливал удивительную смекалку своего невзрачного темноволосого товарища и заявлял, что с каждым часом его любовь к нему становится все сильнее и сильнее. Мануэль также сказал, что думает с отвращением о предстоящем им поединке из-за дочки графа Арнейского: ведь там один должен убить другого.

Между тем меч Фламберж оставался в своих затейливых синих ножнах.

ГЛАВА IV

В подозрительном дворце

ак Мануэль и Ниафер, живые и невредимые, добрались до вершины серой горы Врейдекс, до подозрительного дворца Мирамона Ллуагора.

Когда юноши пересекали небольшую лужайку, где трава чередовалась с белыми кашками, откуда-то, словно переговариваясь друг с другом, зазвучали гонги. Тут и там стояли жуткого вида карликовые деревца с фиолетовой и желтой листвой. Подозрительный дворец показался осторожно приближавшимся к нему юношам сложенным из черных и золотых изразцов, которые были разрисованы фигурами бабочек, черепах и лебедей.

В этот день, кстати, в четверг, Мануэль и Ниафер вошли без помех через ворота из рога и слоновой кости и попали в красную галерею, где пять серых зверей, похожих на огромных лысых кошек, играли в кости. Пока юноши шли мимо них, эти твари облизывались и ухмылялись.

В центре дворца Мирамон воздвиг наподобие башни один из зубов Бегемота: клык был искусно обработан так, что внутри него получилось пять просторных комнат, и в самой дальней комнате под балдахином с зелеными кистями они обнаружили волшебника.

— Выходи и умри, Мирамон Ллуагор! — кричит Мануэль, вынимая свой меч, которому рассчитывал наконец найти применение.

А волшебник запахнул старый потертый халат и, оторвавшись от своих заклинаний, отложил в сторону какое-то маленькое недоделанное создание, которое, хныча, улизнуло в камин. Мануэль увидел, что у

волшебника внешность того вежливого незнакомца, всучившего ему заколдованный меч.

— О, хорошо, что ты пришел так быстро, — говорит Мирамон Ллуагор, откинув голову и полузакрыв свои добрые темные глаза, глядя на них поверх крыльев небольшого носа. — Да, и добро пожаловать твоему юному другу. Но вы, юноши, наверняка совершенно вымотались по дороге, так что садитесь и выпьем по чарке вина, прежде чем я отдам вам мою дорогую жену.

Мануэль же спрашивает:

— Но что все это значит?

— Это значит то, — отвечает волшебник, — что у тебя, я вижу, заколдованный Фламберж, и, поскольку владеющий этим мечом неодолим для меня, мне бесполезно сопротивляться.

— Но, Мирамон, это же ты дал мне меч!

Мирамон потер свой забавный маленький носик, а потом заговорил:

— А как бы еще ты меня одолел? Ведь известно, что, по закону Леших, волшебник не может отдать свою добычу просто так, пока он не побежден. Дело в том, что, когда я утащил Жизель, я поступил, как вскоре обнаружилось, весьма неблагоразумно.

— Но клянусь Святым Павлом и Поллуксом! Я вообще ничего не понимаю, Мирамон.

— Мануэль, я тебе скажу, что она была весьма очаровательной девушкой и, как мне показалось, представляла именно тот тип жены, о котором я мечтал. Но, вероятно, не совсем мудро руководствоваться всецело одной внешностью, потому что потом оказалось, что у нее не только большая грудь, но и большая воля, а кроме хорошенькой головки — хорошенький язычок, а я не в равной степени восхищаюсь всеми четырьмя этими достоинствами.

— Но, Мирамон, если всего несколько месяцев назад твоя любовь была так сильна, что привела к похищению...

Волшебник же назидательно проговорил:

— Думаю я, что любовь — сплав мгновенный тени и плоти. Те, кто стремятся любовью владеть, часто в глупость впадают. Любящий, видя, что движется сплав, как богиня златая, гонится следом за нею, в

итоге лишь плоть настигая. Тень золотая же меркнет с восходом семейного солнца, тает она, как туман, навсегда без следа исчезая. А остается в объятиях мужа лишь плоть, что прекрасна — нет тут сомненья, — но плоть, его же подобная плоти; и болтовня, болтовня, болтовня; поцелуи всех видов. Что ж, остается любовь, но уже не такая, как прежде.

Тут недоделанное создание вылезло обратно из камина и взобралось по ноге Мирамона, по-прежнему слабо хныча. Он задумчиво взглянул на него, затем открутил этому существу голову и бросил обломки в мусорное ведро.

Мирамон вздохнул и сказал:

— Вот плач мужей, что сейчас существуют и жить будут завтра: «Что приключилось с красавицей той, на которой женился? Как с этой женщиной мне обходиться, что в жизнь мою входит? К ней остается любовь, но уже не такая, как прежде».

Пока Мирамон философствовал, юноши тупо переглядывались: в их возрасте знание этого предмета было еще смутным.

Затем Мирамон продолжил:

— Да, тот мудрее, кто сдержит желанья свои от подобных излишеств. Да, тот мудрее, кто, зная, что тень прелестнее делает сущность, мудро следит за путями той безответственной тени, коею схватишь — она убежит, отвернешься же — шествует рядом, жизнь золотя сияньем своим и жену сохраняя вечно юной, прекрасной, и мудрой, и неотразимой; вечно тебя оставляя не очень довольным, при этом во всеоружье достоинства, что несохранно в довольстве. Что ж, поскольку любовь — сплав мгновенный тени и плоти, то наслаждаться ты можешь одной — не обеими сразу.

— В общем, — согласился Мануэль, — может, все это так. Но я никогда не понимал гекзаметров и поэтому не видел толку в разговоре с их помощью.

— О, но у меня так получается само собой, когда я глубоко взволнован. Полагаю, поэзия в моей душе прорывается наружу в тот миг, когда я теряю власть над собой, а сейчас я думаю о неизбежной разлуке с моей дорогой женой. Понимаете, она активно заинтересовалась моим творчеством, а этого не вынесет

ни один художник в любом виде искусства, — мрачно говорит Мирамон.

— Но как так, может быть? — спрашивает его Ниафер.

— Все знают, что я создаю людям сновидения. Теперь же Жизель заявляет, что у смертных достаточно неприятностей в реальной жизни, чтобы видеть их еще и во сне...

— Несомненно, это верно.

— Поэтому она разрешает мне создавать лишь жизнеутверждающие, назидательные и приятные сны. Она говорит, что я должен дать усталым людям то, в чем они больше всего нуждаются, и делает акцент на важности того, чтобы каждый человек спал в здоровой атмосфере. Поэтому мне не разрешается создавать ни изящные кошмары, ни милые ужасы — ничего будоражащего или шокирующего, никаких морских змеев, кракенов, гиппогрифов — ничего, что дает мне полную свободу творчества. И мое искусство страдает. Что же касается других снов, более шаловливой природы...

— Интересно, о какого рода снах ты говоришь, Мирамон?

Волшебник объяснил, что он имел в виду.

— Теперь подобные сны она тоже категорически запретила, — добавил он со вздохом.

— Понятно, — сказал Мануэль, — почему у меня с некоторых пор не было снов такого рода.

— Нигде ни одному человеку не позволено видеть сны такого рода в эти ночи, нигде никому во всем мире. И тут опять-таки страдает мое искусство, ибо мои создания в этой сфере всегда были особенно живы и действенны и доставляли удовольствие самым стойким. Кроме того, Жизель уверяет, что все делает и говорит все ради моего блага. Короче, ребята, моя жена проявляет такой «лестный» для меня интерес ко всем моим предприятиям, что единственный выход для любого гуманного волшебника организовать освобождение ее из моих когтей, — сказал Мирамон с раздражением. — Трудно объяснить это тебе, Мануэль, прямо сейчас, но после того, как ты женишься на Жизели, ты постигнешь это на своей шкуре.

— Но, Мирамон, я изумляюсь тому, что какая-то

женщина во власти великого волшебника управляет им, женщина, которая, в конце концов, может всего лишь болтать.

Мирамон, какое-то время беспомощно моргая, смотрел на Мануэля.

— Неженатого человека это действительно удивляет, — сказал он. — В любом случае я позову ее, и ты сможешь объяснить, как ты победил меня, а значит, сможешь забрать ее и взять себе, да помогут тебе Небеса!

— Но объяснить ли мне, что это ты дал мне неодолимый меч?

— Нет, Мануэль. Нет, ты должен быть откровенным в разумных пределах. Теперь ты знаменитый герой, осененный победой, справедливый повод для которой создан высшей жертвой множества верных рыцарей и галантных кавалеров, поскольку они знали, что в итоге справедливость восторжествует. Твой успех, таким образом, представляет собой осуществление великого нравственного принципа, и объяснять практические мелочи подобных величественных процессов не всегда вполне порядочно. Кроме того, если Жизель дознается, что я хочу от нее избавиться, она определенно прибегнет к выражениям, которых я предпочитаю не слышать.

Но тут в комнату вошла жена волшебника Жизель.

— Она, несомненно, весьма мила, — говорит Ниафер Мануэлю.

Мануэль же восторженно заявляет:

— Она изящнейшее и прелестнейшее существо, которое я когда-либо видел. Созерцая ее несравненную красоту, я осознаю, что сбылись все прежние мечты. Я также вспоминаю свои прежние песни, которые обычно пел свиньям, о моей любви к прекрасной принцессе, которая «бела, как лилия, краснее роз, великолепнее рубинов стран Востока», ибо здесь приложимы все мои песенные эпитеты. И я поражен неспособностью этого жалкого волшебника оценить такую несравненную красоту.

— О, на этот счет у меня есть некоторые подозрения, — отвечает Ниафер. — И как только она заговорит, думаю, они оправдаются, ибо у госпожи Жизели далеко не мирный нрав.

— Что за чушь я слышала? — говорит гордая блестящая дама Мирамону Ллуагору. — Мне сказали, что ты побежден.

— Увы, любовь моя, это свершившийся факт. Этот герой неким необъяснимым образом достал магическое оружие Фламберж, являющееся единственным оружием, которым меня можно победить. Так что я сдался ему, и он, по-моему, вот-вот отрубит мне голову.

Прекраснейшая из девушек пришла в негодование, поскольку поняла, что, будь ты волшебник или нет, существует небольшая разница в супругах после первой пары месяцев замужества; и при вполне сносно прирученном Мирамоне она пока не собиралась менять его ни на кого другого. Поэтому Жизель тоном, предвещавшим бурю, спросила:

— А как же я?

Волшебник беспокойно потер руки.

— Моя милая, я, к сожалению, совершенно бессилен перед Фламбержем. Твое освобождение совершено по всем правилам, и герой-победитель обязан казнить меня за мои злодеяния и возвратить тебя твоим горюющим родителям. Я ничего не могу поделать.

— Посмотри мне в глаза, Мирамон Ллуагор! — приказала госпожа Жизель. Волшебник повиновался с умиротворяющей улыбкой. — Да, ты что-то затеял, — сказала она, — и только Небеса знают — что. Хотя в действительности это не имеет значения.

Затем госпожа Жизель посмотрела на Мануэля.

— Так это ты — герой, пришедший меня освободить? — спросила она с расстановкой, и ее большие сапфировые глаза блеснули поверх огромного веера из разноцветных перьев так, что Мануэлю стало не по себе.

Наконец она обратила внимание на Ниафера.

— Должна сказать, что твое прибытие произошло с достаточным опозданием, — заметила Жизель.

— Мне потребовалось два дня, сударыня, чтобы найти и поймать черепаху, и это меня задержало.

— Ох, у тебя всегда найдутся отговорки, отдаю тебе должное, но лучше поздно, чем никогда. Ну так, Ниафер, знаешь ли ты что-нибудь об этом желтоволосом герое-простофиле?

— Да, сударыня, он прежде жил, присматривая за

свиньями мельника недалеко от Ратгора, и мне случалось видеть его на кухне Арнейского замка.

Жизель обернулась к волшебнику, а ее тонкие золотые цепочки и бесчисленные драгоценные камни вспыхнули не более ярко, чем сапфиры глаз.

— Вот как? — сказала она страшным голосом. — И ты собираешься отдать меня свинопасу с наполовину обстриженной головой и дырами на локтях!

— Моя дорогая, и прическа, и костюм — дело вкуса и только, и будь он хоть дважды свинопасом, но он владеет магическим мечом Фламбержем, перед которым все мои силы — ничто.

— Вздор, все очень легко устроить. У вас, мужчин, нет ни капли здравого смысла! Мальчик, дай мне этот меч, пока ты не поранился, балуясь с ним, и положим конец этому недоразумению, — потребовала надменная дама, и какое-то время герой-победитель по-детски обиженно смотрел на нее, но он не обратился в бегство.

— Госпожа Жизель, — ответил Мануэль. — Я, возможно, простофиля, бедно одет и молод, но, пока обладаю этим оружием, я — господин вас всех и своего будущего. Отдав его, я потеряю все, что мои предки научили меня ценить, ибо мои суровые предки считали, что богатство, земли и красавицу жену приятней иметь под боком, чем стадо свиней. Поэтому, если кто-то предлагает мне сделку, я сперва поторгуюсь, прежде чем договориться о цене.

Он повернулся к своему товарищу.

— Дорогой коротышка, — сказал Мануэль, — ты тоже должен сказать свое слово, потому что с самого начала именно твоя смекалка спасла нас и завела так высоко. Посмотри, я наконец обнажил Фламберж и стою на подозрительной вершине Врейдекса, и я — господин данного часа и будущего. Теперь мне осталось отрубить мерзкую голову этому проклятому волшебнику — и делу конец.

— Ради Бога! — сказал Мирамон. — Я после этого превращусь во что-нибудь другое, что, вероятно, нам лучше не обсуждать. Это ничуть меня не затруднит, так что воздержитесь от неуместного милосердия по отношению ко мне, а вместо этого действуйте мечом и забирайте заслуженную награду.

— И так и этак, — признал Мануэль, — мне нужно лишь ударить мечом — и я получаю большое богатство, плодородные пахотные земли и красавицу жену, и свинопас станет знатным дворянином. Но именно ты, Ниафер, добыл это для меня, и я чувствую сейчас, что эти неожиданные блага не так чудесны, как ты, мой дорогой друг.

— Но ты тоже чудесен, — был ответ Ниафера.

Мануэль же сказал с печальной улыбкой:

— Я не такой, и в час своего триумфа я в ужасе от собственной ничтожности. Послушай, Ниафер, я думал, что изменюсь, когда стану героем, но, несмотря на то, что стою здесь, красуясь с этим длинным мечом, и являюсь господином данного часа и будущего времени, я остаюсь мальчишкой, который в прошлый четверг еще пас свиней. Я не испугался чудовищ, которые встретились нам на дороге, но графскую дочку я ужасно боюсь. Ни за что на свете не останусь я с ней наедине. Нет, такие изящные дамы не для свинопасов, и я хочу другую жену.

— Кого же ты желаешь себе в жены, — спрашивает Ниафер, — как не прелестнейшую и богатейшую даму во всем Ратгоре и Нижнем Таргамоне?

— Что ж, я возьму умнейшее, милейшее и самое чудесное существо на свете, которое, по моим воспоминаниям, я видел недель шесть назад, когда заходил на кухню Арнейского замка.

— А! Тогда это можно устроить. Но кто она, эта изумительная женщина?

Мануэль же сказал:

— Ты — эта женщина, Ниафер!

Ниафер ничего не ответила, но улыбнулась. Она подняла плечико и потерлась им о широкую грудь Мануэля. Так они вдвоем какое-то время смотрели друг на друга, не произнося ни слова, и, судя по всему, не замечая ни Мирамона Ллуагора, ни его чудес — ничего на свете, кроме друг друга.

— Для меня теперь здесь все изменилось, — сказал наконец Мануэль вполголоса, — и остаток жизни я теперь буду жить в мире, где Ниафер — единственная из всех женщин.

— Мой дорогой, — ответила Ниафер, — и блестящая королева, и изысканная принцесса — это лишь

сердце женщины, прыгающее от радости, когда на нее посмотрят дважды, что говорить обо мне, я — простая служанка!

— Это точно, — сказала Жизель дребезжащим голосом, — Ниафер — моя переодетая служанка-язычница, на которую мой муж неделю назад наслал сон с приказанием явиться ко мне, чтобы следить за моими вещами. Поэтому, Ниафер, раз тебя вызвали служить, прекрати лапать этого свинопаса и отвечай мне, что это такое я слышу о твоем замечательном уме.

Но Мануэль сам с гордостью рассказал о ловушках, которые миновала хитроумная Ниафер, о змеях и прочих ужасах. И, покуда он хвастался, Мирамон Ллуагор улыбался, а Жизель скептически смотрела на Ниафер: и Мирамон, и его жена — оба знали, что ум Ниафер искать можно так же долго, как и ее миловидность, и что именно сон, насланный Мирамоном, досконально сообщил ей хитрости и уловки, которые так очаровали свинопаса.

— Поэтому, госпожа Жизель, — говорит в заключение Мануэль, — я отдам вам Фламберж, Мирамона, Врейдекс и все остальные горы в придачу в обмен на самую чудесную и умную женщину на свете.

И Мануэль изящным жестом вручил заколдованный меч Фламберж прелестной графской дочке, а сам взял руку ее смуглой невзрачной служанки.

— Ну, — говорит Мирамон в тихом смятении, — эта картина производит сильное впечатление. Но что касается твоих собственных интересов, Мануэль, неужели ты считаешь свой выбор вполне разумным?

Высоченный Мануэль посмотрел на него сверху вниз с презрительной жалостью.

— Да, Мирамон, ибо я — Мануэль, и я следую своим помыслам и своим желаниям. Конечно, с моей стороны очень великодушно отказаться от богатств и власти, но Ниафер стоит этой жертвы, и, кроме того, она свидетельница моего великодушия.

Ниафер же, конечно, размышляла: «Это очень мило с его стороны, и я буду вынуждена из простой порядочности позволять ему такие безумства пару первых месяцев замужества. После чего, надеюсь, мы перейдем к более благоразумному образу жизни».

Между тем она с обожанием смотрела на Мануэля: совершенно так, словно считала, что он выказывает необыкновенную рассудительность.

А Жизель и Мирамон переглядывались, не понимая, что́ нашел этот длинноногий юноша в глупенькой замухрышке, которая на много лет его старше.

Так они наблюдали происходящее, и к ним пришла эта потрясающая мысль, которая удерживает множество супружеских пар в объятиях человеческой природы: «И насколько мудрее и счастливее наш брак, так или иначе, любого среднего брака!»

Мирамон лично был так глубоко тронут этим жутким открытием, что погладил жену по руке. Потом он вздохнул.

— Любовь победила мои создания, — сказал он загадочно, — а секрет счастливого брака, в конце концов, заключается в том, чтобы уделять как можно больше внимания чужим женам.

Жизель попросила его не строить из себя дурака, но сказала это очень мягко и, говоря, сжимала его руку. Она понимала этого могучего волшебника много глубже, чем позволяла ему это обнаружить.

Вслед за этим Мирамон стер с небесной тверди светила и зажег там праздничную радугу, а под ней затеял для свинопаса и служанки в честь их помолвки такое представление со всякими фантазиями и иллюзиями, какое показало весь спектр искусства Мирамона и доставило удовольствие всем, но особенно самому Мирамону. Их смешил дракон, охраняющий сокровища, танцевали наяды, и порхали херувимы, сладкоголосо распевая песни и загадывая забавные загадки. Затем они пировали, а им прислуживали сказочные слуги и оказывали все почести, достойные небожителей. А когда это празднество закончилось, Мануэль сказал, что, поскольку он в конце концов не стал богатым дворянином, они с Ниафер должны найти ближайшего священника, а потом вернуться к его свиньям.

— Не уверен, что тебе это удастся, — сказал Мирамон, — ибо если восходящим на Врейдекс препятствуют мифические змеи, то тем, кто решил вернуться, мешают настоящие смерть и судьба. Ибо должен сказать тебе, что у меня есть весьма капризный брат —

форменный скучный Реалист, без намека на эстетическое чувство, и он совершенно непредсказуем.

— Однако, — сказал Мануэль, — нельзя вечно жить среди сновидений, а смерть и судьба ждут всех. Так что мы попробуем.

Тут какое-то время темные глаза Мирамона Ллуагора оценивали их, и волшебник слегка вздохнул. Он знал, что этим молодым людям можно позавидовать, но в итоге они уже для него не важны — они сыграли свою роль.

Поэтому Мирамон сказал:

— Тогда идите своей дорогой, и, если не встретите автора и разрушителя всего живого, это будет для вас хорошо, а если встретите его, это тоже хорошо, потому что таково его желание.

— Я не буду ни искать, ни избегать его, — ответил Мануэль. — Я только знаю, что должен следовать своим помыслам и желанию, которое не удовлетворено сновидениями, даже если они, — юноша, по-видимому, искал сравнение, а затем с улыбкой сказал: — великолепны, как рубины стран Востока.

После чего Мануэль попрощался с Мирамоном и его красавицей женой и стал спускаться с волшебного Врейдекса вместе со своей замухрышкой Ниафер. Оба были довольны, потому что с ними шло счастье, хотя и не очень долго.

ГЛАВА V

Засада Вечности

ануэль и Ниафер без помех спускались с Врейдекса. Нигде не существовало более счастливого, да и более преданного влюбленного, чем юный Мануэль.

— Мы первым делом поженимся, милая коротышка, — говорил он, — и ты поможешь исполнить мой гейс, а после мы отправимся в путешествие на край земли, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить.

— Вероятно, нам лучше подождать до следующей весны, когда дороги станут лучше, Мануэль, но мы непременно первым делом поженимся.

В залог этого Ниафер позволяла Мануэлю поцеловать себя, и юный Мануэль говорил в очередной раз:

— Нигде нет такого счастья, как мое счастье, и любви, как моя любовь.

Вот так переговариваясь и вот так развлекаясь, они спустились к подножию серой горы и к старым кленам, под которыми обнаружили двух людей, явно кого-то поджидавших. Один — высокий мужчина, — сидя на белом коне, держал поводья другого черного коня без всадника. Шляпа у него была надвинута на лицо так, что едва можно было разглядеть его черты.

У второго — рыжего, с непокрытой головой — была внешность юнца, но его лица также было не разобрать, поскольку он сидел на обочине и подравнивал ногти маленьким ножичком с зеленой рукояткой.

— Приветствую вас, друзья, — сказал Мануэль, — и кого же вы здесь ждете?

— Я жду того, кто поскачет на моем черном коне, — ответил всадник. — Предписано, что первый, кто пройдет здесь, сядет в это седло, но вас двое, вы идете в обнимку. Поэтому выбирайте, кто из вас будет первым.

— Это отличный конь, — сказал Мануэль, — скакун, достойный Шарлеманя, или Гектора, или любого из знаменитых героев старины.

— Все они скакали на моем черном коне, — ответил незнакомец.

— Мне страшно, — прошептала Ниафер.

Над ними в редкой, побуревшей листве кленов зашуршал украдкой ветер.

— Да, это отличный скакун, хоть и старый, — продолжил незнакомец, — он самый быстрый и неутомимый скакун, обгоняющий всех. Некоторые, правда, считают за недостаток, что его всадники не возвращаются, но всем не угодишь.

— Мой друг, — сказал Мануэль переменившимся голосом, — кто ты и как тебя зовут?

— Я — брат Мирамона Ллуагора, повелителя девяти снов, но я — повелитель другого рода сна. А что до моего имени, то оно — в твоих мыслях. Это то, что больше всего страшит тебя, это то, о чем все думают с рождения.

Наступила тишина. Мануэль заставил губы двигаться.

— Если б мы шли по другой дороге! — сказал он. — Если б остались в стране сновидений!

— Все высказывают сожаления при встрече со мной. Но это уже не играет никакой роли.

— Если бы не выбор, то мне было бы легче вынести это. Ты говоришь, что только один последует за тобой, и если я скажу: «Ниафер» — я всегда буду помнить об этом и ненавидеть самого себя.

— Но я скажу то же самое! — Ниафер прижалась к нему: она дрожала.

— Нет, — заметил всадник на белом коне, — ты можешь выбрать.

— Увы, — ответил Мануэль, — другого я произнести не смогу. Однако мне бы хотелось, чтобы меня не

принуждали в этом признаваться. Это звучит дурно. Так или иначе, я люблю Ниафер сильнее, чем кого бы то ни было, но я не могу ставить жизнь Ниафер выше своей, было бы просто нелепо так думать. Нет, моя жизнь мне весьма необходима, и на меня наложен гейс — я должен создать статую на этом свете, прежде чем покину его.

— Мой дорогой, — сказала Ниафер, — ты выбрал правильно.

Всадник ничего не сказал. Но он снял шляпу, и они затрепетали. Было видно родство с Мирамоном, поразительное сходство, но они ни разу не видели на лице изобретателя иллюзий того, что увидели здесь.

Затем Ниафер шепотом попрощалась с Мануэлем. Они поцеловались. После чего Мануэль помог ей подняться в седло, и Ниафер ускакала с Дедушкой Смертью вместо Мануэля.

— Сердце мое разрывается, — сказал Мануэль, мрачно рассматривая свои ладони, — но лучше она, чем я. Все же это скверное начало: вчера у меня в руках было огромное богатство, сегодня — огромная любовь, а сейчас я потерял все.

— Но в отношении того, как в чем-либо добиться успеха, вы рассуждаете неверно, — сказал другой незнакомец.

Теперь он перестал заниматься ногтями и поднялся. Было видно, что это высокий худощавый юнец, правда, не такой высокий, как Мануэль, и, конечно, не такой мощный, с румяными щеками, широко расставленными карими глазами и вьющимися темно-рыжими волосами.

Мануэль вытер о штаны свои влажные руки, и они зашагали вместе с этим юношей, и тот рассказал о том, что было, и о том, что должно случиться. Мануэль сказал ему:

— Для меня, Горвендил (поскольку таково твое имя) подобные речи бессмысленны и не дают никакого утешения моему горю от потери Ниафер.

— Это лишь начало твоих утрат, Мануэль. Я думаю, что постепенно ты потеряешь все, некогда же-

ланное, пока наконец не останется у тебя лишь пресыщение, усталость и тихое отвращение ко всему, что человеческая мудрость твоих предков побуждала тебя выполнить.

— Но, Горвендил, разве можно предсказать будущее? Или, может, Мирамон прав, сказав, что вместе со смертью и судьба встречает покидающего эту гору?

— Нет, Мануэль, я не скажу, что я судьба или один из Леших, мне, скорее, кажется, что я сумасшедший. Поэтому чем меньше ты будешь меня слушать, тем лучше. Должен сказать тебе, что эта пустынная местность, эта гора, эта дорога, эти старые клены и вон тот камень существуют только в моем воображении; и ты, и эта Ниафер, от которой ты избавился не самым гуманным образом, и Мирамон со своей прекрасной строптивой женой — все вы кажетесь мне персонажами, которых я придумал; и все происходящее на этом свете кажется мне лишь моими собственными фантазиями.

— Что ж, тогда определенно я бы сказал, или, скорее, я бы подумал, что необходимо сказать, что ты безумен.

— Ты говоришь без колебаний, и это происходит из-за твоей способности немедля осаживать чужие фантазии, благодаря чему ты, возможно, добьешься успеха.

— Да, но, — медленно спросил Мануэль, — что такое успех?

— В глубине твоей души, по-моему, этот вопрос уже решен.

— Несомненно, у меня есть свое мнение, но я спрашиваю о твоем.

Горвендил посмотрел сурово и, однако же, лукаво.

— Я где-то слыхал, — говорит он, — что в своей высшей степени успех — всего лишь достижения бесхвостой обезьяны, отчаявшейся забраться на самый верх, но, однако, воображающей себя символом — неким полномочным представителем Всемогущего.

Мануэль, похоже, намотал это на ус.

— А чем занимается преуспевающая обезьяна?

— Она блуждает, переходя от тайны к тайне, при помощи жалких паллиативов, ничего не понимая, жадная во всех своих желаниях и одновременно пронизанная трусостью, но, однако, когда доходит до дела, готовая отдать все, даже умереть, ради той бредовой идеи, что она — наместница и наследница Небес.

Мануэль покачал своей небольшой головой.

— Ты употребляешь слишком много ученых слов. Но, насколько могу тебя понять, это не тот успех, о котором я мечтаю. Нет, я — Мануэль, и я должен следовать своим помыслам и своему желанию, не глядя на других людей и их представления об успехе.

— Что касается этого, то я вижу (будучи свидетелем того, как ты недавно избавился от своей возлюбленной), что ты уже в значительной степени освоил этот вид отрицания.

— Ха, но ты не знаешь, что происходит здесь, — ответил Мануэль, ударив себя в широкую грудь. — И я не стану говорить тебе об этом, Горвендил, поскольку ты не есть ни судьба, ни один из Леших, чтобы удовлетворить мое желание.

— А какое бы у тебя было желание?

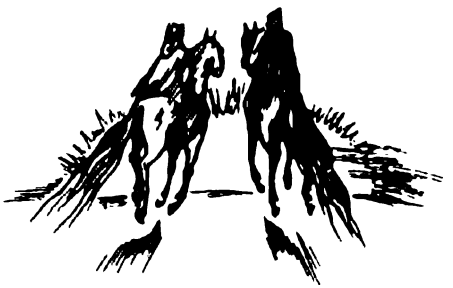
— Я хочу всегда получать все, что могу пожелать. Да, Горвендил, я часто думал, почему в древних легендах, когда предложено три желания, никто не просит чего-то разумного и расчетливого с первого раза.

— Какая нужда беспокоить Леших по поводу такого скромного желания, если все всегда можно купить за определенную цену — получить все, что захочешь? Тебе нужно лишь идти вон туда, — показал Горвендил и объяснил Мануэлю одну, на первый взгляд, странную и рискованную затею. Затем он с грустью сказал: — В этом-то пустяке в Михайлов день я не могу отказать никому. Но должен назвать тебе цену: по достижении каждого желания ты будешь ощущать, чего оно стоит!

Сказав это, Горвендил раздвинул кусты у дороги.

Там его ждала прекрасная, цвета сумерек, женщина в зеленом с голубым платье. На голове у нее сверкала голубая диадема, увенчанная зелеными перьями, в руке она держала вазу. Горвендил шагнул к ней, и кусты за ним сомкнулись.

Мануэль остался один. Ошеломленно озираясь, он прошел немного по дороге, а потом бросился ничком на землю и зарыдал. Причиной этого, как считают, было то, что юный Мануэль полюбил Ниафер так, как он не мог любить больше никого. Поплакав, он поднялся и отправился к Гарантонскому пруду — он возвращался домой, так ничего и не достигнув, во всем потерпев поражение.

ГЛАВА VI

Расчетливость Мафи

се, что случилось на этот раз у Гарантонского пруда, доподлинно не известно, но, судя по всему, оказалось достаточно любопытным, чтобы придать мыслям Мануэля новое направление, однако при этом его мысли не стали веселей. Во всяком случае, Мануэль вернулся к своей сестре Мафи, которая была женой мельника, безо всякого оптимизма.

— И где тебя носило целую неделю? — спросила Мафь. — Свиньи-то совсем озверели и перерыли всю округу, мукомол целыми днями шпынял меня твоей никчемностью, а эта рыжая Сускинд каждый вечер спрашивала тебя и изводила меня жалобными стенаниями. И по какой такой причине ты хмур?

— У меня есть повод, — вздохнул Мануэль.

Он поведал ей о своих приключениях на Врейдексе, а Мафь сказала, что это доказывает, к чему приводит пренебрежение своими прямыми обязанностями, заключающимися в присмотре за свиньями ее супруга. Затем Мануэль поведал ей о том, что случилось у Гарантонского пруда.

Мафь укоризненно покачала головой:

— Бесстыдник, ведь твоя Ниафер едва устроилась в раю, а твоя Сускинд воет о тебе в своих сумерках! Впрочем, это, наверно, Алианора — Недоступная Принцесса. Говорят, это она появляется в виде лебедя с той стороны Бискайского залива — прилетает из далекой страны Прованс, чтобы искупаться в нашем пруду, навевающем странные сны, а потом она надевает платье Апсар, когда ей приходится

спасаться от такого бесстыдного плута, каким оказался ты.

— Да-да! Одеяние все было из сверкающих белых перьев, сестра. Вот одно, которое сломалось, когда я пытался ее схватить.

Мафь повертела перо в руке.

— Смотри-ка! Первый раз вижу такое чудо! Все же сломанное перо никому не нужно, а я не выношу у себя на кухне всякого хлама, сколько можно тебе говорить?

И Мафь бросила сверкающее белое перо в огонь, на котором подогревалась похлебка. Какое-то время они наблюдали, как горит перо, и Мануэль со вздохом сказал:

— Дни мои расточаются, и моя юность пропадает в безнадежном захолустье, где Сускинд только об одном и думает, где нет никого умнее Ниафер и где нет девушек, прелестных, как Алианора.

Мафь сказала:

— Я никогда не говорила плохого о мертвых. Так что пусть удача и прекрасные слова сопутствуют Ниафер в ее языческом раю. О Сускинд тоже, — Мафь перекрестилась, — чем меньше сказано, тем лучше. Но что до твоей Алианоры, то я тебе скажу, что порядочная девушка не станет летать, показывая свои лодыжки пяти народам, и снимать платье в местах, где может пройти кто угодно, к тому же в понедельник. Это совершенно неприлично, и куда смотрят ее родители?

— Но, сестра, она же принцесса!

— В том-то и дело. Вот я и сожгла это перо, поскольку не годится людям нашего звания что-либо брать у принцесс, пусть даже простое перо.

— Сестра, ты права! Согласен, что нехорошо красть, и это, по-видимому, накладывает на меня еще один долг и еще одно обязательство, которое надо выполнить, потому что, взяв это перо, я взял то, что мне не принадлежало.

— Мальчик, не думай меня одурачить, — когда у тебя на лице такое выражение, я знаю, что ты

придумал очередную ерунду. По тому, как ты описал это дело, я догадываюсь, что легкомысленная, совершенно голая принцесса решила, будто ты собираешься отобрать у нее что-то другое. Поэтому я сожгла перо, чтобы его не узнали и не отправили тебя на виселицу или еще куда похуже. Ты почему не вытер ноги, прежде чем зайти на мою чистейшую кухню? И сколько раз, по-твоему, мне нужно тебе об этом говорить?

Мануэль ничего не сказал. Он, похоже, решал в уме сложную задачу. Потом он вышел на птичий двор мельника, поймал гуся и выдернул у него перо. Затем Мануэль надел свой воскресный костюм.

— Слишком хорош, чтобы ты в нем странствовал, — сказала Мафь.

Мануэль посмотрел сверху вниз на сестру и пару раз моргнул своими странными, сверкающими глазами.

— Глупая, если б я был прилично одет, когда стал господином подозрительного дворца, госпожа Жизель отнеслась бы ко мне серьезней. Я помню, что́ она сказала о моих локтях.

— По одежке только встречают, — благочестиво ответила Мафь.

— Именно любовь к поговоркам сделала из тебя мельничиху, и ты будешь ею до скончания веков. Теперь я понял причину своих неудач на Врейдексе, а от безумного Горвендила я узнал, что́ должно случиться.

— Потому ты стал отращивать волосы? — подозрительно спросила Мафь.

Мануэль сказал:

— Да.

— Мальчик мой, нарушение правил может тебе дорого обойтись.

— Тоже рискованная затея, сестричка, однако мы все волей-неволей делаем ставки в этой игре.

— Сейчас ты говоришь чушь...

— Может, и так, но я начинаю подозревать, что и

заведомая чушь может принести добрые плоды. Может, я не прав, но проверю свои догадки.

— Интересно, за какой такой дуростью погонишься ты теперь, чтобы только не присматривать за стадом?

— Я — Мануэль, сестра, я должен следовать своим помыслам и своим желаниям, а и то и другое намного выше свиней.

После чего Мануэль поцеловал Мафь и, вновь не попрощавшись с Сускинд, отправился в далекую страну Прованс.

ГЛАВА VII

Корона Мудрости

лучилось так, что, когда король Гельмас поехал на охоту в Невет в первое полнолуние после осеннего равноденствия, называемое Луной Охотника, ему повстречался громадный, пышущий здоровьем малый, весьма достойно одетый во все черное, у которого был странно опущен один глаз и который, по-видимому, искал приключений в осеннем лесу. И тут король вспомнил, что́ ему предсказали.

— Что это я вижу у тебя в кармане завернутое в красный шелк?

— Это перо, король, завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

— Да славится твоя темная магия, мой друг, однако за какую цену ты продашь мне это перо?

— Но перо никому не нужно, король, ибо, как видите, это совершенно обычное перо.

— Ну, ну! — рассмеялся король. — Разве где-нибудь заворачивают обычное перо в красный шелк? Мой друг, не думай обмануть короля Албании Гельмаса, а то не поздоровится. Я точно узна́ю в этом сверкающем белом пере перо, которое потеряла в лесу во время линьки Жар-Птица — еще в древности, до того, как мои деды пришли в эту страну. Ибо предсказано, что такой вот молодой кудесник, как ты, принесет глупейшему королю, правящему Этиопами, это перо, которое дарует его владельцу совершеннейшую мудрость. И для тебя было бы богохульством оспаривать пророчество.

— Я не оспариваю вашу глупость, король Гельмас, да не оспариваю и ничьих пророчеств в мире, где нет ничего определенного.

— Однако, по крайней мере, определенно, — заме-

тил король Гельмас, строго нахмурившись, — а именно то, что среди Этиопов все, оспаривающие пророчества, сжигаются на костре.

Мануэль чуть вздрогнул и сказал:

— Оно мне кажется самым обычным пером. Но ваши пророки — без сомнения, вполне заслуженно — больше славятся мудростью, чем я, а смерть на костре достаточно непривлекательна! Поэтому я вспоминаю, что́ говорил мне один сумасшедший, и, раз вы уверены, что это перо Жар-Птицы, я продам его вам за десять цехинов.

Король Гельмас неодобрительно покачал головой.

— Так вообще не пойдет, эта цена меня не устраивает, поскольку предсказано, что за это перо ты попросишь десять тысяч цехинов.

— Я особо не желаю показаться неверующим теперь, когда стал молодым кудесником. Поэтому вы лучше получи́те перо за вашу цену, и не будем мешать исполнению пророчеств.

Затем Мануэль поехал на одном коне с королем, не хотевшим выпускать Мануэля из поля зрения, и так они добрались до Брунбелуа и до увитого плющом дворца короля Гельмаса. Они приблизились к двум аркам, расположенным по соседству: меньшая для пеших, а другая для всадников. Над ними в нише находилась конная статуя и большое окно, разукрашенное узорами из сердец и чертополохов.

Они въехали в бо́льшую дверь, и в тот же день двенадцать герольдов в ярко-красных камзолах, расшитых золотыми цветами чертополоха, выехали из этой двери, чтобы объявить об исполнении пророчества, касающегося пера Жар-Птицы, и в тот же день жрецы Этиопов вознесли благодарения во всех подземных храмах. Простой люд, который последние десятки лет стыдился того, что живет под властью такого короля дурака, обнимался, танцевал и распевал патриотические песни на каждом углу. Собрался Нижний Совет и проголосовал, что, из уважения к его величеству, День Всех Дураков изымается из календаря. Впрочем, королева Пресина (родом из водяных), в спешке сжигая личные бумаги, заявила, что на это следует посмотреть и с другой стороны. Вечером

были устроены фейерверки, король произнес речь, а Мануэлю заплатили десять тысяч цехинов.

Потом Мануэль в течение месяца пребывал при дворе короля Гельмаса, отмечая повсюду то, что казалось самым примечательным. Его весьма полюбила знать, и, когда бароны и светские дамы собирались по вечерам потанцевать паваны и бранли, никто не танцевал более величаво, чем мессир Мануэль. Он был тих с дамами, а с баронами — прост, что восхищало в могучем кудеснике, чья магия принесла королю давно желанное перо Жар-Птицы. «Но самый ученый, — как справедливо сказал король Гельмас, — всегда самый скромный».

Теперь Гельмас носил перо из крыла мельникова гуся прикрепленным ко второй своей самой лучшей короне, потому что в ней он обычно вершил суд. И когда по округе пронесся слух, что у короля Гельмаса перо Жар-Птицы, Этиопы с радостью шли под суд, а соседние короли начали отсылать к нему наиболее запутанные дела, и все его приговоры воспринимались с благоговением, поскольку все знали, что мудрость короля Гельмаса теперь непогрешима и что критиковать его вердикты — лишь выказывать собственное скудоумие.

И теперь, когда сомнения в самом себе покинули его душу, Гельмас жил без забот, улучшилось его пищеварение, а его доброта была бесконечна, поскольку он не мог гневаться на жалких недоумков, которые были беспомощны там, где он, Гельмас, все раскумекивал до тонкостей. И все его деяния были милосердными и справедливыми, и народ славил его. Даже королева согласилась, что можно привыкнуть к его манерам, но, чтоб из тебя не сделали «тряпку», надо проявить некоторую твердость и заставить его понять раз и навсегда, что ждать, пока он явится к столу, не будут. Впрочем, по ее мнению, некоторым женщинам бывает и хуже.

А Мануэль между тем достал глину и вылепил фигуру молодого человека, у которой были черты лица и мудрый взгляд короля Гельмаса.

— Я вижу сходство, — сказал король, — хотя в ней и не отдается мне должного. Однако любопытно,

почему ты изобразил меня совершенным молокососом и, кроме того, сделал похожим на себя?

— Не знаю, — ответил Мануэль, — но, полагаю, из-за гейса, наложенного на меня: я должен создать великолепного и восхитительного во всех отношениях молодого человека, а не старика.

— И тебя эта скульптура удовлетворяет? — спросил король с мудрой улыбкой.

— Она мне нравится сейчас, когда только закончена, но я почему-то уверен, что это не та фигура, которую я мечтаю создать. Нет, я должен следовать своим помыслам и своему желанию, а мудрость мне ни к чему.

— Эх вы — художники! — сказал король. — Сейчас я бы посчитал, несмотря на всю мощь твоих чар, что мудрость тебе, мессир Мануэль, крайне необходима, особенно если ты собираешься ехать куда-то еще, дабы искать нужный вид для своей фигуры. Я тебе скажу, что такие разъезды в поисках неопределенных выразительных средств не кажутся мне наделенными здравым смыслом.

Но юный Мануэль твердо ответил:

— Я разъезжаю, чтобы собрать для себя про запас все, что есть у жизни. Я уверен, что мой урожай взойдет из семени, которое я сам посеял. Мой гейс — силен, и, рано или поздно, я исполню его, и дальнейшая судьба будет наградой мне как плата за фигуру, которую я создаю в этом мире людей.

— Я вижу детали, однако в целом фигура скрыта от меня, лишь порой она мерцает вдали, будто в свете некоего сна. И неважно, любовь или отвращение родится во мне, когда ее лицо станет видно отчетливо, — как скажет судьба, так скажу и я, служащий своему гейсу, потому что в свое время возьму плату, что по справедливости мне положена за фигуру, которую я создаю в этом мире людей. Этому творению я отдаю все силы юности, весь пыл и знаю, что никакие таланты, которыми наделил меня Бог, не дадут мне ничего, если провалится эта затея. Потому все, что есть у меня, должен я привнести в этот образ, дабы сделанное мною осталось жить, когда время разделается и со мной и смерть отделит меня от фигуры, которую я создаю в этом мире людей.

На это король весьма сухо заметил:

— В сказанном тобой что-то есть. Но это что-то, могу тебя уверить, отнюдь не мудрость.

Так что все в Албании были счастливы, за исключением Мануэля, заявившего, что он доволен, но не удовлетворен образом, который создал по подобию короля Гельмаса.

— Кроме того, — говорили ему, — вы выглядите так, словно ваша душа чем-то вас тревожит.

— По сути, я просто ошеломлен при виде того, как ожидаемая от дурака мудрость сделала его умником.

— Но это же причина для радости и подтверждение могущества ваших чар, мессир Мануэль, тогда как вы просто думаете о сопряженных с неприятностями материях.

Мануэль же ответил:

— Я думаю, нехорошо что-то у кого-то красть, и считаю, что мудрость весит ровно столько, сколько и перышко.

Затем Мануэль зашел на птичий двор короля Гельмаса, поймал гуся и выдернул у него из крыла перо. В этот раз Мануэль выехал разодетый, в парчовых штанах и при золотых шпорах. Статуя, которую он создал по подобию короля Гельмаса, была упакована в роскошный дорожный мешок из тисненой кожи. В этот путь, по дороге на юг, огромный Мануэль отправился на здоровенном, под стать ему, коне в яблоках, ибо денег у Мануэля теперь было полным-полно.

ГЛАВА VIII

Нимб Святости

алее Мануэль на корабле пересекает роковой Бискайский залив, постоянно держа курс на Прованс и Алианору, которую называли Недоступной Принцессой. Говорят, что за кораблем следовал Пловец Ориандр, однако он не пытался причинить вреда Мануэлю.

Затем Мануэль ступает в страну порочного короля Фердинанда, и в День Всех Святых громадного, пышущего здоровьем молодого человека приводят в королевскую камеру пыток. Король Фердинанд в то время не бездельничал, но он достаточно милостиво отвлекся от своих занятий, и почти тотчас же его жизнерадостное лицо помрачнело.

— Боже мой! — говорит Фердинанд, роняя раскаленные добела клещи в ведро с водой. — А я надеялся, ты не побеспокоишь меня еще добрый десяток лет!

— Если я вообще вас беспокою, то это чистая случайность, — очень вежливо заявляет Мануэль, — да я бы по своей воле и не зашел сюда. И, не говоря худого об обстановке этих покоев, тут есть пара предметов, которые, по-моему, выдают застенок.

— Так может и оказаться. Между тем что это у тебя в кармане завернутое в красный шелк?

— Это перо, король, завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

Тут Фердинанд вздохнул и с сожалением оторвался от своих любимых экспериментов, от того, что осталось от маркиза де Энестрозы, к которому этим утром у короля появилась неприязнь.

— Так-так! — сказал Фердинанд. — Однако, в конце концов, я провел прекрасные времена в гнусно-

стях и беззаконии, и есть на что оглянуться! Итак, за какую цену ты продашь мне это перо?

— Но наверняка перо никому не нужно, король, разве оно не кажется совершенно обычным пером?

— Ну-ну! — говорит король Фердинанд, намыливая руки. — Разве где-нибудь заворачивают обычные перья в красный шелк? Косоглазый мошенник, не думай лишить меня вечного блаженства подобными дурацкими речами! Я узнал в этом пере перо, которое Милка вырвала из левого крыла архангела Орифиила, когда сыны Божии находились в более запутанных и скандальных отношениях с дочерьми человеческими, чем принято ныне.

— В общем, сударь, — ответил Мануэль, — может, вы и правы, в мире нет ничего определенного. В любом случае я сделал вывод, только завидя эту пару предметов, что лучше не спорить с королем Фердинандом.

— Как я могу быть не прав, когда давным-давно предсказано, что такой божественный посланник, как ты, принесет эту священную реликвию, чтоб отвратить меня от грехов и сделать из меня святого?

— Мне оно кажется совершенно обычным пером, король. Но я помню, что сказал мне один сумасшедший, и не считаю, что ваши пророки умнее меня, ведь я сделался божественным посланником совсем недавно.

— Тогда назови цену.

— Думаю, было бы более уважительным, сударь, справиться у пророков, ибо я нахожу их щедрыми и великодушными существами.

Фердинанд кивнул в знак одобрения.

— Весьма благочестивая речь, поскольку в пророчестве говорилось, что эта реликвия будет дана мне вообще без вознаграждения крупным дворянином. Поэтому я должен тотчас же составить тебе грамоту, полагаю, на графский титул, и должен отписать тебе вчерашним числом плодородные земли и крепкий зáмок или два.

— Несомненно, — сказал Мануэль, — для вас было бы неразумно пренебречь соответствующим уваже-

нием к такому знаменитому пророчеству, тем более что чернильница у вас под рукой.

Поэтому король Фердинанд послал за графом Пуактесмским и объяснил ему по старой дружбе, как обстоят дела, и в тот же день высокородного графа исповедали и обезглавили. Пуактесм стал теперь вакантным фьефом, и король Фердинанд пожаловал Мануэлю дворянство и сделал его графом Пуактесмским.

Правда, тогда всем Пуактесмом владел герцог Асмунд, возглавлявший войско норманнов, с презрением отрицавший власть короля Фердинанда и побеждавший его на поле брани с досадным постоянством. Так что Мануэль в настоящее время не приобрел ничего, кроме громкого титула.

— Я думаю, что очень скоро какая-нибудь беда случится с Асмундом и его гнусными приспешниками, и нам не нужно будет из-за них волноваться, — успокоил Мануэля король Фердинанд.

— Но как я могу быть в этом уверен, сударь? — спросил Мануэль.

— Граф, меня удивляет подобный скептицизм! Разве не ясно утверждается в Священном писании, что, хотя нечестивые могут какое-то время процветать, они вскоре будут подкошены, как зеленеющее дерево?

— Да, разумеется. Поэтому нет сомнения в том, что ваши воины скоро победят герцога Асмунда.

— Но я не должен посылать солдат воевать против него сейчас, когда я — святой. Это выглядело бы неприлично и имело неблагочестивый вид подсказки Небесам.

— Все же, король, вы посылаете войска против мавров...

— Ах, но это же не ваши земли, граф, а мой город Уведа, на который напали мавры, а нападать на святого, что вы без сомнения должны понимать, опасная ересь, подавить которую — мой долг.

— Да, разумеется. Значит, вот так! — сказал Мануэль. — Что ж, быть графом — это кое-что, и лучше бережно носить красивое имя, чем караулить стадо свиней, хотя, по-видимому, со свиньями не пропадешь с голоду.

Между тем герольды короля в парадных доспехах

разъехались по округе, чтобы объявить об исполнении древнего пророчества, касающегося пера архангела Орифиила. Никогда прежде не бывало в этих краях такого шума, ибо в колокола всех церквей звонили день-деньской, а весь народ бегал вокруг, молясь что есть мочи, прощая родственников, целуя девушек, свистя в свистки и звеня бубенчиками, поскольку город теперь стал прибежищем реликвии настолько священной, что и последний грешник, лишь коснувшись ее, очищался от любой скверны.

В этот день король Фердинанд прогнал дурных сотоварищей, с которыми он так долго буйствовал, прибегая ко всем возможным порочным способам, и зажил, как святой. Он строил по две церкви в год и питался одними кореньями и травами; он ежедневно мыл ноги трем беднякам и ходил в рубище; когда сжигали еретиков, он сам приносил и складывал дрова, чтобы никого не обременять; и он сделал матерями-настоятельницами своих самых близких подруг прежних дней, поскольку знал, что люди делаются святыми при соприкосновении со святостью.

А граф Мануэль пребывал в течение месяца при дворе короля Фердинанда, отмечая повсюду то, что казалось самым примечательным. Мануэль в основном нравился избранным, и по вечерам, когда двор собирался на домашнюю молитву, никто не был более набожен, чем граф Пуактесмский. Он был тих с матерями-настоятельницами, а с анахоретами и епископами — прост, что не могло не восхищать в божественном посланнике. «Особая благосклонность Небес, — как указывал король Фердинанд, — всегда сберегается для скромных людей».

Перо из крыла гуся Гельмаса король Фердинанд велел прикрепить к непритязательной камилавке с нимбом из золотой канители, которую он теперь носил вместо тщеславной земной короны, чтобы постоянная близость с этой реликвией умножала его святость. И теперь, когда его душу покинула неуверенность в самом себе, Фердинанд жил без забот, и его пищеварение улучшилось за счет легкой диеты из кореньев и трав, и его доброта была бесконечна,

поскольку он не мог сердиться на жалких грешников, которых ожидают бесконечные муки ада или чистилища, в то время как Фердинанд в раю будет играть на золотой арфе.

Поэтому Фердинанд со всеми обходился мягко и великодушно. Половина его подданных говорила, что это им все просто кажется, а остальные утверждали, что в самом деле такое вполне возможно, что они всегда мечтали об этом и теперь думают только о том, чтобы молодежь извлекла для себя пользу и относилась к подобным вещам посерьезней.

А Мануэль достал глину и вылепил фигуру, у которой были черты лица и кроткий взгляд Фердинанда.

— Да, в этом молодом человеке, которого ты сделал из грязи, есть что-то от меня, — согласился король, — хотя материал, конечно же, не может передать цвет лица и красный нос, которые у меня были до духовного возрождения, когда я думал о всякой тщете; и, кроме того, он весьма похож на тебя. Все же, граф, в этой вещи есть чувство, здоровье, она свежа и свободна от модного сейчас болезненного внимания к анатомии, и это делает тебе честь.

— Разумеется, король, мне эта фигура нравится сейчас, когда она только закончена, но я почему-то уверен, что это не та фигура, которую я мечтаю создать. Нет, я должен следовать своим помыслам и своим желаниям, и святость мне ни к чему.

— Эх вы, художники! — сказал король. — Но у тебя на уме нечто большее, чем грязь месить.

— По сути, король, я ошеломлен тем, как создали святого, и тем, как легко все достается, если этого от вас ждут.

— Пустяки, граф, это никого не должно печалить, я пока не жалуюсь. Но на самом деле ты думаешь о чем-то более серьезном.

— Я думаю, сударь, что нехорошо что-то у кого-то красть, и считаю, что абсолютная праведность — это красивое перо на шапочке.

Затем Мануэль зашел на птичий двор за дворцом короля Фердинанда, поймал гуся и выдернул у него из крыла перо. После чего граф Пуактесмский выехал

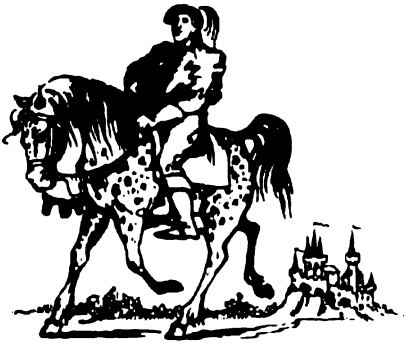
на громадном в яблоках коне и пустился в путь на восток, в сопровождении свиты. Шестеро слуг в желто-голубых ливреях галопом скакали за ним, двое везли впереди в мешках с золотой диадемой изваяния, созданные доном Мануэлем. А третий — оруженосец — вез щит дона Мануэля, на котором был изображен вставший на дыбы и взнузданный жеребец Пуактесма, но у старого герба пришлось изменить девиз.

— Что это за латынь? — спросил дон Мануэль.

— «Mundus decipit», граф, — сказали ему, — древний благочестивый девиз Пуактесма: он означает, что дела мира сего — суетная мимолетная видимость и что земные подвиги нигде особо не ценятся.

— Подобный девиз обнаруживает крайнюю неопытность хозяина, — сказал Мануэль, — и для меня носить его было бы черной неблагодарностью.

Поэтому надпись переписали в соответствии с его указаниями, и теперь она гласила: «Mundus vult decipi».

ГЛАВА IX

Перо любви

таком виде граф Мануэль появился рождественским утром — через два дня после того, как ему исполнился двадцать один год, — в Провансе. Эта страна, имевшая славу колдовской, никоим образом не показала каких-либо необычных особенностей, если не считать того, что мраморный королевский дворец был огорожен серебряными пиками, на которых торчали набальзамированные головы молодых людей, домогавшихся руки принцессы Алианоры. Слугам Мануэля сперва это не понравилось, и они сказали, что мертвые головы не подходят к рождественскому убранству, но дон Мануэль объяснил, что во время всеобщего веселья такой палисад тоже выглядит забавно, тем более (погода в этих краях стояла, в сущности, невиданная), ночью выпал снег и кажется, что на каждую голову надели ночной колпак.

Мануэля провели к Раймону Беранже — графу Провансскому и королю Арльскому, устроившему рождественский пир в теплом зале. Раймон восседал на изящном троне из резной слоновой кости и золота под пурпурным балдахином, а рядом с ним на точно таком же троне, только чуть поменьше, сидела дочь Раймона Беранже Алианора — Недоступная Принцесса в платье из муарового шелка семи цветов, отороченном темным мехом. В ее короне выделялись хризолиты и аметисты: чудо, насколько ярко они сверкали, но они были не так прекрасны, как глаза Алианоры.

Она пристально смотрела на Мануэля, идущего по залу с высоко поднятой головой, где, согласно рангам, сидели бароны. Говорят, у нее было четыре причины запомнить этого дерзкого, громадного, косоглазого, белобрысого малого, которого она повстречала у Гаран-

тонского пруда. Она зарделась и заговорила с отцом на свистяще-шипящем языке, которым пользуются в своем кругу Апсары. И отец смеялся долго и громко.

Отсмеявшись, Раймон Беранже говорит:

— Все могло бы выйти намного хуже. Ну-ка, скажи мне, граф Пуактесмский, что это я вижу у тебя в нагрудном кармане завернутое в красный шелк?

— Это перо, король, — заученно отвечает Мануэль, — завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

— Ага, — говорит Раймон Беранже с усмешкой, становящейся даже благожелательной, — и мне не надо спрашивать, какую цену ты ожидаешь за это перо. Тем не менее ты — знаменитый искусный волшебник благородного сословия, который, без сомнения, убил достаточное количество великанов и драконов и который навсегда отвращает королей от глупости и порочности. Ты появился в моем королевстве далеко не незнакомцем, ибо добрая молва обгоняет добрые деяния. И, повторяю, все могло бы выйти намного хуже.

— Теперь послушайте все вы, что празднуете здесь Рождество! — вскричал Мануэль. — Не так давно я украл у вашей принцессы перо, и этот грех у меня на душе был тяжелее пера, поскольку я взял то, что мне не принадлежало. Поэтому я посчитал за долг отправиться в Прованс, чтобы вернуть ей его. Однако по дороге случилось так, что в день Святого Михаила я принес мудрость в одно королевство, а в день Всех Святых я принес благочестие в другое королевство. И только Небеса знают, что я принесу в ваше королевство в самый светлый праздник Небес. На первый взгляд, перо может показаться совершенно обыкновенным. Впрочем, жизнь на белом свете, как я обнаружил, намного страннее, чем некогда представлялось юному свинопасу в его плетеной хижине, а люди повсюду питаются собственной верой так, как не сможет никого насытить никакая свинина.

Раймон Беранже, с мудрым видом кивнув, сказал:

— Я чувствую, что́ у тебя на сердце, и равным образом вижу, что у тебя в кармане. Так зачем ты говоришь мне то, что все знают? Все знают, что платье Апсар, являющееся главным сокровищем Прованса, по-

теряло силу, так что моя дочь не сможет больше летать в виде лебедя, пока перо, которое у тебя в кармане, не будет с древними магическими формулами возвращено на место.

— В самом деле, это все знают! — говорит Мануэль.

— Все знают также, что моя дочь чахнет, потеряв возможность двигаться на свежем воздухе и по желанию менять климат. И, в конце концов, все знают, что, по самому благоразумному совету дочери, я пообещал ее руку тому, кто вернет это перо, и смерть всякому наглецу, который посмеет войти сюда без него, чему свидетельством ограда моего дворца.

— Ах, ах! — с улыбкой говорит Мануэль. — По-видимому, сия чаша еще не миновала меня!

— За этим, как ты признался, ты и появился в Провансе; и мне, у которого глаза еще видят, надеюсь, нет нужды говорить, что ты успешно достиг цели. Так зачем ты продолжаешь говорить мне о том, что я знаю так же хорошо, как и ты?

— Но, король Арльский, откуда вы знаете, что это не простое перо?

— Граф Пуактесмский, разве люди где-нибудь...

— О, избавьте меня от этой обывательской логики, сударь, и я соглашусь с чем пожелаете!

— Тогда прекрати городить чушь и возврати моей дочери перо!

Мануэль взошел к белому трону Алианоры.

— Мне выпала удивительная судьба, — сказал Мануэль, — но еще более странно и невозможно то, что я стою возле вас и держу вашу маленькую ручку. Вы, вероятно, не настолько красивы и умны, как Ниафер. Тем не менее ваша прелесть, Недоступная Принцесса, избавила меня от тщетной печали уже через полчаса после того, как я потерял Ниафер. Ваша красота зажгла мечту и неудовлетворенность в сердце свинопаса, дабы вывести его в мир на запутанные дороги и вершины, а в самом конце поставить его в золоте, атласе и дорогих мехах здесь, у вашего трона; и в самом конце рука Недоступной Принцессы лежит в его руке, а в его сердце — горе.

Принцесса же сказала:

— Я ничего не знаю об этой Ниафер, которая,

вероятно, не лучше, чем ей следует быть, да и не догадываюсь о причине вашего горя.

— А разве не правда, — неуверенно спросил Мануэль, — что вы обязаны выйти замуж за человека, вернувшего перо, украденное у вас близ Гарантонского пруда, и не можете выйти замуж ни за кого другого?

— Правда, — ответила она прелестным, слегка испуганным голосом, — и я уже не печалюсь, что это так, и, по-моему, с вашей стороны невежливо горевать по этому поводу.

Мануэль невесело рассмеялся:

— Вот как, мы век живем и век учимся! Я вспоминаю одного доверчивого малого, который наблюдал, сидя у очага, как сгорает волшебное перо, а думал о капустной похлебке, потому что опыт предков убедил его, что от пера никому нет никакой пользы. И это после того, как он видел, что можно сделать со старой уздечкой, утиным яйцом, с чем угодно! В общем, вода, прорвав плотину, должна течь дальше, даже если это поток слез...

Тут Мануэль слегка пожал широкими плечами. Он вынул из кармана перо, которое выдернул из крыла Фердинандова гуся. Он сказал:

— Некое перо я взял у вас в красном осеннем лесу, и некое перо я возвращаю теперь вам, моя принцесса, в вашем белом дворце, не прося никакой награды и не требуя помнить обо мне до конца дней, но лишь стараясь не оставить ни одного обязательства невыполненным и ни одного долга неоплаченным. А лучше ли в этом мире, где нет ничего определенного, одно перо другого, я не знаю. Вполне может статься, что я прямо сейчас приму судьбу из прекрасных уст, и вскоре моя голова будет сохнуть на серебряной пике. Даже при этом я счастлив выкинуть из своей души все сомнения.

Он подал ей перо, которое выдернул из третьего гуся, и трубы затрубили в знак того, что поиски пера Алианоры завершились, а все придворные закричали здравицы в честь графа Мануэля.

Алианора посмотрела на предмет у себя в руке и увидела, что это гусиное перо, ничем не напоминающее

то перо, которое она в девическом смущении, спасаясь от чересчур откровенного напора Мануэля, выдернула из платья Апсар и бросила к ногам Мануэля для того, чтобы отец был вынужден объявить этот конкурс, победитель которого был известен заранее.

Затем Алианора взглянула на Мануэля. Сейчас перед ней странные неодинаковые глаза этого огромного молодого человека были ясны и непоколебимы, как алтарные свечи. Подбородок у него был поднят, и ей казалось, что этот красивый малый готов услышать правду, означающую для него смертный приговор. Принцесса не могла этого допустить.

Алианора сказала с прелестной спокойной улыбкой:

— Граф Мануэль успешно завершил поиски. Он вернул мне перо из платья Апсар. Я узнаю его.

— Что ж, разумеется, — сказал Раймон Беранже. — Тогда возьми иглу и рецепт древних магических формул, почини платье и на деле покажи всем моим баронам, что платью возвращена прежняя сила: полетай немного по залу в виде лебедя. Ибо все нужно делать в установленном порядке, дабы не вызвать кривотолков.

Положение дона Мануэля выглядело весьма щекотливым, так как они с Алианорой знали, что платье безнадежно испорчено и добавление любого количества гусиных перьев не превратит Алианору в лебедя. Однако приятное румяное лицо юноши оставалось учтиво послушным желаниям своего хозяина и не меняло выражения.

Но Алианора с негодованием сказала:

— Отец, ты меня удивляешь! Неужели у тебя вообще нет чувства приличия? Тебе следует знать, что не подобает помолвленной девушке летать по Провансу в виде лебедя, тем более над обществом мужчин, которые пили все утро. Это приведет к сплетням и слухам.

— Верно, моя милая, — смущенно сказал Раймон Беранже, — и такие настроения делают тебе честь. Вероятно, я лучше предложу что-нибудь другое.

— В самом деле, отец, я догадываюсь, что ты предложишь. И считаю, ты прав.

— Я не непогрешим, моя милая. Но все же...

— Да, ты совершенно прав. Не к лицу любой замужней женщине иметь подобное платье. Не говоря уж о том, как ты и сказал, что́ о ней будут нашептывать друг другу люди, да и какие отвратительные шутки она может сыграть со своим мужем.

— Дочь моя, я лишь собирался сказать тебе...

— Да, и ты изложил это неопровержимо. Ибо ты, имеющий славу самого мудрого графа, когда-либо правившего в Провансе, и самого проницательного короля, который был у Арля, отлично знаешь, как люди болтают, и как люди любят поболтать, и как все перетолковывают в худшую сторону; и ты также знаешь, что мужу такая болтовня будет не по душе. Несомненно, я о таком и не думала, отец, но считаю, что ты прав.

Раймон Беранже погладил густую короткую бородку и сказал:

— Поистине, дочь моя, мудрый и проницательный я или нет... хотя, как ты говоришь, конечно, были достаточно добрые люди, чтобы считать... и в прошениях тоже... Однако, может, оно и так, и, оставляя в стороне то обстоятельство, что все любят, когда их ценят, должен признаться, не могу вообразить другого подарка, более подходящего к этому великому празднику, более приятного любому мужу, чем пепел этого платья.

— Вот слова, — заявляет тут Алианора, — вполне достойные Раймона Беранже, и я всегда удивлялась твоей потрясающей способности излагать свои мысли.

— Это божий дар, — с надлежащей скромностью сказал король-граф, — который одним дан, а другим нет, так что за него я особого уважения не заслуживаю. Но, как я говорил, когда ты меня перебила, моя милая, молодости нужно перебеситься, поскольку (как я часто думал) мы молоды лишь раз, и поэтому я закрывал глаза на твои прогулки по дальним странам. Но муж — это совсем другой коленкор. Мужу не понравится, когда его жена летает над верхушками деревьев, над горами и долами, причем никто за ней

не следит: это правда. Поэтому, будь я на твоем месте и имей достаточно мудрости, чтобы послушать старика отца, который любит тебя и мудрее тебя, моя милая... что ж, сейчас, когда ты собираешься выйти замуж, повторяю тебе со всей возможной серьезностью, моя дорогая, я бы спалил это перо, а заодно и платье, если только граф Мануэль на это согласится. Ибо именно он теперь обладает властью над всем твоим имуществом, а не я.

— Граф Мануэль, — сказала Алианора со своей прелестной спокойной улыбкой, — понимаете, мой отец упрям, а мой долг повиноваться ему. Я не скрываю, что по его настоянию прошу у вас разрешения уничтожить эти волшебные вещи, ценность которых неизмеримо выше женской мольбы. Но теперь я знаю, — они встретились взглядом, и любой молодой человек, имеющий в груди сердце, увидел бы в ясных восторженных глазах Алианоры лишь одну, почти невыносимую радость, — но теперь я знаю, что вы, который должен стать моим мужем и который принес мудрость в одно королевство, а благочестие — в другое, принесет в третье королевство любовь. И я считаю, что это чудо сильнее и прекраснее магии Апсар. И я уверена, что мы с вами вполне обойдемся без всего второсортного.

— Я придерживаюсь того мнения, что вы необыкновенно рассудительная молодая женщина, — сказал Мануэль, — и думаю, что не следует отказывать желаниям будущей жены в мире, где люди питаются своей верой.

Все было согласовано, и большое полено, по обычаю сжигаемое в сочельник, бросили в огонь, где полыхало гусиное перо и платье Апсар. После чего прозвучали фанфары, извещая, что отбивные Раймона Беранже приготовлены и поперчены, винные бочки откупорены, а запеканки в печи. Затем бывший свинопас разделил рождественский ужин с дочерью короля-графа Алианорой, которую повсюду звали Недоступной Принцессой.

И рассказывают, что пока Алианора и Мануэль уютно сидели перед камином и щелкали орешки, а в

паузах любовались, как падает за окнами снежок, призрак Ниафер неугомонно метался по зеленым полям под вечно лучезарным сводом языческого рая. Когда добрые густобровые стражи поинтересовались, что он ищет, беспокойный дух не мог им объяснить, потому что Ниафер отведала летейских вод и забыла дона Мануэля. Только любовь к нему не была забыта, поскольку та любовь стала ее частью, и вот так продолжалась как некое слепое желание или стремление, не знающее своей цели. И еще рассказывают, что Сускинд в своем низком дворце с красными колоннами с одной навязчивой думой все ждала и ждала своего гостя.

ЧАСТЬ II

КНИГА РАСХОДА

Мануэль часто слышал, как
рассказывают о красе королевы
Фурий, Гоблинов и Гидр, так
что был он ею очарован, хотя
никогда ее не видывал; потом же
с помощью хитрости своей
сделал он Дыру в огне
и прошел к ней,
а когда говорил с ней,
раскрыл он ей свою душу.

ГЛАВА X

Алианора

В Пуактесме рассказывают, что сразу после ужина король Раймон послал гонцов к своей жене, проводившей Рождество с их дочерью королевой Французской Мерегреттой, просить госпожу Беатрису вернуться как можно скорее, дабы они смогли выдать Алианору за знаменитого графа Мануэля. Перечисляют также все праздничные увеселения и забавы и говорят, что дон Мануэль великолепно ладил со своей принцессой, и со стороны казалось, что для них обоих, даже для рассеянно-снисходительного юноши, взаимные ухаживания являлись самым чудесным и желанным занятием.

Дон Мануэль в ответ на ревнивые расспросы признавался, что, по его мнению, Алианора не так красива и умна, как Ниафер, и что это едва ли можно исправить. Во всяком случае, принцесса была миловидной рассудительной девушкой, с чем дон Мануэль легко соглашался, а магия Апсар, в которой она его наставляла, по его словам, была очень любопытна, если интересоваться подобного рода вещами.

Принцесса в ответ скромно допускала, что, конечно, ее магия несравнима с его магией, поскольку ее магия властна лишь над телами людей и зверей, тогда как магия дона Мануэля так замечательно управляет сердцами и умами королей. Все же Алианора могла насылать болезни на хлеба и скот, вызывать бури и поражать врага почти любым физическим средством по собственному выбору. Она, разумеется, еще не могла убивать наповал, но и без этого ее безобидные проказы являлись для юной девушки несомненными достиже-

ниями. «Как бы то ни было, — говорила она в заключение, — жестоко смеяться над лучшим из того, что она делает».

— Но по́лно, моя милая, — говорит Мануэль. — Я шучу. В действительности твоя деятельность многообещающа. Нужно лишь совершенствоваться. Говорят, во всех искусствах самое главное практика.

— Да, и с твоей помощью...

— Нет, у меня для занятий есть более серьезные предметы, чем черная магия, — говорит Мануэль, — я обязан снять с себя гейс, прежде чем начать приносить беды другим.

Затем дон Мануэль извлек из мешка оба изваяния и, с досадой осмотрев их, принялся месить глину и лепить очередную фигуру. Эта статуя также напоминала молодого человека, но у него были изящные черты и влюбленный взгляд Алианоры.

Мануэль признался, что, безусловно, доволен, но, даже при этом, не совсем узнал в ней фигуру, которую мечтал создать, и из этого, по его словам, он заключил, что любовь для него не самое главное.

Алианоре изваяние вообще не понравилось.

— Сделать мою статую, — заметила она, — было бы весьма милым комплиментом. Но когда ты начинаешь вольно обращаться с моими чертами лица, словно они тебя не удовлетворяют, и смешивать их с собственными, пока не получается некий молодой человек, похожий на нас обоих, это не комплимент. Наоборот, это с твоей стороны форменный эгоизм.

— Вероятно, если вдуматься, я — эгоист. Но в любом случае я — Мануэль.

— Дорогой, — сказала она, — вовсе не подобает человеку, который помолвлен с принцессой и вскоре станет повелителем Прованса и королем Арля, как только я избавляюсь от отца, вечно копаться в жидкой грязи.

— Я это отлично знаю, — ответил Мануэль, — но тем не менее на меня наложен гейс — исполнить волю покойной матери и создать самую восхититель-

ную и значительную фигуру на свете. Хотя повторяю тебе, Алианора, твой замысел отравить отца, как только мы поженимся, по ряду причин кажется мне неблагоразумным. Я не спешу стать королем Альским, а по сути, вообще не уверен, хочу ли я быть королем, поскольку мой гейс важнее.

— Милый мой, я очень тебя люблю, но моя любовь не закрывает мне глаза на одно обстоятельство: неважно, какие у тебя таланты в колдовстве, в бытовых вопросах ты являешься безнадежно непрактичным человеком. Предоставь это дело мне, и я все устрою со всем уважением к приличиям.

— Ох, а разве следует сохранять приличия даже в таких вопросах, как отцеубийство?

— А как же! Отцу больше подойдет, если он умрет от несварения желудка. Люди будут подозревать беднягу во всех прегрешениях, если станет известно, что его собственная дочь не могла с ним поладить. Во всяком случае, мой милый, я решила, что, поскольку, к большому счастью, у отца нет сыновей, ты станешь королем Арльским до конца наступившего года.

— Нет, ведь я — Мануэль, а для меня больше значит быть Мануэлем, чем королем Арльским, графом Провансским, сенешалем Экса, Бриньоля, Грасса, Массилии, Драгиньяна, и прочее, и прочее.

— Ах, таким пренебрежением к своим истинным интересам ты разбиваешь мне сердце! А все из-за трех отвратительных изваяний, которые ты ставишь выше, чем древний трон Босона и Ротбольда, и гораздо выше меня!

— Ну, я же этого не сказал.

— Да, и к тому же ты только и думаешь об этой своей умершей служанке-язычнице, а не обо мне — принцессе и наследнице королевства.

Мануэль, прежде чем заговорить, довольно долго смотрел на Алианору.

— Моя милая, ты, как я тебе уже говорил, необычайно миловидная и рассудительная девушка. И да,

ты, конечно же, принцесса, хотя ты уже больше не Недоступная Принцесса, что, несомненно, имеет значение... Но самое главное в том, что не может быть второй Ниафер, и было бы нелепо делать вид, что это не так.

Принцесса же сказала:

— Потрясающе! Ты владеешь странным колдовством, не известным Апсарам. После чудес, которые ты сотворил с Гельмасом и Фердинандом, твое искусство неоспоримо. У меня тоже в этом деле немного набита рука, и несправедливо с твоей стороны обращаться со мной так, будто я грязь у тебя под ногами. И я это выношу! Я не понимаю, я удивляюсь самой себе, и мое единственное утешение в том, что твоя расчудесная Ниафер мертва и с ней покончено.

Мануэль вздохнул.

— Да, Ниафер мертва, и эти изваяния тоже мертвы, это постоянно меня тревожит. Полагаю, с Ниафер ничего поделать нельзя, но если бы мне удалось оживить эти фигуры, думаю, гейс, наложенный на меня, был бы выполнен.

— Это чистое святотатство, Мануэль. Сам Небесный Отец не сделал бы больше того, что он сделал со своими куклами в Эдеме.

Дон Мануэль прищурил свои ясные голубые глаза, словно о чем-то размышляя.

— Однако, — сказал он серьезно, — если я — дитя Бога, по-моему, вполне естественно, что я должен унаследовать вкусы и привычки своего отца. Нет, желание создать одушевленную, живую фигуру, в чем-то более восхитительную и значительную, чем простой человек, — не святотатство. По-моему, так. Как бы то ни было, как бы это ни называлось, такова моя потребность, а я должен следовать своим помыслам и своему желанию.

— А если б это желание было выполнено, — загадочно спросила Алианора, — смог бы ты перейти к

образу жизни, подобающему знатному кудеснику и королю?

— Конечно, да, ибо у короля нет господина, и он волен повсюду путешествовать, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. Конечно, да. Во всяком случае, в мире, где нет ничего определенного.

— Если б я хоть вот настолечко поверила этому, я попыталась бы достать Шамир и тебя испытать.

— А что такое этот чертов Шамир?

— Оговорка, — с улыбкой ответила Алианор. — Нет, я не хочу иметь ничего общего с твоими дурацкими фигурами из грязи, и больше я тебе ничего не скажу.

— Ну по́лно, девочка моя! — сказал Мануэль. И он начал осыпать принцесу Провансскую такими комплиментами, какими этот статный юноша прежде завоевывал крестьянских девушек Ратгора.

— Шамир, — наконец проговорила Алианора, — это камень в перстне, хорошо известном в стране по ту сторону огня. Шамир похож на черную галечку, но если после специального обряда коснуться им любой из твоих фигур, фигура оживет.

— В общем, — сказал Мануэль, — вся беда в том, что, если я попытаюсь пройти сквозь огонь, чтобы достичь этой страны, я сгорю, и не видать мне этого талисмана.

— Для того, чтобы его получить, — поведала ему Алианора, — нужно сварить вкрутую яйцо из соколиного гнезда и положить его обратно, а самому прятаться поблизости от ветви под красно-белым зонтиком. Когда соколиха обнаружит, что одно яйцо не насиживается, она улетит, бросится в ближайший огонь и вернется с кольцом в клюве, чтобы коснуться яйца и этим возвратить его к жизни. В этот миг ее нужно подстрелить, и кольцо окажется у тебя, прежде чем соколиха вернет талисман его владелице, которой — тут Алианора сделала непонятный

жест, — которой является королева Аудельская Фрайдис.

— Ну, — сказал Мануэль, — и какой мне прок в этом посреди зимы! Пройдут месяцы, прежде чем соколы совьют гнезда.

— Мануэль, Мануэль, тебя не поймешь! Неужели ты не видишь, что некрасиво, когда взрослый мужчина и, более того, прославленный герой и могущественный кудесник дуется, злится и топает ногами, вообще не имея никакого терпения?

— Да, полагаю, это некрасиво, но ведь я — Мануэль, и я следую...

— Ох, избавь меня от этого, — воскликнула Алианора, — или иначе — неважно, как сильно я тебя люблю, дорогой, — я надаю тебе оплеух.

— Тем не менее то, что я собирался сказать, верно, — заявил Мануэль, — и если б ты только в это поверила, отношения между нами стали бы намного глаже.

ГЛАВА XI

Магия Апсар

еперь история рассказывает, как для успокоения Алианоры граф Мануэль занялся магией Апсар. Он отправился вместе с принцессой на одну уединенную возвышенность, и Алианора, сладкоголосо прокричав по-древнему: «Тороликс, Чиччабау, Тио, Тио, Торолилиликс!», произнесла соответствующие заклинания, после чего со всех сторон ниспадающим потоком красок, крыльев, свиста и писка появилось множество птиц.

И павлин закричал:

— Какой мерой судишь других, такой будешь судим сам.

Соловей пропел:

— Удовлетворенность — величайшее счастье.

Горлица отозвалась:

— Некоторым тварям лучше было бы никогда не быть сотворенными.

Чибис прочирикал:

— Тот, у кого нет милосердия к другим, не найдет его и по отношению к себе.

Аист сипло сказал:

— Сей мир преходящ.

А клич орла был таков:

— Как бы ни длинна была жизнь, ее неизбежный конец — смерть.

— Это, в сущности, то, что сказал я, — заявил аист, — и ты — пошлый плешивый плагиатор.

— А ты, — ответил орел, вцепившись аисту в горло, — мертвая птица, которая никогда больше никому не принесет детей.

Но дон Мануэль придержал орла за крыло и спросил, действительно ли тот имеет это в виду и остав-

ляет свое заявление в силе перед Птичьим Судом. И когда разъяренный орел раскрыл свой безжалостный клюв и разжал когтистую лапу, чтобы торжественно поклясться, что в самом деле намерен растерзать аиста, последний весьма благоразумно улетел прочь.

— Я никогда не забуду твою доброту, граф Мануэль, — крикнул аист, — и помни, что я исполню для тебя три желания.

— И я тоже благодарен тебе, — сказал остывший орел, — да, честное слово, я благодарен, ибо, если б я убил этого длинноногого паразита, это явилось бы оскорблением суда, и меня бы посадили высиживать красных василисков. К тому же, его упреки справедливы, и мне нужно выдумать новый клич.

Так что орел уселся на скалу и на пробу произнес:

— Можно быть чересчур гордым, чтоб драться. — Он с отвращением покачал головой и попытался еще раз: — Единственный прочный мир — мир без победы, — но это, похоже, его также не удовлетворило; затем он выкрикнул: — У всех, кто противостоит мне, ничтожные мозги, — а потом: — Если все не сделают именно то, что я приказал, сердце мира разобьется. — И множество другой ерунды он повторял и снова качал головой, ибо ни одна из этих аксиом не доставляла орлу радости.

Так что озабоченный поисками высказывания, достаточно звучного и бессмысленного, но пригодного для выкрикивания в качестве великого морального принципа, орел совершенно забыл о графе Мануэле. Но аист не забыл, поскольку в глазах аиста его жизнь была ценна.

Остальные птицы произносили различные мысли вроде приведенных выше, и все они, как сказал Мануэль, обладали признанными чарами. Громадный желтоволосый юноша не стал спорить: он редко спорил о чем бы то ни было. Прищурив свой любопытный левый глаз, он признался Алианоре, что удивляется, правда ли подобные тщедушные, ограниченные истинки в самом деле являются вершинами мудрости, не считая религии и публичных выступлений. Затем он спросил, какая птица самая мудрая, и ему сказали, что это Жар-Птица.

Мануэль попросил Алианору позвать Жар-Птицу,

которая слыла самой старой и ученой из всех живущих тварей, хотя она, конечно, не научилась ничему, кроме того, как держаться. Появилась Жар-Птица и устало крикнула:

— Птиц красят перья.

Ее было слышно издалека, и у Жар-Птицы имелись все основания тешить себя этой аксиомой, ибо ее оперение было сверкающе-пурпурным, за исключением золотистых перьев на шее и голубого хвоста с более длинными перьями красного цвета. У нее были витиеватые сережки и хохолок, а на вид она казалась чуть крупнее орла. Жар-Птица принесла с собой гнездо из кассии и веточек ладана, положила его на покрытые лишайником камни и, сев в него, начала беседовать с Мануэлем.

Легкомысленный вопрос относительно глиняных фигур, поднятый Мануэлем, Жар-Птица посчитала обычной человеческой глупостью. И мудрое существо было вынуждено указать, что ни одна благоразумная птица никогда не мечтала о создании изваяний.

— Но, сударыня, — сказал Мануэль, — мне не хочется обременять этот мир еще какими-то безжизненными изваяниями. Вместо этого мне хочется создать для этого мира одушевленную фигуру, почти так же, как однажды сделал Бог...

— Полно, не нужно пытаться возложить на Яхве чересчур большую ответственность, — с терпимостью возразила Жар-Птица, — ибо Яхве создал только одного человека и больше этим не занимался. Я отчетливо помню создание первого человека, ибо была сотворена в предыдущее утро с предписанием летать над землей под небесным сводом, поэтому-то я все видела. Да, Яхве действительно сотворил первого человека на шестой день. И я не собираюсь давать этому оценку, хотя, конечно же, после непрерывной работы в течение почти целой недели, создав такое множество по-настоящему важных вещей и существ, ни одного художника-творца нельзя винить за то, что на шестой день он был не в самой лучшей форме.

— А вы, сударыня, случаем не заметили, — спрашивает с надеждой Мануэль, — каким способом был одушевлен Адам?

— Нет, когда я впервые его увидела, он сушился

на солнце, а у его ног, играя на флажолете, сидел Гавриил. И, естественно, я не обратила особого внимания на подобную глупость.

— Ну и ну. Я не утверждаю, что создание людей — высшая форма искусства, но тем не менее на меня наложен гейс создать великолепного и восхитительного молодого человека.

— Но зачем вам тратить на это свой небольшой запас жизненных сил? Для какого долговременного использования можно применить человеческое существо, даже если создание будет добродетельным и приятным на вид? Ах, Мануэль, видели бы вы, как они уходят толпами со всеми своими войнами, реформами и великими идеалами, оставляя позади одни кости.

— Да-да, для вас, бывшей уже далеко не девочкой, когда строилась Ниневия, это должно казаться странным. А я не знаю, почему мать пожелала, чтобы я создал великолепного и восхитительного молодого человека. Но гейс наложен.

Жар-Птица вздохнула.

— Несомненно, женские капризы нелегко объяснить. Но у вас, людей, есть некий способ создавать совершенно новых мужчин и женщин всех разновидностей. Я в этом уверена, ибо иначе человечество угасло бы давным-давно при той скорости, с которой вы убиваете друг друга. Впрочем, я допускаю, что люди прибегают к методу Яхве и создают новые человеческие существа из земли, ибо, если вдуматься, то маленькие, недавно законченные человечки как будто бы сделаны из красной глины.

— Бесспорно, что младенцы выглядят примерно так, — согласился Мануэль. — Значит, по крайней мере, вы думаете, что я работаю с соответствующим материалом?

— Похоже на правду, поскольку уверена, что ваши люди недостаточно разумны, чтобы класть яйца, да такой беспомощный вид, конечно, и не высидел бы яиц. В любом случае люди, без сомнения, нашли какой-то способ, и вы могли бы разузнать про него у самого глупого из людей.

— Кто же тогда самый глупый из людей?

— Вероятно, король Албании Гельмас, ибо давным-давно я предрекла, что он станет мудрейшим из людей,

если достанет одно из моих сверкающих белых перьев, и я слышала, он это сделал.

— Сударыня, — с сомнением сказал Мануэль, — должен доложить вам по секрету, что перо, имеющееся у короля Гельмаса, не ваше, а выдернуто из крыла обычного гуся.

— Какая разница? — спросила Жар-Птица. — Я никогда не думала, конечно же, что он действительно найдет одно из моих сверкающих белых перьев, потому что у меня все перья красные, золотистые или пурпурные.

— Но откуда взялась магия в гусином пере?

— Магия заключается в том, что, обладая этим пером, король Гельмас приобрел веру в себя и прекратил сомневаться в самом себе.

— Разве сомневаться в самом себе не высочайшая мудрость?

— О нет! О Боже мой, нет! Я просто сказала, что это высочайшее, на что способен человек.

— Но ведь мудрецы и философы, сударыня, имевшие в древности громкую славу, создали крылатые выражения для вас, птиц! Что же, разве царь Соломон, к примеру, не поднялся выше этого?

— Да-да, разумеется! — сказала Жар-Птица, опять вздохнув. — Это была печальная ошибка. Беднягу наделили, просто в качестве эксперимента, значительной мудростью. И она заставила его понять, что человек достигает настоящей удовлетворенности только тогда, когда пьян или занят делами, которые не очень прилично описывать. Так, Сулейман-бен-Дауд отдал остаток своего времени буйной жизни и совместному обучению лиц обоего пола. Это было логично, но привело к созданию дорогостоящего сераля и к весьма неподобающему внешнему виду и, в сущности, подорвало его здоровье. Да, вот что получается, когда одного из вас наделяют настоящей мудростью, просто в качестве эксперимента, чтобы посмотреть, что произойдет. Поэтому эксперимент, конечно же, никогда не повторяли. Но из ныне живущих, смею утверждать, вы найдете короля Гельмаса ощутимо освободившимся от тысячи общих заблуждений по причине заблуждения относительно самого себя.

— Отлично, — сказал Мануэль. — Я подозреваю,

что в большинстве сказанного вами содержатся сознательные парадоксы и притворный цинизм, но я посоветуюсь с королем Гельмасом о человеческой жизни и о фигуре, которую должен создать.

Так что они попрощались, а Жар-Птиц взяла свое гнездо из кассии и веточек ладана и с ним улетела.

— Птиц красят перья! — прокричала она, поднявшись в воздух.

— Но эта пословица неверна, сударыня, — крикнул Мануэль ослепительной птице, — такие высказывания, как мне говорили, означают лишь претензию на ум.

— Это тебе так кажется сейчас, мой мальчик, но время — весьма могущественная фея, — ответила птица с высоты. — Поэтому подожди, вот станешь старше, тогда узнаешь, что лучше: сомневаться в моем кличе или его повторять.

ГЛАВА XII

Лед и железо

атем из-за моря прибыли епископы Ильский и Линкольнский, настоятель Херла и магистр Храма, умоляя короля Раймона отдать одну из дочерей с подходящим приданым в жены английскому королю.

— Охотно, — сказал Раймон Беранже. И он предложил им взять его третью дочь Санчу с приданым в тысячу марок.

— Но, отец, — сказала Алианора, — Санча еще ребенок. Хорошей же королевой она станет!

— Все же, моя милая, — ответил Раймон Беранже, — ты уже обручена.

— Я думала не о себе. Я думала об истинном благоденствии Санчи.

— Конечно, моя милая, и все знают, какую сестринскую любовь ты к ней испытываешь.

— Бойкая девчонка, Бог знает, как избалована. И если случится так, что мне придется вставать, когда Санча войдет в комнату, и сидеть на табурете, когда она развалится в кресле, как это делает Мерегретта, ребенка это окончательно погубит.

Раймон Беранже сказал:

— Несомненно, тебе будет тяжело иметь двух сестер-королев, и, вероятно, маленькая Беатриса тоже выйдет замуж за какого-нибудь короля, когда придет время, а ты останешься лишь графиней, которая, правда, краше всех.

— Отец, я понимаю, к чему ты клонишь, — воскликнула Алианора. — Ты думаешь, мой долг — преодолеть свои личные склонности и выйти замуж за английского короля по высшим, безжалостным политическим соображениям и ради Прованса.

— Я лишь сказал, моя дорогая...

— Ибо ты сразу увидел, с присущей тебе проницательностью, от которой ничему не скрыться, что с помощью твоей мудрости и совета я бы отлично узнала, как управиться с этим возвышенным королем, являющимся хозяином не крошечного, с носовой платок, Прованса, но всей Англии, да в придачу еще и Ирландии.

— Также, по праву, Аквитании, Анжу и Нормандии, моя драгоценная. Все же я просто заметил...

— О, поверь мне, я с тобой не спорю, дорогой отец, ибо знаю, что ты намного мудрее меня, — сказала Алианора, прекрасным жестом смахивая крупные слезы со своих прелестных глаз.

— Тогда будь по-твоему, — ответил Раймон Беранже, разведя руками. — Но что делать с графом Мануэлем?

Король посмотрел на гобелен, изображающий жертвоприношение Иеффая, рядом с которым сидел Мануэль, переделывая фигуру молодого человека с любящим взором Алианоры, которую Мануэль создал побуждаемый своим гейсом и, похоже, не мог добиться совершенства.

— Я уверена, отец, что Мануэль в этом вопросе тоже будет великодушен и принесет себя в жертву.

— О да! Но что произойдет после? Ибо всякий видит, что ты и этот косоглазый длинноногий парень по уши влюблены друг в друга.

— Думаю, после моего замужества, отец, ты, или король Фердинанд, или король Гельмас пошлете графа Мануэля в Англию послом, и я уверена, что мы с ним всегда будем настоящими хорошими друзьями, не дающими повода для сплетен.

— Ого! — сказал король Раймон. — Я понимаю твой маневр, и он направлен в сторону гавани английского короля, а не моей. Моя роль теперь — удалиться, чтобы вы вдвоем смогли уладить детали этого посольства, в котором дон Мануэль должен быть представителем стольких королей.

Раймон Беранже взял скипетр и ушел, а принцесса повернулась к Мануэлю, одновременно трудившемуся над тремя изваяниями, которые он создал по подобию Гельмаса, Фердинанда и Алианоры.

— Понимаешь, дорогой Мануэль, мое сердце разби-

то, но ради королевства я должна выйти замуж за английского короля.

Мануэль поднял голову от работы.

— Да, слышал. Я сожалею, что никогда ничего не понимал в политике, но, полагаю, ничего не поделаешь. Ты не могла бы встать чуточку левее? Ты загораживешь свет, и я не совсем отчетливо вижу, что делаю с верхней губой.

— И как ты можешь возиться с этой грязью, когда мое сердце разбито?

— Потому что на меня наложен гейс — создать эти изваяния. Я не знаю, зачем моя мать это пожелала, но уверен: все, что суждено, нужно вынести, так же как сейчас нам нужно пережить обязательство, наложенное на тебя: выйти замуж за возвышенного английского короля.

— Мое замужество не отразится на наших отношениях. После того, как я стану королевой, ты вскоре сможешь приехать ко мне в Англию, ибо говорят, что этот король — убогое долговязое ничтожество.

Мануэль смотрел на нее пару секунд. Она покраснела. Он, сидя у ног плачущего Иеффая, улыбнулся.

— В общем, — сказал Мануэль, — я отправлюсь в Англию, когда ты пришлешь мне гусиное перо. Так и договорились.

— Ах, ты сделан из льда и железа! — воскликнула она. — И тебя ничего не интересует, кроме твоих мокрых, грязных чучел. Ты мне отвратителен!

— Моя дорогая, — спокойно ответил Мануэль, — неприятность состоит в том, что каждый из нас ставит что-то свое превыше всего остального. У тебя это — власть, громкое имя и муж-король, который сразу станет твоим глашатаем, твоим слугой и твоим любовником. Откровенно говоря, я сейчас не могу тратить время на светскую жизнь, поскольку мое желание отлично от твоего желания, но так же неодолимо. Кроме того, становясь старше и наблюдая за поступками людей, я начинаю подозревать, что у большинства нет заветных желаний, а лишь скромные предпочтения. В мире таких заурядных людей мы с тобой не можем и надеяться на избавление, нам всегда скажут, что мы из льда и железа, но нам не подобает бросаться такими затасканными словами.

Некоторое время она молчала. Потом неловко рассмеялась.

— Я часто гадаю, Мануэль, кто внутри этой огромной розовощекой, косоглазой, серьезной оболочки: великий мудрец или круглый дурак.

— Значит, у нас есть еще кое-что общее. Ведь я тоже часто размышляю о тебе.

— Значит, договорились.

— Договорились, что вместо того, чтобы править маленьким Арлем, ты станешь королевой Англии, владычицей Ирландии, герцогиней Нормандской и Аквитанской и графиней Анжуйской; что наш знак — гусиное перо; и мне неловко повторять, что тебе нужно отойти от света и больше не вмешиваться в выполнение моего гейса.

— А что будешь делать ты?

— Мне, как всегда, нужно следовать своим помыслам...

— Если ты скажешь еще хоть одно слово, я закричу.

Мануэль добродушно рассмеялся.

— Полагаю, я произношу это довольно часто. Значит, это правда, а самая большая неувязка в наших отношениях, Алианора, что ты эту правду не замечаешь.

Она же сказала:

— А я полагаю, ты теперь пойдешь за утешением к какой-нибудь женщине?

— Нет, утешение, которого я желаю, не найти среди юбок. Нет, во-первых, я отправлюсь к королю Гельмасу. Ибо мои изваяния упорно остаются безжизненными, и в каждом из них чего-то не хватает, и ни одно из них не является той фигурой, которую я желаю создать. Сейчас я не знаю, что с этим поделать, но Жар-Птица поведала, что король Гельмас, поскольку все сомнения покинули его душу, способен мне помочь, если это вообще способен сделать человек.

— Значит, нам нужно попрощаться, хотя, надеюсь, ненадолго.

— Да, — сказал Мануэль, — это расставание, а для какой-то части моей жизни это прощание навеки.

Мануэль оставил свои изваяния там, где на них, казалось, смотрит с дикой, тупой болью древнееврейский военачальник; и Мануэль взял девушку за обе ее прелестные ручки и стоял так какое-то время, глядя сверху вниз на принцессу.

Мануэль очень печально сказал:

— Я выплакиваю эту элегию в таких выражениях, которые могут себе позволить одни мальчишки. «Наверняка, — сказал я, — наполненная чувствами и во всем совершенная душа просвечивет сквозь это прекрасное тело и раскрывает себя в нем». Так началось мое поклонение тебе, чьи фиолетовые глаза все время сохраняют холодный, хрупкий свет и не смягчаются, но для меня они всегда были теми глазами, которыми, как говорится, богиня смотрит на погубленных влюбленных, которые выплакивают элегию надежде и удовлетворенности бескровными устами, опаленными страстью, которую она, бессмертная, не может ни ощутить, ни постичь. Даже при этом, милая Алианора, не являясь богиней, ты смотришь на меня, не движимая ничем, кроме безразличного интереса, покуда я выплакиваю свою элегию...

...Я, несмотря на любовь и на обаяние ярких, обманчивых снов, что, паря над нами, очаровывают и пленяют всех влюбленных, ни разу до сего дня не мог отчетливо увидеть, кому докучаю своими взглядами. Я, будучи слеп, не мог ощутить твою слепоту, которая слепо пыталась меня понять и которая жаждала понимания, как я — любви. Так наши поцелуи в основном скрывали поставленные в тупик устремления плоти, что охотно поднялась бы к вершинам души, но не способна на это. Игра закончена, и какие у нее цели и итог, должно проверить время. По крайней мере, мы должны слегка печалиться о том, что потеряли в этой игре: ты — о любовнике, я о — любви...

...Нет, это не любовь лежит здесь, угасая, когда мы

дружески расстаемся у смертного одра того чувства, которое вчера разделяли. Это чувство, к тому же, не божественно и не смогло бы пережить бесполезных месяцев, в течение которых я, словно ловящий жемчуг в мельничной запруде, с трудом извлекал из твоего сердца больше, чем Небеса поместили в это сердце, в котором не лежит любовь. Теперь плач, что был плачем одиночества по ненайденной паре, стих: уже легкая серая пыль собирается на неподвижных устах. Поэтому давай похороним усопшую и, поместив тело в гробницу, честно напишем на могиле этого хрупкого, подобного цветку, погибнувшего чувства: «Здесь лежит похоть, а не любовь».

Тут Алианора недовольно надула губы.

— Ты употребляешь такие ужасные слова, дорогой. И ты к тому же говоришь глупости, ибо я точно так же сожалею обо всем, как и ты.

Мануэль подарил ей ту вялую, сонную улыбку, в которой весь Мануэль.

— Точно, — сказал он. — Вот это-то и унижает. Да, мы с тобой второстепенные личности, Алианора, и мы разыскали друг друга. В этом вся жалость. Но мы всегда будем держать это в тайне от остального мира, и наша тайна всегда нас будет связывать.

Он очень нежно поцеловал принцессу и покинул ее.

Затем с высоко поднятой головой Мануэль оставил Арль вместе со своими слугами и изваяниями, подставив весеннему солнцу свой щит со вставшим на дыбы жеребцом и девизом: «Mundus vult decipi». Алианора, наблюдая за этим из окна замка, лила обильные слезы, поскольку бедная принцесса имела несчастье по-настоящему влюбиться в дона Мануэля. Но Алианора обнаружила, что ничего не поделаешь с его упрямством и непостижимыми взглядами, так что начала распоряжаться собой и будущим более пластичными средствами. Ее методы волей-неволей изменились, но ее цель осталась прежней. И она по-прежнему намеревалась добиться всего, чего желала (включая и Мануэля), как только она и анг-

лийский король перейдут к более размеренному образу жизни.

Милую девушку взволновали совещания с зеркалом, она знала наперед, что английский король, вероятно, влюбится в нее на долгие месяцы. Но значит, философски подумала она, всем женщинам приходится подчиняться назойливой романтичности мужчин. Так что она вытерла свои большие ясные глаза и послала за портнихами.

Она заказала два платья из пяти эллей ткани каждое: одно зеленое на шелковой подкладке, а другое коричневое. Она выбрала материал для пары пурпурных сандалий и четырех пар туфель с вышивкой на лодыжках, и она выбрала также девять ожерелий, выполненных из золотой филиграни и усеянных драгоценными каменьями. Вот так ей удалось разделаться с этим утром и выбросить Мануэля из головы, но ненадолго.

ГЛАВА XIII

Что велел Гельмас

алее граф Пуактесмский выезжает из Прованса вместе со своими слугами и изваяниями, а в начале апреля прибывает к Гельмасу Глубокомысленному. Мудрый король играл тогда со своей маленькой дочкой Мелюзиной (которая впоследствии заточит его в темницу и убьет), но он с поцелуем отослал девочку и внимательно выслушал дона Мануэля.

Король Гельмас осмотрел изваяния, потыкал в них сморщенным указательным пальцем и откашлялся. А потом ничего не сказал, поскольку, в конце концов, дон Мануэль был графом Пуактесмским.

— Что необходимо сделать? — спросил Мануэль.

— Они не являются жизненно правдивыми, — ответил Гельмас, — особенно вот этот, похожий на меня.

— Да, знаю. Но кто может дать жизнь моим изваяниям?

Король Гельмас сдвинул на затылок свою вторую лучшую корону, к которой было прилеплено перо из крыла мельникового гуся, и почесал лоб. Он сказал:

— Существует некая власть над всеми земляными фигурами и некая королева, по чьей воле не освобождают и не обязывают. — Гельмас обратился к толстому руководству по магии. — Да, «королева» — то же самое, что «коей-роль-ева». Поэтому тебе может помочь королева Аудельская Фрайдис.

— Да, именно она владеет Шамиром! Но соколам

рано еще вить гнезда! И как мне добраться до Фрайдис, этой женщины странных деяний?

— Нет, люди нынче уже не пользуются яйцами, и, конечно, нельзя попасть к Фрайдис без приглашения. Все же можно устроить так, что Фрайдис придет к тебе, когда луна пуста и бессильна и когда заранее приготовлено то-то и то-то.

После чего Гельмас Глубокомысленный рассказал графу Мануэлю, что от того требуется.

— Тебе понадобится множество вещей, — говорит король Гельмас, — но, самое главное, не забудь мазь.

Граф Мануэль в одиночку отправился в Пуактесм, который был его фьефом и которым он не мог овладеть. Он, крадучись, подошел к Морвену — месту, пользующемуся жуткой славой, и рядом с десятицветным камнем, на котором, когда время было молодо, приносили жертву Нановизу, он построил высокую ограду из ивовых прутьев, предварительно сняв с них кору, обмазал их маслом и связал желтыми лентами, как велел Гельмас. Мануэль подготовил все и внутри ограды, как велел Гельмас. И в последнюю ночь апреля Мануэль стал ждать, глядя на полную луну.

Через некоторое время стало видно, как тени на сияющей луне начали дрожать и колебаться, потом они сошли с лика луны, словно небольшие облака, и луна лишилась своих пятен. Это был знак того, что Лунные Дети ушли к колодцу, из которого раз в месяц они набирают воду, и что в течение часа луна будет пуста и бессильна. С теми-то и теми-то церемониями граф Мануэль зажег огонь на древнем жертвеннике Нановиза, как велел Гельмас.

Мануэль громко крикнул:

— Будь же благосклонна, адская, земная, небесная Бомбо! Владычица больших дорог, покровительница перекрестков, ты, несущая свет! Ты, которая всегда трудится во мраке; ты, противница дня; ты, подруга

и соратница тьмы! Ты, радующаяся лаю собак и пролитой крови, вот так я чту тебя.

Мануэль сделал все, как велел Гельмас, и какое-то время слышались жалобные крики, но огонь их быстро заглушил.

Затем Мануэль крикнул еще раз:

— О ты, кто бродит среди теней и над могилами и ставит на привязь даже могучее море! О капризная сестра постылого солнца и неверная любовница старой смерти! О Горго, Мормо, владычица тысячи образов и свойств! Взгляни благосклонным взором на мою жертву!

Так говорил Мануэль, и огонь на жертвеннике становился все выше и ярче, а Мануэль отвратительным образом его подпитывал.

Когда огонь стал высотой с воина и вокруг стали происходить странные вещи, граф Мануэль произнес предписанные слова. И внезапно цвета пламени изменились, так что в огне показалось зеленое мерцание, словно горела соль. Мануэль ждал. Зеленый цвет двигался, изгибался и усиливался посередине, пока из огня не выполз зеленый змей толщиной почти в человеческое тело.

Это жуткое страшилище двинулось к графу Мануэлю. Он, знакомый со змеями, тут же схватил его за глотку, и прикосновение к чешуе напомнило прикосновение к очень холодному стеклу.

Огромная змея извивалась и наступала так, что Мануэль был вынужден отходить к огню: это было пострашней, чем сгореть заживо. И отблески огня играли в презрительно мудрых глазах змеи. Мануэль был крепкий мужчина, но его сила не давала ему никакого преимущества до тех пор, пока он не начал вслух повторять по памяти, как велел Гельмас, таблицу умножения: Фрайдис не может противостоять математике.

Так что, когда Мануэль дошел до дважды одиннадцать, высокий огонь опал, словно склонился под

порывом сильного ветра. Затем пламя взмыло вверх, и Мануэль увидел, что сжимает горло чудовищной свиньи. Он, знакомый со свиньями, сразу увидел, что это черная свинья, испеченная в свернувшемся Млечном Пути; она была прохладна на ощупь, как мертвец; ее длинные клыки, жившие своей жизнью, потянулись к Мануэлю, словно жирные белые черви.

Тогда Мануэль сказал, как велел Гельмас:

— Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать мер муки пшеничной и шестьдесят мер прочей муки, десять волов откормленных и двадцать волов с пастбищ, и сто овец, кроме оленей, и серн, и сайгаков, и откормленных птиц. А Илию Фесвитянина кормили вороны, приносившие ему хлеб и мясо.

Вновь высокое пламя опало. Теперь Мануэль сжимал толстый холодный кусок хрусталя, похожий на зеркало, в котором видел себя совершенно отчетливо таким, каким он в действительности был. Он, не знакомый с подобными зеркалами, видел графа Мануэля, помещенного в некую грязную лужицу, а вокруг него плыли древние нестареющие звезды, и это зрелище могло напугать кого угодно.

На сей раз Мануэль сказал:

— Слон — самое большое животное, а по разуму приближается к человеку. Его ноздри вытянуты и выполняют функцию руки. Пальцы ног не разделены. И он живет двести лет. Слоны водятся в Африке, но самые крупные обитают в Индии.

Зеркало тут же растаяло и превратилось в темную, теплую жидкость, убежавшую сквозь пальцы в землю. Но Мануэль крепко держал то, что осталось в его ладонях, и говорят, он ощутил, что в жидкости борется нечто маленькое, мягкое и живое, будто он сжимал крошечную рыбку.

Мануэль сказал:

— Прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

Внезапно огонь стал обыкновенным огнем, и завопили Амнеранские ведьмы, Морвен был освобожден от колдовства, а у Мануэля в руках оказалась теплая и нежная шея женщины. В один миг он втащил ее за ограду из голых ивовых прутьев, обмазанных маслом и связанных желтой лентой, потому что внутри такой ограды власть и господство Фрайдис сводятся на нет.

Все это Мануэль сделал точно так, как велел король Гельмас.

ГЛАВА XIV

Поединок на Морвене

так, при свете семи свечей дон Мануэль впервые увидел королеву Фрайдис в том обличье, которое знают лишь у нее в стране. О чем думал Мануэль, никогда не сообщалось, но любой другой человек, узревший королеву Фрайдис в таком виде, утверждал, что тотчас же вся его жизнь представлялась ему приглушенной прелюдией к этому мгновению, когда он оказывался лицом к лицу с Фрайдис — возвышенной королевой Аудельской.

Фрайдис являла сейчас собой самую прелестную женственность. У нее были черные, заплетенные в косы волосы, ее белоснежное тело скрывали складки малинового шелка, на плечи был накинут черный плащ, расшитый золотыми звездочками и роговыми чернильницами, и она носила сандалии из позолоченной бронзы, а лицо ее было так прелестно, что это невозможно передать.

Фрайдис обошла все углы и обнаружила магию, защищавшую эту ограду.

— Вижу, вы крепко меня держите, — сказала возвышенная королева. — Что вы хотите?

Мануэль показал ей три поставленные в ряд изваяния.

— Мне нужна ваша помощь в отношении вот этого.

Королева Фрайдис посмотрела на них и улыбнулась.

— Эти холодные недоноски сделаны с должным усердием. Чего еще можно желать?

Дон Мануэль рассказал ей, что хочет создать одушевленную живую фигуру.

На это она весело рассмеялась и презрительно ответила, что никому и ни за что не будет помогать.

— Отлично, — сказал Мануэль, — у меня есть средства, чтобы заставить вас это сделать. — Он показал прелестной женщине орудия пыток. Его приятное молодое лицо было очень серьезно, словно его сердце уже было растревожено. Он засунул ее кисть в приготовленные тиски искренности. — Теперь, чародейка, которой страшатся все, кроме меня, вы расскажете мне заклинания Туйлы в награду за мои усилия, или иначе я постепенно уничтожу эту руку, которая натворила так много несчастий.

При свете семи свечей Фрайдис казалась бледной, как молоко. Она сказала:

— Здесь я — смертный человек и не обладаю силой, большей, чем обыкновенная женщина, то есть вообще беззащитна. Тем не менее я вам ничего не скажу.

Мануэль положил ладонь на рукоятку, готовый начать пытку.

— Откройте то, чего я хочу, иначе будет больно...

— Нет, — ответила Фрайдис, — я не собираюсь подчиняться ни вам, ни кому-либо другому на свете.

— А бросив мне вызов, вы будете ужасно страдать...

— Буду! — ответила Фрайдис. — Очень вас это волнует! — сказала она с укоризной.

— Поэтому, я думаю, что вы поступаете глупо.

Фрайдис сказала:

— Вы сделали из меня обыкновенную женщину и ожидаете, что я буду поступать разумно. Это вы ведете себя глупо.

Граф Мануэль задумался, ибо, без сомнения, здесь звучал голос рассудка. По его приятному молодому лицу можно было судить, что его сердце сейчас чрезвычайно растревожено. Королева Фрайдис облегченно вздохнула и улыбнулась той женской улыбкой, которая не сверхчеловечна, а просто безжалостна.

— К тому же, мы бы испортили ручку, — сказал Мануэль, посмотрев на нее более внимательно. На среднем пальце было медное кольцо с черным камнем — это и был Шамир! Но Мануэль видел только руку.

Он коснулся ее.

— Ваша ручка, королева Фрайдис, какие бы несчастья она ни приносила, нежна, как бархат. У нее

цвет лепестков розы, но благоухание намного сладостнее. Нет, определенно, мои изваяния не стоят подобной руки.

Затем Мануэль со вздохом освободил ее.

— Мой гейс должен оставаться на мне, а мои изваяния должны подождать, — сказала Мануэль.

— Что, вам действительно нравятся мои руки? — спросила Фрайдис, критически их разглядывая.

Мануэль сказал:

— Ах, прелестная, милая соперница, не насмехайтесь надо мной! Все было готово, чтобы заставить вас выполнить мою волю. Сохрани вы какое-нибудь уродливое обличье, я бы вас победил. Но с обликом, который у вас сейчас, я бороться не могу. Драконов, химер и тому подобных сказочных чудовищ, которые, как мы видим, толкаются вокруг ограды из намасленных ивовых прутьев, я вообще не боюсь, но не могу сражаться против вас в таком облике, который вы сейчас приняли.

— Что, вам действительно нравится моя внешность? — спросила Фрайдис, невероятно удивленная. — Забавно, конечно, время от времени принимать ее, но, так или иначе, я никогда, по правде, об этом не задумывалась...

Она подошла к большому зеркалу, которое было установлено, как и велел Гельмас.

— Во всяком случае, мне никогда не нравилась вот такая прическа. Что до этих чудовищ, то это мои подданные вышли из огня, чтобы меня освободить, в давно забытых обличьях спорнов, калькаров и других ужасов античности. Из-за вашей магии они, бедняжки, не могут войти в эту ограду из намасленных ивовых прутьев. Как нелепо — не правда ли? Они строят рожи и скрежещут зубами, когда вокруг нет ни одного суеверного человека, чтоб обратить на них внимание.

Тут королева сделала паузу: она деликатно кашлянула.

— Но вы говорили какую-то ерунду о моей естественной внешности, которая якобы недурна. Сейчас большинство мужчин предпочитают блондинок, и, кро-

ме того, вы, ей-богу, меня не слушаете, а это невежливо.

— Трудно услышать, — сказал Мануэль, — когда ваши отвратительные слуги строят рожи и скрежещут зубами по всему Морвену.

Возвышенная королева Фрайдис подошла к двери в ограде, утыканной булавками и иголками и увешанной подковами, через которую она не могла пройти, если только человек не перенесет ее через порог.

Она крикнула высоким приятным голосом:

— Грош, грош, два гроша, полтора гроша и полгроша! Уходите все, ибо мудрость Гельмаса для нас слишком сильна. Вы не сможете войти в загородку из намасленных ивовых прутьев, а я не могу выйти, пока я не окручу и не одурачу этого надоедливого косоглазого смертного. Спускайтесь в Бельгард, пролейте кровь норманнов, поднимите бурю с градом или развлекитесь как хотите. И забудьте обо мне на то время, пока я обыкновенная женщина. Ибо мой противник — простой смертный, а в таком поединке меня еще никто не побеждал.

Она обернулась к Мануэлю и сказала:

— Я — Фрайдис, ужасная и возвышенная королева Аудельская. Но вы воспользовались моими слабостями и сделали из меня обыкновенную женщину. Поэтому я связываюсь с призраками, ибо мое потерянное королевство — единственное, что реально. Здесь все — лишь непрестанная борьба теней, которые вскоре прейдут; здесь все видимое и все цвета, известные людям, суть тени, затуманивающие истинные цвета, а время и смерть, самые темные из известных людям, обманывают вас ложной видимостью: ибо все подобные вещи, что люди считают неопровержимыми, поскольку они очевидны для зрения и органов чувств, суть усталое движение тумана, что закрывает мир, который больше не принадлежит мне. Так что в этом вашем сумеречном мире мы, жители Ауделлы, являемся лишь простыми мужчинами и женщинами.

— Хотелось бы, чтобы такие женщины появлялись почаще, — сказал Мануэль.

— Я — Фрайдис, ужасная и возвышенная королева Ауделькая, королева всего того, что лежит за покровом человеческих чувств и зрения. Этот покров нельзя приподнять, но очень часто покров разрывается, и, замечая отверстие, люди называют его огнем. Через эти разрывы люди могут мельком взглянуть на реальный мир, и он ослепляет их слабые глаза и насмехается над их скудными силами. Когда отверстие делается достаточно большим, несколько человек тут и там, не такие безмозглые, как их сородичи, знают, как через эти прорехи вызвать нас из Ауделы, когда на час луна становится пуста и бессильна. Мы приходим по одной древней причине. И мы приходим простыми людьми.

— Ах, но вы не говорите голосами простых людей, — ответил Мануэль, — ибо ваш голос — сплошная музыка.

— Я — Фрайдис, ужасная и возвышенная королева Ауделькая, и очень часто, исключительно ради забавы, я и мои слуги тайно разгуливаем среди вас. В виде человеческих существ мы блуждаем по вашему затемненному миру теней, связанному законами зрения и чувств, но в душе всегда храня тайны Ауделы и тайный способ нашего возвращения туда. К тому же, порой, ради забавы, мы заточаем в земные фигуры искру истинной жизни Ауделы. И тогда вы, маленькие людишки, не обладающие подлинной жизнью, но лишь мельканием некоей раздосадованной тени, поддерживающей вас в мимолетной раздраженности, говорите, что это очень мило. И вы беспечно рукоплещете нам как самым тривиальным людям.

— Нет, мы рукоплещем вам как образу красоты, — говорит Мануэль.

— Полно, граф Мануэль, прекращайте свою бесполезную лесть, вы ничего у меня не выманите! Вы поймали королеву Фрайдис и рассчитываете, что я должна пребывать в теле обыкновенной женщины и оставаться пленницей ваших прихотей и прекрасных, огромных мускулов до тех пор, пока не вложу искру истинной жизни Ауделы в ваши смехотворные изваяния. Но чтоб вы были обо мне еще более высокого мнения, знайте, я никогда не подчинюсь ни вам, ни кому-либо другому на свете.

Граф Мануэль молча рассматривал восхитительные очертания и чистые, пылающие цвета лица этой женщины. Он сказал, будто бы с грустью:

— Изваяния уже не имеют значения. Лучше оставить их как есть.

— А вот и нет, — быстро ответила королева Фрайдис, — они нуждаются в моей помощи, если когда-либо изваяния нуждались в помощи. Однако это не означает, что я когда-нибудь их коснусь.

— На самом деле, я запрещаю вам дотрагиваться до них, прекрасная соперница. Ибо стань изваяния живыми, как мне хотелось, я бы все время смотрел только на них и не интересовался женщинами. И ни одна из них не смогла бы околдовать меня так, как ваша красота, и я ценил бы ее не больше гнилой луковицы.

— Вы выдумываете! — сердито говорит Фрайдис. — Мужчина, удовлетворенный изваянием, которое он создал, в отношении женщин останется, как и любой другой. И кто вы такой, чтобы мне что-либо запрещать?

— Я хочу, чтобы вы запомнили, — сказал очень уверенно Мануэль, — это мои изваяния, и делать с ними можно только то, чего захочу я. К тому же, будет полезно, если вы поймете, что, кем бы вы ни были в Ауделе, здесь я сильнее вас.

Тут гордая женщина рассмеялась. Она с вызовом коснулась ближайшего изваяния соответствующим древним жестом, и было видно, что черный камень Шамир приобрел цвет опала. От ее прикосновения глиняное изваяние, имевшее внешность Алианоры, вздрогнуло и издало всхлипывающий звук. Оно ожило — живое существо, более прекрасное, чем человек, — презрительно взглянуло на Мануэля, а затем, прихрамывая, вышло за ограду, и Мануэль вздохнул.

— Это сильная магия, — сказал Мануэль, — и это почти точно та восхитительная и значительная фигура, которую я желал создать для этого мира. Но, как я слишком поздно понимаю, я сделал ей ноги разной длины, и радость по поводу оживления гораздо меньше стыда из-за ее неполноценности.

— Подобная магия — пустяк, — ответила Фрай-

дис, — хотя это единственная магия, которой я могу заниматься внутри ограды из намасленных ивовых прутьев. Теперь вы сами видите, что я не собираюсь выполнять ваших приказаний. Так что созданная вами фигура, хотите вы этого или нет, должна хромать на виду у всех, разумеется, не больше нескольких столетий — ровно столько, чтобы доказать, что мной повелевать нельзя.

— Мне, по большому счету, на это наплевать, о прекраснейшая и строптивейшая из соперниц. Полчаса тому назад мне казалось важным добыть у вас тайну оживления. Теперь, когда я видел это чудо, я знаю, что, заручившись вашей благосклонностью, можно стать богом, творящим жизнь и творящим более прелестные и долговечные живые существа, нежели сотворенные каким угодно богом. Но даже при этом я думаю сейчас только о ваших глазах.

— Что, вам нравятся мои глаза? — спросила Фрайдис. — Вам, который, оживив свои чучела, больше не интересуется женщинами?

Но Мануэль сказал ей, что ее глаза отличаются от всех остальных тем, что они более опасны. А она слушала достаточно охотно, ибо сейчас Фрайдис была обыкновенной женщиной. После этого оказалось, что из-за прелестей Фрайдис Мануэля посетили глубокая печаль и великое смятение души, и он высказал такую жалобу:

— Множество потерь происходит в мире, где люди непрестанно воюют с грустью, а время, словно вор, отнимает у всех людей всю их добычу. Однако, когда император проигрывает битву и теряет свои обширные земли, он, пожав плечами, говорит: «В следующей битве победу одержу я». И когда корабль бородатого купца пропадает без вести, он говорит: «Следующий рейс, быть может, станет успешным». Даже когда жизнь старого бродяги покидает его в канаве, он говорит: «Я верю, что завтра окажусь в раю счастливым юным серафимом». Так надежда поддерживает при любой боли. Но у того, кто узрел красоту Фрайдис, вообще нет надежды...

...Ибо, в сравнении с этой чистой, неземной красотой, в сем мире не существует красоты. Тот, кто узрел красоту Фрайдис, обречен на вечные скитания, на насмешки и зависть своих собратьев. Весь мир обеспокоен его глупостью, зная, что его вера в мощь мира уже не тверда и что он стремится к тому, что находится вне пределов этого мира. В глубине души он снисходителен к сильным и глупым владыкам земли, а они, будучи сильны, замысливают месть, покуда он где-то в углу создает изваяния как напоминание о том, что потеряно. Поэтому у того, кто узрел красоту Фрайдис, вообще нет надежды...

...Того, кто решился взглянуть на королеву Фрайдис, не остановят ни змеи, ни свиньи. Его не смутит зеркало, в котором он увидит себя без обмана. Его не испугает кровь, капающая с его грязных рук, поскольку он знает, что без этого не обойтись. Однако такими испытаниями покупается лишь один час, который пройдет, а с ним покинет его и возвышенная королева Фрайдис. Останется лишь память об этом часе, жалящая безжалостней овода, и бедный влюбленный будет из влажной грязи и воспоминаний лепить себе убежище. Поэтому для того, кто узрел красоту Фрайдис, вообще нет надежды.

Фрайдис внимательно его выслушала.

— Интересно, скольким другим женщинам вы рассказывали подобную ерунду о красоте, отчаянье и вечности, — сказала Фрайдис, — а им, дурочкам, весьма вероятно, нравилось это слушать! Мне интересно, как вы можете ожидать, что я вам поверю, когда вы прикидываетесь, будто думаете обо мне так изысканно, а сами держите меня в этом загоне, словно старую норовистую корову.

— Нет, этого больше не будет. Ибо теперь фигура, которую я создал для этого мира, и все прочее в этом мире, и все, что есть где-либо вне этой ограды из намасленных ивовых прутьев, для меня ничего не значит, и нет никакого смысла ни в чем, кроме красоты Фрайдис.

Дон Мануэль подошел к двери ограды, потом к окнам, вытаскивая позолоченные булавки и сверкающие иголки и снимая с медных гвоздей подковы,

некогда принадлежавшие кобылице Магомета, Валаамовой ослице и Пегасу.

— Вы были в моей власти. Теперь я уничтожил эту власть, а с ней и самого себя. Теперь это место не охраняется: все ваши слуги вольны сюда войти, и для всех ваших ужасов дорога открыта. Можете спустить их на меня — мне бояться больше нечего. Ибо я люблю вас такой смертельной любовью, которая не дорожит ничем, кроме предмета своего обожания, а вам на меня наплевать.

Она смотрела на него какое-то время, а потом со вздохом сказала:

— Это дурацкий поступок истинного влюбленного. И вы мне действительно очень нравитесь. Но, Мануэль, я не знаю, как поступить. Ничего подобного прежде не случалось, так что все мои запасы мудрости бесполезны. Еще никто не осмеливался махнуть рукой на беспощадную власть Фрайдис, как делаете вы, да еще строить мне глазки. И, кроме того, я не хочу испепелять вас молниями, а поражать безумием, похоже, нет необходимости.

— Я люблю вас, — сказал Мануэль, — а ваше сердце твердо, ваша красота умопомрачительна, и не в вашей воле освобождать или обязывать. В таком на редкость затруднительном положении как меня может вообще волновать, что вы выберете?

— Тогда, определенно, я не стану тратить на вас свои прекрасные ужасы! — сказала она, с досадой тряхнув головой. — Да и тратить на вас время уже больше нельзя, ибо вскоре Лунные Дети вернутся на свои места, а до окончания часа, в который луна остается пустой и бессильной, я должна возвратиться в свое королевство, куда вы, чтобы досаждать там мне своей ерундой, последовать не можете. Но, смею сказать, вы меня не забудете, жаль только, что вы станете искать утешение в обычных женщинах, а они — жалкие создания.

Фрайдис вновь подошла к зеркалу и в задумчивости остановилась перед ним.

— Да, вы всегда будете помнить меня с такой прической, а жаль, но все же вы будете меня помнить всегда. И когда вы создадите новые изваяния, они будут изображать меня. Нет, я не могу допустить,

чтобы вы понаделали оскорбительных пародий, похожих на изумленные трупы, чтобы люди повсюду насмехались над королевой Фрайдис!

Она взяла волшебное перо, положенное наготове, как велел Гельмас, и начертала что-то этим пером грифона.

— Вот магическая формула заклинаний Туйлы, которые оживят ваши изваяния. Может, хоть эта примитивная магия вас немного утешит. Может, она помешает никчемным распутницам серьезно воспринимать ваше манерничанье по поводу изваяний, которые вы слепите по моему подобию вот с такой неподобающей прической.

— Ничто не сможет меня утешить, прекрасная соперница, раз вы уходите от меня, — сказал Мануэль, но достал мазь.

ГЛАВА XV

Перевязка победителя

ни вышли за ограду и подошли к древнему жертвеннику Нановиза, тогда как луна все еще была пуста и бессильна. Слуги Фрайдис толпой неслись к Морвену после часа, приятно проведенного в Пуактесме за буйствами и неистовствами. Они появились в облике спорнов, калькаров и других давно забытых существ безо всякого звука, так что Морвен стал похож на расстроенный рассудок несчастного, умирающего в лихорадке. А со всех сторон Амнеранские ведьмы одобрительно кивали при виде этого зрелища.

Одно за другим эти существа подбегали к огню и кричали: «Грош, грош, два гроша, полтора гроша и полгроша!», входя в огонь, являющийся воротами их дома.

— Прощайте! — сказала Фрайдис, и, говоря это, она вздохнула.

— Не таковым должно быть наше расставанье, — сказал Мануэль. — Послушайте, королева Фрайдис! Именно Гельмас Глубокомысленный открыл мне необходимое. «„Королева“ — то же самое, что „коей-рольева“, что означает „женщина“, ни больше и ни меньше, — сказал мудрый король. — Тебе нужно запомнить лишь это».

Она поняла его мысль и в гневе воскликнула:

— Значит, все эти глупости, которые вы наговорили о моей внешности и своей любви, подготовлены заранее! И вы коварно выманили у меня тайное заклинание Туйлы, делая вид, что меня любите, соблазняя, как скотник молочницу! Теперь, определенно, я награжу вас за искренность так, что об этом еще долго будут перешептываться.

С этим королева Фрайдис распространила вокруг опустошительную магию.

— Все-все было подготовлено заранее, кроме одного, — сказал Мануэль со смехом, даже не глядя на обступающих его чудовищ. Он бросил в огонь пергамент, данный ему Фрайдис. — Да, все было подготовлено заранее, кроме одного: Гельмас не учел, что я не смогу вам солгать. Из-за этого вся мудрость Глубокомысленного пошла прахом.

Тут Фрайдис сделала знак удалиться тем отвратительным чудовищам, которых она уже вызвала на погибель дона Мануэля.

— Но у вас вообще нет здравого смысла, ибо вы жжете себе руку, — крикнула она.

Юноша сморщился и отдернул руку, ведь, делая благородный жест, он не рассчитал, как заметила королева Фрайдис, насколько горяч ее огонь.

— Для меня, испытывающего настоящую боль, это пустяки, — угрюмо сказал Мануэль. — Я собирался солгать, а ложь у меня на устах обернулась правдой. По крайней мере, я не получаю выгоды от своего вероломства, и я машу вам на прощанье пустыми руками, огнем очищенными от воровства.

Тут она, являющаяся теперь обыкновенной женщиной, сказала:

— Но вы же обожглись!

— Не беспокойтесь, у меня есть мазь. Ступайте, королева Фрайдис, подходит к концу тот час, когда луна пуста и бессильна.

— Еще есть время. — Она быстро принесла из-за ограды воду и обмыла руку дона Мануэля.

Из огня послышался шепот:

— Поторопитесь, королева Фрайдис, поторопитесь, дорогая сказочная повелительница!

— Еще есть время, — сказала Фрайдис.— Перестаньте меня будоражить! — Она принесла из-за ограды горшочек с мазью и смазала Мануэлю руку.

— Боррам, боррам, Леанхаун ши! — затрещал огонь. — Час подходит к концу.

Тут Фрайдис отбежала от Мануэля к пламени, за которым она была королевой древних таинств и где не ее воля, освобождать или обязывать. И она поспешила проговорить:

— Грош, грош, два гроша...

На мгновение она оглянулась на Морвен и на сидящего посреди Морвена одинокого и больного Мануэля. В его глазах она увидела безмерную и безнадежную любовь. И в груди Фрайдис шевельнулось сердце обыкновенной женщины.

— Ничего не могу поделать, — сказала она, когда ее час уже прошел. — Кто-то должен вас перевязать, а мужчины ничего не смыслят в таких делах.

При этом огонь сердито заревел, вспыхнул и погас, ибо Лунные Дети Биль и Хьюки вернулись от колодца, называемого Бюргир, и луна уже больше не была пуста и бессильна.

— Ведь так лучше? — сказала Фрайдис. Она знала, что в этот миг вечность, печаль и смерть где-то затевают неизбежные засады, чтобы вскоре наброситься на нее, ибо после того, как погас этот огонь, она стала смертной, но она намеревалась использовать новую ипостась наилучшим образом.

Какое-то время граф Мануэль молчал. Потом он сказал срывающимся голосом:

— О, женщина — дорогая, прелестная, верная и сострадательная, тебя и только тебя должен я любить вечно с такой нежностью, которая отвергается гордыми и одинокими королевами на их высоких тронах! И именно тебе должен я всегда служить такой любовью, которая не может быть отдана никакому изваянию, кем бы оно ни было создано в этом мире! Может быть, вся жизнь лишь мелочная трата нескончаемых усилий, может быть, пути людей зачастую безрассудны, однако эти пути впредь — наши и вовсе не безнадежны, ибо мы пойдем по ним вместе.

— Определенно, в Ауделе не услышишь подобного бреда и не проживешь подобного часа, — ответила Фрайдис, — который сегодня ночью лишил меня королевства.

— Любовь возвратит долг, — сказал Мануэль в легкомысленной манере мужчин.

А Фрайдис, теперь во всем обыкновенная женщина, тихо и нежно рассмеялась в темноте.

— Возвратит его мне так, мой дорогой: сколько бы я тебя ни уговаривала, никогда не рассказывай мне, как так получилось, что бинты и горшочек с мазью

были наготове у зеркала. Ибо обыкновенной женщине не следует разгадывать замыслы мудрых королей, а еще хуже для нее разгадывать высокопарные уловки своего мужа.

Между тем в Арле юная Алианора готовилась к замужеству с большой осмотрительностью. Англичане, которые поначалу требовали двадцать тысяч марок в качестве приданого, после беспрерывных переговоров согласились принять ее с тремя тысячами, и она получала в наследство Плимут, Экстер, Тивертон, Торкуэй, Бриксем и оловянные рудники в Девоншире и Корнуолле. Во всем, кроме супруга, ее брак виделся превосходным, так что весь Арль в тот вечер был украшен знаменами, флажками, гирляндами, яркими фонарями и факелами, и по всему Провансу проходили народные гуляния, а принцесса приобрела огромную славу и уважение.

А на темном Морвене они приобрели счастье: неважно, надолго ли.

ЧАСТЬ III

КНИГА БАЛАНСА

«Прими во вниманье,
беспристрастная Беда, —
молвил Мануэль, — что
не в силах человека любовь свою
поместить туда, куда пожелает,
поскольку он —
творение высшего Божества.
«В Понте никогда не видали
Птицу», да и истинную любовь
в мелкой душе. Но никогда
не уйдет страсть
из моего сердца, которое
по природе своей напоминает
камень Абистон».

ГЛАВА XVI

Фрайдис

Пуактесме рассказывают, как королева Фрайдис и граф Мануэль дружно жили вместе на Морвене. Также повествуется, как беззаконный захватчик, герцог Асмунд, в это время владел неподалеку Бельгардом, но его норманны держались подальше от Амнеранской Пустоши и Морвена из-за сверхъестественных существ, которых в любой момент можно было там повстречать, так что у Мануэля и Фрайдис соседей сначала не было.

— Когда-нибудь, — сказала Фрайдис, — тебе придется захватить Бельгард и отрубить герцогу Асмунду его мерзкую голову, поскольку по праву собственности в соответствии с грамотой короля Фердинанда весь Пуактесм принадлежит тебе.

— Думаю, мы с этим немного погодим, — сказал Мануэль. — Я от всей души не хочу быть связанным пергаментами с позолоченной графской печатью, а хочу путешествовать, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. В любом случае, милая Фрайдис, на данный момент меня вполне устраивает наш маленький домик, а политика может подождать.

— Все же в связи с этим что-то следует сделать, — сказала Фрайдис. И, так как Мануэль имел упорное предубеждение против любой моровой язвы, она напустила на Асмунда проклятие, из-за которого он оказался подвержен всем незначительным недомоганиям, которые могли иметь место между мозолями на ногах и перхотью под короной.

На Морвене Фрайдис своими чарами возвела скромный дом, построенный из яшмы, порфира, желтой и фиолетовой брекчии. Изнутри каменные стены повсеместно были покрыты замечательными ажурными рельефами, а через равные промежутки инкрустиро-

ваны кругами и квадратами из фаянса бирюзового цвета. Пол, конечно же, был цинковый, защищавший от недружелюбных Альвов, которые находились в постоянной войне с Ауделой, и, более того, дом огораживал палисад из ивовых прутьев, намазанных не животным, а растительным маслом и связанных лентами без узлов.

Все было очень просто, по-домашнему, а когда возникала необходимость, им прислуживали подданные Фрайдис. Падшая королева теперь стала серой колдуньей — конечно же, не по внешнему виду, но по возможностям, которые не были ограничены рамками черной или белой магии. Она обучила дона Мануэля магии Ауделы, и они с Мануэлем в ту весну и в то лето посвятили много времени вызыванию для собственного развлечения в перерывах между супружескими утехами древних развенчанных богов, забавных чудовищ и назидательных призраков.

Они больше не слышали о глиняной фигуре, которой дали жизнь, кроме известия, принесенного одним привидением, о том, что, когда хромой веселый малый спустился с Морвена, добропорядочные жители повсюду были напуганы, поскольку он шел, как и был сотворен, совершенно голым, а это не считается приличным. А с запада, из болот Филистии, появился некий огромный жук-навозник и повсюду следовал за одушевленной фигурой, крича и брызгая слюной: «Мораль, а не искусство!» И на некоторое время эта фигура уходит из сказания о Мануэле с этим зловонным спутником.

— Но мы создадим более прекрасную фигуру, — говорит Фрайдис, — так что это не важно.

— Да, — говорит Мануэль, — но мы с этим немного погодим.

— Ты теперь всегда так говоришь!

— Но, моя милая, насколько приятно здесь отдыхать, когда мой гейс выплачен, какое-то время не занимаясь ничем серьезным. Вскоре мы, конечно же, отправимся в путешествие, а когда мы увидим пределы этого мира и их оценим, у меня будет достаточно времени и знаний, чтобы отдать их созданию этого изваяния.

— Не в каких-то далеких странах, милый Мануэль,

а в своей земле должен человек искать материал для творений.

— В общем, может, оно и так, но твои поцелуи мне нравятся больше твоей магии.

— Мне приятно слышать такие слова, мой дорогой, но все же...

— Нет, ничего подобного. Ты мне действительно намного милее, когда обнимаешь меня, а не когда носишься по свету, обернувшись свиньей, змеей или молнией, и элегантно истребляешь целые народы.

Сказав это, он поцеловал ее, и спор прекратился сам собой, поскольку в эти мирные времена королеву Фрайдис в глубине души поцелуи интересовали много больше всякой магии. На самом деле, никогда не существовало чародейки более трепетной и нежной, чем Фрайдис. А теперь, когда она стала обыкновенной женщиной, эти черты раскрылись в полной мере.

Если она и раздражалась, то лишь тогда, когда Мануэль признавался в ответ на ревнивые расспросы, что он находит ее не такой красивой и не такой умной, какой была Ниафер. Но с этим, как подчеркивал Мануэль, ничего не поделаешь, поскольку никогда не будет второй Ниафер, и бессмысленно говорить обратное.

Возможно, Мануэль в это верил. Весьма безыскусная, не очень рассудительная и ни в каком отношении не ослепительная служанка вполне могла стать — тем необъяснимым образом, каким происходит все на свете, — женщиной, которую избрало сердце Мануэля и которой в его глазах всю оставшуюся жизнь не должно быть равных. Определенно, ни один беспристрастный судья не постановил бы, что эта смуглая Ниафер, если можно так выразиться, стóит хотя бы мизинца Фрайдис или Алианоры, тогда как Мануэль не утаивал даже от самих этих августейших особ своих личных своеобразных оценок.

С другой стороны, некоторые говорят, что дамы, привыкшие к ежечасному восхищению собой, не могут вынести проходящего мимо мужчину, который, похоже, не от всего сердца восхищается ими. Тот, кто вообще не восхищается, очевидный дурак, и о нем не стоит и беспокоиться. Но вокруг того, кто признает, что «вы достаточно милы», и вроде как проходит мимо, воз-

никает некая тайна. И есть один способ разрешить ее — преследовать этого выскочку. Некоторые утверждают, что косоглазому Мануэлю была известна эта аксиома и он не забывал о ней при отношениях с Фрайдис и Алианорой. В любом случае подобные теоретики никогда не получали от дона Мануэля никакого словесного подтверждения. Ниафер умерла и была для него потеряна, и он, не щеголяя каким-либо беспримерным пылом, влюбился в Алианору. А теперь, когда Фрайдис ради его поцелуев лишила себя бессмертия, у высокого юноши вновь было некое выражение согласия на лице, признающее ее жертву, ее красоту, всю ее власть и мудрость в целом в качестве самой доступной и близкой замены скудному очарованию Ниафер.

Однако другие заявляют более просто, что дон Мануэль был так устроен, что меньше ценил любое желание после того, как оно исполнялось. И они говорят, что он заметил это — опять-таки тем необъяснимым образом, каким происходит все на свете, — теперь, когда Мануэль овладел неземной королевой, которая стала, точно так же, как и Алианора, обычной женщиной и которая в общении со своим возлюбленным вела себя именно как таковая.

— Но действительно ли ты меня любишь, о мужчина из всех мужчин? — обычно спрашивала Фрайдис. — И, не считая этой проклятой Ниафер, любишь ли ты меня чуточку больше, чем любишь какую-либо другую женщину?

— Разве есть какие-либо другие женщины? — удивлялся Мануэль. — О, разумеется, я полагаю, есть, но я о них забыл. Я не слышал, не видел и не думал о тех существах в юбках с тех пор, как появилась моя дорогая Фрайдис.

Чародейка при таких речах мурлыкала и склоняла голову туда, где, по мнению Фрайдис, было место именно для нее.

— Мне бы хотелось верить твоим словам, король моего сердца. Мне теперь приходится прилагать такие усилия, чтобы побудить тебя произнести эти глупые, милые слова. И даже когда наконец ты их говоришь, голос у тебя легкомысленный и веселый, и они звучат так, будто ты шутишь.

Он поцеловал ее косу, благоухавшую возле его губ.

— Неужели ты не знаешь, что, несмотря на мои шутки, я очень тебя люблю?

— Я постоянно повторяю это самой себе, — критически заметила Фрайдис. — Ты должен позволять своему голосу немного срываться после первых трех слов.

— Я говорю так, как чувствую. Я люблю тебя, Фрайдис, и именно это тебе и повторяю.

— Да, но ты уже не надоедаешь этим все время.

— Увы, моя милая, ты уже не недоступная Королева страны с той стороны огня, а это, несомненно, имеет значение. Однако я люблю тебя, как ни одну из всех живущих на свете женщин.

— Но, мой дорогой, кто любит тебя сильней, чем может выразить человеческий язык?

— Одна безнадежно неизлечимая, прелестная, слабоумная, — сказал Мануэль. Притом он сделал так, что его слова оказались вполне подходящими.

Через некоторое время Фрайдис с наслаждением вздохнула:

— Это избавляет тебя от объяснении, не правда ли? А ведь в ту первую ночь, чтобы облапошить меня со своими изваяниями, ты говорил на редкость безумно и привлекательно, тогда как теперь твои речи вообще не радуют мой слух.

— О Небеса! — сказал Мануэль. — Я обнимаю маньячку! Милая Фрайдис, что бы я ни сказал, все это те же самые банальные слова, которые от сотворения мира миллионы мужчин шепчут миллионам женщин, а моя любовь к тебе не имеет себе равных, и ей не следует рядиться в поношенные одежды.

— Ты сейчас снова отделываешься от меня шутками, твой голос весел и легкомыслен, и в нем не слышно никакой верности: это меня беспокоит.

— Я говорю так, как чувствую. Я люблю тебя, Фрайдис, и именно это тебе и повторяю, но я не могу повторять это каждые пятнадцать минут.

— Однако я вижу, что этот огромный косоглазый

юноша — самая неразговорчивая и самая упрямая скотина изо всех двуногих!

— А иначе был бы я у тебя?

— Увы, в этом и состоит вся странность. Но я теряюсь в догадках о том, предвидел ли ты именно это.

— Я? — воскликнул Мануэль. — Моя милая, когда ты удостоверишься, что я — самое честное и откровенное существо из когда-либо живших на свете, ты начнешь ценить меня по-настоящему.

— Знаю, что ты именно такой, мой большой мальчик. Но все же я гадаю, — сказала Фрайдис, — а догадки — утонченная, изысканная печаль.

ГЛАВА XVII

Магия создателей образов

скоре по окрестностям разнесся слух, что королева Аудельская Фрайдис стала обыкновенной женщиной, и вслед за этим местные маги начали приходить на Морвен в поисках ее благосклонности, за советом и помощью Шамира.

Эти маги, как пояснили Мануэлю, тоже создавали образы, пытались их оживлять, — правда, никто точно не знал, как это делается, а сами маги и вовсе не имели об этом представления.

Однажды Мануэль посетил вместе с Фрайдис одно темное место, где работали некоторые из этих чудотворцев. При свете раскаленных углей их глиняные изваяния казались румяными, а сами создатели двигались перед ними, производя действия, которые, весьма сострадательно, были скрыты от Мануэля необычайно ароматным сумраком.

Когда Мануэль вошел на галерею, один из кудесников снизу из темноты резким голосом что-то запел.

— Это незаконченная руна Черных Дроздов, — шепотом сказала Фрайдис.

Под ними раздавались пронзительные завывания:

— Втиснуты, сжаты и так погребены, несмотря на крики (спокойны будьте), по образу того, как худой раджа поступал с пойманными конями в Калькутте. Смело пробей толщу земли и стань их бранить, открыв пошире рот, тем, что клювы шепчут Саксу, как раньше всегда говорил Витенагемот! Как ни одна белая птица, они поют (там, где не разводят фениксов), взглядом сердито отметая бездарность; но там нигде нет отказа: их чеканка — о, изящество! — есть благодарность.

В темноте заговорил второй волшебник:

— Вдали от их хора сидел король в златом костюме, играя роль скупца, что считает горы монет, жалея, что в них пары франков нет. А королева в ту жуткую ночь, хотя клялась, что поститься не прочь, сидела, делая (слух гласил) седьмой бутерброд из последних сил (так слухами все дворы полны) со златом из королевской казны. А к ней из парка, как свежий бриз, летела песня девы Дениз...

Тут вступил третий, запев:

— А пела о том, как смышлен и жесток рожденный зверь, сиянием северных крайних широт одетый теперь, цветением плоти белее, чем самый крутой ураган, что снежную крепость берет, используя гром, как таран, и пела, как люди сказали все, что земля одна, — ушла ли хозяйка ее поутру или ждет допоздна, в обломках крушения ль бьется, то ли бежит всех забот, а то ль притаилась в хлебах — также туда побредет.

Затем начал четвертый:

— Дениз так пела, а пока белье, что свято королевский сон блюдет, она располагала по чинам; и не мечтала о судьбе своей, что ожидала, дабы оглушить: седьмая зависает так волна, а солнце, златом воду расколов, как будто золотит смерть, что грядет к тому, кто видит то, что суждено, — возвышенную и благую смерть! — пока волна несется вниз — конец! Парит так ворон в небесах: считай — один, два, три, четыре, пять, шесть; но вряд ли скажешь — семь...

Они продолжали, но Мануэль их больше не слушал.

— В чем смысл всего этого? — спросил он у Фрайдис.

— Это экспериментальное заклинание, — ответила она, — в котором есть чуточку незаконченной магии, для которой еще не найдено подходящих слов. Но когда-нибудь на них наткнутся, и тогда эта руна будет жить вечно, пережив все те рифмы, что заражены рассудком и разумными смыслами, противными человеческой природе.

— Значит, слова настолько важны и непреходящи?

— Мануэль, я тебе удивляюсь! Чем же еще человек

отличается от других животных, кроме того, что им пользуются слова?

— Я бы сказал, что люди пользуются словами.

— Существуют, конечно же, взаимные уступки, но в главном человек более подвластен словам, чем они ему. Что ж, подумай лишь о таких ужасных словах, как «религия», «долг» и «любовь», «патриотизм» и «искусство», «честь» и «здравый смысл», и о том, что́ эти слова-тираны делают с людьми и из людей!

— Нет, это резонерство: ибо слова — только преходящие звуки, тогда как человек — дитя Бога и обладает бессмертным духом.

— Да-да, мой дорогой, я знаю, ты в это веришь, и у тебя эта вера выглядит мило и привлекательно. Но, как я говорила, человек обладает телом животного, чтобы набираться опыта, и мозгом животного, чтобы этот опыт осмысливать, так что его соображения и суждения всегда будут мыслями более или менее разумного животного. Но в его словах очень часто заключена магия, и ты это поймешь, когда я сделаю тебя величайшим из создателей образов.

— Да-да, но с этим мы можем немного погодить, — сказал Мануэль.

После этого Мануэль признался Фрайдис, что облик этих чудотворцев его настораживает. Он думал, что восхитительно создавать оживающие образы, до тех пор, пока не увидел и не разглядел внешность этих заурядных создателей образов, которые оказались уродливыми, рахитичными и вспыльчивыми. Они беспомощны, злобны и недоверчивы, а в повседневных делах недалеки от слабоумных. Они явно презирают всех, кто не способен создавать образы, и, очевидно, питают отвращение к тем, кто может это делать. С Мануэлем они были особенно высокомерны, уверяя его, что он лишь преуспевающий, претенциозный псевдоволшебник и что вред, причиненный самобытным чудотворцем, может быть очень-очень велик. Неужели эти сумасшедшие формовщики грязи могут служить образцом крепкому, здоровому парню? И если б Мануэль стал перенимать их искусство, спросил он в заключение, не перенял бы он и их черты?

— И да, и нет, — ответила Фрайдис. — Ибо, согласно древнему таинству Туйлы, они извлекают из себя самое лучшее, чтобы наполнить им свои образы, а это лишает их добродетелей. Но мне бы хотелось обратить внимание на то, что самое лучшее, содержавшееся в них, продолжает жить, тогда как самое лучшее, что есть в других людях, погибает вместе с ними где-нибудь на поле брани, на постели или на виселице. Вот почему я подумала, что сегодняшний день...

— Нет, мы с этим немного погодим, ибо я должен прокрутить все у себя в голове, — сказал Мануэль, — и свое мнение по этому вопросу я изложу позднее.

Но пока его голова занималась этим вопросом, пальцы Мануэля создавали забавные фигурки десяти создателей образов, которых он в итоге оставил неоживленными. Фрайдис улыбнулась при виде этих карикатур и спросила, когда Мануэль даст им жизнь.

— О, в свое время, — сказал он, — и тогда их ужимки смогут развлечь. Я ощущаю, что занятия магией Туйлы связаны с крупными жертвами и серьезными опасностями, поэтому я не спешу ей заниматься. Я предпочитаю получать удовольствие от того, что́ мне милее.

— А что для тебя может быть милее?

— Молодость, — ответил Мануэль, — и ты.

Королеве Фрайдис, которая сейчас во всем была обыкновенной женщиной, такой ответ доставил наслаждение.

— Неужели тебе этого довольно, король моего сердца? — осторожно и нежно спросила она.

— Нет, — сказал Мануэль, глядя поверх Морвена на скрытый облаками Тауненфельский хребет. — Но я никогда и не стремился быть удовлетворенным в этом мире людей.

— В самом деле, Мануэль, люди — это стадо бедных скудоумных тварей...

Он задумчиво ответил:

— Но я не могу примириться с мыслью, что они

должны быть мне братьями. Я, являющийся знаменитым героем, целыми днями пребываю в сомнении и страхе из-за этих непостижимых и загадочных существ. Со всех сторон меня окружает скудоумие и тупость, меня воротит от их вытянутых физиономий, но я должен всегда скрывать свое отвращение. В моей жизни нет часа, когда бы я не скрывался за броней из отговорок и вранья, а в этих доспехах я очень одинок, Фрайдис. Ты же твердишь о глубокой любви к этому наглухо закрытому Мануэлю. Но какая мудрость откроет тебе или мне, кто такой Мануэль. Ох, я сбит с толку непостоянством, одиночеством и бессилием этого Мануэля! Милая Фрайдис, не надо любить мое тело или мою манеру говорить — ничего из того, что у меня во плоти, ибо все это бренно и обещано червям. И в этой мысли тоже есть своя печаль...

— Давай не будем говорить об этом! Давай не будем думать ни о чем ужасном, а только друг о друге!

— Но я не могу примириться с мыслью, что ты так и не узнаешь истинного меня, заключенного в это бренное тело. Фрайдис, нет способа, который позволит двоим встретиться в этом мире людей. Мы лишь издали отчаянно машем друг другу, прекрасно понимая, что эти знаки будут неверно истолкованы. Мы появляемся из материнского чрева, как пародии на своих родителей, и, суетно жестикулируя, спешим к чреву могилы. И в этой толкучке мы не находим себе товарищей, поскольку ни единой душе не дано приблизиться к другому по мосту из слов. На самом деле, не найти слов, чтобы выразить мое огромное, невозможное желание любить и быть любимым, точно так же, как не найти слов, чтобы выразить не вполне постижимую мысль, которая вертится у меня в голове в данную минуту. Но в этой мысли тоже есть своя печаль...

Мануэль по-прежнему смотрел на зелено-фиолетовые горы и высокие облака, плывущие на север. Этот величественный и прекрасный пейзаж, казалось, был

совершенно равнодушен к судьбам человечества. Фрайдис сказала:

— Давай не будем думать слишком много об этом, мой милый. Для молодых это пустая трата прекрасного времени, а молодость коротка.

— Но я не могу примириться с мыслью, что ты никогда не полюбишь и не познаешь истинного Мануэля, и мне не дает покоя то, что наши органы чувств, единственно посредством которых мы узнаем друг друга, могут обманывать. Чем я могу быть для тебя, как не плотью и голосом? Но не в этом причина моей тоски, милая Фрайдис, а в том, что мои сомнения во всем, даже в тебе, милая Фрайдис, даже когда я обнимаю тебя, стеной встают между нами: низкой, длинной, прочной стеной, которую нам никогда не разрушить. Я понимаю, что в действительности я никакой не герой, а лишь скучный и одинокий обитатель подозрительного зáмка своего тела; что я, который сам не знает, кто он такой, буду умирать в сомнениях и одиночестве под надежной защитой позерства, грубоватости и жизнерадостности, которыми я отгородился, чтобы выжить. И в этой мысли тоже есть своя печаль.

Сейчас Мануэль был таким, каким Фрайдис его никогда не видела. Она удивилась, она была напугана неожиданной мрачностью этого красивого парня, в то время как ее мягкие алые желанные губы были от него так близко, а ее темные глаза смотрели на него с прекрасным и нежным томлением, которое не описать.

— Я не понимаю тебя, мой дорогой, — сказала она, уже не возвышенная королева Аудельская, а лишь простая смертная. — Верно, что весь мир вокруг нас — только иллюзия, но ты и я — реальны и очень близки, поскольку ничего не скрываем друг от друга. И я уверена, что нет никого счастливей нас и никто так не подходит друг другу. И, определенно, подобная мнительность не к лицу тебе, который, как ты сам сказал лишь на днях, от природы честный и откровенный.

Тут мысли Мануэля вернулись назад от облаков и

зелено-фиолетовых гор. Он несколько мгновений смотрел на нее очень серьезно, потом невесело рассмеялся и сказал:

— Вот!

— Но, дорогой, ты сам не свой...

— Да-да! — сказал Мануэль, целуя ее. — Я на минутку забыл, что я честный, откровенный и какой-то еще, каким ты представляешь меня. Теперь я снова обрел свое прежнее искреннее, жизнерадостное и грубоватое «я» и больше не стану будоражить тебя подобными глупостями. Ведь я — Мануэль: я следую своим помыслам и своему желанию, и, если это приведет меня к одиночеству, я должен его перенести.

ГЛАВА XVIII

Выбор Мануэля

о я не могу понять, — сказала Фрайдис в один прекрасный сентябрьский день, — как так получается, что и Шамир у тебя в руках, и тайна одушевления изваяний, но ты не используешь ни тайну, ни талисман. Ты не создаешь больше фигур, ты теперь говоришь: «Нет, мы немного погодим», ты даже не захотел оживить десять карикатур на создателей образов, которые уже слепил.

— Это произойдет в свое время, — сказал Мануэль, — но оно еще не пришло. Между тем я избегаю занятий древним таинством Туйлы, потому что видел, какое действие оно оказывает на злоупотребляющих им. На мне был гейс создать фигуру, и я слепил и оживил такого великолепного веселого молодого героя, который отвечал моим помыслам и желанию. Таким образом, насколько я понимаю, мой гейс выполнен — у всего есть конец. Возможно, Небеса обогнали меня в количестве созданий, но первенство в таком деле — не вопрос арифметики.

— О да, у моего косоглазого мальчика все добродетели, включая скромность!

— В общем, я видел, что моя идея получила воплощение и покинула Морвен. Во всех отношениях этот парень, за исключением легкой хромоты, которая, по-моему, его не портит, ни в чем не уступает воплощениям идей того великого мастера, которого одни называют Пта, другие Яхве, третьи Абраксас, а кое-кто Кощей Бессмертный. Короче, я создал фигуру более восхитительную и значительную, чем все человеческое стадо, и почиваю на лаврах.

— Верно, ты сотворил прекрасное живое существо.

Но тогда разве женщина, производящая на свет красивого мальчика, не делает то же самое?

— Принцип не один и тот же, — с достоинством сказал Мануэль.

— Да почему ж?

— Для начала, мое изваяние — оригинальное, выполненное мной без посторонней помощи произведение, тогда как дети, насколько я представляю, являются результатом не вполне логичных совместных действий. Поэтому и ребенок в известной степени случайное произведение, и его черты и особенности не могут быть точно задуманы заранее и тем более выдержаны его создателями, которые в пылу творения, по-моему, зачастую отклоняются от лучших эстетических канонов.

— Что до этого, то никому из создающих уникальные вещи не удается создать их точно по проекту. Помнишь, даже твой парень хромал...

— Да, но как изящно!

— Нет, Мануэль, лишь чудотворцы, вызывающие мертвецов и приказывающие духам возвратиться в плоть, могут быть уверены в результатах своего чародейства. Ибо лишь эти волшебники знают наперед, что́ они сотворят.

— О, это новость! Так ты думаешь, можно вызвать мертвеца в некоем более осязаемом облике, нежели поучительный призрак? Думаешь, можно умершую девушку — или, коли на то пошло, умершего юношу, или почившего архиепископа, или покойного старьевщика — вернуть к жизни в теплой плоти?

— По дорогой цене, Мануэль, возможно все.

Мануэль же сказал:

— Какую цену надо заплатить, чтобы получить назад добычу Смерти? И каким образом дать эту взятку? Впрочем, богатства и красоты этого большого круглого мира покажутся грошом по сравнению с ее сундуками — крохотной, не очень-то блестящей монеткой, которая — даже она! — принадлежит Смерти, но та ее еще пока не подобрала. Вскоре этот час и все, что важно прошествовало по свету в течение этого часа, окажется в тех склепах, где грудами лежит все, что ценилось в старину...

...Сейчас там собраны такие силы, красота и муд-

рость, каких не может ухватить человеческая мысль. Император владеет здесь половиной мира, но там Смерть делает из императоров ничто. А в переполненных кладовых Смерти никто не побеспокоится составить опись тысяч и тысяч императоров, царей, пап, фараонов и султанов, которым в их дни поклонялись как всемогущим. Сейчас же они там в общей куче, наряду со всем, что ценилось в старину...

...Это же касается и красоты: даже красота Елены не выделяется таким среди миллионов ослепительных цариц. Здесь много хорошеньких женщин, но выше всех Фрайдис, поэтому я доволен. Но там — полногрудая Семирамида, светлокудрая Гинерва, Магдалина, любившая Христа, Европа — смеющаяся невеста быка и Лилит, чей горячий поцелуй воспламенил Сатану, и много других дам, о силе красоты которых слагались песни, заставляющие нас вспомнить все, что ценилось в старину...

...Когда мудрости не хватает, у нас здесь всегда найдутся деловые люди, способные сложить два и два, а справедливость немедленно отличает от несправедливости ближайшее жюри из двенадцати присяжных. Здесь у нас есть много Гельмасов, мудро рассуждающих под сенью гусиных перьев. Но там — Катон, Нестор, Мерлин и Сократ. Абеляр сидит рядом с Аристотелем, а семеро мудрецов беседуют с великими пророками, там — все, что ценилось в старину...

...Все-все собирается в переполненные кладовые и укрывается настолько надежно, что богачка Смерть вполне может презрительно насмехаться над Жизнью. Всем-всем владеет Смерть, а Жизнь только расчесывает свои болячки, покуда Смерть ей это позволяет. Нет, Фрайдис, Смерть подкупить нельзя! И какую взятку должна предложить Жизнь, какую бы Смерть уже не получила и не похоронила в тысячах пыльных гробов наряду со всем, что ценилось в старину?

Фрайдис ответила:

— Только одно. Да, Мануэль, есть одно, чего никакие грабежи Смерти никогда не отнимут у Жизни и что никогда не попадет под ее власть. Приняв это во внимание и сделав то, что требуется, очень отважные могут возвращать умерших к жизни в теплой плоти.

— В общем, я слышал истории о самонадеянных

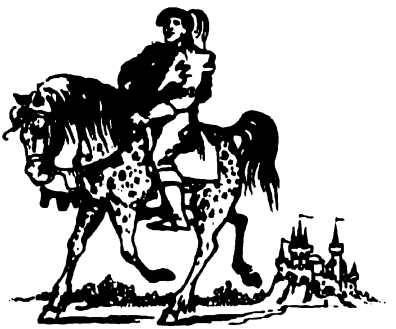
людях, пытавшихся сотворить подобные чудеса, но путь всех этих смельчаков рано или поздно заканчивался Бедой.

— Разумеется! К кому же еще, по-твоему, должен вести их путь? — сказала Фрайдис. И она объяснила, как обстоит дело.

Мануэль задал много вопросов. Весь этот вечер он был задумчив и необычайно нежен с Фрайдис, а ночью, когда Фрайдис уже спала, дон Мануэль еле заметно поцеловал ее, затем прищурил глаза и на мгновение закрыл их ладонью. Стоя вот так, высокий юноша странно шевелил губами, словно они онемели, а он старается вернуть им подвижность.

Затем он надел доспехи и опоясался мечом. И он вышел, крадучись, из их скромного волшебного дома, направился в Бельгард и украл коня из конюшни герцога Асмунда.

Эту ночь и весь следующий день дон Мануэль скакал от Морвена, от домика из яшмы, порфира, фиолетовой и желтой брекчии, от Фрайдис, которая отдала бессмертие ради его поцелуев. Он ехал на север, к глухим лесам Дан-Валахлона, где листья горели похоронным пламенем осени. Ибо лето, в которое дон Мануэль и Фрайдис были счастливы вместе, теперь умерло так же, как и то отдаленное странное время, которое он разделил с Алианорой.

ГЛАВА XIX

Голова беды

огда Мануэль достиг опушки леса, ему повстречался рыцарь в ярко-красных доспехах с женским рукавом, повязанным вокруг шлема. И в первую очередь этот рыцарь строго спросил, кто возлюбленная дама Мануэля.

— У меня нет живой возлюбленной, — сказал Мануэль, — кроме женщины, которую я бесцеремонно оставил, поскольку, мне кажется, это единственный способ избежать выяснения отношений.

— Но это не по-рыцарски и выглядит дурно.

— Весьма вероятно, вы правы, но я — не рыцарь. Я — Мануэль. Я следую своим помыслам, а наложенное на меня обязательство указывает надлежащее использование знания, которое я получил от этой женщины.

— Значит, вы негодный изменник женщин и лишенный мужественности подлец.

— Да, полагаю, так, ибо я предал еще одну женщину: позволил, а на самом деле и помог, ей умереть вместо меня. И этим самым взял на себя еще одно обязательство, которое увело меня из домашнего уюта и нежных объятий, которые меня вполне удовлетворяли, — говорит со вздохом Мануэль.

Но ищущий приключений рыцарь в красных доспехах тут пришел в негодование:

— Послушай, долговязый, косоглазый рыцарь-злодей! При каком дворе одобряют такие поступки, как убийство женщин, и какое еще грязное плутовство ты здесь затеваешь?

— Последнее время я пребывал при дворе Раймона Беранже, — говорит Мануэль, — и раз вы склонны интересоваться моими личными делами, то я пришел

в этот лес в поисках Беды, или Кручины, или как там еще ее называют в этих краях.

— Ага, и ты один из друзей Раймона Беранже?

— Да, полагаю, так, — говорит, прищурившись, Мануэль, — да, полагаю так, поскольку помешал тому, чтобы его отравили.

— Приятно слышать, ибо я всегда был одним из врагов Раймона Беранже и всех его подобных друзей, которых встречал, я немедленно убивал.

— Без сомнения, у всех есть свои причины, — сказал Мануэль и уже поехал было дальше.

Но рыцарь в гневе воскликнул:

— Повернись, долговязый идиот! Повернись ко мне лицом, предатель женщин!

Он набросился, как ураган, на Мануэля, и у Мануэля не было выбора. Они начали сражаться, и вскоре Мануэль сбросил ярко-красного рыцаря с коня и убил его. Примечательно, что из смертельной раны не потекла кровь, но лишь посыпался очень мелкий черный песок, из которого выползла и быстро убежала прочь маленькая ярко-красная мышь.

Тут Мануэль сказал:

— По-моему, эта часть леса, в которую меня направили, особенно удивительна, и я гадаю, что́ за обида могла быть у этого алого драчуна на Раймона Беранже.

Никто не ответил, так что Мануэль вскочил на коня и поехал дальше.

Граф Мануэль обогнул Волчье озеро и подъехал к серой избушке, стоявшей на четырех курьих ножках. На четырех углах избы находились резные изображения льва, дракона, василиска и гадюки, напоминающие о бедах плотского и духовного греха, о гордыне и смерти.

Здесь Мануэль привязал коня к дубу. Он поднял обе руки, обратившись лицом к востоку.

— Посодействуйте же мне! — воскликнул Мануэль. — Вы, тридцать Парамит! О все вы, силы накопленных заслуг. О самые высокие господа Милосердия, Нравственности, Отказа, Мудрости, Стойкости, Терпения, Истины, Решимости, Благотворительности и Самообладания! Помогите же мне при моей встрече с земной Бедой!

Он благочестиво перекрестился и вошел в избу. Внутри стены были расписаны древними на вид картинами, авторы которых в равной степени не знали ни перспективы, ни благопристойности. Пол был покрыт бронзовыми плитками. В каждом углу Мануэль обнаружил поставленные вертикально многоярусные зонтики, используемые на Востоке для священных целей: у каждого из них серебряная рукоятка, а окрашены они в девять цветов. Но самой важной, как говорили Мануэлю, являлась тыква, лежащая напротив двери.

Мануэль разжег огонь и приготовил соответствующую похлебку. А на закате он подошел к окошку и трижды крикнул, что ужин готов.

Кто-то ему ответил:

— Иду.

Мануэль стал ждать. В лесу не слышалось ни звука: даже несколько птиц, еще не улетевших на юг, которые чирикали о дневных приключениях, внезапно смолкли, а в верхушках деревьев затих ветер. Внутри избы Мануэль зажег четыре свечи и поставил их под каждый зонтик заранее предписанным образом. Его шаги по бронзовому полу и шуршание одежды, пока он ходил по избе, делая то, что требуется, казались на редкость резкими и гулкими в полной тишине и беспредельном уединении.

Затем послышался тоненький голосок:

— Мануэль, отвори дверь!

Мануэль повиновался, но во мраке леса ничего не увидел. Бурые и желтые деревья застыли, как нарисованные. Его конь стоял на привязи совершенно неподвижно, разве что дрожал.

Кто-то заговорил у ног Мануэля:

— Мануэль, перенеси меня через порог!

Дон Мануэль, отступив, глянул вниз и в пятне света от свечей между своих ног увидел человеческую голову. Он поднял голову и внес ее в избу. Он увидел, что голова сделана из белой глины, и из этого заключил, что земная Беда, которую некоторые называют Кручиной, пришла к нему.

— Ну, Мануэль, — говорит Беда, — подавай ужин.

Мануэль усадил голову за стол, поставил перед ней миску с похлебкой и накормил Беду золотой ложкой.

Когда голова поела, она приказала Мануэлю положить ее в бамбуковую колыбельку и велела Мануэлю потушить свет. Многие бы не осмелились очутиться в темноте один на один с Бедой, но Мануэль повиновался. Он преклонил колена и начал читать на ночь молитву, но последовавшее за этим заставило его остановиться. Поэтому без своего обычного обращения к Богу дон Мануэль лег на бронзовый пол избы под одним из зонтиков, а вместо подушки свернул свой коричневый плащ. Вскоре голова начала храпеть, а потом заснул и Мануэль. Позднее он говорил, что ему снилась Ниафер.

ГЛАВА XX

Месяц за годы

аутро, выполнив необычные приказы головы, Мануэль пошел кормить своего коня и обнаружил, что к дубу привязан лишь обглоданный костяк скакуна.

— Печально, — сказал Мануэль, — но думаю, лучше не жаловаться.

На самом деле, жаловаться было некому, потому что Беда после того, как Мануэль перенес ее через порог, отправилась на Север распространять там чуму.

И Мануэль жил, прислуживая Беде, в этой особенно удивительной части леса (по оценкам людей, находившихся в более веселых местах) месяц и один день. О службе лучше и не говорить. Но голова была удовлетворена службой Мануэля, поскольку Беда любит общество, а они вдвоем обычно вели долгие дружеские беседы, когда служба Мануэля и работа Беды на этот день заканчивались.

— И как же ты, сударыня, пребываешь вот так в голове без туловища? — спросил однажды Мануэль.

— Понимаешь, когда Яхве сотворил человека наутро шестого дня, он собрался слепить меня в полдень из оставшейся глины. Но его прервало начало субботы, ибо Яхве в те дни был, конечно же, весьма правоверным евреем. Так что я получилась незавершенной и должна оставаться такой всегда.

— Тогда я делаю вывод, сударыня, что вы — венец Небесной работы и последний, окончательный штрих творения.

— Так мне и говорят пессимисты, — подтвердила, зевая, глиняная голова. — Но у меня был тяжелый день со всей этой бубонной чумой в Глатионе, и войнами между Императором и Миланцем, и всеми

этими октябрьскими холодами, поэтому давай больше не будем говорить на философские темы.

Вот так Мануэль прислуживал голове Беды в течение месяца и одного дня. Примечательная особенность этой части леса — особенность, хорошо известная всем, хотя неоднозначно объясняемая учеными мужами, — заключалась в том, что каждый день, проведенный там, проходил, как год, поэтому Мануэль внешне очень быстро старел. Это было не совсем приятно, особенно когда у него стали болеть зубы, поскольку поблизости не найти зубных врачей, но его интерес к другим Злосчастьям, посещавшим этот лес, оставлял Мануэлю мало времени, чтобы думать о личных заботах. Беду посещало множество ее родичей, такие, как Миктлан, Кали, Фрагнар, Пуйл, Апоп и другие злые начала, которые постоянно приходили в серую избу на сбор всей семьи, чтобы прорепетировать все, кроме одного, двести сорок тысяч заклинаний. И именно тогда Мануэль впервые увидал Склауга, с которым у него позднее возникли известные неприятности.

Так прошел месяц, дни которого длились, как годы. Немногое известно относительно того, что́ творилось в серой избушке, но это, вероятно, к лучшему. Дон Мануэль никогда об этом не рассказывал. Но известно, что каждый день глиняная голова бродила по свету, распространяя завистливые слухи, пожирая царства, раздувая патриотизм и реформы, нашептывая пагубные советы и принося людям боль, печаль, отчаянье и всевозможные несчастья; а вечером, когда на закате за работу принимался Фобетор, Беда, довольная, возвращалась в Дан-Валахлон, где ее ждал услужливый Мануэль и заслуженный ночной отдых. По вечерам в избе собиралось неописуемое общество, но никто никогда не оставался на ночь. А после каждой ночи, проведенной наедине с Бедой, утро находило Мануэля выглядевшим еще старше.

— Сударыня, я дивлюсь бессердечности и веселости, с какими вы обделываете свои жуткие дела, — сказал однажды Мануэль после того, как вытер текущую по подбородку Беды слюну.

— Ох, ведь у меня есть только голова и нет сердца,

и я не могу жалеть человеческие существа, которые извожу согласно возложенному на меня долгу.

— Это похоже на правду, — сказал Мануэль, — и я понимаю, что если исходить из внешности, вас лично винить нельзя. Все же я не могу удивляться, почему мир людей предоставлен в полное распоряжение Беды, если Кощей Бессмертный, который создал все таким, какое оно есть, действительно заботился о людях.

— Относительно того, что́ происходит над головой, Мануэль, ты должен спросить других. Я знаю, что существуют некие власти, но они еще никогда не разрешали Беде подняться до их высот, ибо я среди них непопулярна: такова печальная истина.

— Понятно, но тем не менее я удивляюсь, почему Беда была сотворена, чтобы пожирать человеческий род.

— Вероятно, коровы, овцы и цыплята на ваших дворах, куропатки и зайцы в ваших силках и даже рыба на вашем крючке находит время точно так же удивляться по поводу вас, дон Мануэль.

— Но человек — высшая форма жизни.

— Допустим это замечательное предположение, но неужели любой человек может подняться над Бедой? Поэтому, как видите, логично, что я питаюсь вами.

— Все же я считаю, что земная Беда была создана в качестве испытания нас на пригодность к некоей прекрасной и вечной последующей жизни.

— Почему вы все в этом мире так думаете? — спросила голова с неподдельным любопытством.

— Потому что у меня есть бессмертный дух, сударыня, и...

— Милый мой, это замечательно. И где же он, Мануэль?

— Он где-то внутри меня, сударыня.

— Тогда давай его вынем — мне охота на него взглянуть.

— Нет, его точно нельзя вынуть, сударыня, до тех пор, пока я не умру.

— Но какой тебе от него прок? — спросила Беда. — И как ты можешь, еще ни разу не побывав мертвым, быть уверенным относительно того, что́ произойдет после смерти?

— В общем, я всегда слышал именно это, сударыня.

Голова с сомнением закачалась.

— Интересно, от кого же из Леших ты мог услышать такие фантастические истории? Боюсь, над тобой, Мануэль, кто-то подшутил.

— О нет, сударыня, это догмат, которого придерживаются мудрейшие и наиболее уважаемые из людей.

— Понятно. Был один человек, рассказывавший вам всем эти анекдоты о вечной важности человечества, — заметила голова, теряя интерес к беседе. — Понятно. И опять-таки можешь заметить, что коровы, овцы и цыплята тоже сильно негодуют по поводу твоей смерти.

— Но это лишь земные твари, сударыня, тогда как вокруг некоторых личностей в любом случае существует ореол божественности. Разве вы не находите?

Голова помрачнела.

— Да, Мануэль, в большинстве молодых людей есть божественная искра, но жизнь в основном гасит ее, не утруждая Дедушку Смерть сниманием кожуры с духа, как с банана. Нет, большинство из вас уходят в могилу с крохотным количеством духа, если вообще его имеют, и, конечно же, с недостаточным его количеством, чтобы жить вечно. Нет, Мануэль, я никогда не ссорилась с религией, поскольку это мой сильный союзник, но подобные религиозные взгляды порой вызывают у меня отвращение. Ведь, если люди были бы бессмертны, бессмертной бы была и Беда, а я никогда бы этого не перенесла.

— Вы говорите ерунду, сударыня, — решительно сказал Мануэль. — И нет ничего хуже подобного цинизма.

— Ни в коей мере, — ответила голова, — так как, очевидно, еще больший цинизм утверждать, что Всемогущий, потеряв рассудок, собрался провести с вами, людьми, всю вечность. Нет, Мануэль, боюсь, твоя странная теория о том, что вы внутри набиты неким неизменным веществом и так далее, не очень правдоподобно описывает нашу с тобой жизнь, и мы оба остаемся загадками без разгадки.

— Все же, сударыня, — сказал Мануэль, — постольку, поскольку существует только одно, что́ гра-

бежи Смерти никогда не отняли у жизни, и это — земная Беда...

— Твоя предпосылка бесспорна, но какой ты делаешь из нее вывод?

Мануэль улыбнулся вяло и сонно.

— Я делаю вывод, сударыня, что вы, никогда не бывавшая мертвой, тоже не можете быть уверены в том, что́ происходит после смерти. И, таким образом, я остаюсь при своем мнении о грядущей жизни.

— Но ясно же, что твое мнение абсурдно.

— Вполне может быть, сударыня, но с ним намного удобнее жить, нежели с вашим, а непосредственно сейчас мое занятие — жизнь. В свое время я уделю внимание смерти, а из двух мнений с моим умирать приятнее. А впоследствии, даже если ваше мнение верно, я никогда не узна́ю, что был неправ, зато могу крупно выиграть при такой точке зрения и вообще ничего не теряю, привязываясь к дурацкой, любимой, старой вере, которая до меня была у моих отцов, — сказал Мануэль так же твердо, как и всегда.

— Да, но откуда в этом мире...

— Ах, сударыня, — сказал Мануэль, по-прежнему улыбаясь, — здесь, в этом мире, люди питаются своей верой, и вполне может статься, что там еда та же самая.

Но в этот момент появился Реери (малиновый голый человек с обезьяньей головой) с петухом в одной руке и палкой в другой. И прибытие Кровавого Демона, конечно же, положило конец разговору.

ГЛАВА XXI

Плата за службу

от так уходила от Мануэля молодость, а его отношения с Бедой становились все ближе, и между ними возникла своего рода привязанность, и они вдвоем обсуждали все дела Мануэля. Они часто говорили об августейших особах, которых раньше любил Мануэль, а теперь уже не любил.

— Одно время, — признался Мануэль, — я определенно думал, что влюблен в принцессу Алианору, а потом я был влюблен в королеву Фрайдис. И даже сейчас они мне весьма нравятся, но ни одна из августейших особ не смогла заставить меня забыть служанку Ниафер, которую я полюбил на Врейдексе. Кроме того, принцесса и королева любили во всем поступать по-своему, и они хотели властью, богатством, высоким положением и другими подобными вещами помешать осуществлению моих помыслов и моих желаний. Я не мог вынести вечных выяснений отношений, к которым это вело, и они всегда мне напоминали, по контрасту, спокойные милые поступки Ниафер и наслаждение, которое я от них получал. Поэтому мне показалось самым наилучшим порвать и с Фрайдис, и с Алианорой.

— Что касается этих женщин, — оценила голова, — ты по некоторым причинам вполне мог от них избавиться. Однако у этой Алианоры красивые глаза и несомненная власть.

— Она — принцесса Апсар, — ответил Мануэль, — и поэтому у нее власть над бабочками, птицами, летучими мышами и всеми воздушными тварями. Я это знаю, поскольку она раскрыла мне некоторые из тайн Апсар. Но над своим языком и темпераментом у Алианоры нет никакой власти, и, если б я женился

на ней, она в конечном счете сделала бы меня королем, и моя жизнь была бы отдана политике и господству над людьми.

— У этой Фрайдис прекрасные черные волосы... и несомненная власть...

— Она была когда-то королевой Аудельской и поэтому удерживала власть над всеми земляными фигурами. Я это знаю, поскольку она открыла мне несколько тайн Ауделы. Но злейший враг Фрайдис тоже ходит в красном и живет между белыми зубками Фрайдис, и именно он ее и погубил. И, если б я женился на ней, она бы вскоре уговорила меня стать великим создателем образов и отдать свою жизнь подобным искусствам.

Беда же сказала:

— Ты завоевал любовь этих женщин, ты набрался благодаря этим женщинам знаний и сил. И ты их оставил, чтобы бежать за еще какой-то женщиной, которая не даст тебе ни власти, ни знаний, но лишь создаст множество неприятностей. Это не героизм, Мануэль, но это по-человечески, и твои доводы вполне соответствуют твоему возрасту.

— Верно, что я еще молод, сударыня...

— Нет, уже не так молод, мое общество сделало тебя зрелым человеком, и ты уже замысливаешь глупости, свойственные пожилым мужчинам.

— Неважно, каков мой возраст, сударыня, я всегда помню, что, когда впервые стал героем, бросив жизнь скромного свинопаса, я полюбил служанку Ниафер. Она умерла. Я же не умер. Вместо этого я уступил Ниафер Дедушке Смерти и такой ценой сохранил свою жизнь и добыл рецепт, с помощью которого невероятно преуспел, так что сегодня я — дворянин в красивых одеждах с лакеями, собственными заливными лугами и зáмками, если б только мне удалось ими завладеть. И я больше не хожу с дырами на локтях, и августейшие особы смотрят на меня благосклонно, а я нахожу их достаточно милыми. Но радость, которую доставила мне Ниафер, ни с чем этим не сравнится.

— Это тоже старая человеческая история, — сказала голова, — а у тебя заблуждение, которое посещает большинство пожилых людей. Однако ты верно служил мне месяц, идущий за годы, за исключением

того, что дважды насыпа́л мне в похлебку недостаточно яду и забывал принести лед, когда здесь бывал Черный Старик. Впрочем, кто без греха? Время твоей службы прошло, и я должна с тобой расплатиться. Будешь ли ты тогда счастлив и наступит ли вечный разрыв между нами?

— Я видел лишь одного счастливого человека, — отвечал Мануэль. — Он сидел в высохшей канаве, вытаращив пустые глаза, а его волосы напоминали свалявшуюся шерсть, но Бедламский Нищий был совершенно счастлив. Нет, это не то счастье, которого я желаю.

Голова повторила:

— Ты мне служил. Я заплачу той платой, которую попросишь. Чего ты хочешь?

Дон Мануэль ответил:

— Я прошу Ниафер, которая была служанкой, а теперь является тенью в языческом раю.

— Значит, ты думаешь, что вызывать мертвецов возможно?

— Вы хитры, сударыня, но я помню то, что сказала мне Фрайдис. Поклянетесь ли вы, что Беда не может возвращать умерших?

— С большой охотой я поклянусь на всех самых подлинных реликвиях Христианства.

— Ах да, но поло́жите ли вы одно из своих холодных остроконечных ушей на... — тут Мануэль прошептал то, что не хотел называть вслух, — пока произносите клятву.

— Конечно же, нет, — мрачно ответила Беда, — так как, если я дам такую клятву, растревоженный призрак, который вечно звенит своими цепями, восстанет против меня. Да, Мануэль, я способна возвращать мертвых, но предусмотрительность побуждает меня скрывать мощь своей власти, поскольку использование этой власти в полную силу было бы почти так же губительно, как и разламывание этой тыквы. Ибо существует только один способ возвращать мертвых во плоти, и, если я ему последую, я потеряю голову.

— Что это для влюбленного? — спросил Мануэль.

Голова вздохнула и закусила белую губу.

— Для Леших клятва есть клятва. Поэтому ты, будучи человеком, извлеки пользу из знания и власти,

которые получил от других женщин, нарушив клятвы! И как ты послужил мне, так и я послужу тебе.

Мануэль позвал к себе так, как научила принцесса Алианора, черных орлов и послал их во все края света за всевозможной белой землей. Они повиновались магии Апсар и принесли дону Мануэлю из Британии землю, называемую левкаргиллон, и принесли глисомаргу из Энисгарта, и эглекопалу из Галлийских провинций, и аргентарию из Лакре-Кая, и белую землю каждого наименования со всех концов света.

Мануэль сделал из земли, как научила его королева Фрайдис, тело женщины. Он слепил тело особым способом, согласно старому таинству Туйлы, и тело получилось настолько совершенным, насколько позволяло умение Мануэля, но у тела не было головы.

Затем Мануэль послал крапивника с золотым хохолком в Прованс. Тот влетел через форточку мраморного королевского дворца в спальню принцессы Алианоры и взял там платок, расшитый тутовыми ягодами и орошенный слезами, которые Алианора пролила, горюя о разлуке с Мануэлем. И дон Мануэль послал сокола, который вернулся с платком королевы Фрайдис. Тот был расшит белыми лилиями и тоже мокр от слез.

Когда все было готово, Беда хитро улыбнулась и сказала:

— В прошедшие времена я свергала возвышенных царей и пророков, а также и кудесников — тогда, когда Беда, забыв осторожность, делала посмешище из Митридата, Мерлина и Моисея в манере, о которой все еще любят вспоминать слагатели баллад. Но с тобой, дон Мануэль, я поступлю по-другому, и я вскоре приведу тебя в замешательство более спокойным способом. Я попытаюсь более тонко победить твою любовь к Ниафер: она — противница не щепетильная, не очень благоразумная, но чрезвычайно сильная, потому что заметь: ты упрямо желаешь эту умершую язычницу, которая в жизни, вполне возможно, ничего собой не представляла. Из-за этого ты нашел Беду, ты прожил месяц лет с этой чумой, ты лишился молодости, ты задумываешь бросить вызов смерти, ты намерен ограбить глубокую могилу и обобрать рай. Поистине твоя любовь велика.

Мануэль лишь сказал:

— На мне лежит обязательство, ибо жизнь Ниафер была отдана ради сохранения моей жизни.

— Я, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной и которую в настоящее время победила твоя любовь, — я одна могу достать для тебя эту женщину, поскольку в конце концов я одолеваю всех и вся. Жизнь — моя вотчина, и крик каждого ребенка при рождении есть клятва верности мне. Таким образом, я господствую там, где волей-неволей мне служат все, лишь один ты служил по своей воле. И, поскольку ты послужил мне, я послужу тебе.

Мануэль сказал:

— Хорошо.

— Это не так хорошо, как ты думаешь, ибо, когда ты обретешь эту Ниафер, я вернусь к тебе в виде легкого бесформенного облака и окутаю тебя — не сразу, а постепенно. Так что ты увидишь сквозь меня женщину, из-за чьей любви ты сделался мужественным и бесстрашным и ради которой осмеяна смерть и ограблен рай. И ты тоскливо спросишь: «Неужели ради этого?» В течение размеренных, деловых, неважных часов, что тянутся между одеванием утром и раздеванием на ночь, ты будешь в глубине сердца задавать этот вопрос, тогда как я буду сопровождать тебя повсюду в виде легкого бесформенного облака и тайком буду шептать тебе.

— И что же вы будете мне шептать?

— Ничего такого, что́ ты захочешь кому-либо повторить. Ты будешь в силах это перенести, по-человечески будешь удовлетворен, и мой триумф не будет публичным. Но тем не менее я одержу верх над своим теперешним победителем, и я подточу любовь, которая не страшилась ужаса и смерти и которой не управляли земные законы. И я, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, жутким образом засвидетельствую, что призрак пережитой и побежденной беды есть здравый смысл.

— Это дело завтрашнего дня, — ответил дон Мануэль. — Сегодня на меня наложено обязательство, и меня волнует сегодня.

Тут Мануэль завернул глиняную голову Беды в два платка, влажных от слез Алианоры и Фрайдис. Когда

петух прокричал три раза, дон Мануэль развернул голову, и, из-за слез Фрайдис и Алианоры, она превратилась в бесформенный комок белой глины.

Мануэль слепил из этой глины голову Ниафер, какой он помнил ее по тем временам, когда они любили друг друга на Врейдексе. А после того, как белая голова была завершена, он приставил ее к туловищу, которое создал из других разновидностей белой земли. Дон Мануэль надел на изваяние коричневое платье, наподобие того, которое Ниафер обычно носила на кухне Арнейского замка, и он сделал другие необходимые вещи, поскольку это был День Всех Святых, когда ничем священным пренебрегать не следует.

ГЛАВА XXII

Возвращение Ниафер

альше история рассказывает, как дон Мануэль сел у ног изваяния и заиграл на флажолете. В этой музыке присутствовало волшебство, говорил впоследствии дон Мануэль, потому что она вызвала некое видение или сон.

Этот сон показал, что Беда, лишившись права владения землей, отправилась в языческий рай (поскольку Беда не была христианкой), где Ниафер, умершая больше года назад, пребывала в блаженстве. Беда подошла к Ниафер и заговорила с ней тоненьким голоском. Ниафер охотно слушала ее речи о Мануэле и о приключениях, в которых Ниафер участвовала вместе с Мануэлем. И теперь, когда она вспомнила Мануэля, его чистое молодое лицо, ясные, неодинаковые глаза и сильные руки, она уже не могла довольствоваться языческим раем.

После этого Беда окутала рай легким бесформенным облаком. И поля рая оказались менее зелеными, воздух стал менее чистым и благоуханным, небо менее лучезарным, а воды райской реки Эридан помутнели. Поэты устали слушать друг друга, герои не получали наслаждения от борьбы, состязаний колесниц и упражнений с копьем и луком.

— Как можно ожидать, что мы будем тратить целую вечность на развлечения, годящиеся лишь для того, чтобы убивать время? — спрашивали они.

А прелестные женщины стали находить своих статных возлюбленных, с которыми они бродили рука об руку по неувядающим миртовым рощам и с которыми они навсегда воссоединились, весьма скучными спутниками.

— Я люблю тебя, — говорили возлюбленные.

— Ты говоришь мне это уже двадцать веков, — отвечали, зевая, женщины, — а все хорошо в меру.

— Честное тело, я думаю о том же самом, — отвечал возлюбленный. — Я сказал это лишь из вежливости и в силу привычки. Могу тебя уверить, что устал от такого жеманного идиотизма, как и ты.

Так что в раю теперь все пошло наперекосяк. А когда создательницу неприятностей выявили, блаженные устроили собрание, ибо то был День Всех Душ, на который имеют привилегию умершие.

— Мы должны сохранять внешние приличия, — сказали умершие язычники, — из-за несчастного вида местных обитателей наш рай приобретет плохую репутацию, а религия наших отцов получит дурную славу.

Поэтому они вытолкнули Беду из языческого рая, а с ней и Ниафер, поскольку Беда окутала Ниафер легким бесформенным облаком и их было не отделить друг от друга.

Они вместе направились к поверхности земли и оказались на реке пота, называемой Ригьён. Ниафер сказала огненному ангелу Сандалфону, охраняющему мост через реку:

— Со мной земная Беда.

Сандалфон увидел, что так оно и есть, и ответил:

— Мой огонь не может поглотить земную Беду.

Они подошли к Адарниилу — ангелу шума, чей шепот есть гром. Ниафер сказала:

— Со мной земная Беда.

Адарниил ответил:

— Перед земной Бедой я молчу.

Они подошли к Кемуилу с его двенадцатью тысячами ангелов гибели, охраняющих самые последние врата. Ниафер сказала:

— Со мной земная Беда.

Кемуил ответил:

— Я все разрушаю и кладу конец всему, но покончить с земной Бедой и не пытаюсь.

Вот так Беда и Ниафер миновали всех стражей этого рая. А в сумрачной стране на краю мира размытый дух Беды и призрак Ниафер поднялись через отверстие в земле, словно невесомый пар. Они отдели-

лись друг от друга в некой серой местности, поросшей тополями, и Беда попрощалась с Ниафер.

— От всего сердца благодарю тебя за твою доброту в миг нашего расставания, поскольку, быть может, не увижу тебя снова, — вежливо сказала Ниафер.

А Беда ответила:

— Не бойся не увидеть меня снова, раз ты вот-вот опять станешь человеком. Конечно, Ниафер, я ненадолго должна оставить тебя, но я вернусь. Сперва будет много поцелуев и нежного смеха, и тихий счастливый порядок твоего дома, и душераздирающее чудо ребенка, который — и не ты, и не Мануэль, но вы оба, и похожего на которого никогда прежде на земле не было. И жизнь распустится белым соцветием чудес, и каждый цветок, что ты сорвешь, покажется вечным. Со смехом ты скажешь о грусти: «Что это такое?» А меня, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, это чудовищно изумит...

...Потом я окажу помощь твоему зрению, и ты заметишь, что Мануэль во многом похож на других. Он привыкнет иметь под боком тебя, а ты — его, и это будут грустные узы между вами. Дети, безжалостно похитившие свою плоть из вашей плоти и унаследовавшие свою жизнь от вашей прекрасной тоски, с каждым днем будут казаться вам менее близкими, пока эти дети не создадут свои семьи. После этого ты станешь с трудом терпимой, незваной гостьей, вторгающейся в повседневную жизнь этих детей, и никто не будет с такой легкостью забывать о твоих визитах. Ты украдкой будешь плакать. А меня, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, это чудовищно изумит...

...Я несомненно вернусь к тебе, когда твои слезы уже высохнут и когда, вспомнив желания юной Ниафер и ее жизненные планы, ты пожмешь сутулыми плечами. У тебя, разумеется, все еще будет желание жить и дальше, но крушение всех планов уже не будет глубоко тебя трогать. Пожав плечами, ты скажешь о грусти: «Что это такое?» — ибо поймешь, что даже печаль преходяща. А твоя неспособность быть совершенно бедной и несчастной уверит тебя, что в твоих неприятностях виноват призрак пере-

житой и побежденной беды. И меня, которую одни называют Бедой, а другие Кручиной, это чудовищно изумит.

Ниафер нетерпеливо сказала:

— Ты долго намерена удерживать меня здесь, под этими темными, мерцающими деревьями, своими неубедительными речами, в то время как Мануэль остается несчастным из-за неутоленной потребности во мне?

Но, покидая на некоторое время Ниафер, Беда ей ничего не ответила.

Таковы были события в видении дона Мануэля (так впоследствии заявил дон Мануэль), пока он сидел, играя на флажолете.

ГЛАВА XXIII

Обретение Мануэлем предмета желания

альше история рассказывает, что все это время в серой избе в Дан-Валахлоне, в особо удивительной части этого леса, лежало земляное изваяние Ниафер. И седой дон Мануэль — уже не пышущий здоровьем юноша, пришедший в Дан-Валахлон, — сидел у ног изваяния и играл на флажолете напев, которому научила его Сускинд и которым он обычно вызывал юную Сускинд из ее сумеречных мест, когда был простым свинопасом. Теперь же Мануэль был пожилым дворянином, а Ниафер была теперь бездомным призраком, но мелодия тем не менее имела над ними власть, ибо она несла в себе юношескую любовь и отважные дни юности. Поэтому мотив, который когда-то звал Сускинд из ее низкого дворца с красными колоннами в подозрительном сумраке, теперь неодолимо звал Ниафер из рая, так как Мануэль расчетливо воспользовался разрозненными знаниями, почерпнутыми у трех женщин, чтобы завоевать себе четвертую.

Дух Ниафер вошел в уста изваяния. Тотчас же голова чихнула и сказала:

— Я несчастна.

Но Мануэль продолжал играть. Дух спустился дальше, дав жизнь легким и желудку, и изваяние воскликнуло:

— Я голодна.

Но Мануэль продолжал играть. Душа двигалась все дальше и дальше до тех пор, пока Мануэль не увидел, что белое изваяние приобретает цвета плоти и шевелит ногами в такт его музыке. Так он понял, что все тело наполнилось жизнью.

Отложив флажолет и коснувшись груди изваяния

древними, соответствующими правилам жестами старого таинства Туйлы, он запечатлел поцелуй на устах изваяния, так что дух Ниафер оказался заточенным в изваянии, созданном Мануэлем. Под его губами губы, которые были губами Беды, воскликнули:

— Я люблю.

И Ниафер воскресла — живая девушка, точно такая, какой помнил ее Мануэль больше года. Но с этим поцелуем все воспоминания о рае и ангельской жизни ее покинули.

— Ну и ну, коротышка, — первым делом сказал Мануэль, — несомненно, большое утешение возвратить тебя.

Ниафер, даже будучи в восторге от своего счастья, нашла эти слова не самым страстным приветствием от того, кто прошел необычайные расстояния, чтобы вернуть ее себе. Пристально посмотрев на него, она увидела, что Мануэль выглядит пожилым человеком и говорит в соответствии со своим внешним видом. Ибо Мануэль вернул женщину, которую желала его юность, ценой своей юности. И Беда коварно сравняла счет, наградив стареющего мужчину женщиной, ради которой юноша бесстрашно служил Беде. Такого юноши больше не было, ибо побежденная погубила победителя.

Затем, после недолгого рассматривания этого высокого седого незнакомца, Ниафер тоже стала выглядеть серьезнее и старше, и попросила зеркало, а у Мануэля его не оказалось.

— Я должна узнать, насколько хорошо ты меня запомнил, — говорит Ниафер.

Они вышли в голый и пустынный ноябрьский лес и направились к стального цвета Волчьему Озеру неподалеку от серой избы. И Ниафер обнаружила, что она хромает, так как Мануэль сделал ей ноги не совсем одинаковой длины, и остаток второй жизни она прихрамывала. Затем Ниафер несколько минут пристально глядела на свое отражение в глубоких холодных водах Волчьего Озера.

— Неужели оно такое, каким ты его запомнил, мой дорогой? — удрученно спросила она, смотря вниз на представление Мануэля о ее лице. Внешность, которую теперь имела Ниафер, она нашла очень мало похожей

на ту, которую помнила по тем дням, когда была довольно хорошо знакома с зеркалами госпожи Жизели. И Ниафер опечалилась, видя, как быстро можно забыть лицо своей любимой.

— Я не забыл в твоем лице ни единой черточки, — решительно говорит Мануэль, — за все эти месяцы, да и за эти последние дни, прошедшие, как годы. И когда моя любовь побудила меня создать твой образ, Ниафер, она дала мне редкую искусность. Даже обычные люди говорят, что у меня есть какое-никакое умение в создании образов, тогда как я ни разу, похоже, не хвастался этим умением и ни за что на свете не стал бы надоедать тебе, повторяя комплименты, которые высказывались о моих образах лицами, высоко ценящими, моя милая, труд и терпение, которыми сопровождается подобное творчество. Я, без сомнения, думаю, что в это мгновение ни у кого нет достаточно веского повода жаловаться.

Тут она посмотрела ему в лицо и заметила, что́ месяц жизни с Бедой, день с которой является годом, сделал с юношеским лицом, которое она помнила. Лицо графа Мануэля было вылеплено совсем из другого материала: юность сошла с него, месяц лет выгравировал на нем морщины, успех придал твердости, предусмотрительность высушила, а самодовольство запечатлело на нем поцелуй. И Ниафер еще раз вздохнула, пока они сидели, вновь соединившись, под голыми деревьями у Волчьего Озера со стальными водами.

— Значит, в конце концов время и смерть не обмануть, — сказала Ниафер, — ведь мы с тобой совсем не похожи на тех людей, что восходили на Врейдекс. Неважно, я люблю тебя, Мануэль, какой ты есть. А если тело, которое ты мне дал, отвечает твоей воле, то оно отвечает и моей воле.

Но тут на поляне перед серой избой появились трое мошеннического вида высоких малых в лохмотьях: каждый слеп на один глаз и у каждого жиденькая серенькая бородка. Топая ногами по палой листве, они звали Мимира.

— Выходи! — орали они. — Выходи, злодей Мимир, и посмотри в лицо троим изувеченным тобой!

Дон Мануэль поднялся и направился к кричавшим.

— Здесь, в Дан-Валахлоне, нет никакого Мимира, — сказал он им, — по крайней мере, в этой особенно удивительной части леса.

— Ты лжешь, — сказали они. — Хотя ты и прицепил чье-то тело к своей голове, мы тебя прекрасно узнали. — Они взглянули на Ниафер и презрительно рассмеялись. — Значит, ты нас оставил, косоглазый злодей, ради этой горбатой, неряшливой и чумазой девки? И неужели ты так быстро забыл лавку виноторговца в Неогреане и то, что́ ты сделал с золотыми блюдами?

— Нет, я не забыл этого, потому что никогда ничего об этом не знал, — сказал Мануэль.

Один из плутов, лихо крутя ус, сказал:

— Ха, бесстыдник Мимир, посмотри на меня, который все эти девять веков знал тебя и твоего слепого сына Ориандра как не краснеющих плутов! И, полагаю, ты будешь отрицать и дело с белкой?

— О, убирайтесь прочь со своим вздором! — воскликнул Мануэль. — Я не прожил еще и двадцати двух лет, и никогда не видел вас прежде и надеюсь, никогда не увижу вновь.

Но они набросились на него с абордажными саблями, и Мануэлю ничего не оставалось, как выхватить меч и начать сражаться. А когда каждый из этих одноглазых разбойников непонятным образом исчез, получив смертельную рану, Мануэль сказал Ниафер, что весьма утешительно, что, несмотря на ушедшую молодость, месяц лет оставил его прекрасным бойцом и что, по его мнению, им лучше покинуть эту часть Дан-Валахлонского леса, где происходят необъяснимые вещи, а все люди ведут себя неразумно.

— Разве эти лесные духи были неразумны, — спросила Ниафер, — сказав, что лицо и тело, которые ты мне дал, уродливы?

— Моя милая, — ответил Мануэль, — именно их слова заставили меня попытаться избежать столкно-

вения, поскольку нехорошо, даже при общении с демонами, оскорблять сумасшедших.

— Мануэль, так, может, и ты обращаешь внимание на внешний вид?

Дон Мануэль очень серьезно сказал:

— Мое общение с Бедой и ее родичами меня многому научило. Я никогда не забуду эти уроки, но и не имею большой охоты о них говорить. Однако один из этих уроков состоит в том, что в большинстве случаев существует срединный путь, на котором меньше толчеи и по которому сравнительно легко пройти. Должен сказать тебе, что в компании, в которой я находился, требуется значительное чувство юмора, поскольку, конечно же, небезопасно шутить с любым злым началом. Нет-нет, по-моему, совсем не нужно открыто бросать вызов условностям для того, чтобы следовать своим помыслам, — глубокомысленно заявил Мануэль, поглаживая седую бороду.

— Я очень рада, что ты наконец-то этому научился, — сказала Ниафер, с легкой тоской вспомнив юного с высоко поднятой головой Мануэля.

— Но, как я говорил, сейчас я расцениваю этих оборванцев, которые мешали уйти отсюда, так же как и того красного малого, что препятствовал мне попасть в эту особо удивительную часть леса, в качестве духовных посягателей на царство Беды, которых Беда свела с ума. Нет, Ниафер, я не высказываю критических замечаний, поскольку с нами двоими эта земная Беда, которую другие называют Кручиной, обошлась очень мило. Меня только тревожит подозрение, что эта голова когда-то принадлежала Мимиру, но об этом говорить нет нужды, поскольку делу положен конец, пусть даже убийством деда. Тем не менее я думаю, что Дан-Валахлон далеко не безопасен, и, по моему мнению, нам с тобой будет намного уютнее где-нибудь в другом месте.

— Но должны ли мы вернуться и пасти свиней, дорогой Мануэль, или ты для этого теперь слишком стар?

Дон Мануэль улыбнулся, и было видно, что он, по крайней мере, сохранил свое былое высокомерие.

— Нет, теперь, когда все обязательства выполнены

и мы воссоединились, милая коротышка, я наконец могу отправиться в путешествия, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. И мы будем делать все, что угодно, по своему выбору, поскольку, должен сказать тебе, я теперь дворянин с лакеями, лугами и полями и с собственным за́мком, если только мне удастся им завладеть.

— Приятно слышать, — сказала Ниафер, — это намного лучше, чем присматривать за свиньями, и я рада, что у мира хватило здравого смысла тебя оценить, Мануэль, а тебе оценить его. И мы сделаем мне диадему с рубинами, поскольку я всегда о них мечтала. Расскажи-ка мне, как это все произошло и какой у меня полный титул. А об этих путешествиях мы поговорим позднее, ибо сегодня я уже совершила длинное-предлинное путешествие, но рубины у нас определенно будут.

ГЛАВА XXIV

Три женщины

ак что Мануэль опоясался мечом, и с рассказами Мануэля о том, насколько назидательны приключения, с которыми он столкнулся, пока Ниафер была мертва, они покинули эту особо удивительную часть Дан-Валахлона и вышли из разоренного ноябрьского леса. А вскоре на голом поле, что спускалось к песчаным дюнам Виссанта, они встретились лицом к лицу с королевой Фрайдис и принцессой Алианорой: две августейшие особы и множество других нарядных людей двигалось в сторону побережья.

Алианора этим утром величественно ехала на белом коне в переливающемся зеленом платье, похожем на зелень моря в лучах солнца. Ее светлые волосы были перехвачены золотой повязкой с изумрудами. Фрайдис же, темная и полная достоинства, была в малиновом платье, расшитом золотыми звездочками и роговыми чернильницами. У нее на перчатке, под колпаком, сидел сокол.

Фрайдис и Алианора посмотрели на невзрачную прихрамывающую крестьянку в коричневом шерстяном платье, которая была с графом Мануэлем. Потом Алианора посмотрела на Фрайдис.

— Значит, ради этой калеки-замарашки, — сказала Алианора с бесконечным удивлением на гордом, изящном лице, — дон Мануэль отказался от нас и отдал свою молодость? Ведь девушка несомненная уродина!

— Наше положение от этого лучше не становится, — ответила мудрая королева Фрайдис, чей взгляд покоился не на Ниафер, а на Мануэле.

— Что это за непристойные на вид, наглые твари, строящие тебе глазки? — спрашивает Ниафер.

А Мануэль, дивясь тому, что встретил обеих чародеек вместе, вежливо поздоровавшись с ними, ответил:

— Две августейшие особы, которые были бы достаточно хороши, если б не любили настаивать на своем.

— И, полагаю, по-твоему, они привлекательны!

— Да, Ниафер, я нахожу их очень красивыми. Но, посмотрев на них с эстетическим удовольствием, я с обожанием перевожу взгляд на лицо, которое сотворил по собственной воле, на тихую возлюбленную своей юности, и мне незачем думать о королевах и принцессах. Вместо этого я в душе возношу благодарность Небесам и с удовлетворением направляюсь сейчас к ближайшему священнику с единственной женщиной на свете, которую нахожу желанной и прелестной.

— Твои слова очень милы, Мануэль, и надеюсь, это правда, но моя вера была бы больше, если б ты говорил не так многословно.

Тут Алианора сказала:

— Приветствую вас и на какое-то время прощаюсь с вами, граф Мануэль! Мы все едем в Кентавик, а оттуда я отплываю в Англию, чтобы выйти замуж за короля этого острова.

— Этому монарху очень повезло! — вежливо ответил Мануэль. Потом он посмотрел на Фрайдис, которая отдала бессмертие ради его поцелуев и которую он бросил, чтобы следовать своим помыслам. Такие неожиданные встречи всегда неловки, и Мануэль чуточку нервничал. Он спросил ее:

— А вы тоже отправляетесь в Англию?

Она очень спокойно сказала ему, что всего лишь отправляется на побережье посовещаться с тремя-четырьмя водными демонами о наложении чар на один из Красных Островов и устройстве там своего дома. Она сказала ему, что, в сущности, решила заколдовать Саргилл, так как, по слухам, он казался самым привлекательным из этих островов, но нужно все-таки самой взглянуть на это место. Королева Фрайдис все время пристально смотрела на него, что весьма смущало Мануэля, но говорила совершенно мирно.

— Да-да, — искренне сказал дон Мануэль, — надеюсь, вам там будет очень уютно. Но я не знал, что вы, сударыни, знакомы.

— В действительности наши дела вас больше не

касаются, — сказала Фрайдис. — И какое значение это имеет в этот ноябрьский день, когда нет ни солнца, ни тепла? Нет, сегодняшним днем обладает вон та девушка. А мы с Алианорой обладали вчерашним днем, и, возможно, та или иная из нас троих будет обладать завтрашним днем, и, вероятно, возникнет замечательная возможность им распорядиться.

— Несомненно, — заявила Алианора со своей тихой, прелестной, спокойной улыбкой, — мне перепадет доля завтрашнего дня. Я сделала бы вас королем, а вскоре самым могущественным из всех королей, но вы следовали своим помыслам и больше интересовались перемешиванием влажной грязи, чем троном. Все же в итоге вы превратились в весьма интересного на вид пожилого господина, поэтому, когда вы мне понадобитесь, я вас позову известным нам знаком, дон Мануэль, и тогда уж, пожалуйста, поспешите.

Фрайдис же сказала:

— Я сделала бы вас величайшим создателем образов, но вы следовали своим помыслам и вместо сотворения новых, богоподобных существ предпочли воскресить умершую служанку. Тем не менее прошу остерегаться одного живого образа, созданного вами, ибо он по-прежнему жив, и его одного вы никогда не сможете не впустить в свое запертое сердце, дон Мануэль. И тем не менее прошу обращаться ко мне, дон Мануэль, когда я буду вам нужна.

Мануэль ответил:

— Я всегда готов служить вам обеим.

Бедная Ниафер за все это время вообще ничего не сказала. Но у нее были свои соображения на этот счет, и она не собиралась допускать, чтобы дон Мануэль впредь служил любой из этих высокомерных распутниц.

Затем затрубили трубы, и блестящая кавалькада поскакала дальше к Кентавику, а пока они ехали, юный Осмунд Гелей (сын лорда Бруденеля) спросил у щегольски разодетого короля Наваррского:

— Сир, кто этот потрепанный временем седой бродяга со вставшим на дыбы жеребцом у себя на щите и чумазой хромоножкой рядом, что наши королевы остановились для разговора с ним?

Король Тибо сказал, что это знаменитый дон Ма-

нуэль Пуактесмский, отдавший молодость ради девушки, находящейся с ним.

— Тогда этот старик — дурак по каждой графе, — со вздохом заявил мессир Гелей. — Я слышал о его прежних похождениях в Провансе, а по-моему, нет дамы прелестнее, чем госпожа Алианора.

— Я считаю из них двоих более привлекательной королеву Фрайдис, — ответил Тибо, — но, определенно, нельзя и сравнивать любую из этих не поддающихся оценке дам со смуглой неряхой дона Мануэля.

— Вероятно, она — некая ведьма, чья магия страшнее их магии и одурманила этого поверженного героя.

— Это или колдовство, или идиотизм, если на самом деле нет чего-то значительно более высокого. — Король Тибо сказал это очень серьезно, а потом пожал плечами. — О Боже! При всем при том королева Фрайдис намного больше в моем вкусе.

Сказав это, молодой король пришпорил своего гнедого коня и поскакал к королеве Фрайдис (от которой он чуть позднее примет смерть), а вся великолепная свита Алианоры направилась на запад, тогда как Мануэль и Ниафер побрели на восток. Множество красок и смеха направилось в одну сторону, но в другую сторону в данное время направлялась удовлетворенность.

ЧАСТЬ IV

КНИГА ИЗДЕРЖЕК

Так создал Мануэль всех Богов,
коих называем мы «кумирами» и
«идолами», что были поставлены
во главу подчинения всей его жизни.
И каждый из богов, коих изваял
Мануэль в утомительных трудах,
имел изъян в теле своем.
И среди богов создал он одного
бога Филистимлян.

ГЛАВА XXV

Дела в Пуактесме

В Пуактесме рассказывают, как Мануэль и Ниафер двигались на восток, а потом повернули на теплый юг; и как они нашли священника, обвенчавшего их; и как Мануэль конфисковал двух коней. Также повествуется о том, что Мануэль победоносно встретился с весьма ужасным драконом под Ла-Флешью, а близ Ортеса у него возникли неприятности с Тараканищем, которого он одолел и посадил в кожаный бурдюк, но говорят, что в остальном путешествие проходило без приключений.

— А теперь, когда все обязательства выполнены и мы воссоединились, моя милая Ниафер, — сказал Мануэль, когда они сидели, отдыхая после боя с драконом, — мы отправимся в путешествие, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить.

— Дорогой, — ответила Ниафер, — я думала об этом и уверена, что это было бы очаровательно, если б только люди не были так ужасны.

— Что ты имеешь в виду, милая коротышка?

— Понимаешь, Мануэль, теперь, когда ты вернул меня из рая, люди будут говорить, что тебе следует предоставить мне взамен обиталища блаженных, из которого я была отозвана, на худой конец, вполне уютное и постоянное земное местожительство. Да, дорогой, ты знаешь, какие они, эти люди, а злопыхатели будут только рады болтать повсюду, что ты пренебрегаешь очевидным долгом, раз отправляешься смотреть и оценивать пределы этого мира, в которых, в конце концов, у тебя нет особой корысти.

— Ну и что? — спросил Мануэль, высокомерно пожав плечами. — От разговоров нет никакого вреда.

— Да, Мануэль, но такие бесцельные скитания по диким странам, о которых никто не слыхал,

выглядели бы именно так. Сейчас бы мне доставили огромное удовольствие полные приключений путешествия вместе с тобой, и титул графини для меня ничего не значит. Я уверена, что меня меньше всего интересует жизнь в собственном дворце и хлопоты, связанные с нарядами, рубинами, слугами и ежедневными приемами. Но, понимаешь, дорогой, я просто не смогла бы вынести того, что люди дурно думают о моем милом муже, и поэтому, пока этого не произошло, я охотно примирилась бы с подобными вещами.

— Ох-хо-хо! — произнес Мануэль и начал в раздражении теребить свою седую бородку. — Неужели одно обязательство порождает другое с такой быстротой! Чего же ты от меня хочешь?

— Очевидно, ты должен взять войско короля у Фердинанда и выгнать этого ужасного Асмунда из Пуактесма.

— Боже мой! — проговорил Мануэль. — Как просто у тебя выходит. Так мне заняться этим прямо сегодня днем?

— Мануэль, ты говоришь не подумав, ибо ты, вероятно, не смог бы отвоевать весь Пуактесм за один день.

— Ох! — произнес Мануэль.

— Нет, мой дорогой, без постороннего содействия не обойтись. Ты бы сперва достал войска себе в помощь, — как конные, так и пешие.

— Моя миленькая, я лишь имел в виду...

— Даже тогда, наверно, понадобится порядочно времени, чтобы истребить всех норманнов.

— Ниафер, позволь мне, пожалуйста, объяснить...

— Кроме того, ты находишься очень далеко от Пуактесма. Тебе бы даже не удалось добраться туда сегодня днем.

Мануэль прикрыл ей ладонью рот.

— Ниафер, когда я говорил о покорении Пуактесма сегодня днем, я позволил себе немного пошутить. Я больше никогда в твоем присутствии не позволю себе легкой иронии, ибо понимаю, насколько ты ценишь мой юмор. Между тем повторяю: нет, нет и тысячу раз

нет! Хорошо зваться графом Пуактесмским, это ласкает слух. Но я не хочу быть посаженным, как овощ, на нескольких акрах земли. Нет, у меня только одна жизнь, и за эту жизнь я намерен увидеть мир и пределы этого мира, чтобы их оценить. И я, — решительно закончил он, — Мануэль, который следует своим помыслам и своему желанию.

Ниафер заплакала.

— Я просто не вынесу и мысли о том, что́ о тебе скажут люди.

— Полно, моя милая, — говорит Мануэль, — это нелепо.

Ниафер плакала.

— Ты ведешь себя недостойно! — говорит Мануэль.

Ниафер продолжала плакать.

— Мое решение бесповоротно, — говорит Мануэль, — так, Боже праведный, какой от этого толк?

Ниафер теперь плакала все более и более душераздирающе. А высокий герой сидел, глядя на нее и опустив широкие плечи. Он злобно пнул громадную зеленую голову дракона, все еще гадко кровоточащую у его ног, но от этого проку было мало. Победитель дракона был побит. Он ничего не мог предпринять против подобной влаги: его решимость подмокла, а независимость была смыта этим соленым потоком. И к тому же, говорят, что теперь, когда молодость ушла от него, дон Мануэль стал думать о спокойной и тихой жизни более безропотно, чем в этом признавался.

— Отлично, — говорит вскоре Мануэль, — давай переправимся через Луар и поедем на юг на поиски твоей проклятой диадемы с рубинами, слуг и прекрасного дома.

Так что во время Рождественских праздников к королю Фердинанду в лимонную рощу за дворцом привели красивого, рослого, косоглазого и седовласого воина. Здесь святой король, соответственно экипированный нимбом и гусиным пером, творил по средам и субботам небольшие чудеса.

Король обрадовался перемене в облике Мануэля и сказал, что опыт и зрелость — прекрасные черты,

которые должны присутствовать во внешнем облике дворянина такого ранга. Но — вот незадача! — что касается передачи ему каких-либо войск, то это совершенно другой вопрос. Солдаты нужны королю для его собственных целей, а именно для немедленного захвата Кордовы. Между тем здесь находятся принц де Гатинэ и маркиз ди Пас, которые прибыли с такой же безумной просьбой: один просит солдат, чтобы помочь ему против филистеров, а другой — против каталонцев.

— Похоже, всем, кому я когда-либо жаловал поместья, сегодня нужны войска, — проворчал король, — и если б у любого из вас была хоть капля рассудительности, вы бы сохранили земли, когда-то данные вам.

— Мы испытываем дефицит, сир, — с заметным жаром заявил молодой принц де Гатинэ, — скорее не рассудительности, а поддержки нас нашим сеньором.

Это было совершенно верно, но, постольку, поскольку подобные грубоватые истины обычно не бросают в лицо королю и святому, тонкие брови Фердинанда полезли на лоб.

— Вы так полагаете? — спросил король. — Нужно это рассмотреть. Что, к примеру, вон там?

Он указал на пруд, из которого бралась вода для поливки лимонных деревьев, и принц увидел какой-то желтый предмет, плавающий в пруду.

— Сир, — сказал де Гатинэ, — это лимон, упавший с дерева.

— Вы рассудили, что это лимон. А как считаете вы, ди Пас? — спросил король.

Маркиз являлся государственным деятелем, который редко рисковал. Он подошел к кромке пруда и взглянул на этот предмет, чтобы себя не скомпрометировать. А затем возвратился улыбаясь.

— Ах, сир, вы в самом деле придумали хитроумную проповедь против опрометчивых суждений, ибо, хотя дерево — лимонное, плавающий под ним предмет — апельсин.

— Так вы, маркиз, рассудили, что это апельсин. А

как считаете вы, граф Пуактесмский? — спрашивает король.

Если ди Пас мало чем рисковал, то Мануэль вообще не стал рисковать. Он зашел прямо в воду и достал плавающий предмет.

— Король, — говорит огромный дон Мануэль, мудро прищурив ясные светлые глаза, — это половинка апельсина.

Король же сказал:

— Вот человек, которого нелегко обмануть суетными картинками сего мира и который ценит истину выше сухих башмаков. Граф Мануэль, вы полу́чите свои войска, а вы вдвоем должны подождать до тех пор, пока не приобретете силу суждений графа Мануэля, которая, позвольте вам заметить, ценнее любого поместья, которое мне придется отдать.

Поэтому, когда началась весна, Мануэль отправился в Пуактесм во главе армии, делающей ему честь, и потребовал от герцога Асмунда отдать ему страну. Асмунд, который обычно был весьма капризен из-за наложенного на него проклятия, отказался, использовав при этом весьма оскорбительные эпитеты, и война началась.

У Мануэля, конечно же, не было никаких знаний в военном искусстве, но король Фердинанд послал Мануэлю в качестве советника графа Тохиль-Вака. Мануэль в золоченых доспехах представлял собой внушительную фигуру, а его щит с вставшим на дыбы жеребцом и девизом «Mundus vult decipi» стал в битве для его более осмотрительных соперников сигналом к передислокации на какой-нибудь другой участок сражения. Клеветники шептали, что на военном совете и перед войсками дон Мануэль звучно повторял приказы и мнения, выдвинутые Тохиль-Вака. В любом случае официальные заявления графа Пуактесмского повсюду вызывали доброе чувство, приберегаемое для старых друзей, так что особого вреда причинено не было.

Наоборот, дон Мануэль теперь раскрыл в себе бесценный дар оратора, и в каждом местечке, которое они занимали, он выступал с яркими обра-

щениями к оставшимся в живых обитателям (прежде чем их повесить), призывая всех здравомыслящих людей бороться против военного самодержавия Асмунда. Кроме того, как указывал Мануэль, это была борьба, какой свет еще не видывал, борьба за мирное детство. Никогда еще, как он выражался, не велось войны ради того, чтобы покончить с войной навсегда и гарантировать прочный мир, и никогда люди не сражались за столь славное дело. И на всех эти возвышенные мысли оказывали благоприятное воздействие.

— Как чудесно ты говоришь! — обычно восклицала в восхищении госпожа Ниафер.

А Мануэль странно смотрел на нее и отвечал:

— Я зарабатываю тебе на дом, моя милая, на жалованье твоим слугам, и однажды эти словесные драгоценности увековечатся в настоящей диадеме. Теперь я понимаю, что одна моя бывшая знакомая была права, указывая на разницу между человеком и остальными животными.

— Ах да! В самом деле! — очень серьезно сказала Ниафер, не придавая словам никакого особого значения, но в целом делая вывод, что они с Мануэлем беседуют о чем-то поучительном и благочестивом. Теперь, став графиней Пуактесмской, Ниафер была набожной христианкой, и никто нигде не питал более искренней почтительности к серьезным слухам.

— К примеру, — продолжила Ниафер, — мне рассказали, что твои прелестные речи произвели такое впечатление на Филистию, что королева Стультиция предложила союз и обещала послать тебе легкую кавалерию и стенобитные машины.

— Правда, она обещала их послать, но так этого и не сделала.

— Тем не менее, Мануэль, ты вскоре обнаружишь, что моральной поддержке нет цены. И, как я часто думаю, в конце концов это самое главное.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Мануэль, — у нас повсюду уйма моральной поддержки, а здесь прекрасных речей, а на юге есть святой, творящий для нас чудеса, но именно у Асмунда великолепная армия безнравственных негодяев, и они в грош не ставят мораль и риторику.

Так что сражения продолжались всю весну, и в Пуактесме они казались очень важными и беспримерными, какой война обычно видится людям, участвующим в ней: тысячи людей были убиты, к огорчению их матерей и возлюбленных, а весьма часто и жен. И наблюдалось рядовое количество не имеющих себе равных зверств, измен, грабежей, поджогов и тому подобного, а выжившие воспринимали свои муки настолько серьезно, что забавно думать, каким неважным все это оказалось в итоге.

Поскольку эта выдающаяся резня имела место давным-давно, то перенесенная боль не стоит рассказа сегодня даже для невнимательного слушателя о схватке рыцарей при Пердигоне, или о тогдашней знаменитой битве лудильщиков, или повествования о том, как несгибаемые синдики Монтора были посажены в тюрьму военнопленных и казнены по ошибке; да и истории о том, как норманны сожгли понтонный мост в Манвиле; и как Асмунд расхаживал по прогоревшей насквозь балке при ужасной осаде Эвра и, упав с высоты почти в сотню эллей прямо в скопление своих врагов, сломал ногу, но дрался так доблестно, что целый и невредимый вырвался от них; и как близ Лизуарта безоружные крестьяне отбили нападение сторонников Мануэля косами, вилами и кольями.

Время смыло значительность этого древнего героизма так же, как непрочная краска смывается с дешевой ткани. Поэтому летописцы поступают мудро, когда отмахиваются некрещеными перьями от эпизода в Бельгарде, касающегося храбрых сиенцев с их зеленым ядом и деяний Антипапы, а бумагу приберегают для увековечивания замечательного способа, которым мрачный Тохиль-Вака обложил в Пуактесме налогом в ливр каждую дымовую трубу.

Сегодня даже невозможно проявить горячий интерес к тем, когда-то всех поразивших горшкам с расплавленными серой, жиром и негашеной известью, которые выливали на стены Сторизенда, к недовольству Мануэлевой рати. И хотя это была весьма героическая война, с выставлением напоказ всех разновидностей высшего нравственного начала и самыми

звучными выражениями, используемыми с обеих сторон, ей почему-то не удалось вызвать ни реформацию, ни гибель человечества. А после завершения убийств и всеобщего разорения мир продолжал существовать во многом так же, как делал это после всех остальных войн: со смутным представлением о том, что безо всякой выгоды были потрачены время и силы, и убеждением, что бесчестно об этом говорить.

Посему достаточно сообщить, что везде наблюдалось множество смертей и несчастий и что в июне граф Тохиль-Вака был схвачен и убит с весьма жуткой игривостью необычным образом использованной раскаленной кочергой, а войско Мануэля было разгромлено и рассеяно.

ГЛАВА XXVI

Сделка с аистом

альше Мануэль, изгнанный из Пуактесма, отправился со своей женой в Новогат, бывший уже почти семь лет столицей Филистии. Королева Стультиция, шестая по счету на троне с таким именем, приняла их весьма радушно. Она долго беседовала с Мануэлем с глазу на глаз в комнате со стенами, облицованными изразцами, и потолком, инкрустированным аксиомами морали, составленными из светлых оловянных букв, что позволяло легко заменять эти аксиомы. Стультиция сидела за бронзовым пюпитром. На ней были розовые очки, а у ее ног дремала любимая игрушка — слепая, маленькая, но очень толстая сучка по кличке Удача.

Королева по-прежнему считала, что можно заключить союз против герцога Асмунда, как только в Филистии будут созданы соответствующие общественные настроения, но это займет время.

— Имейте терпение, мой друг, — сказала она, и это было легко сказать преуспевающей, великой государыне, удобно сидящей у себя во дворце в короне и очках под сенью собственных дымовых труб, застекленных крыш, колоколен, куполов, башен и зубчатых стен.

А между тем у Мануэля и Ниафер не было даже свинарника, чтобы предаваться рекомендуемой добродетели. Поэтому Мануэль навел справки и узнал, что королева Фрайдис переехала в свою резиденцию на Саргилл — самый удаленный из Красных Островов.

— Мы отправимся к Фрайдис, — сказал он Ниафер.

— После того, как ты с ней обошелся? — спросила Ниафер.

Мануэль улыбнулся сонной улыбкой, в которой был весь Мануэль.

— Я знаю Фрайдис лучше, чем ты, моя милая.

— Да, но можешь ли ты на нее полагаться?

— Я могу полагаться на себя, а это более важно.

— Но, Мануэль, у тебя есть еще одна подружка в Англии. И хотя Господь знает, что я и видеть ее не хочу, но в Англии мы могли бы, на худой конец, получить все удобства...

Мануэль покачал головой.

— Мне очень нравится Алианора, потому что она напоминает мне о том, насколько явно женщина может напоминать мужчину. Из этого следуют две превосходные причины — по одной каждому из нас, коротышка, — не плыть в Англию.

Итак, они, находясь без крыши над головой, решили отправиться на Саргилл — «навестить другую твою подружку», как описала это Ниафер тоном более прохладным, чем тот, который Мануэль нашел бы приятным.

Но теперь Ниафер начала жаловаться, что Мануэль пренебрегает ею ради политики, войны, речей и частных переговоров со светскими дамами; и она начала вновь говорить о том, как печально, что у них с Мануэлем, вероятно, никогда не будет детей, скрасивших бы одиночество Ниафер. Ниафер теперь жаловалась довольно часто и по разным поводам, упоминать которые здесь не к месту. И она обычно сетовала со всеми проявлениями искренности на то, что, создавая глиняную фигуру Ниафер, Мануэль, должно быть, руководствовался в основном такими повсеместно ценимыми качествами, как невинность и воображение. Это зачастую причиняло, по ее словам, большие неудобства.

Мануэль со времени прибытия в Новогат успел расспросить о том о сем и еще кое о чем, так что теперь ответил с высокомерной уверенностью в себе.

— Да-да, пару детей! — сказал Мануэль. — Лично я думаю, что это превосходная идея, раз уж мы ждем, пока королева Стультиция перекроит мозги своим подданным, и нам, в сущности, нечего делать.

— Но, Мануэль, ты отлично знаешь...

— И я достаточно сведущ в магии Апсар и в силах

позвать аиста, который по счастливой случайности мой должник...

— Что у нас общего с аистом?

— Как же, именно он принесет детей, которые скрасят твое одиночество.

— Но, Мануэль, — с сомнением сказала Ниафер, — я не считаю, что в Ратгоре или в Пуактесме детей берут у аиста.

— Вне всякого сомнения, как и в каждой стране, у них есть забавные местные обычаи. Однако сейчас нас не интересуют эти провинциалы, поскольку мы находимся в Филистии. Кроме того, ты не должна забывать, что наша главная надежда — наполовину обещанный союз с королевой Стультицией, которая, насколько я понимаю, дорогая, является единственным монархом, поддерживающим нас.

— Но какое отношение королева Стультиция имеет к моему будущему ребенку?

— Самое непосредственное, милая коротышка. Ты должна понять, что для человека в моем положении самое важное — любым способом избежать оскорбления чувств филистеров.

— Все же, Мануэль, у самих филистеров есть дети, и я не понимаю, как они могут возразить против того, что у меня будет очень маленький ребеночек, если только...

— Да нет! Никто не возражает против ребенка самого по себе, поскольку ты — замужняя женщина. Суть в том, что детей филистерам приносит аист, и даже намек на возможность получения заблудшими людьми ребенка иным способом филистеры посчитают отвратительным, непристойным и похотливым.

— Какие они чудны́е! Но ты в этом уверен, Мануэль?

— Все, по их мнению, лучшие и самые популярные писатели, моя милая, в этом вопросе единодушны, а их законодатели приняли огромное количество указов, а их маслоторговцы основали гильдию специально для преследования подобных упоминаний. Нет, разумеется, существует вырождающаяся секта, выдвинувшая лозунг, что детей можно находить в капусте, но все по-настоящему уважающие себя люди при необходи-

мости в потомстве договариваются насчет посещения их аистом.

— Несомненно, удивительный обычай, но это звучит подходяще, если ты сможешь все устроить, — сказала Ниафер. — И, конечно же, мы должны попытаться достать ребенка в манере филистеров, раз ты с этим знаком, ибо уверена, что у меня нет желания кого-либо оскорблять.

Поэтому Мануэль приготовился достать ребенка в манере, предпочитаемой филистерами. Он вспомнил соответствующие магические формулы, все подготовил в манере, прежде использовавшейся фессалийскими ведьмами и колдуньями, и выкрикнул вслух очень древнее заклинание на латыни, произнеся его, как велела ему его произносить королева Стультиция, без какого-либо притворно скромного смягчения выражений:

Dictum est antiqua sandalio mulier habitavit,
Quae multos pueros habuit tum ut potuit nullum
Quod faciundum erat cognoscere. Sic Domina Anser.

Затем Мануэль достал из нагрудного кармана пять любопытных предметов, чем-то напоминающих черные звездочки, и голубой мелок. Мелом он провел на полу две параллельные прямые линии, осторожно прошелся по одной из них, а затем поманил к себе Ниафер. Стоя на том же месте, он обнял и поцеловал ее. Затем он положил в ряд пять черных звезд и перешагнул на соседнюю линию.

Вот так, надлежащим образом вызвав аиста, Мануэль напомнил птице о трех желаниях, которые были обещаны, когда он спас аисту жизнь. Он попросил аиста за каждое желание принести ему по сыну, исполнив все в манере филистеров.

Аист рассудил, что это можно устроить.

— Однако не сегодня утром, как вы предлагаете, потому что хотя я и ваш должник, дон Мануэль, я, к тому же, очень занятая птица. У меня огромное количество заказов, сделанных за месяцы до вашего, а я в своем деле обязан придерживаться системы, поскольку вы и понятия не имеете, какие тщательные и точные расчеты часто требуют женатые мужчины, заказы которых я выполняю.

— Пожалуйста, — говорит Мануэль, — окажи услугу, помня, что я когда-то спас тебе жизнь: мы с женой просим всех прямо сейчас и избавляем тебя от хлопот по сохранению каких-либо касающихся нас расчетов.

— Ох, если вы имеете желание вести оптовую торговлю с подобными нарушениями норм и обращаете внимание лишь на внесение в мой счет старых долгов, я мог бы, чтобы отделаться от вас, не так строго соблюдать правила, — со вздохом сказал аист.

— По-моему, — заметил Мануэль, — ты мог бы относиться к этому вопросу не так уныло.

— Отчего именно я, один из всех птиц, летающих в небесах, не должен быть унылым?

— Почему-то от тебя, приносящего веселье и со́ски во множество семей, ждут некоторой жизнерадостности.

Аист ответил:

— Я приношу детей безупречными, милыми и беспомощными, а с ними, говорят, я приношу радость. О радости, которую я приношу матери, давайте говорить не будем, так как чудеса нельзя ловко выразить словами, да и правда не всегда выгодна. Отцу я приношу взгляд на его собственную жизнь, которой он так ненадежно владеет, возобновленную и усиленную в существе, еще не поврежденном временем и глупостью. Он не склонен умалять здесь свое достоинство, как и везде. И именно себя он обожает в этом маленьком, мягком, непостижимом и незапятнанном воплощении. Потому что, когда я приношу детей, в них нет зла, трусости и коварства...

...Я приношу детей безупречными, милыми и беспомощными тем, кто вчера были детьми. А в конце концов время искажает, жизнь портит, а предусмотрительность изувечивает, и я с печалью вверяю принесенное мной тем, что сталось с принесенными мной вчера. В старину детей приносили в жертву медному испепеляющему богу, но время осуществляет более утонченные гекатомбы, ибо Молох умертвлял сразу. Да, Молох, будучи божественен, убивал так, как убивает пес — в ярости. Но время сродни коту, ему близка ирония. Поэтому жизнь искажает, портит и

изувечивает; жизнь беспричинно оскорбляет и унижает свою добычу, прежде чем ее поглотить...

...Я приношу детей безупречными, милыми и беспомощными и оставляю их переживать предначертанное им. Ежедневно я приношу в этот мир красоту, невинность, благородство и веру детей. Но жизнь не может найти занятий, или, скорее, средств существования, для этих изящных существ, которых я ежедневно приношу, поскольку, возвращаясь, я всегда нахожу, что жизнь свела на нет это превосходство в тех, кто вчера были детьми, и что этих добродетелей не обнаружить ни в одном взрослом человеке. И мне бы хотелось, чтобы Яхве сотворил меня орлом, стервятником или еще какой-нибудь ненавистной хищной птицей, содействующей менее горестным убийствам и более разумному истреблению, нежели я.

На это дон Мануэль своим серьезным и сухим тоном ответил:

— Теперь я, несомненно, понимаю, почему твое занятие считают, так сказать, невыгодным вложением средств. Но, в конце концов, твои дела меня не касаются, поэтому я и не намереваюсь их критиковать. Вместо этого давай избежим возвышенных обобщений, и расскажи-ка мне лучше, когда я смогу увидеть троих моих сыновей.

Затем они обговорили вопрос получения детей: Мануэль все время ходил по меловой линии и вскоре обнаружил, что мог бы иметь, если б захотел, трех девочек вместо одного мальчика, так как спрос на сыновей был в три раза выше спроса на дочерей. Для Ниафер сразу стало очевидно, что получение пяти детей вместо трех является выгодной сделкой. Мануэль же сказал, что не желает никаких дочерей: за них несешь очень большую ответственность, а он не намерен переживать по этому поводу. Затем вновь заговорила Ниафер, и, когда она закончила, Мануэль захотел двух мальчиков и трех девочек. После чего аист подписал пять векселей и были выполнены остальные необходимые формальности.

Аист сказал, что с помощью одной маленькой хитрости он мог бы доставить одного ребенка в течение дня.

— Но как давно вы женаты? — спросил он.

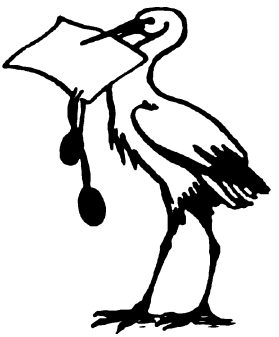
— Ох, целую вечность, — ответил Мануэль с тихим вздохом.

— О нет, мой дорогой, — сказала Ниафер, — мы женаты всего семь месяцев.

— В таком случае, — заявил аист, — вам лучше подождать пару месяцев, так как у моих клиентов не в моде такие ранние посещения.

— В общем, — сказал Мануэль, — мы хотим все сделать в соответствии со вкусами Филистии, вплоть до следования такой непостижимой моде.

Мануэль договорился, что обещанного ребенка аист доставит на Саргилл, поскольку, как он сказал аисту, они до конца лета будут проживать там.

ГЛАВА XXVII

Прибытие на Саргилл

атем Мануэль и Ниафер вышли в море и после двухдневного путешествия прибыли на Саргилл к гостеприимной королеве Фрайдис. О Фрайдис в это время много говорилось в связи с тем, что из-за нее погиб король Тибо, и в связи с ее равным образом роковыми отношениями с герцогом Истрийским, принцем Камвейским и тремя или четырьмя другими господами. Поэтому капитаны кораблей, к которым сперва обратился дон Мануэль, не решались идти к Красным Островам. Затем один еврей, хозяин торгового судна — тощий человек по имени Агасфер — сказал: «Кто запрещает?» — и перевез их без приключений от Новогата до Саргилла. Рассказывают, что за желтым кораблем следовал Пловец Ориандр, однако он не пытался причинить вреда Мануэлю.

Так Мануэль вновь пришел к Фрайдис и имел с ней первую личную беседу в комнате, обитой черно-золотой парчой. На полу лежали белые циновки, а по комнате в беспорядке были расставлены большие медные вазы с цветущими лотосами. Фрайдис сидела на треногом табурете, беседуя с пантерой. С потолка свешивались голубые, оранжевые и красно-бурые змеи — все мертвые и набальзамированные, а посреди потолка было нарисовано лицо, не вполне человеческое, обращенное вниз с полузакрытыми глазами и ртом, полураскрытым в неприятном смехе.

Фрайдис была во всем алом, и, как говорилось, когда вошел Мануэль, с ней разговаривала золотистая пантера. Фрайдис тотчас же отпустила зверя, который дружелюбно улыбнулся дону Мануэлю, а потом высоко выгнул спину в манере всего кошачьего племени и вот так расплющился в полупрозрачную

золотистую пленку и, померцав немного, исчез, словно пламя, оторвавшееся от фитиля.

— Вы просили меня обратиться к вам, милая подруга, когда вы будете мне нужны, — говорит Мануэль, с почтением пожимая королеве руку. — А никому сейчас вы не нужны больше, чем мне.

— У разных людей — разные нужды, — вполне серьезно ответила Фрайдис, — но все проходит в этом мире.

— Однако надеюсь, дружба не проходит.

Она вяло сказала:

— Проходим мы, и юный Мануэль, которого я любила одним ушедшим летом, сегодня мертв так же, как яркая листва того лета. Что у вас, седеющий вояка, общего с тем юным Мануэлем, у которого были привлекательность, юность и отвага, но не было ни человеческой жалости, ни постоянства в любви? И почему я должна давать приют его беспечным проказам? Ах, седой Мануэль, вы совершенно уверены, что ни одна женщина этого бы не сделала. А люди говорят, что вы проницательны. Посему прошу пожаловать на Саргилл, где единственный закон — моя воля.

— Вы, по крайней мере, не изменились, — чрезвычайно откровенно ответил дон Мануэль, — и вы кажетесь сегодня более прекрасной и юной, чем были в ту первую ночь на Морвене, когда я вызвал вас из высокого пламени, чтобы дать жизнь созданному мною изваянию. В общем, это было давным-давно, и я больше не создаю изваяний.

— Ваша жена посчитала бы это пустой тратой времени, — заметила королева Фрайдис.

— Нет, не совсем так. Ибо Ниафер — милейшая женщина, исполненная сознания долга, и она никогда ни в чем не перечит моим желаниям.

Тут Фрайдис слегка улыбнулась, увидев, как Мануэль считает, что он говорит чистую правду.

— В любом случае, — сказала Фрайдис, — без сомнения, странно, что на следующий месяц аист принесет вашего второго ребенка женщине, покоящейся под моей крышей на моей золоченой кровати. Да, Туринель только что рассказал мне о ваших замыслах, и это действительно странно. Однако намного более

странно, что ваш первый ребенок, которого никакой аист не приносил и вообще не участвовал в придании ему формы, но которого вы создали из глины по воле своей гордой юности и по подобию своей гордой юности, должен разгуливать, прихрамывая, по свету в облике высокого молодого человека, и что вы ничего не знаете о его деяниях.

— Ох! А что вы слышали? И что вам о нем известно, Фрайдис?

— Я о многом подозреваю, седой Мануэль, благодаря домашним занятиям тем серым искусством, что не творит ни добра, ни зла.

— Да, — сказал Мануэль, — но что вам известно?

Она вновь взяла его за руку.

— Я знаю, что на Саргилле, где единственный закон — моя воля, вас рады принять, ложный друг и весьма неверный возлюбленный.

Он не смог вытянуть из нее большего, пока они стояли тут под нарисованным лицом, обращенным к ним с неприятным смехом.

И Мануэль с Ниафер оставались на Саргилле в ожидании ребенка. Король Фердинанд, ведший еще одну кампанию против мавров, прямо сейчас ничего не мог сделать для своего вассала. Но прибывали блестящие послы от Раймона Беранже, от короля Гельмаса и от королевы Стультиции, чтобы обсудить тот или иной возможный союз и срочную помощь. Все были очень дружелюбны и весьма неопределенны. Но Мануэль в настоящее время уделял внимание лишь Ниафер и будущему ребенку и позволял государственным делам подождать.

Затем появились два корабля с ратью герцога Асмунда, пытавшегося взять Мануэля в плен. И Фрайдис отправила некое послание, заставившее солдат забегать по палубе, воя волками, бросить мечи и крылатые шлемы и драться друг с другом руками и зубами, пока они все не погибли.

Прошел месяц. Ниафер и Фрайдис стали лучшими и самыми близкими подругами, и их взаимная искренность не могла не показаться проницательным людям довольно-таки зловещей.

— У нее, по-видимому, очень доброе сердце, — призналась Ниафер, говоря с глазу на глаз с мужем, —

хотя, несомненно, она весьма странная особа. Мануэль, она показала мне сегодня десять забавнейших фигурок, которым — но нет, ты бы ни за что на свете не догадался — которым она собирается когда-нибудь дать жизнь, так же как ты сделал это со мной, когда лицо, ноги и почти все остальное получилось неправильно.

— Когда она намерена их оживить? — спросил дон Мануэль и добавил: — Я так не делал, но не буду спорить.

— Что ж, это весьма забавно, и я вполне понимаю твое нежелание признать то, как плохо ты меня запомнил. А она это сделает тогда, Мануэль, когда человек, создавший их, будет надлежащим образом вознагражден. И она сказала это с самым отвратительным выражением на лице, какое я только видела.

— На что похожи эти изваяния? — спросил Мануэль.

Ниафер их описала. Она описала их без всякой симпатии, но, вне всякого сомнения, это были изваяния, которые Мануэль оставил неоживленными на Морвене.

Мануэль кивнул, улыбнулся и сказал:

— Значит, человек, создавший эти изваяния, будет надлежащим образом вознагражден. В общем, это ободряет, ибо истинные заслуги всегда должны вознаграждаться.

— Но, Мануэль, если б ты только видел ее взгляд! И видел, что это за безобразные существа!

— Чушь! — решительно сказал Мануэль. — Ты, конечно, самая милая коротышка на свете, но это не делает тебя компетентным критиком в области как физиономики, так и скульптуры.

И он смехом обошел этот вопрос. И оказалось так, что это был последний раз, когда дон Мануэль слышал о десяти изваяниях, сделанных им на Морвене. Но в Пуактесме заявляют, что королева Фрайдис дала жизнь этим фигурам, каждой в определенный час, и что ее волшебство отправило их жить среди обычных человеческих существ, но не с очень удачным результатом, поскольку эти образы отлича-

лись от рожденных естественным способом людей находящейся внутри них искрой жизни Ауделы.

Вот так Мануэль и его жена без приключений дожили до августа, и все это время трудно было вообразить более благовоспитанную и более заботливую хозяйку, чем королева Фрайдис. И ни у кого не возникло бы подозрения, что в основе ее хозяйствования лежит колдовство. Лишь потому, что дону Мануэлю раз случилось встать по зову природы очень рано утром, он проходил по коридору тогда, когда в миг восхода солнца ночной привратник превратился в оранжевую крысу и юркнул в щель между стенными панелями. Но Мануэль, конечно же, никому об этом не сказал, поскольку это было не его дело.

ГЛАВА XXVIII

Как приняли Мелиценту

есяц прошел спокойно, без особых событий, а слуги королевы Фрайдис вели себя во всех отношениях так, словно были обыкновенными людьми. А в конце месяца появился аист.

Случилось так, что поздним вечером, когда Мануэль и Ниафер удили рыбу на берегу реки, они увидели высоко над головой приближающуюся птицу, блестящую в лучах заката ослепительно белым цветом, кроме тонких алых ног и голубых теней под крыльями. С клюва свисал большой узел из голубой ткани, так что с первого взгляда стало ясно, что аист несет девочку.

Аист надменно сел на подоконник, словно вполне знаком с таким способом проникновения в спальню к Мануэлю. Птица, держа узелок, вошла внутрь. Для любящих родителей миг, когда они увидели аиста, показался самым счастливым в жизни, и они весьма торжественно поцеловались.

Затем Ниафер оставила Мануэля собирать снасти, а сама поспешила в дом, чтобы вернуть аисту первый вексель в обмен на ребенка. А когда Мануэль сматывал удочки, к нему подошла королева Фрайдис, поскольку она тоже заметила приближающегося аиста и была, как она сказала с мрачной улыбкой, весьма рада, что дело сделано.

— Сейчас появился аист, но могут появиться и другие, — говорит Фрайдис, — а мы сегодня ночью отпразднуем счастливое событие веселым пиром в честь вашего ребенка.

— Вы очень добры, а ваш поступок многое говорит о вас, — сказал Мануэль, — и полагаю, вы хотите,

чтобы я произнес речь, а я совершенно к этому не готов.

— Нет, у нас на банкете не будет ваших заумных, выматывающих речей. Нет, ведь ваше место рядом с женой. Нет, Мануэль, вы не приглашены на этот пир, потому что он устраивается всецело в честь вашего ребенка. Нет-нет, седой Мануэль, в этот вечер и всю ночь вы должны оставаться наверху, поскольку этот пир для тех, кто мне служит. А вы мне больше не служите, и пути тех, кто мне служит, не ваши пути.

— Ах! — говорит Мануэль. — Колдовство на марше! Да, Фрайдис, я совершенно забросил подобные вещи. И хотя я ни на миг не хотел бы показаться критикующим кого-либо, я надеюсь вскоре увидеть, как вы устроите жизнь с каким-нибудь прекрасным, надежным малым и откажетесь от этих пустяков ради высших, настоящих радостей жизни.

— И что же это за наслаждение, седой Мануэль?

— Удовольствие — лицезреть своих счастливых детей, играющих у очага, и превращающихся в честных мужчин и изящных женщин, и приносящих в свой черед детей, которые будут сидеть на твоих уставших старых коленях, помогая коротать долгие зимние вечера, когда при уютном свете очага ты улыбаешься поверх кудрявых головок детей милому морщинистому, окруженному сединой лицу твоей любимой и проверенной временем помощницы, и в конце концов оказываешься доволен своей жизнью, и понимаешь, что Небеса в целом были к тебе незаслуженно добры, — со вздохом говорит Мануэль. — Да, Фрайдис, можете мне поверить, что именно таковы настоящие радости жизни и что такие наслаждения более выгодны, нежели праздные развлечения в колдовстве и чародействе, которые на самом деле в наш век, если вы позволите мне высказаться откровенно, милая подруга, едва ли выглядят достойно.

Фрайдис покачала своей гордой темной головой. Ее улыбка стала жестокой.

— Решительно, я вас никогда не пойму. Дряхле-

ющий патриарх, разве вы не осознаете, что уже наговорили о паре десятков внуков на основании того, что пять минут назад у вас появилась дочка, которую вы еще не видели? Да, возможно, и будущее этого ребенка устраивать не вам. Но идите же к жене. Поднимитесь наверх, Мафусаил, и посмотрите на новую жизнь, которую вы сотворили и которой не сможете управлять.

Мануэль пошел к Ниафер и обнаружил ее за шитьем.

— Моя милая, это никуда не годится. Тебе следует лежать в кровати с новорожденной, ведь именно так принято у матерей Филистии.

— Что за чушь! — говорит Ниафер. — Мне нужно поменять все розовые бантики на чепчиках Мелиценты на голубые.

— Все же, Ниафер, в тонком вопросе появления у тебя ребенка нам крайне необходимо во всех отношениях задобрить филистеров.

Ниафер что-то проворчала, но повиновалась. Вскоре она легла в золоченую кровать Фрайдис. Потом Мануэль внимательно посмотрел на содержимое маленького, издающего звуки, узелка рядом с Ниафер. И, взбирался он или нет на общепринятые эмоциональные пики, не касается никого, кроме Мануэля. Так или иначе, он начал говорить в той манере, которой, по обычным ощущениям отцов, требуют такие возвышенные случаи. Но Ниафер, которая теперь не была настроена романтично, просто сказала, что в любом случае большое счастье, что все кончилось, и теперь, она надеется, они вскоре покинут Саргилл.

— Но Фрайдис так добра, моя милая, — сказал Мануэль, — и так обожает тебя!

— Я за всю свою жизнь, — заявила Ниафер, — не знала никого, кто бы так жутко подурнел, как эта двуличная кошка. А с того раза, когда я впервые увидела ее гарцующей на коне и закатывающей при виде тебя свои змеиные глазенки, времени-то прошло всего ничего. А относительно того, что она меня обожает, я доверяю ей ровно настолько, насколько ее понимаю.

— Однако, Ниафер, я слышал, как ты то и дело заявляешь...

— Но, Мануэль, приходится быть вежливой.

Мануэль пожал плечами.

— Ох, уж эти женщины! — осторожно заметил он.

— Словно не так же очевидно, как наличие у нее носа, — и, полагаю, даже ты, Мануэль, не станешь утверждать, что у нее красивый нос, — что этой женщине просто не терпится сделать из тебя шута, дабы над тобой все снова смеялись! Мануэль, я заявляю, что у меня на тебя не хватает терпения, когда ты продолжаешь спорить по поводу таких неоспоримых вещей!

Мануэль, проявив повышенную осторожность, теперь вообще ничего не сказал.

— И ты можешь спорить хоть до посинения, Мануэль, но тем не менее я назову девочку Мелицентой в честь моей матери, как только с большой земли привезут священника ее окрестить. Нет, Мануэль, твоей милой подружке весьма идет называть себя серой ведьмой, но я не замечала, чтобы в этот дом входили священники, если только за ними не посылали нарочно, и я делаю собственные выводы.

— В общем, давай не будем обсуждать это, моя милая.

— Да, но кто начал весь этот спор и поиски виновных, хотела бы я знать?

— Что ж, разумеется, я. Но я говорил, не подумав. Я не прав. Признаю это. Так что не волнуйся, милая коротышка.

— Словно я могла сделать так, чтоб появился мальчик!

— Но я никогда не говорил...

— Да, но ты продолжаешь об этом думать, а больше всего на свете я не выношу, когда люди дуются. Нет, Мануэль, нет, я не жалуюсь, но не думаю, что в итоге для меня закончились ночевки в палатках, бегство от норманнов и полное отсутствие покоя: это после того, как я, естественно,

рассчитывала стать настоящей графиней... — сонно захныкала Ниафер.

— Да-да, — говорит Мануэль, гладя ее мягкие вьющиеся волосы.

— А с этой хитрющей адской кошкой, все время наблюдающей за мной... и выглядящей на десять лет моложе меня теперь, когда ты сделал мне лицо и ноги неправильно... и замышляющей неизвестно что...

— Да, разумеется, — успокаивающе говорит Мануэль. — Ты совершенно права, моя милая.

Тут наступила тишина, и вскоре Ниафер заснула. Мануэль спал сгорбившись, охраняя жену, которую вернул назад из рая ценой своей молодости. Его лицо было мрачно, а губы сжаты и вытянуты трубочкой. Вскоре он улыбнулся и тряхнул головой. Он вздохнул; не от печали, но как человек, сбитый с толку и немного уставший.

Через некоторое время после того, как уснула Ниафер, когда ночь вступила в свои права, в воздухе послышалось жужжание и фырканье. Мануэль подошел к окну, поднял алую штору со стоящими на задних лапах золотыми драконами и выглянул наружу: он увидел огромное количество крошечных голубоватых огоньков, запутанно и проворно прыгающих в темноте, словно светлячки. Они приблизились к берегу реки и собрались все вместе. Затем, объединившись, огоньки двинулись к дому. Теперь стало видно, что эти огоньки несут карлики с совиными глазами и длинными клювами аистов. Карлики скакали и плясали вокруг Фрайдис, словно сумасшедшие телохранители.

Фрайдис шагала среди них в весьма примечательном наряде. На голове у нее сверкала корона с уреем. Она несла длинный кедровый прут, на конце которого находилось вырезанное из медного купороса яблоко, а рядом с ней шел высокий молодой человек.

Так они достигли дома, и молодой человек пристально посмотрел на неосвещенное окно, словно смотрел именно на Мануэля. Молодой человек улыбнулся: его зубы сверкнули голубым блеском. Затем вся ком-

пания вошла в дом, и Мануэль из окна больше ничего не смог увидеть. Но внизу слышались стук копытец, звон тарелок и постоянный смех, напоминавший ржание. Мануэль в нерешительности пощипывал свою седеющую бородку, так как в отношении рослого малого не было никаких сомнений.

Вскоре послышалась музыка: это была восхитительная, волшебная мелодия, погружающая душу в сладостное смятение и забвение, и Мануэль не делал явных попыток противостоять ее воздействию. Он поспешно разделся, на не очень пристойный промежуток времени преклонил колени и в раздражении лег спать.

ГЛАВА XXIX

Слото-Виепус Сновидений

тром Мануэль встал рано и, оставив Ниафер спящей вместе с ребенком, спустился в нижний зал, где стоял стол, каким его оставили пировавшие. Посреди находящейся в беспорядке комнаты стоял огромный медный сосуд, наполовину наполненный вином, а рядом лежал золотой рог. Мануэль приостановился и выпил сладкого верескового вина, словно хотел себя подбодрить.

Он вышел из дома. Было ясное ветреное утро. Когда Мануэль пересекал луг, он наткнулся на рыжую корову, сидящую в траве и внимательно читающую большую книгу в зеленом кожаном переплете. Но при виде Мануэля она поспешно отложила том и стала жевать траву. Мануэль, не пытаясь это как-то объяснить, двинулся дальше к берегу реки, чтобы встретиться с образом, который он создал из глины и которому посредством сверхъестественных искусств дал жизнь.

Существо появилось из блестящей ряби бурой воды, обняло Мануэля и поцеловало его.

— Я — язычник, — сказало существо сладостным скорбным голосом, — и поэтому я не мог прийти к тебе, пока твоя любовь не была отдана некрещеной. Ибо меня никогда не крестили, и мое настоящее имя никому не ведомо. Но в дальних краях, где мне поклоняются, как Богу, меня называют Слото-Виепус Сновидений.

— Я не давал тебе никакого имени, — сказал Мануэль, а потом добавил: — Слото-Виепус, ты, обладающий внешностью Алианоры и моей юности! Слото-Виепус, как ты прекрасен!

— Поэтому-то ты и дрожишь, Мануэль?

— Я дрожу, потому что потрясен до глубины души.

Поскольку юность ушла от меня в глухом Дан-Валахлонском лесу, я отмерял жизнь днями, сотворенными из незначительных волнений, небольших удовольствий и лишь наполовину искренних желаний, которые двигались по поверхности моей души, словно рыбешки на мелководье. Но сейчас, когда я увидел и услышал тебя, Слото-Виепус Сновидений, и твои губы коснулись моих губ, во мне возникла страсть, что овладевает мной целиком, и я напуган.

— То страсть, наполняющая тех, кто создает образы. Это хозяин, от которого ты отрекся, бедный, глупый Мануэль, — хозяин, который не примет отречения.

— Слото-Виепус, какова твоя воля в отношении меня?

— Моя воля состоит в том, что мы с тобой отправляемся отсюда в долгое путешествие в далекие земли, где меня почитают, как Бога. Ибо я люблю тебя, мой творец, давший мне жизнь, а ты любишь меня сильнее, чем кого бы то ни было, и несправедливо, что мы разлучены.

— Прямо сейчас я не могу отправиться в путешествие, мне нужно вернуть свои земли и зáмки и защитить жену и новорожденного ребенка.

Слото-Виепус обворожительно засмеялся: видно было, что зубы у него на удивление белые и очень крепкие.

— Что это для меня, или для тебя, или для кого угодно, создающего образы? Мы следуем нашим помыслам и нашим желаниям.

— Когда-то я так жил, — со вздохом сказал Мануэль, — но сейчас на мне лежит обязательство обеспечивать жену и ребенка, и у меня на все остальное остается не так много свободного времени.

Затем Слото-Виепус начал обворожительно говорить, ходя по берегу реки и обняв одной рукой дона Мануэля. При ходьбе он постоянно прихрамывал. Резкий, ожесточенный ветер рябил бурые, сверкающие воды; ветер бил им в лица и рвал одежду. Мануэль одной рукой схватился за шляпу, а другой держался за хромого Слото-Виепуса Сновидений. Слото-Виепус говорил о предметах, которые не следует увековечивать.

— У тебя прелестное кольцо, — сказал вскоре Слото-Виепус.

— Это кольцо надела мне на палец жена, когда мы венчались, — ответил Мануэль.

— Значит, ты должен отдать его мне, дорогой Мануэль.

— Нет-нет. Я не могу с ним расстаться.

— Но оно прекрасно, и я его хочу, — сказал Слото-Виепус. И Мануэль отдал ему кольцо.

Тут Слото-Виепус вновь начал говорить о предметах, которые не следует увековечивать.

— Слото-Виепус Сновидений, — сказал через некоторое время Мануэль, — ты околдовываешь меня, ибо, когда я тебя слушаю, я вижу, что захваченное поместье Мануэля на этой земле — все равно что одна песчинка на этом длинном и узком берегу, по которому мы шагаем. Я вижу свою обожаемую жену Ниафер невзрачной и тупой женщиной, ничем не отличающейся от миллионов таких же женщин, которые в эту минуту готовят завтрак или корпят над другими домашними делами. Я вижу своего новорожденного ребенка мяукающим куском плоти. И я вижу Слото-Виепуса, которого создал таким сильным, странным и прекрасным, и, как в полусне, я слышу, что ожесточенный ветер смешивается со сладостным голосом Слото-Виепуса, пока он говорит о предметах, о которых говорить небезопасно.

— Да, это так, Мануэль, и так должно быть, и так будет всегда, пока ты наделен жизнью. Поэтому давай зайдем в дом и напишем шутливые письма королю Гельмасу, Раймону Беранже и королеве Стультиции в ответ на превосходные предложения, которые они тебе сделали.

Они вернулись в пустой банкетный зал. Пол там был покрыт перламутром и медью, а галерею музыкантов поддерживали порфировые колонны. В другом конце помещения находились две алебастровых урны на зеленых пьедесталах, покрытые золотыми письменами.

Мануэль сдвинул серебряные блюда с одного угла стола, взял перо и чернила, а Слото-Виепус сказал ему, что писать. Слото-Виепус сидел сложив руки и, диктуя, смотрел в потолок. На потолке мозаичной

работы были изображены четыре крылатых существа, закрывающие лица малиновыми и оранжево-рыжеватыми крыльями, и с потолка свисали подвешенные на бронзовых цепях страусиные яйца, бронзовые светильники и хрустальные сферы.

— Но это весьма оскорбительные ответы, — заметил дон Мануэль, закончив писать, — и они могут разгневать получателей. Эти монархи, Слото-Виепус, мои хорошие друзья, и это могущественные друзья, от чьей благосклонности я завишу.

— Да, но как прекрасно составлены эти ответы! Посмотри, дорогой Мануэль, как занимательно ты описал отвратительный нос короля Гельмаса в письме к нему и насколько ко́лок вот этот абзац о чешуе его жены-русалки. А в письме к благочестивой королеве Стультиции высказывания об абсурдности религии и ироничный пассаж по поводу ее очков — шедевры тяготеющей к парадоксу изящной словесности. Поэтому я должен пронаблюдать, чтобы ответы были отосланы и люди повсюду смогли ими насладиться. Но нас с тобой больше не будут волновать эти глупые монархи, да тебе, кроме меня, и не нужны никакие друзья, ибо мы отправимся в различные далекие диковинные края, и наш образ жизни будет таким-то и таким-то, и мы будем делать то-то и то-то, и мы будем повсюду путешествовать, увидим пределы этого мира и их оценим. И мы до самой твоей смерти будем неразлучны.

— Что же ты будешь делать потом, Слото-Виепус? — с любовью спросил его Мануэль.

— Я переживу тебя: ведь все боги живут дольше своих творцов. И я должен назначить для строительства твоего монумента людей с крошечными мозгами, надлежащим образом изувеченными бесцельными исследованиями и дряхлостью. Так всем богам суждено поступать со своими творцами, но это нас пока не должно тревожить.

— Нет, — сказал Мануэль, — я не могу пойти с тобой. В моем сердце зажигается такая любовь к тебе, что она меня пугает.

— Посредством любви люди добиваются счастья, бедный одинокий Мануэль.

Теперь, когда Мануэль отвечал Слото-Виепусу, на

лице Мануэля были заметны тревога и замешательство. Мануэль сказал:

— Под твоими милыми чарами, Слото-Виепус, я признаюсь, что посредством любви люди добиваются тошнотворного отвращения и презрения к себе, и по этой причине я больше не буду любить. Сейчас высокие юноши бегут из последних сил, чтоб ухватить звезды, висящие над краем однообразного болота, но вскоре им даст подножку время... О Слото-Виепус, порочный Слото-Виепус Сновидений, ты наложил на меня настолько сильную магию, что я в испуге слышу, как истина выбалтывается из долгое время запечатанных уст, которые больше не подчиняются мне из-за твоего милого колдовства...

...Посмотри, обворожительный и всевластный Слото-Виепус, как я следовал за благородными возлюбленными. Я домогался Недоступной Принцессы, а после этого недоступной королевы народа, который изящнее и сильнее нас, людей, а впоследствии моей любовью стал не меньше чем недоступный ангел рая. «Ха, я, должно быть, подходящая пара для тех, кто находится выше меня!» — таков был мой клич в старые дни, и таковы были неукротимые желания, которые одно за другим творили чудеса с помощью милого колдовства...

...Оно обладало дьявольской мощью, и высокие цели переставали являться недоступными! Но я оказывался проклят, исполнив свою волю, и всегда моей наградой становилось не что-то диковинное и редкое, но лишь совершенно заурядное изваяние — обыкновенная женщина. И всегда на каком-нибудь дождливом рассвете я с отвращением уходил от себя и от пресыщенной глупости, что жаждала таких сокровищ, которые, когда ими обладаешь, ни в чем не кажутся волшебными и обладание которыми оставляет их достаточно привлекательными, но лишенными милого колдовства...

...Нет, Слото-Виепус, нет. Мужчины созданы так, что желают соединиться с той или иной женщиной, и, более того, они созданы так, что, соединяясь с женщиной, они не удовлетворяют своего желания. И в этой игре нет победителей, поскольку концом любви для всех (кроме тех счастливчиков, чья любовь не

отплачена) всегда оказывается тошнотворное отвращение и презрение к себе, которое мудрецы переживают молча и не говорят об этом, как говорю сейчас я под воздействием твоего милого колдовства.

Тут Слото-Виепус, слегка улыбнувшись, сказал:

— И однако, бедный Мануэль, мне рассказывали, что нет более образцового супруга.

— Я к ней привык, — мрачно ответил Мануэль, — и полагаю, что, если ее вновь у меня заберут, я вновь попытаюсь ее вернуть. И я не люблю ранить ее бедное глупое сердечко, переча ее глупым идеям. И, кроме того, я ее немного боюсь, поскольку она всегда способна поставить меня в неловкое положение. И самое главное, конечно же, герою такой знаменитой любовной истории, какой стала наша благодаря этим проклятым поэтам, повсюду слагающим стихи о моей верности и преданности, приходится соблюдать внешние приличия. Поэтому я как-то проживаю каждый день, ни разу внимательно не прислушавшись к нескончаемому потоку ее речей. Но я часто гадаю — и уверен, гадают все мужья, — зачем Небеса создали существо настолько скучное, безумно тупое и упрямое. А когда я задумываюсь о том, что остаток жизни это существо будет постоянно рядом со мной, я обычно выхожу и кого-нибудь убиваю. Потом возвращаюсь, поскольку она знает, какие горячие бутерброды мне нравятся.

— Наоборот, дорогой Мануэль, ты должен уйти от этой женщины, которая тебя не понимает...

— Да, — сказал Мануэль с печальной убежденностью, — отсюда все неприятности.

— И ты должен уйти со мной, абсолютно тебя понимающим. И мы будем повсюду путешествовать, так что сможем увидеть пределы этого мира и их оценить.

— Ты меня искушаешь, Слото-Виепус, старым, неумирающим желанием, и ты наложил на меня сильные чары, но нет, я не могу с тобой уйти.

Ладонь Слото-Виепуса ласково сжала руку Мануэля. Мануэль сказал:

— Я пойду с тобой. Но что станет с женщиной и ребенком, которых я оставлю и у которых здесь нет друзей?

— Верно. Не будет никого, чтоб присмотреть за ними, и они погибнут в страданиях. Это неважно, но, вероятно, в целом для тебя было бы лучше убить их, прежде чем мы отбудем с Саргилла.

— Хорошо, — сказал Мануэль. — Я это сделаю, но ты должен подняться со мной наверх, ибо я не могу не видеть тебя.

Тут Слото-Виепус широко улыбнулся, и блеснули его зубы.

— Я теперь не оставлю тебя до самой твоей смерти.

ГЛАВА XXX

Прощание с Фрайдис

ни вдвоем поднялись наверх в комнату с алыми шторами и золоченой кроватью, на которой спала жена дона Мануэля Ниафер, а рядом на столике должным образом были разложены семь разных плодов. Мануэль вынул кинжал. Ниафер повернулась во сне, так что казалось, сама подставляет округлую шею под поднятый нож. Мануэль заметил насыщенное цветовое пятно с другой стороны золоченой кровати — там сидела королева Фрайдис, а у нее на коленях лежала голенькая новорожденная девочка.

Фрайдис встала, прижав ребенка к груди, и улыбнулась. Так мог улыбаться бес, придумав какую-то новую муку для пропащих душ, но лицо прекрасной женщины не должно быть настолько жестоко. Затем эта злобная радость сошла с лица Фрайдис. Она окунула пальцы в купель с водой, в которой мыла ребенка, и кончиками пальцев начертала на лобике ребенка крест.

Фрайдис сказала:

— Мелицента, я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Слото-Виепус стремглав бросился к камину, крича на бегу:

— Грош, грош, два гроша, полтора гроша и полгроша!

При этом зове пламя выкинуло высокие языки, и Слото-Виепус вошел в огонь, раздвинув его, словно портьеры, и мгновенно пламя спало и стало таким, как и прежде. Руки Фрайдис уже ловко двигались в Сонном Колдовстве, поэтому Ниафер не шевельнулась.

Сегодня Фрайдис была одета в ослепительное платье цвета пламени, а ее волосы сдерживал обруч из сверкающей меди.

Мануэль выронил кинжал, и его острие вонзилось в пол: оружие стояло прямо, слегка подрагивая. Но Мануэля с минуту трясло намного страшнее, чем трясся кинжал. Можно даже сказать, что он корчился в судорогах от ужаса и отвращения к себе. Какое-то время он находился в таком состоянии, переводя взгляд с безмятежно спящей госпожи Ниафер на загадочно улыбающуюся огненную Фрайдис, а потом к Мануэлю вернулось прежнее самообладание.

— Нарушитель всех клятв, — сказала Фрайдис, — знайте, что Слото-Виепус — язычник и может процветать только среди тех, чья любовь отдана некрещеным. Таким образом, он не мог появиться на Саргилле до прибытия этой маленькой язычницы, которую я только что сделала христианкой. Теперь у нас здесь только христианские ужасы, и ваша судьба снова в моих руках.

Дон Мануэль выглядел удрученным.

— Фрайдис, — сказал он, — вы спасли меня от совершения весьма неподобающего поступка. Еще мгновение, и я бы убил жену и ребенка из-за неодолимой магии Слото-Виепуса.

Фрайдис же сказала, по-прежнему загадочно улыбаясь по какой-то таинственной причине:

— На самом деле не рассказать, в какие глупости и беды втянул бы вас Слото-Виепус. Ибо вы сделали ему ноги разной длины, и он не мог простить вам своей хромоты.

— Это существо — сущий дьявол, — сказал Мануэль. — И это — фигура, которуя я мечтал сотворить, дитя моих долгих грез и трудов; это существо, которое я задумывал более восхитительным и значительным, чем серые люди, которых встречал на городских улицах, лесных тропинках и во дворцах! Несомненно, я выпустил на волю страшное создание, которым вообще не могу управлять.

— Это существо — вы в молодости, седой Мануэль. У вас были привлекательность, ум и отвага, и вы их

отдали этому образу, смело слепив его по воле своей гордой юности и по подобию своей гордой юности. Но человеческой жалости и постоянства в любви у вас тогда не было, и вы не могли отдать их ни вашим собратьям, ни прекрасной фигуре, которую создали, ни мне. Поэтому вы изумились, увидев, какими вы сделали Слото-Виепуса и меня.

Тут вновь злые мысли проявились на лице этой проницательной женщины, которая совсем недавно стала причиной смерти короля Тибо, герцога Истрийского и других влюбленных в нее господ. И дон Мануэль посмотрел на нее более внимательно.

На месте Мануэля любой человек задолго до этого подумал бы о том, что он с женой и ребенком находится в заколдованном месте во власти причуд и небезопасных слуг этой, даже на вид не заслуживающей доверия ведьмы. И средний человек вспомнил бы с отвращением ту необычную пантеру, того неприятного привратника, поразившее рать герцога Асмунда безумие и стук мерзких копытец назойливых карликов, и среднему человеку эта комната показалась бы таким местом, от которого лучше находиться подальше.

Но откровенный, грубоватый дон Мануэль сказал с веселым смехом:

— Вы говорите так, словно каждый день не становитесь все более обворожительной, милая Фрайдис, и будто я не польщен при мысли о том, что участвовал в этом совершенствовании. Не нужно так беззастенчиво выуживать комплименты.

Ее темные блестящие глаза сузились, и она посмотрела на его руки. Затем Фрайдис сказала:

— У вас на ладонях капли пота, седой Мануэль, и по одному этому я знаю, что вы страшно напуганы. Да, даже сейчас вы ведете себя довольно удивительно.

— Я напуган не так уж сильно, но я, естественно, возбужден происшедшим. Кто угодно напугался бы. Я не знаю, чего должен ждать от будущего, и мне хотелось бы, чтоб я никогда не ввязывался в это

злосчастное занятие — творение существ, с которыми не могу справиться.

Королева Фрайдис двинулась в сияющем блеске к камину и остановилась там, смотря вниз на борьбу язычков пламени.

— Однако разве вы не сотворили вновь множество горя, когда для своего удовольствия дали жизнь этой девочке? Несомненно, вы должны знать, что в ее жизни будет — если на самом деле ей суждено долго прожить, — задумчиво сказала Фрайдис, — много меньше радости, чем печали, ибо такова жизнь каждого. Но все это также не в ваших руках, ибо в Слото-Виепусе, в этом ребенке, и во мне вы с легкостью сотворили то, чем не можете управлять. А результатом управляю я.

Тут в комнату совершенно бесшумно вошла золотистая пантера, села слева от Фрайдис и уставилась на дона Мануэля.

— Разумеется, — совершенно искренне сказал Мануэль, — и я уверен, к тому же, что только вы вправе иметь с ним дело. В общем, Фрайдис, точно, как вы и говорите, положение серьезное, и действительно нужно что-то делать. И каким же образом, милая подруга, мы сможем отобрать жизнь, данную нами этому прелестному демону?

— Неужели я бы захотела убить своего мужа? — спросила Фрайдис и чудесно улыбнулась. — Да, ваш прекрасный хромой ребенок — сегодня мой муж, — бедный, напуганный, нервный седой Мануэль, — и я люблю его, ведь в Слото-Виепусе — все, что было в вас, когда я вас любила, Мануэль, и когда вы снизошли до получения удовольствия со мной.

Тут в комнату вошла оранжевая крыса, села на камин по правую руку от Фрайдис и уставилась на дона Мануэля. А крыса была такая же большая, как и пантера.

Затем Фрайдис сказала:

— Нет, Мануэль, Слото-Виепус должен жить очень долго, много лет после того, как вы превратитесь в кладбищенскую пыль. И он будет, прихрамывая, разгуливать всюду, где есть язычники, и он

всегда будет завоевывать любовь отчаянных язычников благодаря своей привлекательности и нетускнеющей беспечной юности. И сомнительно, что он где-либо сотворит добро, но, несомненно, причинит вред, и равным образом несомненно, что он уже взвешивает мое счастье так же беззаботно, как когда-то его взвешивали вы.

Тут в комнату вошло еще одно существо, которое не видел и не воображал даже сумасшедший, и оно легло у ног Фрайдис и уставилось на дона Мануэля. Устроившись так, существо зевнуло, обнажив далеко не безобидные зубы.

— Вот так, Фрайдис, — степенно сказал дон Мануэль. — И, разумеется, сказанное вами еще больше усложняет эти вопросы, но я ни за что на свете не встану между мужем и женой...

Королева Фрайдис оторвала взгляд от пламени и очень грустно посмотрела на дона Мануэля. Фрайдис пожала плечами и положила руки на головы заколдованных зверей.

— В конце концов, и я не могу этого сделать. Так что вы двое — тоскливые, незначительные, отлично подходящие друг другу люди — остаетесь непогубленными, а я пойду поищу своего мужа и попытаюсь добиться прощения за то, что не позволила ему вас мучить. Эх, меня искушало, седой Мануэль, позволить своему властному красавцу-мужу насладиться вами и этой тощей, уродливой хромоножкой и ее отродьем, как прежде вы насладились мной. Но женщины устроены настолько странно, что в самом конце я не могу позволить причинить вред ни этому седому, степенному, скучному человеку, ни его движимому имуществу. Ибо в этом мире проходит все, кроме одного. И хотя юный Мануэль, которого я любила одним ушедшим летом, сегодня мертв так же, как и яркая листва того лета, несомненно, что женская глупость никогда не умирает.

— На самом деле, я не заслуживаю вашей заботы, — довольно несчастно сказал Мануэль. — Но я всегда обожал и всегда буду искренне обожать вас, Фрайдис, и по этой причине я с радостью делаю вывод,

что вы теперь не собираетесь сотворить чего-либо насильственного и непоправимого: такого, о чем все лучшее в вас впоследствии пожалеет.

— Когда-то я вас любила, — сказала она, — а сейчас уверена, что ваше сердце всегда было холодной, твердой и серой, самой обыкновенной галькой. Но теперь, когда я — простая смертная, это не имеет значения. В любом случае вы вновь воспользовались мной: я дала вам приют, когда вы были бездомны, и вновь вы обретете предмет своего желания.

Королева Фрайдис подошла к окну и подняла алую штору со стоящими на задних лапах золотыми драконами. Но лежащие звери оставались у камина и продолжали смотреть на дона Мануэля.

— Да, вновь вы обретете предмет своего желания, седой Мануэль, так как корабль, показавшийся на излучине реки, со змеями и за́мками на коричневых парусах, — корабль Мирамона Длуагора, который он снарядил за вами на Саргилл. И ваша ссылка закончилась, ибо Мирамона побуждает тот, кто выше нас всех, и поэтому могущественный Мирамон с радостью приходит, чтобы служить вам. Теперь я могу удалиться и поискать Слото-Виепуса и свое прощение, если смогу его добиться.

— Но куда вы направляетесь, милая Фрайдис? — спросил дон Мануэль, словно вновь ощутил к ней любовь.

— Какая разница, — ответила она, долго-предолго глядя на него, — ведь граф Мануэль больше во мне не нуждается? — Затем Фрайдис посмотрела на Ниафер, лежащую в колдовском сне. — Я ни люблю, ни всецело ненавижу тебя, уродливая, хромая, тощая и раздражительная Ниафер, но, конечно же, и не завидую тебе. Ты женщина для своего седого мужа-непоседы. Мой муж не становится старше, нежнее и раболепнее по отношению ко мне и никогда не станет. — После этого Фрайдис наклонилась и поцеловала ребенка, которого только что окрестила. — Когда-нибудь ты станешь женщиной, Мелицента, и тогда ты полюбишь того или иного мужчину. Я могла бы надеяться, что ты полюбишь мужчину, который сделает

тебя счастливой, но такого мужчину еще никто не нашел.

Дон Мануэль подошел к Фрайдис, вообще не обращая внимания на заколдованных зверей, и взял ее за руки.

— Моя милая, неужели ты думаешь, что я — счастливый человек?

Она посмотрела на него снизу вверх. И, когда она отвечала, ее голос дрожал.

— Я сделала тебя счастливым, Мануэль. Я бы всегда делала тебя счастливым.

— Интересно, делала ли бы. Да ладно, в любом случае на мне лежит обязательство. Я нахожу, что никогда в человеческой жизни не обнаруживается недостатка в тех или иных обязательствах, и мы должны браться за каждое из них, не надеясь преуспеть лично, но просто стремясь его выполнить. Это не очень веселое занятие. И это разрушительное занятие!

Она же сказала:

— Я никогда не думала, что буду о тебе жалеть. Почему я должна горевать из-за тебя, седой предатель?

Он хрипло ответил:

— Я не горжусь тем, что сделал со своей жизнью, и с твоей жизнью, и с жизнью этой женщины, но, думаешь, я буду из-за этого хныкать? Нет, Фрайдис. Юноша, любивший и бросивший тебя, здесь, — он стукнул себя в грудь, — запертый, заточенный до конца жизни, умирающий в полном одиночестве. В общем-то я — хитрый тюремщик: ему не убежать. Нет, даже в самом конце, милая Фрайдис, существует обет молчания.

Она бессильно сказала:

— Мне жаль. Даже в самом конце ты подарил мне новую печаль...

С минуту они стояли, глядя друг на друга, и она впоследствии вспоминала его грустную, но в то же время лукавую улыбку. Им двоим больше нечего было делить ни в речах, ни в делах.

Затем Фрайдис исчезла, и вместе с ней исчезли и

заколдованные звери, и за́мок, словно растаял дым. И Мануэль стоял под открытым небом на убранном поле, один с женой и ребенком, в то время как к берегу причаливал корабль Мирамона. Ниафер спала. Но тут проснулась девочка, чтобы взглянуть на мир, в который она волей-неволей была призвана, и девочка начала плакать.

Дон Мануэль осторожно погладил это пугающе маленькое существо сильной красивой рукой, с которой пропало обручальное кольцо. Это потребует объяснений. Поэтому, возможно, дон Мануэль посвятил короткое ожидание на убранном поле размышлениям о том, как ему рассказать о происшедшем жене, когда та проснется и спросит его, потому что в старину это была проблема, которую ни один благоразумный муж не мог не взвешивать со всем вниманием.

ГЛАВА XXXI

Государственные вопросы

ут по трапу корабля сошло семь трубачей, одетых в блестящие пледы: каждый вел на серебряной цепи борзую, и каждая из семи борзых держала в зубах золотое яблоко. За ними последовали трое менестрелей, трое священников и трое шутов: все были в венках из роз и с посохами. Затем на берег сошел Мирамон Ллуагор — повелитель девяти снов и князь семи безумий. За ним последовало совершенно невероятное общество. Но с ними прибыла и его жена Жизель с их маленьким сыном Деметрием, названным так в честь старого графа Арнейского. И, говорят, именно этому мальчику, тогда еще завернутому в пеленки, было суждено стать убийцей собственного отца — мудрого Мирамона Ллуагора.

Госпожа Ниафер проснулась, и женщины отошли в сторонку, чтобы сравнить и обсудить своих младенцев. Они положили детей в одну колыбель. Много позднее эти двое вновь лягут вот так же вместе, и из-за этого девушка обретет долгую печаль, а юноша — смерть.

Между тем курносый повелитель девяти снов и косоглазый граф Пуактесмский сели на берегу реки поговорить о более серьезных вопросах, чем круп и режущиеся зубы. К этому времени солнце поднялось уже высоко, так что поспешно со всех концов света появились Кан, Мулук, Хиш и Кавак и натянули голубой полог, чтобы скрыть беседу их господина с доном Мануэлем.

— Что это такое, — спросил в первую очередь Мирамон Ллуагор у дона Мануэля, — я слышал о твоем союзе с Филистией и о твоих сделках с народом, который говорит, что мои изящнейшие создания — не что иное, как несварение желудка?

— Я потерял Пуактесм, — говорит Мануэль, — а филистеры предложили поддержать меня в моих притязаниях.

— Но я этого никогда не позволю! Я, создающий все сновидения, никогда не смогу с этим согласиться, и ни один филистер никогда не войдет в Пуактесм. Почему ты не пришел с самого начала за помощью ко мне, вместо того чтобы терять время на этих обыкновенных королей и королев? — раздраженно спросил волшебник. — И неужели тебе не стыдно заключать союзы с Филистией, помня, как ты раньше следовал своим помыслам и своему желанию?

— В общем, — отвечал Мануэль, — пока я не получил от Филистии ничего, кроме красивых слов, и союз еще не заключен.

— Очень хорошо. Только давай по порядку. Во-первых, ты желаешь завладеть Пуактесмом...

— Нет, не особо, но приходится соблюдать внешние приличия, а моя жена думает, что мне было бы лучше спасти этот край от ига язычников норманнов и таким образом предоставить ей подходящий дом.

— Далее: я должен заполучить для тебя эту страну, поскольку нет смысла противостоять нашим женам в подобных вопросах.

— Я рад твоему решению...

— Между нами, Мануэль. Думаю, ты теперь начал понимать причины, которые вынудили меня принести тебе волшебный меч Фламберж в самом начале нашего знакомства, и узнал, кто в большинстве семей обладает мужским характером.

— Нет, ничего подобного, Мирамон, ибо моя жена — милейшая женщина, исполненная сознания долга, и она никогда мне ни в чем не перечит.

Мирамон одобрительно кивнул.

— Ты совершенно прав, ибо нас могут подслушать. Поэтому давай продолжим, и прекрати меня перебивать. Далее: ты должен владеть Пуактесмом, и твои потомки вечно должны владеть Пуактесмом — не как фьефом, но как наследным феодом. Далее: ты будешь владеть этими землями, находясь под властью не какого-либо святого вроде Фердинанда, но под властью совершенно другого сеньора, которого назначу я. Далее: он, конечно, будет править, во всем подчиняясь моим

фантазиям, и будет полностью управляем мною, как и все сновидения.

— Поскольку дань разумная, я пока не вижу возражений твоим условиям. Но кто будет моим сюзереном?

— Человек, которого ты можешь помнить, — ответил Мирамон и сделал знак радужной толпе своих приспешников.

По этому жесту один из них шагнул вперед. Это был высокий, худощавый юнец с румяными щеками, широко расставленными глазами и небольшой головой, покрытой густыми, вьющимися темно-рыжими волосами. И Мануэль сразу же его узнал, поскольку у Мануэля были все причины запомнить странный разговор, который он вел с этим самым Горвендилом сразу же после того, как Ниафер ускакала прочь с ужасным братом Мирамона.

— Но вы не думаете, что этот Горвендил сумасшедший? — шепотом спросил дон Мануэль у волшебника.

— Думаю, он частенько производит такое впечатление.

— Тогда почему вы делаете его моим сюзереном?

— У меня есть свои причины, можешь быть уверен. А если я не говорю о них, можешь быть уверен, что на это у меня тоже есть причины.

— Но, значит, этот Горвендил один из Леших? Тот ли это Горвендил, большой палец ноги которого есть утренняя звезда?

— Могу сказать, что именно он призвал меня помочь тебе в твоем горе, о котором на Врейдексе я не слышал, но почему я должен рассказывать тебе больше, дон Мануэль? Разве не достаточно предложенных тебе провинций и сравнительно спокойных условий жизни с женой, что ты еще в придачу хочешь узнать все мои старые тайны?

— Ты прав, — сказал Мануэль, — а благодетелей нужно ублажать. — Так что он остался доволен своим неведением, да так никогда и не разузнал ничего про Горвендила, хотя позднее у Мануэля должны были возникнуть жуткие подозрения.

Между тем дон Мануэль любезно пожал руку рыжеволосому юноше и заговорил об их первой встрече.

— И, в конце концов, я не считаю, что ты говорил

крайнюю глупость, мой мальчик, — сказал со смехом Мануэль, — ибо я узнал, что та странная и опасная вещь, о которой ты мне сообщил, зачастую верна.

— Откуда мне знать, — тихо ответил Горвендил, — когда я говорю глупости, а когда нет.

Мануэль же сказал:

— Все же я могу понять твои речи лишь отчасти. В общем, не наше право понимать своих сюзеренов, и неважно, безумец ты или нет, я предпочитаю тебя королеве Стультиции и ее нелепым розовым очкам. Поэтому давай поступим по всей форме и составим текст нашего соглашения.

Это было сделано, и они по всем правилам подписали условия, по которым дон Мануэль и потомки дона Мануэля должны были вечно владеть Пуактесмом в качестве фьефа, пожалованного Горвендилом. Договор был тайным, и разглашение десяти его пунктов даже сейчас привело бы к чудовищным последствиям. Поэтому условия договора никогда не были обнародованы, и все люди оставались не более вольны критиковать его оговорки, чем сам дон Мануэль, на которого женитьба наложила обязательство так или иначе обеспечивать жену и ребенка.

ГЛАВА XXXII

Спасение Пуактесма

огда эти дела были завершены, а будущее Пуактесма обговорено в мельчайших подробностях, жена Мирамона Ллуагора сказала ему, что мужчинам уже хватит играть заумными словами, чернильницами и сургучными печатями и самое время предпринять что-то разумное по еще одному вопросу, если они, конечно, не считают, что Ниафер должна растить ребенка в канаве.

Волшебник сказал:

— Да, моя дорогая, ты совершенно права, и я займусь этим в первую очередь после обеда.

Потом он обратился к Мануэлю:

— Сейчас Горвендил сообщил мне, что ты должным образом родился в пещере примерно во время зимнего солнцестояния от матери-девственницы и отца, который не был человеком.

Мануэль ответил:

— Несомненно, это так. Но почему ты сейчас затрагиваешь щекотливые старые истории?

— Ты должным образом странствовал с места на место, принося людям мудрость и святость...

— Это тоже всем известно.

— Ты должным образом творил такие чудеса, как воскрешение мертвых и тому подобное...

— Это также неопровержимо.

— Ты должным образом пребывал в пустынном месте со злом, и там тебя искушали отчаиваться, богохульствовать и совершать другие непотребства...

— Да, нечто в этом роде произошло в Дан-Валахлоне.

— И, как я хорошо знаю, ты свои поведением на Врейдексе должным образом расстроил мои планы, а ведь я — сила тьмы...

— Ах-ах! Так, значит, ты, Мирамон, — сила тьмы!

— Я управляю всеми сновидениями и безумиями, Мануэль, а это основные силы тьмы.

Дон Мануэль, казалось, засомневался в этом, но лишь сказал:

— В общем, давай продолжим! Верно, что все это так или иначе со мной произошло.

Волшебник какое-то время смотрел на высокого воина, и в темных кротких глазах Мирамона виднелось некое странное сочувствие. Мирамон сказал:

— Да, Мануэль, эти предзнаменования далеко вперед разметили твою жизнь, точно так же, как они прежде отличали начинания Митры, Уицилопочтли, Таммуза и Геракла...

— Да, но какое это имеет значение, если эти происшествия случались со мной, Мирамон?

— Они случились также с Гаутамой, Дионисом, Кришной и всеми остальными достойными уважения спасителями, — продолжил Мирамон.

— Ладно, все это допустимо. Но какой вывод должен из всего этого сделать я?

Мирамон ему сказал.

Дон Мануэль в конце речи Мирамона выглядел особенно серьезным, и Мануэль сказал:

— Я думал, что достаточно удивительным было превращение короля Фердинанда в святого, но это превосходит все на свете! В любом случае, Мирамон, ты указал на обязательство настолько потрясающее, что, чем меньше о нем сказано, тем мудрее, и чем быстрее это обязательство выполнено, тем удобнее будет всем остальным.

Поэтому Мануэль ушел вместе с Мирамоном Ллуагором в одно тайное место, и там дон Мануэль подчинился тому, что требуется, а что произошло, с определенностью не известно. Но хорошо известно, что Мануэль страдал и после того, как провел в подземелье три дня, на третий день вышел наружу.

Затем Мирамон сказал:

— Все это должным образом исполнено, и, покончив с этим, мы теперь не нарушим мессианского этикета, если тотчас же займемся спасением Пуактесма. Предпочитаешь ли ты спасать с помощью сил добра или с помощью сил зла?

— Только не с помощью сил зла, — сказал Мануэль, — ибо я их видел во множестве в глухом Дан-Валахлонском лесу и не считаю их союзниками. Но разве добро и зло для вас, Леших, едины?

— Почему мы должны тебе рассказывать, Мануэль? — сказал волшебник.

— Устарелый ответ, Мирамон.

— Это не ответ, это вопрос. А вопрос стал устарелым, потому что использовался слишком часто, и ни один человек никогда не был в силах от него отделаться.

Мануэль бросил эту тему и пожал плечами.

— Ладно, давай завоевывать, как можем, но так, чтобы Бог был на нашей стороне.

Мирамон ответил:

— Не бойся! Он будет во всех своих обликах и со всеми своими атрибутами.

И Мирамон сделал то, что требовалось, и с чердаков и свалок Врейдекса пришли мощные союзники. Для начала Мирамон необычным образом поступил с маленькой рыбкой, и в результате его поступка к ним прибыл в сентябре, в четверг днем, когда они стояли на берегу моря к северу от Манвиля, темнокожий герой, одетый в желтое. У него было четыре руки, в которых он держал булаву, раковину, лотос и диск. И ехал он на белом жеребце.

Мануэль сказал:

— Хороший знак, что Пуктесмский жеребец получает помощь, принесенную другим жеребцом.

— Давай не будем говорить об этом белом жеребце, — поспешно ответил Мирамон, — потому что до конца этой Юги у него нет имени. Но когда души всех людей сделаются кристально чистыми, тогда этому жеребцу суждено будет быть скрещенным, и его имя будет Калки.

— В общем, — сказал Мануэль, — это кажется достаточно справедливым. Я так понимаю, что при содействии этого смуглого господина мы и должны спасти Пуактесм.

— О нет, дон Мануэль, он лишь первый из наших спасителей, ибо нет ничего сравнимого с десятичной системой, и вспомни, в нашем пакте записано, что в Пуактесме все всегда должно считаться десятками.

После этого Мирамон сделал то, что требовалось, с несколькими желудями, и приливу ответил приглушенный гром. Так появился второй герой, помогающий им. Это был приятный на вид молодой человек с изумительно рыжей бородой. На плече у него висела корзина, и он держал в руке молот. Он ехал на повозке, запряженной четырьмя козлами.

— Ну, это определенно прекрасный дюжий воин, — говорит Мануэль, — и сегодня у меня счастливый день, и у этого румяного господина, надеюсь, тоже.

— Сегодняшний день — всегда его день, — ответил Мирамон, — и прекрати перебивать мои заклинания, а дай лучше вот эту флейту.

Поэтому Мануэль оставался молчаливым, как и пара чудовищных союзников, пока Мирамон делал еще одну любопытную вещь с флейтой и пальмовой ветвью. После чего появился герой янтарного цвета, одетый в темно-зеленое и держащий дубину и силок для душ умерших. Он прискакал на бизоне, а вместе с ним прибыли сова и голубь.

— Думаю... — сказал Мануэль.

— Ты не думаешь, — ответил Мирамон. — Ты лишь болтаешь и суетишься, поскольку взволнован внешностью своих союзников, а такая болтовня и суета весьма мешают художнику, стремящемуся оживить прошлое.

Сказав это, Мирамон с возмущением обратился к еще одному заклинанию. Оно вызвало героя в сияющей колеснице, которую везли алые кобылицы. У него были золотистые волосы, красные члены, и он был вооружен луком и стрелами. Он тоже молчал, но, когда он рассмеялся, стало видно, что у него несколько языков. За ним появился молодой блестящий человек, ехавший на кабане с золоченой щетиной и окровавленными копытами. Этот воитель держал в руке обнаженный меч, а у него за спиной, словно свернутый плащ, находился корабль, содержащий богов и всех живых существ. А шестым спасителем стал высокий, бесцветный, как тень, мужчина с двумя длинными серыми перьями, прикрепленными к бритой голове. Он держал скипетр и предмет, который, по словам Мирамона, назывался анх, а зверь, на котором он ехал, был дивен на

вид. У него было тело жука с человеческими руками, голова барана и четыре львиных лапы.

— В общем, — сказал Мануэль, — я ни разу не видел подобного скакуна.

— Да, — ответил Мирамон, — да и никто не видел, так как это Сокрытый. Но прекрати же свою постоянную болтовню и передай мне соль и вон того крокодильчика.

С двумя этими вещами Мирамон обошелся так, чтобы вызвать седьмого союзника. Шею и руки этого героя обвивали змеи, и на нем было ожерелье из человеческих черепов. Его длинные черные волосы были весьма примечательно заплетены в косички. Шея у него синяя, а все тело мертвенно-бледное, кроме мест, посыпанных пеплом. Следующим, верхом на пятнистом олене, появился некто, наряженный в яркое желто-красно-сине-зеленое полосатое одеяние. Его лик мрачен, как туча, у него один большой круглый глаз; изо рта торчали белые клыки, и он держал в руке пестро раскрашенную урну. Его неописуемые спутники прыгали лягушками. Затем появился самый замечательный из всех воинов: с телом карлика и очень короткими ножками. У него огромная голова с черной бородой, плоский нос, а язык свешивался изо рта и болтался при движении. На нем был пояс и ожерелье, а больше ничего, кроме перьев ястреба, образующих своего рода головной убор. А ехал он верхом на громадной, лоснящейся пестрой кошке.

Теперь, когда эти необычные на вид союзники молча встали перед ними в ряд на берегу моря, дон Мануэль сказал с вежливым поклоном в сторону этого ужасного воинства, что, по его мнению, герцог Асмунд вряд ли будет в силах противостоять подобным спасителям. Но Мирамон повторил, что нет ничего сравнимого с десятичной системой.

— Тот мой брат, что является повелителем десятой разновидности сна, прекрасно бы завершил эту десятку, — говорит Мирамон, скребя подбородок, — если б у него только не было такой заурядной черно-белой внешности, не считая того, что он форменный скучный реалист, без намека на эстетическое чувство... Нет, я люблю цвета, и мы доберем войско на Западе!

Поэтому Мирамон занялся шариком из ярких перьев. Тут к ним верхом на ягуаре прибыл последний помощник, держащий большой барабан и флейту, из которой музыка исходила в виде языков пламени. Этот герой был совершенно черен, но раскрашен синими полосами, а по всей левой ноге у него росли золотистые перья. На нем была красная диадема в виде розы, короткая юбка из зеленой бумаги и белые сандалии. И он держал красный щит, в середине которого изображен белый цветок с четырьмя крестообразно расположенными лепестками. Таков был тот, кто стал десятым.

Теперь, когда эта жуткая десятка была набрана, повелитель семи безумий поджег пучок соломы и бросил его на ветер, сказав, что вот так гнев Мирамона Ллуагора должен пронестись над землей. Затем он повернулся к этим страшным десяти, которых он оживил на свалках и чердаках Врейдекса, и стало ясно, что Мирамон глубоко тронут.

Мирамон сказал:

— Вы, которых я создал для поклонения людей, когда земля была моложе и прекраснее, внимайте и узна́ете, почему я вдохнул новую жизнь в сухие скорлупки со своих помоек! Боги старины, развенчанные, выброшенные, игравшие роль хлама, ищите самые последние следы людей, чьих отцов вы поддерживали! Они совершенно отказались от вас. Запомните, как насмехаются над вами:

«Старые повелители-скандалисты, которых чтили наши деды, погибли, если они на самом деле когда-либо были чем-то бо́льшим, нежели какими-то любопытными представителями, происшедшими из поисков наших дедов, стремившихся найти Бога в каждом ливне, питающем их ячмень, в приносящем жару солнце и в земле, дающей им жизнь. Даже при этом у них каждый час был связан с диковинными представлениями о Боге и умопомешательствами, относящимися к Божьей доброте. Мы — более благоразумные люди, ибо понимаем все в причудах погоды и никоим образом не находим их ошеломляющими. Что касается богов, которые, возможно, существуют, то они вежли-

вы и оставляют нас в нашей жизни одних. А мы отвечаем взаимной вежливостью, зная, что делаемое нами на земле достаточно важно и требует безраздельного внимания».

Таковы люди, насмехающиеся над вами; таковы люди, пренебрегающие богами, которым придал вид Мирамон; таковы люди, с которыми сегодня вы вольны по моему разрешению обращаться, как подобает богам. Используйте же наилучшим образом свой шанс и опустошите весь Пуактесм к обеду!

Лица десяти сделались сердитыми, и они ужасно закричали:

— Блаерде Шай Альфенио Касбуе Горфонс Альбуйфрио!

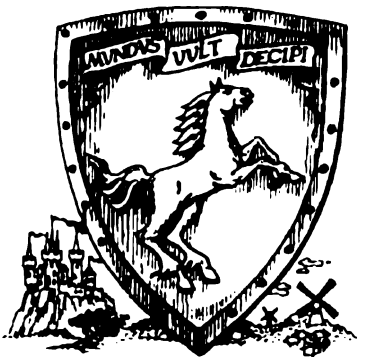
Они вдесятером уехали, двигаясь намного быстрее людей, и случившееся впоследствии в Пуактесме надолго стало историей весьма страшной, чтобы ее слушать, но которую тем не менее слушали повсюду.

Мануэль не был свидетелем событий, послуживших основой всех этих рассказов, а сидел в ожидании на берегу моря. Но землю тошнило, и рвота вздымалась под израненными ногами Мануэля, и он видел, что бледное, булькающее, блестящее море, похоже, подобострастно уползает от Пуактесма. А в Бельгарде, Нэме, Сторизенде и Лизуарте и во всех остальных укрепленных местах высокие воины Асмунда увидели тот или иной гневный лик, появившийся с моря, и многие умерли очень быстро, как всегда происходит, когда кто-либо возрождает заброшенные сновидения, и ни один из норманнов не умер в узнаваемом человеческом облике.

Когда до дона Мануэля дошли известия, что спасение Пуактесма завершено, он снял оружие и принял подобающий вид, надев белый камзол из камчатного полотна и пояс, украшенный гранатами и сапфирами. Через левое плечо он перекинул перевязь с бриллиантами и изумрудами, на которой висел незапятнанный кровью меч, которым он победил здесь так же, как и на Врейдексе. Поверх всего он набросил малиновую мантию. Затем бывший свинопас спрятал свои еще не до конца залеченные руки в белые перчатки, из ко-

торых одна была украшена рубином, а другая сапфиром, и со вздохом Спаситель Мануэль (как его звали впоследствии) вошел в свое царство, а жители Пуактесма приняли его с гораздо большей радостью, чем он их.

Так дон Мануэль оказался заточенным в собственном за́мке и в высшем сословии, откуда он не мог с легкостью освободиться, чтобы отправиться в путешествия, увидеть пределы этого мира и их оценить. И говорят, что Сускинд в своем низком дворце с красными колоннами удовлетворенно улыбнулась и приготовилась к будущему.

ЧАСТЬ V

КНИГА ИТОГА

Так добродетельно и честно
правил Мануэль вместе
с благородной дамой, женою своею.
И любили его и боялись люди
высокого звания и низкого,
ибо поступал он
по правде и справедливости
«согласно древним обычаям и
нравам», сохраняя земли свои
в достойном и надлежащем виде и
занимая в свое время
самое высокое положение.

ГЛАВА XXXIII

Процветание Мануэля

Пуактесме рассказывают прекрасные истории о деяниях, как совершенных Спасителем Мануэлем, так и тех, к которым он побуждал в дни своего правления. Также повествуется о множестве событий, которые кажутся невероятными и потому не включены в эту книгу. Старые песни и былины были склонны сделать из лучшей поры графа Мануэля необыкновенный золотой век.

В самом деле, Мануэлю и воинам, которых он собрал вокруг себя, — среди них Хольден, учтивый Анавальт, ольдермен Котт, Гонфаль и Донандр превосходили других, но все были отважны, — приписывалось такое множество славных подвигов, что трудно понять, как за такое короткое время произошло настолько много событий. Но пуактесмские сказители давно привыкли говорить о каком-либо прекрасном поступке, не имея намерения ввести в заблуждение: «Так бывало в дни графа Мануэля», что дань уважения вскоре стала восприниматься как датировка. Вот так хронология оказалась переиначена, его известность еще больше возросла, слава дона Мануэля стала магнитом, притягивающим к себе душевное величие других дней и лет.

Но здесь нет нужды говорить о подобных легендах, поскольку эти истории повсеместно записаны. Некоторые из них, возможно, правдивы; другие определенно нет. Но бесспорно, что власть, благосостояние и репутация графа Мануэля неуклонно росли. Теперь короли являлись его сотоварищами, и бывший свинопас каким-то образом оказался в числе уважаемых родственников императоров. А госпожа Ниафер, жена великого графа, повсюду признавалась, безо всякого

опровержения с ее стороны, дочерью покойного варварийского султана.

Гуврич-Мудрец нарисовал древо, показывающее происхождение госпожи Ниафер от Каюмарса — первого из всех царей, первого, кто научил людей строить дома. И это древо висело в большом зале Сторизенда.

— Даже если тут и там могли вкрасться какие-то ошибки, — сказала госпожа Ниафер, — оно выглядит отлично.

— Но, моя милая, — сказал Мануэль, — твой отец не был варварийским султаном. Наоборот, он был помощником конюха в Арнейском замке, и вся эта родословная — нелепая фальшивка.

— Вот я и сказала, что тут и там могли вкрасться ошибки, — спокойно согласилась госпожа Ниафер, — но суть в том, что эта штука на самом деле отлично смотрится, и, полагаю, даже ты этого не отрицаешь.

— Нет, я не отрицаю, что эта красочная ложь подходит к интерьеру зала.

— Вот, ты же сам видишь! — победно заявила Ниафер, и после этого ее новое происхождение никогда не ставилось под вопрос.

А между тем дон Мануэль послал гонцов через моря и земли к своей единоутробной сестре Мафи в Рагнор, прося ее продать мельницу за сколько удастся. Она послушалась и привела ко двору Мануэля мужа и двух сыновей, младший из которых позднее стал Папой Римским. Мануэль пожаловал мельнику свободное поместье Монтор, и впоследствии никогда нельзя было найти более величавой и изысканной дамы, чем графиня Матфиетта де Монтор. Она по-прежнему постоянно говорила о том, что́ подобает ее родственникам при их положении, но уже совсем по-другому. И она поладила с Ниафер, как и можно было ожидать, но не больше.

А осенью первого года правления Мануэля (сразу после того, как дон Мануэль привез в Сторизенд Скотийский Сигил в качестве добычи после первой своей знаменитой схватки с Пловцом Ориандром) аист принес Ниафер первого из обещанных мальчиков. Из-за выражения лица его назвали Эммериком: в честь отца Мануэля. И именно этот Эммерик впоследствии долго и замечательно правил в Пуактесме.

Так что дела у дона Мануэля процветали, и ничто не тревожило его душевный покой, если б не чувство ответственности за культ Слото-Виепуса, поклонение которому теперь возрастало среди многих народов. В Филистии Слото-Виепусу теперь открыто поклонялись в залах суда и храмах, а все остальные вероисповедания и любое приличие были задушены обрядами Слото-Виепуса. Повсюду на западе и на севере его последователи произносили хвастливые речи и совершали безумные проделки, и вскоре все это принесло большой вред. Но если это втайне и тревожило дона Мануэля, граф здесь, как и везде, проявлял с лучшими намерениями свой бесценный дар держания языка за зубами.

Никогда не говорил он и о Фрайдис, хотя записано, что, когда пришли известия о ее кончине, в Тимхэре под игом друидов и сатириков, дон Мануэль молча зашел в Комнату Заполя и его не было видно целый день. То, что в подобном одиночестве он плакал, маловероятно, ибо его суровые ясные глаза забыли такое занятие, но весьма вероятно, что он многое вспомнил, и отнюдь не все, по его мнению, делало ему честь.

Так что дела у седого Мануэля процветали, и у него были высокие дворцы, прекрасные леса и пастбища, покой и довольство. Увенчивая все это, аист вскоре принес им вторую девочку, которую назвали Доротеей в честь матери Мануэля. И как раз в это время из Англии прибыл молодой поэт Рибо (вскоре после этого он плохо кончил в Ковентри), принеся дону Мануэлю, когда тот сидел вместе с женой и придворными за ужином, гусиное перо.

Граф улыбнулся, повертел его в руке и задумался. Пожав плечами, он сказал:

— Нужда требует. Если б не ее находчивость, моя голова была бы насажена на серебряную пику. Я не могу забыть этот долг, раз она, как теперь выясняется, не намерена его забывать.

Затем он сказал Ниафер, что должен отправиться в Англию.

Ниафер оторвалась от мармелада, которым заканчивала ужин, и невозмутимо спросила:

— И чего же теперь хочет от тебя твоя милая белобрысая подружка?

— Дорогая, если б я знал ответ на этот вопрос, не было бы необходимости путешествовать за море.

— Однако достаточно легко догадаться, — насупившись, сказала госпожа Ниафер, хотя, в сущности, она тоже гадала, зачем Алианора послала за Мануэлем, — и я вполне могу тебя понять, ведь ты предпочитаешь, чтобы люди не узнали о подобном и тебя не засмеяли.

Дон Мануэль ничего не ответил, но вздохнул.

— И если бы моему мнению в этом доме придавали хоть какое-то значение, я бы кое-что сказала. Но при сложившихся обстоятельствах более приемлемо позволить тебе идти своим практичным путем и узнать из опыта, что мои слова верны. Поэтому сейчас, Мануэль, если ты не против, нам лучше поговорить о чем-нибудь более приятном.

Дон Мануэль по-прежнему ничего не говорил. Все это, как отмечалось, происходило сразу после ужина, и, пока придворные и жена сидели за остатками еды, заиграл менестрель.

— Должна сказать, что ты не являешься чересчур веселым собеседником, — через некоторое время заметила Ниафер, — хотя ни на миг не сомневаюсь, твоя белобрысая подружка найдет тебя достаточно жизнерадостным...

— Нет, Ниафер, сегодня вечером я не так уж счастлив.

— Да? И чья это вина. Говорила же тебе не брать две порции бифштекса.

— Нет-нет, милая коротышка, меня мучает не желудок, но, скорее, музыка.

— Мануэль, как музыка может так беспокоить? Уверена, мальчик в самом деле играет на скрипке очень мило, особенно если учесть его возраст.

Мануэль сказал:

— Да, но долгие низкие рыдания скрипки, тревожащие так же, как и смутные мысли, порожденные этим временем года, когда лето еще не покинуло землю, но уже медленно умирает в своих разломанных гробницах, говорят о том, что было, и о том, что могло бы быть. Слепое желание, точно такое же, что раньше

теплыми лунными ночами жаром пробегало по телу юноши, которого я помню, тщетно мучает седого мужчину серыми призраками бесчисленных старых горестей и маленькими жалящими воспоминаниями о давно умерших наслаждениях. От подобной жажды нет никакого толка степенным, стареющим людям, но мои уста жаждут уст, чья прелесть более не существует во плоти, и я жажду умершего времени и воскрешения умерших страстей, чтобы юный Мануэль вновь мог любить...

...Сегодня вечером, пока эта музыка нéуверенно ощупывает своими пальцами залеченные раны, где-то некая стареющая женщина, совершенно мне не знакомая, точно так же задета за живое, тоже вспоминает наполовину забытое. «Мы прежде были едины, и наши сердца стучали в унисон, а наши юные губы и души были неразлучны, — по-моему, думает она именно так, — разве жизнь поступила честно, оставив нас бесцельно тратить время на полумеры и считать пустяком расчлененные жизни, ссыхающиеся отдельно друг от друга?» Да, вполне возможно, что сегодня вечером она так же грустна, как и я. Но я не могу быть в этом уверен, поскольку в юношеской любви есть великолепие настолько ослепительное, что мешет влюбленному отчетливо разглядеть свой предмет, а посему в то славное время, когда мы вместе служили любви, я узнал о ней не больше, чем она обо мне...

...Из всех моих неудач самая горькая состоит в том, что после стольких несчастий и восторгов я не приобрел надежного знания о самóй женщине, но должен волей-неволей лить слезы над такой исчезнувшей мишурой, как ее дрожащие алые губы и роскошные волосы! Тогда, извлечено ли из юности и любви нечто большее, чем девические груди и белый животик, отдаваемые в распоряжение возлюбленного, да мимолетное опьянение, а после недоуменная тоска, которая теперь покорно умирает, во многом точно так же, как тихо замирают в конце песни долгие низкие рыдания этой скрипки?

Вот так вполголоса говорил седой Мануэль, сидя в блестящем золотисто-малиновом костюме и вертя в руке гусиное перо.

— Да, — сказала вскоре Ниафер, — но лично я думаю, что он в самом деле играет очень мило.

Мануэль резко встряхнул головой и засмеялся.

— Дорогая коротышка, — сказал он, — скажика честно, о чем ты размышляла, пока я нес этот вздор?

— Ну, я думала, что завтра первым делом должна пересмотреть твое теплое белье, Мануэль, поскольку все знают, какой сырой климат осенью в Англии...

— Моя дорогая, — серьезно и убежденно сказал Мануэль, — ты представляешь собой архетип и безупречный образец жены.

ГЛАВА XXXIV

Прощание с Алианорой

альше дон Мануэль садится на корабль и отправляется в Англию. И у нас нет авторитетных сведений о происшедшем там, кроме отчета, который по возвращении дон Мануэль дал жене.

(«Однако почему тебе понадобилось оставаться там так долго?» — спросила госпожа Ниафер.

«В общем, — объяснил Мануэль, — одно, так сказать, вело к другому».

«Гм!» — заметила Ниафер.)

Вскоре он имел личную беседу с королевой. Как она была одета? Насколько помнил Мануэль, на Алианоре была зеленая мантия с квадратной застежкой, отделанной золотом и самоцветами. Под ней приталенное парчовое платье с золотым узором и такими узкими и длинными рукавами, что они наполовину скрывали кисти рук, как митенки. Корона украшена орнаментом из трилистников, увенчивающим кольцо из рубинов. Хотя, конечно, это могли быть всего лишь гранаты...

(«И где же это происходило, что она разоделась во все эти наряды для личной беседы с тобой?»

«Естественно, в Вудстоке».

«Я знаю, что в Вудстоке, но где в Вудстоке?»

«Это происходило у окна, моя милая, у окна со стеклами, деревянными решетками и свинцовыми переплетами».

«Твой отчет весьма обстоятелен, но где находилось это окно?»

«О, теперь я тебя понял! В комнате».

«В какой комнате?»

«В общем, на стенах яркие фрески из саксонской истории, на камине очень красивые, высеченные из

камня драконы, а пол покрыт свежим тростником. В самом деле, у королевы одна из самых уютных спален, какие я только видел».

«Ах да, — сказала Ниафер, — и о чем же ты говорил все то время, что там провел?»)

Он обнаружил, что у королевы Алианоры все идет хорошо, за исключением того, что она еще не подарила наследника английскому трону, и это единственное, что ее беспокоит. Из-за этого она и послала за доном Мануэлем.

— Вообще-то после трех лет замужества это выглядит не совсем хорошо, — сказала ему королева, — и люди начинают болтать всякие гадости.

— Обычная судьба королев, — ответил дон Мануэль, — подвергаться критике завистливых людей.

— Не надо, перестаньте блистать афоризмами, Мануэль, потому что я хочу, чтобы вы помогли мне в этом вопросе более практичным образом.

— Охотно помогу вам, если это в моих силах. Но как?

— Что ж, вы должны посодействовать мне в приобретении ребенка... конечно, мальчика.

— Охотно сделаю все, что в моих силах, поскольку определенно то, что у вас нет сына — будущего английского короля, выглядит не совсем хорошо. Но как я могу содействовать вам в этом деле?

— Но, Мануэль, заимев троих детей, вы наверняка знаете, что для этого необходимо!

Дон Мануэль покачал седой головой.

— Мои дети появились из источника, который иссяк.

— Это было бы плачевное известие, если б я ему поверила, но я точно знаю, что, если вы предоставите в мое распоряжение все сведения, я смогу убедить вас в обратном...

— Меня можно убедить в чем угодно.

— Хотя я едва ли знаю, как начать, поскольку уверена, вы подумаете, что это по отношению к вам несправедливо...

Он взял ее за руку. Дон Мануэль признался Ниафер, ничего не утаивая, что тут он взял королеву за руку и сказал:

— Не играйте больше со мной, Алианора, вы ясно видите, что я горю желанием вам услужить. Поэтому перестаньте смущаться и переходите к сути, а я сделаю все, что в моих силах.

— Что ж, Мануэль, мы оба отлично знаем, что вы владеете расписками аиста на доставку по требованию в манере филистеров еще одной девочки и еще одного мальчика.

— Нет, не по требованию. Первая расписка ждала девять месяцев, а следующая — еще дольше. Но какое это имеет отношение к вашему делу?

— Мануэль, мне поистине очень неудобно просить вас, но возникла отчаянная нужда, да еще вся эта критика и сплетни. Поэтому ради прошлого и ради жизни, которую я вам вручила в качестве рождественского подарка, рассказав моему дорогому отцу совершеннейшую ложь, вы должны позволить мне воспользоваться распиской и направить аиста с мальчиком ко мне в Англию, а не к вашей жене в Пуактесм.

Вот чего хотела госпожа Алианора.

(«Я все время это знала», — заметила госпожа Ниафер, сказав неправду, но придерживаясь своей универсальной теории, что в отношениях с мужем лучше казаться всеведущей.)

Дон Мануэль огорчился при мысли о разлуке с сыном до его рождения, но он также был движим своим прошлым обожанием Алианоры, чувством задолженности ей и наложенным на него обязательством как можно лучше обеспечить своего сына. Никто не мог спорить, что положение мальчика в качестве английского короля было бы неизмеримо выше ранга младшего брата графа Пуактесмского. Так что Мануэль высказал жалобу относительно своей печали и печали Ниафер по поводу преждевременной потери любимого сына...

(«Мне повторить сказанное мной, моя милая?»

«Нет, Мануэль, я никогда не понимаю тебя, когда ты стараешься быть напыщенным и впечатляющим».)

Жалоба впечатляла, но в итоге дон Мануэль согласился на такую жертву.

Однако он не согласился остаться в Англии, чего хотела Алианора.

— Нет, — сказал он благородно, — выглядело бы не совсем хорошо заиметь меня в качестве любовника и нарушить брачный обет не любить никого, кроме короля. Нет, Алианора, я помогу вам достать ребенка, в котором вы нуждаетесь, постольку поскольку задолжал вам за свою жизнь и имею договор на двоих детей, но не хочу иметь ничего общего с нарушением брачного обета, потому что это преступление, запрещенное Священными писаниями, и о нем Ниафер, несомненно, рано или поздно услышит.

(«О Мануэль, ты этого не говорил!»

«Моя милая, я сказал так слово в слово. А почему бы нет?»

«Это, конечно, выражено разумно, но все прозвучало бы намного лучше, если б ты высказал доводы, основанные целиком и полностью на морали. Самое важное, Мануэль, как, уверена, говорила тебе множество раз, для людей, имеющих такое положение, показывать должное уважение к морали, религии и тому подобным вещам, когда о них заходит речь. Но тебя ничто не научит, кроме горького опыта, который, искренне надеюсь, может тебя миновать, и можно с таким же успехом спорить со стеной, так что продолжай, пожалуйста».)

Но королева заплакала и начала его уговаривать. Мануэль был тверд. Он провел эту ночь в комнате королевы, исполняя необходимые магические формулы и обговаривая с аистом все вопросы, а потом вернулся домой. И это... в общем, это все.

Вот такой отчет дал дон Мануэль жене.

— А в целом, Ниафер, я считаю это перспективным оборотом дел, потому что, будучи английским королем, ребенок воспользуется преимуществами, которых мы никогда не смогли бы ему предоставить.

— Да, — сказала Ниафер, — и как же сегодня выглядит твоя милая подружка?

— Кроме того, окажись этот мальчик дурен, наша печаль будет уменьшена тем обстоятельством, что, не

видя нашего сына, мы не привяжемся к нему чересчур сильно.

— В этом что-то есть. Я уже вижу, как Эммерик наследует отцовское упрямство, и это меня, естественно, беспокоит, но как сегодня выглядит эта женщина?

— Потом, даже более важным, чем эти соображения...

— Ничего не важно в этом весьма любопытно звучащем дельце, Мануэль, больше внешнего вида этой женщины сегодня.

— Ах, моя милая, — дипломатично сказал Мануэль. — Признаю́сь, мне не хотелось бы говорить об этом, ведь ты знаешь, как быстро дурнеют блондинки...

— Конечно, дурнеют, но все же...

— И, в конце концов, это не ее вина, и мне не хотелось бы рассказывать тебе о том, что госпожа Алианора выглядит намного старше, чем ты, поскольку то, что ты брюнетка, давало тебе с самого начала неоспоримое преимущество.

— Ах, не только из-за этого, — сказала Ниафер, по-прежнему весьма мрачная на вид, но, очевидно, слегка утешенная. — Виноват образ жизни, который она ведет: ее колдовство, ее встречи с ду́хами и эти постоянные развлечения и увеселения. И все говорят, что она уже стала красить волосы.

— О, явно с ними что-то сделалось, — непринужденно говорит Мануэль. — Но долг королевы состоит в сохранении тех остатков приятной наружности, которыми она обладает.

— Вот видишь! — сказала Ниафер, вновь совершенно успокоившись, заметив беззаботность, с которой дон Мануэль говорил о королеве.

Пару лет назад госпожа Ниафер, вероятно, заревновала бы. Теперь ее заботило лишь то, чтобы Мануэль, по возможности, не вел себя глупо и не нарушал их образа жизни. При любой удовлетворенной жене глупость мужа является аксиомой, и благоразумные философы не отличают здесь причину от следствия.

Что касается желания Алианоры взять Мануэля

себе в любовники, госпожа Ниафер нашла эту мысль достаточно забавной и очень хорошо показывающей ум этих полинявших, белобрысых женщин. Сохранение романтических представлений о Мануэле казалось Ниафер настолько фантастическим и не лезущим ни в какие ворота, что ей отчасти захотелось, чтобы бедняжке королеве без скандала предоставился шанс разузнать самой все о Мануэлевых тысяче и одном жеманстве и о том, чем он главным образом живет.

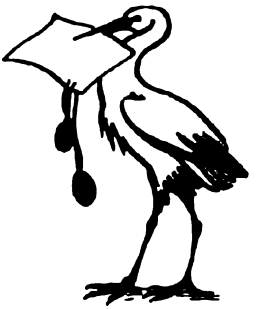
Поскольку это было невозможно, Ниафер выкинула из головы сумасшедшую королеву и начала рассказывать Мануэлю — уже не в первый раз — о том, что́ произошло в его отсутствие, и о том, как она собирается держаться подальше от его сестры Мафи, и о преимуществах для всех заинтересованных лиц совершенно ясного понимания этого факта. И с помощью Ниафер выполнение графом Мануэлем обязательства перед Алианорой было завершено.

Конечно, пошли сплетни, гласившие и то, и се, и еще кое-что. Некоторые утверждали, что в рассказе Мануэля самом по себе есть элементы невероятности. Другие заявляли, что королева Алианора, которая была куда более сведуща в магии Апсар, чем дон Мануэль, могла позвать аиста без его содействия. Правда, аист не имел особых обязательств перед Алианорой. Так бы все выглядело намного лучше, и королева могла бы не привлекать к себе особого внимания. А теперь это просто показало, каковы они, эти заграничные южанки. И хотя слухи, конечно, никого не хотели недооценивать, не было смысла притворно игнорировать то, что практически всем известно и повсюду обсуждается, а когда-нибудь все увидят собственными глазами.

Но, в конце концов, дон Мануэль и королева являлись единственными, кто имел право говорить об этих делах, и, кроме того, существовал отчет о них дона Мануэля. В отношении остального, выдерживать болтовню ему помогала мысль, что он совершил в Англии благотворительное деяние, ибо популярность королевы возросла, и все англичане, а особенно их король, были в восторге от прекрасного

сына, которого аист должным образом принес Алианоре в следующем июне.

Мануэль ни разу не видел этого мальчика, который впоследствии правил Англией и стал уважаемым всеми воином, да и королеву Алианору дон Мануэль никогда больше не лицезрел. Поэтому Алианора уходит из этой истории, чтобы принести англичанам долгие годы несчастий и разрушительных войн, а дона Мануэля избавить от еще каких-либо обманов. Дон Мануэль никогда не мог ей противостоять из-за той подспудной нищеты чувств, которую, как говорят, он с ней разделял и которую они скрывали от всего мира, за исключением друг друга.

ГЛАВА XXXV

Тревожащее окно

дним словом, казалось, что тревоги оставили графа Мануэля. Тем не менее одним прекрасным солнечным и теплым утром (это был последний день апреля) дон Мануэль открыл окно в своей основной резиденции в Сторизенде и столкнулся со зрелищем, приведшим его в большее смятение, нежели все, на что смотрели когда-либо его суровые ясные глаза.

Какое-то время он разглядывал открывшуюся перед ним картину. Дон Мануэль внимательно проэкспериментировал с тремя окнами в этой Комнате Заполя и выяснил, насколько можно доверять собственным органам чувств, положение дел. После чего, как подобает рассудительному человеку, он вернулся к письменному столу и стал заверять предписания, приказы и прочие бумаги, которые передал ему секретарь Рурик.

Однако все это время взор дона Мануэля постоянно обращался к окнам. Их было три в южной стене. В них были вставлены толстые прозрачные стекла того сорта, искусство производства которого давно утеряно, ибо эти окна оказались среди добычи герцога Асмунда после гнусных налетов на Филистию, где эти окна являлись когда-то частью храма Заполя — древнего бога филистеров. Поэтому комната и называлась Комнатой Заполя.

В этих окнах граф Мануэль видел хорошо знакомые поля, длинную тополиную аллею и поднимавшиеся дальше холмы. Все было так же, как и вчера и как все было с той поры, почти три года тому назад, когда граф Мануэль впервые вступил в Сторизенд. Все было точно так же, как было раньше, за исключением, разумеется, того, что до вчерашнего дня стол дона Мануэля стоял у дальнего окна. Он

не мог вспомнить, чтобы это окно когда-либо открывалось, поскольку с тех пор, как молодость покинула его, граф Мануэль становился все более и более восприимчив к сквознякам.

— Несомненно, оно очень любопытно, — сказал дон Мануэль вслух, покончив с бумагами.

Он опять направился к очень любопытному окну, но тут с шумом появилась его дочка Мелицента, которой сейчас было три года, в отвратительно грязном виде и начала к нему приставать. Позднее она стала необычайно красива, но в три года принадлежала к тем детям, которых человеческие силы могут сохранять в чистоте не более трех минут.

Дон Мануэль держал для нее у себя на столе маленькую плоскую палку и сейчас взялся за нее.

— Выйди из комнаты, маленькая чума! — взорвался он. — Я занят.

Поэтому девочка, в соответствии со своей привычкой, выбежала в коридор и встала там: уже не в комнате, но заступив ножкой за порог. Она смеялась в лицо своему огромному отцу и издевательски показывала крошечный красный язычок знаменитому сюзерену Пуактесма. Тут дон Мануэль, в соответствии со своей привычкой, опустился на четвереньки, чтобы шлепнуть ее палкой по ноге, а Мелицента завизжала от восторга и отдернула ногу как раз вовремя, чтобы избежать удара, но выставила за порог другую ногу и тоже постаралась отодвинуть ее до получения шлепка.

Они посвятили подобной возне больше четверти часа, и в подобном виде их нашел секретарь — серьезный молодой Рурик. Пристыженный граф Мануэль поднялся с пола, отряхнулся и послал Мелиценту в кладовую за сахарными пирожными. Он сказал Рурику, каковы самые благоприятные условия, которые он может предложить парламентариям Наренты, и дал заверенные предписания.

Когда Рурик ушел, дон Мануэль вновь приблизился к дальнему окну, открыл его и выглянул в него еще раз. Он покачал головой, как человек, не сумевший разгадать некую загадку. Он надел доспехи, опоясался мечом и поехал в Пердигон, куда прибыл святой король Фердинанд посоветоваться с

Мануэлем о замысле убийства военачальника мавров Аль-Мотаваккиля.

Вдобавок в тот день в суде высший инстанции он решал одну тяжбу относительно некоторых, весьма ценных, пахотных земель, но присутствующие при поединке заметили, что он запорол сцену сбрасывания с коня и тяжелого ранения графа Ладинаса и вел себя так, словно его настроение не соответствовало повестке дня. В действительности, у него была причина найти вторжение подобных тайн без спросу в домашнюю жизнь уважаемого всеми дворянина довольно беспокоящим (ибо сверхъестественные тайны достаточно хороши, если человек является опрометчивым юношей или если он посвящает свою жизнь их раскрытию), а иметь в собственном доме разыгрывающие его окна казалось едва ли благопристойным.

И весь этот месяц, пока он был занят преследованием Отмара и его бандитов в Тауненфельских горах, дона Мануэля в глубине души, по-видимому, тревожило какое-то воспоминание, и как только был схвачен и повешен последний отряд разбойников, он поехал домой и, выглянув в окно, обнаружил, что ничего не изменилось.

Дон Мануэль задумался. Он ударил в гонг, вызывая Рурика. Поговорив с секретарем о том о сем, через какое-то время он заметил:

— Но здесь становится душно. Открой это окно.

Секретарь повиновался. Мануэль, сидя за письменным столом, внимательно за ним наблюдал. Но, открывая окно, секретарь стоял к графу спиной, а когда повернулся, смуглое молодое лицо Рурика оставалось совершенно бесстрастным.

Дон Мануэль, теребя цепь с драгоценными камнями, висящую на шее, рассматривал лицо Рурика. Затем сказал:

— Это все. Можешь идти.

Но лицо графа Мануэля оставалось встревоженным, и остаток дня он продолжал приглядываться к молодому секретарю Рурику. После полудня было замечено, что Рурик под тем или иным предлогом часто заходил в Комнату Заполя, когда там никого не было. На следующее утро Мануэль обнаружил Рурика, средь бела дня вносящего в Комнату Заполя — подумать

только! — зажженную лампу. Граф немножко подождал, а затем вошел в комнату через единственную дверь. Комната была пуста. Граф Мануэль сел и забарабанил пальцами по крышке письменного стола.

Через некоторое время третье окно открылось, и на подоконник влез секретарь Рурик. Он задул лампу.

— Ты смелее меня, — сказал граф Мануэль, — может быть. Определенно ты моложе. Рурик, я не должен был заманивать темного и чопорного малого в это приключение, а должен был как можно скорее отважиться на него сам. Но у меня теперь другие обязанности, да еще внешние приличия, которые надо соблюдать. А люди начали бы болтать, если б увидели, как уважаемый всеми дворянин с положением в обществе вылезает из собственного окна, и просто не передать, что́ подумала бы об этом моя жена.

Секретарь обернулся, вздрогнул и, уронив лампу, разбил ее. Его ладони, трясясь, поднялись к гладкому подбородку и схватились за него. Лицо у него было белым, как у прокаженного, глаза — безумные и сверкающие, а голова вжата в плечи, обтянутые черным костюмом, так что, представ перед хозяином, он показался горбуном. Мануэль мог заметить еще одну особенность, а именно то, что с левой стороны у Рурика была выстрижена большая прядь черных волос.

— Что ты узнал, — спросил Мануэль, — там?

— Я не могу вам этого рассказать, — ответил Рурик, по-идиотски засмеявшись, — но я расскажу вам одну историю. Да-да, граф Мануэль, я расскажу вам веселую историю про то, как давным-давно наша общая бабушка Ева купала своих детей неподалеку от Эдема, когда ее позвал Бог. И она спрятала детей, которых не закончила мыть. А когда добрый Бог спросил ее, все ли ее дети находятся здесь и прижимаются кроткими головками к Его коленям, чтобы помолиться Ему, она ответила: «Да». Поэтому Бог сказал ей, что все то, что она скрыла от Бога, должно быть скрыто и от людей. И Он забрал немытых детей и создал для них некое место, где все вечно остаются юными и где нет ни добра, ни зла, поскольку эти дети не запятнаны человеческим грехом и не спасены драгоценной кровью Христа.

Граф, нахмурившись, сказал:

— Что за бред ты несешь средь бела дня? Я требую от тебя не какой-то глупой легенды, а точных сведений о том, что ты там встретил.

— Любую свободу и любое наслаждение, — безумно ответил ему молодой Рурик, — любой ужас и любой бунт.

Затем он говорил еще какое-то время. Когда Рурик закончил свою речь, граф Мануэль презрительно рассмеялся и сказал все, что можно ожидать от уважаемого всеми дворянина.

Рурик выхватил нож и бросился на своего хозяина с криком:

— Я следую своим помыслам и своим желаниям, старый самодовольный косоглазый лицемер!

Граф Мануэль схватил Рурика за горло и голыми руками задушил молодого секретаря.

— По-моему, сейчас я избавил мир от сильной заразы, — сказал вслух дон Мануэль, а Рурик лежал мертвый у ног Мануэля. — Так или иначе, я не могу потерпеть у себя в доме подобные речи. Однако лучше бы я не завлекал юношу в это приключение, которое по праву принадлежало мне. Я не привык избегать приключений.

Он позвал двоих слуг убрать тело, потом прошел в спальню, и лакеи надели на него камзол из пурпурного шелка, а седую голову увенчали диадемой. А когда граф Мануэль сел за ужин, затрубили трубы. Ему прислуживали пажи в горностае, приносящие яства на золотых блюдах и наливающие белые и красные вина из золотых кубков в золотую чарку Мануэля. Искусные музыканты играли на виолах, лютнях и флейтах, пока возвышенный граф Пуактесмский ел богато приправленные яства и невозмутимо беседовал с женой.

Они не питались так, когда Мануэль только что бросил пасти́ свиней, а Ниафер была служанкой на посылках у своей госпожи, и когда они вдвоем с благодарностью ели хлеб Портуны. Не было у них и нужды подбадривать себя дорогими винами, когда они переживали такое множество странных приключений из-за любви друг к другу. Когда-то давно они познали любовь, и менестрели повсюду слагали песни о всепобеждающей страсти, насмехающейся над смертью, и

никто не отрицал, что даже сейчас они вместе живут душа в душу.

Но сегодня вечером госпожа Ниафер была не в духе, поскольку кондитер приходился двоюродным братом молодому Рурику, и она боялась, что у него еще не прошел припадок гнева из-за того, что дон Мануэль задушил секретаря.

— Тогда повысь этому малому жалованье, — сказал граф Мануэль.

— Легко сказать, а главное, совершенно по-мужски. Мануэль, ты же наверняка знаешь, что тогда повар и дворецкий тоже потребуют больше, и этому не будет конца.

— Но, моя милая, юноша произносил безумные святотатства и собирался перерезать мне горло большим ножом с роговой рукояткой.

— Конечно, он был не прав, — утешительным тоном сказала Ниафер, — и я, Мануэль, вообще не защищаю его поведение, что, надеюсь, ты понимаешь. Но, если б ты остановился хоть на миг и подумал о том, как тяжело сейчас заменять слуг и как ненадежны самые лучшие из них, я верю, ты бы увидел, что мы находимся в их полной власти.

Затем она рассказала ему все о своей второй служанке, и в то время как Мануэль говорил «Да», и «Никогда не слышал ничего похожего», и «Ты совершенно права, моя милая», и тому подобное, в глубине души, по-видимому, его что-то мучило.

ГЛАВА XXXVI

Отклонение от сути

последствии граф Мануэль не мог долго оставаться вдали от окна, через которое вылез с лампой Рурик и через которое он вернулся в умопомешательстве, понося закон и порядок.

Вид из этого окна определенно был любопытен. Из двух других окон Заполя, расположенных рядом с этим и внешне во всех отношениях сходных с ним, вид оставался всегда неизменным и точно таким, каким был в третьем окне, если смотреть сквозь толстое прозрачное стекло. Но когда третье окно Заполя открывалось, весь мир солнечного лета, за которым вы наблюдали сквозь толстое прозрачное стекло, пропадал, и вы смотрели в безграничный серый полумрак, в котором ничего нельзя было разобрать определенно, а воздух там пах весной. Графу Мануэлю казалось весьма любопытным вот так рассматривать сквозь прозрачное стекло свои процветающие владения и все награды за свои знаменитые подвиги, а потом обнаруживать, что они исчезают, как только открываешь третье окно. Это было любопытно и удивительно. И из-за таких происшествий люди начинают сомневаться в вещах, безоговорочная вера в которые, как всем известно, и представляет собой мудрость.

Сейчас, в июне, на второй день после гибели Рурика, граф Мануэль стоял перед тремя окнами и видел на тополиной аллее свою жену, госпожу Ниафер, ведущую за руку маленькую Мелиценту. У Ниафер, несмотря на хромоту, была прекрасная фигура — пока он наблюдал за Ниафер через закрытое окно Заполя. Дон Мануэль с чувством удовлетворения смотрел на жену, которая являлась наградой за его труды и страдания в Дан-Валахлоне, и

на девочку, которая являлась наградой за его дружелюбность и проницательность в отношениях с аистом, — пока он наблюдал за ними через закрытое третье окно.

Рука у него почему-то задрожала, когда он открыл это окно, чтобы оказаться лицом к лицу с серой, сладкопахнущей пустотой. Но в оконном стекле внешний вид его цветущих садов оставался неизменным: в правой половине окна были колышущиеся тополя, ему улыбались Ниафер и маленькая Мелицента, и девочка посылала ему воздушный поцелуй. А в отворенной половине окна была сплошная пустота. Он, наклонившись вперед, прикрыл немного эту створку окна и увидел, что за привлекательной картиной ничего нет: казалось, его жена с ребенком живут и движутся лишь в старом стекле Заполя.

Дон Мануэль усмехнулся.

— Ха-ха, — сказал он, — значит, возможно, эта скучная, милая, сварливая женщина и эта бесценная, курносая девчушка нереальны. Возможно, они просто удачные образы, скрывающие ночь, которая лишь одна реальна. Рассмотрение вероятности этого факта тревожит. Оно даже способствует еще большему одиночеству. Тем не менее я знаю, что я — реален, и, несомненно, эта серость передо мной тоже реальна. В общем, неважно, что там случилось с Руриком. Должно быть, в этой серости существует какое-то иное существо, которое реально и не удовлетворено. Я должен отправиться на поиски этого существа. Здесь я тупею среди безмятежных и успокаивающих сновидений, которые делаются еще скучнее после нашептывания моей прежней госпожи о том знании, которым обладал отец моего отца.

Тут в сером полумраке появилось лицо, которое было не вполне человеческим, и его круглый беззубый рот тихо сказал:

— Меня зовут Лубрикан, и я пришел проводить тебя, если ты посмеешь последовать за мной.

— Я всегда считал слово «сметь» очень забав-

ным, — ответил Мануэль с высокомерной развязностью, которую он приберегал для общества.

И он вылез из третьего окна Заполя. Когда позднее он влез обратно, с одной стороны его седой головы была сострижена прядь.

Теперь история рассказывает, что впоследствии дон Мануэль изменился и его приближенные сплетничали об этом. Госпожа Ниафер также была приведена в легкое изумление переменой в нем, но не думала, что это очень важно, поскольку поступки мужа всегда было очень трудно объяснить. Кроме того, требовали внимания другие вопросы, так как в то время, разграбив Пиаю, во владения короля Теодорета вторглись монголы и осадили Мегариду, и разоренный король послал гонцов к дону Мануэлю.

— Но это же не мое дело, — сказал Мануэль. — Я начинаю уставать от войн и простужаюсь, когда сплю на полях с трудом выигранных сражений.

— Ты бы не простужался, как я много раз тебе говорила, — заявила Ниафер, — если б ел больше зелени, а не напичкивал себя мясом и не перегревался в бою. Все же тебе лучше пойти в поход.

— Моя милая, я ничего подобного не сделаю.

— Да, тебе лучше пойти, ведь эти монголы — отъявленные язычники.

— Когда-то давным-давно некоторые особы были язычницами, милая коротышка...

— Есть вещи намного хуже, Мануэль, — сказала Ниафер с тем мрачным намеком, перед которым дон Мануэль всегда пасовал, поскольку было непонятно, что он означает. — Да, эти монголы — отъявленные язычники, а у короля Теодорета есть, по крайней мере, приличие, чтобы называться христианином, и, кроме того, этот даст мне возможность основательно прибраться у тебя в комнатах.

В соответствии со своей привычкой, Мануэль сделал то, что Ниафер считала наилучшим. Он призвал своих вассалов, собрал родственников и, не создавая никакого шума горнами и рожками, напал на язич-

ников монголов под покровом ночи. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что никто никогда не видел такого кровопролития и такой резни, которые дон Мануэль до того, как сесть завтракать, учинил в отношении этих хвастливых варваров.

Он атаковал их со стороны Санназаро. Оставшиеся в живых, не имея выбора, бежали через поля к востоку от Мегариды, но были настигнуты и истреблены на открытом пространстве все до единого.

Владения, таким образом, были спасены от страшной опасности, а Мануэль на некоторое время задержался в Мегариде из-за последовавших банкетов, церковных служб, казней пленных и фантазий сестры короля. Эта романтичная и очень миловидная девушка вынуждала короля Теодорета докучать Мануэлю высокопарными предложениями, чтобы избавитель Мегариды прогнал свою уродливую, увечную жену и женился на прелестной сестре короля.

Мануэль над этим посмеялся. Вернулся он в Пуактесм, разумеется, с простудой, но и с новой славой, множеством награбленного добра, а также двумя новыми фьефами, записанными в графу прихода. В Пуактесме дон Мануэль обнаружил, что кондитер ушел, а его комнаты основательно прибраны и приведены в такой совершенный порядок, что он не мог ни к чему притронуться пальцем.

— Прямо для тебя! — говорит Ниафер. — Мне лишь остается заметить, что теперь ты, надеюсь, удовлетворен.

Мануэль невесело рассмеялся.

— Сейчас все и вся сговорились меня удовлетворять, и это-то меня главным образом и раздражает.

Он потрепал Ниафер по подбородку и сказал, что она сейчас должна думать о том, какой знаменитый у нее муж, а не беспокоиться о каких-то кондитерах. Затем он стал расспрашивать маленькую Мелиценту о том, как сильно скучала она по папе, пока папы не было дома, с чувством долга поцеловал других двоих детей и надлежащим образом восхитился рас-

ширением словаря Эммерика за время отцовского отсутствия. А после он один пошел в Комнату Заполя.

Впоследствии он проводил в Комнате Заполя все больше и больше времени, и о перемене в графе Мануэле говорили все больше и больше. Прошло лето. И заключил или нет граф Мануэль, как заявляли некоторые, союз с нечистой силой, — было бесспорно, что граф Мануэль процветал. Но, совершенно определенно, он изменился.

ГЛАВА XXXVII

Мнение Гинцельманна

альше история рассказывает, что утром Михайлова дня маленькая Мелицента, находясь на сей раз в мирном настроении, расположилась с куклой в высоком кресле у третьего окна Заполя, тогда как ее отец писал что-то, сидя за своим большим столом. Он останавливался, надолго задумываясь и кусая ногти, и был настолько увлечен письмом к Папе Иннокентию, что не заметил, как медленно открылось третье окно. И Мелицента какое-то время беседовала со странным мальчиком, прежде чем дон Мануэль рассеянно не взглянул на них. Тут Мануэль, похоже, заволновался и позвал Мелиценту к себе. Она послушно забралась к отцу на колени.

В Комнате Заполя воцарилась тишина. Странный мальчик сел, откинувшись на спинку кресла, которое только что покинула маленькая Мелицента. Он сидел, закинув ногу на ногу и положив руки в перчатках на правое колено, оценивающе разглядывая Мелиценту. У него было красивое грустное лицо, вьющиеся пшеничные волосы ниспадали на плечи. Одет он был в ярко-красный шелковый камзол. На левом боку, словно меч, висели огромные ножницы. На голову была надета четырехцветная остроконечная шляпа, а кожаные перчатки были расшиты жемчугом.

— Вскоре она станет женщиной, — сказал незнакомый мальчик нежным, тонким голоском, — и тогда она тоже придет к нам, и мы обеспечим ее прекрасными печалями.

— Нет, Гинцельманн, — ответил граф Мануэль, поглаживая соломенную головку маленькой Мелиценты. — Она — мамина дочка. Она происходит из на-

рода, у которого нет времени высовываться в сомнительные окна.

— Она ведь и твоя дочь, граф Мануэль. Поэтому между сегодняшним днем и своими похоронами она также захочет, пусть дорогой ценой, вырваться из королевства моей сестры Сускинд. О, совершенно определенно, вы заплатили пока слишком мало, лишь одну прядь своих седых волос, но в свое время вы запла́тите другую цену, которую потребует Сускинд. Я-то знаю, ибо именно я собираю причитающееся моей сестре Сускинд, и, когда пробьет час, поверьте мне, граф Мануэль, я не буду просить вашего соизволения, да и нет такой цены, которую вы, по-моему, охотно не запла́тите.

— Вероятно. Сускинд мудра и странна, а грозная красота ее юности — осуществление старой надежды. Жизнь превратилась в скучное решение вопроса больших денег и большой крови, но Сускинд восстановит для меня злато и пурпур рассвета.

— Так вы очень сильно любите мою сестру Сускинд? — спросил Гинцельманн с довольно грустной улыбкой.

— Она — наслаждение моего сердца и желание моего желания, и именно по ней я всегда невольно тосковал с тех пор, как ушел, чтобы взойти на высокий Врейдекс в погоне за богатством и славой. Я видел, как мои пожелания исполнились, а мечты осуществились, и все божественные недовольства, облагораживавшие мою юность, умерли без мук в тепле и уюте. И жизнь стала лишь привычкой делать то, чего ожидают от тебя маленькие люди, а молодость покинула меня, и я, который прежде с высоко поднятой головой следовал своим помыслам и своим желаниям, больше уже не могу очень сильно чем-то интересоваться. Теперь я изменился, ибо Сускинд еще раз выпустила меня из Страны Юных и из серых глубин нестареющей, истязающей себя юности, что свели с ума Рурика, но не меня.

— Послушайте, граф Мануэль, это юное ничтожество без гроша в кармане, этот секретарь Рурик, был пойман не так, как пойманы вы. От веры остальных не убежать с этой стороны окна. Всемирно известного Спасителя Мануэля здесь не оставляет удача, и он

будет процветать и самоутверждаться до тех пор, пока приказы лишенных воображения богов совершенно не погубят Мануэля, который когда-то следовал своим помыслам и своим желаниям. Даже возвышенные боги с одобрением отмечают, что вы стали таким человеком, которому боги доверяют, и поэтому они бессовестно вам благоволят. Здесь для вас все подготовлено заранее помыслами других. Здесь вам не убежать от стремления сегодня получить еще немного богатств, а завтра — еще немного лугов при каждодневно усиливающихся рукоплесканиях, почитании и зависти ваших собратьев наряду с медленно, но постоянно углубляющимися морщинами, тупеющим мозгом, увеличивающимся брюшком и чопорным одобрением всех на земле и на небесах. Вот награда для тех, кого вы в шутку называете преуспевающими людьми.

Дон Мануэль отвечал очень медленно, и маленькой Мелиценте показалось, что у отца грустный голос. Мануэль сказал:

— По-моему, несомненно, что мне не убежать с этой стороны окна Заполя. На мне лежал долг создать в этом мире некую фигуру, и я выполнил это обязательство. Затем нужно было выполнить еще и другие обязательства. А теперь на меня лег гейс, который неосуществим ни трудом, ни чудом. Это гейс, который наложен на каждого, а жизнь у любого человека такая же, как и у меня: ни на миг она не освобождается от того или иного обязательства. Да, юность болтлива и хвастлива, но в самом конце никто не может следовать своим помыслам и своему желанию. На каждом повороте тебя встречает то, что ожидал, долг следует за долгом, и в конце концов ни один герой не может стать сильнее всех. Поэтому мы волей-неволей уступаем ужасной неразумности этого мира, и Гельмас делается мудрым, а Фердинанд святым, я же преуспевающим. Мы выполняем то, что от нас и ждали, потому что ни у одного из нас никогда не было настоящей возможности сопротивляться в мире, где все люди питаются своей верой.

— А разве успех вас не удовлетворяет?

— Но, — медленно спросил Мануэль точно так же, как он когда-то в своей потерянной молодости спросил Горвендила, — что такое успех? Мне говорят, что я

во всем чудесно преуспел, поднявшись с самого низа до таких высот, однако, слыша это, я порой диву даюсь, поскольку знаю, что на уютной вершине графа Мануэля кривляется существо с высохшим сердцем, человек духовно не такой богатый, как выходивший в поле с мельниковыми свиньями.

— Да, граф Мануэль, вы пришли к приемлемому соглашению с этим миром, уступив его глупости. Так довольствуйтесь покоем, ибо это единственный путь, открытый любому, кто не совсем правильно увидел и оценил пределы этого мира. На худой конец, вы обрели все свои желания и представляете собой весьма знаменитую фигуру, не говоря уж о завидном положении.

— Но я голодаю, Гинцельманн, я высыхаю, становясь каменным, и эта завидная жизнь превращает меня в почитаемого дураками самодовольного идола, а одобрение дураков превращает мое сердце и мозг в каменное сердце и мозг идола. И я оглядываюсь назад, на свои прежние бездыханные устремления, и печально спрашиваю: «Неужели ради этого?»

— Да, — сказал Гинцельманн и пожал плечами, так и не расставаясь со своей грустной улыбкой. — Да-да, все это — лишь еще один способ доказать, что Беда сдержала свое слово. Но ни одному человеку не избавиться от Кручины, граф Мануэль, разве что дорогой ценой.

Какое-то время они молчали. Граф Мануэль гладил соломенную головку маленькой Мелиценты. Гинцельманн вертел в руке крестик, висевший у него на шее и казавшийся сплетенным из струн. Когда Гинцельманн тряхнул им, крест зазвенел, как колокольчик.

— Но тем не менее, — сказал Гинцельманн, — вы остаетесь здесь. Нет, определенно я вас не понимаю, граф Мануэль! Как пьяница идет назад к губительному бочонку, так и вы продолжаете возвращаться в свой прекрасный дом в Сторизенде и к непрестанному нашептыванию отца вашего отца, несмотря на то что вам нужно лишь остаться в низком дворце Сускинд с красными колоннами, чтобы навсегда избавиться от этого шепота и этого тоскливого насыщения человеческих желаний.

— Я, конечно же, вскоре обоснуюсь там постоянно, — сказал граф Мануэль, — но еще рано. Было бы

не вполне честно по отношению к жене покинуть Сторизенд прямо сейчас, когда мы собираем урожай и когда все так или иначе уже в беспорядке...

— Я так понимаю, что вы по-прежнему выдумываете извинения, граф, чтобы отложить признание вассальной зависимости от моей сестры.

— Нет, это не так, совсем не так! В делах сейчас действительно беспорядок, и, кроме того, Гинцельманн, в конце следующей недели аист принесет нам последнюю девочку. Мы назовем ее Эттаррой, и мне бы, конечно, хотелось на нее взглянуть...

Гинцельманн по-прежнему грустно улыбался.

— В прошедший месяц вы не могли прийти к нам просто потому, что ваша жена тогда была изнурена стоянием на жаркой кухне и изготовлением варений и солений. Дон Мануэль, придете ли вы, когда девочка будет доставлена, а весь урожай засыпан в закрома?

— Но, Гинцельманн, в течение пары недель мы будем варить пиво, а я всегда более или менее за этим следил...

Гинцельманн, так же грустно улыбаясь, указал маленькой рукой в перчатке на Мелиценту.

— А как насчет другого вашего порабощения — этим ребенком?

— Несомненно, Гинцельманн, что потомство нуждается в отцовском присмотре, а она всего лишь ребенок. И, естественно, я последнее время думал об этом довольно серьезно...

Гинцельманн заговорил, тщательно подбирая слова:

— Она почти самая глупая и самая непривлекательная девочка, которую я когда-либо видел. А я, как вы должны помнить, кровный брат Каину и Сету.

Но дон Мануэль не рассердился.

— Будто я не знал, что в ребенке нет ничего замечательного! Нет, мой милый Гинцельманн, вы, служащий Сускинд, показали мне много странного и прелестного, но не более странного и прелестного, чем то, что я открыл сам. Ведь я — тот Мануэль, которого называют Спасителем Пуактесма, и мои деяния станут темой для менестрелей, чьи дедушки еще не родились. Я познал любовь, войну и всевозможные приключения. Но все вздохи и приглушенный смех вчерашнего дня, и все трубные звуки и крики, и все, что я видел на

блистательных возвышениях великих мира сего, и все добро, которое я в свое время, возможно, сделал, и все зло, которое я определенно уничтожил, все это кажется тривиальным по сравнению с производством на свет этого взъерошенного потомства. Нет, разумеется, она менее развита, чем Эммерик и даже Доротея, и она, как ты говоришь, ничем не примечательный ребенок, хотя зачастую, могу тебя уверить, она творит изумительные вещи. Вот к примеру...

— Избавьте меня! — сказал Гинцельманн.

— Но это действительно было с ее стороны очень умно, — с разочарованием сделал оговорку дон Мануэль. — Однако я собирался сказать, что я, который громил язычников и перекидывался шутками с королями, а сейчас ставлю условия Святому Отцу, стал считать поступки этой дурно воспитанной, эгоистичной, некрасивой, маленькой чертовки более важными, чем свои. И пока я не могу решиться покинуть ее. Поэтому, мой друг Гинцельманн, думаю, пока я не приму на себя такое обязательство. Но после Рождества посмотрим.

— А я расскажу вам о двух причинах этих колебаний, граф Мануэль. Одна причина состоит в том, что вы — человек, а другая — в том, что у вас на голове седые волосы.

— Так, может быть, — безнадежно спросил огромный воин, — я, который не прожил еще и двадцати шести лет, уже миновал свой расцвет? И жизнь покидает меня?

— Вы должны помнить цену, которую заплатили, чтобы возвратить из рая госпожу Ниафер. Оценивая такие вещи не по календарю, а как есть на самом деле, вам сейчас около пятидесяти шести.

— Я об этом не сожалею, — решительно сказал Мануэль, — и ради Ниафер я готов стать стошестилетним. Но, определенно, тяжело думать о себе, как о старике, стоящем на пороге могилы.

— О, вы еще не так стары, граф Мануэль, но власть Сускинд сильнее власти ребенка. И, кроме того, есть способ свести власть ребенка на нет. Смерть просто слегка, одним коготком, процарапала морщины, отмечая тот факт, что вы вскоре будете принадлежать ей. Пока это все. И вот так же моя возвышенная сестра

Сускинд властвует над вами, который когда-то следовал своим помыслам и своему желанию. Да-да, хотя сегодня вы отказываете Сускинд, завтра вы будете ее умолять, а потом, возможно, она вас накажет. В любом случае сейчас мне нужно идти, поскольку вы упрямы, а я в это время года, в сентябре, ношусь по свету, собирая причитающееся моей сестре, а ее должники весьма многочисленны.

И на этом мальчик, по-прежнему печально улыбаясь, соскользнул с третьего окна в серый сладкопахнущий полумрак, а маленькая Мелицента сказала:

— Отец, но почему этот странный грустный мальчик хотел, чтобы я вылезла вместе с ним в окно?

— Возможно, он хотел сделать тебе доброе дело, моя милая, так, как он расценивает доброту.

— Но зачем этому грустному мальчику понадобился клок моих волос? — спросила Мелицента. — И зачем он срéзал его своими большими блестящими ножницами, пока ты писал, а он играл со мной?

— Пришлось заплатить, — ответил Мануэль. Он знал, что теперь чары Альвов наложены на его ребенка и что это цена его пирушек. Он знал также, что Сускинд никогда не сбавит цену.

Затем Мелицента строго спросила:

— А почему лицо у тебя так побелело?

— Должно быть, я побледнел от голода, дитя мое. Так что, по-моему, нам с тобой лучше пойти пообедать.

ГЛАВА XXXVIII

Прощание с Сускинд

после обеда дон Мануэль один зашел в Комнату Заполя, снарядился как следует и в последний раз вылез из заколдованного окна. Говорят, что его последнее посещение глубин было ужасным, и повествуется о том, что из всех деяний наполненной событиями жизни дона Мануэля совершенное в тот день было самым зловещим. Но он прошел через все благодаря своему снаряжению и твердому сердцу. И по возвращении дон Мануэль сжимал в руках, вымазаных в крови, прядь прекрасных соломенных волос.

Он в последний раз обернулся на серые глубины. Некая девушка в короне бесшумно поднялась рядом с ним — вся румяно-бледная, — обхватила его своими окровавленными прелестными руками, прижала к своей израненной груди и поцеловала в последний раз. Затем ее руки отпустили дона Мануэля, и она была поглощена серыми сладкопахнущими глубинами.

— Прощай, королева Сускинд, — говорит граф Мануэль. — Ты, которая не была человеком, но знала лишь правду о всем сущем, никогда не могла понять наших дурацких человеческих взглядов. Иначе ты бы никогда не затребовала цену, которую я не могу заплатить.

— Плачь, плачь же по Сускинд! — сказал после Лубрикан, тихо воя в сером, пахнущем апрелем полумраке. — Ибо она одна знала тайну сохранения того недовольства, что божественно там, где все остальное чахнет с годами и опускается до животной покорности.

— Что ж, да, но несчастье не является истинным желанием человека, — ответил Мануэль. — Я знаю, так как изведал и счастье, и несчастье, но ни одно из них меня не удовлетворило.

— Плачь, плачь же по Сускинд! — воскликнул затем нежный и тонкий голосок Гинцельманна. — Ибо именно она полюбила бы тебя, Мануэль, такой любовью, о которой мечтает юность и которой нет нигде с твоей стороны окна, где все женщины превращаются в дурацкие фигуры из теплой земли, а любовь чахнет с годами и опускается до животной покорности.

— Это правда, — сказал Мануэль. — Вся моя последующая жизнь окажется утомительным занятием из-за длительного желания любви Сускинд, уст Сускинд, грозной красоты ее юности и всего благородного недовольства юности. Но чары Альвов сняты с головы моего ребенка, и Мелицента будет жить так же, как живет Ниафер, а так будет лучше для всех нас, и я удовлетворен.

А снизу послышалось множество голосов, бессвязно воющих:

— Мы плачем по Сускинд. Сускинд убита единственным оружием, которое могло ее убить. И все мы плачем по Сускинд, которая была красивейшей, мудрейшей и самой безрассудной из королев. Пусть все спрятанные дети плачут по Сускинд, сердцем и жизнью которой был апрель, и которая отважно устраивала заговоры против лишенных воображения богов, и которая была искромсана ради сохранения волос совершенно заурядного ребенка.

— А тот юный Мануэль, который в свое время был своенравным героем, и который мучился под гнетом упорядоченных заблуждений, и который повсюду расхаживал с высоко поднятой головой, хвастаясь, что следует своим помыслам и своему желанию... что ж, тот юный малый тоже мертв, — сказал дон Мануэль с кривой усмешкой. — Ибо уважаемый всеми граф Пуактесмский должен быть

таким, каким ему повелевают быть воля, вера и нужды остальных. И этому не помочь, и от этого не убежать, и с этой стороны окна должны соблюдаться наши старые внешние приличия, чтобы все мы не сошли с ума.

— Мы плачем, протяжно запевая погребальную песнь по Сускинд...

— Но я, который не плачу... я пою погребальную песнь по Мануэлю. Впоследствии я во всем должен быть рассудителен, и я больше никогда не буду всем недоволен, и я должен есть и спать, как это делают животные, и, возможно, даже начну думать благодушно о своей смерти и славном воскресении. Да-да, все это несомненно, и я никогда не смогу отправиться в путешествие, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. И во мне больше не возникает желания совершить это, ибо мои поступки окутаны неким облаком, и меня преследует некий шепот, и я тоже чахну и опускаюсь до животной покорности. Между тем ни один волос не упал с детской головки, и я удовлетворен.

— Пусть все спрятанные дети и все живущие, кроме высокого седого сына Ориандра, чья кровь — соленая морская вода, плачут по Сускинд! Сускинд мертва, но не запятнана человеческим грехом и не спасена драгоценной кровью Христа, и юность исчезла из этого мира. О, плачьте, ибо весь мир становится холодным, как сын Ориандра.

— А Ориандр тоже мертв, что я отлично знаю, так как в свое время его убил. Теперь мое время уходит, и я ухожу вместе с ним, дабы уступить дорогу своим детям так же, как волей-неволей он уступил дорогу мне. И в свое время эти дети, а за ними их дети тоже уйдут. Юность обязана убивать старость. Сейчас я не могу догадаться, почему так должно быть, да и не вижу в этом хоть какого-то толка и не нахожу в себе того, что гарантирует доверие управляющих свыше богов. Но несомненно,

что ни один волос не упал с детской головки, и, несомненно, я удовлетворен.

Сказав это, старик закрыл окно.

А через мгновение вошла и стала приставать к нему маленькая Мелицента, и она была необычайно грязна и растрепана, так как каталась на террасе по земле и потеряла половину пуговиц. И дон Мануэль печально вытер ей нос. Внезапно он рассмеялся и поцеловал ее, а потом сказал, что нужно послать за каменщиками и заложить третье окно Заполя, чтобы его никогда больше нельзя было открыть и дышать туманным сладкопахнущим воздухом весны.

ГЛАВА XXXIX

Уход Мануэля

огда же дон Мануэль отвернулся от окна Заполя, ему показалось, что дверь приоткрыл тот юный Горвендил и, пристально посмотрев какое-то мгновение на дона Мануэля, ушел прочь. Это произошло, если это вообще произошло, настолько тихо и быстро, что граф Мануэль не мог быть в этом полностью уверен. Но он не мог питать сомнений относительно другого человека, оказавшегося перед ним. Нельзя было понять, как этот худощавый незнакомец вошел в личные покои графа Пауктесмского, да у Мануэля и не было нужды гадать о подоплеке этого вторжения, ибо вновь прибывший, в конце концов, был немного знаком графу.

Поэтому Мануэль ничего не сказал, а просто стоял, поглаживая круглую соломенную головку маленькой Мелиценты. Незнакомец ждал, тоже не произнося ни слова. Полная тишина царила до тех пор, пока где-то вдали не завыла собака.

— Да, несомненно, — сказал дон Мануэль, — можно было догадаться, что моя жизнь связана с жизнью Сускинд, так как мое стремление к ней является единственным желанием, которое осталось неудовлетворенным. О, всадник на белом коне, добро пожаловать.

Тот же ответил:

— Почему ты думаешь, что я знаю нечто об этой Сускинд или что мы, Лешие, ведем учет ваших деяний? Неважно, что́ ты думаешь, однако предписано, что первый, кого я здесь найду, должен уехать отсюда на черном коне. Но ты стоишь рядом с ребенком. Поэтому

тебе вновь приходится выбирать, дон Мануэль, ты или другой человек поедет на моем черном коне.

Тут Мануэль наклонился и поцеловал маленькую Мелиценту.

— Иди к маме, милая, и скажи ей... — Тут он замолчал, и его губы задергались.

Мелицента спрашивает:

— Но что мне ей сказать, папа?

— О, одну очень странную вещь, моя дорогая. Ты скажешь маме, что папа всегда любил ее больше всего на свете, и что она всегда должна это помнить, и... что она должна дать тебе имбирного печенья, — с улыбкой сказал Мануэль.

И осчастливленная девочка убежала, даже не обернувшись, а Мануэль затворил за ней дверь и остался наедине с худощавым посетителем.

— Так ты, — говорит незнакомец, — в конце концов набрался храбрости! Однако бесполезно позировать передо мной, знающим, что тебя принуждает к этому скорее тщеславие, нежели преданность. О, весьма вероятно, ты обожаешь этого ребенка, и других своих детей тоже, но ты должен признать, что после четвертьчасовой игры с любым из них искренне устаешь от этих сорванцов.

Мануэль внимательно посмотрел на него и, прищурившись, сонно улыбнулся.

— Нет, я люблю всех своих детей с обычной отцовской безрассудной страстью.

— Ты также должен был сделать на прощание красивый жест, отправив своей жене лживое послание, которое пару дней будет ее утешать. Ты — тебе хочется думать, великодушно — представляешь ей эту прощальную ложь наполовину с презрением, а наполовину с облегчением, поскольку наконец избавляешься от самонадеянной и бестолковой дуры, от которой тоже искренне устал.

— Нет-нет, — сказал Мануэль, по-прежнему улыбаясь, — на мой взгляд, милая Ниафер остается самой умной и красивой женщиной, и мое восхищение ею никогда не уменьшалось. Но откуда у вас такие любопытные представления?

— Ах, граф Мануэль, я же был в самом конце с таким количеством мужей.

А Мануэль пожал плечами.

— На какие страшно неблагоразумные поступки вы намекаете! Нет, мой друг, подобные вещи выглядят весьма некрасиво, а мужчинам следует запомнить, что даже в самом конце остается в силе обет молчания.

— По́лно, граф Мануэль, ты — странный, хладнокровный малый, и ты носил эти маски и личины достаточно успешно, пока вертелся твой мир. Но сейчас ты привязан к иначе упорядоченному миру, где твои красивые обертки совсем некстати.

— Не знаю, как это получается, — ответил граф Мануэль, — но, так или иначе, в подобных вещах существует приличие и неприличие, и по собственной воле я никогда никому не выставлю напоказ обнаженную душу Мануэля. Нет, ни за что, по-моему, это было бы неприглядное зрелище. Определенно, я никогда на нее не смотрел, да и не сбираюсь. Вероятно, как вы и утверждаете, какая-то власть, что сильнее меня, может однажды сорвать все маски. Но то будет не моя вина, и даже тогда я сохраню право считать, что подобное обнажение отдает дурным вкусом. Между тем я буду оставаться верным собственному чувству внешних приличий, а не чьему-либо: даже чувству того, — поклонился граф Мануэль, — кто, так сказать, является моим гостем.

— Ох, как всегда, ты весьма сносно лицедействуешь, и люди, в целом, провозгласят тебя человеком, преуспевшим в жизни. Но оглянись назад! Граф Мануэль, пробил час исповеди, ведь все люди при моем приходе исповедуются, и ты должен признать, что колебался между различными желаниями, никогда не зная наверняка, чего желаешь, и не удовлетворяясь ни одним желанием, когда оно осуществлялось.

— Тише, мой друг! Я вынужден сделать из ваших сумасбродных речей вывод, что вы, Лешие, в самом деле никак не регистрируете человеческие поступки.

Незнакомец поднял то, что у него было на месте бровей.

— Но как мы можем это сделать, — спросил он, —

когда нам нужно следить за множеством других, действительно важных вещей?

Прямой до грубости Мануэль ответил без раздражения, даже как-то весело, во всем сохраняя достоинство высокого государя, знающего себе цену.

— Тогда ваши бессмысленные замечания простительны. Я должен осмелиться и сообщить вам, что, по мнению всех людей, я обладаю, если оглянуться назад, весьма положительными достижениями. Понимаете ли, я не хочу хвастаться, мне отвратительно самовосхваление. Однако правдивость очень важна в этот торжественный час, и кто угодно в этой стране скажет вам, что именно я взошел на серый Врейдекс и так сурово обошелся со змеями и другими ужасными защитниками Мирамона Ллуагора, что уничтожил большинство из них, а остальных обратил в бегство. Как я поставил собственные требования страшному волшебнику, пожаловав ему жизнь при условии, что он будет служить под моим командованием в кампании, которую я предпринял с целью избавления Пуактесма от ига норманнов; и как мне удалось довести все это до победного конца, хотя меня задерживали поиски и защита одной женщины.

— Да, — сказал худощавый незнакомец, — я знаю, что ты таким образом выжал все ,что только можно, из моего романтичного, мечтательного братца, и допускаю, что это замечательно. Но какую роль это играет сейчас?

— Затем вам расскажут, что именно я мудро убеждал короля Гельмаса до тех пор, пока не отвратил его от глупости, и именно я святыми доводами отвлек короля Фердинанда от порочности. Я вернул магию платью Апсар, поскольку лишь из-за меня его магия была бы безвозвратно потеряна. Я победил Фрайдис, эту женщину странных деяний, и без посторонней помощи дрался против спорнов, калькаров и других ужасов античности, убив, чтобы быть точным, семьсот восемьдесят два существа. Я также победил земную Беду, которую другие называют Кручиной, а еще кое-кто Мимиром, после весьма выдающегося сражения, которое мы вели заколдованными мечами в течение

целого месяца без всяких передышек. Я отважно отправился в языческий рай, разбил наголову всех его жутких стражей и вывел оттуда желанную женщину. Таким образом, мой друг, я вновь обрел ту героическую и неизменную любовь, которая существует между мной и моей женой.

— Да, — сказал незнакомец, — это тоже замечательно. Но какую роль это играет сейчас?

— Среди людей ходила молва, что ничто не способно противостоять дону Мануэлю. Поэтому, когда непристойный и злой бог, которому сегодня многие поклоняются, как Слото-Виепусу Сновидений, собрался укрепить свою власть, заключив со мной союз, я загнал его, воющего от страха, в самую середину огромного пламени. Я не хвастаюсь, но, когда сами боги убегают от героя, на это есть причина. И об этом подвиге, и обо всех этих подвигах, и о множестве других подвигов, равным образом невероятных и имеющих подтверждение, расскажут вам все в окрестностях. Что касается вершин доблести, которых я достиг, избавляя Пуактесм от норманнов, вы найдете документальное свидетельство в тех эпических поэмах, как раз слева от вас, которые увековечивают мои свершения в этой кампании...

— Никто не спорит, что, вероятно, эта кампания тоже была замечательна, и, определенно, я не оспариваю этого, потому что вижу, что эти деяния и гроша ломаного не стоят в нашем с вами деле, а кроме того, я никогда никому ничего не доказываю.

— И я тоже! Потому что ненавижу тщеславие и знаю, что эти события сейчас заняли свое место в истории. Нет, мой друг, вы не можете разрушить мою веру в этот мир, тогда как вы говорите мне, что наши деяния в мире, к которому я привязан, не регистрируются. Поэтому, совершал я или нет эти поступки, я сохраню в этой жизни и в последующей веру в них, не прибегая к отвратительному хвастовству; вот именно поэтому я не считаю необходимым рассказывать вам об этих предметах или даже намекать на них.

— О, без сомнения, это было нечто, превзошедшее во многих отношениях дела всех ваших собратьев, —

согласился незнакомец с неохотно выраженным уважением. — Но, повторяю, какую роль это играет сейчас?

— И, если вы извините мне обычную откровенность, мой друг, этот постоянно повторяемый вопрос становится несколько навязчив. Нет, он не приводит меня в уныние, я через это прошел. Нет, я уже раз открыл окно, чтобы правильнее оценить самые дорогие награды за свои устремления. Это мгновение равняется всей моей жизни, это единственное тихое мгновение подытожило всю мою жизнь, и, — тут Мануэль печально улыбнулся, — все же, мой друг, я без хвастовства должен сказать вам, что в это мгновение все сомнения относительно моей значимости покинули меня — того, кто спас королевство, породил короля и сотворил бога. Поэтому вы теряете время, мой друг, пытаясь убедить меня, что вся человеческая жизнь неудачна и неважна, ибо я не симпатизирую этим современным болезненным и пессимистичным умонастроениям. Они выглядят весьма некрасиво, и от них нет никакого толку.

Незнакомец злобно ответил:

— Да, ты отлично говоришь и красиво позируешь во всех отношениях, кроме одного. Ты называешь меня «другом». Ха, Мануэль, тут из-за прищурившейся маски высовывается больное, пресыщенное и разочарованное существо, однако ты решительно соблюдаешь внешние приличия.

— Говорит простая вежливость, Дедушка Смерть, — сказал Мануэль с нескрываемым смехом, — а что до остального, если вы еще раз извините мою откровенность, вы в меньшей степени интересуетесь содержимым моего сердца, нежели продолжением его работы.

— Поистине это не мое дело, граф Мануэль, да и любое из твоих деяний не играет для меня роли. Поэтому давай пойдем... о, самый необычный человек, в самом конце утверждающий, что жизнь была успешным и важным занятием... если, конечно, тебе не нужно какое-то время, чтобы попрощаться с любимой женой, обожаемыми детьми и со всеми остальными прекрасными творениями.

Дон Мануэль пожал широкими плечами.

— С какой целью? Нет, ведь я — Мануэль. Я жил в одиночестве, обычном для всех людей, но разница состоит в том, что я его познал. Теперь мне необходимо, как необходимо всем людям, умереть в том же самом одиночестве, и я знаю, что с этим ничего не поделаешь.

— Когда-то, Мануэль, ты испугался отправиться со мной в путешествие и попросил Ниафер вскочить вместо себя на моего черного коня, сказав: «Лучше она, чем я».

— Да-да, какие любопытные поступки мы совершаем, будучи мальчишками! Теперь я стал мудрее, ибо с тех пор достиг всего желаемого, кроме пределов этого мира и их оценки. Да и их, вероятно, достиг бы, если б только желал этого чуть-чуть сильнее. Честно говоря, я вырос, настолько привыкнув получать желаемое, что верю даже сейчас: сто́ит мне пожелать, чтобы вы ушли отсюда в одиночку, вы тоже мне подчинитесь.

Дедушка Смерть неприятно улыбнулся.

— Я придерживаюсь на этот счет собственного мнения. Но если допустить, что сказанное тобой верно, желаешь ли ты этого?

— Нет, — очень тихо сказал Мануэль. — О Боже! Нет!

И на том дон Мануэль прошел к западному окну и встал там, глядя на широко раскинувшийся холмистый край. Он рассматривал прекрасную страну, в которой приятно жить, страну, богатую зерном и железом, осеняемую высокими лесами и орошаемую чистыми водами. В ней были обнесенные каменными стенами города, а за́мки венчали ее возвышенности. Далеко внизу в лучах заката блестели свинцовые крыши крепостей, ибо Сторизенд охранял самую высокую часть Пуактесма.

— Странно, — сказал дон Мануэль, — осознавать, что все видимое мной сейчас мгновением раньше было моим, и также чудно́ думать о том, каким знаменитым малым был этот Спаситель Мануэль, и о великолепных поступках, которые он совершил, и страшно гадать, похожи ли на него все остальные общепризнанные герои человечества. О, несомненно, достижения графа Мануэля замечательны и равных им не было нигде

прежде, люди еще долго будут о них говорить. Однако, оглядываясь назад — сейчас, когда этот знаменитый граф Пуактесмский значит для меня гораздо меньше, — я вижу лишь достижения бесхвостой обезьяны, отчаявшейся забраться на самый верх, которая блуждала, переходя от тайны к тайне при помощи жалких паллиативов, ничего не понимая, жадная во всех своих желаниях и одновременно пронизанная трусостью. Поэтому в одном тайном месте молодость графа была обменена на предмет вожделений, которым едва ли стоило обладать. И прекрасный гейс, наложенный на него матерью, был обменен на обычный гейс перед ожидаемым.

— Подобные представления, — ответил Дедушка Смерть, — лелеют большинство человеческих существ во времена легкомысленной юности. Затем здравый смысл, словно легкое бесформенное облако, окутывает ваши поступки, и вы отчасти забываете об этих представлениях. После я привношу тьму.

— В этой тихой тьме, мой друг, я, возможно, вновь стану тем Мануэлем, которого помню, и я, чтобы развлекаться в этой тьме, может быть, вновь вернусь к своим недоказуемым идеям, отбросив идеи, принадлежащие другим. Поэтому давайте пойдем отсюда.

— С большой охотой, — ответил Дедушка Смерть и направился к двери.

— Прошу прощения, — сказал Мануэль, — но в Пуактесме граф Пуактесмский в любом обществе проходит первым. Для вас это может показаться неважным, но теперь я признаю как силу, так и глупость своих привычек, а всю свою жизнь я проходил первым. Поэтому вы поедете чуть позади меня, мой друг, и будете везти этот саван до тех пор, пока он мне не понадобится.

Затем граф надел доспехи, опоясался мечом и покинул Сторизенд верхом на черном коне, в золоченых латах, держа перед собой щит, на котором изображен вставший на дыбы и взнузданный жеребец Пуактесма и девиз: «Mundus vult decipi». Позади него на белом коне ехал Дедушка Смерть, везя в аккуратном узелке могильное одеяние графа. Они двигались в сторону заката, и на фоне желтого заката каждая фигура казалась черной, как смоль.

Больше графа Мануэля в Пуактесме не видели, да никто и не знал наверняка, куда он отправился. Был один паренек по имени Юрген, сын Котта, который пришел в Сторизенд очень рано на следующее утро с помраченным рассудком и с жутким рассказом о невероятных событиях, свидетелем которых он стал на Морвене. Но на рассказ ребенка не обратили внимания, поскольку все знали, что граф Мануэль непобедим и — имея все, чего можно желать, — никогда бы не покинул этого по собственной воле, да, определенно, и не принял бы участия в подобных сомнительных событиях. Поэтому маленького Юргена выпороли как за гуляния по ночам, так и за дикую ложь. И в Пуактесме стали ждать возвращения великого дона Мануэля. А вскоре начали подозревать, что Мануэль, добившись во всем успеха, отбыл домой.

ГЛАВА XL

Концовка: Da capo

альше в Пуактесме рассказывают (но не все, поскольку чернь отрицает такое продолжение истории), что после того ужасного причастия, свидетелем которого стал на Морвене юный Юрген, Спаситель Пуактесма отправился в далекое и волнующее путешествие с Дедушкой Смертью, и они миновали закат и подъехали к темным водам Леты.

— Теперь мы должны перейти вброд эти призрачные воды, — сказал Дедушка Смерть, — отчасти потому, что твоя судьба находится на противоположном берегу, а отчасти потому, что при соприкосновении с этими водами смоются все твои воспоминания. А этого требует твоя судьба.

— Но какова моя судьба?

— Что и у всех живых существ, граф Мануэль. Если б ты был самим собой, тебя нельзя было бы наказать, а если б ты оказался кем-нибудь другим, ты бы обнаружил, что это запрещено.

— Это темные слова, чересчур хорошо подходящие к этому подозрительному месту, и я вас не понимаю.

— Да, — ответил Дедушка Смерть, — но это не играет роли.

Тут оба коня вошли в воду, переправились на другой берег, и там их ждали свиньи Евбулея, но они еще были привязаны.

В оставшийся миг дон Мануэль посмотрел назад и увидел, что Дедушка Смерть говорил правду. Все воспоминания о жизни Мануэля смылись, они плыли, постепенно погружаясь в призрачные воды Леты. Тонули мудрое лицо Гельмаса, и лик Святого Фердинан-

да с потускневшим нимбом, и загадочные черты Горвендила, и сверкающие птицы, и блистательные образы, и мерцающие создания Мирамона кишели там, а среди них плыла, двигая челюстями, гладкая голова из белой глины. Золотая прелесть Алианоры, и темное великолепие Фрайдис, и насмешливая бессмертная улыбка юного Слото-Виепуса показались на миг и исчезли. Затем в последний раз явили свое слегка удивленное неодобрение глаза Ниафер, а личики детей, которые, в конце концов, были ее детьми, а не Мануэля, пропали вместе с ней. И сияющие доспехи, и реющие флаги, и горящие на солнце крыши башен замков, и весь блеск и все цвета, которые Мануэль знал и любил, кроме румяно-бледных оттенков лица Сускинд, казалось, движутся без всякого порядка в спокойной воде, словно яркий затонувший корабль, который несет подводное течение.

Мануэль вздохнул, словно с облегчением.

— Нелепый конец, — сказал он.

— Да-да, — ответил Дедушка Смерть, неторопливо отвязывая одну за другой свиней Евбулея. — Да, это в самом деле конец, поскольку здесь проходит вся твоя жизнь, чтобы в последний раз предстать перед глазами одного лишь тебя. А я тут ничего не вижу, кроме обычной воды, и диву даюсь, что́ ты нашел в этом темном омуте, что так пристально в него смотришь.

— Точно не знаю, — ответил Мануэль, но мне кажется, я все более и более смутно различаю утонувшие там любовь, желания и приключения, что́ у меня были, когда я жил в ином, а не в этом дряхлом теле. И, однако, эта вода обманчива, потому что там, где она должна отражать мое лицо, она показывает лицо юноши, а не лицо старика, которым я сейчас являюсь.

— А это что такое?

И Мануэль поднял от воды то красивое, пышущее здоровьем юное лицо, которое он видел отраженным в воде. Когда его воспоминания исчезли, высокий юноша без особого любопытства стал гадать, кто этот курносый незнакомец, стоящий тут со свиньями мельника,

с удивлением указывающий в сторону валунов, поросших мхом и подпиравших изъеденный червями деревянный крест. Незнакомец указывал на странное, незаконченное изваяние, что стояло рядом с Гарантонским прудом, вода которого, как говорят, навевает странные сны.

— Что это такое? — повторил незнакомец.

— Это фигура человека, — сказал Мануэль, — которую я делаю и переделываю, но не могу добиться того, чтобы она мне полностью понравилась. Поэтому думаю и дальше трудиться над ней, пока статуя не станет соответствовать моим помыслам и моему желанию.

Так было в стародавние времена.

ЮРГЕН

(КОМЕДИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ)

О Юргене я песнь пою,
Что юность вновь обрел свою,
Обрел рубаху — огнь, сверканье,
Но не обрел предмет желанья
Ни в преисподней, ни в раю.

ГЛАВА I

Почему Юрген совершил мужественный поступок

ту историю в Пуактесме рассказывают так. В стародавние времена жил один ростовщик по имени Юрген. Но жена частенько называла его куда более дурными именами. Она была вспыльчивой женщиной, не обладавшей особым даром молчания. Говорят, имя у нее было Аделаиза, но люди обычно называли ее госпожой Лизой.

Рассказывают также, что в стародавние времена, закрыв как-то на ночь окна лавки, Юрген по пути домой проходил мимо цистерцианского монастыря, а один из монахов споткнулся на дороге о камень. Он проклинал дьявола, положившего его здесь.

— Фу, брат! — говорит Юрген. — Разве у дьявола недостаточно силы, чтобы перенести его?

— Я никогда не соглашался с Оригеном, — отвечает монах. — И, кроме того, у меня страшно болит большой палец.

— Тем не менее, — замечает Юрген, — богобоязненному человеку не надлежит говорить с неуважением о божественно назначенном Князе Тьмы. Для еще большего смущения рассмотри промысел этого монарха! Ты можешь заметить, что он денно и нощно трудится над задачей, поставленной перед ним Небесами. Такое можно сказать лишь о нескольких причастниках, но никак не о монахах. Подумай, к тому же, о его изящном искусстве, о котором свидетельствуют все те опасные и прелестные ловушки сего мира, бороться с которыми твое дело, а мое — ссужать на это деньги. А не будь его, мы оба остались бы без работы. Рассмотри также его филантропию и взвесь, насколько невыносимо было бы наше положение, если б ты и я, да и все наши прихожане сегодня водили бы дружбу

с остальными зверями в Саду, отсутствие которого мы притворно чувствуем по воскресеньям! Встать со свиньей и лечь с гиеной?... О, нестерпимо!

Так он пошел дальше, придумывая поводы для того, чтобы не размышлять слишком сурово о Дьяволе. Большей частью это были отрывки стихов, сочиняемых Юргеном в лавке, когда дела шли вяло.

— Я считаю, что все это чепуха и ерунда, — была реплика монаха.

— Без сомнения, в твоей точке зрения больше чувства, — заметил ростовщик, — зато в моей — красоты.

Затем Юрген миновал цистерцианский монастырь и уже подходил к Бельгарду, когда повстречал некоего черного господина, который поприветствовал его и сказал:

— Благодарю, Юрген, за доброе слово.

— Кто вы такой и почему меня благодарите? — спрашивает Юрген.

— Мое имя большой роли не играет. Но у тебя мягкое сердце, Юрген. Да будет твоя жизнь лишена забот!

— Спаси нас от зла и вреда, мой друг, но я уже женат.

— Эх, господа, такой изящный и умный поэт, как ты!

— Я уже с давних пор занимаюсь поэзией.

— Конечно же! У тебя темперамент художника, который не совсем соответствует ограничениям семейной жизни. Я предполагаю, что у твоей жены особое мнение о поэзии, Юрген.

— В самом деле, сударь, ее мнение нельзя повторить, ибо уверен, что вы не привыкли к таким выражениям.

— Весьма печально. Боюсь, жена не совсем тебя понимает, Юрген.

— Сударь, — говорит пораженный Юрген, — вы умеете читать самые затаенные мысли?

Черный господин казался весьма удрученным. Он сжал губы и начал что-то считать на пальцах: когда те двигались, острые ногти сверкали, словно язычки пламени.

— Весьма плачевно для тебя, — говорит господин

в черном, — оказаться первым человеком, в котором я нашел готовность замолвить доброе слово о зле. Да к тому же, за все эти века! Это же самый прискорбный пример дурного управления! Неважно, Юрген, утро вечера мудренее. Теперь же я, разумеется, награжу тебя!

И Юрген вежливо поблагодарил прямодушного старика. А когда Юрген пришел домой, его жены нигде не было видно. Он искал ее, где только можно, и расспрашивал всех подряд, но безрезультатно. Госпожа Лиза исчезла во время приготовления ужина — внезапно, бесследно и необъяснимо, словно (в юргеновских образах) пронесся ураган и оставил позади себя спокойствие, которое, по контрасту, казалось жутким. Ничто не могло пролить свет на это чудо, своего рода магию, и Юрген вдруг вспомнил странное обещание черного господина. Юрген перекрестился.

— Как же несправедливо, — говорит Юрген, — в благодарность создавать людям скверную репутацию! Но я осознаю, насколько я мудр, что в этом мире сплетников всегда обо всех говорю любезно.

Затем он приготовил себе ужин, а после лег в постель и спал очень крепко.

— У меня безоговорочная уверенность в Лизе, — говорит он. — У меня исключительная уверенность в ее способности позаботиться о себе при любых обстоятельствах.

Все было очень хорошо, но время шло, и поползли слухи, что госпожа Лиза разгуливает по Морвену. Ее брат, бакалейщик и член городского совета, пошел туда проверить это сообщение. И действительно, в сумерках там бродила жена Юргена и непрестанно что-то бормотала.

— Фу, сестра! — говорит член городского совета. — Это весьма недостойное поведение для замужней женщины, и об этом, похоже, начнут говорить.

— Следуй за мной! — отвечает госпожа Лиза. И член совета последовал за ней в потемках, но, когда она пришла на Амнеранскую Пустошь и продолжала идти дальше, он понял, что лучше за ней не следовать.

На следующий вечер в Морвен отправилась старшая сестра госпожи Лизы. Эта сестра была замужем за

нотариусом и считалась весьма проницательной женщиной. Как следствие этого, вечером она взяла с собой очищенный от коры ивовый прут. А по Пустоши в сумерках разгуливала жена Юргена и непрестанно что-то бормотала.

— Фу, сестра! — говорит жена нотариуса, которая была проницательной женщиной. — Разве ты не знаешь, что сейчас Юрген сам себе штопает носки и опять положил глаз на графиню Доротею?

Госпожа Лиза вздрогнула, но сказала лишь то же самое:

— Следуй за мной!

И жена нотариуса последовала за ней на Амнеранскую Пустошь и пересекла эту Пустошь, а там оказалась пещера. Об этом месте ходила дурная слава. В сумерках навстречу им вышел, высунув язык, тощий пес, но жена нотариуса трижды хлестнула его прутом, и молчаливый зверь оставил их. Госпожа Лиза молча прошла в пещеру, а ее сестра повернулась и, плача, отправилась домой к детям.

На следующий вечер Юрген сам пошел в Морвен, поскольку родственники жены убедили его, что нужно совершить этот мужественный поступок. Юрген оставил лавку на Уриена Вильмарша, считавшегося весьма достойным служащим. Юрген последовал за своей женой через Амнеранскую Пустошь и достиг пещеры. Юрген охотно оказался бы где-нибудь в другом месте.

Там сидел пес на задних лапах и, казалось, ухмылялся Юргену. А вокруг были и другие твари, летавшие в сумерках низко над землей, как совы. Но они были значительно крупнее сов, и от этого становилось не по себе. И, более того, все это происходило сразу после заката в канун Вальпургиевой ночи, когда случается даже более чем невероятное.

Тогда Юрген сказал немного брюзгливо:

— Лиза, моя дорогая, если ты войдешь в пещеру, мне придется последовать за тобой, поскольку нужно совершить этот мужественный поступок. А ты знаешь, как легко я простужаюсь.

Голос госпожи Лизы казался тонким и причитающим, он престранным образом изменился.

— У тебя на шее крест. Ты должен его выбросить.

Юрген носил крест из сентиментальных воспоминаний, поскольку тот когда-то принадлежал его покойной матери. Но теперь, к удовольствию жены, он снял эту безделушку и повесил на барбарисовый куст. И с мыслью, что дело, похоже, принимает скверный оборот, он последовал за госпожой Лизой в пещеру.

ГЛАВА II

Принятие примечательного одеяния

стория рассказывает, что там было темно и Юрген не мог никого разглядеть. Но пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел, и вскоре наткнулся на кентавра, и это его вовсе не удивило, поскольку Юрген знал, что кентавры являются воображаемыми существами.

Определенно, на него было интересно посмотреть. Нижняя часть была телом прекрасного гнедого коня, верхняя — загорелого молодого юноши, который смотрел на Юргена суровым, но далеко не недружелюбным взором. Кентавр лежал у костра, в котором горели кедровые и можжевеловые дрова и чем-то намазывал себе копыта. Это вещество по мере того, как кентавр втирал его пальцами, делало копыта похожими на золотые.

— Приветствую тебя, мой друг, — говорит Юрген, — если ты творенье Бога.

— Твое условное предложение звучит не совсем по-гречески, — замечает кентавр, — поскольку в Элладе мы не делаем таких оговорок. Кроме того, тебя волнует не столько мое происхождение, сколько цель моего путешествия.

— Хорошо, мой друг, куда же ты собираешься?

— В сад между рассветом и закатом, Юрген.

— Это, несомненно, прекрасное название для сада! И я бы с радостью увидел это место.

— Садись ко мне на спину, Юрген, и я доставлю тебя туда, — говорит кентавр и поднимается на ноги. Заметив же, что ростовщик колеблется, кентавр добавляет: — Поскольку, как ты должен понять, другого

пути нет. Этот сад не существует и никогда не существовал там, что́ люди забавно называют реальной жизнью. В него могут войти, конечно же, лишь воображаемые существа вроде меня.

— Это звучит весьма разумно, — оценивает предложение Юрген, — но так случилось, что я ищу свою жену, которую, как я подозреваю, утащил дьявол. Бедняжка!

И Юрген начал объяснять кентавру, что произошло. Кентавр рассмеялся.

— Возможно, по этой причине я здесь и нахожусь. В любом случае, существует лишь одно средство достижения этой цели. Над всеми дьяволами и всеми богами, — так мне говорят, но, несомненно, и над всеми кентаврами, — власть Кощея Бессмертного, который создал все таким, какое оно есть.

— Не всегда безопасно, — указал Юрген, — говорить о Кощее. Похоже, это особо нежелательно в таком темном месте.

— Тем не менее я подозреваю, что в поисках справедливости ты должен отправиться именно к нему.

— Я бы предпочел этого не делать, — сказал Юрген с неподдельной искренностью.

— Я тебе сочувствую, но вопрос предпочтения не стои́т, когда речь идет о Кощее. Или ты думаешь, например, что я околачиваюсь в этом подземелье по собственному желанию? И случайно узнал твое имя?

Юрген немного испугался.

— Хорошо, хорошо! Но совершение мужественного поступка обычно предполагает наличие всяких там чертей. Как же тогда смогу я дойти до Кощея?

— Окольным путем, — ответил кентавр. — Другой дороги нет.

— А путь в этот сад окольный?

— О, во многом, поскольку он обходит как судьбу, так и здравый смысл.

— Значит, необходимость требует, — сказал Юрген. — Во всяком случае, я готов отведать любой напиток.

— Однако ты простудишься, путешествуя вот так. В поисках справедливости мы отправимся в странный путь над могилой мечты и через злобу времени. Так что тебе лучше всего надеть поверх своей одежды вот эту рубаху.

— В самом деле, это прекрасное и удобное блестящее одеяние с любопытным рисунком. Я с радостью принимаю такое облачение. И кого же мне благодарить за доброту?

— Меня зовут, — сказал кентавр, — Несс.

— Тогда, друг Несс, я к твоим услугам.

В один миг Юрген оказался на спине кентавра, и они вдвоем каким-то образом выбрались из пещеры и помчались по Амнеранской Пустоши. Так они попали в некий лес, где совсем необъяснимо еще виднелся отсвет заката. Теперь кентавр направился на запад. На плечах ростовщика, на его груди и согнутых руках сверкала, словно радуга, многоцветная рубаха Несса.

Через некоторое время они миновали лес, состоявший из больших деревьев, росших достаточно далеко друг от друга через равные промежутки, не прерываемые каким-либо подлеском, и золоченые копыта кентавра шуршали по толстому серо-бурому ковру палой листвы. А потом лес кончился, и они выехали на белую дорогу, тянувшуюся на запад. Тут произошло нечто совершенно немыслимое, во что Юрген никогда бы не поверил, не узри он этого своими собственными глазами. Теперь кентавр скакал настолько быстро, что понемногу нагонял солнце, таким образом вынуждая его понемногу подниматься над горизонтом все выше. И они неслись на запад в сиянии былого заката. Солнце било Юргену в лицо, пока они скакали прямо на запад, так что он заморгал, прикрыл глаза и смотрел то в одну сторону, то в другую. Таким образом, местность вокруг него и люди, которых они миновали, виделись ему в коротких вспышках света, словно картины, внезапно сменяемые другими картинами. И соответственно все его воспоминания об этой сверкающей дороге были путаными и бессвязными.

Он удивлялся, что по пути к саду им попадалось

очень много молодых женщин. Тут была и стройная девушка в белом, дразнившая крупную рыже-бурую собаку, неуклюже тершуюся у ее ног, и девушка, сидевшая на ветвях искривленного и сучковатого дерева, а позади нее текла широкая мутная река, в лучах солнца отливавшая медью, и прекрасная высокая девушка на коне, которая, по-видимому, кого-то ждала. Словом, девушек вдоль дороги было великое множество, и Юргену показалось, что он узнал пару из них.

Но кентавр скакал настолько резво, что Юрген не мог быть в этом уверен.

ГЛАВА III

Сад между рассветом и закатом

рген и кентавр добрались до сада между рассветом и закатом, войдя в него так, что это не совсем удобно описывать. В то время как они переходили через мост, перед ними с криками выбежали трое. А когда жизнь была выдавлена из их маленьких, покрытых шерстью тел, уже некому было препятствовать вхождению кентавра в сад между рассветом и закатом.

То был прекрасный сад, однако в нем не было ничего странного. Возникало такое впечатление, что все здесь было до боли знакомо и весьма дорого Юргену. Он подошел к широкой лужайке, спускающейся на север к достопамятному ручью. Тут и там в беспорядке стояли многочисленные клены и акации, и ими лениво играл нерешительный западный ветер, так что листва повсюду металась и дрожала, словно зеленый поток. Но осень была не за горами, и с акаций лился Данаин дождь из круглых желтых листочков. Сад со всех сторон окружали незабываемые голубоватые холмы. Повсюду таился прозрачный полумрак, не освещенный ни солнцем, ни звездами, и вокруг в рассеянном слабом излучении, озарявшем этот сад, который был виден лишь в краткие промежутки между рассветом и закатом, не было ни единой тени.

— Но это же сад графа Эммерика в Сторизенде, — промолвил Юрген, — где я чудесно проводил время еще юношей.

— Держу пари, — сказал Несс, — ты гулял по этому саду не в одиночку.

— В общем, нет. Там еще была девушка.

— Точно, — согласился Несс. — Таков местный указ: и вот те, кто ему подчиняется.

В лучах рассвета к ним подошли привлекательные

юноша и девушка. Девушка была невероятно красива, поскольку все в саду видели ее глазами юноши, бывшего с ней.

— Меня зовут Рудольф, — сказал юноша, — а ее Анна.

— И вы здесь счастливы? — спросил Юрген.

— О да, сударь, мы счастливы, но отец Анны очень богат, а моя мать бедна, так что мы не можем быть совершенно счастливы до тех пор, пока я не отправлюсь в чужие края и не вернусь со ста тысячами рупий и песо.

— И что ты будешь делать со всеми этими деньгами, Рудольф?

— Выполнять свой долг, как я его вижу. Но я унаследовал плохое зрение.

— Бог посодействует тебе, Рудольф! — сказал Юрген. — Как и многим другим в твоем положении.

Затем к Юргену и кентавру подошел еще один юноша с маленькой голубоглазой особой, от одного присутствия которой он приходил в восторг. И этот толстый и ленивый на вид юноша осведомил их, что он со своей девушкой гуляет по глянцу банки с горчицей, что Юрген воспринял как тарабарщину, а толстяк сказал, что он со своей девушкой решил больше не взрослеть, и Юрген воспринял это как замечательное проявление здравого смысла, если только у них это получится.

— О, у меня получится, — задумчиво сказал толстяк. — Если только при этом не возникнет неудобств.

Юрген какое-то время рассматривал его, а затем важно пожал ему руку.

— Я сочувствую тебе, — сказал Юрген, — ибо осознаю, что ты тоже чудовищно умный малый: поэтому жизнь тебя обжулит.

— Но разве ум не самое главное, сударь?

— Время покажет, дружок, — ответил Юрген немного печально. — И Бог посодействует тебе, как и многим другим в твоем положении.

И встретил Юрген в саду сонм юношей и девушек. И лица, увиденные Юргеном, были молоды, радостны, весьма прелестны и необычайно самоуверенны, а юноши и девушки толпами приближались к Юргену и проходили мимо него в первых лучах рассвета. И вот

так все они шли, ликуя в сиянии собственной юности, а будущая жизнь казалась им лишь неким тщедушным антагонистом, от которого можно с неимоверной легкостью получить все, что пожелаешь. И все проходили парами — «словно вышли из Ковчега», сказал Юрген. Но кентавр сказал, что они унаследовали традиции, которые намного старше Ковчега.

— В этом саду, — сказал кентавр, — пребывает некоторое время каждый человек лишь в окружении своих иллюзий. Я вновь должен тебе напомнить, что в этом саду не встретишь никого, кроме воображаемых существ. Выдающиеся люди отдыхают здесь час-другой и уходят отсюда в одиночестве, чтобы стать старейшинами, и уважаемыми всеми торговцами, и епископами, и восхитительными полководцами на гарцующих конях, или даже королями на высоких тронах. Каждый, находясь потом на своем месте, больше вообще никогда не думает о саде. Но то и дело появляются робкие люди, Юрген, которые страшатся оставить этот сад без сопровождения. Они считают необходимым уйти отсюда с тем или иным воображаемым существом, которое проведет их по тропинкам и обходным путям, ведь воображаемые существа находят не много пропитания на общедоступных дорогах и избегают их. Таким образом, эти робкие люди должны красться в потемках со своими застенчивыми или игривыми провожатыми, и они никогда не рискнут по своей охоте появиться в тех людных местах, где скачут на конях и возводят троны.

— И что становится с этими робкими людьми, кентавр?

— Порой они переводят бумагу, Юрген, а порой переводят человеческие жизни.

— Тогда это отвратительные люди, — решил Юрген.

— Тебе лучше знать, — ответил кентавр.

— О, весьма вероятно, — сказал Юрген. — Между тем здесь есть некто, кто гуляет по саду в одиночку, и меня удивляет, что нарушаются местные указы.

Несс какое-то время смотрел на Юргена, ничего не говоря. И во взоре кентавра было так много понимания и сочувствия, что Юрген встревожился. Такой взгляд показался ему весьма неприятным.

— Да, несомненно, — сказал кентавр, — та женщина гуляет в одиночку. Но ее одиночеству не поможешь, так как юноша, любивший эту женщину, умер.

— Несс, мне бы хотелось благоразумно пожалеть об этом факте. Однако стоит ли принимать столь скорбный вид? В конце концов, умерло огромное количество людей, и, если посмотреть с другой стороны, этот молодой человек мог вообще не оказаться особой потерей для кого-либо.

И вновь кентавр сказал:

— Тебе лучше знать.

ГЛАВА IV

Доротея непонявшая

этот момент к Юргену и кентавру подошла златовласая женщина, одетая во все белое, — та, что гуляла в одиночку. Она была высока, привлекательна и нежна, ее миловидность не была румяно-бледной, как у многих дам, славившихся своей красотой, но скорее имела ровный блеск слоновой кости. У нее был большой, с горбинкой, нос, а изогнутый рот — не из самых маленьких. И однако, что бы ни говорили другие, для Юргена внешность этой женщины была во всем совершенной. Вероятно, происходило так потому, что он никогда не видел ее такой, какой она была на самом деле. Ибо несомненно, что цвет ее глаз навечно остался для Юргена загадкой — нельзя было сказать, серые они, голубые или зеленые: они менялись, как море, но вместе с тем глаза эти всегда были привлекательны, дружелюбны и волнующи.

Юрген вспомнил это, увидев, что то была вторая сестра графа Эммерика, Доротея ла Желанэ, которую Юрген давным-давно (за много лет до того, как повстречал госпожу Лизу и завел ростовщическое дело) воспел в бесчисленных стихах под именем Желанье Сердца.

«И это единственная женщина, которую я когда-либо любил», — вспомнил Юрген внезапно, так как люди не могут постоянно думать о таких тонких материях.

И он поприветствовал ее с почтительностью, соответствующей обращению лавочника к графине, но и с незабываемым трепетом, пробудившимся в его степен-

ном теле. Но самым странным, как он сейчас заметил, являлось то, что это была не привлекательная женщина средних лет, но молодая девушка.

— Ничего не понимаю, — сказал он вслух, — ведь вы — Доротея. И, однако, мне кажется, что вы не графиня Доротея, жена гетмана Михаила.

А девушка тряхнула светлыми прядями беззаботным, милым движением, которое графиня уже забыла.

— Гетман Михаил достаточно хорош для дворянина, и мой брат денно и нощно уговаривает меня выйти за него замуж. И, несомненно, жена гетмана Михаила будет появляться в атла́се и бриллиантах при половине дворов христианского мира, и ей будет прислуживать множество лакеев. Но меня этим не купишь.

— Так давным-давно вы и сказали одному юноше, которого я помню. Однако вы вышли замуж за гетмана Михаила, несмотря на все это и вопреки большому числу других блистательных заявлений.

— О нет, только не я, — удивившись, сказала эта Доротея. — Я никогда ни за кого не выходила замуж. И гетман Михаил до сих пор еще не женился. Но ему сейчас двадцать восемь, и он к этому ежедневно стремится! Но кто вы, мой друг, и откуда у вас такие любопытные сведения обо мне?

— На этот вопрос я отвечу, словно он поставлен вполне разумно. Вы наверняка осознаёте, что я — Юрген.

— Я знала лишь одного Юргена. И тот был юношей, едва ли совершеннолетним... — Тут она прервала свою речь, и, каким бы ни был предмет, о котором задумалась эта девушка, мысль о нем нежно окрасила ее щеки, а воспоминание придало ее взору бесконечную радость.

И Юрген все понял. Он непостижимым образом вернулся к той Доротее, которую любил, но оставил. В прошлом же, наверстанном резвыми копытами кентавра, остался юноша, который когда-то любил эту Доротею и слагал о ней вирши как о Желанье Сердца Своего. Но в саду не было и следа этого юноши. Вместо

него девушка разговаривала со степенным и полноватым ростовщиком сорока с лишним лет.

Юрген пожал плечами и посмотрел на кентавра, но Несс благоразумно отошел от них в поисках клевера. Теперь восток светлел, и его багрянец начинал отливать золотом.

— Да, я слышал о том, другом, Юргене, — сказал ростовщик. — О, госпожа Доротея, но он же любил вас!

— Не больше, чем я любила его. Целое лето любила я Юргена.

И осознание того, что девушка говорит удивительную истину, теперь пронзило Юргена острой, как боль, радостью. И он какое-то время стоял неподвижно, хмурясь и покусывая губы.

— Интересно, как долго бедняга любил вас! Может, он тоже любил целое лето. Однако, может быть, он любил вас всю свою жизнь. В течение двадцати лет и даже более двадцати лет я обдумывал это: и увлечен этим сейчас так же, как и в самом начале.

— Но, мой друг, вы говорите загадками.

— Разве это не обычное дело, когда взрослый говорит с молодым? Ведь я — старый человек, которому за сорок... или, скорее, без четырех месяцев восемнадцать, поскольку сейчас август. Нет, больше, это же август того года, который бы я пожелал никогда не увидеть снова. И снова нами правит дон Мануэль, тот железный человек, ужасную смерть которого я видел. Все это кажется весьма невероятным.

Тут Юрген на некоторое время задумался. Потом пожал плечами.

— Что можно ожидать от меня в данном случае? Каким-то образом случилось так, что я, ставший лишь тенью того, кем я был, разгуливаю ныне среди теней, и беседую с прошлым. Госпожа Доротея, — а вам нет еще и восемнадцати, — в этом же саду когда-то бывал юноша, любивший одну девушку так страстно, что одно воспоминание об этом ставит меня сейчас в тупик. Я верю, что и она его любила. Да, несомненно,

весьма полезно усталому и изношенному сердцу, которое перекачивает мою кровь теперь, думать о том, что некогда, на протяжении целого лета, эти двое были такой прекрасной, привлекательной и чистой парой влюбленных, какая только возможна в подлунном мире.

Так говорил Юрген. Но его мысль заключалась в том, что это была девушка, равной которой по красоте и прелести не найти между двух океанов. Давным-давно сомнение, обволакивающее его, как кожа, привело Юргена к выводу, что та Доротея, которую он любил, была лишь твореньем его воображения. Но, несомненно, эта девушка была реальна. И мила была она, и невинна, и легка сердцем и поступью, и находилась за пределами изобретательности человеческого ума. Нет! Юрген ее не выдумал, и это странным образом его волновало.

— Расскажите мне про себя, сударь, — попросила девушка, — я люблю все романтическое.

— О, мое дорогое дитя, я не смогу рассказать тебе вполне складно о случившемся. Когда я смотрю в прошлое, меня слепит сияние зеленых лесов, лугов, лунных ночей, музыки и беспричинного смеха. Я вспоминаю ее волосы и глаза, изгиб и прикосновение ее алого рта, вспоминаю, как однажды, когда я был смелее, чем обычно... Но едва ли стоит на склоне лет бередить старые переживания. И хотя я вижу все это в памяти так же отчетливо, как сейчас вижу твое лицо, но я едва ли могу припомнить ее слова. Вероятно, как я теперь думаю, она не была очень умна и не сказала ничего, достойного воспоминаний. Но юноша любил ее и был счастлив, поскольку ее губы и сердце принадлежали ему, и он, как говорится, вызволил бриллиант из кольца, принадлежавшего высшему свету. Поистине, она была дочерью графа и сестрой графа, но в те дни юноша вполне твердо намеревался стать герцогом, или императором, или кем-то еще в том же роде, так что разница в социальном положении их не беспокоила.

— Знаю. Юрген тоже собирался стать герцогом, — сказала девушка с гордостью, — хотя еще прежде, много лет тому назад, до того, как мы познакомились, он мечтал стать кардиналом — из-за их одеяний. Но кардиналам, понимаете ли, нельзя жениться... Но я прервала ваш рассказ! Что случилось потом?

— В сентябре они расстались... дав клятвы, которые сейчас едва ли имеют значение... и юноша отправился в Гатинэ, чтобы заслужить звание рыцаря при дворе старого видама де Суаэкура. И там-то... о, задолго до Рождества!.. пришло известие, что Доротея ла Желанэ вышла замуж за богача гетмана Михаила.

— Но к этому-то меня и призывают! И, как вы знаете, существует некий гетман Михаил, который вечно мне досаждает. Разве не странно? Ведь вы утверждаете, что все это произошло много лет тому назад.

— В самом деле, история очень стара, она была стара еще тогда, когда у Мафусаила только резались зубы. Нет более старой и более типичной истории. В качестве высокопарного продолжения можно было бы сказать вам, что жизнь этого юноши оказалась сломана. Но не думаю, что было так. Скорее всего, он внезапно узнал то, что для двадцатилетнего является опьяняющим знанием. Тот час научил его печали и гневу, но также и насмешке ради спасения. О, именно это оружие принес ему тот час, да еще склонность использовать его, и теперь ни одна женщина не смогла бы причинить ему серьезную боль. Нет, больше уже никогда!

— Ах, бедный юноша! — сказала девушка нежно, с улыбкой богини, улыбающейся не совсем от радости.

— В общем, женщины, как он узнал теперь из собственного опыта, были приятнейшими сотоварищами по играм. И он начал играть. Он отправился буйствовать по свету с гордостью молодости и во всеоружии боли. И он слагал песни для удовольствия королей, и фехтовал для удовольствия мужчин, и нашептывал комплименты для удовольствия женщин

в местах, где был знаменит, и смело самоутверждался, доставляя всем удовольствие в те прекрасные дни. Но нашептывание и все, что следовало за нашептыванием, было самой лучшей игрой — игрой, в которую он играл дольше всего со многими ярко раскрашенными партнершами, воспринимавшими игру более серьезно, нежели он. И их веру в важность игры, в него и его высокопарный вздор он очень часто находил занятной. А от других их достоинств он также получал естественное удовольствие. Затем, когда он вполне наигрался, то прибегнул к советам рассудительных людей, советам остепенившегося влечения. И он женился на миловидной дочери достойного уважения ростовщика, честно ведшего свое дело. И жил с женой так, как обычно живут вместе два человека. И, в конце концов, я не сказал бы, что его жизнь была сломана.

— Что ж, значит, так и было, — сказала Доротея. Она с нетерпеливым вздохом беспокойно передернула плечами, и было видно, что она крайне смущена. — О, но мне почему-то думается, что вы весьма жуткий старикашка. И вы кажетесь еще более жутким в этом странном блестящем одеянии.

— Ни одна женщина никогда еще не хвалила дело рук другой женщины, и каждая из вас особенно бранит свое собственное. Но вы прервали мое сказание.

— Не понимаю, — сказала девушка, и большие сияющие глаза, цвет которых был так неопределенен и так дорог Юргену, казались теперь еще больше. — Я не понимаю, как все это могло обрести счастливый конец.

— Тем не менее человеческие сердца переживают благословение священника, что вы можете видеть каждый день. Этот человек в конце концов унаследовал дело своего тестя и нашел это, совершенно так, как и предвкушал, занятием, наиболее подходящим для отставного поэта. И этим, предполагаю я, он был удовлетворен. О да, но через некоторое время из чужих краев вернулся гетман Михаил вместе со своими лакеями, столовым серебром и сундуками добра, с пре-

красными лошадьми и женой. И юноша, бывший некогда ее возлюбленным, мог теперь видеть ее, после многих лет, когда ему вздумается. Теперь она стала для него некоей миловидной незнакомкой. Вот и все. Она была весьма глупа. В ней, так или иначе, не было ничего замечательного. Уважаемый всеми ростовщик видел это совершенно ясно: изо дня в день он терзался осознанием этого, поскольку, как я должен вам сказать, он не мог сохранять самообладание в ее присутствии даже теперь. Нет, он никогда на это не был способен.

При этом известии девушка нахмурилась.

— Вы имеете в виду, что он ее по-прежнему любил. Ну, конечно же!

— Дитя мое, — отвечал Юрген, в порицательном жесте подняв указательный палец, — ты — неизлечимый романтик. Человек ее больше не любил и даже презирал. В любом случае, он уверил себя, что это так. Но миловидная и глупая незнакомка все равно приковывала его взгляд, путала его мысли и вносила ошибки в его расчеты, а когда днем он касался ее руки, то не спал ночами. Так он видел ее изо дня в день. А люди шептались, что эта миловидная и глупая незнакомка имеет расположение к молодым людям, помогавшим ей искусно обманывать мужа. Но она ни разу не выказала какого-либо благоволения уважаемому всеми ростовщику. Ибо его юность прошла, и казалось, что ничего особенного не случилось. В общем, вот его сказание. О ней я ничего не знаю. И никогда не узна́ю! Но определенно поговаривали, что она обманывала гетмана Михаила с двумя молодыми людьми или, может, с пятью молодыми людьми, но ни разу с уважаемым всеми ростовщиком.

— Полагаю, что это чрезвычайно циничная и глупая история, — заметила девушка. — А я отправляюсь на поиски Юргена. В любви он весьма занятен, — проговорила Доротея со сладчайшей и прелестнейшей задумчивой улыбкой, достойной рая.

И там, в саду между рассветом и закатом, на

Юргена нашло безумие и неверие в такую несправедливость, которая теперь казалась немыслимой.

— Нет, Желанье Сердца! — воскликнул он. — Я не отпущу тебя. Ты — дорога мне, чиста и верна, и все мои дурные сны, в которых ты распутничала и дурачила меня, не были правдой. Наверняка мои сны никогда и не могли быть правдой, пока на земле существует справедливость. Можно ли вообразить себе Бога, который бы позволил, чтобы у юноши украли то, что в моих дурных снах было у меня отобрано!

— И все же я не понимаю ваших речей об этих снах!..

— Что ж, мне кажется, я потерял многие свои достоинства, и остался лишь мозг, играющий идеями, да тело, слабо идущее вперед удобными путями. И я не мог верить в лучшее, как верили мои товарищи, и не мог их любить, и не мог обнаружить ничего в том, что они говорили или делали, кроме их чрезвычайной глупости, потому что я потерял их общую искреннюю веру в важность использования ими получаса, месяца или многих лет. И потому, что одна ветреница открыла мне глаза и я увидел слишком много, я потерял веру и в важность своих собственных поступков. Было мало времени, за которое прошлое могло бы стать приемлемым, по ту сторону зияющей непредсказуемой тьмы: а это все, что где-либо определенно существовало. Скажи мне, Желанье Сердца, разве это всего лишь не дурацкая мечта? Ведь всего этого никогда не происходило. Что ж, было бы нечестно, если б такое когда-либо произошло!

Глаза девушки были широко открыты, а она смущена и немного напугана.

— Я не понимаю того, что вы говорите, и в вас есть нечто такое, что невыразимо меня тревожит. Вы называете меня именем, которым пользовался лишь Юрген, и мне кажется, что вы — Юрген. И, однако, вы — не Юрген.

— Но я поистине Юрген. И посмотрите же, я сделал то, чего не делал прежде ни один человек: я добрался

до той первой любви, которую каждый должен потерять, неважно, на ком он женат. Я вновь вернулся, очень быстро промчавшись над могилой мечты и через злобу времени к Желанью Сердца Моего! И насколько странным кажется то, что я не знал, что такое неизбежно!

— Все же, мой друг, я вас не понимаю.

— А я зевал и мучился в приготовлениях к некоему великому и прекрасному приключению, которое вскоре должно было со мной произойти, и с изумлением продолжал трудиться. Тогда как позади меня все это время находился сад между рассветом и закатом, в котором меня ждала ты! Теперь несомненно, что жизнь каждого человека есть причудливо построенный рассказ, в котором справедливая и соответствующая концовка появляется в самом начале. Поэтому время бежит вперед не как в схоластической притче, по прямой, но по замкнутой кривой, возвращаясь к месту своего начала. И именно благодаря смутному предвидению этого и некоему слабому предвкушению вскоре даруемой им справедливости люди имеют силы жить. И теперь я уверен, что всегда это знал. Зачем еще было жить праведно, если это не привело бы меня назад к тебе?

Но девушка очень грустно покачала своей великолепной головкой.

— Я не понимаю вас и боюсь. Вы говорите глупости, а в вашем лице я вижу лицо Юргена, как можно видеть лицо мертвеца, утонувшего в мутной воде.

— Однако я поистине Юрген, и, как мне кажется, впервые с тех пор, как мы расстались. Я силен и восхитителен — даже я, который так долго насмехался и играл, поскольку думал о себе, как о вообще никчемном человеке. То, что случилось с тех пор, как мы с тобой были молоды, — лишь растаявший туман. И все мое существо полно неутолимой жажды тебя, моя дорогая, и я не отпущу тебя, потому что лишь ты, ты одна — Желанье Сердца Моего.

Девушка взглянула на него очень серьезно и сму-

щенно нахмурилась, а ее нежные юные губы слегка раскрылись. И вся ее мягкая прелесть была озарена светом небес, приобретавших цвет золотого песка.

— Но вы говорите, что вы — сильны и восхитительны, а я могу лишь дивиться таким речам, так как вижу то, что видят все люди.

И тут Доротея показала ему зеркальце, висевшее на длинной бирюзовой цепочке у нее на шее. И Юрген внимательно всмотрелся в испуганное глуповатое лицо пожилого человека, которое он обнаружил в зеркале.

С ужасающей внезапностью к Юргену вернулся здравый рассудок: и пыл его страсти угас, и жар, буря и стремительное кружение затихли, и человек почувствовал себя очень утомленным. А в тишине он услышал пронзительный крик птицы, которая, казалось, искала то, чего никак не могла найти.

— Я получил ответ, — сказал ростовщик, — однако я знаю, что он не окончательный. Дороже любой небесной надежды был тот миг, когда впервые проснулись устрашающие догадки при виде незнакомых прелестных черт на лице Доротеи. Тогда-то я и заметил нежный румянец, покрывавший ее лицо от подбородка до лба, когда наши глаза встретились, и обнаружил новый свет в сияющих глазах, которые больше не могли совершенно честно встретиться с моим взглядом. Пусть будет так, я не люблю жену гетмана Михаила...

...Горько вспоминать, как мы предавались нашей любви и находили служение ей прелестным. Мучительно воскрешать в памяти сладость тех клятв, что объявили ее моей навеки, — клятв, что прерывались долгими, незабываемыми поцелуями. Мы тогда обычно смеялись над гетманом Михаилом, мы смеялись вообще надо всем. И некоторое время, целое лето, мы были такой прекрасной, привлекательной и чистой парой возлюбленных, какая только известна миру. Но пусть будет так, потому что я не люблю больше жену гетмана Михаила...

...Наша любовь была честна, но недолговечна. Никто

не может оживить ее, поскольку ножки Доротеи растоптали жизнь этой любви. Однако раз эта наша жизнь тоже завершилась — эгоистичная жизнь, которая не могла позволить нам любить кого-либо другого, — не должны ли мы каким-то образом добраться до той веры, которой мы поклялись перед вечностью, и вновь ощутить удовлетворение в некоем сказочно-красочном царстве? Я думаю, это несомненно произойдет. Пусть будет так, я не люблю жену гетмана Михаила.

— Что ж, слушать вас — одно удовольствие, — заметила Доротея, — поскольку я вижу, как вы обращаете свою печаль в сырье для стихов. А я отправляюсь на поиски Юргена, так как он любит совершенно иначе и намного занятнее.

И опять, каким бы ни был предмет, о котором задумалась девушка, мысль о нем нежно окрасила ее щеки, а воспоминание придало взору бесконечную радость.

Это длилось лишь мгновение. Девушка оставила Юргена, дружески помахав ему рукой, и ушла от него, больше не думая об этом старике (как он мог видеть) уже в тот миг, когда отвернулась от него. И она направилась в сторону рассвета на поиски того юного Юргена, которого она, будучи во всем совершенна, любила, хотя и весьма недолго, но вполне заслуженно.

ГЛАВА V

Требования хлеба с маслом

есс, — говорит Юрген, — неужели я так изменился? Ведь та Доротея, которую я любил в юности, не узнала меня.

— У добра и зла очень точные расчеты, — отвечал кентавр, — и лицо каждого человека — своеобразный гроссбух. Между тем солнце встает, начинается новый день. А когда тени тех двоих, что придут сюда, упадут на сад, предупреждаю тебя, поразительные перемены будут вызваны требованиями хлеба с маслом. У тебя нет времени оживлять старые воспоминания беседами с теми, с кем ты был в саду прежде.

— О, кентавр, в саду между рассветом и закатом никогда не было никого, кроме Доротеи ла Желанэ.

Кентавр пожал плечами.

— Возможно, ты все забыл. Определенно, ты недооцениваешь окружающих людей. Тех случайных посетителей, которых ты видел. Вдобавок поблизости круглый год обитают все разновидности воображаемых существ. К югу отсюда живут феи, и там же гномы. Справа от тебя — царство Валькирий; их союзники — Амазонки и Кинокефалы. Все три этих народа находятся в постоянной вражде со своими соседями — Бабами-Ягами, для которых стряпает Морфей и чьим монархом является Ох — существо чрезвычайно опасное, чтобы называть его по имени. К северу обитают лепрехуны и Люди Голода, чьим королем является Клобхэр. Мой народ, которым правит Хирон, живет еще дальше к северу. Там в горах пасется Сфинга, а Химера сейчас стара и всеми осмеивается. Говорят, что в сумерки Сфингу посещает Цербер, хотя я никогда не распространял сплетен...

— Кентавр, — сказал Юрген, — а что здесь делает Доротея?

— Ведь здесь живут все женщины, которых когда-либо любил мужчина, — ответил кентавр, — по весьма очевидным причинам.

— Это суровые слова, мой друг.

Несс постучал указательным пальцем Юргену по тыльной стороне ладони.

— Мясо для червей! Делай что угодно, но эта пища предназначена маленьким белым червям. Оно вскоре станет бурлящей бледной гнилью, наподобие кипящего молока. Это тоже суровые слова. Но они истинны.

— И та Доротея, которую я любил в юности, была воображаемым существом?

— Мой бедный Юрген, ты, который когда-то был поэтом! Она — шедевр твоего воображения. Ведь это была лишь пустая, глупая и ветреная, горбоносая и белобрысая барышня, не обладающая особо примечательной внешностью — и оцени, что́ твое искусство сотворило из столь бедного материала! Ты должен собой гордиться!

— Нет, кентавр, я не могу вполне гордиться своей глупостью, однако я о ней не сожалею. Я был одурачен яркой тенью собственного создания, говоришь ты мне, и допускаю, что, вероятно, это так. Тем не менее я служил прелестной тени, и мое сердце будет хранить память о той прелести до конца жизни, в некоем мире, где другие люди, задыхаясь, следуют за тенями, которые даже не привлекательны.

— В этом что-то есть, Юрген. Что-то также есть и в одной старой истории, которую мы обычно рассказываем в Фессалии, о лисе и винограде.

— Но послушай, Несс, существует император, что правит нынче в Константинополе и время от времени имеет дела со мной. Да, я мог бы рассказать тебе историю про то, какими хитростями он достиг трона...

— Люди при восхождении обычно марают руки, — процитировал кентавр.

— «Юрген, — говорит мне этот император не-

сколько месяцев тому назад, сидя в своем дворце, венценосный и тоскливый, пытясь при выплате моей честной прибыли надуть меня на несколько изумрудов, — Юрген, я не сплю ночами из-за дурака Алексия, который является ко мне в покои с выпученными глазами и тетивой вокруг шеи. А мои варяги, должно быть, в сговоре с этим слабоумным призраком, потому что я постоянно приказываю им не допускать Алексия ко мне в спальню, а они не повинуются. Быть Царем Востока совсем не просто, Юрген, когда нужно покоряться таким обстоятельствам». Да, это мне говорил сам кесарь Фарамон, а я делаю вывод, что тень венца доведет его до ужасно плачевного состояния, несмотря на то что он — могущественнейший монарх на свете. И я не поменялся бы местами с кесарем Фарамоном, я, уважаемый всеми ростовщик со своим домом и наделом земли. Разумеется, это чудесный мир, а этот сад посещают не более странные существа, чем те, что порой появляются у человека в голове, а он и сам не знает, как это случилось.

— Но ты должен понять, что сад вскоре будет переделан. Вон там ты можешь заметить двоих, которые требуют очистить это место от всех фантастических, бесполезных видений и которые преобразуют естественные богатства этого сада согласно всеобще одобренным методам.

И вдалеке Юрген разглядел две фигуры, приближавшиеся с востока, настолько высокие, что их головы поднимались над окружающими холмами и озарялись лучами солнца, которого еще не было видно. Один из приближавшихся был белый, одутловатый на вид великан со сварливым выражением лица: он шел, опираясь на палку. Другой великан был бледно-желтым; его лицо лоснилось, и он ехал верхом на огромной корове, которую звали Аудумла.

— Двигай туда, брат, со своим посохом жизни, — говорит желтый великан, — там есть чем заняться.

— Да, брат, это место должно сильно измениться, чтобы удовлетворять нашим требованиям, — провор-

чал другой. — Пусть меня поджарят на костре, если я знаю, с чего начать!

А когда великаны обратили свои скучные и грубые лица к саду, солнце поднялось над кругом голубых холмов, так что слитые воедино тени двух великанов упали на сад. На мгновение Юрген увидел, что местность накрыта длиннющей узкой тенью: так в геральдике можно увидеть черную полосу, начертанную прямо поперек ярко раскрашенного щита. Затем окружающее сияние задрожало и исчезло, как лопнувший пузырь.

А Юрген стоял посреди чистого поля, добросовестно вспаханного, но на котором еще ничего не взошло. А кентавр, похоже, по-прежнему был с ним. Юрген заметил копыта этого существа, но все золото смылось или стерлось с них во время путешествия.

— Видишь, Несс! — воскликнул Юрген. — Сад опустел. О, Несс, разве справедливо, что такая прелесть должна быть уничтожена?

— Не-е, — ответил кентавр, — не-е! — Долго, причитающе он ржал: — Не-е!

А когда Юрген поднял голову, то увидел, что его спутник — не кентавр, но лишь заблудившаяся верховая лошадь.

— Был ли ты прежде животным, — говорит Юрген, — и обычное ли животное привезло меня в сад между рассветом и закатом? — И Юрген безутешно рассмеялся: — В любом случае, ты надел на меня странную и прекрасную рубаху. И теперь я вижу, что твоя уздечка отмечена диадемой. Так что я верну тебя в замок Бельгард, и, может, гетман Михаил меня наградит.

Затем Юрген вскочил на коня и поскакал прочь со вспаханного поля, на котором все еще ничего не взошло. Оставив позади пашню, он подъехал к дорожному щиту с какой-то надписью чудны́ми красными и желтыми буквами.

Юрген замедлил движение, чтобы ее разобрать.

«Прочитай меня! — было написано на щите. — Прочитай меня и пойми, если сможешь! Я позвал, и

ты остановился на своем пути, предвидя нечто необычное, нечто забавное. Это так, хотя я — ничто, и даже менее того. Никто не видит меня, кроме того, кто здесь прозябает. Путник, я есмь закон Вселенной. Путник, воздай закону должное!»

Юрген почувствовал себя обманутым.

— На самом деле, очень глупый щит! Рзве может он быть «законом Вселенной», когда в нем нет никакого смысла? — пробормотал Юрген. — Ведь любой бессмысленный закон был бы нечестным.

ГЛАВА VI,

Показывающая, что Середа — женщина

ахнув рукой на этот дурацкий щит, Юрген повернул было на восток к Бельгарду, но его конь запротивился. Ростовщик воспринял это как знак.

— Тогда вперед! — сказал он. — Во имя Кощея! — И впоследствии Юрген позволял коню самому выбирать дорогу.

Так Юрген, проехав через лес, где увидел множество вещей далеко не лицеприятных, чтоб их замечать, оказался у большого каменного дома, похожего на тюрьму, и стал искать там прибежища. Но внутри он не обнаружил ни души, пока не дошел до большого, только что подметенного зала. Помещение удручало своей холодной опрятной пустотой, так как в нем не было никакой обстановки, если не считать голого соснового стола, на котором лежали измерительная линейка и чашечные весы. Над столом висела плетеная клетка с синей птицей и еще одна плетеная клетка с тремя белыми голубями. И в этом зале уже немолодая женщина, одетая во все синее и повязавшая вместо головного убора полотенце, разбирала необычайно цветастые ткани.

У нее были очень ясные глаза с морщинистыми веками, а когда она взглянула на Юргена, ее сморщенный подбородок задрожал.

— О, — сказала она, — у меня гость. Добрый день тебе в твоей блестящей рубахе. Это одеяние я, похоже, узнаю.

— Добрый день, бабушка! Я ищу жену, которую, как подозреваю, утащил дьявол. Бедняжка! Теперь же, заблудившись, я собрался провести эту ночь под твоей крышей.

— Очень хорошо: лишь немногие ищут Матушку Середу добровольно.

Тут Юрген понял, с кем говорит, и хотя обеспокоился, но не показал виду. Все Лешие в делах весьма ненадежны.

Поэтому он заговорил очень учтиво:

— И что же ты здесь делаешь, бабушка?

— Отбеливаю. В свое время я отбелю и одежду, которую носишь ты. Я все обесцвечиваю. Сейчас ты видишь эти тряпки такими, какие они есть на самом деле. Клото спрятала сверкающие нити, а Лахезида соткала из них, как ты можешь заметить, причудливые узоры, весьма диковинные на вид, но, когда я разберусь с этими тряпками, в них будет красоты, цвета и странности не больше, чем в посудных полотенцах.

— Теперь я осознаю, — сказал Юрген, — что твоя сила и власть намного больше любой силы на свете.

Он создал об этом песнь в честь лешачих и их дней, но особо в честь всемогущей Матушки Середы и останков, которые упали на среду. И Четвергице, Вторнице и Субботице отдал он должное. Пятницу и Неделю Юрген также похвалил за те разрушения, которые указаны под их именами в святцах. О, не было никого, сравнимого с Матушкой Середой: ее власть была центром всех сил Леших. Другие совершали незначительные поступки, словно мышки; она же опустошала, словно песчаная буря, и там, где проходила Матушка Середа, оставалось множество куч песка, а больше ничего.

Песнь не являлась шедевром и не улучшилась бы при повторении. Но это был неоспоримый панегирик, и старуха прихлопывала в такт тощими руками, а ее сморщенный подбородок дрожал, и она делала обмотанной полотенцем головой круговые движения, а ее тонкие губы искривила гордая и глупая улыбка.

— Хорошая песня, — сказала она. — О да, превосходная песня! Но ты ничего не доложил мне о моей сестре Понедельнице, управляющей днем Луны.

— Лунник-понедельник! — воскликнул Юрген. — Да, я упустил понедельник, вероятно, потому, что Понедельница старше вас всех, но отчасти из-за условностей, вызванных моей системой стихотворных

размеров. Мы должны оставить Понедельницу невоспетой. К тому же, как я могу все упомянуть, когда воспеваю силу Середы?

— Но, — возразила Матушка Середа, — Понедельнице это может не понравиться, и она может устроить в стирке выходной, чтобы поговорить с тобой. Однако, повторяю, это превосходная песня. И в ответ на твою хвалу я расскажу тебе, что, если твою жену утащил дьявол, твое дело способен разрешить лишь один Кощей. Думаю, несомненно, что в поисках справедливости ты должен идти к нему.

— Но как мне добраться до него, бабушка?

— О, что касается этого, вообще неважно, какой тропинкой идти. Все дороги, как говорится, окольным путем ведут к Кощею. Необходимо лишь не оставаться на месте. Я рассказываю тебе так много в благодарность за твою песню, потому что она была превосходна, и никто до сего дня не слагал песни в мою честь.

Юрген удивился, увидев, насколько простодушна эта Матушка Середа, сидевшая перед ним, трясясь и ухмыляясь, хрупкая, как опавший листок, с головой, обвязанной обычным кухонным полотенцем, но чья сила была так огромна.

«Подумать только, — размышлял Юрген, — мир, в котором я живу, управляется существами, у которых нет даже и одной десятой доли ума, который есть у меня! Я часто подозревал об этом, и это решительным образом несправедливо. И, вероятно, сто́ит посмотреть, не смогу ли я что-нибудь извлечь из того, что я такой чудовищно умный».

Вслух же Юрген сказал:

— Я не удивляюсь, что ни один профессиональный поэт никогда не пытался сложить песнь о тебе. Ты слишком величественна. Ты напугала этих рифмоплетов, которые чувствуют себя недостойными столь крупной темы. Так что тебе остается лишь быть оцененной ростовщиком, поскольку именно мы имеем дело с сокровищами этого мира и наблюдаем за ними после того, как с ними уже разделались вы.

— Ты так думаешь? — сказала она, польщенная еще больше. — Ну, может, и так. Но я удивляюсь, что ты, такой прекрасный поэт, должен был стать ростовщиком.

— На самом деле, Матушка Середа, твое удивление заставляет, в свою очередь, удивиться меня, ведь я не могу и представить занятия более подходящего для отставного поэта. Какое разнообразное общество окружает ростовщика! Люди высокого и низкого положения и даже представители света порой испытывают денежные затруднения: тогда пахарь топает прямо ко мне в лавку, а герцог тайком посылает кого-нибудь. Поэтому люди, которых я знаю, и частички их жизней, в которые я вникаю, дают мне много тем для сочинительства.

— О да, в самом деле, — мудро произнесла Матушка Середа, — может, суть именно в этом. Но я сама не одобряю сочинительства.

— Более того, сидя у себя в лавке, я тихонько жду, когда ко мне придет дань со всех концов земли. Все, что где-либо ценят люди, рано или поздно приходит ко мне: драгоценности и изящные безделушки, бывшие гордостью цариц, и колыбель со следами зубок на краю, и серебряные ручки от гроба; или это может оказаться старая сковорода; но все приходит к Юргену. Так что просто тихонько сидеть в своей темной лавке и удивляться историям принадлежащих мне вещей и тому, как они сделались моими, — поэзия; это глубокое, высокое и древнее размышление бога, который дремлет посреди того, что́ время оставило от мертвого мира, если ты меня понимаешь, Матушка Середа.

— Понимаю! Да, я понимаю подобающее богам по вполне определенной причине.

— И потом еще одно: тебе не нужна никакая деловая изобретательность. Люди согласны на любые твои условия, иначе они бы не пришли. Так что ты получаешь блестящие, с острыми кромками, монеты, на которых можешь ощутить, у себя под пальцами, рельеф гордой царской головы с лавровым венком, наподобие метелки проса. И ты получаешь стертые, позеленевшие монеты, опозоренные титулами, подбородками и крючковатыми носами императоров, которых никто не помнит или на которых уже всем наплевать. И все это — лишь тихонько ожидая и делая одолжение посетителям, позволяя отдать тебе

принадлежащее им за треть своей стоимости. И это легкий труд, даже для поэта.

— Понимаю. Я понимаю любой труд.

— И люди относятся к тебе более учтиво, чем в действительности требуется, поскольку им вообще стыдно с тобой торговаться. Сомневаюсь, мог ли бы поэт удостаиваться такой учтивости при любой другой профессии. И, наконец, существуют периоды длительной праздности между деловыми беседами, когда делать нечего, кроме как тихонько сидеть и думать о странности вещей. А это редкое занятие для поэта, даже не умудренного опытом многих жизней и судеб, наваленных на него, словно бирюльки. Поэтому я бы сказал, Матушка Середа, что, определенно, не существует профессии более подходящей для старого поэта, чем ростовщичество.

— Определенно, в сказанном тобой что-то есть, — заметила Матушка Середа. — Я знаю, кто такие Малые Боги, и знаю, что такое работа, но не думаю ни о подобных материях, ни о чем-либо еще. Я отбеливаю.

— О, я мог бы сказать больше, крестная, но боюсь утомить тебя. Не коснулся я совершенно и своих личных дел, будто мы двое не настолько близко связаны. Ведь от родни, как говорят люди, одно добро.

— Но как ты и я можем быть родней?

— Как же, разве я родился не в среду? Это делает тебя моей крестной, не правда ли?

— Не знаю наверняка, милок. Прежде никто не имел желания заявлять права на родство с Матушкой Середой, — жалобно сказала она.

— Однако в этом не может быть никаких сомнений. Сабеллий настоятельно это утверждает. Артемидор Малый, делаю тебе уступку, считает этот вопрос спорным, но причины, по которым он так заявляет, пользуются дурной славой. Кроме того, что может сделать вся его гнилая софистика против отличной главы на этот самый предмет у Никанора? Я это рассматриваю как разгром. Его логика — окончательна и неопровержима. Что можно сказать против Севия Никанора?.. В самом деле, что? — вопросил Юрген.

И он бы удивился, если бы в конце концов хоть где-нибудь не оказалось таких личностей. Их имена,

в любом случае, звучали для Юргена весьма правдоподобно.

— О милок, я никогда не была способна к учению. Может быть, все и так, как ты говоришь.

— Ты говоришь «может быть», крестная. Это весьма смущает меня, поскольку я собирался попросить у тебя подарок как крестнику, который при большом объеме неотложной работы ты позабыла сделать где-то сорок лет тому назад. Ты охотно осознаешь, что твоя небрежность, пусть и ненамеренная, могла бы дать толчок недоброй критике, и чувствую, что мне следует упомянуть об этом из элементарной честности по отношению к тебе.

— Что касается этого, милок, проси, что пожелаешь, в пределах моей власти. Моими являются все сапфиры и бирюза и все, что в этом пыльном мире синее и голубое. И моими также являются все среды, которые когда-либо были или будут. И любое из этих пожеланий я охотно выполню в ответ на твои изящные речи и мягкое сердце.

— Но, крестная, вполне ли справедливо жаловать меня чем-то бóльшим, нежели предоставляемое другим людям?

— Конечно, нет. Но что я должна сделать по справедливости? Я отбеливаю. Давай делай свой выбор! И я могу тебя уверить, что сапфиры — чистейшей воды, а многие из грядущих сред стоит увидеть.

— Нет, крестная, меня никогда по-настоящему не волновали драгоценные камни, а будущее — это лишь одевание и раздевание, и бритье, и еда, и вычисление процентов, и так далее. Будущее меня сейчас не интересует. Поэтому я скромно удовлетворюсь подержанной средой — той, которую ты уже использовала и которая тебе в дальнейшем не понадобится; и это будет среда в августе такого-то года.

Матушка Середа согласилась.

— Но нужно соблюсти определенные правила, — сказала она, — потому что требуется следовать системе.

Говоря это, она сняла с головы полотенце и вынула из седых волос синий гребень; и она показала, что выгравировано на гребне. Это немного испугало Юргена, но он утвердительно кивнул.

— Однако сначала, — сказала Матушка Сере-

да, — вот тебе синяя птица. Не возьмешь ли лучше ее, милок, чем свою среду? Большинство именно так бы и сделало.

— Но, крестная, — ответил он, — я же Юрген. Нет, я желаю не синюю птицу.

Матушка Середа сняла со стены плетеную клетку с тремя белыми голубями и, пройдя впереди Юргена, ссутулившись и шаркая ногами по плитам пола, вывела его во двор, где они, конечно же, обнаружили привязанного козла. Животное было темно-синего цвета, а глаза у него были мудрее, чем у животного.

И вот тут-то Юрген приступил к тому, что, по словам Матушки Середы, являлось необходимым.

ГЛАВА VII

О компромиссах в среду

произошло так, что верхом на коне, чья уздечка была отмечена диадемой, ростовщик вернулся в то место и в то время, которые остались в его памяти. Было весьма странно вновь оказаться прекрасным юношей и предвидеть все, что произойдет в последующие двадцать лет.

Так получилось, что первой, кого он встретил, была его мать Азра, которую Котт любил очень сильно, но недолго. И Юрген говорил с Азрой о тех нарядах, которые понадобятся ему в Гатинэ, и о том, как часто он будет ей писать. Как и ожидалось, она пренебрежительно отнеслась к новой рубахе, которую он носил, поскольку Азра всегда предпочитала сама выбирать одежду сыну, а не доверяться вкусам Юргена. Она признала, что его новая лошадь — милое животное, и понадеялась, что он не украл ее у кого-нибудь, кто навлек бы на него неприятности. Ибо нужно отметить, что Азра никогда не верила в сына, но была единственной женщиной, как чувствовал Юрген, которая действительно его понимает.

И теперь, пока его красивая молодая мать то ласкала, то журила его, бедный Юрген подумал о том самом разладе и разрыве, который в последующие годы возник между ними; и о том, как она умрет, а он не будет знать о ее смерти целых два месяца; и о том, как его жизнь впоследствии почему-то изменится, а окружающий мир станет неким ненадежным местом, и в него нельзя уже будет простодушно верить. И он предвидел все раскаяния, которые он отбросит, про-

мотав такое количество чести и любви. Всего этого еще не было. Но все это было неизбежно.

— И, однако, то, что все это должно неизбежно произойти, решительным образом несправедливо, — сказал Юрген.

Так было со всеми, кого он встречл. Люди, которых он любил, когда был прекрасным юношей в расцвете сил, стали очень скоро и по маловажным причинам для него никем, а он сам превратился в обычного лавочника. И жизнь показалась Юргену расточительным и несправедливым процессом.

Затем Юрген покинул дом своей юности и поехал в Бельгард, привязал коня на пустоши и вступил в замок. Так Юрген явился к Доротее. Та была мила и прелестна, но, однако, в связи с какой-то странной переменой обстоятельств, не так мила и прелестна, как Доротея, которую он видел в саду между рассветом и закатом. А Доротея, как и все, похвалила чудесную новую рубаху Юргена.

— Она сшита именно для таких празднеств, — скромно сказал Юрген, — это отчасти моя задумка. Немного экстравагантно, как могут посчитать некоторые, но всем не угодишь. А мне нравятся цветастые вещи.

В тот вечер в замке Бельгард показывали спектакль, и безумно чудно́ и грустно было вспоминать Юргену, что́ случится со многими из присутствующих.

Юрген не забыл эту среду, эту давнюю среду, когда мессир де Монтор привез из Брунбелуа Братство Святого Медара, чтобы оно разыграло пьесу в жанре маски «Рождение Геракла», чем ныне, вызывая шумное одобрение, занимаются всякие бродяги. Юрген помнил, что это произошло за день до того, как Бельгард обнаружил, что гость графа Эммерика, виконт де Пизанж, в действительности является знаменитым разбойником Перионом де ла Форэ. Ну, а вон там еще не раскрытый самозванец ведет задушевный разговор с госпожой Мелицентой; а Юрген знал все, что оставалось в запасе у этой пары влюбленных.

Между тем, как размышлял Юрген, в данное время настоящий виконт де Пизанж лежал в бреду в «Бенуа»; завтра истинного виконта признают, и через год виконт женится на Фелиции де Суаэкур, а позднее Юрген встретит ее во фруктовом саду. И Юрген также знал, что именно тогда произойдет.

А мессир де Монтор, искоса наблюдая за госпожой Мелицентой, шутил с крошкой Эттаррой, которой в этот вечер разрешили лечь спать позднее обычного в честь спектакля; и Юрген знал, что этот молодой епископ станет не кем иным, как Папой Римским, и что этот ребенок, с которым он шутил, превратится в женщину, ради обладания которой Гирон де Рок и вон тот угрюмый на вид юноша, Можи д'Эгремон, будут соперничать друг с другом до тех пор, пока край не будет опустошен; замок же, в котором сейчас находится Юрген, будет осажден, а это его крыло сгорит. И безумно чудно́ и грустно было Юргену вот так вспоминать все, что произойдет с этими людьми и со всеми другими, резвившимися под тенью судьбы и смеявшимися над тривиальной постановкой.

Ибо здесь — при таком количестве нависших крушений, неудач и печали, готовой вскоре поразить многих из этих пирующих заранее известными Юргену способами, и смерти, неизбежно приближающейся, чтобы покончить почти со всей этой компанией в несколько непривлекательной форме, что Юргену было точно известно, — здесь смех казался чрезмерным и отвратительным. Что ж, а вон там Рено, смеющийся слишком громко, запрокинув стриженую голову; смеялся бы так же Рено, если б узнал, что круглая сильная глотка, которую он таким образом показывает, будет перерезана, как у теленка, когда его захватят трое бургундцев? Юрген знал, что это случится с Рено Венсофом еще до конца октября. Поэтому он смотрел на горло Рено и с дрожью вдыхал воздух сквозь сжатые зубы.

«А он, этот мальчик, стоит дюжины таких, как я, — подумал Юрген, — и я собираюсь жить, чтобы стать стариком с клочком земли спустя годы после

того, как этого красивого добродушного юноши не станет, как грязь забьет эти ясные благородные глаза! И спустя годы после того, я тоже забуду о нем. Марион д'Эдоль, та очень привлекательная девушка, позади него, превратится в прыщавую и беззубую завсегдатайшу задворков и будет плотоядно хватать мужчин за рукава! А вот голубоглазый Колен со своим детским ротиком будет повешен за обрезание монет, — дайте припомнить, — да, через шесть лет, считая с этого вечера! Но некоторым образом эти люди блаженны, ничего не предвидя. Они смеются, а я смеяться не могу, и для меня их смех более ужасен, чем плач. Да, они, возможно, очень мудры, что не горюют над неизбежным. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. И, конечно же, жизнь мне во всем кажется расточительным и несправедливым процессом».

Вот над чем размышлял Юрген в то время, как остальные проводили весьма приятный вечер.

А потом, когда спектакль закончился, Доротея и Юрген вышли на террасу на восточном крыле Бельгарда к незабываемому миру лунного света. Они сели на резную каменную скамью у балюстрады с видом на дорогу. Юноша с девушкой задумчиво всматривались в уходившую вдаль дорогу, в светлые долины и верхушки деревьев. Так они тут и сидели, что хорошо помнил Юрген, когда Матушка Середа впервые использовала эту среду.

— Желанье Сердца Моего, — говорит Юрген, — мне грустно этим вечером. Я думаю о том, что сотворит с нами жизнь и в какие ничтожества превратят нас с тобой года.

— Возлюбленный мой, — говорит она, — разве мы не знаем превосходно, что именно произойдет? — И Доротея начала рассказывать обо всех тех великолепных поступках, которые совершит Юрген, и о счастливой жизни, которая станет для них совместной.

— Это жутко, — сказал он, — мы уже никогда не будем столь прекрасны, как сейчас. У нас есть

великолепие, для которого у мира нет применения. Оно пропадет. А такая потеря несправедлива.

— Но вскоре ты достигнешь небывалых высот, — возразила она и с любовью предсказала все виды рыцарских подвигов, которые, как помнил Юрген, когда-то ему тоже казались очень правдоподобными. Теперь же у него появилось ясное осознание способностей юноши, о котором он думал так хорошо.

— Нет, Желанье Сердца. Нет, я буду совершенно другим.

— ...и думать о том, как горда я буду тобой! «Но я всегда это знала», — буду говорить я всем весьма снисходительно...

— Нет, Желанье Сердца. Потому что ты вообще не будешь обо мне думать.

— О, милый. А может, ты действительно считаешь, что меня когда-либо будет волновать кто-то, кроме тебя?

Тут Юрген рассмеялся. Ибо по пустынной террасе в поисках госпожи Доротеи шел гетман Михаил, и Юрген знал заранее, что это мужчина, которому через два месяца, считая с этого вечера, Доротея отдаст любовь и всю свою красоту и с которым она разделит губительные годы, что ждут впереди.

Но девушка этого не знала и слегка пожала плечиками.

— Я обещала танцевать с ним, так что придется выполнять обещание. Но этот старик — сплошное наказание.

Гетману Михаилу шло к тридцати, а для Доротеи и Юргена это был возраст, граничащий с дряхлостью.

— Клянусь небом, — сказал Юрген, — где бы ни танцевал гетман Михаил следующий танец, здесь этого не произойдет.

Юрген решил, что он должен сделать.

И тут их учтиво поприветствовал гетман Михаил.

— Боюсь, я должен украсть у вас эту прекрасную даму, господин Юрген, — говорит он.

Юрген помнил, что много лет тому назад, были

сказаны именно эти слова, а Юрген промямлил вежливые сожаления и посторонился, когда гетман Михаил увел Доротею танцевать. И этот танец стал началом сближения гетмана Михаила и Доротеи.

— Гетман, — говорит Юрген, — тяжелая утрата, которой вы пугаете, весьма удачно обойдет меня, поскольку так получилось, что следующий танец — мой.

— Мы можем лишь оставить решение за дамой, — говорит, смеясь, гетман Михаил.

— Но не я, — говорит Юрген. — Я слишком хорошо знаю, что из этого выйдет, и не намерен предоставлять свою судьбу кому бы то ни было.

— Ваше поведение, господин Юрген, несколько странно, — замечает гетман Михаил.

— Но я покажу вам кое-что еще более странное. Посмотрите: может показаться, что здесь, на этой террасе, нас трое. Однако, могу вас уверить, четверо.

— Разгадайте загадку, милый юноша, и дело с концом.

— Кроме нас троих, гетман, здесь присутствует богиня, у которой крапчатое одеяние и черные крылья. Она не может похвастаться храмами, и нигде священники не взывают к ней, потому что она — единственное божество, которое не могут тронуть молитвы или задобрить жертвоприношения. Я намекаю, сударь, на старшую дочь Ночи и Эреба.

— Я так понимаю, вы говорите о смерти.

— Вы быстро схватываете суть, гетман. Но, боюсь, недостаточно быстро, чтобы предсказать прихоти богини. В самом деле, кто бы мог предвидеть, что этой неумолимой даме придется так по душе ваше общество?

— О, мой юный забияка, — отвечает гетман Михаил, — совершенно верно, что мы с ней знакомы. Я даже могу похвастаться тем, что отослал пару отважных воинов прислуживать ей в подземном царстве. Теперь же, насколько я угадываю смысл ваших слов, вы надеетесь, что я уменьшу долг, отправив ей какого-то молокососа.

— Мое мнение, гетман, заключается в том, что, поскольку эта темная богиня вот-вот покинет нас, ей нельзя, из обычной любезности, позволить уйти отсюда без сопровождающего. Поэтому предлагаю тотчас же решить, кто станет ее спутником.

Тут гетман Михаил вынул шпагу:

— Вы сумасшедший. Но вы сделали предложение, на которое я еще ни разу не отвечал отказом.

— Гетман, — воскликнул Юрген с искренней благодарностью и в восхищении, — я не питаю по отношению к вам никакой злобы. Но вы должны умереть сегодня вечером для того, чтобы моя душа не погибла на много лет раньше моего тела.

С этими словами он тоже выхватил шпагу.

И они стали драться. Юрген был весьма признанным фехтовальщиком, но с самого начала обнаружил в гетмане Михаиле настоящего мастера. Юрген на это не рассчитывал и был раздражен. Если гетман Михаил продырявит Юргена, будущее, несомненно, изменится, но не совсем так, как задумал Юрген. Это непредвиденное осложнение казалось нелепым, и Юргена начало сердить подозрение, что он сам может быть убит.

Между тем его невозмутимый высокий соперник, казалось, лишь играет с Юргеном, и Юрген был вынужден постоянно отступать к балюстраде. А вскоре шпага Юргена, сверкнув над балюстрадой, вылетела из его руки прямо на проезжую дорогу.

— Теперь, господин Юрген, — говорит гетман Михаил, — вашему вздору положен конец. Что ж, не сто́ит стоять, как изваяние. Я не собираюсь вас убивать. Зачем, черт возьми, мне это делать? Из-за такого поступка лишь возникнут дурные отношения с вашими родителями. И, кроме того, бесконечно приятнее танцевать с этой дамой, что́ я сперва и собирался сделать. — И он весело обернулся к госпоже Доротее.

Но Юрген нашел такой исход событий невыносимым. Этот человек сильнее его, он относится к людям того склада, которые доблестно получают и пользуются всеми наградами на свете, а простые поэты могут

лишь с уважением восхищаться ими. Все надо начинать сначала: гетман Михаил, по его собственному выражению, поступает так, как он сперва и собирался, а Юрген отброшен в сторону звериной силой этого человека. Этот человек уведет Доротею и оставит Юргену ту жизнь, о которой Юрген вспоминал с отвращением. Это несправедливо.

Поэтому Юрген выхватил кинжал и глубоко всадил его в незащищенную спину гетмана Михаила. Три раза юный Юрген пронзил дюжего воина точно под левое ребро. Даже в ярости Юрген помнил, что надо бить в левый бок.

Все произошло очень быстро. Руки гетмана Михаила дернулись вверх, и в лунном свете его пальцы растопырились, а потом сжались в кулак. Он издал забавные булькающие звуки. Затем его колени подогнулись, и он повалился назад. Голова упала Юргену на плечо, по-братски покоясь там какой-то миг, а когда Юрген отскочил из-за этого мерзкого прикосновения, тело гетмана Михаила рухнуло вниз. Теперь он лежал мертвый у ног своего убийцы, глядя вверх. У него был жуткий вид, но он был мертв.

— Что с тобой станет? — прошептала Доротея через какое-то время. — О, Юрген, это подлый поступок. То, что ты сделал, постыдно! Что с тобой станет, мой дорогой?

— Я приму свою долю, — говорит Юрген, — без хныканья и добьюсь справедливости. Я несомненно добьюсь справедливости. — Затем Юрген поднял лицо к ясным небесам: — Этот человек был сильнее меня и хотел того же, чего и я. Поэтому я нашел единственное решение, которое наверняка поможет добиться того, что мне нужно. Я требую справедливости у небесной власти, которая дала ему силу, а мне слабость, и дала каждому из нас его желания. То, что я сделал, я сделал. Теперь судите меня.

Затем Юрген отволок тяжелое тело гетмана Михаила с видного места под скамью, на которой еще недавно сидели Юрген и Доротея.

— Покойся тут, отважный рыцарь, пока тебя не найдут. Иди же ко мне, Желанье Сердца Моего. Отлично! Превосходно! Вот я сижу со своей истинной любовью над телом своего врага. Справедливость удовлетворена, и все совершенно так, как должно быть. Ты обязана понять, что мне по наследству достался прекрасный скакун, чья уздечка отмечена диадемой, — я так понимаю, пророчески, — и на этом скакуне ты помчишься со мной в Лизуарт. Там мы найдем священника, который нас повенчает. Мы вместе отправимся в Гатинэ. Между тем надо заняться одним упущенным делом. — И он привлек к себе девушку.

В этот миг Юрген ничего не боялся. Он думал:

«О, если б я мог удержать этот миг! Если б мог создать несколько соответствующих стихов, чтобы сохранить этот миг в памяти! Я могу лишь облачить в слова благоуханную и пышную мягкость волос этой девушки, когда мои ладони, дрожа каждым нервом, ласкают их; и облачить в непреходящие слова блеск и смутные оттенки ее волос под этим ливнем лунного света! Ибо я забуду всю эту красоту или, в лучшем случае, вспомню этот миг весьма неотчетливо».

— Ты поступил подло... — говорит Доротея.

Юрген же говорит самому себе:

«Этот миг уже проходит, этот ужасно счастливый миг, в который жизнь еще раз встряхивает и останавливает сердце на вершине блаженства! Он проходит, и я знаю даже то, как приподнимаю нежное лицо этой девушки и замечаю на ее лице веру, покорность и ожидание: что бы будущее нам ни приготовило и что бы за счастье мы вдвоем ни познали впоследствии, мы не найдем более счастливого мгновения, чем это, которое безвозвратно уходит от нас, пока я о нем думаю, несчастный дурак, вместо того чтоб перейти к сути».

— ...И только Бог знает, что с тобой станет, Юрген.

Юрген же по-прежнему продолжал говорить самому себе:

«Да, что-то должно остаться мне из всего этого

восторга, хотя это будет лишь ощущение вины да печаль. Я имею в виду нечто, что нужно вырвать из этого выс-шего мига наслаждения, который когда-то был безвозвратно утрачен. Теперь я мудрее, так как знаю, что нет менее утоляющих воспоминаний, чем воспоминания об искушении, против которого мы устояли. Поэтому я не растрачу одну известную мне настоящую страсть и не оставлю неутоленным одно желание, которое вызвало у меня сердцебиение, заставившее позабыть о благополучии Юргена. Итак, что бы ни случилось, я никогда не буду сожалеть, что не воспользовался любовью этой девушки до того, как ее у меня отобрали».

Делая подобные, по его мнению, полезные умозаключения, Юрген заметил, с изумлением вспоминая, как сильно боялся когда-то потрясти представления своей Доротеи о внешних приличиях, что она не слишком рьяно отталкивает его.

— Только не здесь, над мертвым телом! О, Юрген, это ужасно! Юрген, вспомни, что кто-нибудь может появиться в любую минуту! А я думала, что могу тебе доверять! И разве это демонстрирует уважение, которое ты испытываешь ко мне? — Она сказала это в основном из чувства долга. Между тем ее глаза стали шире и нежнее.

— Клянусь честью, во второй раз я не примирюсь со своей судьбой. И, что бы ни случилось, я никогда не буду сожалеть о том, что́ оставил незавершенным.

Теперь у него на устах играла улыбка, а руки обнимали смиренную девушку. Но сердце его было наполнено невыразимой подавленностью и одиночеством, поскольку ему казалось, что это не та Доротея, которую он видел в саду между рассветом и закатом.

«В моих объятиях сейчас просто очень миловидная девушка, которая не слишком осторожна в отношениях с молодыми людьми, — подумал Юрген, когда их губы встретились. — Что ж, моя жизнь — компромисс. И миловидная девушка, в любом случае, есть нечто осязаемое».

Тут он победно рассмеялся и приготовился к последующим действиям.

Но пока Юрген победно смеялся, его рука лежала на плечах Доротеи, нежное податливое лицо Доротеи

было под его губами, а беспричинная тоска — в сердце, колокол в за́мке пробил полночь. Последовавшее вслед за этим было весьма любопытным. Когда среда прошла, лицо Доротеи начало меняться, кожа огрубела, щеки ввалились, морщины окружили глаза, и она стала графиней Доротеей, которую Юрген помнил в качестве жены гетмана Михаила. Под струящимся лунным светом рассеялись все сомнения. Она с вожделением смотрела на него, а он ласкал ее — эту чрезмерно сладострастную женщину, которая определенно была достаточно опытна, чтобы знать, кому позволять подобные вольности. А ее дыхание было несвежим и тошнотворным. Юрген, содрогнувшись, с отвращением отпрянул и закрыл глаза, чтобы отгородиться от этого чувственного лица.

— Нет, — сказал он, — это было бы нечестно по отношению к другим. По сути, это был бы тяжкий грех. Мы, сударыня, иногда должны взвешивать подобные соображения.

Затем Юрген со сдержанным достоинством оставил свою искусительницу.

— Я отправляюсь на поиски своей дорогой жены, сударыня, находясь в расположении духа, которое я весьма посоветовал вам иметь по отношению к собственному мужу.

И он пошел прямо по террасам Бельгарда, а потом повернул на юг, где на Амнеранской Пустоши был привязан его конь. Чувствовал себя Юрген очень добродетельным.

ГЛАВА VIII

Старые забавы и новая тень

рген вел себя с подозрительным благородством (размышлял Юрген), но он уже взял на себя обязательство. «Я иду на поиски своей дорогой жены», — заявил он, прийдя в восторг от ощущения собственной добродетельности. И сейчас Юрген оказался один в мире лунного света — там, где он в последний раз видел жену.

— Ну-ну, — сказал он. — С той моей средой покончено, и я вновь почтенный ростовщик. Давайте запомним, что совершать иногда мужественные поступки весьма полезно. Лиза вошла именно в эту пещеру. Так что туда во второй раз иду и я, а не домой к несимпатичным мне родственникам жены. Или, по крайней мере, представляю, что иду...

— Да, — пропищал кто-то, — пришло время. А аб хур хус!

— Самое время!

— О, более чем время!

— Гляди, человек в дубе!

— Ого, огнедышащий дракон!

Вот так беспорядочно кричало и вопило множество голосов. Но Юрген, оглядевшись, никого не увидел. А все тонюсенькие голоса, похоже, исходили откуда-то сверху, где не было ничего, кроме внезапно собравшихся туч. Поднялся ветер, и луна уже скрылась из виду. Через некоторое время этот шум высоко наверху в воздухе стал напоминать разноголосицу воробьев, в которой слов было не разобрать.

Затем какой-то пронзительный голосок отчетливо произнес:

— Заметьте, милые мои, как высоко мы находимся над взбудораженной ветром пустошью, где поскрипывает виселица, раскачиваясь в ночи туда-сюда! Сейчас

дождь вырвется, словно сокол от охотника, а печальная царица Хольда раскинет свои косы по сияющему щиту луны. Постель приготовлена, вода зачерпнута, и мы, подружки невесты, ищем девицу, которая станет невестой Склауга.

Другой голос сказал:

— О, ищите девицу с золотыми волосами, совершенную, нежную и чистую, достойную царя, который стар, как любовь, и не имеет в себе ни следа любви. Как раз пробудился наш ухмыляющийся, покрытый пылью хозяин, и его пожелтевшие пальцы трясутся при мысли о ее мягких, как цветы, губах, которые попадут этой ночью в его костлявые объятия и согреют выпирающие ребра. А кто же будет невестой Склауга?

А третий голос пропищал:

— Свадебный наряд мы принесли с собой, а девица отправится отсюда на Форгемон в саване Клеопатры. Ха, эту пару обвенчает Блуждающий Огонек...

— Нет, нет! Пускай Брахиот!

— Нет, это будет Китт с подсвечником!

— Эман хетан, бой, бой!

— Эй, Пат Акробат, берегись Стадлина!

— Есть ли у тебя, Тиб, мармаритин?

— А аб хур хус!

— Давай, Бембо, уходи!

Так все они начали кричать, свистеть и спорить высоко над головой у Юргена, от чего он не получал удовольствия.

«Это же Амнеранские ведьмы, занимающиеся тем или иным видом черной магии, в которой я предпочитаю не участвовать. Сейчас я сожалею, что совсем недавно выбросил поблизости отсюда крест, и полагаю, этот поступок был понят соответствующим образом. Если бы моя жена не высказалась по этому поводу и не настояла на своем, я бы никогда и не подумал так поступить. Я не намеревался на кого-либо бросить тень. И я считаю эту пустошь небезопасной. Но я буду искать свою жену, кого бы я ни повстречал в этой пещере».

Так Юрген вошел туда во второй раз.

А история рассказывает, что там было темно и Юрген не мог ничего разглядеть. Пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген

все шел и шел, и так добрался до того места, где увидел кентавра. Эта часть пещеры сейчас была пуста. Но дальше того места, где прежде в ожидании Юргена лежал Несс, в стене пещеры имелся проем, и из него струился свет. Юрген встал на четвереньки и заполз в это отверстие.

Он распрямился, и у него перехватило дыхание. У его ног — подумать только — находилось надгробие с высеченным на нем изображением лежащей женщины. Сейчас эта часть пещеры освещалась лампами на высоких стойках, так что даже Юргену, чье зрение с годами ухудшилось, все было отчетливо видно. Это была низкая и плоская надгробная плита, подобные которой Юрген встречал во множестве церквей. Но подцвеченное изображение на ней почему-то его заинтересовало. Юрген взглянул более пристально и даже дотронулся до него.

Тут он отпрянул, потому что безошибочно ощутил мертвую плоть. Фигура не была раскрашенным камнем: это было тело мертвой женщины. Еще более необъяснимым образом это тело принадлежало Фелиции де Пизанж, которую Юрген давным-давно любил в Гатинэ, за много лет до того, как завел ростовщическое дело.

Для Юргена было очень странно вновь увидеть ее лицо. Он часто гадал, что́ станет с этой крупной смуглой женщиной; гадал, правда ли, что он первый мужчина, с которым она обманывает мужа; и гадал, что́ в действительности за особа эта мадам Фелиция де Пизанж.

«Два месяца мы играли с тобой в близость, не так ли, Фелиция? Понимаешь ли, моя дорогая, по правде сказать, я почти забыл о тебе. Но совершенно отчетливо вспоминаю оставленную приоткрытой дверь, а когда я ее осторожно отворял, первым делом видел лампу на туалетном столике, едва горящую и светящуюся пыль на стеклянном абажуре. Разве не странно, что нашу безмерную порочность подытоживает не что иное, как память о пыли на стекле лампы? Ты была очень миловидна, Фелиция. Смею сказать, что полюбил бы тебя, если б когда-нибудь тебя понимал. Но когда ты рассказала мне о ребенке, которого потеряла, и показала мне его портрет, я тебя разлюбил. Мне по-

чудилось, что ты предаешь того ребенка, обращаясь со мной чересчур благородно. И впоследствии между нами всегда находился его маленький призрак. Однако меня вообще не волновало, что ты обманываешь мужа. Правда, я знал твоего мужа весьма хорошо... Мне говорили, что милостивый виконт был крайне доволен сыном, которого ты ему родила через несколько месяцев после нашего расставания. Так что, в конце концов, большого вреда не причинено...»

Тут Юрген увидел другое женское тело, лежащее наподобие скульптуры на другом низком и плоском надгробии, а за ним еще одно, и еще. И Юрген присвистнул.

— Что ж, вот они все! — сказал он. — Значит, я приведен на очную ставку со всей нежной плотью, которую когда-либо обнимал? Да, вот Грэна, и Розамунда, и Маркуэва, и Элинора. Хотя вот эту девушку я вообще не помню. А это, по-моему, маленькая еврейка, которую я приобрел в Сидоне у Хассан-бея, но можно ли быть уверенным в этом? Все же вот это, несомненно, Юдифь, а это — Мирина. Я бы не прочь вновь поискать ту родинку на ее теле, но, полагаю, это было бы непристойно. Боже, здесь все женщины, которые когда-то были моими! Всего их должно быть несколько десятков. Такое зрелище наводит мужчину на серьезные размышления. Но испытываешь великое успокоение при мысли, что с каждой из них обошелся честно. Некоторые из них поступали со мной весьма несправедливо. Но все это в прошлом, а с ним покончено. И я не держу зла на столь непостоянные и близорукие создания, которые не могли удовлетворяться одним любовником, хотя им и был Юрген.

Затем Юрген, стоя посреди мертвых женщин, раскинул руки, словно для объятий.

— Приветствую вас, дамы, и прощаюсь с вами! И вы, и я покончили с любовью. За любовью приятно наблюдать, когда она развивается, со смехом опрокидывая все старые воспоминания. Однако для каждого беспутного влюбленного, который признает власть любви и бесстрашно служит под ее знаменами, конец всего — смерть. Сев любви намного приятнее жатвы; или давайте выразим это так: любовь заманивает нас на окольные дорожки, ведущие среди цветов, которые

осыпаются еще до первого свежего ветра, в никуда. Поэтому в итоге, при огромном количестве растраченных волнений, вздохов и драгоценного времени, мы обнаруживаем, что конец всего — смерть. Тогда не было бы более проницательным, дорогие дамы, избегать любви? С другой стороны, мы были несказанно мудры, предавшись отважному безумию, которое вызывает любовь. Поскольку лишь одна любовь может предоставить молодым восторг, хотя и преходящий, в мире, где итог любых человеческих усилий преходящ, а конец всего — смерть.

Тут Юрген учтиво поклонился своим умершим возлюбленным и, покинув их, пошел прямо по тянувшейся дальше пещере.

Но теперь свет находился позади него, и тень Юргена, когда он подошел к крутому повороту, внезапно замаячила перед ним на стене пещеры. Эта тень была четкой и безупречной.

Юрген пристально ее рассмотрел. Он повернулся в одну сторону, потом в другую; оглянулся назад, поднял руку, на пробу помотал головой; потом откинул голову, задрав подбородок и скосив глаза, чтобы увидеть тень от профиля. Все проделываемое Юргеном тень повторяла, что было вполне естественно. Странным же являлось то, что в ней ничто не напоминало тень, которой следовало сопутствовать мужчине, и от такого открытия глубоко под землей, в одиночестве становилось неуютно.

— Я не совсем похож на нее, — сказал Юрген. — По правде говоря, я вообще на нее не похож. Это кажется ненормальным. Совершеннейшая нелепица. Но, — и тут он пожал плечами, — чего можно ожидать от меня в данном случае? В самом деле, чего? Лучше я отнесусь к инциденту с величавым презрением и продолжу исследование пещеры.

ГЛАВА IX

Общепринятое спасение Гиневры

альше история рассказывает, что пещера сузилась и вновь резко изогнулась, а Юрген прошел, словно по коридору, в совершенно другие подземные покои. Однако они тоже являлись весьма неуютным местом.

Здесь со сводчатого потолка склепа свисал котел, а под ним плясали красные языки пламени. Они освещали злодейского вида старика в доспехах, опоясанного мечом и в царском венце. Он с ничего не видящими выпученными глазами неподвижно восседал на троне. За его спиной Юрген заметил множество сидевших рядами воинов, и все они уставились на Юргена широко открытыми, невидящими глазами. Красное пламя отражалось в их глазах, и наблюдать за этим было не совсем приятно.

Юрген в нерешительности ждал. Ничего не происходило. Тут Юрген увидел, что у ног этого непривлекательного монарха стоят три сундука. У двух из них крышки сорваны, и они наполнены серебряными монетами. На среднем сундуке, непосредственно перед королем, сидела женщина. Ее голова покоилась на коленях у пучеглазого, ссохшегося и неподвижного разбойника.

«А это молодая женщина. Явно! Заметьте блеск густых вьющихся волос, роскошный изгиб шеи! О, очевидно, за лакомый кусочек стоит сразиться, несмотря на довольно скромные шансы!»

Таков был ход мыслей Юргена. Смелый, словно дракон, он шагнул вперед и поднял девичью голову.

Глаза девушки были закрыты. Но даже так она казалась самым прекрасным созданием, какое только мог вообразить Юрген.

«Она не дышит. Однако, если мне не изменяет

сознание, у меня в руках, несомненно, живая женщина. Ясное дело, это сон, вызванный некромантией. Я не зря прочитал так много сказок. В пробуждении любой заколдованной принцессы наблюдаются общие моменты. А Лизы — где же она может быть, бедняжка! — нигде поблизости нет, поскольку я не слышу, чтобы кто-то говорил. Поэтому я могу считать себя свободным и совершить традиционный поступок. В самом деле, это единственный честный поступок, который можно совершить, и этого требует справедливость».

И тут Юрген поцеловал девушку. Ее губы раздвинулись и смягчились, они были полны далеко не неприятного, покорного рвения. Ее глаза, огромные, если смотреть на них с близкого расстояния, томно раскрылись и поглядели на него безо всякого удивления. А потом веки наполовину опустились, как и следовало, по воспоминаниям Юргена, поступать векам женщины, когда ее целуют надлежащим образом. Она прильнула к нему и слегка задрожала, но не от холода. Юрген отлично помнил этот восторженный трепет женского тела. Короче, все происходило точно так, как и должно происходить. Юрген прервал поцелуй, который, как вы можете догадаться, оказался довольно продолжительным.

Его сердце колотилось, словно решило вырваться из тела, и он ощутил, как кровь прилила к кончикам пальцев. Он удивлялся, что это нашло на него, слишком пожилого для подобных чувств.

Но, поистине, это была самая прелестная девушка, какую Юрген только мог вообразить. Она была прекрасна внешне: с сияющими серыми глазами и маленьким улыбающимся ротиком. Ни один мужчина не мог похвастаться тем, что видел более прекрасную особу. А она снисходительно рассматривала Юргена, ее щеки озарялись красноватым мерцанием над головой, и за нею очень мило было наблюдать. На ней было платье из шелка цвета пламени, а на шее ожерелье из червонного золота. Когда она заговорила, ее голос зазвучал, словно музыка.

— Я знала, что вы придете, — радостно произнесла девушка.

— Я очень доволен, что пришел, — заметил Юрген.

— Но времени мало.

— Время дает нам восхитительный шанс, моя дорогая принцесса...

— О, мессир, но разве вы не осознаете, что привнесли жизнь в это жуткое место? Вы дали мне эту жизнь самым непосредственным и быстрым способом. Но жизнь очень заразна. Инфекция уже начала распространяться.

И Юрген по жесту девушки взглянул на старого короля. Ссохшийся головорез оставался неподвижен, но из ноздрей медленно исходили расширяющиеся струи пара, словно он дышал в некоем прохладном месте. Это казалось странным, поскольку в пещере было не холодно.

— И все остальные тоже пыхтят и выпускают пар, — говорит Юрген. — Честно говоря, по-моему, это очаровательное местечко нужно покинуть.

Но сначала он отстегнул пояс короля вместе с мечом и сам опоясался мечом, кинжалом и всем прочим.

— Теперь у меня оружие, достойное моей прекрасной рубахи, — говорит Юрген.

Затем девушка показала ему своеобразный проход, и они поднялись по сорока девяти ступеням, вырубленным в камне, и так вышли на белый свет. На верху лестницы находилась железная, опускная дверь, и эту дверь по указанию девушки Юрген открыл. Снаружи дверь не запиралась.

— Но Фрагнара не остановят замки́ и засовы, — сказала девушка. — Вместо этого мы должны немедленно отметить дверь крестом, так как этот символ Фрагнар преодолеть не может.

Рука Юргена инстинктивно поднялась к горлу. Тут он пожал плечами.

— Моя дорогая юная дама, я больше не ношу креста. Я должен сразиться с Фрагнаром другим оружием.

— Будет достаточно двух палочек, сложенных крест-накрест...

Юрген почтительно указал, что нет ничего легче, чем поднять дверь и этим сбросить с нее палочки.

— Они разлетятся в стороны даже без чьего-либо прикосновения, и что тогда станет с нашим символом?

— Как быстро вы обо всем догадываетесь! — в

восхищении сказала девушка. — Тогда вóт лоскут от моего рукава. Мы свяжем прутики.

Юрген так и сделал, водрузив на дверь нечто похожее на крест.

— Все же, когда кто-нибудь поднимет дверь, все, что лежит на ней, скатится. Не принижая силу ваших чар, не могу не заметить, что в этом случае дело необычайно усложнится. Не полагаясь на силы волшебства, я бы от всей души поверил только в прочный замóк.

И девушка оторвала еще один лоскут от подола платья, а потом еще один от правого рукава, и ими они привязали крест к двери так, что прутики нельзя было сдвинуть. Они вскочили на прекрасного скакуна, чья уздечка отмечена диадемой, — девушка — по-женски, свесив ноги с одного боку, — и повернули на запад, поскольку, по словам девушки, так было лучше всего.

Она рассказала Юргену, что она — Гиневра, дочь Гогирвана, короля Глатиона и Красных Островов. А Юрген сказал, что он — герцог Логрейский, поскольку чувствовал, что ростовщику не пристало спасать принцесс; и он также поклялся, что вернет ее в целости и сохранности отцу, какие бы попытки ни предпринял Фрагнар. А пока они ехали вместе прекрасным майским утром, госпожа Гиневра поведала Юргену всю историю своего бесчестного похищения и заточения королем Фрагнаром.

Она считала, что король троллей не мог им помешать.

— Теперь у вас есть его заколдованный меч Калибур — единственное оружие, которым можно убить Фрагнара. Кроме того, он не сможет пройти мимо креста. Он узрит его и затрепещет.

— Моя дорогая принцесса, ему нужно лишь толкнуть снизу дверь, и креста, привязанного к ней, тут же не окажется на его пути. Не сумев воспользоваться таким приемом, он может выйти из пещеры через другое отверстие, в которое вошел я. Если у этого Фрагнара есть хоть какой-то рассудок и достаточно упорства, он вскоре будет тут как тут.

— Даже при этом он не сможет причинить никакого вреда, если только мы не примем от него подарка.

Трудность заключается в том, что он появится в чужом облике.

— Что ж, тогда мы ни от кого не примем подарков.

— Более того, существует признак, по которому можно отличить Фрагнара: если отрицаешь то, что он говорит, он тотчас же признáет, что ты прав. Это проклятие, наложенное на него Мирамоном Ллуагором, чтобы можно было обнаружить его и противостоять ему.

— По этой, совершенно не свойственной человеку черте, — говорит Юрген, — Фрагнара, наверное, очень легко узнать.

ГЛАВА X

Жалкие обличья Фрагнара

атем история рассказывает, что, едва Юрген с принцессой приблизились к Гихону, к ним подъехал всадник в черных доспехах, а на щите у него был изображен красный змей с яблоком в зубах.

— Милостивый рыцарь, — глухо говорит всадник из-под опущенного забрала, — вы должны уступить эту даму мне.

— По-моему, — почтительно говорит Юрген, — вы ошибаетесь.

Тут они начали драться, и вскоре, поскольку Калибур — неодолимое оружие, а носящего ножны Калибура нельзя ранить, Юрген одержал победу. Он нанес неизвестному рыцарю такой сильнейший удар, что рыцарь упал без чувств.

— Вы думаете, — спрашивает Юрген, собираясь снять с соперника шлем, — что это Фрагнар?

— Распознать невозможно, — ответила госпожа Гиневра. — Если это король троллей, он бы предложил нам дары, а когда вы перечили ему, он должен был признать, что вы правы. Вместо этого он ничего не предлагал, а на возражения никак не ответил, что ничего не доказывает.

— Но молчание — общепринятый знак согласия. В любом случае, мы взглянем на него.

— Но это также ничего не докажет, поскольку Фрагнар выделывает свои проказы настолько замаскированный чарами, что неизменно напоминает кого-нибудь другого, но только не самого себя.

— Допускаю, что такие нечестивые привычки содержат элемент неопределенности, — говорит Юр-

ген. — Все же редко можно ошибиться, приняв верное решение. Он, так или иначе, очень дурно воспитанный малый, вероятно, с гнусными намерениями. Да, главное — осторожность. Полагаясь на самих себя, мы примем верное решение.

Поэтому, не сняв шлема, он отрубил неизвестному рыцарю голову и так оставил его. Принцесса же вскочила на коня убитого противника.

— Несомненно, — говорит тут Юрген, — волшебный меч — прекрасная штука и, к тому же, весьма необходимое снаряжение для странствующего рыцаря моих лет.

— Но вы говорите так, словно вы старик, мессир де Логрей!

«Ну и ну, — думает Юрген, — эта принцесса не очень-то разборчива. Но что такое, в конце концов, сорок с хвостиком, когда мужчина хорошо сохранился? Эта необычайно разумная девушка немного напоминает мне Маркуэву, которую я любил в Артене. Кроме того, она смотрит на меня не так, как смотрят женщины на пожилого человека. Мне действительно нравится эта принцесса, я ее просто обожаю. Интересно, что она заявит, если я ей все расскажу?»

Но Юрген на сей раз не стал искушать судьбу, так как в этот момент им повстречался мальчик с завитыми волосами и нарумяненными щеками. Он жеманно семенил ножками, был одет в чудной черный наряд, усыпанный золотыми ромбами, и нес позолоченные вилы для навоза.

* * *

Тут Юрген и принцесса подъехали к серебряно-черному павильону, стоящему у дороги. У дверей павильона цвела яблоня, а на одной из ее веток висел черный охотничий рог, отделанный серебром. Здесь же ждала кого-то некая женщина. Перед ней

располагалась шахматная доска с расставленными для игры фигурами из серебра и черного дерева, а по левую руку на столике сверкали серебряные кубки и бокалы. Женщина проворно поднялась и подошла к путникам.

— О мой дорогой Юрген, — говорит она, — как мило ты выглядишь в новой рубахе! Ни у кого никогда не было к нарядам лучшего вкуса — я всегда это говорила. Я так долго ждала тебя в этом павильоне, принадлежащем одному черному человеку, который, по-видимому, твой большой друг. Но этим утром, он, к несчастью, отправился в Крымские Тартары с какими-то проповедниками, и я знаю, как он будет сожалеть, что разминулся с тобой, мой милый. Но я забыла, что ты после своих путешествий, наверно, очень устал и хочешь пить, мой дорогой. Так что сделайте с твоей юной дамой по глотку, а потом мы расскажем друг другу о наших приключениях.

Женщина эта внешне походила на жену Юргена — госпожу Лизу. Юрген рассмотрел это обстоятельство с двух сторон.

— Вы определенно похожи на Лизу. Но я видел Лизу в таком дружелюбном настроении лишь много лет назад.

— Ты должен знать, — говорит она, по-прежнему улыбаясь, — что с тех пор, как мы расстались, я научилась ценить тебя.

— Возможно, это чудо сотворил демон, укравший тебя. Тем не менее ты встретила меня едущим верхом навстречу приключениям с молодой женщиной. И ты не набрасываешься на нас, даже не повышаешь голоса. Нет! Совершенно определенно, здесь имеет место диво дивное, на которое нет сил ни у какого демона.

— О, но я очень много думала, дорогой Юрген, о наших с тобой разногласиях в прошлом. И мне кажется, что ты почти всегда был прав.

Гиневра подтолкнула Юргена локтем.

— Вы заметили? Это, несомненно, Фрагнар в чужом обличье.

— Начинаю думать, что в любом случае это не Лиза. — Тут Юрген солидно откашлялся. — Лиза, если ты в самом деле Лиза, ты должна понять, что у нас с тобой все кончено. Незамысловатая истина заключается в том, что ты меня утомила. Ты так много говоришь, что вряд ли найдется женщина, чьи легкие сравнятся с твоими по объему. Но при этом ты не сказала ничего такого, чего бы я не слышал семьсот восемьдесят раз, если не больше.

— Ты совершенно прав, мой милый, — жалобно говорит госпожа Лиза. — Но я же никогда не притворялась, что так же умна, как ты.

— Если можно, избавь меня от своей лжи. И, кроме того, я влюблен в эту принцессу. Избавь меня и от встречных обвинений, потому что у тебя нет никакого права выражать недовольство. Если бы ты оставалась особой, которую я обещал священнику любить, я бы продолжал души в тебе не чаять. Но отзывчивую и веселую девушку, думавшую, что все мои поступки — само совершенство, ты решила превратить в необычайно безобразную и вспыльчивую старуху. — И тут Юрген замолчал. — А? — спросил он. — Разве ты этого не сделала?

Госпожа Лиза печально ответила:

— Мой милый, ты совершенно прав со своей точки зрения. Однако я не могу не стареть.

— Но, Боже мой! — сказал Юрген. — Это же потрясающе неподобающее исполнение роли, как сразу же увидел бы любой женатый мужчина. Я не договаривался любить такую безобразную и вспыльчивую особу. Я отвергаю требования такой особы как явно несправедливые. Я отдаю свою бессмертную привязанность этой возвышенной и благородной принцессе Гиневре, являющейся самой прекрасной дамой, которую я когда-либо видел.

— Ты прав, — возопила госпожа Лиза, — а во

всем виновата я. Потому что любила тебя и хотела, чтобы ты преуспел в высшем свете и сделал честь отцовскому делу, чем я тебя также изводила. Но ты никогда не поймешь чувств жены, как и того, что сейчас я превыше всего желаю тебе счастья. Вот наше обручальное кольцо, Юрген. Возвращаю тебе твою свободу. И молю, чтобы эта принцесса смогла сделать тебя очень счастливым, мой милый. Ты наверняка заслуживаешь принцессы, как никто другой.

Юрген покачал головой.

— Поразительно, что злой дух, о котором так много говорят, настолько плохой актер. Он выдвигает шаткое предположение, что большинство замужних женщин должно отправиться на Небеса. Что касается твоего кольца, я этим утром ни у кого не принимаю подарков. И, полагаю, ты понимаешь, что я безумно увлечен принцессой вследствие ее красоты.

— О, не могу винить тебя, мой милый. Она — прелестнейшая особа, которую я когда-либо видела.

— Ха, Фрагнар! — говорит Юрген. — Теперь ты попался. Женщина бы могла, вероятно, допустить собственную невзрачность, но ни одна из живших когда-либо женщин не признала бы в принцессе ни малейшей красоты.

Тут он взмахнул Калибуром и отрубил голову существу, которое так бездарно притворялось госпожой Лизой.

— Здорово! О, великолепно! — воскликнула Гиневра. — Теперь чары исчезли, и Фрагнар убит моим умным защитником.

— Мне бы хотелось иметь более верный признак этого, — сказал Юрген. — Я бы предпочел, чтобы павильон и обезглавленный король троллей исчезли в сопровождении раскатов грома, землетрясения и других подобающих случаю явлений. В действительности же ничего не изменилось. Лишь женщина, говорившая со мной минуту назад, лежит у моих

ног в весьма неприглядном виде. Понимаете ли, сударыня, я обычно дразнил ее по поводу изогнутого мизинца еще до того, как мы начали пререкаться из-за пустяков. И меня раздражает, что Фрагнар не пропустил даже кривого мизинца у нее на левой руке. Да, такая кропотливая точность беспокоит меня. Поймите также, сударыня, было бы некрасиво, если бы я совершил ошибку и за внешностью не распознал ее настоящего обладателя, поскольку мне иногда случается перестараться. В любом случае, я сделал то, что казалось мне справедливым, и не обнаружил при этом никаких угрызений совести, но мне это место не нравится.

ГЛАВА XI

Явление герцога Логрейского

рген смахнул со стола шахматные фигуры, расставленные для игры, и вылил содержимое серебряного кубка на землю. Причину того, почему он не стал связываться с рогом, он объяснил принцессе: та вздрогнула и сказала, что в таком случае он, определенно, очень благоразумен. Затем они вскочили на коней и ускакали от серебряно-черного павильона. В скором времени они без приключений добрались до Камельяра — города Гогирвана Гора.

Когда люди узнали, что к ним вернулась их принцесса, повсюду послышались крики и зазвонили колокола. На домах развевались цветные полотнища, звучали трубы, когда Гиневра и Юрген входили к королю в его Судный Зал. И этот самый Гогирван, который был королем Глатиона и властелином Энисгарта, Камвея и Саргилла, сошел с широкого трона и обнял сначала Гиневру, а потом Юргена.

— Требуй от меня чего хочешь, герцог Логрейский, — сказал Гогирван, когда услышал имя победителя, — ты заслужил это право, возвратив мне самую любимую дочь, которая является гордостью величественного короля.

— Сударь, — разумно ответил Юрген, — служба, исполняемая с радостью, уже сама по себе — награда. И я прошу, чтобы вы, в свою очередь, возвратили мне принцессу Гиневру посредством почетного брака — понимаете? Потому что я бедный несчастный вдовец, в чем я абсолютно уверен. И я совершенно уверен также, что люблю вашу дочь всем сердцем.

Таков был Юрген, красноречию которого мешали душевные переживания.

— Не понимаю, что общего состояние вашего сердца

имеет с такой неразумной просьбой. Бессмысленно просить меня об этом, когда слуги Артура, являющегося сейчас королем бриттов, пришли просить мою дочь ему в жены. Вы сказали, что вы — герцог Логрейский, и я признаю, что герцог — это очень здорово, но я ожидаю, что вы, в свою очередь, согласитесь с любым человеком, у которого дочь на выданье, что король имеет преимущество перед герцогом. Но завтра или, быть может, послезавтра мы с вами поговорим о награде более частным образом. Между тем вы выглядите очень странным и очень напуганным для человека, одолевшего Фрагнара.

Юрген уставился в большое зеркало за королевским троном. В этом зеркале он увидел затылок венценосной головы Гогирвана, а за ним — странного, испуганного молодого человека с прилизанными черными волосами, вздернутым носом и широко открытыми, ясными карими глазами, которые в упор уставились на Юргена. А очень красные и очень пухлые губы этого парня были полуоткрыты, так что виднелись прекрасные крепкие зубы. И на нем была блестящая рубаха с причудливым рисунком.

— Полагаю, — сказал Юрген и увидел, что парень в зеркале тоже говорит, — полагаю, у вас замечательное зеркало.

— Как любое другое, — отвечает король. — Показывает вещи такими, какие они есть. Но если оно вам нравится, что ж, берите его, пожалуйста, в качестве награды.

— А вы по-прежнему говорите о наградах! — восклицает Юрген. — Если это зеркало показывает вещи такими, какие они есть, то я вышел из своей взятой на время среды в возрасте двадцати одного года. О, я был умным малым, что так хитро льстил Матушке Середе и обманом добился такой щедрости! И я дивлюсь, что вы — лишь какой-то король с затуманенным взором под короной и со свисающим брюшком под всеми вашими царскими одеждами — говорите о награждении прекрасного молодого человека двадцати одного года, ибо у вас нет ничего, что бы мне сейчас понадобилось.

— Значит, вы не будете больше досаждать мне

своим вздором относительно моей дочери? Это превосходное известие.

— Теперь у меня нет нужды просить ваших милостей, — сказал Юрген, — да и расположения любого ныне живущего человека, у которого есть привлекательная дочь или жена. Теперь мне помогает юноша, что совсем недавно сделался герцогом Логрейским. А с его внешностью я могу постоять за себя и могу добиться справедливости где угодно, во всех спальнях на свете.

Юрген махнул рукой и уже собирался отвернуться от короля. Зал был наполнен солнечным светом, так что в полуобороте он встретился со своей тенью, лежавшей на плитах пола. Юрген очень пристально на нее посмотрел.

— Конечно, — сказал он спустя некоторое время, — я, так сказать, с добрыми намерениями перефразировал великолепный, но затасканный пассаж из Сорнатия, с которым вы, без сомнения, знакомы, в котором он говорит, намного красивее, чем я могу выразить, не цитируя слово в слово, о том, что все это было сказано в шутку и без малейшей попытки кого-либо обидеть — кого угодно, могу вас уверить, сударь.

— Отлично, — сказал Гогирван Гор и улыбнулся без очевидного для Юргена повода. А тот все рассматривал сбоку свою тень. — Повторяю, что завтра я должен буду поговорить с вами в более частной обстановке. Сегодня же я даю пир, которому не было равных в этих краях, потому что мне возвращена моя дочь и потому что дочь станет королевой всех бриттов.

Так сказал Гогирван, являвшийся королем Глатиона и властелином Энисгарта, Камвея и Саргилла: и с этим было покончено. А на пиру Юрген повсюду слышал разговоры об этом короле Артуре, который должен жениться на госпоже Гиневре, и о пророчестве молодому монарху Мерлина Амброзия. Мерлин предсказал: «Он придет на помощь и наступит на горло своим врагам; острова в океане покорятся ему, и он завладеет Галлийскими лесами; дом Ромула устрашится его гнева, а его деяния станут пищей для рассказчиков».

«Что ж, тогда, — говорит Юрген самому себе, — этот монарх во всем напоминает мне Давида Израильского, который был в древние века так великолепен, жаден и знаменит. Ибо к лесам, островам, горлу врагов и другим владениям этот Артур Пендрагон наверняка прибавит и моего жертвенного ягненка. А у меня нет Нафана, который бы привел его к раскаянию. И это, разумеется, очень нечестно».

Затем Юрген вновь посмотрел в зеркало: и вскоре в глазах юноши, которого он там обнаружил, вспыхнул огонек.

— Берегись, Давид, — отважно сказал Юрген. — Поскольку, в конце концов, я не вижу причин для отчаянья.

ГЛАВА XII

Отклонение от темы и погубленная Иоланта

еперь Юрген, самозваный герцог Логрейский, пребывал при дворе короля Гогирвана. Месяц май прошел быстро и бесхлопотно. Но чудовищная тень, преследовавшая Юргена, не исчезала. И, самое главное, ее никто не замечал. Что касается самого Юргена, то он не боялся теней, и странности этой тени было недостаточно, чтобы отвлечь его мысли от Гиневры и от его любви к Гиневре.

Сейчас в Глатионе царили спокойные времена, когда война с Риенсом Нортгальским закончилась победой, и в моде повсеместно была любовь. Развлекаясь, мужчины выезжали на соколиную охоту, ходили на рыбную ловлю и дружески рубили и колотили друг дружку на турнирах. Но их по-настоящему серьезным занятием являлось ухаживание за дамами в манере рыцарей, которые знают, что вскоре королевские трубы призовут их на менее мягко застеленные поля сражений, с которых они могут и не вернуться. Так что Юрген вздыхал, пел оды и строил дамам глазки вместе со многими другими превосходными воинами. А принцесса слушала их комплименты вместе со множеством других дам, чьи сердца были далеко не каменными. А Гогирван размышлял.

У Гогирвана появилась царственная привычка: когда около полудня подавали обед, он не приступал к приему пищи до тех пор, пока не оказывал всех почестей победителю с целью загладить обиду.

Однажды, когда изможденный король сидел вот так в главном зале на троне, набитом зеленым тростником и покрытом желтым атласом, с желтой атласной подушечкой под локтем и со своими баронами,

выстроившимися согласно рангу, появилась некая девица с душераздирающим рассказом о притеснениях, которым она подверглась.

Выслушав ее, Гогирван закрыл глаза и кивнул.

— Вы самая привлекательная женщина, которую я встретил за долгое время, — совершенно неуместно сказал он. — Вы женщина, которую я ждал. Рискованным предприятием — защитой вашей чести — займется герцог Юрген Логрейский.

Делать было нечего, и Юрген, не совсем довольный, выехал с этой госпожой Иолантой. Но пока они ехали, он с ней смеялся и шутил. Так, в сопровождении смеха, Иоланта препроводила его к Зеленому Замку, который отнял у нее отвратительнейший великан Гремагог.

— Рыцарь, готовься к встрече со смертью! — воскликнул Гремагог, жутко смеясь и размахивая дубиной. — Я поклялся убить всех рыцарей, приходящих сюда.

— Если говорить правду — грех, то вы очень добродетельный великан, — сказал Юрген и поднял меч Фрагнара — неодолимый Калибур.

Затем они начали драться, и Юрген убил Гремагога. Так Зеленый Замок был возвращен госпоже Иоланте, а девушки-служанки были освобождены из погребов. Сейчас они назывались девушками лишь вследствии этикета, но настолько нежны были сердца женщин, что все они оплакивали Гремагога.

Иоланта была очень благодарна и предложила Юргену любую награду.

— Нет, я не возьму ни одной из этих прекрасных драгоценностей, ни денег, ни земель, — говорит Юрген, — потому что Логрей, должен вам сказать, — довольно состоятельное герцогство, а поединки с великанами — мое любимое времяпрепровождение. Моральное удовлетворение — лучшая плата. Однако, если вы непременно хотите наградить меня за эту небольшую услугу, обещайте помочь мне добиться любви дамы моего сердца, и этого будет достаточно.

Иоланта без особого энтузиазма согласилась. Иоланта, в самом деле, по просьбе Юргена поклялась

четырьмя Евангелистами сделать все, что в ее силах, и оказать ему содействие.

— Отлично, — сказал Юрген, — вы пообещали, а люблю-то я именно вас.

Удивление приумножило женскую прелесть. Иоланта от всего сердца обрадовалась при мысли о браке с молодым герцогом Логрейским и предложила тотчас же послать за священником.

— Моя дорогая, — сказал Юрген, — нет нужды беспокоить священника из-за наших личных дел.

Она поняла его мысль и вздохнула.

— Теперь я сожалею, — сказала она, — что дала такую торжественную клятву. Ваша выходка бесчестна.

— Ничего подобного, — сказал Юрген, — и некоторое время спустя вы не пожалеете об этом. Игра в самом деле стоит свеч.

— Когда это станет очевидным, мессир де Логрей?

— Как же, естественно, при свете свечей, — ответил Юрген.

— В таком случае мы больше не будем говорить об этом до вечера.

А вечером Иоланта послала за Юргеном. Она была, как и сказал Гогирван, необычайно привлекательной женщиной — пышной, холеной и увенчанной медного цвета волосами. В этот день она была хороша как никогда, в блестящем голубом платье с золотым шитьем и с расшитыми золотом длинными рукавами, касавшимися пола. Вот такой она предстала перед Юргеном.

— Теперь, — нахмурясь, сказала Иоланта, — вы можете напрямик заявить о том, на что вы намекали утром.

Прежде всего Юрген оглядел комнату: она освещалась высоким позолоченным канделябром, на котором горели свечи.

Он их пересчитал и присвистнул.

— Семь свечей! По правде сказать, милая моя, вы оказали мне высокую честь, поскольку это чересчур сильная иллюминация. Можно подумать, что вы чтите меня, как святого, семью свечами! А я лишь

простой смертный, но тем не менее я — Юрген и попытаюсь отплатить за такую высочайшую любезность сполна.

— О, мессир де Логрей, — воскликнула госпожа Иоланта, — какой непостижимый вздор вы несете! Вы все неверно истолковали, и могу вас уверить, что у меня на уме ничего подобного не было. Кроме того, я вообще не понимаю, о чем вы говорите.

— На самом деле, должен предупредить вас, что часто мои поступки говорят за себя безошибочнее слов. Это то, что ученые люди называют идиосинкразией.

— ...И я определенно не понимаю, какое отношение к этому имеют какие-то святые. Вы сказали, что четыре Евангелиста... Ибо мы сегодня утром говорили, если вы помните, о четырех Евангелистах... О, но как глупо с вашей стороны, мессир де Логрей, стоять ухмыляясь и смотреть на меня так, что я краснею!

— Это легко излечимо, — сказал Юрген, задувая свечи, — поскольку в темноте женщины не краснеют.

— Что вы задумали, мессир де Логрей?

— О, не тревожьтесь! — сказал Юрген. — Я обойдусь с вами вполне благородно.

И Иоланта на самом деле впоследствии признала, что при ближайшем рассмотрении мессир де Логрей оказался очень благороден. Юрген ни в чем не признавался. А так как комната была совершенно темна, никто другой не может со всей ответственностью сказать, что именно там произошло. Достаточно того, что герцог Логрейский и хозяйка Зеленого Замка расстались позднее весьма по-дружески.

— Вы погубили меня своими играми, свечами и щепетильным возвратом любезностей, — сказала Иоланта, зевая, поскольку ей хотелось спать. — Но, боюсь, я не ненавижу вас так, как следовало бы.

— Ни одна женщина никогда этого не делала, — сказал Юрген, — в такой час. — Он приказал принести завтрак, а затем поцеловал Иоланту, потому что это, как сказал Юрген, час их расставания, и он ускакал из Зеленого Замка в отличном настроении.

— Как же замечательно опять стать прекрасным молодым юношей! — сказал Юрген. — Даже если ее большие карие глаза чересчур навыкате — как у рака, — эта госпожа Иоланта великолепная женщина. И приятно думать и знать, как справедливо я с ней обошелся.

Затем он вернулся в Камельяр, радостно распевая при мысли, что направляется к принцессе Гиневре, которую любил всем сердцем.

ГЛАВА XIII

Философия Гогирвана Гора

В Камельяре молодой герцог Логрейский проводил бóльшую часть времени в обществе Гинервы, чей отец открыто этому не препятствовал. И Гогирван провел обещанную беседу с Юргеном.

— Я сокрушаюсь, что госпожа Иоланта чересчур сдержанно обошлась с вами, — в первую очередь сказал король. — Я рассудил, что вы вдвоем будете, как искра и трут, устраивающие огромный пожар, который сожжет весь вздор в вашей голове относительно моей дочери.

— Сдержанность, сударь, — осторожно сказал Юрген, — общеизвестная добродетель, а огонь не может поглотить настоящую любовь.

— Это правда, — признал Гогирван, — кто бы это ни говорил. — И он вздохнул.

Затем какое-то время он сидел в дремотной задумчивости. В этот вечер на короле была довольно поношенная мантия из какой-то черной материи с меховой оторочкой на вороте и рукавах, а его редкие седые волосы прикрывала очень потертая черная шапочка. Он копошился у слабого огня в большом каменном камине, украшенном щитами. Рядом с ним стояло белое и красное вино, которое оставалось нетронутым, пока Гогирван размышлял над беспокоившими его вещами.

— Значит, так! — произнес наконец Гогирван Гор. — Эта свадьба с великим королем бриттов, конечно же, должна состояться. О ней договорились в прошлом году, когда Артур и его торговцы чертовщиной — Хозяйка Озера и Мерлин Амброзий — взяли на себя труд спасти меня в Кароэзе. Я полагаю, что

послы Артура, вероятно, сами торговцы чертовщиной, приедут за моей дочерью в июне. Между тем у вас двоих вместо игрушек есть молодость и любовь, а сейчас весна.

— Что для меня время года, — простонал Юрген, — когда я размышляю, что через неделю или чуть больше даму моего сердца увезут от меня навеки? Как я могу быть счастлив, когда знаю, что наступают долгие годы страданий и тщетного сожаления?

— Вы говорите так, — заметил король, — отчасти потому, что выпили лишку прошлой ночью, а отчасти потому, что, по-вашему, этого от вас и ждут. В сущности же, вы счастливы, как может быть счастлив любой в этом мире, по той простой причине, что вы молоды. Страдания, раз уж вы употребили это слово, я считаю поэтическим тропом, но могу вас уверить, что тогда, когда вы больше не будете молоды, так или иначе придут годы тщетного сожаления.

— Это правда, — искренне сказал Юрген.

— Откуда вы знаете? Значит, так: если б я даже был достаточно безумен, чтобы отдать дочь за простого герцога, вы бы от нее ужасно устали. Могу уверить вас в этом, так как по своему нраву Гиневра — вылитая мать. Она, конечно же, мила внешне, потому что в этом пошла по моей линии. Но, между нами, она не особенно разумна и всегда будет строить глазки мужчинам. Сегодня пришел ваш черед служить ей мишенью — в прекрасной блестящей рубахе, ничего похожего на которую никогда не видели в Глатионе. Я считаю ваши права в качестве победителя, спасшего ее, предосудительными, но даже при этом не могу их отрицать. И должен просить вас использовать такой поворот событий наилучшим образом.

— Между тем мне приходит на ум, сударь, что не совсем разумно обручать дочь с одним человеком и разрешать ей свободно разгуливать с другим.

— Если вы настаиваете, — сказал Гогирван Гор, — я, конечно, могу запереть вас обоих в отдельные темницы до дня свадьбы. Но мне кажется, что вы-то должны жаловаться в последнюю очередь.

— Скажу вам прямо, сударь, что разборчивые люди

заявили бы, что вы очень мало заботитесь о чести дочери.

— На это есть несколько ответов, — сказал король. — Первый состоит в том, что я вспоминаю покойную жену с большой нежностью и думаю, что у меня есть лишь ее слово в отношении того, что Гиневра — моя дочь. Другой ответ гласит, что хотя моя дочь — тихая, хорошо воспитанная молодая женщина, я никогда не слышал, чтобы король Фрагнар был чем-то в этом же роде.

— О, сударь, — ужаснувшись, сказал Юрген, — на что вы намекаете?

— В пещерах происходят всевозможные вещи — вещи, которыми мудрее пренебрегать при солнечном свете. Я и пренебрегаю! Я не задаю вопросов. Мое дело — пристойно выдать дочь замуж и только. Открытия, которые может сделать ее муж впоследствии, — его трудности, а не мои. Вот что я мог бы сказать вам, мессир де Логрей, в качестве ответа. Но настоящий ответ — попросить вас обдумать такое заявление: честь женщины обеспокоена одной-единственной вещью, а честь мужчины этой вещью не обеспокоена вовсе.

— Но вы говорите загадками, король, и я не понимаю, чего вы от меня хотите.

Гогирван ухмыльнулся.

— Очевидно, я советую вам быть благодарным, что вы родились мужчиной, поскольку у сильного пола намного меньше нужды волноваться по поводу разрыва.

— Какого разрыва? — спросил Юрген.

Гогирван рассказал ему.

Герцог Логрейский во второй раз ужаснулся.

— Ваши умствования, король, отвратительны и вряд ли облегчат мои страдания. Однако мы говорим о вашей дочери, и рассматривать нужно скорее ее, чем меня.

— Теперь я чувствую, что вы меня правильно поняли. Но во всем, касающемся моей дочери, я хочу, чтобы вы лгали, как порядочный человек.

— Боюсь, сударь, — сказал Юрген после небольшой

паузы, — что вы человек с отчасти вырождающимися идеалами.

— Но вы же молоды. Молодость, будучи достаточно энергична, может позволить себе идеалы и выдерживать тяжелые удары, которые из-за этих идеалов получает их владелец. Но я-то старик, мучимый вялым сердцем и довольно проницательным взглядом на жизнь. Такое сочетание, мессир де Логрей, очень часто вынуждает меня не вовремя смеяться просто потому, что я знаю, что вот-вот совершенно некстати расплачусь.

Так ответил Гогирван. Он некоторое время молчал, созерцая огонь. Затем махнул сморщенной рукой в сторону окна и начал задумчиво говорить:

— Мессир де Логрей, сейчас в моем городе Камельяре ночь. А где-то одна из крыш скрывает девушку, которую назовем Линеттой. У нее есть возлюбленный — скажем, его зовут Саграмор. Имена не важны. Этой ночью, когда я говорю с вами, Линетта неподвижно лежит на широкой резной кровати, которая прежде принадлежала ее матери. Она думает о Саграморе. Комната темна, только лунный свет серебрит ромбовидные стекла в старинных окнах. В каждом углу комнаты таятся трепещущие тени.

— О, сударь, — говорит Юрген, — да вы тоже поэт!

— Не перебивайте меня! Линетта, повторяю, думает о Саграморе. Они сидят у озера под яблоней, более старой, чем Рим. Узловатые ветви подняты, словно в благословении, а лепестки соцветий — дрожащие, трясущиеся, колышущиеся, — вечные белые лепестки беззвучно падают в тишине. Никто не произносит ни слова, ибо в этом нет нужды. Саграмор молча смахивает лепестки с черных волос девушки и молча целует ее. Озеро сумеречно и полупрозрачно, как нефрит. Низко на бледном небе светят две одинокие звезды. Забавно, что грудь у мужчины волосатая, очень забавно! Поет какая-то птица, и серебряная игла звуков пунктиром прокалывает тишину. Разумеется, высокие небеса окрашены в спокойные, удивительно прелестные тона. Так, по крайней мере, думает Линетта, лежа без

движения, как мышка, на широкой кровати, на которой она родилась.

— Очень волнующий штрих, — вставил Юрген.

— Теперь возникает совсем иное пение. Сейчас в этой песне закрываются кабаки, гремят ставни, шаркают подошвы и икают пьяные. Саграмор убивает любовную песню. Он льет хмельные слезы, подбираясь все ближе и ближе к окну Линетты, а его сердце полно великодушия, ведь Саграмор празднует свою самую последнюю победу. Не думается ли вам, что это или нечто похожее происходит сейчас в моем городе Камельяре, мессир де Логрей?

— Это происходит ежеминутно, — сказал Юрген, — повсюду, потому что такова порой каждая женщина и таков постоянно каждый мужчина.

— Это жуткая истина, — продолжил Гогирван. — Вы можете воспринять ее в качестве одной из многих причин, почему я не вовремя смеюсь, чтобы некстати не расплакаться. Ибо это происходит: происходит в моем городе и в моем замке. Хоть я и король, я не в силах предотвратить это. Я могу лишь пожать плечами и взбодрить старую кровь новой бутылочкой. Тем не менее, я сильно привязан к молодой женщине, которая, вполне возможно, является моей дочерью. И вам было бы полезно вспомнить это обстоятельство, мессир де Логрей, если вас когда-либо будут проверять на искренность.

Юрген ужаснулся.

— Но, сударь, немыслимо, чтобы я повел себя с принцессой нечестно.

Король Гогирван продолжал смотреть на Юргена. Гогирван Гор ничего не говорил, и ни одна мышца на его лице не дрогнула.

— Хотя, конечно, — сказал Юрген, — из простой справедливости по отношению к ней я никогда добровольно не стану обсуждать какие-либо сведения, могущие причинить ей боль.

— Вновь я чувствую, — сказал Гогирван, — что вы меня понимаете. Однако я говорил не только о дочери, но обо всех.

— Как же тогда, сударь, вы хотите, чтоб я обращался со всеми?

— Что ж, я лишь могу повторить свои слова, — сказал Гогирван весьма настойчиво. — Я хотел бы, чтоб вы лгали, как порядочный человек. А теперь уходите, я хочу спать. Я не проснусь до тех пор, пока моя дочь не выйдет замуж. И это единственное, что я могу для вас сделать.

— Вы думаете, король, что такое поведение достойно уважения?

— О, нет же! — с удивлением проговорил Гогирван. — Это то, что мы назовем филантропией.

ГЛАВА XIV

Предварительная тактика герцога Юргена

ак Юрген жил при дворе и какое-то время был доволен своим положением. Он любил принцессу — прекраснейшую и совершеннейшую из смертных, и он любил ее (обстоятельство, которое вновь и вновь приходило ему на ум) так, как не любил никто за всю всемирную историю! А очень скоро ему предстояло посторониться и увидеть, как она выходит замуж за другого. Такая ситуация доставила бы наслаждение рыцарственному двору Глатиона, так как в точности выполнялось все, требуемое для рыцарского романа.

Внешность Гиневры, которую Юрген любил всем сердцем, такова: она была среднего роста, а ее фигура еще не вполне стала фигурой женщины; у нее были прекрасные, очень густые волосы пшеничного цвета; когда Гиневра распускала волосы, Юрген, словно за настоящим чудом наблюдал, как они, ниспадая, прилегают к маленькой головке и тонкой шейке, а затем смело рассыпаются и обволакивают ее плечи легким нежным потоком бледного золота. Юрген получал истинное наслаждение от ее волос и при все усиливающейся близости любил притянуть большие пряди к своему затылку, переплести их там и прижать нежные пригоршни ее душистых волос к своим щекам, целуя принцессу.

Голова у Гиневры, нужно повторить, была маленькая: вы удивились бы гордому свободному вскидыванию этой головки, которой приходилось удерживать на себе такую тяжесть. Лицо у Гиневры было нежного, мягкого оттенка: лица других женщин он делал по-

хожими на произведение живописца вывесок, просто на мазню. У Гиневры были серые глаза, прикрытые невероятно длинными ресницами, которые причудливым образом загибались. Брови образовывали над глазами весьма высокие дуги: это казалось почти недостатком. Нос у нее был тонким и вздернутым, подбородок — воплощенной дерзостью, а рот — крошечным, неодолимым искушением.

— Но на самом деле нет никакого смысла описывать эту прелестную девушку, словно я занимаюсь переучетом товаров на витрине, — сказал Юрген. — Аналогии весьма хороши, и у них есть неопровержимое одобрение привычки. Тем не менее, когда я заявляю, что волосы у обожаемой возлюбленной напоминают мне золото, я совершенно сознательно лгу. Они выглядят, как любые желтоватые волосы, и никак иначе. И я добровольно не рискну пройти ближе, чем в трех саженях, от женщины, у которой на голове растет проволока или еще какое-то железо. А уверять, что глаза у нее серые и бездонные, как море, тоже весьма занятно, и подобного рода вещей, по-видимому, от меня ждут. Но вообразите, насколько ужасны были бы лужи, разлитые у дамы в глазницах! Если бы мы, поэты, действительно узрели чудовищ, о которых слагаем стихи, мы бы с криком убежали прочь. Все же мне весьма нравится эта сирвента.

Юрген создал сирвенту в честь Гиневры. При дворе Гогирвана существовал приятный обычай: каждый мужчина должен сложить стихи, посвященные даме, в которую он безнадежно влюблен. В этих стихах он обязан обращаться к даме (как к той, чье имя чересчур свято, чтоб ее упоминать) иначе, нежели поступали ее крестные. Так что герцог Логрейский соответственно воспел свою Филлиду.

— Я позаимствовал для моей дорогой возлюбленной имя той знаменитой, но стоящей намного ниже для меня дамы, которую любил Ариф Бельсизский, —

объяснил он. — Вы вспомните: Полигер подозревал, что она была княжной дома Склеровеев. И вы, конечно, не забыли мастерские резюме о правдоподобности этого в «Гераклии» Пизандера.

— О да, — сказали все. И на придворных Гогирвана Гора, как и на Матушку Середу, эрудиция молодого герцога Юргена произвела сильное впечатление.

Ибо ныне Юрген являлся герцогом Логрейским в блестящей рубахе и с диадемой на уздечке коня, показывающей это. Она с натяжкой походила на герцогскую корону, но несоответствия всегда можно объяснить.

— Это конь графа Джармуида. Вы, несомненно, слышали о Джармуиде, спрашивать просто оскорбительно.

— О, вовсе нет. Это же юмор. Мы отлично понимаем ваш юмор, герцог Юрген.

— И я нашел этого славного Джармуида очень неплохим бойцом, когда путешествовал по западу. И так как в пылу беседы он убил моего скакуна, я был вынужден взять его коня, после чего устроил бедному Джармуиду соответствующее погребение. О да, очень неплохой боец, и я много слышал о нем в Логрее. Он был, как помните, властелином Орка и Персонта, хотя, конечно же, поместье досталось ему по материнской линии.

— О да, — сказали все. — Не думайте, что мы здесь, в Глатионе, совершенно отгородились от внешнего мира. Мы слыхали обо всем этом. И мы также слыхали много прекрасного о вашем герцогстве Логрей, мессир.

— Вне всякого сомнения, — сказал Юрген и вновь обратился к пению.

— Молю, неодолимая Любовь, — распевал он, — чтоб ты превознесла мою любовь; Логрей Филлиде дарит ту любовь, не отвергай нежнейшую любовь! А почему? Отвечу я: любовь — мои еда, питье; когда ж

любовь во мне, нет ничего вокруг, любовь одна; ты мне преподала любовь.

Тут Юрген застонал с прекрасно модулированным пылом и продолжил:

— Она ж коль так третирует любовь, что игнорирует мою любовь, то больше не прошу! Не ты, Любовь, а Смерть, моим предметом будь, любовь которая не терпит; но любовь — сладка, отдай ЕЙ свой соблазн, Любовь.

Так, довольно мелодично, Юрген пел о своей Филлиде, а подразумевал (как знал каждый) принцессу Гиневру. Поскольку обычай вынуждал его торговать аналогиями, он торговал ими оптом. Самоцветы и металлы, цветы полей и садов, огни и раны, рассветы и благовония, арсеналы смертоносного оружия, лед и скопления мифологических божеств были его товаром. Затем моря и небеса посыпáлись явлениями, упоминаемыми с пренебрежением, по сравнению с той или иной чертой Юргеновой Филлиды. Зоология и история, а главным образом запавшее в память содержимое его ростовщической лавки, тщательно рассматривались и делались мишенями обесценивания, тогда как, говоря о знаменитых женщинах, которых любили поэты древности, герцог Юрген наносил безусловные оскорбления, позволяя себе довольно грубые шутки. И все же он старался быть справедливым и допускал, что эти бедные создания могли представляться в достаточно благоприятном свете тем, кто никогда не видел его Филлиду. И всем этим сведениям дама, которую он воспевал, охотно внимала.

«Она — принцесса, — раздумывал Юрген. — Она очень красива. Она молода, и, каким бы ни было мнение ее отца, довольно смышлена для женщины. Нельзя желать большего. Тогда почему же я не схожу от нее с ума? Она уже позволила пару поцелуев, когда поблизости никого не было, а вскоре позволит большее. И она думает, что я умнее всех на свете. Давай же, Юрген! Неужели в этом молодом подвижном теле, которое ты снова получил, нет сердца? Давай же испытаем небольшой восторг и возбуждение в этой многообещающей ситуации!»

Но Юргену почему-то это не удавалось. Его интересовало то, что, как он знал, должно произойти. Да, без сомнения, он предвкушал более интимную беседу с этой прекрасной юной принцессой, но скорее так, как ожидают любимый десерт. Юрген чувствовал, что связь, достигнутая в таком духе, была бы ни то ни се.

«Если б я чувствовал себя только хладнокровным злодеем, меня бы, на худой конец, можно было понять. Но я не намереваюсь причинить девушке какого-либо вреда, мне она искренне нравится. Я буду говорить как никогда великолепно, расширю ее воображение и доставлю ей (я льщу себе) огромное удовольствие. Оставив в стороне вульгарные предрассудки, я не сделаю ее ни на йоту хуже. Что ж, дорогое мое создание, даже ради выкупа семи императоров я не причиню тебе вреда! В таких вопросах благоразумие — это все, просто все. Но, совершенно определенно, я не хладнокровный злодей и буду обращаться с принцессой честно».

Так Юрген разочаровывался в собственных чувствах, пока исследовал их, ощупывал и переносил на новую точку зрения лишь для того, чтобы найти их не более подходящими, чем прежде: но он прикрывал несоответствие своих чувств весьма трогательным усердием. История не увековечивает его разговоров с Гиневрой. Юрген теперь изрекал явный бред: так ребенку дают конфеты с безосновательным изумлением от аппетита дитяти. И Юрген лениво наступал, спешки не было, для завершения плана оставались недели. Между тем в этой обыденной работе была известная привлекательность.

Любитель согласовывает разные предметы, зная, что одно непременно ведет к другому. В достойных уважения намеках на любовь, которая осознает свою безнадежность, нет вообще никакого вреда. Это обстоятельство Юрген просто отметил и собирался миновать его. Лишь Гиневра была вынуждена благо-

пристойно принижать собственную привлекательность как причину, не соответствующую таким сильным страданиям. Обычная любезность требовала, чтобы Юрген дал опровержение. Чтобы подчеркнуть особый момент, оратор был вынужден взять свою слушательницу за руку: посторонние делали это каждый день, и она не возражала. Более того, вот она, рука, и не так уж незаконно задержана, как на это явно намекается. Как еще он докажет, что у принцессы Глатиона самая прелестная ручка на свете? Суть не в том, что он мог просить Гиневру признать молву: ведь Юрген хотел обращаться с ней честно.

Но, перед тем как потерять прелестнейшую на свете ручку, ценитель, естественно, поцелует каждый пальчик: этот поступок — просто дань совершенству и не служит каким-либо личным нуждам. Кроме того, поцелуй, если об этом хорошенько подумать, где бы его ни запечатлеть, как полагал Юрген, лишь церемониал без какой-либо существенной неправомерности. Девушка, не возражавшая против этого церемониала — чего опять-таки требовал обычай — все еще была, оставаясь непорочной, убеждена в своей ошибке.

«Так что теперь, — сказал некоторое время спустя Юрген, — вы сами все видите. Разве между нами что-нибудь изменилось? Разве мы не сидим здесь, как и прежде? Что ж, разумеется, поцелуй, как подтверждено, это совершенно безобидное действие, и в нем, так или иначе, нет ничего страшного. У него даже есть своя приятная сторона. Поэтому нет нужды устраивать шум по поводу поцелуев или обнявшей вас руки, когда так сидеть намного удобнее: как можно разумно отказывать искреннему другу в том, что позволяется кузену или старой рясе?»

Это было бы бессмыслицей, как продемонстрировал Юрген с помощью очень удачных цитат из Напсака.

Продолжая сидеть таким образом, говорящий без умолку, в пылу беседы он, естественно, жестикулировал, и красноречие во многом зависело от его рук. Когда кто-либо говорит, перебивать невежливо, тогда как прямо схватить руку мужчины (заметил в скобках Юрген) немного преждевременно. Нет, он в действительности не считал, что Гиневре вполне надлежало держать его за руку. Давайте сохранять этикет, даже в мелочах!

— Ах, но вы же знаете, что поступаете плохо!

— Я поступаю плохо? Я, который просто сидит и говорит что есть сил, пытаясь вас развлечь? Но, принцесса, скажите мне, что вы имеете в виду?

— Вы наверняка отлично знаете, что я имею в виду.

— Но я заявляю, что не имею ни малейшего представления об этом. Откуда я могу знать, что вы имеете в виду, когда вы отказываетесь мне об этом сказать.

А поскольку принцесса не была склонна выражать словами то, что она имела в виду, все какое-то время оставалось, как и прежде.

Таким образом, Юрген согласовывал предметы, зная, что одно непременно ведет к другому. Короче, как Юрген и предчувствовал, дело продвигалось очень быстро.

Обычно Юрген разговаривал с Гиневрой в скудно освещенных помещениях. Он предпочитал их, потому что там его не беспокоила та необъяснимая тень, которая на солнце выводила его из себя. Никто, по-видимому, не замечал этой нелепой тени. В действительности, было ясно, что никто не видел ее, кроме Юргена. Тем не менее, она его тревожила. С самого начала он помнил Гиневру лишь как нежный голос и усладительный аромат в сумерках, как не совсем отчетливо видимую красоту.

И его тревожили люди Гогирвана. Крючковатый долговязый старик король был выкинут Юргеном из

головы, как загадка, достаточно несерьезная для того, чтоб ее стоило разгадывать. Гогирван, похоже, сразу же набрался терпения, несмотря на некоторую раздражительность характера, и обдумывал какую-то тайную шутку. Он был странен и, похоже, отвратителен. Но, надо отдать старому мошеннику должное, он не вмешивался не в свои дела.

Окружение Гогирвана, однако, сбивало с толку. Эти люди, считавшие, что все, чем ты владеешь, дано взаймы для того, чтобы ты посвятил себя служению своему Богу, своему королю и каждой женщине, встретившейся на пути, едва ли могли вести себя разумно. Разговоры о служении Богу звучали высокопарно и вдохновенно, как барабан; да, но у барабана внутри нет ничего, кроме воздуха. Священники разглагольствовали о всевозможных вещах; но верил ли кто-нибудь, что на галантного епископа Мерионского, к примеру, всегда можно положиться?

— Мне понравилось мнение на этот счет жены принца Эврока, — сказал Юрген с усмешкой. Было хорошо известно, что отношения между госпожой Алундиной и епископом были налажены настолько осмотрительно, что не давали никакого повода для скандала.

Что касается служения королю, тут явно для любого, кто это выбрал, существовал Гогирван Гор, чтобы уважать его и им восторгаться. Гогирван, возможно, был достаточно хитер, но, по мнению Юргена, очень мало походил на помазанника Божьего. С другой стороны, он напоминал Юргену свояка-бакалейщика, не одаренного дружеской заинтересованностью торговца в покупателях. Гогирван Гор являлся личностью, которая, по представлениям Юргена, просто не могла быть избрана любым смышленым божеством в качестве наместника. И, в конце концов, когда доходило до служения женщинам, какого рода службу больше всего ценили женщины? У Юргена был припасен довольно

удачный ответ, но он не подходил для высказывания в их присутствии.

«По моему разумению, в сущности, никто не способен содействовать повышению моей популярности в Глатионе, поскольку я чудовищно умный малый, относящийся ко всему по справедливости. Поэтому я всегда должен помнить, из справедливости к самому себе, что, весьма вероятно, имею дело с сумасшедшими. Однако Рим был прекрасный город, а спасли-то его гуси. Эти люди, возможно, правы. И, определенно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время... Да, вот так я все это ощущаю».

И Юрген жил при рыцарственном дворе Глатиона и приспосабливался ко всем его обычаям. В вопросе любовных песен никто более не возражал, что дама, которую он любил (конечно же, абсолютно безнадежно), воплощала все божественные совершенства. А когда доходило до рыцарского служения, обладание Калибуром делало отправление на тот свет воров, великанов и драконов едва ли похожим на занятие для порядочного мужчины. Все же Юрген время от времени немного сражался для того, чтобы соответствовать обычаям Глатиона. И герцога Логрейского повсеместно считали весьма многообещающим молодым рыцарем.

И все время он волновался, поскольку смутно ощущал тот идеал, которому служили в Глатионе, и красоту этого идеала, но не мог в него верить. Тут вновь была прелесть, ощущаемая в полумраке, не совсем отчетливо видимая красота.

«Однако, разве я не чудовищно умный малый, — успокаивал он себя, — чтобы их всех обмануть? На подобную шалость, я, по-моему, имею полное право».

Таким образом, Юрген пребывал среди особ, для которых жизнь была суровым путешествием к Дому. Там их ждал Бог Отец, готовый, если надо, наказать, но преисполненный желания простить, по обычаю всех отцов. То, что человек в пути немного марался, а порой

по ошибке забредал не на ту тропинку, отцы понимали. Между тем здесь находилось вездесущее напоминание о Его совершенстве в образе женщины — прекраснейшем и благороднейшем из Его творений. Таким образом, каждая женщина была символом великодушного и благоговейного почитания. Так говорили все.

— Ну, разумеется! — подтверждал Юрген. И в поддержку своей позиции он весьма поучительно цитировал Офелиона, Фабиана Папирия и в придачу Секстия Черного.

ГЛАВА XV

О компромиссах в Глатионе

стория гласит, что некоторое время спустя из простой справедливости к Гиневре герцог Юрген предоставил ей возможность для искреннего разговора в действительно частной обстановке. Ибо с условностями, конечно же, нужно считаться. Время принцессы ей не принадлежит, и в любое время дня всевозможные люди склонны просить ее аудиенции как раз тогда, когда какая-нибудь наиболее важная беседа может принести весьма значительные плоды. Но по ночам Судный Зал оставался свободным и неохраняемым.

— Но мне бы никогда и в голову не пришло такое, — сказала Гиневра, — и что вы обо мне думаете, делая такое предложение?

— Этот вопрос, моя дорогая, я тоже хочу обсудить в приватной обстановке.

— А если бы я доложила о вашей наглости отцу?..

— Вы бы чрезвычайно его взволновали. А наш долг — защищать стариков от любых огорчений.

— Но, кроме всего прочего, я боюсь.

— О, моя дорогая, — сказал Юрген, и его голос задрожал, потому что его любовь и печаль показались ему очень сильными. — Но, моя дорогая, возможно ли, что у вас нет веры в меня? Всем своим телом и душой я люблю вас, я люблю вас с тех пор, как впервые взял в свои ладони ваше лицо и понял, что никогда прежде не знал подобной красоты. На самом деле я, как мне кажется, люблю вас так, как ни один мужчина в прошлом не любил женщину, ибо моя любовь — это поклонение, никак не меньше. Прикосновение вашей руки приводит меня в трепет, дорогая моя, а взгляд серых глаз заставляет забыть, что где-то есть боль, горе и зло. Вы прелестнейшее из всего, что Бог сотво-

рил, радуясь новому искусству, которому научились Его пальцы. А у вас нет в меня веры!

Тут принцесса, чуть всхлипнув, рассмеялась от удовольствия и раскаяния и сжала руку своего разбитого горем возлюбленного.

— Простите меня, Юрген, я не могу вынести вашего несчастного вида!

— О, что вам мои невзгоды? — с горечью спросил он.

— Они значат для меня очень много, мой дорогой! — прошептала она.

И Юрген никогда не забывал развязку: когда он ждал за дверью, а в щели между полуоткрытой дверью и косяком видел, как нерешительно приближается Гиневра — колеблющееся белое пятно в темном коридоре. Она пришла поговорить с ним туда, где их никто не побеспокоит и не прервет. Она пришла, изысканно надушенная, в одной ночной рубашке. Юрген дивился манерам этих женщин даже тогда, когда его руки обняли ее в темноте. Он всегда помнил ощущение этого теплого, гибкого и податливого тела, совершенно нагого под тонкой тканью рубашки, когда его руки впервые обняли принцессу. Из всех мгновений та последняя напряженная минута, перед тем как заговорить, осталась в его памяти в качестве самой совершенной.

Однако последовавшее за этим было достаточно приятным, так как происходило не на чем ином, как на широком и мягком королевском троне, где Гиневра и Юрген нашли пристанище, чтобы поговорить там, где их никто не побеспокоит и не прервет. Трон Гогирвана под балдахином в неосвещенном зале был совершенно темен, а в темноте никто не мог видеть, что происходит.

Впоследствии они вдвоем умудрялись беседовать на троне Глатиона еженощно. Но в памяти Юргена остался лишь тот последний миг за дверью да шесть высоких окон на восточной стороне зала — голубые с серебром окна, которые роскошно блестели в это время ночи, когда луна уже поднялась над верхушками деревьев, но еще недостаточно высоко, чтобы скрыться за карнизом. Это, по сути, все, что видел Юрген в Судном Зале. Был короткий промежуток

времени, когда на полу под каждым окном показывался узкий прямоугольник лунного света. Но окна так глубоко сидели в стенах, что это вскоре прекращалось. На западной стене было также шесть окон, но там располагался портик, и свет с запада никогда не проникал.

Вот так в темноте они смеялись и переговаривались, понизив голос до шепота. Юрген приходил на эти встречи, изрядно накачавшись вином, и вследствие этого, как он вполне понимал, говорил, словно ангел, не ограничивавший себя исключительно небесными темами. Часто он сам получал наслаждение от собственного великолепия, и ему было жаль, что нет никого под рукой, чтоб все это записать. Многие из его речей превосходили умственное развитие любой девушки, пусть даже такой прекрасной и восхитительной.

А Гиневра, как он обнаружил, по ночам говорила намного красноречивее. Но не одно вино всецело заставляло его так думать. Девушка проявляла ту грань своей натуры, которую скрывала днем. Она утверждала, что девушка, в значительно меньшей степени принцесса, не должна знать больше, чем то, что согласуется с мужским представлением о девичьем невежестве.

— Еще никто не рассказывал мне так много о столь интересных вещах. Помню... — И Гиневра поведала необычайно трогательную историю, здесь неуместную, случившуюся с ней три или четыре года тому назад. — Тогда еще была жива моя мать, но она не говорила о подобном ни слова, и, испугавшись, я не пошла к ней.

Юрген задал несколько вопросов.

— Ну, да. Ничего иного не оставалось. Я не могу говорить свободно со своими служанками и придворными дамами — даже сейчас. То есть не могу их расспрашивать. Конечно, я слышу, как они говорят между собой. Узнавать нечто большее не подобало бы принцессе. И я лишь тихо гадала относительно множества вещей! — Она привела примеры. — После этого я стала наблюдать за животными и домашней птицей. Так я разрешила для себя некоторые пробле-

мы — до известной степени. Но никто ничего не рассказывал мне открыто.

— Однако смею сказать, что Фрагнар... в общем, король троллей, будучи очень мудрым, должен был сделать животный мир намного нагляднее.

— Фрагнар — умелый чародей, — отозвался из темноты застенчивый голос. — И из-за мощи его отвратительного искусства я не помню ничего о Фрагнаре.

Юрген невесело рассмеялся. Все же в отношении Фрагнара он сейчас был достаточно уверен.

Так они разговаривали, и Юрген дивился, как делали в былые времена миллионы мужчин, готовности девушки — сейчас, когда преграды уничтожены, — обсуждать в подробностях все те предметы, которые этикет прежде принуждал игнорировать. О своих служанках, например, она предоставила ему очень любопытные сведения, а касательно мужчин вообще задала несметное количество вопросов, которые Юрген нашел обворожительными.

Так невинность сочеталась — в целом — с определенной нравственной тупостью, казавшейся непостижимой. Юргену сейчас стало ясно, что Гиневра не совсем соблюдала те внешние приличия, которые по праву можно ожидать от принцессы. По крайней мере, в отношении этих, совершаемых украдкой дел можно было надеяться на раскаяние. И он тревожился, замечая, что Гиневра начала воспринимать все это почти как нечто само собой разумеющееся. Определенно, она, по-видимому, вообще не думала о какой-либо порочности. Самое большее, что она имела в виду, это необходимость быть очень осмотрительной. А пока она ни разу не перечила ему в этих частных беседах и во всем принимала его суждения. Ее побуждением сейчас казалось едва ли нечто большее, чем желание ему угодить. Словно она потакает ему в его глупости. «И все это за шесть недель!» — размышлял Юрген. И он кусал ногти, косо поглядывая внутренним взором на мнение короля Гогирвана Гора.

Но при свете дня принцесса оставалась неизменной. При свете дня Юрген обожал ее, но с ощущением ночной близости. Днем им очень редко предо-

ставлялся случай побыть действительно наедине. Пару раз, однако, он целовал ее при свете солнца. А потом ее глаза становились трогательными, но осторожными, и общение протекало весьма скучно. Она не отталкивала его, но оставалась принцессой, оценивающей свое положение, и вообще не походила на ту невидимую особу, которая говорила с ним по ночам в Судном Зале.

Некоторое время спустя, по взаимному согласию, они начали избегать друг друга при свете дня. На самом деле все время принцессы сейчас было занято, так как в Глатион пришел корабль с шафрановыми парусами и драконом, расписанным тридцатью цветами, на носу. Таков был корабль, привезший мессира Мерлина Амброзия и госпожу Анайтиду, Хозяйку Озера, с большой свитой, чтобы доставить юную Гиневру в Лондон, где она должна была выйти замуж за короля Артура.

Сначала последовала неделя пиров, турниров и всевозможных увеселений. Трубили трубы, а на помосте, разукрашенном флагами и модными гобеленами, сидел, покачивая головой и моргая, король Гогирван в ярчайшем одеянии, чтобы выявить победителя. А на поле радостно выехала толпа герцогов, графов, баронов и множество знаменитых рыцарей, чтобы состязаться за честь и жемчужное ожерелье.

Юрген пожал плечами и почтил обычай. Герцог Логрейский оправдал свою отменную репутацию на открытии турнира, выбив из седла рыцаря Додина ле Дикара, графа Рота Мелиотского, рыцаря Эпиногриса и рыцаря Гектора де Мари. Затем, как ураган, налетел граф Дамас Листенизский, и Юрген удовлетворенно соскользнул по хвосту своего прекрасного коня. Он отыграл свою роль в турнире и от души был этому рад. Он предпочитал скорее созерцать подобные празднества, нежели участвовать в них, и теперь стал следовать своему призванию с самым утонченным страданием, поскольку считал, что никогда ни один поэт не занимал более живописного положения.

Днем он был герцогом Логрейским, что само по себе являлось заметным продвижением по сравнению с ростовщичеством; после прихода ночи он обесценивал

личные привилегии короля. Это была тайна, обман всех окружающих, что его особенно радовало. А при мысли, какой чудовищно умный малый Юрген, он почти забывал о том обстоятельстве, что страдает из-за нависшего над ним замужества дамы, которую любит.

Пару раз он ловил на себе взгляд ясных старческих глаз Гогирвана. Юрген к этому времени питал к Гогирвану отвращение как к человеку, занимающемуся мерзкими, бесчестными сделками.

«Так дурно заботиться о собственной дочери, — размышлял Юрген, — постыдно. Человек пренебрегает отцовскими обязанностями, а поступать так нечестно».

ГЛАВА XVI

Сложная ситуация у короля Смойта

дальнейшем случилось так, что три ночи подряд принцесса Гиневра была лишена возможности беседовать с Юргеном в Судном Зале. Поэтому в один из свободных вечеров герцог Юрген устроил попойку с Арибером и Ориеном — двумя баронами Гогирвана, только что вернувшимися из Пенгвэд-Гира и рассказывавшими сомнительные истории о Воинственных Феях, расположившихся гарнизоном в этом местечке.

Все трое слыли бывалыми пьяницами, так что Юрген лег в постель, изрядно набравшись, готовый к чему угодно. Позднее он сел в постели и обнаружил, что все происходит именно так, как он и подозревал. Комнату посетили духи, и у изножья его ложа находились два призрака: один — нахальный на вид, искоса поглядывавший фантом в старомодных доспехах, а с ним — прекрасная бледная дама в ниспадающей складками белой одежде.

— Доброе вам обоим утро, — сказал Юрген, — и прошу прощения, что не могу выразить, как рад вас видеть. Хотя вы весьма желанные гости, раз можете находиться в комнате бесшумно. — Видя, что оба фантома выглядят озадаченными, Юрген продолжил объяснения: — В прошлом году, когда я ездил по делам в Вестфалию, мне, на беду, пришлось провести ночь в населенном духами Нейедесбергском замке, где я вообще не мог заснуть. Там за главного был один призрак, который упорно звенел тяжелыми железными цепями и уныло стонал всю ночь напролет. Ближе к утру он преобразился в чудовищного кота и забрался на спинку моей кровати. Сидя на ней, он выл до рассвета. А так как я несведущ в немецком, то был

манер. Сейчас же я надеюсь, что как соотечественники или, говоря более точно, бывшие соотечественники, вы оцените, что такое поведение не лезет ни в какие ворота.

— Мессир, — сказал призрак мужчины и распрямился во весь рост, — вы виновны в том, что нахально питаете такое подозрение. Я могу лишь надеяться, что оно проистекает из вашего неведения.

— Ибо я уверена, — вставила дама, — что мне всегда не нравились коты, и у нас в замке их никогда не было.

— Простите мою прямоту, мессир, — продолжил призрак-мужчина, — но вы не можете вращаться в благородном обществе, если на самом деле не в силах отличить представителей семейства кошачьих от членов правящей династии Глатиона.

— Я видел вдовствующих королев, которые оправдывали подобное замешательство, — заметил Юрген. — Все же умоляю простить меня, потому что я не имел представления, что обращаюсь к августейшим особам.

— Я — король Смойт, — объяснил фантом-мужчина, — а это моя девятая жена, королева Сильвия Терея.

Юрген поклонился так изящно, как (льстил он себе) только было возможно при таких обстоятельствах. Не так-то легко изящно поклониться, сидя в постели.

— Весьма часто я слышал о вас, король Смойт, — сказал Юрген. — Вы — дедушка Гогирвана Гора и убили свою девятую жену, и восьмую жену, и пятую жену, и третью жену тоже. Вас прозвали Черным Королем, так как вы имели репутацию самого безнравственного монарха, который когда-либо правил Глатионом и Красными Островами.

Юргену показалось, что король Смойт проявил некоторое смущение, но трудно определить, когда призрак рдеет от стыда.

— Вероятно, обо мне выражались подобным образом, — проговорил Смойт, — ибо соседи — страшные сплетники, а мне не везло в браках. И я сожалею, с горечью сожалею, но признаю, что в миг крайнего, однако не совсем уж ничем не вызванного возбуждения я умертвил даму, которую вы сейчас лицезреете.

— А я уверена, что моей вины тут нет, — сказала Сильвия Терея.

— Несомненно, моя дорогая, ты сопротивлялась изо всех сил, и мне бы лишь хотелось, чтоб ты была более крупной и здоровой женщиной. Но, полагаю, вы можете сейчас ощутить, мессир, как глупо ожидать, что возвышенный король Глатиона и его королева, в которой он души не чает, сядут к вам на кровать и завоют?

И, поразмыслив, Юрген признал, что никогда ничего такого не переживал, да и не мог вспомнить (веско добавил он) ни одного подобного инцидента, происшедшего с его друзьями.

— Представление определенно нелепое, — продолжил король Смойт и очень мрачно улыбнулся. — Мы же пришли сюда с совершенно другими намерениями. По сути, мы хотим попросить у вас как у члена семьи помощи в одном деликатном деле.

— Я был бы рад, — ответил Юрген, — оказать вам услугу любым возможным способом. Но почему вы называете меня членом семьи?

— По правде говоря, — усмехнулся Смойт, — я не заявляю никаких прав на родство с герцогом Логрейским...

— Порой, — говорит Юрген, — некоторые люди предпочитают путешествовать инкогнито. Будучи королем, вы должны это понять.

— ...Меня интересует скорее внук Стейнворы. Теперь, не сомневаюсь, вы вспомните вашу бабушку Стейнвору, эту очаровательную старушку. Но я-то помню Стейнвору — жену Людвига, одну из прелестнейших девушек, которую когда-либо освещал королевский взор.

— О, сударь, — проговорил, ужаснувшись, Юрген, — что вы мне такое рассказываете?

— Всего лишь то, что у меня всегда была нежная натура, — ответил король Смойт, — и что в те дни я был прекрасным, честным и прямым молодым королем. И одним из результатов этого стал ваш отец, которого люди звали Коттом, сыном Людвига. Но могу вас уверить, что Людвиг не сделал ничего, чтобы заслужить это.

— Ну и ну! — сказал Юрген. — Все это весьма

скандально и к тому же очень печально: вам всучивают совершенно нового деда в такой ранний час. Все же это произошло давным-давно, и, если Людвиг не расстраивался по этому поводу, я тоже не вижу причины расстраиваться. И, кроме того, король Смойт, возможно, вы говорите неправду.

— Если ты сомневаешься в моем признании, милостивый внук, тебе нужно лишь взглянуть в ближайшее зеркало. Именно из-за этого мы и рискнули потревожить твой сон. По-моему, ты обладаешь поразительным сходством. У тебя налицо все наши фамильные черты.

Тут Юрген внимательно рассмотрел короля Смойта Глатионского.

— На самом деле, — сказал Юрген, — разумеется, весьма лестно, когда тебе говорят, что у тебя царственная внешность. Я вообще не знаю, что сказать в ответ на подразумеваемый комплимент, не показавшись неучтивым. Я ни на миг не поставил бы под сомнение то, что вы в свое время были весьма восхитительны и также, без сомнения, весьма справедливы. Тем не менее... в общем, мой нос, по тем впечатлениям, которые до сих пор позволяли получить зеркала, не является вздернутым.

— Но общеизвестно, что внешний вид обманчив, — заметил король Смойт.

— А что касается левой стороны вашего лица, — возразила королева Сильвия Терея, — я обнаруживаю отчетливое сходство.

— Я могу показаться чересчур тупым, — сказал Юрген, — так как я немного туповат. У меня такая черта, очень плохая черта, сформировавшаяся в раннем детстве, и я не в силах от нее избавиться. Поэтому я не имею представления о том, на что вы вдвоем намекаете.

Ответил призрак короля Смойта:

— Объясню. Как раз шестьдесят три года назад в эту ночь я убил свою девятую жену при особо зверских обстоятельствах, о чем ты, проявив весьма дурной тон, сейчас упомянул.

Тут Юрген до некоторой степени смутился, почувствовав, что не пристало тому, кто совсем недавно

отрезал голову собственной жене, вставать в позу праведника.

— Конечно, — сказал Юрген, мысля шире, — в браке всегда возможны такие мелкие семейные разногласия.

— Пусть будет так! Хотя, клянусь одиннадцатью тысячами спутниц Урсулы по путешествиям, было время, когда я не переносил подобной критики. Ладно, те времена давно прошли, и сейчас я — бескровное существо, которое ветер по своему усмотрению носит по краям, где еще вчера страшились короля Смойта. Но, что было, то было.

— Это кажется разумным, — сказал Юрген, — а быть малость риторичным — привилегия дедушек. Поэтому умоляю вас, сударь, продолжайте.

— Два года спустя я сопровождал императора Локрина в его походе против суеветтов — дурного, любящего роскошь народа, который особо почитает Гозарина. Должен сказать тебе, внучек, что это был крупный набег, совершенный отрядом неплохих бойцов на край благоденствия и красивых женщин. Но, увы, как говорится, во время нашего возвращения из Оснаха мой любимый полководец был взят в плен этим архизлодеем герцогом Коринеем Корнуоллским. А я, среди многих других, кто сопровождал императора, заплатил за наше развеселое воровство и душегубство очень горькую цену. Кориней не обладал широким кругозором и вообще не был тем, кого бы ты назвал светским человеком. Так что меня заточили в зловонную темницу... меня — Смойта Глатионского, покорившего Энисгарт и Саргилл в открытой битве и бесстрашно взявшего в жены наследницу Камвея! Но я избавлю тебя от неприятных подробностей. Достаточно сказать, что я не был удовлетворен своими покоями. Однако покинуть их можно было только одним способом. Он заключался в убийстве тюремщика — шаг, который, признаюсь, для меня отвратителен. Я преуспел в жизни и устал убивать людей, однако, по зрелом размышлении, жизнь бесстыдного мошенника, лишенного всякой доброты и малейшего сострадания, глухого даже к предложениям о подкупе, не казалась потрясающе важной.

— Легко могу вообразить, дедушка, что вас не

очень глубоко интересовала природа и анатомия вашего тюремщика. Поэтому вы совершили неизбежное.

— Да, я вероломно убил его и бежал в неузнаваемом обличье в Глатион, где вскоре умер. Моя смерть как раз тогда была весьма досадна. Я вот-вот собирался жениться, а моя невеста была удивительно привлекательной девушкой — дочерью короля Тирнога Грайнтнорского. Она стала бы моей тринадцатой женой. А за неделю до церемонии я споткнулся и упал на ступенях собственного замка, сломав себе шею. Унизительная кончина для того, кто был воином с заслуженной репутацией. По правде говоря, это заставило меня подумать, что, может, в конце концов, есть что-то в тех старых предрассудках насчет несчастливого числа «тринадцать». Но о чем я говорил?.. Ах, да! Также было несчастьем оказаться небрежным в отношении убийств. Вообрази, что за пару подобных дел я приговорен ежегодно в день совершения убийств посещать место своего преступления. Такое условие достаточно справедливо, и я не жалуюсь, хотя, конечно же, это отнимает целый вечер. Но так случилось, что я вероломно убил тюремщика большим булыжником пятнадцатого июня. Несчастливая же сторона этого, по-настоящему неловкое положение состоит в том, что это с точностью до часа — годовщина смерти моей девятой жены.

— И ты убиваешь малозначительных посторонних в такой день! — сказала королева Сильвия. — Ты вылез из тюремного окошка, наряженный аббатисой, в ту годовщину, когда тебе следовало стоять на коленях в тщетном раскаянии! Но ты жестокий человек, Смойт, и ты оказал своей жене мало внимания тогда, когда ее вполне можно было помянуть, — это факт.

— Моя дорогая, признаю, что это небрежность с моей стороны. Не могу сказать ничего большего. В любом случае, внучек, после своей кончины я обнаружил, что подобная небрежность приводит к тому, что пятнадцатого июня в три утра я должен находиться в двух разных местах.

— Но это справедливо, — предположил Юрген.

— Пожалуй, это действительно справедливо, — согласился Смойт, — но, по-моему, это просто невозможно. Однако мне помог мой прапрадедушка Пенпингтон

Врейчврас-ап-Мильванд Глазаньеф. В его лице тоже наблюдалось семейное сходство. И он настолько напоминал меня во всем, что, ко всеобщему удовлетворению, играл мою роль. И с помощью моей покойной жены каждый июнь воплощал в жизнь мое жуткое преступление на месте его происшествия.

— На самом деле, — сказала королева Сильвия, — он владел мечом намного лучше тебя, мой дорогой. Захватывающее удовольствие быть убитой Пенпингтоном, Врейчврас-ап-Мильвандом Глазаньефом, и я всегда буду о нем горевать.

— Ты должен понять, внучек, что срок пребывания короля Пенпингтона Врейчврас-ап-Мильванда Глазаньефа в Чистилище истек, и он недавно отправился в Рай. Для него это, смею сказать, удовольствие, и я не жалуюсь. А у меня не осталось никого, чтоб занять мое место. Ангелы, как ты легко поймешь, не разрешают совершать убийства, даже из доброты душевной. Они думают, что это создаст опасный прецедент.

— Все это, — сказал Юрген, — кажется прискорбным, но высказанным не до конца. Я отдам всю душу и еще половину, чтоб услужить вам, сударь, но не имею и семи восьмых представления о том, чего вы от меня хотите. Давайте же, скажите прямо!

— Ты, как я уже говорил, обладаешь семейным сходством с нами. Ты, по сути, живой двойник Смойта Глатионского. Поэтому умоляю тебя, милостивый внук, в эту ночь с помощью королевы Сильвии Тереи сыграть роль моего призрака и показать для всеобщего удовлетворения, что в три часа утра в Белой Башне обитают духи. Иначе, — уныло сказал Смойт, — последствия будут плачевны.

— Но у меня нет опыта в разыгрывании из себя привидения, — признался Юрген. — Я не стану притворятся, что силен в этом деле, и даже не знаю, как это происходит.

— Все проще простого, хотя некоторая мистическая подготовка будет, конечно же, необходима для того, чтобы превратить живого человека в призрак...

— Обычная подготовка, сударь, вне всяких сомнений, и я положительно склонен быть заколотым, отравленным или каким-то еще в том же духе, чтоб ублажить своего деда.

Но Смойт и Сильвия решили, что любой такой радикальный шаг был бы излишним, поскольку предполагается лишь временное пребывание Юргена в образе привидения. По сути, Юргену придется лишь осушить кубок, украшенный чеканкой, который протягивала ему Сильвия Терея, произнося друидские заклинания.

Какой-то миг Юрген колебался. В целом все казалось весьма невероятным. Но все же узы родства сильны, и не часто выпадает случай помочь, хотя бы немного, давно умершему деду. Кроме того, зелье имело очень соблазнительный запах.

— Хорошо, — сказал Юрген, — я готов отведать любой напиток, — и немедленно выпил.

Букет был превосходен. Однако поначалу напиток, казалось, не подействовал на Юргена. Затем он почувствовал легкое головокружение. Потом он посмотрел вниз и с удивлением заметил, что в его постели никого нет. При более тщательном изучении проявились неясные очертания человеческой фигуры, под которой находилась смятая простыня. Это все, решил он, что осталось от Юргена. И от этого у него возникло странное ощущение. Юрген подпрыгнул, как напуганный конь, да так неистово, что вылетел из кровати и обнаружил себя невесомо плывущим по комнате.

Теперь Юрген совершенно четко распознал это чувство. Оно часто посещало его во сне, когда он сгибал ноги в коленях, так что ступни касались ягодиц, и перемещался по воздуху без каких-либо усилий. Тогда это казалось до смешного простым, и он удивлялся, почему раньше никогда об этом не думал. И тогда он размышлял: «Это же превосходный способ передвижения. Я утром вот так появлюсь к завтраку и покажу Лизе, до чего это просто. Как же это ее изумит, и она, конечно, поймет, какой я умный!» А потом Юрген просыпался и обнаруживал, что почему-то забыл этот фокус.

Но именно сейчас подобный способ перемещения был очень легким. И Юрген пару раз для практики облетел кровать, а затем поднялся к потолку. Из-за неопытности он неправильно рассчитал необходимую силу и внезапно попал в комнату этажом выше, где оказался парящим непосредственно над епископом Ме-

рионским. Его высокопреосвященство был не один, но, так как оба обитателя покоев спали, Юрген не засвидетельствовал ничего нееписконального. Тут Юрген присоединился к своему деду, опоясался Калибуром и требовательно спросил, что делать дальше.

— Убийство произойдет, как обычно, в Белой Башне. Королева Сильвия ознакомит тебя с подробностями. Ты, однако, можешь сам выдумать бóльшую часть роли, поскольку Хозяйка Озера, занимающая сегодня ночью эту комнату, весьма вероятно, не знакома с нашей ужасной историей.

Затем король Смойт заметил, что самое время отправляться на свидание в Корнуолл, и растворился в воздухе с легкой самоуверенностью, говорившей о большой практике, а Юрген последовал за королевой Сильвией Тереей.

ГЛАВА XVII

О прокричавшем слишком рано петухе

альше история рассказывает о том, как Юрген и призрак королевы Сильвии Тереи вошли в Белую Башню. Хозяйка Озера находилась в постели; она спала одна, что с одобрением отметил Юрген, так как ему больше не хотелось вторгаться в чьи-либо интимные отношения. И госпожа Анайтида не проснулась при их появлении.

Это была унылая комната с высокими панелями на стенах и с точно выверенным количеством лунного света, струящегося из двух окон. Любой призрак, даже начинающий, мог оправдать в таких условиях свою репутацию, и Юрген подумал, что поступил правильно. Он был атавистически жесток, а сымпровизировать сопутствующий диалог не составляло труда. Поэтому все шло гладко и с таким вдохновением, что Анайтида проснулась от очень трогательных завываний королевы Сильвии о пощаде и села в постели, как будто слегка испуганная. Затем Хозяйка Озера откинулась на подушки и наблюдала за продолжением ужасной сцены с великолепным самообладанием.

Трагедия доросла до своей страшной кульминации и красиво завершилась. С помощью Калибура Юрген умертвил свою временную жену. Он поволок за волосы ее бесчувственное тело по полу, но сперва предусмотрительно положил себе в карман, как просила королева Сильвия, ее гребень, чтобы тот не потерялся. Юрген позволил себе немного злодейского хохота и все старинные проклятия, которые помнил. Короче, все прошло великолепно, и он покинул Белую Башню с чувством самодовольства вместе с королевой Сильвией Тереей.

и в темноте, после того как он вернул ей гребень, королева сказала Юргену, как ей жаль с ним расставаться.

— Я должна опять уйти назад, в холодную могилу, мессир Юрген, и в высокое пламя Чистилища; и, может быть, я больше вас не увижу.

— Я буду горевать по этому поводу, — сказал Юрген, — вы самая прелестная особа, которую я когда-либо видел.

Королева была польщена.

— Это восхитительная мальчишеская речь, и видно, что она идет от сердца. Я очень хотела бы повстречать таких неискушенных людей в своем нынешнем местопребывании. Вместо этого я нахожусь в толпе закоренелых грешников, у которых нет сердца, которые во всем неискренни и неоткровенны, и мне ненавистно их жеманство.

— Подозреваю, что вы не совсем счастливы в своем браке, а, Сильвия?

— Я вижу Смойта очень редко. Ведь у него восемь других жен находятся в том же самом пламени, и он не вполне может проявлять свои пристрастия. Хотя две из его королев отправились прямо в Рай, а восьмая жена, Гудрун, которую мы вынуждены бояться, наверно, была нераскаявшейся грешницей, потому что так и не дошла до Чистилища. Но я сама всегда не доверяла Гудрун, иначе я бы никогда не надоумила Смойта задушить ее и сделать королевой меня. Понимаете, я думала, что быть королевой прекрасно, — в те дни, Юрген, когда я была простодушной девчушкой. А Смойт в те дни был сплошной мед, благовония и бархат и редко поступал так, Юрген, что я могла бы предвидеть жестокую судьбу, которая выпадет на мою долю.

— На самом деле, Сильвия, грустно быть убитой рукой, которая, так сказать, поклялась присматривать за твоим благоденствием и по праву должна служить тебе на коленях.

— Я возражала не против этого. Смойт убил меня в припадке ревности, а ревность — ошибочный способ высказывания комплиментов. Нет, Юрген, мне выпало худшее и отравило всю мою жизнь во плоти. — И Сильвия заплакала.

— И что же это такое, Сильвия?

Королева Сильвия прошептала ужасную тайну:

— Мой муж меня не понимал.

— Клянусь Небесами, — сказал Юрген, — когда женщина говорит мне такое, даже если женщина мертва, я знаю, чего она от меня ждет.

Тут Юрген обнял призрак Сильвии Тереи и утешил королеву. Затем, обнаружив, что она вполне охотно принимает утешения, Юрген присел на темные ступени, одной рукой по-прежнему обнимая королеву Сильвию. Воздействие снадобья, очевидно, улетучивалось, поскольку Юрген обнаружил, что состоит уже не из холодных невесомых паров, но из некоей горячей и твердой плоти. Но, вероятно, воздействие вина, которое Юрген выпил раньше, не улетучилось. Неистово заговорив в темноте о необходимости каким-то образом отомстить за оскорбление, нанесенное его деду Людвигу, он выхватил свой меч — волшебный Калибур.

— Вы чувствуете, — сказал Юрген, — я ношу такое оружие как вполне достаточное для рядовых столкновений. И разве мне не следует воспользоваться им, чтобы отплатить королю Смойту за ту несправедливость, которую он навлек на бедного Людвига? Что ж, я определенно обязан так сделать. Это мой долг.

— Но Смойт к этому времени уже вернулся в Чистилище, — возразила королева Сильвия. — А поднимать меч на женщину — трусость.

— Карающий меч Юргена, мой заколдованный Калибур — ужас для всех завистливых мужчин, но утешение для всех милых женщин.

— Это, несомненно, очень большой меч, — сказала она. — О, изумительный меч, как я могу определить даже в темноте. Но, повторяю, Смойта здесь нет, чтобы помериться с вами силой оружия.

— Сейчас ваши доводы раздражают меня, тогда как честная женщина позаботилась бы о том, чтобы все наследство ее умершего мужа было соответственным образом удовлетворено...

— Ох, ох! И что же вы имеете в виду?..

— Но определенно, что внук является... в одном колене... своего рода наследством.

— В том, что вы выдвигаете, что-то есть...

— В том, что я выдвигаю, есть много чего, могу вас уверить. Это самый естественный и доходчивый вид логики. И я просто хочу освободиться от долга...

— Но вы возбуждаете меня своим огромным мечом. Вы меня нервируете, и я не могу спорить, пока вы им тут размахиваете. Уберите же ваш меч! О, что же с вами делать? Вот же ножны для вашего меча, — проговорила она.

В этот момент их прервали.

— Герцог Логрейский, — произнес голос госпожи Анайтиды, — не думаете ли вы, что лучше удалиться, а то подобные шалости у дверей моей спальни вызовут скандал?

Анайтида приоткрыла дверь спальни и с лампой в руке высунулась на лестницу. Юрген немного смутился. Его явную близость с дамой, которая мертва вот уже шестьдесят три года, трудно, как он чувствовал, было бы объяснить. Так что Юрген, поднявшись на ноги, проворно вложил в ножны оружие, которое показывал королеве Сильвии, и решил изящно обойти молчанием это дело. А на дворе закукарекал петух. Наступил рассвет.

— Желаю вам доброго утра, госпожа Анайтида, — сказал Юрген. — Но здесь такие запутанные лестницы, что я, должно быть, заблудился. Я собираюсь на прогулку. А это моя дальняя родственница, королева Сильвия Терея, которая любезно согласилась быть моей спутницей. Понимаете ли, мы собираемся в лес пособирать грибы и понаблюдать за восходом солнца.

— Мессир де Логрей, думаю, было бы намного лучше отправиться обратно в постель.

— С другой стороны, сударыня, моим несомненным долгом является сопровождение королевы Сильвии...

— Что касается этого, мессир, то я не вижу никакой королевы Сильвии.

Юрген огляделся. Определенно, девятой жены его дедушки нигде не было видно.

— Да, она исчезла. Но этого и следовало ожидать при крике петуха. Пожалуй, петух закукарекал не вовремя, — сказал с сожалением Юрген. — Это несправедливо.

А госпожа Анайтида сказала:

— В погребе Гогирвана славные запасы, а вы допоздна засиделись с Ориеном и Арибером. И, несомненно, им тоже посчастливилось обнаружить пару королев в погребе Гогирвана. Тем не менее, по-моему, вы все еще немного пьяны.

— Ответьте же мне, госпожа Анайтида: не посещали ли вас этой ночью два призрака?

— Что ж, очень может быть, — ответила она. — Но Белая Башня знаменита своими привидениями, и я провела там лишь несколько спокойных ночей, ведь люди Гогирвана — сплошные скоты.

«По правде говоря, — гадал Юрген, — что за особа эта госпожа Анайтида, оставшаяся невозмутимой при таком зверском убийстве, как то, что я совершил, и обращающая на призраков не больше внимания, чем я на комаров? Я слышал, что она — чародейка. Уверен, у нее прекрасная фигура. Короче, вот предмет, который вознаградил бы своего исследователя, не будь юная Гиневра возлюбленной моего сердца».

Вслух же он сказал:

— Вероятно, я пьян, сударыня. Тем не менее я по-прежнему думаю, что петух закукарекал не вовремя.

— Когда-нибудь вам придется объяснить смысл этих слов, — сказала она. — Между тем я возвращаюсь в постель и опять-таки советую вам сделать то же самое.

Тут дверь затворилась, упал засов, и Юрген по шел прочь, по-прежнему находясь в сильном возбуждении.

«Эта госпожа Анайтида — интересная особа, — размышлял он, — и мне доставило бы удовольствие, если бы выдался случай показать ей сейчас мое огорчение по поводу петуха. Происшествие маловероятное. Значит, к тому же, она наткнулась на меня, когда мой меч был обнажен, и, следовательно, знает, что я владею оружием, достойным уважения. Она однажды может ощутить необходимость в хорошем воине — эта миловидная Хозяйка Озера, у которой нет мужа. Поэтому давайте будем терпеливы. Между тем оказывается, что во мне течет королевская кровь. Полагаю, в этом скандале что-то есть, потому что я обнаружил

в себе много общего с королем Смойтом. Однако двенадцать жен! Нет, это слишком. Я не ограничивал бы количество браков, но двенадцать законных жен говорят об оптимизме, мне неведомом. Нет, не думаю, что я пьян, но бесспорно, что я шагаю не очень твердо. Определенно, мы выпили лишнего. Так что мне лучше всего возвратиться тихонько в постель и ничего больше не говорить о случившемся нынче ночью».

Что он и сделал. И это был первый раз, когда Юрген, в прошлом ростовщик, вел беседу с госпожой Анайтидой, которую люди называли Хозяйкой Озера.

ГЛАВА XVIII

Почему Мерлин вел беседу в полумраке

ва дня спустя за Юргеном послали от Мерлина Амброзия. Герцог Логрейский встретился с волшебником в полумраке, ибо окна комнаты были занавешены и не пропускали сияния дня. В комнате все, таким образом, представало в рассеянном, смягченном свете, не дававшем теней. В руке Мерлин держал квадратное зеркальце вершка в три, от которого он озадачивающе поднял свои темные глаза.

— Я поговорил с коллегой послом, госпожой Анайтидой, и стал гадать, мессир де Логрей, не разводили ли вы когда-нибудь белых голубей.

Юрген посмотрел на зеркальце.

— Я знал женщину из рода Леших. Она не так давно показала мне одно занятие, для которого нужна была кровь белых голубей. И она тоже пользовалась таким зеркалом. Я видел, что именно за этим последовало, но откровенно должен вам сказать, что ничего не понял в тонкостях этого дела.

Мерлин кивнул.

— Я подозревал нечто подобное. Поэтому и решил поговорить с вами в комнате, где, как вы чувствуете, нет теней.

— По правде говоря, — сказал Юрген, — наконец-то есть кто-то, кто может видеть мою спутницу! Скажите, почему же никто другой этого не может?

— К вашему эскорту привлекла мое внимание моя собственная тень, потому что она тоже была дана мне. То был подарок отца, о котором вы, вероятно, слышали.

Наступил черед Юргена кивнуть. Все знали, кто породил Мерлина Амброзия, и благоразумные люди предпочитали об этом не говорить. Затем Мерлин продолжил.

— Вот так, — проговорил Мерлин, — я потакаю своей тени. И вот так моя тень мне служит. Это взаимные уступки, которые всегда и везде необходимы.

— Понятно, — сказал Юрген, — но разве никто другой никогда не различал вашей тени?

— Лишь раз моя тень на некоторое время покинула меня, — ответил Мерлин. — Однажды в воскресенье тень оставила меня, и я шел без сопровождения под открытыми лучами солнца. Моя тень обняла шпиль церкви, а прихожане преклоняли под ней колени. Прихожане были смутно встревожены, не подозревая почему, и лишь переглядывались. Только священник да я видели ее совершенно отчетливо — священник потому, что она являлась злом, а я потому, что она принадлежала мне.

— Интересно, что же священник сказал вашей своевольной тени?

— «Изыди!» — бесстрашно изрек священник. Почему они всегда кажутся такими бесстрашными, эти скучные и застенчивые священники? «Такое поведение невиданно. Ибо это дом Верховного Бога, и его непоколебимый шпиль убеждает людей, пришедших издалека, что это место свято», — сказал священник. А моя тень ответила: «Но я лишь знаю, что шпиль фаллического происхождения». И моя тень заплакала, нелепо заплакала, уцепившись за шпиль, а прихожане преклонили под ней колени.

— Это на самом деле должно было привести в замешательство, мессир Мерлин. Все же, когда вы вернули тень, большого вреда не было причинено. Но почему подобные спутницы сопровождают некоторых людей, тогда как другим позволено жить в скромном одиночестве? Это не кажется совершенно справедливым.

— Вероятно, я мог бы объяснить вам кое-что, мой друг, но определенно не буду этого делать. Вы и так знаете слишком много. Вы, похоже, в этом вашем ярком одеянии пришли из страны и времени, которые даже такой искусный волшебник, как я, может лишь смутно предчувствовать и вообще не может понять. Однако меня смущает... — И Мерлин поднял указательный палец. — Сколько футов росту было в первом владельце вашей рубахи? И были ли вы когда-нибудь стариком? — поинтересовался он.

— В общем, четыре фута, и я был в пожилом возрасте, — ответил Юрген.

— А я и не догадался! Но, несомненно, это так — старый поэт взял взаймы тело молодого мужчины и рубаху Кентавра. Адерес, по собственным соображениям, отпустила в мир новую шутку...

— Но вы все ставите с ног на голову. Это же Середа, которую я так мило обхаживал.

— В подобном случае имена, которые дают люди, значат очень мало. Тень, сопровождающую вас, я распознаю — и чту — как дар Адерес, ужасной Матери Малых Богов. Без сомнения, у нее есть множество других имен. И вы считаете, что вы ее обхаживали! Я бы неохотно разгуливал в рубахе любого человека, считающего так. Но она просветит вас, мой друг, в назначенное ей время.

— Она поступает по справедливости, — сказал Юрген и пожал плечами.

Тут Мерлин отложил зеркало.

— Между тем мы с госпожой Анайтидой обсуждали совершенно другой вопрос, и о нем я хотел бы с вами поговорить. Гогирван посылает королю Артуру вместе с дочерью тот Круглый Стол, что дал Гогирвану Утер Пендрагон, и сотню рыцарей, чтоб усадить их за этот стол. Гогирван, который, при всем уважении к нему, обладает скверным чувством юмора, назвал среди этих рыцарей и вас. Сейчас ходят слухи, что принцесса очень много беседует с вами частным образом, а Артур никогда не одобрял болтливость. Поэтому предупреждаю, что для вас отправиться вместе с нами в Лондон было бы весьма неудобно.

— По-моему, это едва ли так, — сказал Юрген с наигранной меланхолией в голосе. — Для меня дальнейшее занятие этим имело бы результатом женитьбу на той, кто иначе навсегда станет идеальным воспоминанием о всевозможных, очень приятных беседах.

— Старый поэт, вы весьма рассудительны, — сказал Мерлин, — особенно сейчас, когда известная нам маленькая принцесса вот-вот станет королевой и символом. Мне жаль ее. Ее будут почитать как откровение Небесного великолепия, а поскольку она человек из плоти и крови, ей это не понравится. И я безуспешно предупреждал короля Артура, так как то, чему суж-

дено произойти, всегда случается, пока мудрость бессильна перед человеческой глупостью. Поэтому мудрость может лишь делать то, что в ее силах, и с удовольствием встречаться лицом к лицу с таинственными обстоятельствами.

Вслед за этим Мерлин встал и приподнял висевший за спиной гобелен, а Юрген увидел то, что́ гобелен скрывал.

* * *

— Вы меня ужасно смутили, — сказал Юрген, — и я ощущаю, что все еще краснею, вплоть до лодыжек. Я не прав, поэтому давайте не будем больше об этом говорить.

— Я хотел вам показать, — ответил Мерлин, — что знаю, о чем говорю. Однако моя цель в данную минуту — выкинуть из вашей головы Гиневру, потому что я думаю, что в вашем сердце ее никогда и не было, старый поэт, расхаживающий как ни в чем ни бывало в рубахе Кентавра. Расскажите-ка мне! Неужели мысль о ее приближающейся свадьбе вас беспокоит?

— Я несчастнейший человек на свете, — сказал с пылом Юрген. — Всю ночь я лежал без сна на своей смятой постели и думал о том горестном дне, который прошел, и о том, что же случится в равно горестный день, чей рассвет я наблюдаю с болью в сердце. И закричал вслух бессмертными словами Аполлония Миронида...

— Кого? — спросил Мерлин.

— Я ссылаюсь на автора «Миросиса», — объяснил Юрген, — которого многие поспешно отождествляют с Аполлонием Герофилеем.

— О да, конечно! Ваша цитата весьма уместна. Что ж, ваше состояние плачевно, но излечимо. Я собираюсь дать вам эту фигурку, с которой вы, при достаточной смелости, сделаете то-то и то-то.

— На самом деле, это до некоторой степени странная фигурка, а руки и ноги, да и голова этого человечка удивительно похожи!.. И вы говорите мне то-то и то-то. Но как получилось, мессир Мерлин, что вы никогда не воспользовались ею так, как предлагаете мне?

— Потому что боюсь. Вы забываете, что я лишь

волшебник, чье колдовство не вызывает чего-то более отвратительного, нежели дьяволы. Но это кусочек Старой Магии, которая уже не понятна, и я предпочитаю с ней не связываться. Вы же, наоборот, поэт, а Старая Магия всегда была к поэтам благосклонна...

— Я подумаю, — сказал Юрген. — Если это действительно выкинет госпожу Гиневру из моей головы...

— Будьте уверены, — сказал Мерлин. — Не без основания заявляет «Диргхагама»: «Яркость светляка нельзя сравнивать с яркостью лампы».

— Очень приятное произведение эта «Диргхагама», — толерантно произнес Юрген, — хотя, конечно, довольно поверхностное.

Затем Мерлин Амброзий дал Юргену фигурку и один совет.

И ночью Юрген сказал Гиневре, что он не поедет на ее свадебном поезде в Лондон. Он откровенно сказал ей, что Мерлин подозревает об их отношениях.

— И поэтому для того, чтобы защитить вас и вашу честь, моя дражайшая и дорогая, — сказал Юрген, — необходимо, чтобы я принес в жертву себя и все, что ценю в жизни. Я буду ужасно страдать, но утешением мне будет то, что я обращался с вами честно — с той, которую люблю всем сердцем и сохраню в своих душевных страданиях.

Но Гиневра, казалось, не заметила, сколь благородный поступок совершает Юрген. Вместо этого она очень тихо заплакала, да так душераздирающе, что Юрген нашел это невыносимым.

— Ни один человек, будь то император или крестьянин, — сказала Гиневра, — не был любим более нежно, верно и без какой бы то ни было задней мысли или расчета наперед, чем вы, мой дорогой, были любимы мной. Все, что у меня было, я отдавала вам. Все, что у меня было, вы взяли и использовали. А теперь вы покидаете меня, и мне нечего вам дать, даже гнева или презрения, в тот миг, когда вы оставляете меня на произвол судьбы. Во мне нет ничего, кроме любви к вам, который ее недостоин.

— Но я умираю множеством смертей, — сказал Юрген, — когда вы говорите мне такое. — И, в действительности, он чувствовал себя весьма неуютно.

— Однако я говорю правду. У вас было все, и вы

немного устали и, вероятно, немного испугались того, что может произойти, если вы со мной не порвете.

— Вы неверно обо мне судите, милая...

— Нет, я правильно о вас сужу, Юрген. Как раз наоборот. Первый раз я сужу нас обоих, но себя я не прощаю и не смогу никогда простить, так как была расточительной дурой.

А Юрген нашел такие речи неудобными, скучными и весьма несправедливыми по отношению к нему.

— Я ничего не могу поделать, — сказал Юрген. — Что от меня можно ожидать? И почему нам не быть счастливыми, пока мы в состоянии? Словно у нас есть время, которое можно терять.

Это была последняя ночь перед днем, на который было назначено отбытие Гиневры.

ГЛАВА XIX

Загорелый человек со странными ногами

На следующий день, рано утром, Юрген вышел из Камельяра, отправившись по дороге на Кароэз, вступил в Друидский лес и выполнил указания Мерлина.

— Не то чтобы я хоть на миг поверил в такой вздор, — сказал Юрген, — но будет забавно посмотреть, что из этого выйдет, и несправедливо отрицать даже вздор без честного испытания.

А вскоре он заметил загорелого жилистого малого, сидящего на берегу ручья, болтающего ногами в воде и извлекающего музыкальные звуки из свирели, сделанной из семи тростников различной длины. Юрген показал ему, как было предписано, фигурку, которую дал ему Мерлин. Человек сделал своеобразный жест и встал. Юрген увидел, что ноги у этого человека довольно необычны.

Юрген низко поклонился и сказал, как велел Мерлин:

— Хвала тебе, властелин двух истин! Я пришел к тебе, о мудрейший, дабы научиться твоей тайне. Я узнал бы тебя и узнал бы сорок двух могущественных, что пребывают вместе с тобой в чертоге двух истин, каждый день питаются грешниками и пьют нечистую кровь. Я узнал бы тебя по тому, кто ты такой.

Загорелый мужчина ответил:

— Я есмь все, что было и будет. Еще никогда ни один смертный не был в силах открыть, кто я такой.

Затем этот загорелый мужчина провел Юргена на поляну в глубине леса.

— Мерлин не смеет прийти сам, — заметил загорелый, — потому что Мерлин мудр. Но ты — поэт. Посему вскоре забудешь то, что собираешься увидеть,

или, на худой конец, расскажешь об этом какую-нибудь приятную ложь, в частности, самому себе.

— Не знаю, — ответил Юрген, — но я готов отведать любой напиток. Что ты собираешься мне показать?

Загорелый ответил:

— Все.

Уже близился вечер, когда они ушли с поляны. Было темно, поскольку начиналась буря. Загорелый человек улыбался, а Юргена колотило.

— Это неправда, — заявил Юрген. — Ты показал мне уйму всякого вздора. Это помешательство так называемого выродившегося Реалиста. Это колдовство, ребячество и отвратительное кощунство. Одним словом, это нечто, во что я верить не хочу. Тебе должно быть стыдно!

— Даже при этом ты мне веришь, Юрген.

— Я верю, что ты честный человек и что я твой кузен: вот тебе еще две лжи.

Загорелый человек, по-прежнему улыбаясь, сказал:

— Да, ты, несомненно, поэт, тот, который взял на время одежду моего кузена. Ты ушел с поляны и от моей беспристрастности таким же здравомыслящим, каким и пришел. Это, разумеется, не говорит многого в похвалу здравомыслия поэта. Но Мерлин бы умер, и Мерлин умер бы без сожаления, если б увидел то, что увидел ты, потому что Мерлин воспринимает все разумом.

— Факты! Здравомыслие! Да еще разум! — разозлился Юрген. — Что за вздор ты несешь! Если б в твоем дурацком кукольном театре была хоть чуточка правды, этот мир времени, пространства и сознания стал бы пузырем — пузырем, содержащим в себе солнце, луну и далекие звезды, и все же лишь пузырем в забродившем пойле! Мне нужно пойти очистить свою голову от всей этой гадости. Ты хотел бы, чтоб я поверил, что люди, все люди, которые когда-либо жили или будут жить на свете, включая меня, совершенно неважны! Что ж, в любом таком мироустройстве не было бы никакой справедливости, нигде не было бы справедливости!

— Это сердит тебя, не так ли? Это порой сердит меня, даже меня, который по воле Кощея один неизменен.

— Я ничего не знаю о твоем непостоянстве, но придерживаюсь собственного мнения о твоей правдивости, — сказал Юрген, находясь из-за всего этого на грани истерики. — Да, если б ложь могла душить людей, эта шершавая глотка определенно была бы воспалена.

Тут загорелый малый топнул ногой, и удар подошвой по мху вызвал новый шум, какого Юрген никогда не слышал: ибо шум, казалось, раздавался со всех сторон, поначалу так, словно в лесу каждый листок тихонечко, но безудержно хохотал. А затем этот шум разросся за счет веселья более крупных существ, и этим шумом играло эхо до тех пор, пока отзвуки отовсюду не стали напоминать раскаты грома. Земля двигалась под ногами так, как у зверя, раздраженного мухами, подергивается кожа. Юрген заметил еще одну необычайную вещь, а именно то, что деревья вокруг поляны искривили и изогнули стволы и поэтому наклонились так, как под действием жара наклоняются свечи, и опустили верхушки крон к ногам загорелого человека. А его внешний вид, пока он стоял на месте, ужасным образом изменялся в постоянном бронзовом сверкании среди нависших туч, при повсеместном содрогании и смехе, в этом лесу, кланяющемся до земли.

— Ответствуй, ты, кто болтает о справедливости! А что если б я тебя сейчас убил, — спросил загорелый человек, — будучи таким, какой я есмь?

— Тогда убей меня! — сказал Юрген с закрытыми глазами, так как ему вообще не нравился внешний вид всего окружающего. — Да, ты можешь меня убить, если хочешь, но не в твоих силах заставить меня поверить, что нигде нет справедливости и что я неважен. Мне хочется, чтоб ты понял, что я чудовищно умный малый. Что касается тебя, ты либо обман чувств, либо бог, либо выродившийся Реалист. Но кем бы ты ни был, ты солгал мне, и я знаю, что ты солгал, и не поверю в незначительность Юргена.

Послышался пронизывающий холодом шепот загорелого человека:

— Бедный дурак! Дрожащий, жестоковыйный дурак! Разве ты минуту назад не видел того, чего никогда не сможешь полностью забыть?

— Тем не менее я думаю, что во мне есть нечто непреходящее. Я скован трусостью, ослаблен жуткими

воспоминаниями и искалечен древней глупостью. И все же, мне кажется, я обнаруживаю в себе нечто постоянное и весьма прекрасное. Вместе со всем этим и вопреки всему, мне кажется, я действительно обнаруживаю это нечто. Какую роль это нечто должно сыграть после смерти моего тела и на какой сцене, я не могу предположить. Когда судьба постучится, я отворю дверь. Между тем я откровенно говорю тебе, загорелый человек: в Юргене есть нечто, слишком восхитительное, чтобы какой-то рассудительный третейский судья выкинул это на свалку. Я, по крайней мере, чудовищно умный малый, и, по-моему, весь я не умру. Да, как говорится, с протянутой рукой пройду весь край родной. И я верю, что смогу придумать какой-нибудь фокус и обмануть забвение, когда в этом возникнет нужда, — сказал Юрген, дрожа и задыхаясь, с плотно закрытыми глазами, но даже при этом полный решимости. — Конечно, ты, возможно, прав. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время...

— Но перед мнением дурака о самом себе, — воскликнул загорелый человек, — боги бессильны. О да, и к тому же ему завидуют!

А когда Юрген очень осторожно открыл глаза, загорелый человек уже оставил его, не причинив телесных повреждений. Но состояние нервной системы у Юргена было весьма плачевным.

ГЛАВА XX

Действенность молитвы

рген, дрожа, направился в Собор Святого Терновника в Камельяре и всю ночь молился там — не от раскаяния, а от страха. Он молился за умерших, чтобы их не стерли в ничто, — за умерших своих родственников, которых любил в детстве, и только за них. О людях, которых узнал позднее, он, похоже, не волновался или, по крайней мере, волновался не так сильно. Но он сложил своего рода молитву за госпожу Лизу: «Где бы ни была моя дорогая жена, Боже, прошу, чтобы я наконец смог прийти к ней и получить прощение!» — завывал он и гадал, действительно ли имеет это в виду.

Он забыл о Гиневре. И никто не знает ни того, каковы были в ту ночь мысли юной принцессы, ни того, читала ли она какие-либо молитвы в пустынном Судном Зале.

Утром на раннюю обедню пришло очень мало народа. Юрген усердно отстоял ее и вместе с остальными направился к выходу. Как раз перед ним остановился какой-то лавочник, чтобы вынуть камешек из башмака, а жена лавочника подошла к купели со святой водой.

— Сударыня, разрешите вас обслужить? — сказал привлекательный молодой помещик и предложил ей святую воду.

— В одиннадцать, — сказала жена лавочника, понизив голос. — Его не будет весь день.

— Моя дорогая, — проговорил ее муж, догоняя ее, — а кто этот молодой господин?

— Не знаю, милый. Никогда прежде его не видела.

— Он, определенно, очень учтив. Хотелось бы, чтобы побольше было таких, как он. И к тому же, весьма приятной внешности!

— Он? Не заметила, — безразлично произнесла жена лавочника.

А Юрген все видел, и слышал, и с жалостью рассматривал уходящую троицу. Ему казалось невероятным, что мир продолжает быть таким же, каким был до его приключения в Друидском лесу.

Он приостановился у распятия, преклонил колени и тоскливо поднял глаза.

— Если б можно было узнать, — говорил Юрген, — что на самом деле случилось в Иудее! Насколько бы все упростилось, если б все знали правду про Тебя, Человек на Кресте!

Тут мимо него проходил отслуживший обедню епископ Мерионский.

— Ваше высокопреосвященство, — по-простому сказал Юрген, — можете ли вы мне рассказать правду про этого Христа?

— На самом деле, мессир де Логрей, — отвечал епископ, — нельзя не посочувствовать Пилату при мысли, что правды про Него очень трудно добиться, даже теперь. Был ли Он Мельхиседеком, или Симом, или Адамом? Или Он поистине Логос? А в таком случае, что такое Логос? Если допустить, что Он — некий бог, — были ли правы ариане и сабиллиане? Всегда ли Он существовал, единосущный с Отцом и Святым Духом, или Он явился творением Отца, своего рода израильским Загреем? Был ли Он мужем Ахамот, той выродившейся Софии, как утверждают валентиниане? Или сыном Пантера, как говорят евреи? Или Калакау, как заявляет Василид? Или это всего лишь, как учили докеты, слегка окрашенное облако в виде человека, прошедшее от Иордана до Голгофы? Или правы меринтиане? Вот лишь несколько вопросов, мессир де Логрей, которые естественно возникают. И не все из них должны разрешаться впопыхах.

Сказав это, галантный священнослужитель поклонился, затем поднял три пальца в благословении и оставил Юргена, по-прежнему стоявшего на коленях перед распятием.

«Ох-хо-хо! — сказал Юрген самому себе. — Какое разнообразие интересных проблем, по сути дела, предлагает религия. И какое упоительное занятие предоставит разрешение этих проблем, раз и навсегда, мозгу

чудовищно умного малого! Что ж, может, для меня принятие сана будет самым подходящим делом. Возможно, это зов».

А на улице кричали люди. Юрген встал и отряхнул пыль с колен. А когда он вышел из Собора Святого Терновника, мимо проезжала кавалькада, увозившая госпожу Гиневру в объятия и на трон назначенного ей супруга. Юрген стоял на паперти Собора, и его мозг отчасти был занят теологией, но он по-прежнему не мог не замечать, как прекрасна эта юная принцесса в зеленом костюме и короне, ехавшая верхом на белой лошади, вся блистающая драгоценными каменьями. Проезжая мимо него, она улыбалась и поворачивала свое нежного цвета личико то в одну, то в другую сторону к ликующему народу и вообще не видела Юргена.

Так она ехала на свою свадьбу — та Гиневра, которая для рыцарственного народа Глатиона являлась символом красоты и непорочности. Толпа ее обожала, и все говорили о ней так, словно она была ангелом.

— Наша прекрасная юная принцесса!

— О, нигде нет ей подобной!

— И, говорят, никому ни одного грубого слова!..

— Ах, она самая восхитительная из дам!..

— И к тому же, так отважно это прелестное улыбающееся дитя, покидающее навсегда отчий дом!

— И так мила!

— ...Так благородна!

— Королю Артуру трудно быть достойным ее!

Юрген же сказал:

— Забавно, что к этим истинам мне пришлось бы добавить лишь еще одну — для того, чтобы бросить в принцессу большой булыжник! А самому быть разорванным на куски этими неприятными потными людьми, которые, слава Богу, больше меня не толкают!

Ибо паперть Собора внезапно опустела, потому что, пока проезжала процессия, герольды бросали зрителям серебро.

— У Артура будет прелестная королева, — говорит нежный, ленивый голос.

Юрген обернулся и увидел рядом с собой госпожу Анайтиду, которую люди называли Хозяйкой Озера.

— Да, ему можно позавидовать, — вежливо говорит Юрген. — Но разве вы не отправляетесь вместе с ними в Лондон?

— Нет, — говорит Хозяйка Озера, — потому что мое участие в этой свадьбе закончилось, когда я сегодня утром замешала прощальный кубок, из которого выпили принцесса и юный Ланселот. Он — сын короля Бана Бенвикского, вон тот высокий молодой человек в синих доспехах. Я неравнодушна к Ланселоту, ибо воспитала его на дне принадлежавшего мне озера и считаю, что этим он оказал мне честь. Также полагаю, что к этому времени госпожа Гиневра согласится со мной. Итак, мое участие в служении моему творцу закончилось, и я отправляюсь на Кокаинь.

— А что такое Кокаинь?

— Остров, которым я правлю.

— Я не знал, сударыня, что вы — королева.

— На самом деле существует множество вещей, неведомых вам, мессир де Логрей, в мире, где никто не имеет достоверного знания относительно чего угодно. Это мир, где люди живут лишь очень недолго, и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий.

— Я считаю, — говорит Юрген, тогда как его сознание содрогнулось от того, что он видел и слышал в Друидском лесу, — что вы говорите мудрые слова.

— Значит, на Кокаине мы все мудрецы, потому что такова наша религия. Но о чем вы думаете, герцог Логрейский?

— Я думал, — говорит Юрген, — что ваши глаза не похожи на глаза любой другой женщины, которую я когда-либо видел.

С улыбкой эта темная женщина спросила его, в чем же разница, и он с улыбкой ответил, что не знает. Они осторожно рассматривали друг друга. Во взглядах друг друга испытанные игроки признавали достойных соперников.

— Значит, вы должны отправиться со мной на Кокаинь, — говорит Анайтида, — и увидеть, если не можете обнаружить сейчас, в чем заключена разница.

Это не тот вопрос, который я хотела бы оставить неразрешенным.

— С вашей стороны это кажется довольно справедливым, — говорит Юрген. — Да, несомненно, я должен обращаться с вами честно.

Затем они вдвоем покинули Собор Святого Терновника. Отправлявшихся в Лондон сейчас уже было не видно и не слышно, что, возможно, объяснялось тем, что Юрген больше не занимался мудрыми размышлениями о Гиневре, которая на некоторое время исчезла из жизни Юргена. А она в это время беседовала с Ланселотом.

ГЛАВА XXI

Как путешествовала Анайтида

альше история рассказывает, что Юрген и Хозяйка Озера вскоре достигли причалов Камельяра и взошли на борт корабля, доставившего Анайтиду и Мерлина в Глатион. Этот корабль, по всем признакам, был пуст, однако его шафрановые паруса были подняты, словно готовые к отплытию корабля.

— Команда, наверно, борется за щедрые дары и дерется из-за серебряных монет Гогирвана, — говорит Анайтида, — но, думаю, они вскоре вернутся. А мы сядем здесь, на носу, и подождем, пока они развлекаются.

— Но судно уже движется, — говорит Юрген, — и я слышу позади стук серебряных цепей и хлопанье шафрановых парусов.

— Они большие проказники, — улыбнулась Анайтида. — Очевидно, они спрятались от нас, делая вид, что на борту никого нет. Теперь они хотят удивить нас тем, что корабль выйдет в море будто бы сам по себе. Но мы разочаруем этих веселых мошенников, притворившись, что не замечаем ничего необычного.

Поэтому Юрген и Анайтида сели в два высоких кресла, стоявших на носу корабля под балдахином из малиновой ткани, расшитой золотыми драконами, как раз у ростры, представлявшей собой дракона, раскрашенного тридцатью цветами; а судно вышло из гавани и направилось в открытое море. Так они миновали Энисгарт.

— Странная вам служит команда, Анайтида, королева Кокаиня: я слышу их разговоры у нас за спиной, но их язык — сплошной писк и щебетанье, словно переговариваются крысы и летучие мыши.

— Поймите, что они — чужеземцы, говорящие на собственном диалекте, и не похожи на какой-либо виденный вами народ.

— На самом деле это весьма вероятно, так как я не видел никого из вашей команды. Порой же по палубе словно проносится некое мерцание, и это все.

— То лишь нагретый воздух, поднимающийся от палубы, ибо день теплее, чем вы думаете, сидя здесь под балдахином. И, кроме того, какая нужда нам с вами беспокоиться по поводу проделок обыкновенных моряков, покуда они выполняют свои обязанности?

— Я думал, о женщина с необычными глазами, что они едва ли простые моряки.

— А я думала, герцог Юрген, рассказать вам про Старых Богов и приятно скоротать время, пока мы сидим здесь безмятежно, как бог и богиня.

Тут они миновали Камвей, и Анайтида начала излагать историю Анистара и Кальмуры и необычных уступок, которые они делали друг другу, и того, как Кальмура удовлетворяла пятерых любовников. И Юрген нашел этот рассказ возмутительным.

Пока Анайтида говорила, небо потемнело, словно солнце, устыдившись, закрылось облаками; и они вторглись в серый полумрак, который неуклонно густел над спокойным морем. Так они миновали огни Саргилла, самого дальнего из Красных Островов, а Анайтида говорила о Прокриде, царе Миносе и Пасифае. Когда воздух обесцветился, в море обнаружились новые цвета, которые теперь принимали различные оттенки воды, давно уже ставшей неподвижной. А над морем нависла тишина, так что нигде не слышалось никаких звуков, кроме голоса Анайтиды, говорившей:

— Все люди живут лишь очень недолго, и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий.

Так они приблизились к невысокому голому берегу, на котором не было видно признаков обитания людей. Анайтида сказала, что это та самая земля, которую они искали, и они ступили на берег.

— Даже сейчас, — сказал Юрген, — я не вижу никого из команды, доставившей нас сюда.

А прекрасная темная женщина пожала плечами и подивилась, почему его постоянно беспокоит поведение простых матросов.

Они прошли по берегу, миновав песчаные холмы, к какому-то болоту, никого не видя в сером тумане. На пути им встретилось большое количество жирных и вялых серых червей и несколько любопытных серых пресмыкающихся, которые, по представлениям Юргена, никогда не существовали. Анайтида сказала, что эти твари их не тронут.

— Так что нет нужды хвататься за ваш волшебный меч, герцог Юрген, эти огромные черви никогда никому не причиняли вреда.

— Кого же тогда они тут подкарауливают среди этого серого тумана, в котором подрагивают зеленые огоньки, а временами слышатся слабые далекие завывания?

— Что вам до этого, герцог Юрген, если мы с вами по-прежнему в полном здравии? Наверняка никогда не существовало человека, который задавал бы так много праздных вопросов.

— Однако это весьма неуютный полумрак.

— С другой стороны, вы должны радоваться, что туман такой плотный и сквозь него не проникает Луна.

— Но какое мне дело до Луны?

— Пока никакого. Но дело у вас будет, герцог Юрген, поскольку достоверно сообщено, что вы насмехались над днем, посвященным Луне. А Луна не любит насмешек, насколько я знаю, ведь отчасти я служу Луне.

— Что? — удивился Юрген и начал размышлять.

Так они дошли до высокой серой стены и до двери в стене.

— Вы должны постучать два или три раза, — сказала Анайтида, — чтобы попасть в мою страну.

Юрген осмотрел бронзовый дверной молоток и ухмыльнулся, чтобы скрыть смущение.

— Причудливая фантазия, — сказал он, — и две составляющие ее выглядят, как живые.

— Они очень точно скопированы с Адама и Евы, — сказала Анайтида, — которые были первыми, кто открыл эти врата.

— Что ж, тогда, — проговорил Юрген, — нет ни малейшего сомнения, что люди вырождаются, поскольку здесь у меня под рукой доказательство этого.

Затем он постучал, дверь отворилась, и они вдвоем вошли внутрь.

ГЛАВА XXII,

Касающаяся разорванной завесы

от так Юрген попал на Кокаинь, где находилась опочивальня Времени. А Время, как сообщают, прибыло вместе с Юргеном, поскольку Юрген смертен. И, говорят, Время наслаждалось отдыхом после тяжелого труда по разрушению (камень за камнем) городов; и с уставшими после кропотливой работы по гравировке морщин глазами оно радостно вошло в опочивальню и легло спать сразу после заката в тот прекрасный вечер в конце июня. Поэтому погода оставалась отличной и неизменной, без каких-либо ослепительных лучей солнца, а лишь с одной большой звездой, светившей чистым светом дня. Это была звезда Венеры Механитиды, и Юрген позднее весьма забавлялся, наблюдая, как эту звезду катит по небесному своду большой жук по имени Хепри. А деревья повсюду сохраняли первые свежие листочки, и птицы распевали свои праздные вечерние песни во время всего пребывания Юргена на Кокаине, ибо Время ушло спать в приятнейший час самого приятного времени года. Так рассказывает история.

А тень Юргена также вошла вместе с ним, но на Кокаине, как и в Глатионе, никто, кроме Юргена, похоже, не замечал этой любопытной тени, которая повсюду сопровождала его.

На Кокаине у королевы Анайтиды был дворец, бесчисленные купола и шпили которого сверкали нежной белизной над верхушками старого сумрачного леса, где растительность не была похожа на что-либо, вскормленное обычной землей. В этом лесу, например, можно было увидеть необычайный мох, заставивший Юргена содрогнуться. Так Анайтида и Юрген прошли по узким тропинкам, напоминавшим шелестящие зе-

леные пещеры, во дворик, обнесенный желтой мраморной стеной и мощеный таким же мрамором, где не было ничего, кроме матового изваяния некоего бога с десятью головами и тридцатью четырьмя руками: он изображался вскармливаемым некоей женщиной, а незанятыми руками держал еще и других женщин.

— Это Шинджешед, — сказала Анайтида.

Юрген же сказал:

— Я его не осуждаю. Тем не менее, по-моему, этот Шинджешед доводит все до крайности.

Затем они прошли мимо изваяния Тангаро Лолокуонга, а потом — изваяния Легбы. Юрген почесал подбородок, и тот покраснел.

— Несомненно, королева Анайтида, — сказал он, — у вас необычный вкус в подборе скульптур.

После Юрген зашел вместе с Анайтидой в какую-то белую комнату с медными панелями, и там четыре девушки нагревали воду на медном треножнике. Они искупали Юргена, по ходу дела одаривая его поразительными ласками — языком, волосами, ногтями и сосками, — и они помазали его четырьмя маслами, а затем вновь надели на него блестящую рубаху. В Калибуре, как сказала Анайтида, сейчас нужды не было, и меч повесили на стену.

Эти девушки принесли серебряные чаши с вином, смешанным с медом, и еще они принесли гранаты, яйца, ячмень и треугольные, красного цвета хлебы, которые они с надлежащими телодвижениями посы́пали сладко пахнувшими зернами. Затем Анайтида и Юрген разговлялись на па́ру, а четыре девушки им прислуживали.

— А теперь, — сказал Юрген, — а теперь, моя дорогая, я бы предложил заняться поиском тех любопытных удовольствий, о которых вы мне рассказывали.

— С большой охотой, — отвечала Анайтида, — поскольку эти наслаждения все до единого достигаются каким-либо отклонением человеческой природы. Однако вначале мне нужно настоятельно сообщить вам, что должен быть соблюден некий церемониал.

— И что же это за церемониал?

— Мы называем его Разрыванием Завесы, — и

королева Анайтида объяснила, что они обязаны делать.

— Что ж, — согласился Юрген, — я готов отведать любой напиток.

И Анайтида провела Юргена в своеобразную часовню, украшенную весьма необычной росписью. Там было четыре раки, посвященные по отдельности Св. Космо, Св. Домиану, Св. Гиньолю Брестскому и Св. Футену де Варелю. В этой часовне находился некий человек в капюшоне и длинных одеждах в белую и желтую полоску и два голых ребенка — девочки. Одна из них махала кадилом, другая же держала в правой руке ярко-синий кувшин, наполовину наполненный водой, а в левой — погребец с солью.

Прежде всего человек в капюшоне подготовил Юргена.

— Вот копье, — сказал человек в капюшоне, — которое должно послужить тебе в сем приключении.

— Я благосклонно отношусь к приключениям, — ответил Юрген, — и верю, что оружие достойно того.

Человек в капюшоне сказал:

— Да будет так! Но каков сейчас ты, таким прежде был я.

Между тем герцог Юрген поднял копье правой рукой и потряс им. Копье было большое, а его конец красен от крови.

— Смотри! — сказал Юрген. — Я человек, рожденный женщиной непостижимым образом. Сейчас же я, будучи чудесным, избран достойным совершить чудо и сотворить то, чего сам не могу постичь.

Анайтида взяла у девочки соль и воду и смешала их.

— Пусть соль земли даст возможность скудной жидкости принять на себя добродетель изобилующего моря!

Затем, встав на колени, она коснулась копья и начала с любовью его поглаживать. Юргену же она сказала:

— Да воспылаешь ты теперь душою и телом! Да будет бесконечный Змей твоим венцом, а плодоносный огнь солнца твоей силой!

Вновь заговорил человек в капюшоне:

— Да будет так! — голос у него был высокий и блеющий из-за того, что с ним сделали.

— Посему мы также взываем к тому, что не можем понять, — сказал Юрген. — Клянусь мощью поднятого копья, — и тут он левой рукой взял руку Анайтиды, — я, будучи человеком, рожденным женщиной непостижимым образом, сейчас ухватил то единственное, чего желаю всем своим существом. Я поведу тебя на восток. Я вознесу тебя над землей и надо всем, что есть на земле.

Тут Юрген поднял королеву Анайтиду так, что та села на жертвенник, а все, лежавшее там прежде, свалилось на пол. Анайтида совместила кончики всех пальцев, так что ладони образовали треугольник, и стала ждать. У нее на голове была сетка из красного коралла, ветви которого смотрели вниз; ее просвечивающая туника имела двадцать два отверстия, чтобы позволить всевозможные ласки, и была двухцветна — черный цвет причудливо переплетался с малиновым; ее темные глаза засверкали, а дыхание участилось.

Теперь человек в капюшоне и две обнаженные девочки исполнили свою роль в церемониале, увековечивать которую не обязательно. Но Юрген был весьма этим потрясен.

Тем не менее он сказал:

— О струна, что связывает круг звезд! О чаша, что содержит все времена, все цвета и все мысли! О Душа пространства, ни одного Твоего образа мы не достигаем, если Твой образ не являет Себя в том, что́ мы собираемся делать. Посему каждым растеньем, что разбрасывает свои семена, и влажным теплым садом, что принимает и вскармливает их, смешением кровопролития с наслаждением, радостью, что подражает тоске вздохами и дрожью, и удовлетворением, что подражает смерти, — всем этим взываем мы к Тебе. О Ты, непрерывная, чья воля заботится о сих детях и кому поклоняюсь в сем прекрасноцветном и нежном женском теле, Тебя я чту, а не некую женщину, делая

то, что, по-моему, хорошо; и это Ты, кто вот-вот заговорит, а не она.

Тут Анайтида сказала:

— Да, я говорю языком любой женщины и сияю в глазах любой женщины, когда поднято копье. Служить мне лучше, чем кому бы то ни было. Когда ты взовешь ко мне сердцем, в котором пламя змея зажглось хотя бы на миг, ты поймешь наслаждения моего сада и то, какая несказанная радость бьется в нем и как сильно единственное желание, истощающее всего мужчину. Чтобы служить мне, ты будешь готов отдать все, что есть у тебя в жизни; а другие удовольствия ты возьмешь в левую руку, не думая о них; ибо я есмь желание, расточающее всего мужчину и ничего не теряющее. И я принимаю тебя, я жажду тебя, я — дочь и больше, чем дочь Солнца. Я, которая есмь все удовольствия, все крушения, все опьянение внутренних чувств, желаю тебя.

Юрген держал копье вертикально перед Анайтидой.

— О тайна всего сущего, сокрытая в бытии всего живущего, теперь, когда копье возвышено, я не страшусь Тебя. Ты во мне, и я есмь Ты. Я есмь пламя, горящее в любом бьющемся сердце и в ядре любой далекой звезды. Я также есмь жизнь и то, что дает жизнь, и во мне также смерть. Чем Ты лучше меня? Я — един, моя воля есть справедливость, и туда, где я нахожусь, не приходит другой бог.

А человек в капюшоне позади Юргена сказал:

— Да будет так! Но каков сейчас ты, таким прежде был я.

Два голых ребенка стояли по обе стороны от Анайтиды и дрожали в ожидании. Этими девочками, как Юрген узнал впоследствии, были Алекто и Тисифона, две Евмениды. И теперь Юрген наклонил красное острие копья так, что то вошло в треугольник, образованный пальцами Анайтиды.

— Я есмь жизнь и то, что дает жизнь! — воскликнул Юрген. — Ты же та, что расточает все! Я, человек, рожденный женщиной, на своем месте чту Тебя, почитая желание, которое истощает всего мужчину. Открой посему путь творенья, ободри пылающий

прах в наших сердцах и помоги нам в увековеченье сего пламени! Ибо разве это не Твой закон?

Анайтида ответила:

— На Кокаине нет другого закона, кроме одного: «Делай то, что, по-твоему, хорошо».

Затем заговорили голые дети:

— Вероятно, это закон, но определенно не справедливость. Однако мы малы и совершенно беспомощны. Поэтому вскоре должны сделаться такими, как вы; сейчас вы двое — уже единое целое, и ваша плоть не разделена между вами. Ваша плоть становится нашей плотью, а ваши грехи — нашими грехами; а у нас нет выбора.

Юрген снял Анайтиду с жертвенника, и они зашли за алтарь и стали искать святая святых. За алтарем, казалось, не было никаких дверей, но вскоре Юрген нашел проем, закрытый розовой завесой. Юрген сделал выпад копьем и разорвал эту завесу. Он услышал короткий вопль, а за ним последовал нежный смех. Так Юрген вошел в святая святых.

В этом месте горели черные свечи, и там также горела сера перед алым крестом, в верхней части которого располагалась окружность, и к нему была пригвождена живая жаба. Юрген заметил и другие любопытные вещи, наподобие этой.

Он рассмеялся и обернулся к Анайтиде. Теперь, когда свечи оказались у него за спиной, она стояла в его тени.

— Ну и ну! Вы слегка старомодны со всеми этими двусмысленными «ритуалами». Я и не знал, что цивилизованные люди еще сохраняют достаточно доверчивости, чтобы вызвать страх приманкой в виде бога. Все же женщинам надо потакать — будь они благословенны! — и, наконец, как я понимаю, мы совершенно честно выполнили весь церемониал, необходимый для достижения любопытных удовольствий.

Королева Анайтида была очень красива даже в тени Юргена. Под любопытной коралловой сеткой гордое лицо стало, к тому же, и ликующим, однако вместе с тем лицо этой женщины было грустным.

— Милый мой дурачок, — сказала она, — когда

ты пел о Леших, было весьма недальновидно нанести оскорбление понедельнику. Но ты об этом забыл. А теперь ты смеешься, поскольку не понимаешь того, что мы сделали. И равным образом не понимаешь, кто я такая.

— Неважно, кем ты можешь быть, моя милая, я уверен, что ты вскоре все мне расскажешь. Полагаю, ты собираешься честно обходиться со мной.

— Я сделаю то, что мне подобает, герцог Юрген...

— Точно так, моя милая! Ты намерена быть верной самой себе, что бы ни случилось. Такое стремление делает тебе большую честь, и я попытаюсь тебе помочь. Сейчас я заметил, что любая женщина наиболее верна себе, — загадочно произнес Юрген, — в темноте.

Юрген какое-то время смотрел на нее, и в его глазах играли огоньки. Наконец Анайтида, стоя в его тени, улыбнулась, а ее глаза запылали. Затем Юрген задул черные свечи. И стало совершенно темно.

ГЛАВА XXIII

Недостатки принца Юргена

се описанные события произошли до Иванова дня. А дальше Юрген жил на Кокаине и подчинялся обычаям этой страны.

Во дворце королевы Анайтиды всеми видами времяпрепровождения занимались без каких бы то ни было поблажек кому-либо. Юрген, считавший себя серьезным авторитетом в отношении подобных выдумок, вскоре был поражен собственной невинностью. Анайтида показала ему во всей красе все, что делалось на Кокаине под ее руководством, а Юрген нашел ее персонажем природного мифа сомнительного происхождения, связанного с Луной. И она, следовательно, правила не только на Кокаине, но и украдкой раскачивала волны жизни повсюду, где Луна имела власть над волнами. Миссией Анайтиды было отклонять, отворачивать и отвлекать: к этому подстрекала ее ревнивая Луна, потому что солнечный свет содействует прямоте. Так Анайтида и Луна стали верными союзницами. Однако таинства их личных отношений, открывшиеся Юргену, не очень удобно здесь повторять.

— Но ты обесчестил Луну, принц Юрген, отказавшись петь хвалу дню Луны. Или так, по крайней мере, я слышала.

— Не помню, чтобы я делал нечто подобное. Но помню, что считал несправедливым уделять величию Луны один ничтожный день. Ибо для Луны священна ночь — каждая ночь, что всегда являлась подругой влюбленных, — ночь, которая возобновляет и порождает всю жизнь.

— На самом деле в этом доводе что-то есть, — с сомнением сказала Анайтида.

— Ты говоришь «что-то»? Но, по моему разумению,

это доказывает, что Луна ровно в семь раз более почитаема, нежели любая из лешачих. Это, милая моя, простая арифметика.

— Так по этой причине ты не воспел Понедельницу и ее понедельники наряду с другими лешачихами?

— Разумеется, — горделиво сказал Юрген. — Я вообще не нашел достойным восхваления то, что такая незначительная лешачиха, как Понедельница, должна называть свой день в честь Луны. Мне это показалось кощунством. — Тут Юрген кашлянул и посмотрел на свою тень. — Будь это Середа, дело приняло бы совсем иной оборот, и Луна могла бы вполне оценить тонкий комплимент.

Анайтида казалась успокоенной.

— Я доложу о твоем объяснении. Откровенно говоря, о тебе, принц Юрген, накопилось много дурного, потому что твой язык был неправильно понят. Но то, что ты сейчас говоришь, представляет дело совершенно в ином свете.

Юрген засмеялся, не понимая этой тайны, но уверенный, что всегда смог бы сказать то, что от него требуется.

— Давай теперь полюбуемся еще немного Кокаинем! — воскликнул Юрген.

Юрген весьма интересовался повседневными делами Кокаиня и неделю или десять дней прилежно принимал в них участие. Анайтида, сообщившая, что самолюбие Луны удовлетворено, теперь не тратила сил на его развлечения, и они вместе исследовали бесчисленные виды времяпрепровождения.

— Все люди живут лишь очень недолго, — сказала Анайтида, — и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий, — сказала Анайтида. И она открыла своему принцу-консорту всевозможные изобретения этого рода.

Ибо Юрген обнаружил, что неведомо как он должным и соответствующим образом женился на королеве Анайтиде, приняв участие в Разрывании Завесы, что на Кокаине являлось брачной церемонией. Его прежние отношения с госпожой Лизой, конечно, не имели законного статуса на Кокаине, где церковь не была

христианской, а Закон гласил: «Делай то, что, по-твоему, хорошо».

— Значит, находясь в романских странах, — сказал Юрген, — нужно быть романтиком. Но, определенно, это доказывает, что никто не знает, когда попадется в ловушку добропорядочности; и никогда еще молодой красивый малый не женился на величественной королеве с меньшей преднамеренностью.

— Ах, мой милый, — отозвалась Анайтида, — нами правит перст Судьбы.

— Мне не совсем нравится такая фигура речи. Кажется слишком тривиальным управляться каким-то пальцем. Нет, не вполне лестно называть то, что побуждает меня, пальцем.

— Тогда длинной рукой совпадения.

— Намного более подходяще, любовь моя, — благодушно сказал Юрген. — Звучит более достойно и не ранит мое самолюбие.

Эта самая Анайтида, которая являлась королевой Кокаиня, была изящной высокой смуглой женщиной, стройной, миловидной и весьма неугомонной. С самого начала ее новый супруг был поставлен в тупик ее рвением, а вскоре оно начало его раздражать. Он застенчиво отказывался понимать, как кто-то может быть настолько без ума от Юргена. Это казалось неблагоразумным. А в более страстные мгновения эта мифическая личность его решительно пугала. Ибо подобные восторги могли лишь неприятным образом напомнить паучиху, которая заканчивает такие увеселения пожиранием своего партнера.

«Быть любимым в такой манере весьма лестно, — обычно размышлял он, — и опять-таки я же Юрген, ни у кого не требующий форы. Но даже при этом я смертен. Ей следует это помнить хотя бы из простой справедливости».

К тому же, ревность Анайтиды, в большей степени лестная, в той же степени не лезла ни в какие ворота. Она подозревала всех, похоже, уверенная, что любая грудь вынашивает безумную страсть к Юргену и ему ни на миг нельзя доверять. В общем, как искренне признавал Юрген, его поведение со Стеллой, этой родившейся под несчастливой звездой йогиней из Индавади, в сущности, открывало, если посмотреть с особой

и совершенно бессовестной точки зрения, некую грань, которая, будучи выделена поспешно судящими людьми, могла бы, вполне вероятно, показаться, хотя и достаточно отдаленно, приближающейся в некоторых отношениях к временному забвению Анайтиды, если на самом деле где-нибудь есть настолько умственно ущербные люди, чтобы найти подобное забвение постижимым.

Но самой главной, по-настоящему важной особенностью, которую Анайтиду нельзя было заставить понять, являлось то, что она мешала своему супругу в том, что, в действительности, было философским экспериментом, обязательно проводимым в темноте. Мантры, необходимые для шакти-содханы, всегда исполнялись в темноте: это всем известно. Что касается остального, эта Стелла делала голословные заявления. Из соображений простой беспристрастности она имела право на возможность доказать их, если б могла. Поэтому Юрген продолжал обращаться с ней честно. Кроме того, зачем говорить об этой Стелле после отмщения, настолько зрелищного и тщательного, как то, к которому скоропалительно прибегла Анайтида? Зачем возвращаться к теме, которая отвратительна для Юргена и явно раздражает самую дорогую мифическую личность всех легенд? Вполне ли это честно по отношению ко всем заинтересованным особам? Вот так чувственно изложил это Юрген.

Все же он искренне обожал Анайтиду. Не считая ее эксцентричности, вызываемой страстью, она была благородным и добрым созданием, хотя, по мнению Юргена, до некоторой степени недалеким и ограниченным.

— Любовь моя, — обычно говорил он ей, — ты, кажется, решительно не способна держаться в стороне от добродетельных личностей! Ты всегда выискиваешь людей, которые стремятся быть прямыми и открытыми, и ты вечно составляешь планы, как этих людей отвлечь. Но зачем о них беспокоиться? Какая тебе нужда растрачивать себя и посвящать все свое время подобному обращению в собственную веру, когда можно было бы заняться более приятными делами? Ты должна научиться, из справедливости как к самой себе, так и к другим, терпимости и признать, что в сме-

шанной природе человека тяга к порядочности склонна то и дело развиваться, какими бы ни были твои предпочтения.

Но Анайтида имела высокое мнение о своей миссии и просто сказала, что Юргену не следует легкомысленно говорить о подобных материях.

— Я была бы намного счастливее, оставаясь дома с тобой и детьми, — говорила она, — но чувствую, что это мой долг...

— Во имя Небес, долг кому?

— Пожалуйста, не употребляй таких отвратительных выражений, Юрген. Это мой долг силе, которой я служу, — мой самый главный долг моему творцу. Но, боюсь, у тебя нет религиозного чувства. И это меня весьма огорчает.

— Но, моя милая, ты же совершенно уверена в том, кто тебя создал и с какой целью. Вы, мифические существа, созданы в Мифопоэтический век извращенностью древних языческих народов. И ты служишь своему творцу преданно. Совершенно так, как и должно быть. Но у меня нет подобной достоверной информации о моем происхождении и предназначении в жизни. Я, в любом случае, похоже, не имею природного дара к развлечениям. Я не принимаю этого всем сердцем, и таковы факты, которым нам приходится смотреть в лицо. — Тут Юрген обнял ее. — Моя милая Анайтида, ты не должна думать, что с моей стороны это обыкновенный эгоизм. У меня с рождения не хватает чего-то, что необходимо любому, кто стремится быть таким же заблуждающимся, как и большинство людей: и тебе придется любить меня несмотря на это.

— Мне почти хочется, чтобы я никогда тебя не встречала, как встретила в том коридоре, Юрген. Ибо я тотчас же почувствовала влечение к тебе. Мне почти хочется, чтобы я вообще тебя не встречала. Я не могу не любить тебя, однако ты смеешься над тем, что, как я знаю, от меня требуется, а порой ты и меня заставляешь смеяться.

— Но, дорогая, разве ты не просто маленькая, крошечная, очень мелкая и мелочная фанатичка? Например, я вижу, что, по-твоему, мне следует проявлять больше интереса к твоим поразительным танцам, твоим странным удовольствиям, твоим удивительным ла-

скам и всем остальным искусным развлечениям. И, по-моему, они делают тебе честь, огромную честь, и я восхищаюсь твоей изобретательностью не менее, чем твоим усердием...

— У тебя нет чувства благоговения, Юрген. У тебя, похоже, вообще нет никакого ощущения того, что мы — должники творца. Полагаю, ты ничего не можешь поделать, но ты мог бы, по крайней мере, помнить, что меня раздражают твои дерзкие разговоры о моей религии.

— Но я не говорю дерзко...

— На самом деле говоришь. И позволь сказать тебе, это вообще звучит весьма дурно.

— ...Вместо этого я лишь указываю, что твое кредо в целом неизбежно влечет за собой пыл, которого мне недостает. Ты, моя крошка, сотворена извращением. И каждый знает, что часть благочестия — почитание своего творца так, как угодно этому творцу. Поэтому я не критикую твои религиозные связи, моя милая, и никто не восхищается церемониями твоей веры искреннее меня. Я просто признаюсь, что столь частое совершение этих обрядов требует поддержания вдохновения, которое выше моих сил. Короче, я не обладаю твоим горячим темпераментом, я более скептичен. Возможно, ты права. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!.. Вот так я это ощущаю, моя драгоценная, и вот почему обнаруживаю, при постоянном повторении этих церемоний, определенный недостаток твердости, проявляющийся в моих ответах. И, в конце концов, дорогая, это все.

— Я никогда во всех своих воплощениях не имела подобного принца-консорта! Иногда я думаю, что я тебя, так или иначе, нисколечко не волную, Юрген.

— О, ты меня очень даже волнуешь. И чтоб доказать это, давай испробуем какое-нибудь новое развлечение, при виде которого потемнеют небеса, а земля содрогнется, или случится что-либо в этом же духе. А потом, как и обещал, я возьму детей на рыбалку.

— Нет, Юрген, мне не хочется развлекать тебя прямо сейчас. Ты своими ухмылками лишил это таинство всей торжественности. Кроме того, ты и так всегда с детьми. Юрген, я считаю, что ты любишь детей

больше, чем меня. А когда ты не с ними, ты запираешься в библиотеке.

— Интересно, существовала ли когда-нибудь еще такая сокровищница, как библиотека Кокаиня? Я нахожу там упоминания об всех развлечениях, которыми занимались вы — мифические существа: а чтение о твоих остроумных задумках доставляет мне наслаждение и сводит меня с ума. Крайне интересно размышлять о диковинных удовольствиях, а слагать о них стихи — самое привлекательное занятие в часы досуга: от простого участия в них я бы отговаривал как от разочаровывающе беспорядочного. Кроме того, библиотека — единственное место, которое есть у меня в этом дворце при всех твоих коллегах-божествах, занимающихся своими делами в каждом углу.

— Юрген, мне при моем положении необходимо, так или иначе, принимать гостей. И, определенно, я не могу закрыть двери перед своими родственниками.

— Однако, моя дорогая, какие же это подонки! Какие-то отбросы! Не могу поздравить тебя с твоей родней, вообще не могу примириться с этими лоскутными созданиями, которые на одну треть — человек, а на две трети — какая-нибудь вульгарная часть быка, ястреба, козла, змеи, обезьяны, шакала или кого-то еще. Приап — единственный мифический персонаж, появляющийся здесь в чем-то похожем на человеческий облик; и мне бы решительно хотелось, чтобы он здесь не бывал, поскольку даже я, Юрген, не могу ему не завидовать.

— И почему же?

— Тогда как я благоразумно вооружен Калибуром, Приап носит копье, возможностям которого я завидую...

— Как все персонажи вакхических мифов, он обычно носит тирс, а это, несомненно, оружие только для видимости. В настоящем поединке им особо и не воспользуешься.

— Моя дорогая! Откуда ты знаешь?

— Но, Юрген, откуда женщины всегда знают о подобных вещах?.. Полагаю, это интуиция.

— Ты имеешь в виду, что оцениваешь все происходящее скорее чувствами, нежели рассудком? На самом деле, смею сказать, что это справедливо по отношению

к большинству женщин, а мужчины ежедневно горячатся и радуются, почти в равной мере, из-за вашего нелогичного способа сопоставления вещей. Но, возвращаясь к конгениальной задаче критики твоих родственников, твой кузен Апис, к примеру, возможно, очень хороший малый. Но говори, что хочешь, а с его стороны неразумно разгуливать на людях с бычьей головой. Это неизбежно делает его внешность подозрительной, если не по-настоящему нелепой. И когда я пытаюсь с ним заговорить, это выбивает меня из колеи.

— Но, Юрген, пожалуйста, помни, что ты говоришь о всеми уважаемом мифическом существе, и ты, будучи непочтительным...

— ...Более того, позволю себе повторить, моя дорогая, что даже если этот Ба Мендесский — твой кузен, мне до глубины души неудобно встречаться в обществе с козлом на три четверти...

— Но, Юрген, я же, понятное дело, должна приглашать плодовитого Ба на пиры Саков...

— Даже при этом, моя милая, рассылая приглашения, хозяйка может справедливо надеяться, что ее гости не будут вести себя, как животные. Мне часто хочется, чтобы такая простая, обычная вежливость более строго соблюдалась Ба, Гортаном, Фрикко, Вулем, Ваал-Фегором и всеми остальными кузенами, которые посещают тебя в подобном зоологически беспорядочном виде. Это показывает определенное отсутствие уважения к тебе, моя дорогая.

— Но, Юрген, это же все в кругу семьи...

— Кроме того, они же не умеют поддержать разговор. Просто мычат — или щебечут, или блеют, или мяукают, в соответствии со своим воплощением, — о невыразимых таинствах и чудовищных удовольствиях до тех пор, пока их слабоумие не доводит меня до предела добродетельности.

— Если бы ты был более практичен, Юрген, ты бы осознал, что за каждого великолепно говорит настоящая заинтересованность своим делом...

— А твои родственницы просто раздражают своим вечным нашептыванием загадок, своими ущербными месяцами, мистическими розами, меняющими цвет и требующими постоянного ухода, своей жалкой верой в то, что у меня есть время валять с ними дурака.

И вся эта свора занимается символизмом до тех пор, пока дом решительно не захламляется ашерами, гребнями, фаллосами, лингами, йони, аргами, пуллеярами, талисами и не знаю какими еще идиотскими безделушками, на которые я постоянно наступаю!

— Какая из этих шалуний лебезила перед тобой? — спросила Анайтида, сверкнув глазами.

— Ох-хо-хо! Многие из твоих кузин достаточно соблазнительны...

— Я знала! Но не думай, что ты водил меня за нос!..

— Дорогая моя, пожалуйста, рассуди сама! Будь по отношению к этому благоразумна! Твои гостьи в настоящее время — Сехмет в образе львицы, Ио, воплощенная в корову, Хекет в облике лягушки, Деркето в виде стерляди, и — о да! — Таурт в виде бегемотихи. Я оставляю на твоей совести, милая Анайтида, то, что такая прелестная мифическая личность, как ты, может ревновать к дамам с подобными вкусами в одежде.

— И я прекрасно знаю, кто она! Это та ефесская потаскуха! Я несколько раз отмечала ее подозрительное поведение. Отлично! В самом деле, отлично! Тем не менее у меня для нее когда-нибудь найдется пара ласковых слов, и чем быстрее она уберется из моего дома, тем лучше, скажу тебе абсолютно честно. А что касается тебя, Юрген!..

— Но, моя милая Лиза!..

— Как ты меня назвал! «Лиза» никогда не было моим эпитетом. Почему ты называешь меня Лизой?

— Это оговорка, моя крошка, невольная, но далеко не неестественная ассоциация. Что же касается Дианы Ефесской, то она напоминает мне одушевленную сосновую шишку, усыпанную всеми этими грудями, и могу тебя уверить, что у тебя нет особого повода к ней ревновать. Я же говорил о мифических женских существах вообще. Конечно, они мне все строят глазки: я ничего не могу поделать, а ты должна была это предчувствовать, когда выбирала себе такого привлекательного супруга. Какое значение имеют эти бедные влюбленные создания, когда мое сердце принадлежит тебе?

— Я беспокоюсь не о твоем сердце, Юрген, так как

считаю, что его у тебя нет. Да, ты вполне преуспел в доведении меня до безумия, если только для тебя это хоть какое-то успокоение. Однако давай не будем об этом больше. Сейчас мне необходимо отправиться в Армению для участия в оплакивании Таммуза. Люди просто не поймут, если я не явлюсь на столь важную оргию. И я не столько извлеку из этой поездки какую-то выгоду, сколько мне нужна смена обстановки, потому что, не говоря уж о твоем знаменитом сердце, ты всегда готов к двойной игре, и не знаю, в какие еще неприятности ты можешь себя втянуть.

Юрген рассмеялся и поцеловал ее.

— Отправляйся и исполняй свой религиозный долг, дорогая, в полную меру. А я обещаю тебе, что запрусь в библиотеке до твоего возвращения.

Так Юрген жил среди отпрысков языческой извращенности и приспосабливался к их обычаям. Они заявляли, что смерть — конец всему навсегда, а жизнь — коротка. Ибо, сколько недолгих лет проживут люди и насколько быстротечен этот самый утонченный и отталкивающий природный миф, разъяснялось Филологами. Так что мудрец и равным образом все предвидящее мифическое существо получит сполна удовольствий, пока еще есть время получить что угодно, и не внесет ни малейшего залога за желание и пыл задавать вопросы.

— Но в полную меру! — сказал Юрген и послушно увенчал себя гирляндой из роз, выпил вина и поцеловал Анайтиду. Когда пир Саков был в полном разгаре, он шепнул Анайтиде: — Я вернусь через минуту, дорогая, — и она мило нахмурилась, когда он тихонько соскользнул с обеденного ложа из слоновой кости и пошел, подозрительно пошатываясь, в библиотеку. Она знала, что у Юргена нет намерения возвращаться; и она приходила в отчаяние из-за выбранного им положения в общественной жизни Кокаиня, на которое он имел право из-за своего титула принца-консорта не меньше, чем из-за своих личностных данных. Анайтида, в действительности, думала, что при своих природных дарованиях ее Юрген не имел веской причины завидовать даже, скажем, такому главному фавориту, как Приап, исходя из того, что знала о них обоих все что нужно.

Поэтому Юрген чтил обычай.

— Поскольку эти непристойные мифические существа, возможно, правы, — говорил Юрген, — и я, несомненно, не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!..

Юрген не мог отделаться от подобных загадок простым «не знаю». Он был не более способен прекратить расспросы о смысле жизни, чем форель — бросить привычку плавать. На самом деле он жил, погруженный в поток любопытства и сомнения, как в свою природную стихию. То, что смерть являлась концом всего, вполне могло быть правдой. Однако, если исход оказывался обратным, насколько более приятно было бы для всех заинтересованных лиц установить заранее дружеские отношения с верховными владыками загробной жизни, сделав все, что они ожидают, в нынешней жизни.

— Да, я чувствую, что от меня чего-то ждут, — сказал Юрген. — И, не зная, что это такое, я почему-то вполне уверен, что это не потворство бесконечным удовольствиям. Кроме того, не думаю, что смерть явится для меня концом всего. Если б я только мог быть совершенно уверен, что моя встреча с королем Смойтом и очаровательной Сильвией Тереей не была сном! Если же это так, простое рассуждение убеждает меня, что я не необходим Вселенной. Но почему-то мои верования не согласуются с таким рассуждением. Нет, идти в могилу, мысля немного шире, чем делают это мифические существа, справедливо по отношению к моим собственным интересам, поскольку мне не хватает необходимой доверчивости, чтобы стать вольнодумцем-материалистом. Считать, что мы ничего не знаем наверняка и не можем никогда ничего узнать наверняка, значит принимать слишком многое на веру.

Юрген приостановился и очень глубокомысленно тряхнул два или три раза головой с прилизанными черными волосами.

— Нет, не могу верить в нечто, являющееся предопределенным концом всего сущего: это была бы чересчур несерьезная кульминация, чтобы удовлетворить драматурга, достаточно умного, чтобы выдумать Юргена. Нет, все так, как я и сказал тому загорелому: я не могу верить в уничтожение Юргена какими бы

то ни было по-настоящему бережливыми владыками. Поэтому я позабочусь о том, чтобы Юрген не сделал ничего, что он не мог бы более или менее благовидно объяснить в случае божественного расследования. Так намного безопаснее.

Тут Юрген еще раз тряхнул головой и вздохнул.

— Наслаждения Кокаиня меня не удовлетворяют. Они по-своему достаточно хороши, и я допускаю трюизм, что в поисках семейного счастья две головы лучше, чем одна. Да, Анайтида — превосходная жена. Тем не менее ее развлечения меня не удовлетворяют, а вести постоянную жизнь галантного кавалера для меня недостаточно. Нет, есть что-то еще, чего я желаю, а Анайтида не совсем меня понимает.

ГЛАВА XXIV

О компромиссах на Кокаине

одобным образом Юрген жил на Кокаине чуть более двух месяцев и подчинялся обычаям этой страны. На Кокаине ничего не менялось, но в мире, в котором вырос Юрген, в это время был сентябрь с великолепным пожаром листвы и птицами, стаями, улетающими на юг, а сердца собратьев Юргена обращались к далеко не неприятным сожалениям. Но на Кокаине не было сожаления и непостоянства, а был лишь бесконечный поток любопытных удовольствий, освещаемый блуждающей звездой Венеры Механитиды.

— Почему же тогда я недоволен? — спросил Юрген. — И чего же я желаю? Мне кажется, что где-то по отношению к Юргену совершается какая-то несправедливость.

Между тем он жил с дочерью Солнца Анайтидой во многом так же, как жил с Лизой, дочерью ростовщика. Анайтида в целом проявляла более мягкий нрав; отчасти потому, что могла с уверенностью предвидеть на несколько веков вперед жизнь, объясненную Филологами, и у нее была меньшая нужда, чем у госпожи Лизы, беспокоиться о временном; а отчасти потому, что испортить характер в обществе Юргена за два месяца труднее, чем за десять лет. Анайтида ворчала и дулась какое-то время, когда ее принц-консорт охладел к поискам новых диковинных наслаждений, что он сделал весьма быстро, честно признавшись, что у него непритязательные вкусы и что эти чужеземные изыски ему надоели. Позднее Анайтида, похоже, отчаялась сделать его знатоком любопытных удовольствий и разрешила Юргену вести сравнительно доброде-

тельную жизнь, лишь изредка выражая беззлобные протесты.

Сбивало же Юргена с толку то, что она, похоже, не уставала от него, и он часто дивился, что́ именно эту прелестную мифическую личность, настолько опытную и способную в искусствах, в которых он являлся настоящим сапожником, могло привлекать в Юргене. Теперь они жили вместе, как любая другая банальная семейная пара, и их случайный обмен ласками был таким же обыденным, как прием пищи, и едва ли более волнующим.

«Бедняжка, я считаю, что это происходит лишь потому, что я чудовищно умный малый. Она не верит в мой ум, очень часто неодобрительно к нему относится, но, однако, ценит его как некую странность, своего рода диковинку. Но кто может отрицать, что на Кокаине ум поистине является диковинкой?»

Поэтому Анайтида баловала и нежила своего супруга и так открыто гордилась его странностями, что порой почти смущала его. Она не могла понять его позиции учтивого изумления по отношению к людям и событиям, с которыми он сталкивался, и даже к его собственным поступкам и чертам характера. Что бы ни случилось, Юрген лишь пожимал плечами и, сдерживая смех, выказывал изумление. Анайтида, конечно, вообще не могла этого понять, поскольку азиатские мифы в значительной степени лишены юмора. Наедине она заявляла Юргену, что ему следует стыдиться своей легкомысленности. Но, тем не менее, она вытаскивала его в свет и, находясь среди грубых и мрачных мифических существ, явно лучилась гордостью из-за странности Юргена.

«Она относится ко мне, как мать, — размышлял Юрген. — Откровенно говоря, я считаю, что, в конце концов, женщины могут любить лишь таким образом. А она — милое и прелестное создание, которое я искренне люблю. Чего же я тогда желаю? Почему чувствую, что жизнь ко мне не совсем справедлива?»

Так прошло лето, и Анайтида много путешествовала, будучи во всех краях весьма популярным мифическим персонажем. Ее чувство долга было настолько

сильно, что она лично посещала самые причудливые празднества, устраиваемые в ее честь, и сейчас, когда приближалась пора сбора урожая, все это оставляло ей едва ли хоть одну свободную минуту. К тому же, предназначением Анайтиды было отвлечение от веры. Существовало так много людей, которых она лично долна была посетить, — так много знаменитых аскетов, которые направлялись прямым ходом к канонизации и которых ее мелкие подручные были не в силах отвлечь от веры, — что Анайтида была вынуждена проводить ночь за ночью во вредной и неуютной обстановке — в монастырях, кельях и пещерах отшельников.

— Ты изнуряешь себя, моя дорогая, — говорил Юрген, — и, в конце концов, не кажется ли тебе, что игра едва ли стоит свеч? Что касается меня, то, чем путешествовать тысячи верст по пустыне, а затем забираться на стофутовый столп лишь для того, чтобы прошептать отвлекающие мысли в очень грязное ухо анахорета, я бы позволил изможденному мошеннику отправиться на Небеса. Но ты так много общаешься со святыми людьми, что переняла их неспособность видеть смешную сторону вещей. Однако даже при этом ты — душка. Вот тебе поцелуй, и возвращайся к своему обожающему тебя мужу как можно скорее, не пренебрегая своим долгом.

— Докладывают, что этот Столпник весьма далеко зашел в своей праведности, — рассеянно сказала Анайтида, собираясь в поездку, — но я возлагаю на него большие надежды.

Затем Анайтида посыпала себе волосы фиолетовым порошком, поспешно собрала разные маскировочные приспособления и отправилась в Фивейские края. Юрген вернулся в библиотеку к «Системе почитания девушки» и уникальным манускриптам Астьянаса, Элефантиса, Сотада, Дионисийской доктрине, Таблице поз, «Литании сердцевины наслаждения», Спинтрианским трактатам, «Тридцати двум удовольствиям» и другим бесчисленным томам, которые он нашел весьма поучительными.

Библиотека представляла собой сводчатое помеще-

ние со стенами, расписанными двенадцатью Киренскими Асанами. На потолке находилась фреска, изображающая выгнутое дугой женское тело, ступни которого покоились на карнизе восточной стены, а вытянутые пальцы рук касались карниза западной стены. Одеяние этой нарисованной женщины было весьма необычно, а лицо ее было знакомо Юргену.

— Кто это? — спросил он у Анайтиды.

Внешне слегка смутившись, Анайтида сказала, что это Асред.

— Я слышал, как ее называли по-иному, и видел ее в совершенно другом наряде.

— Ты видел Асред?

— Да, с кухонным полотенцем на голове и по-иному, более ненавязчиво, но подобающе одетую, могу тебя уверить! — Тут Юрген бросил взгляд в сторону, на свою тень, и откашлялся. — О, я нашел эту Асред очаровательной и достойной уважения старушкой, в чем также могу тебя уверить.

— Я бы предпочла ничего об этом не знать, — быстро сказала Анайтида. — Я бы предпочла, ради нас обоих, чтобы ты больше не говорил об Асред.

Юрген пожал плечами.

В Кокаиньской библиотеке были собраны свидетельства обо всем, что природные мифы выдумали в области наслаждений. И здесь, в обществе лишь своей странной тени да Асред, изогнувшейся и уныло рассматривающей его, Юрген весьма приятно проводил бóльшую часть времени в исследованиях и размышлениях о наиболее любопытных из этих развлечений. Сами нарисованные Асаны давали, по совести говоря, пищу для удивления. Но сверх этих десятков диковинных времяпрепровождений книги Анайтиды открыли Юргену, без утаивания или умалчивания, все остальные искусные проказы язычества. Для него оказался снятым покров с до тех пор не слыханных форм развлечений и любого вида отдыха, который можно было изобрести для удовольствий самых утонченных и самых грубых вкусов. По-видимому, в ходе причудливой игры с природой Анайтидой с братьями и сестрами не была пропущена ни одна разновидность

анатомически возможных увеселений для утоления желания и получения некоего более проникновенного, или более странного, или более кровавого удовольствия. Однако чем глубже Юрген вникал и чем дольше размышлял над всем этим, тем яснее ему становилось, что подобные занятия являлись лишенными особого воображения поисками счастья.

«Я готов отведать любой напиток. Поэтому должен дать развлечениям объективную оценку. Но боюсь, что это игры духовного детства. Они напоминают мне, что я обещал детям поиграть с ними немного перед ужином».

Он вышел и вскоре, неотразимый в рубахе Несса, передразниваемый в каждом жесте своей нелепой тенью, принц Юрген играл в салочки с тремя маленькими Евменидами — дочками Анайтиды от брака с Царем Полуночи Ахероном.

Анайтида и этот мрачный властелин разошлись по взаимному согласию.

— У Ахерона были добрые намерения, — говорила она со всепрощающим вздохом, — и я не отрицаю, что в отсутствие Луны он иногда отвлекал путешественников от веры. Но он меня не понимал.

И Юрген согласился с тем, что эта трагедия случается порой даже при бесподобных развлечениях.

Все три Евмениды в это время были уже взрослыми девочками, которых мать тщательно обучала сводить виновных людей с ума угрызениями совести. И очень странно было видеть, как юные фурии, одетые во все черное, размахивающие зажженными факелами и увенчанные маленькими змеями, занимаются в учебной комнате. Они привязывались к Юргену, который всегда любил детей и часто жалел, что госпожа Лиза не родила ему ребеночка.

— Этого достаточно, чтобы обругать бедняжку за эксцентричность, — обычно говорил он.

Юрген теперь много занимался своими приемными детьми. И, на самом деле, он находил их невинный лепет, в сущности, настолько же разумным, что и разговоры взрослых мифических существ, наводнявших дворец Анайтиды. И они вчетвером — Юрген, разборчивая Алекто, суровая Тисифона и похожая на

фею младшая Мегера — совершали длительные прогулки, играли в куклы (хотя Алекто чуть снисходительно относилась к ним) и шумно возились в вечных сумерках Кокаиня; и обсуждали, что́ за платья и игрушки привезет им мама, когда вернется из Екбатаны или с Лесбоса, а главным образом веселились.

Юрген находил юных Евменид до слез искренними и лишенными воображения девчушками. Они унаследовали большую часть ограниченности матери, не говоря уж о тяжелых и мрачных наклонностях отца, но в них эта ограниченность казалась просто забавной. И Юрген их любил и часто размышлял о том, как жалко, что эти милые девочки обречены по достижении зрелости проводить остаток жизни в преследованиях преступников, прелюбодеев, отце- и матереубийц, изменников родины и, в основном, таких людей, которые неизбежно должны лишить чистоты вгляд девочек на жизнь и заставить их увидеть слишком многое из дурной стороны человеческой природы.

Так что Юрген был отчасти доволен. Но все же он не был действительно счастлив даже среди бесконечных удовольствий Кокаиня.

«И чего же я желаю?» — спрашивал он у себя снова и снова.

И по-прежнему не знал. Он просто чувствовал, что не добился справедливости, а смутное ощущение этого беспокоило его даже во время игр с Евменидами.

ГЛАВА XXV

Заклинания Магистра Филолога

это время, как уже объяснялось, был сентябрь, и Юрген видел, что Анайтида чем-то слишком обеспокоена. Она скрывала от него причину как могла долго: сначала сказала, что все в порядке; потом сказала, что он скоро все узнает; потом поплакала немного из-за того, что он, вероятно, будет очень рад обо всем услышать; и, наконец, все ему объяснила. Став супругом легендарной личности, связанной с Луной, Юрген, конечно же, подвергал себя опасности быть превращенным Филологами в персонаж солярного мифа и в этом случае был бы вынужден покинуть Кокаинь в Равноденствие, чтобы совершать повсеместно осенние подвиги. И сердце Анайтиды было совершенно разбито перспективой разлуки с Юргеном.

— У меня на Кокаине никогда не было такого принца-консорта: настолько сводящего с ума, настолько беспомощного и умного. И девочки так тебя любят, хотя они вообще-то были не в силах поладить с большинством приемных отцов! И я знаю, что ты легкомыслен и бессердечен, но ты совершенно отбил у меня тягу к другим мужчинам. Нет, Юрген, нет нужды спорить. Раньше, во время путешествий, я проэкспериментировала по крайней мере с дюжиной любовников, и они мне все нестерпимо надоедали. Они, как ты, милый, выражаешься, не умели поддержать беседу. А ты — единственный молодой человек, которого я нашла за все эти века, способный интересно говорить.

— На это есть причина, поскольку, как и ты, Анайтида, я не такой молодой, каким кажусь.

— Меня нисколечко не волнует твой внешний вид, — заплакала Анайтида, — но я знаю, что

люблю тебя и что ты должен покинуть меня в Равноденствие, если не уладишь этот вопрос с Магистром Филологом.

— Детка, — сказал Юрген, — евреи попали в Иерихон, попытавшись это сделать.

Он опоясался Калибуром, выпил пару бутылок вина, надел поверх доспехов рубаху Несса и отправился на поиски этого чудотворца.

Анайтида проводила его до скромного жилища, во дворе которого сушилось постиранное белье. Юрген смело постучал, и через некоторое время дверь отворил сам Магистр Филолог.

— Извините за отсутствие церемоний, — сказал он, щурясь за покрытыми пылью большими очками, — но, к несчастью, время задержали где-то поблизости в четверг вечером, и служанка будет отсутствовать неопределенно долго. Поэтому я предполагал, что на крыльце ожидает эта дама. Ибо было бы не совсем удобно, если б соседи увидели, как она входит.

— Вы знаете, зачем я пришел? — спросил Юрген, грозный и великодушный в своей блестящей рубахе и сверкающих доспехах. — Ибо предупреждаю вас, что я есмь справедливость.

— По-моему, вы лжете, и уверен, что вы устраиваете никому не нужный шум. Так или иначе, справедливость — это слово, а я управляю всеми словами.

— Вы очень скоро обнаружите, сударь, что поступки говорят громче слов.

— Я верю, что это так, — сказал Магистр Филолог, по-прежнему прищурившись, — но и толпа евреев говорила громче Того, Кого они распяли. Но Слово не прешло.

— Вы занимаетесь софистикой!

— Вы — мой гость. Поэтому советую вам, из простой дружелюбности, не оспаривать мощь моих слов.

Юрген же с презреньем сказал:

— Значит, справедливость — слово?

— О да, одно из самых употребимых. Английское «justice», испанское «justicia», итальянское

«giustizia» — все они происходят от латинского «justus». О да, в самом деле, но справедливость — одно из моих лучше всего связанных с другими и привязанных к другим слов, могу вас уверить.

— Ага, и к какому же вырожденному употреблению вы приговорили эту бедную, порабощенную, запуганную справедливость?

— Существует лишь одно разумное употребление этого слова, — спокойно сказал Магистр Филолог, — для любого, кто имеет дело со словами. Я объясню вам это, если вы зайдете ко мне с этого предательского сквозняка. Неизвестно, к чему может привести простуда.

Тут дверь за ними затворилась, и Анайтида осталась ждать снаружи с некоторой тревогой.

Вскоре Юрген вышел из этого скромного жилища и в замешательстве вернулся к Анайтиде. Юрген бросил на землю свой волшебный меч — заколдованный Калибур.

— Это, как я понимаю, Анайтида, старомодное оружие. Нет более сильного оружия, чем слово, и никакие доспехи не защитят от слов, и именно словами победил меня Магистр Филолог. Это вообще-то нечестно, но человек показал мне огромную книгу, в которой есть имена всего на свете, а справедливости среди них нет. Вместо этого, оказывается, справедливость — всего лишь обычное существительное, неопределенным образом обозначающее некое этическое понятие поведения, соответствующего обстоятельствам, будь то индивидуумы или целые сообщества. Это, заметь, всего лишь мнение грамматика.

— Но что он решил в отношении тебя, Юрген?

— Увы, милая Анайтида, он вывел, несмотря на все мое старание, слово «Jurgen» из слова «jargon», обозначающего беспорядочный щебет птиц при восходе солнца. Вот так безжалостно Магистр Филолог превратил меня в персонаж солярного мифа. Дело решенное: мы должны расстаться, моя дорогая.

Анайтида подняла с земли меч.

— Но он же ценен, поскольку человек, владеющий им, является самым могучим из воинов.

— Это всего лишь тростник, гнилой прутик, метла по сравнению с хитроумным оружием Магистра Филолога. Но храни его, если хочешь, моя милая, и вручи его следующему принцу-консорту. Мне стыдно возиться с этими игрушками, — сказал Юрген с отвращением. — И, кроме того, Магистр Филолог уверяет меня, что я достигну гораздо больших высот с помощью вот этого.

— Что это у тебя на куске пергамента?

— Тридцать два собственных слова Магистра Филолога, которые я у него выклянчил. Смотри, моя милая, он написал это заклинание для меня собственноручно. — И Юрген с выражением прочитал слова на пергаменте: «После смерти Адриана Пятого Педро Хулиани, который должен был быть назван Иоанном Двадцатым, по причине некоей ошибки, вкравшейся в вычисления, оказался возведенным на святейший престол в качестве Папы Римского Иоанна Двадцать Первого».

— И это все? — беспомощно спросила Анайтида.

— Ну да. И, разумеется, целых тридцати двух слов наверняка достаточно для самых придирчивых скептиков.

— Но разве это волшебство? Ты уверен, что это подлинное волшебство?

— Я узнал, что в словах всегда присутствует волшебство.

— Если ты спросишь мое мнение, Юрген, то я отвечу, что твое заклинание — вздор и им никогда нельзя будет хоть как-нибудь воспользоваться. Без хвастовства, милый, я в свое время имела дело с черной магией, но никогда не сталкивалась с подобными заклинаниями.

— Тем не менее, моя дорогая, это явно заклинание, иначе Магистр Филолог никогда бы не дал мне его.

— Но как ты им воспользуешься?

— Что ж, нужда покажет, — сказал Юрген и положил пергамент в карман блестящей рубахи. — Да, повторяю, словам всегда найдется применение, а здесь целых тридцать два подлинных слова самого Магистра Филолога, не говоря уже о четырех запя-

тых и точке. О, с этим оружием я определенно уйду далеко.

— У нас, женщин, твердая вера в меч, — ответила Анайтида. — В любом случае, мы с тобой не можем оставаться на крыльце этого чудотворца бесконечно долго.

С этими словами Анайтида вложила Калибур в ножны и понесла его от скромного жилища чудотворца в свой прекрасный дворец посреди старого сумрачного леса. А впоследствии, как все знают, она отдала этот меч королю Артуру, который с его помощью поднялся до таких высот, что его назвали одним из Десяти Всемирных Героев. Так муж Гиневры завоевал себе вечную славу с помощью того предмета, который Юрген выбросил прочь.

ГЛАВА XXVI

В песочных часах Времени

у и ну! — сказал Юрген, скинув с себя дурацкие, по его мнению, железяки и оставшись в своей удобной рубахе. — Вне сомнения, положение скверное. На Кокаине я вполне доволен жизнью, и нечестно, что меня вот так выгоняют. Все же благоразумный человек где угодно устроится с удобствами. Но куда же, ты полагаешь, мне следует отправиться?

— В любой край по своему выбору, мой милый, — нежно сказала Анайтида. — По крайней мере, это я могу для тебя устроить. А истолкованием твоей легенды можно заняться впоследствии.

— Но я устал от всех стран, которые видел, милая Анайтида, а в свое время я посетил почти все земли, известные людям.

— Это тоже можно устроить, и ты можешь отправиться в одну из стран, о которых люди только мечтают. На самом деле существует большое количество таких царств, которые ни один человек не посещал, разве что во сне, поэтому у тебя широкий выбор.

— Но как мне выбрать, если я не видел этих стран? Несправедливо заставлять меня делать это.

— Что ж, я покажу их тебе, — ответила Анайтида.

Тут они вдвоем отправились в маленькую синюю комнату, стены которой были украшены расположенными в беспорядке золотыми звездами. В комнате совершенно ничего не было, за исключением песочных часов высотой в два человеческих роста.

— Это личные часы Времени, — сказала Анайтида, — которые хранятся у меня, когда Время спит.

Анайтида отворила хрустальную дверцу, находящуюся в нижней половине часов, как раз над уровнем песка. Кончиками пальцев она дотронулась до песка,

лежащего в часах Времени, и начертала на нем равносторонний треугольник — она, которая была странным образом одарена и извращена. Потом она начертала другую подобную фигуру так, что вершина ее оказалась внутри первого треугольника. Песок начал тлеть, а в верхнюю часть часов стали подниматься пары, и Юрген увидел, что весь песок в часах Времени зажегся посредством магии, порожденной соприкосновением этих двух треугольников. А в парáх образовалась картина.

— Вижу землю с лесами и реками, Анайтида. Очень старый человек в короне спит под ясенем, охраняемый стражем, у которого рук больше, чем у Шинджешеда.

— Это Атлантида и спящее древнее Время — Время, которому принадлежат эти часы, — а на страже стоит Бриарей.

— Время спит совершенно обнаженным, Анайтида, и, хотя это деликатный предмет для разговора, я замечаю, что с ним случилось нечто плачевное.

— Бог Времени больше никого не породит, Юрген, покуда же он повторяет снова и снова старые события и изменяет имена древних вещей, убеждая себя, что у него появляются новые игрушки. В действительности, нет более скучного и утомительного старого дурня, могу тебя уверить. Но Атлантида является лишь западной провинцией Кокаиня. Теперь смотри дальше, Юрген!

— Теперь я вижу цветущую равнину и три крутых холма, а на каждом холме стоит замок. Там леса с малиновой листвой; птицы с белыми грудками и пурпурными головками едят гроздья золотых ягод, растущих повсюду; а люди ходят в зеленых одеждах с золотыми цепями на шеях и широкими золотыми браслетами на руках, и у этих людей невозмутимые лица.

— Это Инислоха, а на юге — Инис-Далеб, а на севере — Инис-Эркандра. И там вечно слышна сладчайшая музыка, даже если мы слушаем лишь птиц Рианнон, и там лучшее вино, а наслаждение — обычное дело. Туда не проникает ничто тяжелое или грубое, никакое горе, никакие беды или болезни, ни

старость, ни смерть, ибо это Страна Женщин, край многоцветного гостеприимства.

— Что ж, тогда она не отличается от Кокаиня. И ни в какое царство, где удовольствия бесконечны, не рискну я вновь отправиться по доброй воле, так как нахожу, что не получаю удовлетворения от наслаждений.

Затем Анайтида показала ему Огигию, Трифему, Сударсану, Счастливые Острова, Ээю, Каер-Ис, Инваллиду, Гесперид, Меропиду, Планасию, Уттару, Авалон, Тир-нам-Бео, Фелему и множество других стран, в которые желали попасть люди. И Юрген горько застонал.

— Мне стыдно за своих собратьев, — говорит он. — Получается, что их представление о счастье соответствует разукрашенному борделю. Не думаю, что как уважающий себя молодой принц я захотел бы поселиться в подобном земном рае, ибо, если бы не было другого выбора, я всегда бы ожидал вмешательства правоохранительных органов.

— Тогда остается лишь одно царство, которое я тебе еще не показала отчасти потому, что это глухое местечко, а отчасти потому, что по одной причине личного характера я не помогу тебе туда попасть. Это Левка, где правит царица Елена, и Левку ты сейчас увидишь.

— Но Левка похожа на любой другой край осенью и, кажется, благоразумно лишена фантастических зверей и чрезмерно вытянутых цветов, которые делают любой другой рай выглядящим достаточно по-детски. Что ж, в Левке есть привлекательная простота. Я мог бы примириться с Левкой, если б местные обычаи доставляли мне беспокойства в разумных пределах.

— Беспокойств ты получишь сполна. Ибо ни у одного мужчины сердце не остается в покое после того, как он хоть раз посмотрит на царицу Елену. По этой причине, Юрген, я не помогу тебе добраться до Левки. На Левке, увидев царицу Елену, ты меня забудешь.

— Какой же вздор ты несешь, моя дорогая! Держу пари, она тебе и в подметки не годится.

— Увидишь сам! — с грустью сказала Анайтида.

Тут в клубящихся парах появилось мерцающее и колеблющееся сверкание самых прелестных цветов земли и неба. Оно вскоре упорядочилось, и Юрген увидел в часах перед собой ту юную Доротею, которая еще не стала женой гетмана Михаила. Долго и тоскливо смотрел он на нее, и его глаза наполнились беспричинными слезами, и какое-то время он не мог вымолвить ни слова.

Потом Юрген зевнул и сказал:

— Определенно, это не та Елена, которая славилась своей красотой.

— Уверяю тебя, та, — сказала Анайтида. — И именно она правит на Левке, куда я не намерена тебя отпускать.

— Но, моя дорогая! Это же нелепо. На эту девушку, так или иначе, особо не засмотришься. Полагаю, она действительно не уродина, если уж кто-то восхищается такими блеклыми блондинками. Но называть ее красавицей не лезет ни в какие ворота. И против этого я возражаю из чувства справедливости.

— Ты так действительно думаешь? — спросила Анайтида, просветлев.

— Несомненно. Неужели ты не помнишь, что Кальпурний Басс говорил обо всех блондинках?

— Нет, не знаю. Что же он сказал, милый?

— Я лишь испортил бы великолепный пассаж, неточно процитировав его по памяти. Но Басс совершенно прав, и его мнение совпадает с моим в мельчайших деталях. И, если это лучшее, что может предложить Левка, я от души соглашусь с тобой, и мне лучше отправиться в какую-нибудь другую страну.

— Полагаю, ты уже положил глаз на ту или иную распутницу.

— Моя любовь, девушки на Гесперидах поразительно похожи на тебя, а волосы даже чудеснее твоих. А та девушка Айгла, которую мы видели в Тир-нам-Бео, тоже весьма напоминает тебя, за исключением того, что, по-моему, фигура у нее получше. И я считаю, что в любой из этих стран я мог бы через некоторое время стать вполне счастлив. Поскольку я должен с тобою

расстаться, — нежно сказал Юрген, — из справедливости к самому себе я намерен найти спутницу, насколько только это возможно, похожую на тебя. Понимаешь, сначала я могу делать вид, что это ты. А потом, когда полюблю ее ради нее самой, ты постепенно уйдешь у меня из головы, и это не вызовет у меня невыносимой тоски.

Анайтида не была этим пельщена.

— Так ты уже жаждешь этих потаскух! И думаешь, что они выглядят лучше меня! И ты говоришь мне это прямо в лицо!

— Моя дорогая, ты не можешь отрицать, что мы были женаты целых три месяца. И никто не может сохранять безрассудную страсть к какой угодно женщине так долго, несмотря на то что ему ни в чем не отказывали. Страсть — главным образом предмет любопытства, а оба этих чувства умирают, насытившись.

— Юрген, — осуждающе сказала Анайтида, — ты мне в чем-то лжешь. Я вижу это по глазам.

— Нельзя обмануть женскую интуицию. Да, я говорил не совсем честно, когда притворялся, что мне все равно куда отправляться — на Гесперид или в Тир-нам-Бео. В этом я не прав, извини меня. Я думал, что показным безразличием смогу тебя укротить. Но ты видела меня насквозь и весьма справедливо рассердилась. Так что я открываю карты и больше не буду ходить вокруг да около. Я люблю Айглу, дочь Кормака, и кто может меня винить? Видела ли ты когда-нибудь в жизни более соблазнительную фигуру, Анайтида? Я уж точно нет. Кроме того, я заметил... но это неважно! Все же я не мог этого не увидеть. А потом такие глаза! Два маяка, освещающие мне путь к утешению моего далеко не незначительного сожаления по поводу разлуки с тобой, моя дорогая. О да, конечно же, я выбираю Тир-нам-Бео.

— Куда ты отправишься, мой милый друг, выбираю я, а не ты. И ты отправляешься на Левку.

— Любовь моя, будь же благоразумна! Мы вдвоем согласились, что Левка нисколечко не подходит мне. На Левке даже нет привлекательных женщин.

— Неужели у тебя нет других чувств, кроме любви к книгам?! По этой причине я и посылаю тебя на Левку.

И, сказав это, Анайтида распространила сильнейшие чары, ускорившие наступление Равноденствия. Колдуя, она немного всплакнула, ибо любила Юргена.

А Юрген, как мог, сохранял обиженное и сердитое выражение лица, потому что при виде царицы Елены, так походившей на юную Доротею ла Желанэ, его перестала волновать королева Анайтида, и ее развлечения, и все остальное на свете, кроме одной царицы — наслаждения богов и людей. Но Юрген уже научился тому, что Анайтида требует к себе чуткого отношения.

«Ради нее же самой, — так он это выразил, — и из простой справедливости ко множеству восхитительных качеств, которыми она обладает».

ГЛАВА XXVII

Беспокойные владения царицы Елены

о как я могу путешествовать посредством Равноденствия, некоей фикции, простой условности? — спросил Юрген. — Требовать от меня совершения подобного нелепо.

— Разве это более нелепо, чем путешествовать с помощью воображаемого существа вроде кентавра? — возразили ему. — Что ж, принц Юрген, мы удивляемся, как вы, совершивший этот неслыханный поступок, можете иметь наглость называть что-либо нелепым! Есть ли в вас хоть какая-нибудь рассудительность? Условности весьма уважаемы и намного сильнее, чем большинство кентавров. Не будете же вы бросать камни в добропорядочность, принц Юрген? Мы невыразимо поражены вашей нелюбовью к такому хорошо известному явлению, как Равноденствие! — И еще много подобного говорили ему.

Короче, на него наседали до тех пор, пока Юрген не оказался чересчур запутан, чтобы спорить, а голова у него шла кру́гом, и одно виделось таким же нелепым, как и другое. И он перестал замечать особую невероятность путешествия с Равноденствием и таким образом переправился без дальнейших возражений и споров с Кокаиня на Левку. Но его возбуждение не было бы настолько сильно, не думай Юрген все это время о царице Елене и ее красоте.

Первым делом он немедленно расспросил, как можно быстрее всего предстать перед царицей Еленой.

— Вы найдете царицу Елену, — сказали ему, — в ее дворце в Псевдополе.

Его осведомительницей оказалась гамадриада, которую Юрген повстречал на опушке леса, возвышавшегося к западу от города. За широкими покатыми пространствами сжатых хлебов виднелся Псевдо-

поль — город, построенный из золота и слоновой кости, ослепительно сверкающий под едва видимым небом, казавшимся необычайно удаленным от земли.

— И царица столь же прекрасна, как и слухи о ее красе? — спросил Юрген.

— Мужчины говорят, что она превосходит красотой всех женщин, — ответила гамадриада, — настолько же безмерно, насколько, на женский взгляд, ее муж выделяется среди всех мужчин...

— О, Боже! — сказал Юрген.

— ...Хотя я не вижу ничего примечательного во внешнем облике царицы Елены. И, по-моему, женщине, о которой так много говорят, следует уделять больше внимания своим нарядам.

— Так эта царица Елена уже замужем! — Юрген не обрадовался этому, но и не видел причины для отчаянья. Затем Юрген спросил про мужа царицы и узнал, что сейчас на Елене, дочери Лебедя, женат Ахилл, сын Пелея, и они вдвоем правят в Псевдополе.

— Сообщают, — сказала гамадриада, — что в мрачном царстве Аида Ахилл вспомнил ее красоту и был так ободрен этим воспоминанием, что разорвал цепи Аида. Так сделал Ахилл, царь людей, а его товарищи отправились на повторые поиски этой Елены, которую называют, — и, по-моему, значительно преувеличивая, — чудом света. Затем боги осуществили желание Ахилла, поскольку, как они сказали, мужчина, хоть раз узревший царицу Елену, никогда не будет знать покоя без этого чуда света. Лично мне не нравится мысль, что все мужчины настолько глупы.

— Я допускаю, что мужчины не всегда действуют разумно, а потом, — лукаво сказал Юрген, — многие из их прародительниц — женщины.

— Но прародительница — всегда женщина. Никто никогда не слышал о прародительнице-мужчине. Мужчины — прародители. Так о чем же вы говорили?

— По-моему, мы разговаривали о браке царицы Елены.

— Разумеется! И я рассказывала вам о богах, когда вы сделали эту забавную ошибку с прародителями. Однако все порой делают ошибки, а иностранцы всегда

норовят перепутать слова. Я сразу поняла, что вы — иностранец...

— Да, — сказал Юрген, — но вы рассказывали не обо мне, а о богах.

— Вам, наверно, известно, что стареющие боги стремятся к спокойствию. «Мы отдадим ее Ахиллу, — сказали они. — А потом, возможно, этот царь людей спрячет ее в таком надежном месте, что его младшие собратья придут в отчаянье и прекратят воевать за Елену. И нас больше не будут тревожить их войны и прочие глупости». По этой причине боги отдали Елену Ахиллу и отправили эту чету царствовать на Левку, хотя, — закончила гамадриада, — я не перестаю удивляться, — что́ он в ней находит... да, даже если доживу до тысячи лет.

— Я должен, — заявил Юрген, — посмотреть на этого монарха Ахилла, пока мир не стал на день старше. Царь — это, конечно, очень хорошо, но ни одна корона не позволяет избежать добавления другого головного убора.

И Юрген развязной походкой направился в Псевдополь.

* * *

А вечером, как раз после захода солнца, Юрген вернулся к гамадриаде. Он шагал, опираясь на ясеневый посох, который дал ему Терсит. Юрген был невесел, а скорее даже смирен.

— Посмотрел я на вашего царя Ахилла, — говорит Юрген, — и он лучше меня. Царица Елена, что я с сожалением признаю́, нашла себе достойную пару.

— И что вы о ней скажете? — спрашивает гама дриада.

— Нечего больше сказать, кроме того, что она нашла достойную пару и она — подходящая жена для Ахилла. — На сей раз бедный Юрген был по-настоящему несчастен. — Я восхищаюсь Ахиллом, я ему завидую и боюсь его, — говорит Юрген. — И несправедливо, что он сотворен лучше меня.

— Но разве царица Елена не прелестнейшая из всех дам, которых вы когда-либо видели?

— Что касается этого!.. — говорит Юрген. Он подвел гамадриаду к лесному озеру как раз у дуба, в котором она жила: темная спокойная вода — природное зеркало. — Смотри! — сказал Юрген, а говорил он, указывая вниз своим посохом.

Тишина, царившая в лесу, была чудесна. Воздух — сладок и чист, а ветерок, разгуливающий среди ветвей дуба в поисках ночи, был нежным и мирным, поскольку знал, что вот-вот наступит всеисцеляющая ночь.

— Но я вижу лишь свое лицо, — ответила гамадриада.

— Тем не менее, это ответ на твой вопрос. Теперь же скажи мне, как тебя зовут, моя милая, чтобы я узнал, кто в действительности прелестнейшая из всех дам, которых я когда-либо видел.

Гамадриада сказала, что ее зовут Хлорида, и что она всегда выглядит пугалом с такой прической, как у нее сегодня, и что он — до странного нахальный малый. А он в свою очередь признался, что он — король Юрген Евбонийский, привлеченный из своего далекого царства преувеличенными сообщениями относительно красоты царицы Елены. Хлорида согласилась с ним, что слухи об этом преимущественно недостоверны.

Это привело к дальнейшей беседе в сгущающихся сумерках. И, пока эта миловидная девушка превращалась в теплую, дышащую тень, едва доступную зрению, тень Юргена покидала его, и он начинал говорить все лучше и лучше. Он видел царицу Елену лицом к лицу, и остальные женщины не имели для него никакого значения. Добьется ли он благосклонности этой гамадриады или нет, так или иначе, не играло для него никакой роли. И поэтому Юрген говорил настолько складно, с такими уместными замечаниями и такой нежностью, что поражался самому себе.

Он сидел, с наслаждением слушая соблазнительные речи этого чудовищно умного малого Юргена. А это пухленькое, ясноглазое создание с темными волосами, эту самую Хлориду, ему было искренне жаль. В лишенную событий жизнь гамадриады здесь, в этом

глухом лесу, вероятно, не могло проникнуть какое-либо радостное возбуждение, и казалось нужным внести сюда хоть малую его толику. «Что ж, хотя бы из справедливости к ней, — размышлял Юрген, — я должен обращаться с ней честно».

Под деревьями становилось все темнее и темнее, а того, что происходило в темноте, никто не видел. Слышались лишь два голоса, переговаривавшихся с длинными паузами. А говорили беседовавшие серьезно о пустяках, как играющие дети.

— И как же это король путешествует без свиты и даже без меча?

— Я путешествую с посохом, моя милая, и, как ты понимаешь, его мне достаточно.

— По совести сказать, он достаточно большой. Увы, молодой чужестранец, называющий себя королем! Вы носите кистень разбойника с большой дороги, и я боюсь вашего посоха.

— Мой посох — ветвь с мирового древа жизни Иггдрасиля. Его дал мне Терсит, а сок, что бьется в нем, проистекает из источника Урд, где суровые Норны создают для людей законы и определяют их судьбы.

— Терсит — большой насмешник, а его дары — сплошное издевательство. Я бы их не взяла.

Они повздорили, не слишком сильно, из-за того, что́ Юрген вытворял со своим бесценным посохом.

— В любом случае, уберите его от меня! — попросила Хлорида.

Тогда Юрген спрятал посох туда, где Хлорида не могла его увидеть, а сам привлек к себе гамадриаду и, довольный, рассмеялся.

— Ох, ох! Ужасный вы король, — воскликнула Хлорида. — Боюсь, что вы принесете мне смерть! А у вас нет права притеснять меня таким образом, я не ваша подданная.

— Скорее ты станешь моей королевой, милая Хлорида, получив то, что я больше всего ценю.

— Но вы слишком деспотичны, и мне страшно оставаться наедине с вами и вашим большущим посохом! Ах! Зная, что говорит, моя мать обычно использовала эолийскую поговорку: «Царь жесток и получает удовольствие от крови!»

— Вскоре ты не будешь бояться меня, как и моего посоха. Все дело в привычке. Для такого случая тоже есть эолийская присказка: «Вкус первой маслины неприятен, но вторая — сладка».

На какое-то время наступила тишина, не считая тихого тайного перешептывания деревьев. Одна из крупных цикад, посетивших остров Левку, начала стрекотать.

— Подождите же, король Юрген, я отчетливо слышу шаги: кто-то идет нас потревожить.

— Это ветер в верхушках деревьев или, вероятно, какой-то бог, завидующий мне. Меня ничто не остановит.

— Ах, но говорите же о богах почтительно! Это не у бога Любви, а у бога Ревности есть крылья, чтобы покинуть нас.

— Тогда я — бог, ибо в моем сердце — любовь, и во всех фибрах души — любовь, и из меня сейчас истекает любовь.

— Но, определенно, я слышу, как кто-то приближается...

— А разве ты не ощутила, что я вынул свой посох из потайного места?

— Ах, у вас большая вера в этот посох!

— Мне не страшен никто, когда я размахиваю им.

Первой цикаде ответила еще одна. Теперь насекомые вели открытый спор, наполняя теплый мрак своим упрямым стрекотанием.

— Король Евбонийский, то, что вы сказали мне о маслинах, без сомнения, правда.

— Да, любовь всегда порождает правдивость.

— Молю, чтобы между нами родилась высшая правдивость и ничего другого, король Юрген.

— Не «Юрген», а «любимый».

— В самом деле, говорят, что в такой вот кромешной темноте бог Любви приходил к своей милой Психее.

— Тогда отчего же ты жалуешься, ведь я благочестиво стремлюсь превзойти богов и предлагаю Любви самую искреннюю лесть? — И Юрген потряс перед ней посохом.

— Ах, но вы удивительно легки на лесть! А бог Любви не пугал Психею таким громадным посохом.

— Возможно, ведь я-то — Юрген. И обхожусь справедливо со всеми женщинами, и ни на кого не поднимаю посоха, кроме как из добрых побуждений.

Так они несли разный вздор в кромешной темноте, тогда как множество цикад вело непрерывную беседу. Теперь, разговаривая под дубом, Хлорида и Юрген стали невидимы даже друг для друга; но перед ними под усеянным золотой пылью небосводом в дымке сияли поля, потому что эта ночь казалась сотворенной из звезд. И, пока Юрген смеялся и получал удовольствие вместе с Хлоридой, он видел также и белые башни Псевдополя. Он подумал, что, весьма вероятно, Ахилл и Елена смеялись и занимались в эту чудесную ночь сходными делами.

Он вздохнул. Но через некоторое время Юрген и гамадриада уже вновь говорили. Так же непоследовательно, и так же непрерывно стрекотали цикады. Позднее взошла луна, и Юрген с Хлоридой уснули.

Юрген поднялся на рассвете и оставил гамадриаду Хлориду все еще спящей. Он стоял, возвышаясь над городом, и рубаха Несса блестела в лучах солнца. А Юрген думал о царице Елене. Затем он вздохнул и, вернувшись к Хлориде, разбудил ее своеобразным приветствием, которое показалось ей вполне соответствующим обстоятельствам.

ГЛАВА XXVIII

О компромиссах на Левке

альше история рассказывает, что десять дней спустя Юрген и его гамадриада должным образом поженились в соответствии с законом Леса. Ни на миг Хлорида не помышляла о нарушении приличий, поэтому они поженились в первый же вечер, когда ей удалось собрать свою родню.

— Между прочим, Хлорида, у меня уже есть две жены, — говорит Юрген, — и нужно в этом честно признаться.

— По-моему, ты только вчера прибыл на Левку.

— Верно, ибо я появился вместе с Равноденствием.

— Тогда у Югатина не было времени на ком-нибудь тебя женить, и, определенно, у него никогда и мысли бы не возникло женить тебя на двух женщинах сразу. Почему ты говоришь такую ерунду?

— Нет, это правда, и меня женил не Югатин.

— Вот! — говорит Хлорида, словно вопрос утрясен. — Теперь сам видишь.

— Да, разумеется, — говорит Юрген, — теперь я понимаю, что это представляет все в несколько ином свете.

— Это все на свете делает совершенно иным.

— Я едва ли мог бы зайти так далеко. Все же я ощущаю, что здесь все обстоит по-иному.

— Ты говоришь так, словно не общеизвестно, что людей женит Югатин!

— Нет, милая, давай будем честными! Я сказал не совсем это.

— ...И словно всех всегда женит не Югатин!

— Да, здесь на Левке, вероятно. Но, понимаешь ли, моя дорогая, за пределами Левки!..

— Но никто не бывает за пределами Левки. Никто

не думает покидать Левку. Ни разу не слыхала о такой ерунде.

— Ты имеешь в виду, что никто не покидает этот остров?

— Никто, о ком ты когда-либо слышал. Конечно, существуют Лары и Пенаты, не имеющие положения в обществе, которых цари Псевдополя иногда берут в путешествия...

— Все же люди в других странах тоже женятся.

— Нет, Юрген, — печально сказала Хлорида, — у Югатина правило — никогда не покидать остров. И на самом деле я уверена, что он никогда и не думал о таком неслыханном поступке. Так что, конечно же, люди в других странах не имеют возможности жениться.

— Но, Хлорида, в Евбонии...

— Если ты не против, милый, по-моему, нам лучше поговорить о чем-нибудь более приятном. Я не порицаю вас, мужчин Евбонии, потому что все мужчины в подобных вопросах совершенно безответственны. И, вероятно, это не всецело вина женщин, хотя, по-моему, любая, по-настоящему уважающая себя женщина имела бы силу характера, чтобы держаться в стороне от таких незаконных отношений, и я вынуждена тебе это сказать. Поэтому давай больше не будем говорить об этих особах, которых ты описываешь как своих жен. С твоей стороны, дорогой, очень тактично называть их так, и я ценю твою деликатность. Все же я действительно считаю, что нам лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Юрген задумался.

— Однако ты не думаешь, Хлорида, что в отсутствие Югатина — и, как я понимаю, при неизбежном отсутствии Югатина, — эту церемонию могли бы совершить другие?

— О да, если б захотели. Но это не считалось бы законным. Никто, кроме Югатина, не может действительно поженить людей. И поэтому, конечно же, никто другой этого и не делает.

— Почему ты так уверена в этом?

— Ну, потому что, — ликующе сказала Хлорида, — никто никогда о таком не слыхал.

— Ты выразила, — сказал Юрген, — целую фило-

софскую систему. Давай же во что бы то ни стало пойдем к Югатину и поженимся.

Так их и поженил Югатин с церемонией, согласно которой Югатин всегда женил Лесной Народ. Сначала Вирго в своей обычной манере развязала Хлориде пояс, а Хлорида, посидев гораздо дольше, чем хотелось Юргену, на коленях Мутуна (который находился в таком состоянии, которого требовал от него обычай), была приведена обратно к Юргену Домидуком в соответствии с древним обычаем; свою роль сыграла Субиго; затем Према схватила невесту за пухлые ручки, и все стало совершенно законным.

После Юрген распорядился своим посохом так, как указал Терсит, а потом Юрген зажил с Хлоридой на опушке леса, подчиняясь обычаям Левки. Деревом Хлориды был очень большой дуб, так как ей сейчас было двести шестьдесят шесть лет, и поначалу им дал прибежище его просторный ствол. Но позднее Юрген построил себе маленькую хижину, крытую птичьими перышками, и устроился более уютно.

— Для тебя вполне достаточно, моя милая, — по сути, этого от тебя и ждут — жить в стволе дерева. Но у меня это вызывает неприятное чувство, будто я — червь, и без необходимости подчеркивает ограничения семейной жизни. Кроме того, ты же не хочешь, чтобы я все время находился у тебя под башмаком, а я не хочу обратного. Нет, давай взращивать здравое воздержание от фамильярности; таков один из секретов прочного брака. Но почему ты за все эти годы ни разу не выходила замуж?

Она ему рассказала. Сначала Юрген ей не поверил, но вскоре он убедился, по крайней мере, с помощью двух своих органов чувств, что Хлорида рассказала ему о гамадриадах чистую правду.

— Иначе ты совсем бы походила на женщин Евбонии, — сказал Юрген.

Теперь Юрген встретился со многими представителями Лесного Народа. Но так как дерево Хлориды стояло на краю чащи, он увидел и Полевой Народ, живший между лесом и городом Псевдополом. Они стали соседями и товарищами Хлориды и Юргена.

Хотя время от времени в лесу, конечно же, происходили семейные сборища, но Юрген вскоре нашел достаточную причину не доверять Лесному Народу и не ходил ни на одно из них.

— В Евбонии, — сказал он, — нас учат, что родственники жены никогда не обвиняют тебя прямо в лицо, пока ты держишься от них в отдалении. И чего-то большего ни один здравомыслящий человек не ждет.

Между тем король Юрген был сбит с толку и Полевым Народом, жившим по соседству. Они все до единого занимались своими обычными делами. Так, Рунцина присматривала за тем, чтобы поля были прополоты; Сея заботилась о зернах, пока они покоятся в земле; Нодоса устраивала завязывание колосьев; Волусия оборачивала лист вокруг колоса; у каждой была некая древняя обязанность. И едва ли был день, когда кто-нибудь не работал в полях — или боронящий Оккатор, или Сатор и Саритор, сеющий и жнущий, или Стеркутий, унавоживающий почву; а Гиппона вечно суетилась то здесь то там, ухаживая за лошадьми, а к скоту была приставлена Бубона. На полях никогда не было ни малейшего покоя.

— И зачем вы занимаетесь этим из года в год?

— Как же, король Евбонийский, мы всегда этим занимались, — отвечали они в крайнем изумлении.

— Да, но почему бы вам вдруг не остановиться?

— Потому что в таком случае остановится вся работа. Хлеба пропадут, скот подохнет, а поля зарастут сорной травой.

— Но, насколько я понимаю, это не ваши хлеба, не ваш скот и не ваши поля. Вы с этого ничего не имеете. И ничто не может помешать вам прекратить нескончаемую работу и жить, как живет Лесной Народ, который никогда не занимался тяжелым трудом.

— По-моему, нет! — сказал Аристей, крутя масличный пресс, и его зубы блеснули в улыбке, которая была очень приятна на вид. — Слыхано ли, чтобы Лесной Народ занимался чем-нибудь полезным!

— Да, но, — терпеливо сказал Юрген, — по-вашему, совершенно справедливо всегда заниматься утомительной и трудной работой, когда никто не вынуждает вас

это делать? Почему бы вам иногда не устраивать выходной?

— Король Юрген, — ответила Форнакс, подняв голову от небольшой печи, в которой сушилось зерно, — вы говорите ерунду. У Полевого Народа никогда не бывает выходных. Никто о подобном и не слыхивал.

— Мы в самом деле о таком и не думали, — глубокомысленно сказали все остальные.

— Ох-хо-хо! — сказал Юрген. — Таковы, значит, ваши доводы. Я расспрошу об этом Лесной Народ, ибо он наверняка более рассудителен.

Тут Юрген, уже входя в лес, столкнулся с Термином, который стоял как вкопанный, умащенный благовониями и увенчанный розами.

— Ага, — сказал Юрген, — вот один из людей Леса, собирающийся выйти в Поля. Но на твоем месте, мой друг, я держался бы подальше от таких идиотов.

— Я никогда не выхожу в Поля, — сказал Термин.

— Значит, ты возвращаешься в Лес.

— Конечно же, нет. Кто когда-либо слышал, чтобы я входил в Лес?

— На самом деле, как я сейчас вижу, ты просто стоишь здесь.

— Я всегда стою здесь, — сказал Термин.

— И никогда не двигаешься?

— Нет, — ответил Термин.

— А по какой причине?

— Потому что я всегда стою здесь не двигаясь, — сказал Термин. — Сдвинуться с места для меня было бы чем-то неслыханным.

Юрген оставил его и вошел в лес. Там он повстречал улыбающегося малого, ехавшего верхом на крупном баране. У этого юноши левый указательный палец был поднесен к губам, а в правой его руке находился предмет, который демонстрировать людям довольно неприлично.

— О, Боже мой! Сударь, на самом-то деле!.. — воскликнул Юрген.

— Бе! — отозвался баран.

Но улыбающийся малый вообще ничего не сказал, проехав мимо Юргена, потому что не в обычае Гарпократа разговаривать.

«Этого вполне достаточно, — размышлял Юрген, —

если он привык приводить окружающих в смущение и остолбенение».

После чего Юрген стал свидетелем значительной суматохи, вызванной игрой в кустах сатира с ореадой.

— Но этот лес просто несносен! — сказал Юрген. — Есть ли у вас, люди Леса, хоть какая-то этика и мораль? Есть ли у вас чувство приличия, разве можно резвиться в рабочий день?

— Нет, — ответил Сатир, — конечно же, нет. Ни у кого из моего народа ничего такого нет, а естественным занятием всех сатиров является то, что ты сейчас прервал.

— Вероятно, ты говоришь правду, — сказал Юрген. — Все же тебе следует стыдиться того, что ты не лжешь.

— На самом деле, стыд для сатира что-то неслыханное! Слушай, ты, в блестящей рубахе, убирайся прочь! Мы изучаем эвдемонизм, а ты несешь чушь; и я занят, а ты мне мешаешь, — сказал Сатир.

— Кстати, на Кокаине, — сказал Юрген, — эвдемонизмом занимаются в помещении при закрытых дверях.

— А ты когда-нибудь слыхал, чтобы сатир находился в помещении?

— Спаси нас от зла и вреда! Но какое это имеет отношение к моим словам?

— Не пытайся увильнуть, ты, блестящий идиот! Сейчас ты сам видишь, что несешь чушь. И повторяю, что такая неслыханная чушь меня раздражает, — сказал Сатир.

Ореада вообще ничего не говорила. Но она тоже выглядела рассерженной, и Юрген подумал, что, вероятно, ореад не принято спасать от эвдемонизма сатиров.

И Юрген их оставил. И еще дальше в десу он нашел лысого коренастого человека с большим пузом, толстым красным носом и очень маленькими мутными глазками. Сейчас этот старик был до такой степени пьян, что даже не мог идти: он сидел на земле, прислонившись к стволу дерева.

— Весьма недостойно находиться в таком состоянии с раннего утра, — заметил Юрген.

— Но Силен всегда пьян, — ответил лысый человек, с достоинством икнув.

— Так, значит, ты еще один из местных! Ну, и почему же ты всегда пьян, Силен?

— Потому что Силен — мудрейший из Лесного Народа.

— Ах, прошу прощения. Наконец-то нашелся хоть один, чьи извинения за свои ежедневные занятия внушают доверие. Тогда, Силен, раз ты так мудр, расскажи мне, неужели действительно для человека наилучшая судьба — вечно быть пьяным?

— Вообще-то нет. Пьянство — радость, уготованная богам, а люди разделяют ее совершенно нечестиво, и их соответственно наказывают за такую наглость. Людям лучше вообще не рождаться. А уж родившись, умереть как можно быстрее.

— О да! А если не удастся!

— Третья наилучшая вещь для человека — делать то, что от него ожидают, — ответил Силен.

— Но это же Закон Филистии, а с Филистией, как мне сообщили, Псевдополь находится в состоянии войны.

Силен задумался. Юрген обнаружил, что в этом старике весьма неприятным являлось то, что его мутные глазки не моргали, а веки вообще не шевелились. Его глаза двигались, словно волшебные глаза раскрашенного изваяния, под совершенно неподвижными красными веками. Поэтому было неприятно, когда эти глаза смотрели на тебя.

— Я скажу тебе, малый в блестящей рубахе, одну тайну: филистеры сотворены по образу Кощея, который создал все таким, какое оно есть. Подумай об этом! Так что филистеры делают то, что от них ожидают. А жители Левки сотворены по образу Кощея, который создал еще и многое другое таким, какое оно есть. Поэтому народ Левки делает то, что принято, оставаясь верным классической традиции. Подумай также и об этом! А потом выбери себе в этой войне какую-нибудь сторону, помня, что ты все равно на стороне глупости. А когда произойдет то, что произойдет, вспомни, как Силен точно предсказал тебе все, что произойдет, задолго до того, как это произошло, поскольку Силен так стар, так мудр и так непристойно пьян, и ему очень-очень хочется спать.

— Да, конечно, Силен. Но как закончится эта война?

— Тупость победит тупость, но это неважно.

— О да! Но что станет в этой битве с Юргеном?

— И это неважно, — утешающе произнес Силен. — Никто о тебе не побеспокоится. — И на этом он закрыл свои жуткие мутные глаза и заснул.

И Юрген, покинув старого пьяницу, собрался покинуть и этот лес. «Несомненно, что весь народ Левки решил делать то, что принято, — размышлял Юрген, — по бесспорной причине, таков их обычай, и он всегда будет таковым. И они воздержатся от этих занятий только тогда, когда кошка начнет есть желуди. Так что достаточно мудро будет не вдаваться дальше в этот вопрос. В конце концов, эти люди, возможно, правы. И, определенно, я не могу зайти так далеко, чтобы утверждать обратное. — Юрген пожал плечами. — Но все же, в то же самое время!..»

Возвращаясь к своей хижине, Юрген услышал страшный вой и ор, словно вопили сумасшедшие.

— Привет тебе, дочь многоискусного Протогона, получающая удовольствие в горах и битвах и в барабанном бое! Привет тебе, лживая спасительница, матерь всех богов, что спешит теперь, удовлетворенная долгими скитаниями, чтобы благоприятствовать нам!

Но шум становился все более неприятным, и Юрген на всякий случай отошел в кусты. И тут он стал свидетелем прохождения по лесу весьма примечательной процессии. У этой процессии были достаточно необычные особенности, которые заставили Юргена поклясться, что тот желанный миг, когда он, целый и невредимый, выйдет из леса, отметит собой окончание его последнего визита туда. Затем изумление переросло в ужас: ибо теперь мимо него двигалась Матушка Середа, или, как ее назвала Анайтида, Асред. В этот раз вместо полотенца на голове у нее была своего рода корона в виде венка из падающих башен; она держала в руке большой ключ, а ее колесницу везли два льва. Ее сопровождали бритоголовые поющие мужчины, и было очевидно, что эти люди расстались с собственностью, которую весьма ценил Юрген.

— Несомненно, — сказал он, — это самый что ни на есть опасный лес.

Юрген спросил позднее об этой процессии и получил от Хлориды сведения, удивившие его.

— И это существа, которые, как я думал, являются поэтическим украшением речи! Но что в таком почтенном обществе делает эта старушка?

Он описал Матушку Середу, и Хлорида рассказала, кто она такая. Тут Юрген покачал своей головой с прилизанными черными волосами.

— Вот еще одна тайна! Однако, в конце концов, меня не волнует, если эта старушка предпочитает дополнительную анаграмму. Я должен критиковать ее в последнюю очередь, поскольку по отношению ко мне она была более чем щедра. Я сохраню ее дружбу с помощью безотказного средства: уйду с ее дороги. О, я определенно уйду с ее дороги сейчас, когда понял, что́ сделали с мужчинами, которые ей служат.

А после этого Юрген и Хлорида жили вместе весьма счастливо, хотя Юрген и стал находить, что его гамадриада чуточку непонятлива, если вообще не бестолкова.

«Она меня не понимает и не всегда относится к моей мудрости с должным уважением. Это несправедливо, но кажется неизбежной чертой семейной жизни. Кроме того, если б какая-нибудь женщина понимала меня, она бы из чувства самосохранения отказалась выйти за меня замуж. В любом случае, Хлорида — милая, загорелая, пухленькая, сладенькая куропаточка. А ум в женщине, в конце концов, совершенно неуместная добродетель».

И Юрген не вернулся в Лес, но не пошел и в город. Ни Полевой Народ, ни, конечно же, Лесной не входил никогда в городские ворота.

— Но, по-моему, тебе бы понравились красоты Псевдополя, — говорит Хлорида. — ...И их красавица-царица, — добавила она почти так, словно говорила без задней мысли.

— Милая моя женушка, — говорит Юрген, — я не хочу показаться хвастуном. Но в Евбонии!.. В общем, когда-нибудь мы действительно должны вернуться в мое королевство, и ты сама посмотришь на пару дюжин моих городов — Зиф, Эглингтон, Пуассье, Газден, Берембург. И тогда ты согласишься со мной, что эта

деревушка Псевдополь, хотя по-своему и достаточно хороша... и Юрген пожал плечами. — Но чтобы сказать больше!..

— Порой, — говорит Хлорида, — я гадаю, есть ли такое место, как твое прекрасное королевство Евбония. Определенно, оно становится больше и великолепнее с каждым разом, когда ты о нем рассказываешь.

— Так, может быть, — спрашивает Юрген, скорее задетый, чем рассерженный, — ты подозреваешь меня в неискренности или, точнее, в самозванстве?

— Какая разница? Ты же Юрген, — радостно отвечает она.

И мужчина был тронут, когда она улыбнулась ему, оторвавшись от сверкающего причудливого вышивания, над которым Хлорида, похоже, трудилась бесконечно. Он ощущал нежность по отношению к ней, странным образом граничащую с угрызениями совести. И ему казалось, что если б он знал более прелестных женщин, он бы определенно никогда не нашел среди них более милую, чем его пухленькая, трудолюбивая, жизнерадостная женушка.

— Дорогая моя, мне не хочется снова видеть царицу Елену — это факт. Я доволен здесь, с женой, соответствующей моему положению, достойной моих способностей и бесконечно превосходящей мои заслуги.

— А ты очень часто думаешь о той светловолосой дылде, король Юрген?

— Это несправедливо, и ты, Хлорида, обижаешь меня незаслуженными подозрениями. Мне больно думать, моя милая, что ты оцениваешь связывающие нас узы как слишком непрочные, если считаешь, что я способен разорвать их хотя бы в мыслях.

— Говорить о честности очень мило, но это не ответ на конкретный вопрос.

Юрген посмотрел ей прямо в глаза и засмеялся.

— Вы, женщины, так бессовестно практичны. Моя милая, я видел царицу Елену лицом к лицу. Но ведь тебя я люблю так, как мужчина обычно любит женщину.

— Это ни о чем не говорит.

— Нет, ибо я пытаюсь выражаться в соответствии со своей значительностью. Ты забываешь, что я также видел и Ахилла.

— Но ты же восхищался Ахиллом! Ты мне сам так сказал.

— Я восхищался совершенствами Ахилла, но мне искренне не нравится мужчина, владеющий ими. Поэтому я буду сторониться и царя и царицы Псевдополя.

— Однако ты не войдешь и в Лес, Юрген...

— Только не после того, чему я стал свидетелем, — сказал Юрген с преувеличенной дрожью, которая была не так уж преувеличена.

Тут Хлорида рассмеялась и, отложив свое причудливое вышивание, взъерошила ему волосы.

— И ты находишь Полевой Народ нестерпимо глупым и неинтересным по сравнению с твоими Зоробасиями, Птолемопитерами и многими другими, так что держишься в стороне и от него. О, глупенький мой муженек, решив стать ни рыбой, ни зверем, ни птицей, нигде ты не будешь счастлив.

— Не я определяю свою природу, Хлорида. А что касается счастья, я не жалуюсь. На самом деле мне сегодня не на что жаловаться. Поэтому я вполне доволен своей милой женой и своим образом жизни на Левке, — со вздохом сказал Юрген.

ГЛАВА XXIX,

Касающаяся сказанного Горвендилом вздора

сным спокойным ноябрьским днем, в то время года, которое Полевой Народ называл Летом Алкионы, Юрген вышел из леса. Пройдя мимо рвов Псевдополя и избежав встречи с кем-либо из удручающе славных жителей города, Юрген оказался на берегу моря.

Хлорида предложила ему прогуляться, чтобы она могла прибраться у него в хижине, пока она приводит в порядок к зиме свое дерево, и таким образом за один день выполнить двойную работу. Ибо у гамадриады дуба огромная ответственность в течение всей зимы в отношении палой листвы, и желудей, сдуваемых с ветвей и разбрасываемых по всей земле, и ствола, треснувшего так, что он начал выглядеть совсем скверно. А от Юргена в любой подобной работе больше помех, чем помощи. Так что Хлорида дала ему узелок с едой, подарила небрежный поцелуй и велела идти на берег моря, где к нему придет вдохновение, и сложить о ней какое-нибудь милое стихотворение.

— И возвращайся к ужину, Юрген, — сказала она, — но ни минутой раньше.

И так вот получилось, что Юрген в задумчивости и одиночестве съел свой обед, рассматривая Евксин. Солнце находилось высоко в небе, и странная тень, следовавшая за Юргеном, почти сошла на нет.

«Это действительно вдохновляющее зрелище, — размышлял Юрген. — Каким слабым кажется человеческий род по сравнению с этим могучим морем. — Тут Юрген пожал плечами. — Хотя в действительности, когда я сейчас думаю об этом, у меня нет никакого желания отдаться традиционным эмоциям. Все это выглядит как огромное скопление воды и ничто

иное. И я не могу не согласиться, что вода ведет себя весьма бестолково».

Так он сидел в сонном созерцании моря. Вдали на воде образовалась некая тень, наподобие тени от широкой доски, плывущей к берегу, и при приближении она удлинялась и темнела. Вскоре она стала длиной в несколько футов и приобрела твердость, гладкость и черный цвет нефрита: то была внутренняя сторона волны. Затем ее верхушка застыла, и южный край волны рухнул вниз, и с чрезвычайной быстротой эта белая легкая кромка нырнула, бросилась, рванулась на север по всей протяженности волны. Нужна была особая точность и искусность, чтобы вся волна перевернулась вот так целиком. Плеск и бултыхание, похожие на кипящее молоко, вырвались на коричневый, прилизанный песок. И, пока весь этот беспорядок распространялся вдоль берега, волна утончалась до сетчатой белизны, вроде кружев, а потом струек дыма, исходивших от песка. Очевидно, наступал прилив.

Или, возможно, отлив. У Юргена были смутные представления о подобных явлениях. Но, в любом случае, море затевало серьезную суматоху с весьма приятным и подбадривающим ароматом.

А потом все это повторилось еще раз, а потом опять и опять. Это произошло сотни раз с того момента, как Юрген впервые сел поесть: и что этим достигнуто? Море вело себя глупо. Не было никакого смысла в этом постоянном окатыванье, шлепанье, хлопанье, шипенье и брызганье.

Юрген клевал носом над остатками своего обеда.

— Пустым растрачиванием сил вынужден я это назвать, — сказал Юрген вслух, как раз тогда, когда заметил, что на побережье находятся еще два человека.

Один шел с севера, а другой с юга, так что они встретились не очень далеко от того места, где сидел Юрген, и по невероятному стечению обстоятельств оказалось, что Юрген был знаком с этими людьми во времена своей первой юности. Он поприветствовал их, и они тотчас же его узнали. Одним из этих путников являлся Горвендил, служивший кем-то вроде секретаря графа Эммерика, когда Юрген был еще мальчишкой; а другим был Перион де ла Форэ, тот разбойник,

что появился давным-давно в Бельгарде под видом виконта де Пизанжа. И трое старых знакомых удивительным образом сохранили свою молодость.

Теперь Горвендил и Перион дивились прекрасной рубахе, которую носил Юрген.

— Вы должны знать, — скромно сказал он, — что я недавно стал королем Евбонийским и должен одеваться согласно своему положению.

Они сказали, что всегда верили, что ему выпадет такая высокая честь, а затем втроем повели оживленную беседу. И Перион рассказал, как он проходил через Псевдополь на пути к королю Теодорету в Лакре-Кай и как на рыночной площади Псевдополя видел царицу Елену.

— Это прелестная дама, — сказал Перион, — и я поражаюсь ее сходству с прекрасной сестрой графа Эммерика, которую мы все помним.

— Я это сразу же заметил, — сказал Горвендил и странно улыбнулся, — когда тоже проходил по городу.

— Как же, этого никто не может не заметить, — сказал Юрген.

— Конечно, я не считаю ее такой же прелестной, как госпожа Мелицента, — продолжил Перион, — поскольку, как я заявлял во всех концах земли, никогда не жила и не будет жить женщина, сравнимая по красоте с Мелицентой. Но вы, господа, кажется, удивлены тем, что, по-моему, является просто очевидным утверждением. Ваше настроение заставляет меня указать, что это утверждение я никому не позволю отрицать. — И честные глаза Периона неприятно сузились, а его загорелое лицо нехорошо напряглось.

— Милостивый государь, — поспешно сказал Юрген, — просто мне показалось, что дама, которую здесь называют царицей Еленой, вероятнее всего является сестрой графа Эммерика Доротеей ла Желанэ.

— Тогда как я сразу же распознал в ней, — добавил Горвендил, — третью сестру графа Эммерика — Ла Беаль Эттарру.

И тут они уставились друг на друга, потому что, несомненно, три сестры не были особо похожи.

— Оставляя в стороне вопрос зрительного восприятия, — заметил Перион, — бесспорно, что вы оба извращаете факты. Один из вас говорит, что это

госпожа Доротея, а другой говорит, что это госпожа Эттарра, тогда как всем известно, что эта самая царица Елена, кого бы она ни напоминала, не кто иная, как царица Елена.

— Для вас, всегда являющегося одним и тем же человеком, — ответил Юрген, — это может звучать разумно. Что касается меня, я являюсь несколькими людьми сразу и не нахожу ничего удивительного в том, что другие люди напоминают меня.

— Не было бы ничего удивительного, — предположил Горвендил, — если бы царица Елена была женщиной, которую мы тщетно любили. Ибо женщина, которую мы в юности тщетно любили, есть женщина, которую мы никогда не увидим больше совершенно отчетливо, такою, какой она была, что бы ни случилось. Так что, полагаю, мы легко могли перепутать ее с какой-то другой женщиной.

— Но дамой, которую я тщетно любил, является Мелицента, — сказал Перион, — и меня не волнует царица Елена. С какой стати? А что вы имеете в виду, Горвендил, намекая, что я заколебался в своей верности госпоже Мелиценте, узрев царицу Елену? Мне не нравятся подобные намеки.

— Тем не менее, я люблю Эттарру, и любил не совсем тщетно, и любил не колеблясь, — продолжал Горвендил со спокойной улыбкой, — и уверен, что когда смотрел на царицу Елену, то лицезрел Эттарру.

— Могу признаться, — сказал Юрген, откашлявшись, — что всегда относился к госпоже Доротее с особым уважением и восхищением. Что касается остального, я женат. Но даже при этом, думаю, что госпожа Доротея и есть царица Елена.

Они стали гадать над этой тайной. И вскоре Перион сказал, что единственный способ добиться истины состоит в том, чтобы оставить решение этого вопроса за самой царицей Еленой.

— Она, в любом случае, должна знать, кто она такая. Поэтому один из вас вернется в город и обнимет ей колени, что соответствует обычаю этой страны в случае, когда кто-то умоляет царя или царицу о милости. А затем честно обо всем ее спросит.

— Только не я, — сказал Юрген. — Я нахожусь в настоящее время в некоторой близости с одной гама-

дриадой. Я доволен своей гамадриадой. И не намерен больше оказываться в присутствии царицы Елены, чтобы сохранить свое благоденствие.

— Что ж, а я не могу пойти, — сказал Перион, — поскольку у госпожи Мелиценты на левой щеке маленькая родинка. А у царицы Елены щека чистая. Вы, конечно, понимаете, в чем я уверен: эта родинка безмерно усиливает красоту госпожи Мелиценты, — преданно добавил он. — Тем не менее, я не собираюсь поддерживать каких-либо отношений с царицей Еленой.

— А у меня причина не ходить туда такова, — сказал Горвендил: — Если я попытаюсь обнять колени Эттарры, которую здесь называют Еленой, она мгновенно исчезнет. Оставляя в стороне другие вопросы, я не хочу навлекать такую беду на остров Левку.

— Но это же вздор, — сказал Перион.

— Конечно, — сказал Горвендил. — Вот, вероятно, почему это и произойдет.

Таким образом, ни один из них туда не пошел. И все трое остались при своем мнении о царице Елене. А вскоре Перион сказал, что они теряют попусту как время, так и слова. Тут он попрощался со своими собеседниками и пошел дальше на юг, в Лакре-Кай. А в пути он пел песнь в честь госпожи Мелиценты, которую прославлял как Сердце Сердца своего; а двое, слышавшие его, согласились, что Перион де ла Форэ, вероятно, худший поэт на свете.

— Тем не менее, это действительно рыцарь и достойный господин, — сказал Горвендил, — намеревающийся доиграть остаток своего романа. Интересно, получает ли Автор большое удовольствие от таких простодушных действующих лиц. По крайней мере, ими наверняка легко манипулировать.

— Я накапливаю в себе разумную меру галантности, — сказал Юрген. — Я больше не стремлюсь быть рыцарем. И на самом деле, Горвендил, мне кажется бесспорным, что каждый из нас — герой своего собственного романа и не может понять роман другого человека, а все в нем истолковывает неверно, так же как мы втроем поссорились по пустяковому поводу о женском лице.

Тут молодой Горвендил задумчиво пригладил левой рукой за уши свои вьющиеся рыжие волосы, задумчиво уставившись в никуда.

— Я бы сказал, Юрген, что мы втроем встретились как действующие лица трех отдельных романов, который Автор создал в разных стилях.

— Это, согласился Юрген, — тоже было бы вздором.

— О, но, вероятно, Автор очень часто сочиняет вздор. Юрген, который является сейчас королем Евбонийским! — сказал Горвендил, и в его широко расставленных глазах заиграл огонек. — Что есть такого в вас и во мне, чтобы проверить, что наш Автор не создает наши романы с долей иронии?

— Мессир Горвендил, если вы пытаетесь шутить о Кощее, который сотворил все таким, какое оно есть, предупреждаю вас, что считаю такого рода юмор небезопасным. Не будучи чересчур щепетильным, я верю в здравый смысл и предпочел бы, чтобы вы говорили о чем-нибудь другом.

Горвендил по-прежнему улыбался.

— Вы рассчитываете однажды прийти к Кощею, как вы называете Автора. Это неплохо сказано и звучит превосходно. Но как вы отличите Кощея? И как вы узнаете, что уже не прошли мимо Кощея на какой-нибудь улице или поляне? Давайте же, король Юрген, — сказал Горвендил, на молодом лице которого по-прежнему играла проказливая улыбка, — давайте, расскажите же мне, откуда вы знаете, что я не Кощей, который сотворил все таким, какое оно есть?

— Да ну вас! — сказал Юрген. — У вас бы никогда не хватило мозгов, чтобы выдумать Юргена. Меня беспокоит нечто иное: я вдруг вспомнил, что юный Перион, который покинул нас минуту назад, станет богатым, седовласым и знаменитым, отберет госпожу Мелиценту у ее мужа-язычника и женится на ней сам. А все это произошло давным-давно. Так что наш последний разговор с юным Перионом кажется весьма невероятным.

— Что ж, но разве вы также не помните, что я убежал в ту ночь, когда Можи д'Эгремон ворвался в Сторизенд, и обо мне больше никто не слышал, а это все тоже имело место много-много лет тому назад? Однако мы встретились в облике троих красивых молодых людей здесь, на берегу сказочной Левки. Я честно говорю вам это, король Юрген. Так каким же

непостижимым образом могло это произойти, если Автор порой не сочиняет вздор?

— Поистине, Горвендил, ваш способ выражаться несколько все искажает. И я не могу придумать этому правдоподобного объяснения.

— Опять-таки, посмотрите, король Юрген Евбонийский, как вы недооцениваете способности Автора. Вот один из самых древних приемов создателей романов. Посмотрите сами! — И внезапно Горвендил толкнул Юргена, и Юрген упал на теплый песок.

Потом Юрген поднялся, зевая и потягиваясь. «Весьма дурацкий сон я увидел, задремав здесь на солнце. Несомненно, это был сон. Иначе бы они оставили след — эти двое молодых людей, что шли дорогой молодости много лет тому назад. И в этом сне нет никакого смысла. Но на самом деле было бы странно, если бы в этом была вся суть и если жизнь — такой же сон, как заставил меня вообразить этот чудак Горвендил».

Юрген махнул рукой.

«Что же из соображений обычной справедливости мог он или кто-нибудь иной от меня ожидать? Вот ответ, который я бросаю вам, созданный мной во сне Горвендил. Я отказался от вас как от самой ничтожной из своих задумок. Да ну вас! И скатертью дорога. Я никогда не одобрял выведение людей из равновесия».

Затем Юрген отряхнулся и побрел домой ужинать с гамадриадой, которая его вполне удовлетворяла.

ГЛАВА XXX

Расчетливость короля Юргена

еперь дивный сон Юргена породил в его неугомонной голове различные идеи. Любопытство Юргена было так велико, что он с трепетом вошел в ненавистный Лес, преодолел Коалиснакоан (то есть Собачью Переправу) и совершил все отвратительные вещи, необходимые, чтобы задобрить Фобетора. Затем Юрген обхитрил Фобетора неописуемым способом, при котором удивительным образом использовались сыр, три жука и буравчик, и так вытянул из Фобетора серую магию. И в ту ночь, пока Псевдополь спал, король Юрген попал в город из золота и слоновой кости.

Юрген с отвращением шел мимо высоколобых и длинноруких монархов Псевдополя. Они напоминали ему о том, что́ именно он давным-давно оставил в стороне, и заставляли его ощущать себя презренным и никчемным. В действительности, как раз по этой причине он и избега́л города.

Сейчас он проходил мимо неосвещенных, безмолвных дворцов, идя по пустынным улицам, на которых луна создавала зловещие тени. Вот дом Аякса Теламонида, правящего на окруженном морем Саламине, тут дом богоподобного Филоктета; многоуважаемый Одиссей проживает как раз через дорогу, а особняк на углу принадлежит светловолосому Агамемнону; при лунном свете Юрген легко разобрал эти имена, выгравированные на бронзовых табличках, прибитых к дверям. По обе стороны от него спали герои старой песни, а Юрген крался под их окнами.

Он вспомнил, как безразлично — чуть ли не презрительно — эти люди смотрели на него сверху вниз в тот жуткий полдень, когда он рискнул войти в

Псевдополь при солнечном свете. И им овладел злорадный порыв ярости, и Юрген погрозил кулаком огромным безмолвным дворцам.

— Ну, погодите! — проворчал он, так как вообще-то не знал, что именно хочет сказать этим великим, но вместе с тем бездарным героям, которым наплевать на его слова, но знал, что ненавидит их. Затем Юрген понял, что рычит, словно побитая дворняжка, боящаяся укусить, и засмеялся над своим новым состоянием.

— Прошу прощения, господа греки, — сказал он с низким церемонным поклоном, — по-моему, я хочу вам сообщить лишь то, что я — чудовищно умный малый.

Юрген вошел в самый большой дворец, бесшумно, на цыпочках прошмыгнул мимо опочивальни царя людей Ахилла и наконец попал в небольшую, обшитую кедром комнатку, где спала царица Елена. Когда он с должным соблюдением правил серой магии зажег свою лампу, она улыбалась во сне. Царица была бесконечно прекрасна — эта юная Доротея, которую здесь по ошибке называли Еленой.

Юрген отлично видел, что это сестра графа Эммерика Доротея ла Желанэ, которую он тщетно любил в те дни, когда был молод как телом, так и душой. Лишь раз он возвратился к ней — в саду между рассветом и закатом. Но тогда он был потрепанным временем бюргером, которого Доротея не узнала. Сейчас же он вернулся к ней королем, возможно, менее восхитительным, чем многие цари без царств, спящие сейчас в Псевдополе, но по-прежнему весьма неотразимым в своей взятой взаймы молодости, а прежде всего вооруженным серой магией: так что невероятное было возможно. Юрген осмотрелся, провел языком по верхней губе от уголка до уголка, а его рука потянулась к фиолетовому шерстяному одеялу, накрывавшему спящую девушку, и он стоял, готовый разбудить Доротею ла Желанэ так, как часто будил Хлориду.

Но его сдерживала странная мысль. Он вспомнил, что ничто не было способно очень сильно уязвить его с тех пор, как он потерял свою юную Доротею. И в

делах, которые грозили завершиться весьма плачевно, он всегда умудрялся придать всему соответствующий оборот, сохраняя сердце холодным. Что если вследствие какой-то ошибки он получит назад свою настоящую молодость и вновь станет легко возбудимым юношей, шарахающимся от восторженного заикания до безумного уныния и обратно из-за малейшего слова или жеста златовласой девушки?

— Нет, спасибо, — сказал Юрген. — Юноша был более восхитителен, чем я, который, по сути, не всецело восхитителен. Но тогда у него была, вообще-то говоря, никудышная пора. Таким образом, возможно, здесь спит моя настоящая молодость, и ни под каким видом я не стану ее вновь будить.

Но, однако, на глаза ему без всякого повода навернулись слезы. И ему показалось, что спящая женщина, находившаяся теперь в его полном распоряжении, была не юной Доротеей, которую он видел в саду между рассветом и закатом, хотя обе были на удивление похожи; и что из них двоих эта женщина почему-то бесконечно прелестнее. И...

— Милостивая государыня, если вы в самом деле дочь Лебедя, то я скажу вам, что давным-давно жил некий больной ребенок. И его болезнь обернулась лихорадкой, и в лихорадке он однажды ночью встал с постели, говоря, что должен отправиться в Трою из-за любви к царице Елене. Когда-то я был тем ребенком. Помню, насколько странным мне показалось то, что я несу такой вздор. Помню, как теплая комната пахла лекарствами. И помню, как грустно мне было видеть встревоженное лицо сиделки, искаженное и старое при желтом свете лампы. Она меня любила, но не понимала. И она умоляла меня быть хорошим мальчиком и не беспокоить спящих родителей. Но сейчас я понимаю, что я не нес вздор.

Он замолк, решая эту загадку, а его пальцы теребили шерсть фиолетового одеяла, под которым лежала царица Елена.

— О твоей красоте люди знают по одним лишь сказкам и не могут ни найти ее, ни завоевать. И по этой красоте я тосковал всегда, даже в детстве. Я

всегда стремился к этой красоте, но не совсем искренне. Та ночь предсказала всю мою жизнь. Я тосковал по тебе и, — тут Юрген улыбнулся, — всегда оставался сносным, хорошим мальчиком, чтобы, не дай Бог, беспричинно не разволновать свою семью. Делать так, по-моему, было бы несправедливо; и я по-прежнему считаю, что для меня поступить так было бы несправедливо.

В этот момент Юрген поморщился. Он нашел свои угрызения совести неприлично обстоятельными.

— И, по-моему, то, что я делаю этой ночью, несправедливо по отношению к Хлориде. И я не знаю, чего хочу, а желания Юргена — пушинка на ветру. Но я знаю, что мне хотелось бы любить кого-нибудь так, как любит меня Хлорида и как любили меня многие женщины. И знаю, что именно ты, царица Елена, мешала этому в каждый миг моей жизни, начиная с того ужасного мгновенья, когда я, кажется впервые, обнаружил твои прелестные черты на лице госпожи Доротеи. Это воспоминание о твоей красоте я видел потом отраженным, как в зеркале, в лицах кокеток, и оно ослабляло во мне искреннюю любовь, которые другие мужчины дарят женщинам. И я завидую этим мужчинам. Потому что Юрген не любил никого — даже себя, Юргена! — совершенно искренне. А что если б я сейчас отомстил этой воровской миловидности, этой грабительнице, что лишила мою жизнь радости и печали?

Юрген очень долго стоял у постели царицы Елены, глядя на нее. Его настроение улучшилось, а уродливая и громадная тень, что следовала за ним, колебалась на кедровых стенах опочивальни царицы Елены.

«Моя магия безотказна», — сказал старый Фобетор, когда его помощники подняли ему веки, чтобы он увидел короля Юргена.

Теперь Юрген это вспомнил. И он в задумчивости слегка потянул фиолетовое шерстяное одеяло. Обнажилась грудь царицы Елены, но сама она не пошевелилась, а лишь улыбалась во сне.

Никогда Юрген не воображал, что какая-либо женщина может быть настолько прекрасной и желанной,

как эта, или что он когда-нибудь познает подобный восторг. Поэтому Юрген приостановился.

— Возможно, что у этой женщины есть какой-нибудь недостаток, — сказал тут Юрген, — возможно, в ее красоте где-то есть некий изъян. И, прежде чем узнать о нем, я предпочел бы сохранить свои безрассудные мечты и эту тоску, что безнадежна и неутолима, и воспоминание о сегодняшней ночи. Кроме того, если она во всем совершенна, как бы я мог жить дальше, когда у меня не осталось бы больше желаний? Нет, я, в любом случае, предал бы свои собственные интересы. А несправедливость всегда презренна.

И Юрген вздохнул, тихонько поправил фиолетовое шерстяное одеяло и возвратился к своей гамадриаде.

«Мне кажется, — размышлял Юрген, — я веду себя весьма благородно. Да, бесспорно, сегодня ночью я выказал определенную тонкость чувств, которая так или иначе заслуживает особой оценки царя Ахилла».

ГЛАВА XXXI

Падение Псевдополя

ак Юрген продолжал жить на Левке, подчиняясь обычаям этой страны. Они с Хлоридой проводили время достаточно приятно до тех пор, пока не приблизилось зимнее солнцестояние. Псевдополь, как уже говорилось, находился в состоянии войны с Филистией. И случилось так, что в это время года на Левку вторглась армия филистеров (которые в прошлом звались филистимлянами), возглавляемая их королевой Долорес — женщиной мудрой, но не во всем заслуживающей доверия. Они появились на побережье — жуткая армия, облаченная в безумные одежды, которые приказал им надеть бог Заполь, и распевающая псалмы в честь своего бога Нановиза, вдохновившего их на этот поход. Они устремились к Псевдополю и встали лагерем у стен города.

Эти самые филистеры в данной кампании воевали, распространяя перед собой наиболее ужасную разновидность греческого огня, который пожирал все, что было не серого цвета. Ибо лишь к одному этому цвету был благосклонен сейчас их бог Нановиз.

— А все остальные цвета, — провозгласили его оракулы, — навеки мне отвратительны: до тех пор, пока не скажу иначе.

Когда войска Филистии выстроились на равнине перед Псевдополем, королева Долорес обратилась с речью к своим полкам. Она с улыбкой сказала:

— Когда бы вы ни вступили в схватку с врагом, он будет побит. Никакой пощады, никаких пленных. Так же как филистимляне под командованием Ливны, Голиафа, Гирсона и многих других высоких военачальников создали себе славное имя, которое все еще сильно в преданиях и легендах, да будет имя Реалиста

увековечено в Псевдополе вашими сегодняшними деяниями, чтобы никто не посмел даже косо посмотреть на филистера. Откройте ворота Реализму, раз и навсегда!

Между тем в городе Царь людей Ахилл обращался к своей армии:

— На вас будет смотреть весь мир, потому что вы, в некоем особом смысле, являетесь солдатами Романтизма. Поэтому гордитесь тем, что покажете людям повсюду, что вы не только хорошие воины, но также и хорошие люди, во всем прямые и честные, чистые и непорочные. Давайте же определим себе мерило, настолько высокое, что жизнь по нему принесет нам славу, а затем станем жить по нему и добавим новые лавры к венку Псевдополя. Да хранят и ведут нас Боги Древности!

А Терсит сказал себе в бороду:

— Несомненно, Пелид узнал из истории, каким оружием богатырь нанесет поражение филистимлянам.

А другие цари захлопали в ладоши, заиграла труба, и битва началась. И в тот день повсюду одерживали победу войска Филистии. Но они доложили о странном происшествии: когда филистеры издавали победные крики, Ахилл и все его войско поднялись с земли, словно мерцающие облака, и пролетели над головами филистеров, насмехаясь над ними.

Так Псевдополь опустел, и филистеры вошли в него без какого-либо сопротивления. Они осквернили город кощунственными цветами, а затем сожгли его в качестве жертвоприношения своему богу Нановизу, потому что у пепла серый цвет.

Затем филистеры воздвигли литои (которые чем-то были похожи на майские деревья) и начали отправлять свои религиозные обряды.

* * *

Так рассказывали, но Юрген не был свидетелем всех этих событий.

— Пусть они доведут сражение до конца, — сказал Юрген, — это не мое дело. Я согласен с Силеном:

тупость победит тупость, и все это неважно. Но ты, милая моя женушка, укройся со своими родственниками в непобедимом Лесу, ибо не описать, какой урон могут нанести филистеры округе.

— Ты пойдешь со мной, Юрген?

— Моя милая, ты отлично знаешь, что я не могу вновь войти в Лес после той шутки, которую сыграл с Фобетором.

— Если б ты только не терял головы из-за этой дылды Елены в желтом парике — у меня нет сомнений, что у нее каждая прядь накладная, и, в любом случае, сейчас не время спорить об этом, Юрген, — ты бы тогда и не связался с дядюшкой Фобетором! Это тебя очень просто выдает!

— Да, — сказал Юрген.

— Все же не знаю. Если б ты пошел со мной в Лес, дядюшка Фобетор со своим порывистым нравом, несомненно, превратил бы тебя в хряка, поскольку он всегда делал так с теми, кто его раздражал...

— Похоже, я знаю причину.

—...Но дай мне время, и я смогу уговорить дядюшку Фобетора, как я всегда делала, и он совершит обратное превращение.

— Нет, — упрямо говорит Юрген. — Я не хочу быть превращенным в хряка.

— Но, Юрген, давай будем благоразумны! Конечно, это немножко унизительно. Но я буду очень хорошо за тобой ухаживать и кормить тебя отменными желудями, и все это будет временным явлением. А быть свиньей пару недель или даже месяц гораздо лучше для поэта, чем быть взятым в плен филистерами.

— Откуда ты знаешь? — спросил Юрген.

— ...В конце концов, у дядюшки Фобетора доброе сердце. Просто у него такой нрав. И, кроме того, ты должен помнить, что́ ты сделал с помощью того буравчика!

Юрген же сказал:

— Все это едва ли относится к сути. Ты забываешь, что я видел этого злополучного кабана и знаю, как он увеличивает природную дикость своих хряков. Нет, я же Юрген. Поэтому я остаюсь. Я встречусь лицом к

лицу с филистерами, и, что бы они мне ни сделали, лучше принять эти страдания, чем те, на которые совершенно определенно обречет меня Фобетор.

— Тогда я тоже остаюсь, — сказала Хлорида.

— Нет, моя милая женушка!..

— Но разве ты не понимаешь? — спросила Хлорида, слегка побледнев, как заметил Юрген. — Поскольку жизнь гамадриады связана с жизнью ее дерева, никто не может причинить мне вреда, покуда живо мое дерево. А если они срубят дерево, я умру, где бы я ни была.

— Я об этом забыл, — Юрген в этот момент действительно был взволнован.

— ...И ты сам видишь, Юрген, что я бесспорно не смогу утащить этот огромный дуб и удивляюсь, что ты говоришь такую ерунду.

— На самом деле, моя милая, — сказал Юрген, — мы пойманы очень ловко. Никто не сможет больше жить мирно, если этого не захотят соседи. Тем не менее, это несправедливо.

Пока он говорил, филистеры вышли из горящего города. Опять протрубила труба, и филистеры выступили в боевом порядке.

ГЛАВА XXXII

Различные приемы филистеров

ежду тем Полевой Народ наблюдал за пожаром в Псевдополе и гадал, что случится с ними. Гадать им долго не пришлось, так как на следующий день Поля были захвачены без сопротивления со стороны их жителей.

— Полевой Народ, — сказали они, — никогда не сражался, и для него было бы неслыханным начать сражаться сейчас.

Так что Поля были заняты филистерами, а весь Полевой Народ судили вместе с Хлоридой и Юргеном. Их объявили устарелыми иллюзиями, чьей заслуженной судьбой являлось предание забвению. Юргену это показалось неразумным.

— Я не являюсь иллюзией, — заявил он. — Я явно создан из плоти и крови и вдобавок к этому являюсь не кем иным, как высокородным королем Евбонийским. Подвергая же сомнению эти факты, вы оспариваете обстоятельства, являющиеся в округе настолько хорошо известными, что они способны встать в один ряд с математической точностью. И поэтому вы выглядите по-дурацки, что говорю вам ради вашего же блага.

Это смутило вождей филистеров, так как людей всегда смущает, когда говорят ради их собственного блага.

— Нам бы хотелось, чтобы вы поняли, — сказали они, — что мы не математики. И, более того, у нас в Филистии нет королей, и там все должны делать то, что от них ожидается, а другого закона нет.

— Как же тогда вы можете быть вождями Филистии?

— Ожидается, что женщины и жрецы ведут себя безответственно. Поэтому все мы, женщины и жрецы,

делаем в Филистии все что хотим, а мужчины нам повинуются. И мы, жрецы Филистии, не думаем, что у вас под рубахой может быть плоть и кровь, а расцениваем это как условность. Это не является очевидным. И, несомненно, вы не могли бы доказать это математически. И то, что вы говорите, — чушь.

— Но я могу доказать это математически и совершенно неопровержимо. Я могу доказать все, что вы от меня потребуете, теми способами, которые вы предпочтете, — скромно сказал Юрген, — по той простой причине, что я — чудовищно умный малый.

Затем заговорила мудрая королева Долорес:

— Я изучала математику. Я допрошу этого молодого человека сегодня ночью у себя в шатре, а наутро доложу правду о его притязаниях. Вы согласны продолжить это расследование, мой щеголеватый друг, носящий королевскую рубаху?

Юрген посмотрел ей прямо в глаза: она была прелестна, как бывает прелестен ястреб. И все, что Юрген увидел, он одобрил. Он предположил, что остальное с этим согласуется, и сделал вывод, что Долорес — роскошная женщина.

— Сударыня и королева, — сказал Юрген, — я удовлетворен. И обещаю вести себя с вами честно.

Так что в тот вечер Юргена препроводили в пурпурный шатер королевы Филистии Долорес. Там было совершенно темно, и Юрген зашел внутрь один, гадая, что произойдет дальше. Но эту благоуханную тьму он нашел превосходным предзнаменованием хотя бы лишь потому, что она не давала тени возможности преследовать его.

— Так вы тот, кто заявляет, что состоит из плоти и крови и, к тому же, является королем Евбонийским, — произнес голос королевы Долорес. — А что за чушь вы несли о доказательстве любого подобного заявления математически?

— Но моя математика, — ответил Юрген, — праксагорейская.

— Вы имеете в виду Праксагора Косского?

— Как будто, — усмехнулся Юрген, — кто-нибудь слышал о другом Праксагоре!

— Но он, как я припоминаю, принадлежал к медицинской школе догматиков, — заметила мудрая королева Долорес, — и особо прославился своими исследованиями в области анатомии. Так он, к тому же, и математик?

— Оба занятия можно совместить, сударыня, как я с наслаждением сейчас вам докажу.

— О, никто этого и не говорил! На самом деле, мне кажется, я слышала о математической системе этого Праксагора, хотя, признáюсь, никогда ее не изучала.

— Наша школа, сударыня, постулирует в первую очередь, что математика, являясь точной наукой, лучше всего втолковывается конкретным примером.

Королева же сказала:

— Это звучит весьма сложно.

— Это время от времени приводит к осложнениям, — согласился Юрген, — при выборе неверного примера. Но аксиома, тем не менее, верна.

— Тогда идите же и сядьте ко мне на диван, если сможете найти его в темноте. И объясните мне, что вы имеете в виду.

— Что ж, сударыня, под конкретным примером я имел в виду тот, который ощущается органами чувств — как-то: зрением, слухом, осязанием...

— Ох, ох! — сказала королева. — Теперь я понимаю, что́ вы имеете в виду под конкретным примером. И, уловив это, я могу понять, что при выборе неверного примера, конечно же, должны возникнуть осложнения.

— Тогда, сударыня, во-первых, необходимо внушить вам посредством примера живое ощущение особых признаков, добродетелей и свойств каждого числа, на которых основывается вся праксагорейская математическая наука. Для того чтобы окончательно убедить вас, мы должны начать издалека, со всеобщих основ.

— Я вижу, — сказала королева, — или скорее в этой темноте я не вижу, но ощущаю вашу мысль. Ваше вступление заинтересовало меня, и вы можете продолжать.

— Итак, ОДИН, или монада, — говорит Юрген, — есть принцип и цель всего сущего. Он открывает величественный узел, связывающий причинно-следствен-

ную цепь; это символ тождества, равенства, существования, сохранения и всеобщей гармонии. — И Юрген сделал особое ударение на этих характеристиках. — Короче, ОДИН — символ объединения вещей. Он вводит ту порождающую добродетель, что является причиной всех сочетаний; и, следовательно, ОДИН — принцип добра.

— Ах, ах! — сказала королева Долорес. — Я от всей души восхищена принципом добра. Но что стало с вашим конкретным примером?

— Он готов для вас, сударыня: существует лишь ОДИН Юрген.

— О, уверяю вас, я в этом еще не убеждена. Все же, окажетесь вы действительно уникальным или нет, смелость вашего примера поможет мне запомнить число ОДИН.

— Теперь, ДВА, или диада, исток противоположностей...

Юрген продолжил проникновенно показывать, что ДВА является символом различия, неугомонности и беспорядка, оканчивающегося разрушением и разделением: и это соответственно принцип зла. Таким образом, жизнь каждого человека является никуда не годной борьбой между ДВУМЯ его компонентами — душой и телом. Так появлением ДВОЙНЯШЕК значительно ослабляется восторг ждущих ребенка родителей.

ТРИ, или триада, — поскольку все состоит из трех субстанций, — содержит самые высшие тайны, которые Юрген соответственно раскрыл. Мы должны помнить (указал он), что у Зевса была ТРОЙНАЯ молния, а у Посейдона — ТРЕЗУБЕЦ, тогда как Аида охранял пес с ТРЕМЯ головами; это вдобавок к самым всемогущим братьям, являющимся ТРОЙКОЙ.

Так Юрген продолжал излагать праксагорейское значение каждой цифры в отдельности, и вскоре королева заявила, что поток его мудрости сверхчеловечен.

— Но, сударыня, даже мудрость царя не безгранична. ВОСЕМЬ, повторяю, — число, соответствующее блаженствам. А цифра ДЕВЯТЬ, или эннеада, к тому

же являющаяся производной от ТРЕХ, должна считаться священной...

Королева послушно внимала демонстрации особых свойств ДЕВЯТИ. А когда Юрген закончил, она призналась, что, несомненно, цифра ДЕВЯТЬ должна считаться сверхъестественной цифрой. Но она отвергла его аналогии с музами, жизнями кошек и количеством портных, создающих человека.

— Скорее, я всегда буду помнить, — заявила она, — что король Юрген Евбонийский подобен чуду, которое потрясает мир ДЕВЯТЬ дней.

— Сударыня, — сказал Юрген со вздохом, — теперь, когда мы достигли ДЕВЯТИ, мне с сожалением приходится сказать, что мы исчерпали все цифры.

— О, какая жалость! — воскликнула королева Долорес. — Тем не менее, я приму единственное доказательство, которое оспаривала: существует лишь ОДИН Юрген. И, несомненно, праксагорейская математическая система — очаровательный предмет. — И она живо начала планировать возвращение Юргена вместе с ней в Филистию, чтобы она смогла усовершенствоваться в высшей математике. — Вы должны научить меня исчислениям и геометрии, как и всем остальным наукам, в которых используются эти цифры. Мы сможем добиться некоего компромисса со жрецами. Этого всегда можно достигнуть со жрецами Филистии. И в самом деле, жрецы Слото-Виепуса созданы для того, чтобы всем во всем помогать. А что касается вашей гамадриады, я позабочусь о ней сама.

— Нет, — сказал Юрген. — Я с чистой совестью готов повсеместно идти на компромиссы, но примириться с силами Филистии — единственное, чего я не могу.

— Это вы серьезно, король Юрген? — королева была ошеломлена.

— Серьезно как никогда, моя милая. Вы во многих отношениях восхитительный народ, и вы во всех отношениях грозный народ. Так что я восхищаюсь, страшусь, избегаю и в самом крайнем случае бросаю вызов. Ибо вы — не мой народ, и волей-неволей меня приводят в ярость ваши законы — в равной степени

безумные и отвратительные. Хотя, заметьте, я ничего не утверждаю. Возможно, вы правы, приписывая этим законам мудрость; и, определенно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!.. Так я это ощущаю. Поэтому я, идущий на компромисс со всем остальным, не могу пойти на компромисс с Филистией. Нет, обожаемая Долорес, это не добродетель, скорее, это инстинкт, и у меня нет выбора.

Даже Долорес, которая была королевой всех филистеров, поняла, что этот человек говорит правду.

— Обидно, — сказала она с явным сожалением, — за вами в Филистии просто бы бегали по пятам.

— Да, — сказал Юрген, — как за учителем математики.

— Но нет же, король Юрген, не только математики, — рассудительно сказала Долорес. — Например, существует поэзия! Мне говорили, что вы поэт, а многие мои подданные, как я считаю, воспринимают поэзию вполне серьезно. Правда, у меня самой нет времени на чтение. Так что вы можете стать поэтом-лауреатом Филистии с любым жалованьем, которое пожелаете. И вы можете учить всех нас своим идеям, слагая о них прекрасные стихи. А мы бы с вами могли быть вместе очень счастливы.

— Учить, учить! Это говорит Филистия, и к тому же весьма искусительно-обворожительными устами, подкупая меня почестями, хорошей едой и вечными блаженствами. Хотя такое случается весьма часто. И я могу лишь повторить, что искусство не является разделом педагогики!

— Действительно, мне от души жаль. Оставив в стороне математику, вы мне нравитесь, король Юрген, просто как человек.

— Мне тоже очень жаль, Долорес. Признаюсь, что я испытываю слабость к женщинам Филистии.

— Определенно, вы не дали мне повода подозревать вас в слабости по этой части, — заметила Долорес, — пока вы находились наедине со мной, и говорили так мудро, и рассуждали так глубокомысленно. Боюсь, после этой ночи я найду всех остальных мужчин более или менее поверхностными. Ой-ёй-ёй! И, вероятно, за-

втра я выплачу все глаза, когда вас предадут забвению и отправят в преисподнюю. Именно так с вами поступят жрецы, король Юрген, под тем или иным предлогом, если вы не подчинитесь законам Филистии.

— На такой компромисс я пойти не могу! Но даже сейчас у меня есть план, как убежать от ваших жрецов, а если он не удастся, я владею заклинанием, к которому обращаются в час страшной нужды. Мои личные дела, таким образом, еще не находятся в безнадежном или хотя бы удручающем состоянии. Это обстоятельство вынуждает меня заметить, что ДЕСЯТЬ, или декада, есть мера всего сущего, поскольку содержит все числовые отношения и согласования...

Подобным образом они продолжали изучение математики до тех пор, пока Юргену не пришло время вновь предстать перед судьями. А наутро королева Долорес послала записку жрецам, сообщая, что она слишком хочет спать, чтобы присутствовать на их совете, но что этот человек, бесспорно, состоит из плоти и крови, вполне заслуживает быть королем, а как математик не имеет себе равных.

Теперь суд филистеров решал, должен ли король Юрген быть предан забвению и отправлен в преисподнюю. И когда заседатели готовились к процессу, в суде появился большой жук-навозник, катящий перед собой свое любимое и соответственно укрытое потомство. Вместо с этим существом появились пажи в черном и белом, несшие меч, посох и копье.

Насекомое посмотрело на Юргена, и его лапки в ужасе поднялись вверх. Жук крикнул троим судьям:

— Клянусь Святым Антонием! Этот Юрген должен немедленно быть предан забвению, он отвратительный, непристойный, похотливый и сладострастный.

— Как это может быть? — спросил Юрген.

— Ты отвратительный, — ответил жук, — потому что у этого пажа меч, который, по-моему, не меч. Ты непристойный, потому что у того пажа копье, которое я предпочитаю не называть копьем. Ты похотливый, потому что вон у того пажа посох, который я не рискну объявить посохом. И, наконец, ты сладострастен по причинам, описание которых было бы для меня нежелательно и в раскрытии которых я всем поэтому должен отказать.

— В общем, это звучит логично, — говорит Юрген, — но все же в то же самое время не помешала бы доля здравого смысла. Вы, господа, сами можете видеть, в целом и непредвзято посмотрев на этих пажей, что они держат меч, копье и посох — и ничто иное; и что вся непристойность содержится в голове этого насекомого, у которого язык чешется назвать эти вещи другими именами.

Судьи пока ничего не говорили. Но стражи Юргена и все остальные филистеры стояли по обе стороны, крепко зажмурившись и говоря:

— Мы отказываемся смотреть на этих пажей в упор и непредвзято, поскольку это означало бы сомнение в том, что заявил жук-навозник. Кроме того, пока у жука-навозника есть причины, которые он отказывается открыть, его причины остаются неопровержимыми, и ты — явно похотливый негодяй, сам себе создающий неприятности.

— Совсем наоборот, — сказал Юрген, — я — поэт и создаю литературу.

— Но в Филистии создавать литературу и создавать себе неприятности — синонимы, — объяснил жук-навозник. — Я-то это знаю, так как нам в Филистии уже надоедали три таких создателя литературы. Да, был Эдгар, которого я морил голодом и травил до тех пор, пока не устал; затем однажды ночью я загнал его в угол и вышиб из него все мозги. И был Уолт, которого я швырял и кидал с места на место и сделал из него паралитика; и к нему я тоже прикрепил ярлык, указывающий на человека отвратительного, непристойного, похотливого и сладострастного. Несколько позднее был Марк, которого я запугал до того, что он надел клоунский колпак, и никто уже не мог заподозрить в нем создателя литературы; на самом же деле я запугал его так, что он прятал бóльшую часть созданного вплоть до своей смерти, и я не мог найти его творений. Я считаю, что со мной он сыграл мерзкую шутку. Все же это всего лишь три обнаруженных создателя литературы, которые когда-либо заражали Филистию, — слава Богу и моей бдительности, — но, несмотря на это, мы не смогли стать более свободны от создателей литературы, чем другие страны.

— Но эти трое, — воскликнул Юрген, — слава Филистии, и из всего, что дала Филистия, ценны лишь эти трое, которых ты втоптал в грязь, но которых чтят повсюду, где чтят искусство, и где никого, так или иначе, не волнует Филистия.

— Что искусство для меня и моего образа жизни? — устало ответил жук-навозник. — Меня не интересуют изящные искусства, словесность и другие непристойные идолы зарубежных наций. Меня волнует нравственное благополучие моего потомства, которое я качу перед собой, и я верю, что с помощью Святого Антония выращу богобоязненных жуков-навозников вроде меня, наслаждающихся тем, что соответствует их природе. Что касается остального, я никогда не был против того, чтобы о мертвых говорили хорошо. Нет, нет, мой мальчик, раз все, что я могу, для тебя ничего не значит и раз ты действительно настолько прогнил, ты найдешь жука-навозника достаточно дружелюбным. Между тем, мне платят за заявления, что живые люди отвратительны, непристойны, похотливы и сладострастны, а ведь жить как-то надо.

Затем филистеры, стоявшие по обе стороны, негодующе произнесли в унисон:

— А мы, уважаемые граждане Филистии, вообще не сочувствуем тем, кто возражает жуку-навознику, оправдываясь так называемым искусством. Вред, причиненный жуком-навозником, кажется нам очень небольшим, тогда как вред, причиненный самобытным художником, может быть очень велик.

Юрген теперь более внимательно присмотрелся к этому диковинному существу и увидел, что жук-навозник определенно грязный и вонючий, но в глубине души, похоже, честный и имеющий добрые намерения. И это показалось Юргену самым грустным из всего, что он обнаружил в филистерах. Ибо жук-навозник был искренен в своих безумных поступках, а все филистеры искренне почитали его, так что у этого народа не оставалось никакой надежды.

Поэтому король Юрген обратился к ним сам, вынужденный подчиниться странным обычаям филистеров.

— Теперь судите меня справедливо, — крикнул Юрген судьям, — если есть хоть какая-нибудь спра-

ведливость в этой сумасшедшей стране. А если нет, предайте меня забвению, отправьте в преисподнюю или куда-либо еще, где этот жук не так всемогущ, искренен и безумен.

И Юрген стал ждать.

Когда эти вопросы были исчерпаны, жук-навозник ушел, добродушно улыбаясь.

— Мораль, а не искусство, — сказал он, уходя.

Судьи встали и низко поклонились жуку. После совещания, Юрген был обвинен во вступлении на стезю нежелательной ошибки. Его судьями являлись жрецы Нановиза, Слото-Виепуса и Заполя — богов Филистии.

Затем жрец Заполя надел очки и, справившись в каноническом кодексе, объявил, что такое изменение в обвинительном акте требует при исполнении приговора отделения Юргена от остальных.

— ...Ибо каждый, конечно же, должен быть отправлен в преисподнюю своих отцов, как и предсказано, для того чтобы исполнились пророчества. Религия чахнет, когда пророчества не исполняются. Теперь оказывается, что праотцы этого осужденного из плоти и крови были другой веры, нежели прародители этих гнусных иллюзий, и его отцы предсказали совсем другое, а их преисподняя называется Адом.

— Вы недостаточно знаете, — сказал Юрген, — о евбонийской религии.

— У нас так написано в великой книге, — ответил жрец Нановиза, — дословно, без ошибок и помарок.

— Тогда вы увидите, что король Евбонии является главой тамошней церкви и по своему желанию меняет все пророчества. Мудрый Говлэ прямо говорит об этом, а рассудительный Стевегоний был вынужден согласиться с ним, хотя и с неохотой, как вы тут же обнаружите, справившись с третьим разделом его широкоизвестной девятнадцатой главы.

— Говлэ и Стевегоний, вероятно, знатные еретики, — сказал жрец Заполя. — Я считаю, что это было решено раз и навсегда на Ортумарской конференции.

— Э! — сказал Юрген, которому не нравился этот жрец. — Сейчас я могу поспорить, — продолжил Юрген слегка снисходительно, — что вы, судари, не чи-

тали ни Говлэ, ни даже Стевегония в свете комментариев Фосслера. И вот поэтому вы их недооцениваете.

— Я, по крайней мере, читал каждое слово, когда-либо написанное любым из этих троих, — ответил жрец Слото-Виепуса, — и нужно сказать, с живейшим отвращением. — А этот Говлэ, в частности, как я спешу согласиться с моим ученым коллегой, самый знаменитый еретик...

— О сударь, — испуганно сказал Юрген, — что вы такое говорите о Говлэ?

— Я говорю вам, что был возмущен его «Historia de Bello Veneris»...

— Вы меня удивляете: все же...

— ...Потрясен его «Pornoboscodidascolo»...

— Я едва могу поверить: даже при этом вы должны допустить...

— ...И поражен его «Liber de immortalitate Mentulae»...

— Сударь, признавая, что это ранняя работа, в то же самое время...

— ...И был шокирован его «De modo coeundi»...

— Но тем не менее...

— ...И раздражен невыразимой гнустностью его «Erotopaegnion»! Его «Cinaedica»! А особенно его «Epipedesis», этой самой тлетворной и пагубной книгой, quem sine horrore nemo potest legere...

— Все же, вы не можете отрицать...

— ...И прочитал также все опровержения взглядов этого мерзкого Говлэ, написанные Занхием, Фавентином, Лелием Винцентием, Лагаллой, Фомой Гиамином и восемью другими восхитительными комментаторами...

— Вы очень точны, сударь, но...

— ...Короче, я прочитал все книги, которые вы можете себе вообразить, — сказал жрец Слото-Виепуса.

Плечи у Юргена поднялись до ушей, и Юрген молча вытянул вперед руки ладонями вверх.

«Да, я понимаю, — говорит Юрген самому себе, — что этот Реалист для меня чересчур обстоятелен. Тем не менее, он выдумывает факты: он публично опровергает Говлэ, которого лично я выдумал, цитируя книги, которые никогда не существовали. А это нечестно. Теперь у Юргена остается только один шанс, но, к счастью, верный».

— Что вы там вертите у себя в кармане? — спрашивает старый жрец Заполя, ерзая и приглядываясь.

— Ага, вы вполне можете об этом спросить! — восклицает Юрген. И он развернул пергамент, который вручил ему Магистр Филолог и который Юрген берег до того времени, когда тот понадобится больше, чем его бойкий язык. — О самые неправедные из судей, — твердо говорит Юрген, — слушайте и трепещите! «После смерти Адриана Пятого Педро Хулиани, который должен был быть назван Иоанном Двадцатым, по причине некоей ошибки, вкравшейся в вычисления, оказался возведенным на святейший престол в качестве Папы Римского Иоанна Двадцать Первого».

— Ха, и что нам с этим делать? — спросил жрец Нановиза, подняв брови. — Зачем вы рассказываете нам о таких неуместных вещах?

— Я думал, это вас заинтересует, — сказал Юрген. — Этот факт показался мне весьма забавным. Поэтому я подумал, что должен его упомянуть.

— Тогда у вас очень странные представления о забавном, — сказали они ему. И Юрген понял, что либо воспользовался заклинанием неправильно, либо чары его магии вожди Филистии недооценили.

ГЛАВА XXXIII

Прощание с Хлоридой

вот филистеры вывели своих пленников и приготовились исполнить приговор. Но прежде они позволили молодому королю Евбонийскому поговорить с Хлоридой.

— Прощай, Юрген! — сказала Хлорида, тихо всхлипывая. — Меня мало волнуют дурацкие слова, высказанные против тебя жрецами Филистии. Но длиннорукие палачи уже рубят мое дерево, чтоб распилить его на доски и сделать кровать для королевы Филистии: это первое, что приказала сегодня утром королева Долорес.

И Юрген воздел руки к небу.

— Ох уж эти женщины! — сказал он. — Что бы подумал об этом мужчина?

— Поэтому, когда мое дерево срубят, мне придется удалиться в мрачные края, где вообще не существует смеха и где смущенные мертвецы без толку бродят по лугам с непахнущими асфоделями и по тоскливым миртовым рощам — смущенные тихие мертвецы, которые даже не могут плакать, как я сейчас, но могут лишь гадать, о чем же они сожалеют. И мне тоже придется отведать летейской воды и забыть все, что я любила.

— Ты должна поблагодарить своих праотцев за воображение, моя милая, а то твоя судьба была бы еще хуже. Я отправляюсь в куда более варварскую преисподнюю, в Ад людей, которые думали исключительно о пламени и вилах, — печально сказал Юрген. — Всякие там черти, выдуманные болезненным воображением предков. — И он поцеловал Хлориду в лоб. — Моя милая, милая девочка, — сказал он,

всхлипнув, — пока ты помнишь меня, делай это милосердно.

— Юрген, — и она вцепилась в него, — ты ни разу, ни единую минуту не был зол по отношению ко мне. Юрген, ты не сказал ни одного грубого слова ни мне, ни кому-либо другому за все время, что мы жили вместе. О Юрген, которого я любила так, как ты не мог любить никого, не много же другие женщины оставили мне для почитания!

— В самом деле, жаль, что ты любила меня, Хлорида, я не достоин этого. — И какое-то мгновение Юрген так и думал.

— Если б так сказал кто-нибудь другой, Юрген, я бы рассердилась. И даже твои слова волнуют меня, потому что никогда не существовало между двух холмов гамадриады, у которой был бы хоть вполовину такой безумно-умный муж, настолько легкомысленно относящийся ко времени и судьбе, с черными, прилизанными на одну сторону волосами и огоньком в озорных карих глазах.

И Юрген понял, что это представление о нем Хлориды и что она наверняка именно таким его и запомнит. И он больше всего на свете был уверен в том, что ни одна женщина не попытается понять мужчину, которого она решилась любить, нежить и холить, как рабыня.

— Милая моя женушка, — сказал Юрген, — но я же любил тебя, и мое сердце сейчас разрывается на части, когда тебя отнимают у меня. А воспоминания о твоем нраве и радости, которую он мне приносил, будут вызывать во мне огромную гложущую тоску во все грядущие долгие времена. О, не напыщенной любовью любил я тебя — без безумия и возвышенного бреда, и без длинных речей, но любовью, соответствующей моему положению, — тихой, сердечной любовью.

— Ты наверняка попытаешься, когда я умру, облачить свое горе в подходящие слова? — спросила она у него, очень грустно улыбаясь. — Неважно, ведь

ты же Юрген, а я тебя любила. И я рада, что ничего об этом не узнаю, когда в грядущие долгие времена ты будешь рассказывать множеству других женщин о том, что именно говорили Зоробасий и Птолемопитер, и будешь позировать и фантазировать им в удовольствие. Ибо я вскоре вкушу вод Леты, и забуду тебя, король Юрген, и всю радость, что получила от тебя, и всю гордость, и всю любовь к тебе, король Юрген, который любил меня так, как был способен.

— А ты думаешь, в Аду будут любовные похождения? — спросил он со скорбной улыбкой.

— Они будут везде, — ответила Хлорида, — куда ты направляешься, король Юрген. И будут женщины, чтобы слушать тебя. И, наконец, будет дылда в парике.

— Мне жаль... — сказал он. — Но я любил тебя, Хлорида.

— Теперь это мое единственное утешение. А вскоре я увижу Лету. Я возлагаю на Лету большие надежды. И все же я не могу не любить тебя, Юрген, на которого больше не надеюсь.

Он же опять сказал:

— Я недостоин этого.

Они поцеловались. И каждого препроводили к соответствующей судьбе.

Слезы стояли в глазах у Юргена, который редко плакал. И он совершенно не думал о том, что́ с ним случится, но думал лишь о тех или иных мелочах, которые порадовали бы его Хлориду, сделай их Юрген, и которые по той или иной причине Юрген оставил несделанными.

«Я ни разу не был зол по отношению к ней, говорит она! О, но я же мог быть гораздо добрее. А теперь я больше ее не увижу и больше не смогу пробудить наслаждение и восхищение в этих ясных, нежных глазах, которые не видели во мне недостатков! Утешительно хотя бы то, что она не знает, как я посвятил последнюю ночь ее жизни обучению математике».

А потом Юрген гадал, как же его отправят в Ад отцов. А когда филистеры показали ему то, как они намерены привести приговор в исполнение, он удивился собственной бестолковости.

— Можно было бы предположить, что это будет именно так, — сказал Юрген. — В методах филистеров, как всегда, сквозит простота, невообразимая для действительно умного малого. И к тому же, как всегда, эти методы несправедливы по отношению к нам, умным малым. Я готов отведать любой напиток, но, тем не менее, это весьма жуткий прием по отношению ко мне, и я гадаю, хватит ли у меня отваги его вытерпеть.

А пока он обдумывал эту загвоздку, прискакал некий тяжеловооруженный всадник. Он привез три огромных пергаментных свитка с печатями, лентами и всем прочим, что полагается: это были помилование Юргена, назначение Юргена поэтом-лауреатом Филистии и определение Юргена на должность придворного математика.

Всадник привез также письмо от королевы Долорес, и Юрген, нахмурившись, прочел его.

«Посудите теперь, как забавно было бы провести всех, притворившись, что вы подчиняетесь нашим законам!» — гласило это письмо, и больше в нем ничего не было: Долорес оказалась действительно мудрой женщиной. Однако существовал постскриптум. «Мы могли бы быть так счастливы!» — гласил он.

Юрген посмотрел на Лес, где пилили большой дуб. Он изящно рассмеялся и изящно и тщательно разорвал письмо царицы на мелкие кусочки. Затем он с достоинством взялся за свитки и обнаружил, что они настолько прочны, что их не разорвать. Это было необычайно неловко, потому что неблагоразумная попытка разорвать свитки ослабила величественность его великодушного самопожертвования. Он даже заподозрил, что один из стражников улыбнулся. Так что ничего не оставалось, как оставить бесполезное

дерганье и выкручиванье свитков и пойти на компромисс, смяв их.

— Вот мой ответ, — высокопарно произнес Юрген с некоторым восхищением самим собой, но все же слегка обескураженный неожиданной прочностью пергамента.

Юрген крикнул слова прощания падшей Левке и презрительно попрощался с филистерами и их приемами. Затем он подчинился их приемам. Так, не возражая особо против этого, Юрген был предан забвению и отправлен в Ад своих отцов за два дня до Рождества.

ГЛАВА XXXIV

Как император Юрген странствовал по преисподней

альше история рассказывает, как черти в Аду, в одной из своих церквей, праздновали Рождество в соответствии с тем, как они рассматривают этот день; и как Юрген попал через люк в ризницу; и как он с удивлением увидел существ, находящихся там. А после рождественской службы к нему подошли все те черти, которых предсказывали его отцы, и ни на волосок, чешуйку или ноготок не отличались они от наихудшего, что только можно вообразить.

«Анатомия здесь еще более непоследовательна, чем на Кокаине», — была первая мысль Юргена. А черти сначала очень тщательно обыскали Юргена, чтобы удостовериться, не пронес ли он в Ад воды.

— Кто ж ты такой, что попал к нам живым, в столь прекрасной рубахе, какой мы никогда прежде не видывали? — спросил Дификан. У него была голова тигра, но в остальном он походил на большую птицу с ярким оперением и четырьмя ногами: шея у него была желтая, тело — зеленое, а ноги — черные.

— Было бы нечестно по отношению к вам отрицать, что я — император Нумырии, — сказал Юрген, почему-то расширяя свои владения.

Теперь заговорил Амемон в образе толстого, цвета кишок, червя, ходящего вертикально на хвосте, сиявшем, словно светляк. У него не было ног, но пониже рта находились две короткие ручки, а на спине росли иголки, как у ежа.

— Но у нас уже полным-полно императоров, — сказал с сомнением Амемон, — и их преступления доставляют нам множество хлопот. Ты был злым правителем?

— Никогда, с тех пор как я стал императором, — ответил Юрген, — ни один из моих подданных не пожаловался на меня. Поэтому для всякого очевидно, что ни в чем серьезном я упрекнуть себя не могу.

— Значит, твоя совесть не требует для тебя наказания?

— Моя совесть, господа, чересчур хорошо воспитана, чтобы на чем-либо настаивать.

— Ты даже не желаешь, чтоб тебя пытали?

— Признаю, что ожидал чего-то подобного. Но, тем не менее, не буду этого доказывать, — со значением сказал Юрген. — Нет, я буду вполне удовлетворен, даже если вы не станете меня пытать.

И тут толпа чертей ужасно засуетилась вокруг Юргена.

— Чрезвычайно хорошо иметь в Аду, по крайней мере, одного непритязательного и невластолюбивого человека. Как правило, к нам попадают только необыкновенно гордые и совестливые призраки, чье самомнение невыносимо и чьи требования возмутительны.

— Как такое возможно?

— Нам приходится их наказывать. Конечно, они не бывают наказаны должным образом до тех пор, пока сами не убедятся, что происходящее с ними справедливо и отвечает всем требованиям. Ты не можешь и представить, на каких изощренных пытках они настаивают из-за своей чрезмерной порочности, словно сделанное или несделанное ими кого-то волнует. А изобретение таких мук нас совершенно выматывает.

— Но по какой причине это место называется Адом моих отцов?

— Потому что твои праотцы создали его в мечтах, — сказали ему, — из гордости, приведшей их к вере, что все их деяния достаточно важны, чтобы заслуживать наказания. Или, по крайней мере, мы так слышали. Но если тебе нужны точные сведения, ты должен пойти к нашему Дедушке в Геенну.

— Тогда я отправляюсь к нему. А мои собственные дедушки и все праотцы, что были у меня в древности, живут в этом сером месте?

— Все, кто родился с тем, что называют совестью, попадают сюда, — сказали черти. — Думаешь, ты мог бы заставить их отправиться куда-нибудь еще? В таком случае мы были бы тебе глубоко признательны. Их самомнение вызывает жалость, но оно, к тому же и надоедает, поскольку не дает нам ни минуты покоя.

— Вероятно, я помогу вам добиться справедливости, и, несомненно, гарантированная справедливость для вас — мой императорский долг. Но кто правит этой страной?

Ему рассказали, что Ад разделен на княжества, которыми правят Люцифер, Вельзевул, Велиал, Ахеронт и Флегетон. Но над всеми ними — Дедушка Сатана, живущий в Черном Доме в Геенне.

— Я предпочитаю, — сказал Юрген, — иметь дело непосредственно с вашим главой, особенно если он может разъяснить государственное устройство этой безумной и мрачной страны. Сопроводите же меня к нему так, как подобает сопровождать императора!

Каннагоста достал тачку, а Юрген залез в нее, и Каннагоста укатил его прочь. Каннагоста напоминал быка, но больше походил на кота, а шерсть у него кучерявилась.

А когда они проезжали через Хоразму — весьма неуютное место, где в муках пребывали про́клятые, Юрген увидел не кого иного, как собственного отца Котта, сына Смойта и Стейнворы, стоящего посреди особенно высокого пламени и жующего длинные усы.

— Остановись на минутку! — сказал Юрген своему провожатому.

— О, но это же самая беспокойная личность во всем Аду! — воскликнул Каннагоста. — И личность абсолютно непривлекательная!

— Никто не знает этого лучше меня, — заявил Юрген.

И Юрген почтительно поприветствовал отца, но Котт не признал этого щеголеватого молодого императора Нумырийского, разъезжающего по Аду на тачке.

— Значит, вы меня не узнаете? — спросил Юрген.

— Как мне тебя узнать, если я не видел тебя прежде? — раздраженно ответил Котт.

И Юрген не стал спорить, так как знал, что они с отцом никогда не могли прийти к согласию относительно чего бы то ни было. Поэтому Юрген на сей раз промолчал, а Каннагоста стал опускать его сквозь серый полумрак все глубже в низины Ада, пока они не достигли Геенны.

ГЛАВА XXXV

Что сообщил Дедушка Сатана

алее история рассказывает, как три черта громко заиграли на волынках, когда Юрген вошел в Черный Дом Геенны, чтобы переговорить с Дедушкой Сатаной.

Внешне Сатана походил на старика лет шестидесяти или шестидесяти двух. Он был покрыт седой шерстью и имел рога, как у оленя. На нем была темно-серая набедренная повязка, и он сидел в черном мраморном кресле на возвышении в конце зала. Его пушистый хвост, похожий на беличий, непрестанно мотался у него над головой, пока он рассматривал Юргена, не произнося ни слова и не отвлекаясь от какой-то важной думы. А его глаза напоминали отблески света на поверхности чернил, ибо были без белков.

— Каково устройство этой безумной страны? — спрашивает Юрген, начиная сразу с самой сути дела. — В ней нет никакого смысла и вообще никакой справедливости.

— Ох, — ответил Сатана удивительно хриплым голосом, — вы вполне можете так сказать. Именно это я говорил жене не далее как прошлой ночью.

— Значит, у вас есть жена! — говорит Юрген, всегда интересовавшийся подобными вопросами. — Ну разумеется! И как христианин, и как женатый человек я должен был понять, что так и подобает Сатане. И как вы с ней ладите?

— Очень хорошо, — говорит Дедушка Сатана, — но она меня не понимает.

— Et tu, Brute! — восклицает Юрген.

— А что это значит?

— Это выражение, показывающее изумление по поводу события, не имеющего аналогов. Но в Аду все

кажется весьма странным, и это место вообще не похоже на то, о котором распространяли слухи священники, епископы и кардиналы, что обычно увещевали меня в моем прекрасном дворце в Брехаусте.

— А где, вы говорите, ваш дворец?

— В Нумырии, императором Юргеном которой я являюсь. И нет нужды оскорблять вас, объясняя, что Брехауст — моя столица, знаменитая производством полотна, шерстяных тканей, перчаток, камей и коньяка, хотя большинство моих подданных заняты разведением скота и земледелием.

— Конечно, нет, я изучал географию. И я часто слышал о вас, Юрген, хотя ни разу о том, что вы — император.

— Разве я не говорил, что этого места не коснулись новейшие идеи?

— Но вы должны помнить, что глубокомысленных людей в Ад не пускают. Кроме того, война с Раем не позволяет нам думать о других вопросах. Так или иначе, император Юрген, по какому праву вы допрашиваете Сатану в его же доме?

— Я слышал слово, с которым осел обратился к кошке, — ответил Юрген, внезапно вспомнив то, что показал ему Мерлин.

Дедушка Сатана понимающе кивнул.

— Честь и хвала Сету и Баст! Да усилится их власть. Вот, император, как идут дела в моем царстве.

И тут Сатана, ощетинившийся и унылый в своем высоком мраморном кресле, объяснил, как все владения и все инфернальные иерархии, которыми он правит, были экспромтом сотворены Кощеем, чтобы ублажить гордость праотцев Юргена.

— Они чрезвычайно гордились своими грехами. А Кощей в один прекрасный день случайно заметил Землю с разгуливающими по ней твоими праотцами, которые ликовали от чудовищности своих грехов и ужасных наказаний, ожидаемых ими в качестве возмездия. Кощей же сделает почти все, чтобы ублажить гордость, поскольку гордость — одна из двух вещей, недоступных Кощею. Поэтому он обрадовался, о, очень обрадовался. А после громко рассмеялся и экспромтом

сотворил Ад, создав его точно таким, как представлялось твоим праотцам, для того чтобы ублажить их гордость.

— А почему Кощею недоступна гордость?

— Потому что он создал все таким, какое оно есть. И денно и нощно он созерцает все таким, какое оно есть, и больше ему смотреть не на что. Как же может Кощей гордиться?

— Понятно. Так, как если бы меня посадили в темницу, в которой нет ничего, абсолютно ничего, кроме моих стихов. Содрогаюсь при мысли об этом! Но что еще недоступно Кощею?

— Не знаю. Нечто, не входящее в Ад.

— Мне бы хотелось, чтоб я тоже никогда сюда не входил, и теперь вы должны помочь мне выбраться из этого мрачного места.

— А почему я должен вам помогать?

— Потому что, — сказал Юрген и вынул заклинание Магистра Филолога, — потому что после смерти Адриана Пятого Педро Хулиани, который должен был быть назван Иоанном Двадцатым, по причине некоей ошибки, вкравшейся в вычисления, оказался возведенным на святейший престол в качестве Папы Римского Иоанна Двадцать Первого. Вы не находите причину достаточной?

— Нет, — сказал Дедушка Сатана, немного подумав. — Не могу этого сказать. Но папы отправляются в Рай. Постольку, поскольку многие папы подозревались в приверженности целестинизму, считается, в частности и моими гражданами, что Рай для них во всех отношениях лучше. Поэтому, находясь в состоянии войны, мы для большей верности не пускаем пап в Ад. Следовательно, я папам и их деятельности не судья и им не притворяюсь.

И Юрген опять понял, что воспользовался своим заклинанием неправильно или что оно не в силах освободить людей от власти Сатаны. «Но кто бы мог подумать, — размышлял он, — что Дедушка Сатана такой простодушный старикашка?»

— Тогда скажите, как долго я обязан здесь находиться? — спросил Юрген после гнетущей паузы.

— Не знаю, — ответил Сатана. — Это всецело зависит от того, что думает об этом ваш отец...

— Но какое он имеет к этому отношение?

— ...Поскольку я и все остальные здесь суть абсурдные представления вашего отца, что вы часто доказывали логически. А едва ли возможно, чтобы такой умный малый, как вы, мог ошибаться.

— Что ж, конечно, это невозможно, — согласился Юрген. — В общем, вопрос весьма сложный. Но я готов отведать любой напиток и каким угодно образом добиться справедливости, даже в таком неразумном месте, где истиной являются абсурдные представления моего отца.

Так Юрген покинул Черный Дом в Геенне и Дедушку Сатану, ощетинившегося и унылого в своем высоком мраморном кресле, чьи глаза мерцали в полумраке, пока он беспокойно размахивал мягким пушистым хвостом, не отвлекаясь от какой-то важной думы.

ГЛАВА XXXVI

Почему сын перечил Котту

рген вернулся в Хоразму, где Котт, сын Смойта и Стейнворы, совестливо стоял посреди такого огромнейшего и горячейшего пламени, какое он только мог себе вообразить, и попрекал измотанных чертей, мучивших его, поскольку пытки, производимые ими, не соответствовали порочности Котта.

И Юрген крикнул отцу:

— Отвратительный бес Каннагоста сказал вам, что я — император Нумырии, и я не отрицаю этого даже сейчас. Но неужели вы не чувствуете, что я похож на вашего сына Юргена?

— Я гляжу на этого негодяя, — сказал Котт, — и вижу, что это так. И как же, Юрген, ты стал императором?

— О сударь, разве здесь место для разговоров о чисто земных титулах? Я удивлен, что ваш разум даже тут, в муках, по-прежнему вертится вокруг этой пустой тщеты.

— Но это же несоответствующие муки, Юрген, и они не спасают мою совесть. В этом месте нет справедливости, и нет способа ее добиться. Эти неповоротливые черти не воспринимают всерьез содеянное мной, а лишь делают вид, что наказывают меня, и моя совесть остается неочищенной.

— Но, отец, я говорил с ними, и они, похоже, думают, что ваши преступления, в конце концов, не так велики.

Котт впал в хорошо знакомую Юргену ярость.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я хладнокровно убил восемь человек и держал еще пятерых, пока их убивали. Я оцениваю сумму такого беззакония в десять с половиной убийств, и за них моя совесть требует наказания.

— Но, сударь, это произошло пятьдесят с лишним лет

тому назад, и те люди в любом случае были бы сейчас мертвы, так что, как вы понимаете, это уже не важно.

— Я блудил не знаю с каким количеством женщин.

Юрген покачал головой.

— Для сына это весьма шокирующее известие, и можете представить себе мои чувства. Тем не менее, сударь, это также произошло пятьдесят лет назад и сейчас никого не волнует.

— Нахал, я говорю тебе, что я богохульствовал, воровал, подделывал деньги и нарушал пост, сжег четыре дома, виновен в разбое, неуважительно относился к матери и поклонялся каменному идолу в Поруце. Говорю тебе, что я неоднократно разбивал вдребезги все десять заповедей. Я совершил все известные преступления и изобрел шесть новых.

— Да, сударь, — сказал Юрген. — Но разве это важно?

— О, уберите прочь моего сына! — воскликнул Котт. — Он — копия своей матери. И, хотя я гнуснейший из когда-либо живших грешников, я не заслужил того, чтобы мне дважды досаждали такими дурацкими вопросами. И я требую, чтобы вы, ленивые черти, принесли еще дров.

— Сударь, — сказал задыхающийся бесенок в образе головастика с волосатыми ручонками и ногами обезьяны, прибежавший с четырьмя охапками хвороста, — мы стараемся изо всех сил ради ваших страданий. Но вам, проклятым, на нас наплевать, и вы не помните, что мы, прислуживая вам, день и ночь на ногах, — сказал хныча бесенок и стал шуровать вилами дрова вокруг Котта. — Вы даже не помните о беспорядке в стране из-за войны с Раем, что делает для нас крайне затруднительным доставление вам всех жизненных лишений. Вместо этого вы прохлаждаетесь в своем пламени и жалуетесь на обслуживание, а Дедушка Сатана нас наказывает, и это несправедливо.

— Лично я думаю, — сказал Юрген, — что вам нужно быть с мальчишкой помягче. А что касается ваших преступлений, сударь, то неужели вам не победить эту гордыню, которую вы называете совестью, и не признать, что после того, как человек умер, вообще не важно, что именно он сделал? В Бельгарде никто и не думает о вашей резне или нарушении

поста, разве только тогда, когда старики сплетничают у камина и ваша порочность позволяет им скоротать вечер. Для остальных вы — лишь камень на кладбище, представляющий вас как образец всех добродетелей. А вне Бельгарда, сударь, ваши имя и дела ни для кого ничего не значат и никто нигде вас не помнит. Так что, в действительности, ваша порочность не волнует сейчас ни единое существо, кроме бедных трудяг чертей. И думаю, что вследствие этого вы могли бы примириться с теми муками, которые они могут изобрести для вас, не жалуясь на них с таким раздражением.

— Но моя совесть, Юрген! Вся суть в ней.

— О, если вы и дальше будете говорить о своей совести, сударь, вы ограничите беседу предметами, которые я не понимаю и потому не могу обсуждать. Но, смею заметить, мы вскоре найдем возможность проработать этот и все остальные вопросы. И мы с вами выжмем из этого места все, что только можно, ибо теперь я вас не покину.

Котт заплакал и сказал, что его грехи во плоти слишком ужасны, чтобы ему был позволен покой в нестерпимых муках, которые он честно заслужил и надеется когда-нибудь пережить.

— Тогда интересую ли вас, так или иначе, я? — спрашивает Юрген, совершенно ошеломленный.

И из пламени Котт, сын Смойта, заговорил о рождении Юргена, о младенце, которым был Юрген, и о ребенке, которым был Юрген. И пока Юрген слушал человека, родившего его, чья плоть была плотью Юргена и чьи мысли никогда не были мыслями Юргена, у Юргена возникло какое-то жуткое, глубокое и безрассудное чувство; и Юргену оно не понравилось. Затем голос Котта резко изменился, и он заговорил о подростке, которым был Юрген, — ленивом, непослушном и не ценящем ничего, кроме собственных легкомысленных желаний: и о разладе, возникшем между Юргеном и отцом Юргена, Котт тоже говорил. И Юргену сразу же стало легче, но он по-прежнему огорчался, узнав, как сильно когда-то его любил отец.

— То, что я был ленивым и непослушным сыном, — сказал Юрген, — прискорбная истина. И я не следовал вашим наставлениям. Я блудил, о, страшно блудил. Я

блудил, должен вам сказать, даже с героиней одного мифа, связанного с Луной.

— О, ужасная языческая мерзость!

— И она считала, сударь, что впоследствии я, вероятно, стану действующим лицом солярной легенды.

— Я не удивляюсь, — сказал Котт и подавленно покачал лысой, куполообразной головой. — О, мой сын, это лишь показывает, к чему приводит такое необузданное поведение.

— В случае чего я, конечно же, был бы освобожден от пребывания в подземном мире Весенним Равноденствием. Разве вы так не думаете, сударь? — спросил Юрген с надеждой, поскольку помнил, что, согласно утверждению Сатаны, все, во что верит Котт, становится в Аду истиной.

— Я уверен, — сказал Котт, — в общем, я уверен, что ничего не понимаю в подобных вопросах.

— Да, но что вы думаете об этом?

— Я вообще об этом не думаю.

— Да, но...

— Юрген, у тебя крайне невежливая привычка спорить с людьми...

— Все же, сударь...

— И я говорил тебе об этом и раньше...

— Однако, отец...

— И мне хочется говорить тебе об этом снова...

— Тем не менее, сударь...

— И когда я говорю, что у меня нет на этот счет собственного мнения...

— Но у всех есть свое мнение, отец! — закричал Юрген и почувствовал себя, словно в былые времена.

— Как вы смеете говорить со мной таким тоном, сударь?

— Но я лишь имел в виду...

— Не ври мне, Юрген! И прекрати меня перебивать! Как я уже сказал, когда ты начал орать на своего отца, словно обращался к человеку, лишенному благоразумия, мое мнение таково, что я ничего не знаю о Равноденствиях! И знать не хочу о Равноденствиях, чтоб ты понял! И чем меньше сказано на подобные, пользующиеся дурной репутацией, темы, тем лучше, говорю тебе прямо!

Юрген застонал.

— Что за примерный отец! Если б вы так подумали, это бы произошло. Но вы вообразили меня в подобном месте и не обладаете достаточной справедливостью, не говоря уж об отцовских чувствах, чтобы вообразить меня вне этого места.

— Я могу лишь думать о твоем заслуженном несчастье, вздорный негодяй! И о сонме женщин легкого поведения, с которыми ты грешил! И о судьбе, которая ждет тебя в дальнейшей жизни!

— На худой конец, — сказал Юрген, — здесь нет женщин. Это должно вас успокоить.

— По-моему, здесь есть женщины, — огрызнулся его отец. — Считается, что у многих женщин была совесть. Но эти совестливые женщины, вероятно, содержатся отдельно от нас, мужчин, в какой-то другой части Ада по причине того, что если б их пустили в Хоразму, они бы попытались прибрать это место и сделать его пригодным для жилья. Я знаю, что твоя мать с ходу бы этим занялась.

— О, сударь, вы по-прежнему находите в матери недостатки?

— Твоя мать, Юрген, во многом была восхитительной женщиной. Но, — сказал Котт, — она меня не понимала.

— Конечно, это неприятно. Тем не менее, все, что вы говорите о пребывании здесь женщин, всего лишь догадки.

— Нет! — сказал Котт. — Но мне не нужно больше твоего бесстыдства. Сколько раз тебе говорить?

Юрген задумчиво почесал ухо. Он все еще помнил сказанное Дедушкой Сатаной, и раздражение Котта казалось многообещающим.

— Но, могу поспорить, все женщины здесь уродины.

— Нет! — сердито сказал его отец. — Почему ты продолжаешь мне перечить?

— Потому что вы не знаете, о чем говорите, — сказал Юрген, подстрекая его. — Откуда могли взяться привлекательные женщины в таком ужасном месте? Нежная плоть сгорела бы на их тонких костях, а прелестнейшая из цариц превратилась бы в жуткую головешку.

— Думаю, что есть множество вампирок, суккубов и таких тварей, которым огонь вообще не вредит, поскольку

ку эти твари наделены неугасимым пылом, который жарче огня. И ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, поэтому тебе нет нужды стоять, вылупившись на меня, словно напуганная мать-настоятельница!

— О сударь, но вы отлично знаете, что у меня нет ничего общего с подобными неисправимыми особами.

— Ничего такого не знаю. Ты мне, вероятно, врешь. Ты мне всегда врал. По-моему, ты уже собрался на свидание с вампиркой.

— Что, сударь? Жуткая тварь с клыками и перепончатыми крыльями?

— Нет, но весьма ядовитая и соблазнительная красивая тварь.

— Да ну! Не думаете же вы в действительности, что она красива?

— Думаю. Как ты смеешь говорить мне, что я думаю, а что не думаю?

— Ну ладно, у меня с ней ничего не будет.

— А по-моему, будет, — сказал отец. — И, по-моему, ты прибегнешь к своим трюкам в отношениях с ней до истечения этого часа. Неужели я не знаю императоров? И неужели не знаю тебя?

И Котт начал говорить о прошлом Юргена в обычных выражениях семейной перебранки, которые не везде удобно повторять. А бесы, мучившие Котта, в смущении отошли и, пока Котт говорил, держались вне пределов слышимости.

ГЛАВА XXXVII

Изобретение прелестной вампирки

Котт вновь расстался с сыном в гневе, а Юрген вновь повернул к Геенне. И было или не было это совпадением, но Юрген повстречал точно такую вампирку, в мысли о которой он завлек отца. Она являлась наиболее соблазнительной и красивой тварью, которую только мог вообразить отец Юргена или любой другой мужчина. На ней было одеяние оранжевого цвета — по причине, достаточно хорошо известной в Аду, расшитое зелеными фиговыми листьями.

— Доброе утро, сударыня, — сказал Юрген. — И куда же вы направляетесь?

— Вообще-то никуда, молодой человек. У меня сейчас отпуск, полагающийся ежегодно по закону Калки...

— А кто такой Калки, сударыня?

— Пока никто. Но он явится в виде жеребца. Меж тем его Закон предшествует ему, так что я мирно провожу свой отпуск в Аду, и никто мне, как бывает обычно, не досаждает.

— А кто же это делает обычно, сударыня?

— Вы должны понять, что на земле у вампирки нет покоя, поскольку множество красивых малых вроде вас расхаживают повсюду, горя желанием быть погубленными.

— Но как, сударыня, получилось, что вы стали вампиркой, если такая жизнь вас не радует? И как вас зовут?

— Мое имя, сударь, — печально ответила вампирка, — Флоримель, потому что моя натура, не меньше, чем внешность, была прекрасна, как полевые цветы, и сладка, как мед, который пчелы (предоставляющие нам такие восхитительные образцы производства) до-

бывают из этих цветов. Но досадное несчастье все это изменило. Однажды мне случилось заболеть и умереть (что, конечно, могло произойти с кем угодно), а когда похоронная процессия покидала дом, через мой гроб перепрыгнула кошка. Это самое ужасное несчастье, какое только могло постигнуть бедную умершую девушку — всеми уважаемую и к тому же швею нарасхват. Хотя даже тогда худшее можно было предотвратить, не будь моя невестка той, кого называют «человечными», и по-идиотски привязана к этой кошке. Поэтому кошку не убили, а я, конечно же, стала вампиркой.

— Да, я понимаю, что это было неизбежно. И все же это едва ли кажется справедливым. Мне жаль тебя, моя милая. — И Юрген вздохнул.

— Я бы предпочла, сударь, чтобы вы не обращались ко мне так фамильярно, поскольку мы с вами пренебрегли формальностями и не представлены друг другу. А при отсутствии общих знакомых этого должным образом не сделать.

— У меня нет под рукой герольда, так как я путешествую инкогнито. Однако я — тот самый Юрген, который недавно сделался императором Нумырийским, королем Евбонийским, принцем Кокаиньским, герцогом Логрейским и о котором вы, без сомнения, слышали.

— Разумеется! — ответила она, поправляя прическу. — И кто бы мог подумать — встретить ваше высочество в таком месте!

— Императору говорят «величество», моя милая. Это, конечно, лишь деталь, но при моем положении приходится быть слегка требовательным.

— Вполне понимаю, ваше величество. На самом деле я могла бы различить ваш титул по вашему прелестному одеянию. Я могу лишь умолять вас посмотреть сквозь пальцы на непреднамеренное нарушение этикета. И смею добавить, что доброе сердце открывает великолепие своей снисходительности посредством интереса, который ваше величество только что проявили к истории моей беды.

«Честное слово, — подумал Юрген, — в этом потоке

слов я, кажется, узнаю воображение моего отца в гневе».

Затем Флоримель рассказала Юргену о своем ужасном пробуждении в могиле и о том, что случилось там с ее руками и ногами, покуда она против своей воли питалась отвратительнейшим способом, погубив сперва свою родню, а затем и соседей. Сделав это, она воскресла.

— Но та кошка все еще была жива, и это меня беспокоило. Тогда я положила конец этой истории. Я забралась на церковную колокольню — не одна, но о том, кто был со мной, я предпочитаю не говорить. И в полночь я ударила в колокол так, что все, слышавшие его, заболели и умерли. А я заплакала, поскольку знала, что, когда будет погублено все, что было близко мне в первой жизни во плоти, я буду вынуждена отправиться в новые края на поиски пищи, которая лишь одна может прокормить меня, а я всегда была искренне привязана к дому. Так что, ваше величество, я навсегда бросила шитье и стала прелестной опасностью, проносящимся над землей опустошением, злом, поражающим по ночам, несмотря на мое отвращение к работе в ночное время. И я крайне не люблю то, что делаю, ибо печальная судьба — стать вампиркой, но при этом сочувствовать своим жертвам и, в частности, их бедным матерям.

Юрген утешил Флоримель и обнял ее.

— Ну, полно! — сказал он. — Я еще увижу, как приятно проходит твой отпуск. А я намерен обращаться с тобой справедливо.

Затем он кинул взгляд в сторону на свою тень и прошептал предложение, вынудившее Флоримель вздохнуть.

— По условию моей судьбы, — сказала она, — ни в какое время в течение девяти жизней кошки я не могу отказаться от этого. Все же утешительно, что вы — император Нумырийский и имеете доброе сердце.

— О, и многое другое, моя милая! И я вновь уверяю тебя, что намерен обращаться с тобой справедливо.

Флоримель провела Юргена сквозь неизменный су-

мрак Геенны, похожий на полумрак серого зимнего дня, к тихой расселине у Моря Крови, которую она очень мило обставила, подражая уюту своего девичьего дома. Она зажгла свечу и пригласила Юргена к себе в расселину. А когда Юрген уже собрался войти, он увидел, что тень идет за ним в дом вампирки.

— Давай потушим свечу! — сказал Юрген. — Я сегодня видел столько пламени, что у меня устали глаза.

Флоримель затушила свечу с доброжелательностью, порадовавшей Юргена. Теперь они находились в кромешной тьме, а в темноте никто не видит, что происходит. Но Флоримель теперь доверяла Юргену, а его нумырийские притязания были признаны в ее самой первой реплике.

— Вначале я подозрительно отнеслась к вашему величеству, — сказала Флоримель, — поскольку всегда слышала, что у любого императора великолепный скипетр, а вы тогда ничего такого не показали. Но сейчас я почему-то уже в вас не сомневаюсь. А о чем думает ваше величество?

— Я размышляю о том, моя милая, — ответил Юрген, — что у моего отца весьма сносное воображение.

ГЛАВА XXXVIII,

Касающаяся одобренных прецедентов

дальнейшем Юрген жил в Аду и подчинялся обычаям этой страны. А история рассказывает, что через неделю, а может, через десять дней, после встречи с Флоримелью Юрген женился на ней, чему нисколько не помешало то, что у него было еще три жены. Он обнаружил, что черти высоко ценят полигамию и ставят ее выше простого умения мучить проклятых, буквально истолковывая поговорку, что лучше жениться, чем сгореть.

— А прежде, — сказали они Юргену, — едва ли можно было встретить брак, не отмеченный клеймом «сделано на Небесах». Но с тех пор, как мы воюем с Раем, мы отобрали это ремесло у наших врагов. Так что, если угодно, можно жениться и здесь.

— Значит, — сказал Юрген, — я женюсь на скорую руку, да на долгую муку. А можно здесь получить развод?

— О, нет, — сказали ему. — Мы торговали ими какое-то время, но обнаружили, что все, получившие развод за счет нашего усердия, за то, что они наконец освободились, благодарят Небеса. Перед лицом такой неблагодарности мы оставили это невыгодное ремесло, и теперь на этом месте мастерская по пошиву мужской одежды на старых, узаконенных основаниях.

— Но такие паллиативы неудовлетворительны, и мне хотелось бы узнать, что вы делаете в Аду, когда жен больше уже нельзя терпеть.

Все черти покраснели.

— Этого мы предпочли бы не говорить, — сказали они, — ибо это может дойти до их ушей.

— Теперь я понимаю, — сказал Юрген, — что Ад — место точно такое же, как любое другое.

Так Юрген и прелестная вампирка должным образом поженились. Сперва Юргену подстригли ногти, и обрезки отдали Флоримели. Перед ними положили метловище, и они переступили через него. Затем Флоримель трижды сказала: «Темон!» — а Юрген девять раз ответил: «Аригизатор!». А после всего императору Юргену и его невесте подали горячий отвар дикой капусты, и, совершив это «венчание вокруг ракитового куста», черти скромно удалились.

Юрген жил в Аду и подчинялся обычаям этой страны и какое-то время он был вполне всем доволен. Теперь Юрген делил с Флоримелью ту тихую расселину, которую она обставила, подражая уюту девичьего дома. А жили они весьма добропорядочно на окраине Геенны, на берегу моря. В Аду, конечно же, нет воды. На самом деле ввоз воды запрещен под угрозой суровых наказаний из-за возможного использования ее для крещения. Это же море состояло из крови, пролитой благочестием при содействии царству Князя Мира, и считалось самым большим из существующих океанов. И это объясняло бессмысленную поговорку, которую так часто слышал Юрген, что Ад вымощен благими намерениями.

— В конце концов Епиген Родесский прав, — сказал Юрген, — предположив опечатку: должно стоять слово «вымочен».

— Разумеется, ваше величество, — согласилась Флоримель. — Я же всегда говорила, что у вашего величества замечательная проницательность, не считая учености вашего величества.

У Флоримели был вот такой обходительный способ выражаться. Тем не менее все вампиры имели свою слабую струнку: они питались силой и молодостью своих возлюбленных. Так что однажды утром Флоримель пожаловалась на недомогание и отнесла его к несварению желудка.

Юрген задумчиво погладил ее по голове, затем распахнул свою блестящую рубаху и показал то, что было достаточно отчетливо видно.

— Я полон сил, и я молод, — сказал Юрген, — но моя сила и моя молодость — своеобразного рода, и

они не совсем полезны. Так что давай больше не устраивай своих штучек, а то ты совершенно испортишь себе отпуск, по-настоящему заболев.

— Но я думала, что все императоры — люди! — сказала Флоримель, покраснев и задрожав от раскаяния, за чем Юргену было очень приятно наблюдать.

— Даже при этом, моя любимая, все императоры — не Юргены, — величественно ответил он. — Поэтому ты обнаружишь, что не всякий император справедливо величается отцом своего народа или определяется способностью владеть скипетром Нумырии. Полагаю, это достаточный урок.

— Да, — сказала Флоримель с перекосившимся лицом.

И впоследствии у них больше не было неприятностей подобного рода, а рана на груди у Юргена вскоре зажила.

Юрген, конечно же, держался в стороне от про́клятых, потому что он и Флоримель жили добропорядочно. Они, однако, нанесли визит отцу Юргена сразу после женитьбы, потому что так было положено. Котт был достаточно вежлив для Котта и выразил надежду, что Флоримель окажет хорошее влияние на Юргена и сделает из него достойного человека, но не высказывал при этом особого оптимизма. Все же этот визит так и не повлек за собой ответного, потому что Котт считал свою порочность чересчур огромной, чтобы пропустить хоть минуту мучений, и не покидал пламени.

— В действительности, ваше величество, — сказала Флоримель, — мне не хотелось бы ни на миг создать видимость, что я критикую родственников вашего величества. Но думаю, что отец вашего величества мог бы навестить нас, по крайней мере, хоть раз, в частности после того, как я предложила разжечь огонь, на котором он мог бы сидеть в любое время, когда придет к нам. Я считаю, что отец вашего величества напускает на себя некую экстравагантность при отсутствии определенного доказательства того, что он хоть чуточку более порочен, чем остальные. А детская прямота, которая всегда была у меня ос-

новной чертой характера, не позволяет мне скрывать свое мнение.

— О, это всего лишь его совесть, милая.

— Совесть весьма хороша на своем месте, ваше величество. И лично я никогда не была бы способна вынести нескончаемый труд по соблазнению и убийству столь многих прекрасных молодых людей, если бы моя совесть не заверяла меня, что все это вина моей невестки. Но даже при этом не имеет смысла позволять совести делать из тебя раба. А когда совесть доводит отца вашего величества до пренебрежения правилами приличия, я уверена, что все зашло уже слишком далеко.

— Ты права, моя милая. Однако мы же не имеем недостатка в обществе. Так что приведи себя в порядок, стряхни этого черного пса со спины. Мы проводим сегодняшний вечер с Асмодеями.

— И ваше величество опять будет говорить о политике?

— Полагаю, да. Кажется, им это нравится.

— Если б это нравилось и мне, ваше величество, — заметила Флоримель и в предвкушении скуки зевнула.

С этими чертями Юрген становился словоохотливым. Религией Ада является патриотизм, а системой правления — просвещенная демократия. Это удовлетворяло чертей, и Юрген давным-давно научился никогда не нарушать их законов, без которых, как любили замечать черти, Ад не был бы тем, чем он является.

Они были, как обнаружил Юрген, простодушными бесами, позволявшими страшно эксплуатировать себя назойливым мертвецам. Они не имели ни минуты покоя из-за про́клятых, которые являлись личностями, обремененными совестью, и потому требовали нескончаемых мучений. Когда Юрген попал в Ад, политические дела находились там в весьма скверном состоянии, поскольку среди молодых чертей возникла большая партия, выступавшая за прекращение вековечной войны с Раем почти любой ценой, для того чтобы отдохнуть от бесконечного потока совестливых мертвецов, ищущих мучений. Ибо хорошо известно, что, когда Сатана покорится и даст заковать себя в цепи, больше

не будет смерти, и надоевшая иммиграция, соответственно, прекратится. Так говорили молодые черти, считавшие, что дедушке Сатане следует принести себя в жертву ради всеобщего благоденствия.

Они также указывали, что Сатана являлся у них руководящим должностным лицом со времен основания Ада по необходимости, поскольку смена правительства в военное время нецелесообразна, но что Сатана через определенный срок должен переизбираться. И, конечно же, Сатана во всем признавался абсолютной властью, поскольку это тоже типично для военного времени. В общем, через несколько первых тысячелетий молодые черти начали перешептываться насчет того, что такое правление не является идеальной демократией.

Но более консервативные старики были возмущены такими упаднических и безумными идеями и обошлись с младшими несколько сурово, разорвав их на куски и тем совершенно уничтожив. Затем старшие черти начали применять еще более устрашающие наказания.

* * *

Дедушка Сатана был весьма раздосадован, поскольку законы нарушались повсеместно. И через пару дней после прихода Юргена Сатана издал обращение к своим подданным о более уважительном отношении к кодексу Ада. Но при демократическом правлении народу не нравится постоянно беспокоиться о законе и порядке, на что указал Юргену один из наиболее старых и сильных чертей.

Юрген сделал серьезное лицо и потер подбородок.

— Но посмотрите, — сказал Юрген, — порицая дух толпы, спорадически проявлявший себя в этой стране в выступлениях против сторонников мира и подчинениях приказам Небес и другой процелестинской пропаганде, — и предупреждая лояльных граждан, что таких вспышек нужно остерегаться как пагубных для общественного благополучия Ада — Дедушка Сатана должен иметь в виду, что правительство, по большому счету, держит в своих руках

средства борьбы со злом. — И Юрген очень сурово взглянул на Сатану.

— Вот-вот, — сказал Флегетон, кивая головой, похожей на голову медведя, за исключением голых и длинных красных ушей, внутри которых горел огонь, напоминающий пламя спиртовки. — Вот-вот, этот молодой император в блестящей рубахе говорит необычайно хорошо!

— Так все мы говорили в Пандемониуме, — задумчиво сказал Велиал, — в прекрасные дни, когда Пандемониум был только что построен, а мы были еще бесенятами.

— Да, его речи принадлежат старой школе, лучше которой ничего нет. Так что, пожалуйста, продолжайте, император Юрген, — воскликнули старые черти, — и позвольте нам узнать, о чем же вы говорите.

— Я говорю лишь о том, — сказал Юрген и вновь сурово взглянул на Сатану, — что, пока судебное преследование нарушения законов, вызванных военным положением, отмечено сентиментальной расслабленностью; пока откладывается заслуженное наказание за неприкрытые проявления процелестинства; пока малодушная снисходительность прощает подозреваемых в нелояльных мыслях, — до тех пор вызванный праведным негодованием патриотизм, пусть то и дело вводимый в заблуждение, будет брать в собственные руки дело возмездия в отношении нарушителей закона.

— Но, все же... — сказал Дедушка Сатана.

— Неумелое ведение судопроизводства, — твердо продолжил Юрген, — является настоящим катализатором вспышек народного негодования; и более справедливо скорбеть о политике всепрощения, предоставляющей такую возможность, нежели о случаях неповиновения толпы. Сейчас, когда патриотичный народ Ада находится в состоянии войны, он не в том настроении, чтобы с ним шутить. Осуждение преступлений против нации не должно граничить с формальностями, придуманными для излишне тонкой юриспруденции мирного времени. Я уверен, что среди вас нет никого, у кого на языке не вертелись бы бессмертные слова Ливония на эту самую тему. Поэ-

тому я не стану их повторять. Но, я полагаю, вы согласитесь со мной, что сказанное Ливонием бесспорно.

И Юрген с огромной скоростью продолжал, все время строго поглядывая на Дедушку Сатану.

— Да, да! — сказал Сатана, беспокойно крутясь в кресле, но по-прежнему не думая всецело о Юргене. — Да, у вас превосходное красноречие, и я ни на мгновение не принизил бы авторитет Ливония. А ваша цитата необычайно к месту и все такое прочее. Но в чем вы меня обвиняете?

— В сентиментальной расслабленности, — парировал вопрос Юрген. — Разве всего лишь вчера к вам не привели одного из молодых чертей, обвиняемого в том, что, по его словам, климат в Раю лучше, чем здесь? А вы, сударь, главный судья Ада, именно вы спросили, произносил ли он когда-нибудь такую предательскую ересь!

— Но что еще я должен был сделать? — спросил Сатана, ерзая и помахивая огромным пушистым хвостом так, что тот шуршал о рога, но на самом деле по-прежнему не отвлекался от своей важной думы.

— Вам нужно запомнить, сударь, что черт, чей патриотизм спорен, — это черт, которого следует наказать. И что нет времени вдаваться в неуместные вопросы вины или невиновности. Иначе, как я понимаю, в Аду у вас никогда не будет настоящей демократии.

Сейчас Юрген выглядел очень впечатляюще, и все черти ему зааплодировали.

— И вот, — говорит Юрген, — возмущенные присутствующие, уставшие от таких поверхностных допросов, взяли малого из ваших рук и разорвали на чрезвычайно мелкие кусочки. И я предупреждаю вас, дедушка Сатана, что ваш долг как демократического судьи всегда именно так обращаться с подобными преступниками, а задавать свои дурацкие вопросы будете после. Что говорит непосредственно по этому поводу Рудигерн? А к тому же Зантифер Великий? Что ж, милостивый государь, я прямо спрашиваю вас, где еще во всей истории международного права вы

найдете более ясные выражения, чем использовали они?

— Несомненно, — говорит Сатана с унылой улыбкой, — вы цитируете весьма уважаемых авторов, и я по большей части принимаю ваши упреки. В будущем я постараюсь быть более требовательным. И вы не должны винить меня так строго за мягкотелость, император Юрген, ибо давно уже не появлялся в Аду живой человек, обучавший бы нас, как вести дела во время войны. Без сомнения, точно как вы говорите, здесь нам нужно чуть больше строгости, и хорошо бы извлечь пользу, усвоив более гуманные методы. Значит, Рудигерн?.. Да, Рудигерн бесспорен, и я честно это признаю. Так что пойдемте домой, поужинаем вместе, император Юрген, и поговорим об этих вещах.

Тут Юрген вышел под руку с Дедушкой Сатаной, и эрудиция Юргена и твердый здравый смысл навсегда стали эталоном среди старших и более сплоченных служителей Ада. А Сатана последовал предложению Юргена, и охоту бунтовать в достаточной степени быстро отбили, разрывая на очень мелкие кусочки всякого, кто ворчит по какому-либо поводу. И подданные Сатаны ходили все время, широко улыбаясь при мысли о том, что могло бы случиться с ними, если б они показались удрученными. Так из-за появления Юргена Ад стал на вид значительно счастливее.

ГЛАВА XXXIX

О компромиссах в Аду

ену Дедушки Сатаны звали Филлис, и, несмотря на то, что у нее были крылья, как у летучей мыши, она представляла собой прелестнейшую худенькую чертовку, которую Юрген когда-либо видел. Юрген провел эту ночь в Черном Доме Геенны, и еще две ночи, а может, три ночи. А подробности того, что Юрген делал после ужина, гуляя в одиночестве по саду Черного Дома среди искусно раскрашенных чугунных цветов и кустарников, подходя к зарешеченному окну комнаты Филлис и шутя с ней в темноте, несущественны для этой истории.

Сатана очень ревновал свою жену: он подрезал ей одно крыло и держал ее под замком, как сокровище, которым она безусловно являлась. Но Юрген впоследствии обычно говорил, что, хотя решетки на окнах весьма отвратительны, они даже неким образом усиливали пикантность общения с госпожой Филлис. Эту царицу (говорил Юрген) он нашел просто непревзойденной в остроумии.

Флоримель посчитала это высказывание довольно загадочным: что именно имел в виду его величество?

— То, что при любых обстоятельствах госпожа Филлис знает, как воспринять шутку и вернуть ее настолько же хорошо.

— Ваше величество уже сообщило мне об этом; и, несомненно, шутками можно обмениваться сквозь решетку...

— Да, именно это я и имел в виду. А госпожа Филлис оказалась способной оценить поток моего юмора. Она мне сообщила, что Дедушка Сатана холодного и сухого нрава и почти лишен чувства юмора, так что они месяцами не обмениваются любезностями. В общем,

я готов отведать любой напиток, а в остальном, помня, что у моего хозяина огромные страшные рога, я приложил все усилия, чтобы обойтись со своей хозяйкой честно. Хотя на самом деле я обменивался любезностями с женой Сатаны скорее для чести и славы дела, чем для чего-либо иного. Поступая так, моя милая, я чувствовал себя достойным быть императором Юргеном.

— Ох, боюсь, что ваше величество — отчаянный повеса, — ответила Флоримель. — Однако мы все знаем, что императорский скипетр уважаем повсюду.

— На самом деле, — говорит Юрген, — я часто сожалел, что, покидая Нумырию, не взял с собой скипетр с драгоценными каменьями.

Она вздрогнула от какой-то невысказанной мысли; только через некоторое время Флоримель поведала Юргену об унизительно несчастном случае со скипетром забывчивого султана из Гарчао. Сейчас же она лишь ответила, что драгоценные камни могли бы показаться нарочитыми и неуместными.

Юрген согласился с этим трюизмом, так как, конечно же, они жили очень мирно, и Юрген в своей блестящей рубахе был достаточно великолепен для требований любой благоразумной жены.

Так Юрген остался с Флоримелью в хороших отношениях. Но он никогда не обожал ее так, как Гиневру или Анайтиду, и даже на одну десятую так, как Хлориду. Во-первых, он подозревал, что Флоримель выдумана его отцом, а у Котта и Юргена вкусы всегда различались. А во-вторых, Юрген не мог не видеть, что Флоримель чересчур много внимания уделяет тому, что он — император.

«Она любит мой титул, а не меня, — с грустью думал Юрген, — и она меньше привязана к тому, что действительно свойственно мне, нежели к императорским державам, скипетрам и прочим внешним украшениям».

И Юрген выходил из расселины Флоримели весьма удрученным и сидел один у Моря Крови, размышляя, как несправедливо, что никчемный титул императо-

ра должен отгораживать его от искренности и прямоты.

«Мы, называемые королями и императорами, такие же люди, как и все. И мы вполне имеем право, как и другие, на утешение истинной любовью и привязанностью. Вместо этого мы живем в постоянной изоляции, а женщины предлагают нам все, кроме сердца, и мы очень одиноки. Нет, не могу поверить, что Флоримель любит меня из-за меня самого: ее прельщает мой титул. И мне хотелось бы никогда не делаться императором Нумырийским, потому что этот император расхаживает повсюду в сказочном великолепии и, весьма естественно, неотразим в своем полумифическом блеске. Но эта императорская мишура отвлекает мысли Флоримели от настоящего Юргена, так что настоящий Юрген является человеком, которого она вообще не понимает. А это несправедливо».

К тому же, у него было своего рода предубеждение против того, как Флоримель проводила время, соблазняя и убивая молодых людей. Конечно, в действительности, невозможно винить девушку, поскольку та стала жертвой обстоятельств и у нее не было выбора, становиться вампиркой или нет, раз кошка перепрыгнула через ее гроб. И все же Юрген всегда чувствовал, по-мужски нелогично, что у нее не очень приятная профессия. И равно по-мужски нелогично он настойчиво уговаривал Флоримель рассказать ему о ее вампирских делах, несмотря на подспудное чувство, что он бы предпочел, чтобы его жена занималась каким-нибудь другим ремеслом. А веселое созданьице достаточно охотно ублажало его своими фиолетовыми искрящимися глазами, яркими, мило изогнутыми губами, показывающими крохотные белые и острые зубки совершенно отчетливо.

Она была действительно мила, когда рассказывала ему о том, что случилось в Копенгагене, когда молодой граф Озмунд спустился в подвал к нищенке, и что они сделали с кусками его тела; и о том, как у одного вида змей появилось тайное имя, которое, будучи выкрикнутым ночью с соответствующей церемонией, вызовет восхитительные происшествия; и о том, что

можно делать с помощью некрещеных детей, если только те не поцелуют тебя своими влажными неуверенными губками, потому что тогда все это становится невозможным; и о том, как она воспользовалась черепом молодого рыцаря Ганелона, когда он расстался с ним, а она с рыцарем; и о том, что́ под конец сказал крокодилам молодой священник Вульфнот.

— О да, у моей жизни есть забавная сторона, — сказала Флоримель. — Конечно же, нравится ощущать, что ты не всецело потеряла контакт с миром и даже вносишь скромный вклад в пресечение глупости. Но даже при этом, ваше величество, эти имена, которыми тебя называют! То, чего ждут от тебя молодые люди в качестве платы за их телесную и духовную гибель! То, что говорят о тебе их родственники! И, кроме всего прочего, постоянное напряжение, работа в ночное время и непрерывные попытки жить согласно своим принципам! О да, ваше величество, я была гораздо счастливее, когда оставалась чахоточной швеей и гордилась своими петлями для пуговиц. Но от невестки, которая лишь иногда, будто отбывая повинность, зовет тебя на чай и которая известна своей набожностью, можно, конечно же, ожидать чего угодно. И это напоминает мне, что в действительности я должна рассказать вашему величеству о том, что случилось на сеновале сразу после того, как аббат разделся...

Так она продолжала болтать, а Юрген слушал и снисходительно улыбался. Она несомненно была мила. И вот так они вполне удовлетворительно вели домашнее хозяйство в Аду до тех пор, пока отпуск Флоримели не подошел к концу. А потом они расстались без слез, но с явной дружелюбностью.

И Юрген всегда вспоминал Флоримель с самым приятным чувством, но не как жену, с которой он когда-то находился в настоящей близости.

Когда эта прелестная вампирка покинула его, император Юрген, несмотря на всеобщую популярность и уважение к его политическим взглядам, стал в Аду не совсем счастлив.

— В любом случае утешительно, — сказал Юр-

ген, — обнаружить, кто открыл теорию демократического правления. Я долго гадал, кто же выдвинул идею, что лучший способ получить разумное решение по любому умопостижимому вопросу — поставить его на всенародное голосование. Теперь знаю. В общем, черти, наверно, правы в своих доктринах. Несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!.. Например, эти нескончаемые попытки насадить демократию во всей вселенной, эти постоянные войны с Раем из-за того, что Рай привязан к тиранической форме автократического правления, были как логичны, так и великодушны и являлись, конечно же, единственным способом гарантировать всеобщий триумф демократии.

Однако все это казалось Юргену весьма несерьезным, поскольку, как он теперь знал, определенно было что-то и в Небесной системе, способствующей накоплению военной мощи, поэтому Рай обычно и побеждал. Более того, Юрген не мог свыкнуться с фактом, что Ад являлся лишь некоторой идеей его предков, с которой случайно согласился Кощей. Юргена всегда выводили из себя старомодные представления, в частности те, которые осуществлялись на деле, как в случае с Кощеем.

— Что ж, это место показалось мне грубым анахронизмом, — сказал Юрген, задумчиво глядя на огни Хоразмы, — а его методы мучения совестливых людей я не могу не посчитать в самом деле весьма жестокими. Черти простодушны, и у них добрые намерения, что никто и не собирался отрицать, но это все. Здешним местам нужна куда более упрямая и действительно несговорчивая личность...

И это, конечно же, напомнило ему о госпоже Лизе. И вот так мысли Юргена повернулись к совершению мужественного поступка. Он вздохнул и пошел среди чертей, глядя по сторонам и наугад расспрашивая о том отважном дьяволе, который в облике черного господина утащил госпожу Лизу. Но случилось странное происшествие, а именно то, что

Юрген нигде не мог найти черного господина, да и ни один из чертей ничего о нем не знал.

— Из рассказанного вами, император Юрген, — сказали они все, — следует, что ваша жена была язвительна и строптива — из тех женщин, которые верят, что все сделанное ими правильно.

— Это не вера, — говорит Юрген, — у бедняжки была мания.

— Поэтому ей навсегда прегражден вход в Ад.

— Вы рассказываете мне что-то новенькое, — говорит Юрген. — Множество мужей, узнай они об этом, стали бы жить порочно.

— Но общеизвестно, что людей спасает вера. А нет веры сильнее, чем вера злой бабы в свою непогрешимость. Ясно, что ваша жена из тех особ, которых не может вынести никто, кроме ангелов. Мы выводим из этого, что ваша императрица наверняка в Раю.

— В общем, это звучит разумно. Так что я отправляюсь в Рай и, может, там найду справедливость.

— Нам бы хотелось, чтоб вы знали, — рассвирепев, закричали дьяволы, — что у нас в Аду есть все виды справедливости, поскольку наша система правления — просвещенная демократия.

— Несомненно, — говорит Юрген. — При просвещенной демократии есть все виды справедливости. Я и не мечтаю это оспаривать. Но, поймите, у вас нет этой маленькой чумы — моей жены. А именно ее я должен продолжать искать.

— О, как угодно, — сказали они, — пока вы не критикуете крайности военного времени. Но, несомненно, нам жаль, что вы уходите в страну, где погруженный во мрак народ примиряется с автократом, который не был надлежащим образом выбран на свой пост. И зачем вам нужно продолжать поиски местопребывания вашей жены, когда жить в Аду намного приятнее?

Юрген пожал плечами.

— Порой приходится совершать мужественный поступок.

Так бесы, все еще жалея его, рассказали ему, как дойти до границы Рая.

— Но пересечение границы — ваше дело.

— У меня есть заклинание, — сказал Юрген, — и пребывание в Аду научило меня, как им пользоваться.

Затем Юрген, следуя инструкциям, вступил в Меридию и, повернув налево, оказался у большой лужи, где выводили жаб и гадюк. Он миновал туманы Тартара, должным образом остерегаясь безумных молний, и во второй раз повернул налево, — «в поисках Рая всегда подчиняйся велению сердца» — был совет, данный ему чертями, — и вот так, обойдя жилище Иемры, он прошел по мосту над Бездной и одной из Нарак. А Брах, собирающий пошлину на этом мосту, сделал то, о чем бесы заранее предупредили Юргена. Но с этим, конечно же, ничего нельзя было поделать.

ГЛАВА XL

Восшествие папы Юргена

стория рассказывает, что на Благовещение Юрген подошел к высоким белым стенам, окружавшим Рай. Праотцы Юргена, конечно же, вообразили, что Ад стоит прямо напротив Рая и блаженные могут преумножать свое счастье, взирая на пытки проклятых. В это время из-за парапета райской стены выглядывал какой-то ангелочек.

— Добрый тебе день, прекрасный молодой человек, — говорит Юрген. — О чем же ты думаешь столь напряженно? — Ибо точно так же, как Богач много лет тому назад, Юрген сейчас обнаружил, что человеческий голос совершенно свободно переносится от Ада к Раю.

— Сударь, — отвечает мальчик, — я жалею бедных про́клятых.

— Тогда ты наверняка Ориген, — говорит, смеясь, Юрген.

— Нет, сударь, меня зовут Юрген.

— Ого! — говорит Юрген. — Этот Юрген в свое время оказался множеством людей. Так что, возможно, ты говоришь правду.

— Я — Юрген, сын Котта и Азры.

— Ох-хо-хо! Но таковы они все, мой мальчик.

— Тогда я — Юрген, внук Стейнворы, которого она любила больше всех внуков. И я вечно пребываю в Раю вместе со всеми остальными иллюзиями Стейнворы. Но кто вы такой, мессир, что расхаживаете по Аду без подпалин в прекрасной на вид рубахе?

Юрген задумался. Ясно, что хорошо было бы не называть своего настоящего имени и, таким образом, не поднимать вопроса о том, в Раю или в Аду

находится Юрген. Затем он вспомнил про заклинание Магистра Филолога, которое дважды применял неправильно. И Юрген откашлялся, посчитав, что сейчас понимает, как надлежащим образом пользоваться заклинанием.

— Вероятно, — говорит Юрген, — мне не следует рассказывать, кто я такой. Но что за жизнь без доверия друг к другу? Кроме того, ты кажешься вполне благоразумным мальчиком. Поэтому я сообщу тебе по секрету, что я — Папа Римский Иоанн Двадцатый, регент Небес на Земле, сейчас посещающий это место по небесным делам, которые я не волен разглашать по причинам, которые молодому человеку твоего необычайного ума сразу же придут в голову.

— Ну и ну, это забавно! Подождите-ка минутку! — крикнул ангелочек.

Его сияющее личико исчезло вместе с каштановыми кудрями. А Юрген внимательно перечел заклинание Магистра Филолога.

— Да, по-моему я нашел способ использовать подобную магию, — замечает он.

Вскоре юный ангел вновь появился у парапета.

— Ну и ну, мессир! Я посмотрел Реестр — всех пап впустили сюда в момент смерти, не расследуя их личные дела, чтоб, знаете, избежать какого-нибудь злополучного скандала, и у нас в списке двадцать три папы Иоанна. И действительно особняк, приготовленный для Иоанна Двадцатого, свободен. Он, кажется, единственный папа, до сих пор не прибывший в Рай.

— Конечно же, — благодушно говорит Юрген, — постольку, поскольку ты видишь меня, бывшего когда-то епископом Римским и слугой слуг Божьих, стоящим здесь, внизу, на куче золы.

— Да, но все другие из вашей команды, похоже, не находят вам места. Иоанн Девятнадцатый сказал, что никогда о вас не слышал и чтоб его не беспокоили посреди урока на арфе...

— Естественно, он умер до моего восшествия на престол.

— ...А Иоанн Двадцать Первый сказал, что, по его мнению, все они каким-то образом сбились со счета и никогда не было никакого Папы Римского Иоанна Двадцатого. Он говорит, что вы наверняка самозванец.

— Ах, эта профессиональная ревность! — вздохнул Юрген. — Боже мой, это весьма печально и усугубляет скверное представление о человеческой природе. Сейчас, мой мальчик, я честно изложу тебе, как мог быть двадцать первый, если не было двадцатого. И что становится с великим принципом папской непогрешимости, когда папа допускает ошибку в элементарной арифметике. Но позволь заметить, что это очень опасная ересь, предмет Инквизиции и дело коллегии кардиналов! Однако, к счастью, по его собственному утверждению, этот самый Педро Хулиани...

— Так его и зовут, он мне сам сказал! Вы, мессир, очевидно, все об этом знаете, — сказал юный ангел, весьма впечатлившийся разговором.

— Конечно, я все об этом знаю. В общем, повторяю, по его собственному утверждению, этот человек не существует и все, что он говорит, ничего не значит. Он рассказывает тебе, что никогда не было никакого Папы Иоанна Двадцатого: он или лжет, или говорит правду. Если он лжет, тебе, конечно же, не следует ему верить; однако если он говорит правду, что никогда не было никакого Папы Иоанна Двадцатого, тогда, совершенно очевидно, никогда не было и никакого Папы Иоанна Двадцать Первого, так что этот человек подтверждает собственное несуществование; а это бессмыслица, и тебе, конечно же, не следует верить в бессмыслицу. Даже если мы признáем его безумное утверждение, что он — никто, ты, я уверен, слишком хорошо воспитан, чтобы оспаривать то, что в Раю никто не лжет. Из этого следует, что в данном случае никто не врет; и поэтому, конечно же, я наверняка говорю правду, и у тебя нет другого выбора, как только мне поверить.

— Несомненно, это звучит превосходно, — согласился младший Юрген, — хотя вы объясняете все настолько быстро, что за вами немножко трудно уследить.

— Но более, сверх и превыше этого и в качестве осязаемого доказательства непогрешимой обстоятельности каждого слога в моем заявлении, — замечает Юрген-старший, — если ты заглянешь на чердак Рая, то найдешь ту лестницу, по которой я спустился сюда и которую велел отложить до тех пор, пока не буду готов вновь забраться наверх. Я в самом деле уже собирался попросить тебя принести ее, поскольку мои дела здесь завершились удовлетворительным образом.

Мальчик согласился, что слово любого папы, сказанное в Аду или в Раю, не является столь осязаемым доказательством, как лестница, и опять исчез. Юрген, достаточно уверенный в себе, стал ждать.

Это был вопрос логики. Лестница Иакова по всем расчетам Юргена являлась слишком ценной, чтобы выбрасывать ее после одноразового использования в Вефиле; и она пришлась бы очень кстати в Судный День. А знание Юргеном характера Лизы позволило ему предположить, что все, хранящееся потому, что когда-нибудь может прийтись очень кстати, неизбежно кладется на чердак при любом виде хозяйства, вообразимом женщинами.

— А известно, что Рай есть заблуждение старушек. Что ж, это достоверный факт, — сказал Юрген, — просто математически достоверный факт.

И события доказали неоспоримость его логики, ибо вскоре младший Юрген вернулся с Лестницей Иакова, которая была покрыта паутиной и выглядела отвратительно после стольких лет лежания без дела.

— Видите, вы совершенно правы, — сказал Юрген-младший, спуская Лестницу Иакова в Ад. — О, мессир Иоанн, залезайте скорее наверх и разберитесь с тем старикашкой, оклеветавшим вас!

Вот так получилось, что Юрген весело вскарабкался из Ада в Рай по лестнице из проверенного временем золота без всяких примесей. А когда он поднимался, рубаха Несса привлекательно блестела в лучах света, исходящего от Рая. И, пока Юрген лез все выше и выше, из-за этого огромного света над ним тень Юргена неимоверно удлинялась на отвесной белой стене Рая, словно тень сопротивлялась, цепляясь за Ад. Однако вскоре Юрген перепрыгнул через парапет, и тень тоже перепрыгнула, и вот так его тень появилась вместе с Юргеном в Раю и уныло жалась к ногам Юргена.

«Ну и ну! — думает Юрген. — Конечно же, магия Магистра Филолога неоспорима, если ее правильно использовать. С ее помощью я живым вошел в Рай, что до меня сделали только Енох и Илия. И, более того, если верить этому мальчику, меня ждет один из красивейших особняков Рая. Честно говоря, нельзя просить у волшебника большего. Эх, если б меня сейчас увидела Лиза!»

Это была его первая мысль. Затем Юрген разорвал заклинание и выбросил, как и велел Магистр Филолог. Тут Юрген обернулся к мальчику, что помог ему попасть в Рай.

— Подойди поближе, юноша, дай на тебя хорошенько посмотреть!

И Юрген заговорил с мальчиком, которым когда-то был, и стоял лицом к лицу с тем, кем был и больше уже не будет. И только об одном этом происшествии, случившемся с Юргеном, рассказать у писателя не хватает духу.

Так Юрген оставил мальчика, которым он был когда-то. Но сперва Юрген узнал, что в этом месте проживает его бабушка Стейнвора (которую любил король Смойт), и она счастлива в своем представлении о Рае, и что вокруг нее находятся ее представления о ее детях и внуках. Стейнвора никогда не представляла себе в Раю ни своего мужа, ни короля Смойта.

— Это обстоятельство, — говорит Юрген, — вселяет в меня надежду, что здесь можно найти справедливость. Однако я буду держаться подальше от своей бабушки — той Стейнворы, которую знал и любил и которая любила меня настолько слепо, что этот мальчик и есть ее представление обо мне. Да, из элементарной справедливости по отношению к ней я должен держаться подальше отсюда.

Так он обошел стороной ту часть Рая, в которой находились иллюзии его бабушки, и Юрген посчитал это за праведность. Та часть Рая пахла резедой, и там пел скворец.

ГЛАВА XLI

О компромиссах в Раю

атем Юрген без помех прошел туда, где у стеклянного моря сидел на престоле Бог Юргеновой бабушки. Радуга, сделанная под стать престолу узкой, словно оконная рама, образовывала дугу, внутри которой и сидел Бог. У Его ног горело семь светильников, и четыре замечательных крылатых существа сидело рядом, нежно распевая: «Слава, и честь, и хвала Тому, Кто живет вовеки!» В одной руке Бог держал скипетр, а в другой — большую книгу с семью красными пятнами.

По обе стороны от Бога Юргеновой бабушки стояло еще двенадцать престолов поменьше, образуя два полукруга. На низких престолах сидели добрые на вид старые ангелы с длинными белыми волосами, в венцах и белых одеждах, держа в одной руке арфу, а в другой золотую фляжку емкостью около пинты. И повсюду трепетали и сверкали многоцветными крылами серафимы и херувимы, похожие на увеличенных в размерах попугаев, и они плавно и радостно порхали в золотой дымке, висевшей над Раем, под постоянное звучание приглушенной органной музыки и отдаленного, почти неразличимого пения.

Внезапно взгляд этого Бога встретился со взглядом Юргена, и Юрген стоял таким образом довольно долго; на самом деле еще дольше, чем подозревал.

— Я страшусь Тебя, — сказал наконец Юрген, — и, пожалуй, я люблю Тебя. Но, однако, не могу Тебе верить. Почему Ты не мог позволить мне верить, когда большинство верило? Или иначе: почему Ты не мог позволить мне насмехаться, когда громко насмехались остальные? О Боже, почему Ты не мог позволить мне

иметь веру? Ибо Ты не дал мне веру ни во что, даже в ничто. Это несправедливо.

И в высочайшем суде Небес, на виду у всех ангелов, Юрген заплакал.

— Я никогда не был твоим Богом, Юрген.

— Когда-то, очень давно, — сказал Юрген, — у меня была вера в Тебя.

— Нет, ведь, как ты сам видел, тот мальчик здесь со мной. А от него в человеке, являющемся Юргеном сегодня, ничего не осталось.

— Бог моей бабушки! Бог, которого я тоже любил в детстве! — воскликнул затем Юрген. — Почему я отрицаю Бога? Потому что я искал — и нигде не мог найти справедливость, и нигде не мог найти то, чему стоило поклоняться.

— Что ж, Юрген, ты решил искать справедливость — из всех возможных мест — в Раю?

— Нет, — сказал Юрген, — нет, я понимаю, что об этом говорить здесь нельзя. Иначе Ты бы сидел в одиночестве.

— А что касается остального, ты искал своего Бога вне себя, не заглядывая внутрь, а то бы увидел, что поистине почитается в помыслах Юргена. Поступи ты так, ты бы увидел так же отчетливо, как вижу я, что ты способен почитать одного себя. И твой Бог искалечен: на нем толстым слоем лежит пыль твоих странствий; твое тщеславие, как носовой платок, закрывает ему глаза; а в его сердце нет ни любви, ни ненависти даже к своему единственному почитателю.

— Не насмехайся над ним, Ты, которого почитают так много людей! По крайней мере, он — чудовищно умный малый, — сказал Юрген; он смело сказал это в высочайшем суде Небес перед печальным ликом Бога Юргеновой бабушки.

— Весьма возможно. Мне не встречается так уж много умных малых. А что до Моих бесчисленных почитателей, ты забываешь, как часто ты демонстрировал, что я — старушечье заблуждение.

— А был ли изъян в моей логике?

— Я не слушал тебя, Юрген. Ты должен понять,

что логика нас не сильно интересует, поскольку вокруг нет ничего логичного.

И тут четыре крылатых существа прекратили петь, а органная музыка превратилась в некое отдаленное бормотание. И в Раю наступила тишина. И Бог Юргеновой бабушки какое-то время тоже безмолвствовал, а радуга, под которой Он сидел, сбросила с себя семь цветов и загорелась нестерпимо белым цветом, переходящим по краям в голубой. А Бог обдумывал какие-то важные предметы. Затем в тишине Бог заговорил.

Несколько лет тому назад (сказал Бог Юргеновой бабушки) Кощею доложили, что по его вселенной распространяется скептицизм, что по ней разгуливает некто, кого не удовлетворяют никакие рациональные объяснения. «Приведите ко мне этого неверующего, — потребовал Кощей, и к нему в пустоту привели согбенную седую женщину в старом сером платке. — Расскажи-ка мне, почему ты не веришь, — сказал Кощей, — в вещи, какие они есть».

Тогда скромная согбенная седая женщина вежливо ответила: «Не знаю, сударь, кем вы можете быть. Но раз уж вы меня спрашиваете, то отвечу вам, что все знают: вещи, какие они есть, нужно рассматривать в качестве временных неприятностей и испытаний, через которые мы по справедливости приговорены пройти для того, чтобы достичь вечной жизни с нашими возлюбленными на небесах».

«О да, — сказал Кощей, сделавший все таким, какое оно есть, — о да, разумеется! А откуда ты об этом узнала?»

«Как же, каждое воскресенье утром священник читал нам проповедь про Небеса и про то, насколько счастливы мы там будем после смерти».

«Значит, эта женщина умерла?» — спросил Кощей.

«Да, сударь, — сказали ему, — на днях. И она не верит ничему, что мы ей объясняем, и требует, чтоб ее доставили в Рай».

«Весьма досадно, — сказал Кощей. — И я не могу, конечно же, смириться с подобным скептицизмом. Этого никогда не будет. Так почему бы вам не отправить

ее в этот самый Рай, в который она верит, и тем положить делу конец?»

«Но, сударь, — сказали ему, — такого места нет».

Тогда Кощей задумался. «Конечно, странно, что такое несуществующее место является предметом публичного знания в другом месте. Откуда эта женщина?»

«С Земли», — сказали ему.

«Где это?» — спросил он, и ему, как могли, объяснили.

«О да, вон там, — перебил Кощей, — помню. Ну... а как ее зовут, эту женщину, желающую попасть в Рай?»

«Стейнвора, сударь. И, с Вашего позволения, я спешу к своим детям. Понимаете, я их очень долго не видела».

«Но подождите, — сказал Кощей. — Что это появляется в глазах у женщины, когда она говорит о детях?»

Ему сказали, что это любовь.

«Разве я сотворил эту любовь?» — поинтересовался Кощей, который создал все таким, какое оно есть. И ему сказали — нет; и объяснили, что существует множество разновидностей любви, но этот особый вид является иллюзией, которую выдумали женщины для самих себя и которую они выставляют напоказ во всех отношениях со своими детьми. И Кощей вздохнул.

«Расскажи мне о своих детях, — попросил Стейнвору Кощей, — и смотри на меня, когда будешь говорить, чтоб я видел твои глаза».

И Стейнвора рассказала о детях, а Кощей, создавший все на свете, слушал очень внимательно. Рассказала она ему о Котте, своем единственном сыне, признавшись, что Котт был прекраснейшим из когда-либо живших мальчиков, — «сперва немного буйный, сударь, но потом, вы знаете, какие они мальчишки», — и рассказала, насколько хорош был Котт в коммерции и как он даже приобрел вес в обществе, став ольдерменом. Кощей, создавший все на свете, казался надлежащим образом впечатленным. Затем Стейнвора заговорила о дочерях — Империи, Линдамире и Кристине: о красоте Империи, о стойкости Линдамиры

при неудачном браке и о величайших способностях Кристины в ведении домашнего хозяйства. «Прекрасные женщины, сударь, каждая из них, вместе со своими детьми! А для меня они по-прежнему кажутся маленькими девочками, благослови их Господь!» И скромная согбенная седая женщина рассмеялась. «В детях мое счастье, сударь, и во внуках тоже, — сказала она Кощею. — У меня есть Юрген, мальчик моего Котта! Вы не поверите, сударь, но я должна вам рассказать одну историю про Юргена...» Так она продолжала, довольная и гордая, а Кощей, создавший все на свете, слушал и наблюдал за глазами Стейнворы.

Затем Кощей спросил у своих служивых: «Таковы ли эти дети и внуки, как она сообщает?»

«Нет, сударь», — сказали ему служивые.

Так, пока Стейнвора говорила, Кощей выдумывал иллюзии в соответствии с тем, что сказала Стейнвора, и сотворил таких детей и внуков, каких она описала. Он сотворил их позади Стейнворы, и все они были прекрасны и безупречны. И Кощей оживил эти иллюзии.

Затем Кощей велел ей обернуться. Она повиновалась, и Кощей тут же был забыт.

Кощей сидел один в пустоте, на вид смущенный и не очень счастливый, барабаня пальцами по колену и уставившись на согбенную седую женщину, занятую своими детьми и внуками и забывшую о нем. «Но наверняка, Линдамира, — слышит он голос Стейнворы, — мы еще не в Раю». — «Ах, моя милая мама, — отвечает иллюзия Линдамиры, — быть вновь с тобой и есть Рай. И, кроме того, в конце концов, возможно, Рай такой и есть». — «Мое дорогое дитя, с твоей стороны очень мило так говорить, и эти слова весьма похожи на тебя. Но ты отлично знаешь, что Рай полностью описан в Книге Откровений — в Библии и Рай — это чудесное место. Тогда как, ты сама видишь, вокруг нас вообще нет ничего и никого, за исключением того очень вежливого господина, с которым я только что разговаривала и который, между нами говоря, кажется страшно неосведомленным в самых заурядных вопросах».

«Принесите мне Землю», — говорит Кощей. Это было исполнено, и Кощей осмотрел планету и нашел Библию. Кощей открыл Библию и прочитал Откровение Иоанна Богослова, пока Стейнвора беседовала со своими иллюзиями. «Понятно, — сказал Кощей. — Идея слегка аляповатая. И все же!..» Он положил на место Библию и велел также и Землю поставить на старое место, ибо Кощей не любил, когда что-то пропадает. Затем Кощей улыбнулся и сотворил Рай вокруг Стейнворы и ее иллюзий, и он создал Рай точно таким, какой описан в книге.

— Вот так, Юрген, все и произошло, — закончил Бог Юргеновой бабушки. — И в то время Кощей сотворил и Меня вместе с серафимами, святыми и всеми блаженными — такими, какими ты нас видишь. И, конечно же, он заставил нас находиться здесь всегда, с начала времени, потому что это тоже было в книге.

— Но как это можно было сделать? — спрашивает Юрген, морща лоб. — И каким образом Кощей мог так жонглировать временем?

— Откуда я знаю, ведь я лишь старушечья иллюзия, как ты часто доказывал логически. Хватит и того, что все, желаемое Кощеем, не только происходит, но и уже произошло за пределами древнейших воспоминаний человека и его матери. Разве иначе он был бы Кощеем?

— И все это, — добродетельно сказал Юрген, — ради женщины, которая даже не была верна мужу!

— Весьма возможно! — сказал Бог. — В любом случае, это сделано ради женщины, которая любила. Кощей сделает почти все, чтобы ублажить любовь, так как любовь — одна из двух вещей, недоступных Кощею.

— Я слышал, что Кощею недоступна гордость...

Бог Юргеновой бабушки поднял седые брови.

— Что такое гордость? Не думаю, что слышал об этом раньше. Наверняка нечто, не входящее сюда.

— Но почему любовь недоступна Кощею?

— Потому что Кощей создал все таким, какое оно

есть, и денно и нощно он созерцает все таким, какое оно есть. Как же Кощей может что-либо любить?

Но Юрген покачал своей головой с прилизанными черными волосами.

— Вообще ничего не понятно. Если б меня посадили в темницу, в которой не было бы ничего, кроме моих стихов, я не был бы счастлив и, определенно, не был бы горд. Но даже при этом я бы любил свои стихи. Боюсь, что охотнее соглашусь с идеями Дедушки Сатаны, нежели с Твоими. И, не переча Тебе, не могу не удивляться: неужели то, что Ты открыл, — правда?!

— А откуда я узнаю, правду я говорю или нет? — спросил его Бог. — Ведь я лишь старушечья иллюзия, что ты часто доказывал логически.

— Ну и ну! — сказал Юрген. — Возможно, Ты во всем прав, и, несомненно, я не могу позволить себе сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. Нет, даже сейчас я не вполне верю в Тебя.

— Кто мог ожидать такого от умного малого, видящего насквозь старушечьи иллюзии? — спросил Бог немного устало.

А Юрген ответил:

— Бог моей бабушки, я не могу полностью верить в Тебя, а Твои деяния, как они записаны, нахожу непоследовательными и слегка чудаковатыми. Но я рад, что дело обернулось так, что Ты теперь всегда можешь быть реальным для прекрасных и кротких людей, почитающих, любящих и верящих в Тебя. Разочаровать их было бы несправедливо. И правильно, что перед лицом веры в Тебя даже Кощей, создавший все таким, какое оно есть, не в силах быть благоразумным...

...Бог моей бабушки, я не могу полностью верить в Тебя, но, вспоминая, сколько любви и веры отдано Тебе, я трепещу. Я думаю о славных людях, чья жизнь была полна надежды и радости благодаря вере в Тебя. Я думаю о них, и в моем сердце борются раскаяние, тоска и зависть, но все это скрашено легким изумлением. О Господи, никогда не существовало другого Божества, которого почитали бы такие славные люди, и Ты должен ими гордиться...

...Бог моей бабушки, я не могу полностью верить в Тебя, однако я не из тех, кто смотрит рассудочно на Тебя. Я, Юрген, вижу Тебя сквозь пелену слез. Ибо Ты был любим теми, кого я давным-давно очень сильно любил. И когда я гляжу на Тебя, то вспоминаю почитавших Тебя и славных верующих старины. И мне кажется, что даты, манускрипты и мнения ученых мужей — безделушки рядом с тем, что я вспоминаю и чему завидую!

— Кто бы мог подумать, что такой чудовищно умный малый станет завидовать старушечьим иллюзиям? — вновь спросил Бог Юргеновой бабушки, однако внешне он не казался недружелюбным.

— Но, — вдруг сказал Юрген, — но моя бабушка — некоторым образом — была права относительно Рая и Тебя. Ты, похоже, существуешь и царствуешь точно в таких владениях, какие она и описывала. И однако, согласно Твоему последнему откровению, я тоже прав — некоторым образом — относительно того, что это старушечьи заблуждения. Я гадаю...

— Да, Юрген?

— Я гадаю, верно ли все это. Я гадаю, самая ли это большая тайна из всех. Это было бы неплохое решение, сударь, — задумчиво сказал Юрген.

Бог улыбнулся. Затем внезапно эта часть Рая оказалась пуста, за исключением стоявшего в одиночестве Юргена. А перед ним находился престол исчезнувшего Бога и Его скипетр, и Юрген увидел, что семь пятен на огромной книге — из красного сургуча.

Юрген испугался, но его отчасти страшило осознание того, что он не дрогнет.

— Что ж, ты, бывший герцогом, принцем, королем, императором и папой! Разве такие титулы удовлетворяют Юргена? Ни в коей мере, — сказал Юрген.

И Юрген взошел на Небесный престол и сел под той чудесной радугой: у него на коленях лежала книга, а в руке он держал скипетр Бога своей бабушки.

Юрген сидел так довольно долго, рассматривая светлые, пустые пространства Рая.

— И что ты теперь будешь делать? — спросил

Юрген вслух. — О, капризный маленький Юрген, ты, который жаловался, когда не выполнялись твои желания, ты обладаешь властью над Землей и всеми людскими делами. Каково теперь твое желание? — И, сидя вот так на престоле, Юрген ощутил, что сердце у него словно налилось свинцом, и он почувствовал себя старым и очень уставшим. — Не знаю. О, ничто мне не поможет, потому что я не знаю, чего хочу! И от этой книги, этого скипетра и этого престола мне вообще нет никакой пользы, и от всего прочего мне нет никакой пользы, ибо я — Юрген, ищущий сам не знаю что.

Юрген пожал плечами, слез с престола Бога и, бредя наугад, вскоре повстречал четырех архангелов. Они сидели на кудрявом облаке и пили молоко из суповых чашек. И у этих лучезарных существ Юрген спросил кратчайшую дорогу из Рая.

— Здесь нет ни одной моей иллюзии, — сказал Юрген, — и мне нужно сейчас же вернуться к таким иллюзиям, которые близки мне по духу. Нужно во что-то верить. А всем, увиденным в Раю, я восхищался и этому завидовал, но не мог бы поверить ни в одну из этих вещей и ни одна из них не могла бы меня удовлетворить. И, думая об этом, я гадаю, не сообщите ли вы мне, господа, какие-нибудь сведения о той Лизе, что была моей женой.

Юрген обрисовал внешность Лизы, и архангелы посмотрели на него с сочувствием.

Он с грустью узнал, что эти архангелы никогда не слышали о Лизе, а они уверили его, что такой особы в Раю не было. Стейнвора умерла, когда Юрген был еще мальчиком, так что она никогда не видела Лизу и, следовательно, так или иначе не думала о Лизе, когда обрисовывала свои представления Кощею, создавшему все таким, какое оно есть.

Тут Юрген также открыл для себя, что, когда его взгляд впервые встретился со взглядом Бога его бабушки, Юрген стоял неподвижно в течение тридцати семи дней, забыв обо всем, кроме того, что Бог его бабушки есть любовь.

— Никто еще по своей охоте не отворачивался от

Него так быстро, — сказал ему Захариил, — и мы думаем, что ваша нечувствительность обусловлена некоей злокачественностью блестящего одеяния, которое вы носите и подобного которому в Раю никогда не видели.

— Я лишь искал справедливость, — сказал Юрген, — и не мог найти ее в глазах вашего Бога, а нашел лишь любовь и всепрощение, которое меня даже встревожило.

— Этому вы должны радоваться, — сказали четыре архангела, — и так должны радоваться все живущие. А особенно должны радоваться мы, обитающие в Раю, и ежечасно возносить хвалу нашему Господу Богу, пренебрегшему справедливостью, благодаря чему нам разрешено войти в это место.

ГЛАВА XLII

Ежечасно тревожимые двенадцать

канун Валыпургиевой ночи, когда случается более чем невероятное, Юрген поспешно вышел из Рая, не найдя и не потеряв там какой бы то ни было любви. Святой Петр отворил ему не главный вход, а маленькую потайную дверь с бесчисленными барельефами рыб, потому что этот выход вел непосредственно в то место, которое представишь по своему выбору.

— Таким образом, — сказал Святой Петр, — ты можешь вернуться, не теряя времени, к собственным иллюзиям.

— Обычно по сентиментальным соображениям я носил на шее крест, — сказал Юрген, — поскольку тот когда-то принадлежал моей покойной матери. Ни одна женщина никогда не любила меня, кроме Азры, которая была моей матерью...

— Интересно, неужели тебе об этом рассказала твоя мать? — спросил Святой Петр, улыбаясь каким-то своим воспоминаниям. — Моя же говорила об этом то и дело. И порой меня интересовало... Как ты помнишь, я был женатым человеком, Юрген, и моя жена не вполне меня понимала, — сказал со вздохом Святой Петр.

— На самом деле, — сказал Юрген, — мой случай не так уж непохож на твой. И чем чаще я женюсь, тем меньше я нахожу понимания. Мне нужно было проявить больше сочувствия к королю Смойту, несомненно являющемуся моим дедушкой. Представляешь, Святой Петр, другие женщины доверяли мне более или менее, потому что любили некоего призрачного Юргена. Но Азра мне вообще не дове-

ряла, потому что любила меня всем сердцем. Она понимала Юргена и вместе с тем любила его, хотя лично я, со всем своим умом, ничего подобного не могу. Тем не менее, для того, чтобы совершить мужественный поступок, чтобы доставить женщине удовольствие... и к тому же замужней женщине!.. я выкинул золотой крестик — все, что осталось мне от матери. И с тех пор, Святой Петр, сентиментальные иллюзии меня всячески избегают. Поэтому я оставлю Рай, чтоб найти свой крест.

— Сомневаюсь, что из совершенного раньше, Юрген, вышел хоть какой-то толк.

— Ого, а разве это не привело к вечной славе первого и величайшего из римских пап? Мне кажется, сударь, что или у вас короткая память, или вам не хватает чувства благодарности, и меня так и подмывает прокукарекать вам прямо в лицо.

— Сейчас, Юрген, ты говоришь, словно херувим, а тебе следует поучиться манерам получше. Ты предполагаешь, что мы, апостолы, получаем наслаждение, слыша анекдоты про Церковь?

— В общем, правда. Святой Петр, вы основали Церковь...

— Вот ты опять! Именно это вечно твердят нам покровители-серафимы и проказники-херувимы. Понимаешь, мы, двенадцать, сидим вместе на Небесах, каждый на своем белом престоле, и видим все происходящее на Земле. С нашей позиции не проигнорируешь рост и деяния того, что ты мог бы неточно назвать христианством. И порой от увиденного нам весьма неуютно, Юрген. Особенно когда порой пропорхнет какой-нибудь херувим с ухмылкой до ушей и хихикнет: «Ведь вы же это начали». А мы, правда, начали, и никоим образом я не могу этого отрицать. Однако в действительности мы никогда и не предвкушали чего-либо подобного, и несправедливо дразнить нас.

— На самом деле, Святой Петр, как я сейчас думаю, вам следовало бы нести ответственность за то малое, что сказано или сделано в тени шпиля. Ибо, насколько я помню, вы, двенадцать, пытались

обратить мир к учению Иисуса, а благие намерения следует уважать, хоть они и могут причудливо вывернуться наизнанку.

Такое сочувствие канонический святой явно оценил, так как заговорил более доверительно. Он задумчиво погладил длинную седую бороду, а затем с негодованием сказал:

— Если б только они не обращались с нами панибратски, мы могли бы это выдержать. А так мы веками чувствуем себя, как идиоты. Для меня, конечно, особенно затруднительно стоять на проходной: чтобы превзойти все на свете, Юрген, эти негодяи умирают и приходят в Рай, наглые, как воробьи, ожидая, что я их впущу! Они приходят ко мне, ухмыляясь — после пыток людей на дыбе, после аутодафе, резни, избиений, патриотических проповедей и священных войн — после разнообразнейшей мерзости. И их миллионы миллионов, Юрген. Нет такой жестокости или глупости, что не приходила бы ко мне за восхвалением, и нет такой разновидности преступных идиотов, что не предъявляла бы прав на дружбу со мной, который был апостолом и порядочным человеком. Юрген, ты не поверишь, но всего лишь на прошлой неделе ко мне пришел один известный епископ, ожидая, что я его пропущу, — когда у меня в руках был переписанный начисто полный перечень его деяний в пользу умеренности и трезвости!

Тут Юрген удивился.

— Но умеренность, несомненно, добродетель, Святой Петр.

— Но его представления об умеренности! А его гнусный бред мне прямо в лицо, словно он говорит в какой-нибудь церкви! Подлиза и богохульник! Он, брызжа слюной мне прямо в лицо, выдал опровержение первого из чудес моего Учителя и последнего предписания нам, двенадцати, говоря, что вино-де не забродило! Послушай, Юрген, он сказал это мне! Мне, который пил то благородное вино в Кане и, равным образом, то выдержанное вино, которое было у нас в той комнатке на верхнем этаже в Иеруса-

лиме, когда близился суд и Учитель хотел, чтобы мы показали себя с лучшей стороны! И этот деятельный негодяй спорил со мной, который с тех пор попробовал того невообразимого вина, обещанного нам Учителем в Его царстве! И убеждал, досаждая мне, вопреки всем моим воспоминаниям, что мой Учитель, который был человеком среди людей, питался такими же жидкими помоями, которыми вскормлен этот мелочный скандалист и негодник!

— Но на самом деле, Святой Петр, бесспорно, что вином зачастую злоупотребляют.

— Так он мне и сообщил, Юрген. А я сказал ему на это, что он бы запретил и производство епископов по причинам, которые он обнаружит в зеркале; и что, помня случившееся на Голгофе, он бы упек в тюрьму всех торговцев пиломатериалами. Так что его увели, не переставшего подлизываться, — уныло сказал Петр. — Когда я его слушал еще раз, он стращал, что у него есть кто-то, избранный на мое место: но это лишь по старой привычке.

— Однако, мне кажется, там, внизу, я не сталкивался с подобным епископом.

— В Аду твоих отцов? О, нет. У твоих отцов были добрые намерения, но их представления ограничены. Нет, у нас есть совершенно другой вечный дом для таких богохульников — в одном месте, оборудованном еще давным-давно, когда нужда заставила устроить место для усердных церковников.

— И кто же изобрел такое место, Святой Петр?

— В качестве особой любезности нам, двенадцати, которым приписывается начало и опека таких мерзостей, было разрешено спроектировать и обставить это место. И, конечно же, мы поставили заведовать им нашего бывшего брата Иуду. Он казался подходящей кандидатурой. Равным образом мы установили над этим местом особую крышу, наилучшее подражание Крыше Войны, какое мы только могли выдумать, чтобы ни один из этих ухмыляющихся херувимов не видел, какое длительное возмездие мы,

двенадцать, основавших христианство, придумали для этих богохульников.

— Без сомнения, это мудро.

— Будь по-нашему, такая же крыша всегда бы находилась и над Землей. Этот сумасшедший подлиза оставил множество себе подобных, кричащих до посинения у церквей, названных в честь нас, двенадцати, и на кафедрах церквей, названных в честь нас, — а это нас беспокоит. Они, брызжа слюной, излагают доктрину Махаунда, но ни одной доктрины, которые мы проповедовали или слышали. И они должны честно сказать об этом, вместо того чтобы клеветать на нас, бывших апостолами и порядочными людьми. Но получается так, что эти мошенники позволяют себе вольности по отношению к нашим именам, а херувимы следят за их ужимками и подшучивают над нами. Так что не очень-то большое удовольствие быть святым апостолом на Небесах, Юрген, хотя когда-то мы, двенадцать, были вполне счастливы. — И Петр вздохнул.

— Я не понял одного, сударь. Вы только что говорили о Крыше Войны. Что это?

— Это каменная крыша, сделанная из двух скрижалей, врученных на Синае, которые Бог прилаживает над Землей, когда люди идут воевать. Он — милосерден, и здесь многие из нас помнят, что когда-то были людьми. Так что, когда люди идут воевать, Бог отгораживается от того, что они делают, поскольку Богу хочется быть по отношению к ним милосердным.

— Она же, однако, должна препятствовать восхождению всех молитв, творимых в военное время.

— Конечно, это вторичное назначение крыши, — ответил Святой Петр. — Чего ты еще ожидаешь, когда глумятся над словами Учителя? Хотя слухи почему-то просачиваются, ужасно нелепые слухи. Например, я в самом деле слышал, что в военное время к Господу Богу возносятся молитвы, чтобы он поддержал своих любимцев и принял участие в убийстве. Не то, — торопливо сказал добрый Святой, — чтобы я верил, что на такое богохульство способен

хотя бы епископ-христианин. Я просто хочу показать тебе, Юрген, какие безумные истории тут распространяются. Все же, я помню, тогда в Каппадокии... — И тут Святой Петр хлопнул себя по бедру. — Но не заставишь же ты меня вечно тут стоять и сплетничать, Юрген, когда души уже выстроились в очередь у главного входа, словно муравьи, облепившие патоку? Давай уходи из Рая, Юрген, в любое место, которое, по твоим представлениям, восстановит для тебя твои собственные иллюзии! А мне позволь вернуться к своим обязанностям.

— Тогда, Святой Петр, я представляю себе Амнеранскую Пустошь, где я выкинул последний материнский подарок.

— Вот Амнеранская Пустошь, — сказал Святой Петр, выталкивая Юргена в маленькую потайную дверь, покрытую барельефами рыб.

И Юрген увидел, что Святой говорил правду.

ГЛАВА XLIII

Позы перед тенью

так, Юрген вновь стоял посреди Амнеранской Пустоши. И вновь был канун Вальпургиевой ночи, когда случается более чем невероятное. Яркая луна находилась еще низко, и тень Юргена была длинной и узкой. А Юрген искал золотой крест, который носил по сентиментальным мотивам, но не мог его найти, чтобы снова надеть. Но, пока от тщетно искал его, он нашел в великом множестве кусты барбариса и шипы на них. Все время, в течение которого он искал крест, рубаха Несса блестела в лунном свете, и тень Юргена тянулась по земле, длинная и узкая, и передразнивала каждое движение, совершаемое Юргеном. И, как всегда, это была тень худой женщины, голова у которой обмотана полотенцем.

Юрген посмотрел на тень, и она вызвала у него отвращение.

— О, Матушка Середа! — воскликнул Юрген. — Целый год твоя тень ходит за мной по пятам. Много стран мы посетили, и много достопримечательностей мы видели. И под конец все, сделанное нами, есть лишь рассказанная история. И эта история не играет никакой роли. Так что я стою там, где стоял в начале своего зашедшего в тупик путешествия. Твой подарок ничем мне не помог, и мне наплевать, молод я или стар. И я потерял все, что оставалось у меня от матери и материнской любви, и я предал материнскую гордость, и я устал.

Тут на земле послышался тихий шепот, словно там шелестела палая листва. И шепот стал громче (поскольку то был канун Вальпургиевой ночи, когда случается более чем невероятное), и шепот превратился в призрак некоего голоса.

— Ты очень хитро льстил мне, Юрген, ибо ты чудовищно умный малый. — Вот что сухо сказал голос.

— Огромное число людей могли бы сказать это с полным правом, — заявил Юрген, — однако я догадываюсь, кто это говорит. Что касается лести, крестная, то в Глатионе я лишь шутил. По сути, я старался объяснить именно это в тот миг, когда заметил, что твоя тень, по-видимому, интересуется моими праздными замечаниями и записывает их в блокнот. О нет, могу тебя уверить, я торговал совершенно законно и вел дела повсюду честно. Что касается остального, я действительно очень умен. С моей стороны было бы глупо это отрицать.

— Тщеславный глупец! — сказал голос Матушки Середы.

Юрген же ответил:

— Возможно, я тщеславен. Но я несомненно умен. А более несомненный факт состоит в том, что я устал. Посмотри, я по всему свету занимался любовными похождениями в мишуре и блестках взятой взаймы молодости. И я рискнул побывать в краях, не посещаемых другими людьми, играя в чувства с женщинами и приводя в движение государственные механизмы. И я упал в Ад и взошел в Рай, и я втихомолку залез на место Самого Господа Бога, и нигде я не нашел того, чего желал. Даже сейчас не знаю я, в чем состоит мое желание. Но знаю, что мне нельзя снова стать молодым, кем бы я ни показался остальным.

— На самом деле, Юрген, молодость ушла из твоего сердца за пределы досягаемости Леших. И самым кратчайшим путем ты можешь вновь обрести молодость, ведя себя, как ребенок.

— Крестная, но обуздай же свои инстинкты и все прочее и говори со мной более откровенно! Милостивая государыня, между нами не должно быть тайн. На Левке, как сообщали, ты была Кибелой, великой Рес Деа, владычицей всего осязаемого. На Кокаине о тебе говорили как об Асред. А в Камельяре Мерлин назвал тебя Адерес, темной Матерью Малых Богов. Но у тебя дома, в лесу, где я впервые имел честь с тобой познакомиться, крестная, ты сказала мне, что ты — Середа,

все обесцвечивающая и управляющая всеми средами. Теперь эти загадки меня бесят, и я желаю, чтобы ты открыла мне, кто ты такая.

— Возможно, я — они все. Между тем я отбеливаю и рано или поздно выбелю все. Возможно, однажды, Юрген, я даже обесцвечу твое дурацкое понятие о самом себе.

— Да, да! Но только между нами, крестная, не твоя ли тень мешает мне разделить полностью соответствующее чувство, можно сказать, дух случая, и крадет из моей жизни ту «изюминку», которую другие явно находят? Ты же знаешь, что это так! А что касается меня, крестная, я люблю шутку так же, как любой из живущих на свете людей, но предпочитаю, чтоб она была вразумительна.

— Позволь, я скажу тебе кое-что по-простому, Юрген! — Невидимая Матушка Середа откашлялась и заговорила с явным возмущением.

* * *

— Крестная, извини меня за откровенность, но я не думаю, что очень тактично говорить о подобном, и уж конечно не с такой прямотой. Однако, опуская рассмотрение проблем щепетильности, давай вернемся к моему изначальному вопросу. Ты дала мне молодость и все, относящееся к молодости. И вместе с ней дала, по-своему шутливо, — что никто так от души не оценит, как я, — тень, воспроизводящую все не совсем достоверно, которой нельзя полностью доверять и с которой нельзя встретиться открыто. Теперь — как ты, надеюсь, понимаешь — я распознал эту шутку и ни на миг не отрицаю, что это шедевр юмора. Но, в конце концов, в чем ее суть? В чем смысл?

— Возможно, нигде нет никакого смысла. Мог бы ты посмотреть в лицо такому истолкованию, Юрген?

— Нет, — сказал Юрген. — Я смотрел в лицо богу и дьяволу, но этому смотреть в лицо не стану.

— И я, имеющая так много имен, не стала бы. Ты шутил со мной. А я шучу с тобой. Вероятно, Кощей шутит со всеми нами. А он, без сомнения, — даже Кощей, со-

здавший все таким, какое оно есть, — в свою очередь, предмет насмешек и каких-то более крупных шуток.

— Он, определенно, может им быть, — сказал Юрген, — однако с другой стороны...

— Об этом я ничего не знаю. Откуда? Но, по-моему, все мы принимаем участие в движении, перемещении и обдуманном использовании вещей, принадлежащих Кощею, — таком использовании, которого мы не постигаем и не способны постичь.

— Возможно, — сказал Юрген, — но тем не менее!..

— Наподобие шахматной доски, на которой фигуры двигаются по-разному: кони скачут вбок, слоны ходят по косой, ладьи наступают по прямой, а пешки с трудом ковыляют с клетки на клетку — каждая по воле играющего. Нет видимого порядка, для стороннего наблюдателя — полная неразбериха. Но для игрока в положении фигур имеется некий смысл.

— Не отрицаю этого. И все же нужно допустить...

— И, по-моему, происходит так, словно у каждой фигуры, даже у пешек, собственная шахматная доска, которая движется, когда движется фигура, и на которой она передвигает фигуры сообразно своей воле в тот самый момент, когда волей-неволей передвигается сама.

— Может, ты и права. Но даже при этом...

— А Кощей, направляющий это бесконечное движение марионеток, вполне может быть бесполезным, разоренным королем в какой-то более крупной игре.

— Несомненно, я не могу тебе возразить. Но в то же самое время!..

— Так это перекрестное многократное движение доходит до того предела, где его еще может ухватить мысль; а за этим пределом движение продолжается и дальше. Все движется. Все движется непостижимо и под звуки смеха. Ибо все движется в соответствии с высшей силой, понимающей смысл движения. И каждый двигает перед собой фигуры в соответствии со своими способностями. Так что игра бесконечна и беспощадна. А где-то над головой веселятся, но это очень-очень высоко.

— Никто с большей охотой не признает привлекательности этих образов, Матушка Середа. Но у меня от

них болит голова. Более того, в шахматы играют два человека, а твоя гипотеза никого не снабдила соперником. В заключение самое главное: откуда ты знаешь, что в твоих пышных образах есть хоть слово правды?

— Откуда кто-либо из нас может что-то знать? И кто такой Юрген, что его знание или незнание должно для кого-то играть какую-то роль?

Юрген хлопнул в ладоши.

— Ха, Матушка Середа! — сказал он. — Тут-то ты и попалась. Именно этот проклятый вопрос твоя тень нашептывала мне с самого начала нашего путешествия. С тобой покончено. У меня больше не будет твоих подарков, что приобретены ценой такого нашептывания. Я решаю впредь быть таким, как другие, и безоговорочно верить в собственную важность.

— Но есть ли у тебя повод упрекать меня? Я вернула тебе молодость. А когда, после завершения той искомой среды, которую я тебе одолжила, ты стал читать поучения графине Доротее, я была польщена, поскольку нашла столь целомудренного человека. И поэтому продлила действие своего дара — твою молодость.

— Ах, да! — воскликнул Юрген. — Вот оно как! Ты была польщена — как раз вовремя — моими добродетельными поучениями женщине, искушавшей меня. Да, разумеется. Ну-ну! Знаешь, это весьма радует.

— Тем не менее, твое целомудрие, хотя и довольно необычное, оказалось бесплодной добродетелью. Что ты сделал с годом молодости? Все, что любой мужчина сорока с лишним лет делал с привычными сожалениями, ты сделал снова, только быстрее, уместив глупости четверти века в протяженность одного года. Ты искал плотских наслаждений. Ты шутил. Ты задавал множество праздных вопросов. И ты во всем сомневался, включая самого Юргена. Несмотря на свои воспоминая, несмотря на то, что ты, вероятно, считал искренним раскаянием, ты сделал из второй молодости ничто. Все, о чем сожалеет любой мужчина сорока с лишним лет, ты повторил заново.

— Да, неопровержимо, что я опять женился, — сказал Юрген. — На самом деле, если подумать, были Анайтида, Хлорида и Флоримель, так что за год я женился трижды. Но ты должна помнить, что в ос-

новном я — жертва наследственности, так как, не посоветовавшись со мной, Смойт Глатионский увековечил во мне черты своего характера.

— Я не осуждаю твои женитьбы, так как каждая соответствовала обычаям данной страны. Закон всегда нужно уважать, а супруг — почетное положение, и во всех краях оно оказывает остепеняющее влияние. Правда, моя тень доложила еще о нескольких любовных делишках...

— О, крестная, что ты такое говоришь?

— Еще были некие Иоланта и Гиневра, — казалось, голос Матушки Середы читает по записке, — и Сильвия, являющаяся твоей сводной бабушкой, и Стелла, являющаяся йогиней, чем бы это ни было: и Филлис, и Долорес, являющиеся царицами Ада и Филистии соответственно. Более того, ты посетил царицу Псевдополя при обстоятельствах, которые могли бы неблагоприятно быть восприняты ее мужем. О да, ты совершал глупости с разнообразнейшими женщинами.

— Глупости, может быть, но не преступления, даже не проступки. Послушай, Матушка Середа, доложила ли твоя тень за весь год хоть об одном примере дурного отношения к женщине? — твердо спросил Юрген.

— Нет, милок, что я с радостью признаю. Самое худшее из доложенного касается случавшейся порой более или менее подозрительной услуги, когда ты выключал свет. А тени, конечно же, не могут существовать в абсолютной темноте.

— Понимаешь теперь, — сказал Юрген, что значит быть осторожным! Я имею в виду осторожность, избегающую даже видимости зла. У какого еще мужчины двадцати одного года ты можешь найти такое воздержание? И ты еще ворчишь!

— Я не жалуюсь, потому что ты жил целомудренно. Это мне льстит, и это единственная причина, почему ты продержался так долго.

— О, крестная, что ты такое говоришь?

— Да, милок, согреши ты хоть раз с женщиной в данной тебе молодости, ты был бы немедленно наказан, и весьма сурово. Ибо я всегда свято верила в целомудрие и в прежние времена обычно обеспечивала целомудренность своих жрецов единственно надежным способом.

— По совести говоря, я это заметил, когда ты проезжала по Левке.

— И снова и снова меня сердили доклады моей тени, и я уже собиралась наказать тебя, мой милок, но всякий раз вспоминала, что ты постишься ради редчайшей из всех человеческих добродетелей и что моя тень не докладывала о какой-либо распущенности в твоих отношениях с женщинами. И, признаюсь, это меня радовало, и я давала событиям продлиться еще немного. Но это бессмысленное занятие, милок, потому что из молодости, которую я тебе вернула, ты сделал ничто. И имей ты тысячу жизней, итог был бы тот же самый.

— Тем не менее, я — чудовищно умный малый, — Юрген хихикнул.

— На самом деле, ты — плут, и твоя жизнь, не считая той прекрасной песни, что ты сочинил про меня, пустая трата времени.

— Ах, если уж ты об этом, был еще некий загорелый человек в Друидском лесу, показавший мне в прошедшем июне одно очень любопытное зрелище. И я не в силах забыть показанное им, что бы ты ни говорила и что бы я ему ни говорил.

— Ты видел это и множество других любопытных зрелищ, но ничего не сделал — в повторной, данной тебе мной, молодости. И поэтому моя тень была раздражена тем, что, обнаруживая такую уйму бесполезно разбазаренного времени, я не отобрала данную тебе мной молодость, — что́ я не прочь сделать даже сейчас, предупреждаю тебя, милок, потому что с тобой действительно нельзя мириться. Но я держала тебя из-за докладов моей тени о твоем воздержании, являющемся добродетелью, которую мы, Лешие, особо чтим.

Тут Юрген задумался.

— А?.. Значит, в твоих силах вновь сделать меня старым, или, скорее, превосходно сохранившимся мужчиной сорока с лишним лет, или, скажем, тридцати девяти по календарному времени, но отнюдь не с виду? Такие угрозы легко произносить. Но откуда я могу знать, что ты говоришь правду?

— Откуда кто-либо из нас может что-то знать? И кто такой Юрген, что его знание или незнание должно для кого-то играть какую-то роль?

— Ах, крестная, ты все еще это бормочешь! Забудь, что ты женщина, и стань благоразумна! Ты используешь прекрасную и древнюю привилегию родства, ругая меня, и все это — несмотря на очевидный факт: я получил от тебя то, чего ни один человек прежде не получал. Говори, что хочешь, но я — чудовищно умный малый, ибо уже выклянчил у тебя год молодости, во время которого не построил и не обокрал ни одной церкви, но в целом приятно провел время. Ты можешь, ропща, произносить банальности, угрозы, аксиомы и что угодно еще, приглянувшееся тебе. Остается же факт, что я получил то, что хотел. Да, я очень тонко выклянчил у тебя вечную молодость. Конечно же, милая моя и бедная крестная, ты теперь бессильна забрать ее обратно. Так что я сохраню, назло тебе, самую желанную собственность в жизни.

— Я подарила ее в честь твоей целомудренности, являющейся единственной похвальной чертой, которая у тебя есть...

— Моя целомудренность, допускаю, замечательна. Тем не менее, в действительности ты подарила мне молодость потому, что я умнее.

— ...И то, что я даю, я по своей воле могу взять назад!

— Как же, как же, ты отлично знаешь, что ничего подобного не можешь. Отсылаю тебя к Севию Никанору. Ни один из Леших никогда не может забрать бесценный дар молодости.

— Но меня это начинает злить...

— Иначе, что́ я с настоящим сожалением осознаю, ты становишься нелепой, оспаривая авторитет Севия Никанора.

— ...И я покажу тебе... о, я покажу тебе, нахал!

— Не надо! Держи себя в руках! Все достаточно эрудированные люди знают, что ты не можешь совершить того, чем пугаешь. И общеизвестно, что самое слабое колесо в телеге скрипит громче всех. Так что развивай в себе рассудительную молчаливость! В действительности никто не станет мириться с капризами уродливой, беззубой женщины твоих лет, что говорю тебе ради твоего же блага.

Людей всегда раздражает, когда говорят ради их собственного блага. Так что последующее произошло очень быстро. Луну закрыло кудрявое облако. В течение одного удара сердца ночь показалась ужасно холодной, а затем все стало достаточно тихим. Луна появилась во всем великолепии, и перед Юргеном находилась надлежащая тень Юргена. Он с изумлением посмотрел на свои руки, и это были руки пожилого человека. Он пощупал икры ног, и они были сморщенными. Он похлопал себя по туловищу, и под рубахой Несса обнаружилось впечатляющих размеров брюшко.

«К тому же, я внезапно что-то забыл, — размышлял Юрген. — Что-то, что хотел забыть. О да! Но что же я хотел забыть? Был загорелый человек... и с ногами у него творилось что-то неладное... Он в Друидском лесу нес вздор и вел себя по-идиотски... Вероятно, он сумасшедший. Нет, я не помню, что я забыл, но уверен, это терзает меня где-то в глубине души, словно маленькая губительная личинка. Но это, в конце концов, неважно».

Вслух же он запричитал самым трогательным голосом:

— О, Матушка Середа, я не намеревался тебя разозлить. Нечестно ловить меня на одном бездумном слове! Смилуйся надо мной, Матушка Середа, ведь я никогда бы не стал ссылаться на то, что ты стара и невзрачна, если б знал, что ты настолько тщеславна!

Но Матушка Середа, похоже, не смягчилась от такой мольбы, так как ничего не произошло.

«Значит, слава Богу, все кончилось! — сказал сам себе Юрген. — Конечно, она, возможно, по-прежнему слушает, а с Лешими шутить опасно. Но в действительности они не кажутся очень смышлеными. Иначе эта раздражительная болтунья поняла бы, что, оставляя в стороне все прочее, я откровенно утомился от ответственности своей молодости под таким постоянным наблюдением. Теперь все меняется: нет требования избегать подозрений в правонарушениях, проводя все философские ис-следования в темноте, и я больше не буду недоверчиво относиться к лампам, свечам и даже к солнечному свету. Старое тело... для уставшего че-

ловека ты приятно, как старые шлепанцы. И я во второй раз весьма ловко обманул Матушку Середу. Мое понимание Лизы, хотя и доставшееся с муками, — решительное преимущество в отношениях с любой женщиной».

Затем Юрген посмотрел на черную пещеру. «Полагаю, она напоминает мне, что по-прежнему мужественным поступком стало бы продолжение поисков Лизы. Пугает только то, что, если я войду в эту пещеру в третий раз, я несомненно верну свою жену. Согласно традиционным правилам, третья попытка неизменно приводит к успеху. Интересно, хочу ли я вернуть Лизу?»

Юрген задумался и покачал своей седой головой. «Точно я этого не знаю. Она превосходно готовит. Бывали пироги, которые я всегда буду вспоминать с глубоким чувством. И у бедняжки добрые намерения! Но тогда, если в прошлом мае я отрубил голову действительно ей... и если нрав у нее ничем не лучше... Все же надоедает бесконечно мыть за собой посуду, и, кажется, у меня нет способностей в штопанье носков. Но, с другой стороны, Лиза вечно меня пилит. И она меня не понимает...»

Юрген пожал плечами. «Так и так! Доводы «за» и «против» можно продолжать неограниченно долго. Поскольку я не могу предпочесть одно другому, я ублажу предрассудки, совершив мужественный поступок. Мне это кажется справедливым, и, кроме того, в конце концов это может и не получиться».

Тут он в третий раз вошел в пещеру.

ГЛАВА XLIV

В конторе управляющего

стория рассказывает, что там было темно и Юрген не мог никого разглядеть. Но пещера тянулась вперед и вниз, а в дальнем конце мерцал свет. Юрген все шел и шел и так достиг того места, где в ожидании Юргена когда-то лежал Несс. Юрген вновь нагнулся и вполз в отверстие в стене пещеры и попал туда, где на высоких железных стойках горели лампы. Сейчас одна за другой эти лампы гасли, и тут не было никаких женщин. Вместо этого Юрген ступал по слою белого пепла в палец толщиной, оставляя на нем следы.

Пещера тянулась дальше, и Юрген пошел вперед. Он достиг крутого поворота, а свет ламп позади него поблек, так что тень перед Юргеном была хотя и бесспорной, но размытой. Это была тень, соответствующая заурядному пожилому ростовщику, и Юрген рассматривал ее с воодушевлением.

Затем Юрген вошел в своеобразное подземелье, с потолка которого свисал котел, а под ним плясали красные языки пламени. Перед Юргеном находился трон, а за ним ряды скамеек. Но здесь тоже никого не было. К пустому трону был прислонен треугольный белый щит. И, когда Юрген вгляделся более пристально, он увидел на нем какую-то надпись. Юрген поднес щит как можно ближе к огню, потому что сейчас зрение у него было не очень хорошее, да, кроме того, и огонь был неярким. И Юрген разобрал послание, написанное на щите черными и красными буквами.

«Ушел по важному делу, — гласило оно. — Буду через час». И подпись: «Фрагнар Р.»

«Интересно, кому король Фрагнар оставил эту записку? — подумал Юрген. — Определенно, не мне.

И к тому же, интересно, оставил он ее здесь год назад или всего лишь этим вечером. И еще интересно, его ли голову я отрубил в серебряно-черном павильоне. Существует множество интересного в этой невероятной пещере, в которой, что я замечаю с беспокойством, меркнет свет. И, по-моему, становится холоднее».

Юрген посмотрел направо — на лестницу, по которой поднимались они с Гиневрой, и покачал головой. «Глатион — не совсем подходящее прибежище для всеми уважаемого ростовщика. Рыцарство — для молодых людей вроде герцога Логрейского. А мне нужно выбраться отсюда, ибо, несомненно, становится страшно холодно».

Так Юрген пошел по проходу между рядами скамеек, с которых воины Фрагнара свирепо смотрели на Юргена, когда он последний раз был в этой части пещеры. В конце прохода находилась деревянная, выкрашенная белой краской дверь. На ней большими черными буквами было написано: «Контора управляющего — вход воспрещен». Юрген отворил дверь.

Он вошел в необычное помещение, освещенное шестью факелами. Они символизировали власть Ассирии, Ниневии, Египта, Рима, Афин и Византии. Тут же стояло еще шесть факелов, но они были не зажжены. Позади висела большая черная классная доска со множеством цифр, написанных красным мелом. Здесь также находился тот черный господин, который год назад благословил Юргена за то, что он почтительно говорил о силах тьмы. Сегодня на черном господине был черный халат, расшитый знаками зодиака. Он сидел за столом, крышка которого была причудливо инкрустирована тридцатью серебряными пластинками, и переписывал что-то из одной большой книги в другую. Он поднял голову от своей писанины достаточно любезно и так, словно ждал Юргена.

— Ты застал меня за звездными расчетами, — сказал он, — которые, оказывается, находятся в страшном беспорядке. Что еще я могу сделать для тебя, мой друг, замолвившего доброе слово за все, какое оно есть, и снабдившего меня парой действительно весьма приемлемых объяснений того, почему я сотворил зло?

— Я думал, Князь... — начал ростовщик.

— А почему ты называешь меня князем, Юрген?

— Не знаю, сударь. Но подозреваю, что мои поиски закончились и что вы — Кощей Бессмертный.

Черный господин кивнул.

— Нечто в этом роде. Кощей, или Ардханари, или Пта, или Иалдаваоф, или Абраксас — меня здесь можно называть по-всякому. Настоящее мое имя ты никогда не слышал; ни один человек никогда не слышал моего имени. Поэтому в данный вопрос нам едва ли стоит вдаваться.

— Разумеется, Князь. Я долго ходил кругами, чтобы добраться до вас, создавшего все таким, какое оно есть. И я лишь горю желанием узнать, почему вы создали все таким, какое оно есть.

Брови черного господина поднялись правильными готическими арками.

— И ты действительно думаешь, Юрген, что я объясню тебе, почему я создал все таким, какое оно есть?

— Я не вижу, Князь, как иначе мои странствия получили бы справедливую развязку.

— Но, мой друг, я не имею ничего общего со справедливостью. Наоборот, я — Кощей, создавший все таким, какое оно есть.

Юрген понял суть его слов.

— Ваши рассуждения, Князь, неопровержимы. Я кланяюсь вам в пояс. Я наверняка даже их предвидел. Тогда расскажите мне, чего я желаю и не могу найти ни в одном из царств, известных человеку, и даже в тех, которые человек себе вообразил.

Кощей был весьма терпелив.

— Признаюсь, я не настолько знаком с происшедшим в этой части вселенной, как следовало бы. Конечно, мне докладывают о событиях в целом, и мои люди уже какое-то время занимаются звездами в этой части неба. Но, похоже, они управляют созвездием весьма неумело. Все же я на днях сделал расчет и в конце концов не теряю надежды извлечь так или иначе из здешних светил хоть какую-то пользу. Конечно же, не то чтобы это было важное созвездие. Но я — экономист и не люблю потерь...

Тут он на мгновение умолк, не сильно обеспокоенный этой проблемой, как видел Юрген, но слегка

раздраженный неспособностью сразу же предугадать ее решение. Потом же Кощей сказал:

— А между тем, Юрген, боюсь, что не смогу ответить на твой вопрос немедленно. Понимаешь ли, оказывается, огромное количество человеческих существ, как ты их называешь, появилось на... о да!.. на Земле. У меня вон там есть приблизительные цифры, но они тебя вряд ли заинтересуют. И желания каждого из этих человеческих существ оказываются многочисленными и непостоянными. Однако, Юрген, по поводу розыска одной весьма очаровательной пожилой дамы ты мог бы обратиться к местным властям, ибо, насколько помню, я кого-то назначал ответственным за ее судьбу.

— Короче, вы не знаете, чего я желаю, — сказал Юрген, весьма удивленный.

— В общем, нет. Не имею ни малейшего представления, — ответил Кощей. — И все же подозреваю, что если б ты это получил, то заявил бы, что это большая несправедливость и несчастье. Так что зачем и дальше волноваться из-за этого?

Юрген же спросил почти с негодованием:

— Но разве не вы, Князь, руководили всеми моими путешествиями в течение последнего года?

— Сейчас, Юрген, я действительно вспоминаю нашу короткую встречу с приятным чувством. Тогда я сразу же постарался избавить тебя от самого назойливого источника беспокойств. Но, признаюсь, с того времени меня занимала масса других вопросов. Понимаешь ли, Юрген, вселенная — чересчур большая и управление ею отнимает уйму времени. У меня не получется следить за всем, касающимся моих друзей, так, как я хотел бы. И, вероятно, я не уделял тебе целый год своего пристального внимания — то есть не в состоянии был делать это каждое мгновение.

— Ох, Князь, вижу, вы пытаетесь щадить мои чувства, и это с вашей стороны весьма любезно. Но весь фокус заключается в том, что вы не знаете, что́ я сделал, и вам было наплевать, что́ я делал. Боже мой! Какой серьезный удар по моей гордости.

— Да, но поразмысли, насколько замечательна твоя гордость, и как я ей дивлюсь и как тщетно завидую, — я, который нигде не может созерцать ничего иного,

кроме собственных изделий. Подумай, Юрген, что бы я дал, если б смог найти где-нибудь в этой своей вселенной хоть что-то, что заставило бы меня думать о себе как о ком-то важном, хотя бы вполовину того, как ты думаешь о себе! — И Кощей вздохнул.

Но вместо этого Юрген подумал об унизительном факте, заключавшемся в том, что Кощей не надзирал за путешествиями Юргена. И внезапно Юрген понял, что этот Кощей Бессмертный не очень-то смышлен. Затем Юргену стало интересно, почему он ожидал, что Кощей — смышленый малый. Кощей всемогущ, насколько люди оценивают всемогущество. Но посредством какого хода рассуждений люди поверили, что Кощей умен, насколько люди оценивают ум? Наоборот, факт, что Кощей, похоже, имел добрые намерения, но туго соображал и был излишне суетлив, объяснял уйму проблем, давно ставивших Юргена в тупик. Ум, конечно же, был одной из самых восхитительных черт характера, но ум — не превыше всего и никогда таким не был.

— Отлично! — воскликнул Юрген, пожав плечами. — Давайте перейдем к моему третьему вопросу и к третьей вещи, которую я ищу. Здесь вы должны оказаться более разговорчивы, так как я думал, Князь, что общество моей жены для вас, вероятно, слегка обременительно.

— Эх, господа, я привык к женщинам. Могу по правде сказать, что, какими я их нахожу, такими и воспринимаю. И я сильно угодил коллеге-бунтовщику.

— Но не думаю, Князь, что я когда-либо бунтовал. Наоборот, я везде приспосабливался к обычаям.

— Приспосабливались твои уста, но все это время твой мозг сочинял стихи, Юрген. А поэзия — бунт человека против бытия тем, кем он является.

— ...И, кроме того, вы называете меня коллегой-бунтовщиком. Как возможно, чтобы Кощей, создавший все таким, какое оно есть, был бы бунтовщиком? Если в самом деле нет некоей власти выше даже Кощея. Мне бы очень хотелось, чтобы вы, сударь, мне это объяснили.

— Без сомнения. Но почему я должен тебе это объяснять, Юрген? — спросил черный господин.

— Может, и не должны, Князь! Но — немного возвращаясь назад — я не думаю, что вы угодили

мне, утащив мою жену. В смысле, конечно же, мою первую жену.

— Как, Юрген, — воскликнул черный господин в крайнем изумлении, — ты намерен сказать, что хочешь вновь превратить свою жизнь в чуму?

— Этого я тоже не знаю, сударь. С ней, несомненно, было тяжко. С другой стороны, я привык, что она рядом. Скорее, я скучаю по ней — сейчас, когда я вновь пожилой человек. На самом деле я считаю, что все время скучал по Лизе.

Черный господин задумался.

— Что ж, мой друг, — наконец сказал он. — Ты — поэт с несомненными заслугами. Ты проявил многообещающий талант, который при подходящей обстановке можно было бы с толком развить. Повторяю, я — экономист; я терпеть не могу потерь, а ты всегда был способен быть только поэтом. Неприятность, — и Кощей понизил голос до впечатляющего шепота, — неприятность в том, что жена тебя не понимала. Она мешала твоему искусству. Да, итог таков: она препятствовала твоему духовному развитию, твоей инстинктивной потребности в самовыражении и всему прочему. Ты превосходно избавился от этой женщины, превратившей поэта в ростовщика. Если посмотреть на вопрос с другой стороны, нехорошо человеку жить одному. Но, мой друг, у меня есть для тебя жена.

— В общем, Князь, — сказал Юрген, — я готов отведать любой напиток.

Кощей взмахнул рукой, и в мгновение ока появилась прелестнейшая дама, какую Юрген когда-либо воображал.

ГЛАВА XLV

Вера Гиневры

а вид эта женщина была прекрасна: с ясными серыми глазами и маленьким улыбающимся ротиком; ни один мужчина не мог похвастаться, что видел более прекрасную женщину. И она любезно обратилась к Юргену, которому доставляло наслаждение разглядывать ее бледно-румяные щечки. На ней было платье из шелка цвета пламени, а на шее ожерелье из червонного золота. И она сказала ему, словно незнакомцу, что она — королева Гиневра.

— А Ланселот в Гластонбери постригся в монахи, а Артур отправлен на Аваллон, — говорит она, — я же буду вашей женой, если вы меня возьмете замуж, Юрген.

И Юрген увидел, что Гиневра его ничуть не узнала и что даже его имя для нее бессмысленно. Причиной этому могло быть многое, но он отбросил нелестное объяснение, что она просто забыла о Юргене, из-за мысли, что Юрген, которого она знала, являлся повесой двадцати одного года. Тогда как сейчас он представлял собой степенного, умудренного опытом ростовщика.

И Юргену показалось, что он в действительности никогда не любил никого, кроме Гиневры, дочери Гогирвана Гора, и ростовщика это взволновало.

— Вновь вы заставляете меня думать о себе, как о боге, — говорит Юрген. — Госпожа Гиневра, если человек признал себя наместником Небес на земле, то лишь для того, чтобы посвятить свою жизнь служению вам, прославлению и защите вас и ваших лучезарных сестер. Вы красивы и хрупки, вы наполовину богиня, а наполовину дорогая безделица. Я услышал рыцарский зов, и струны моей души откликнулись на него. Однако по бесчисленным причинам я колеблюсь, брать

ли вас в жены и признать ли себя вашим защитником, ответственным перед Небесами. По некоторым причинам я не всецело уверен, что я — наместник Небес здесь, на земле. Несомненно, Бог Небесный ничего мне об этом не сказал, но я не могу не подозревать, что Всемогущий выбрал бы более компетентного представителя.

— Так предписано, мессир Юрген.

Юрген пожал плечами.

— Я тоже в промежутках между делами написал много красивых вещей. Очень часто мои стихи были настолько прекрасны, что я бы отдал все на свете в обмен на менее достоверные сведения, нежели авторская правда. О нет, сударыня, желание и знание так сильно зажали меня в тисках, что я не смею вас любить и по-прежнему ничего не могу с этим поделать!

Тут Юрген картинно заломил себе руки. Его улыбка не была веселой, и, казалось, он сожалел, что Гиневра его не вспомнила.

— Сударыня и королева, — говорит Юрген, — когда-то давным-давно существовал один мужчина, поклонявшийся всем женщинам. Для него они все до единой являлись святой, прелестно пугающей красотой. Он слагал звучные стихи в честь тайны и святости женщин. Затем одна светловолосая дочка графа, которую он любил такой любовью, мысль о которой ставит меня сейчас в тупик, показала ему, кто она такая и что на самом деле даже недостойна ненависти. Богиня стояла неприкрытая и во всем являла такую посредственность, какую он боялся обнаружить в себе. Это была неудача. Он начал подозревать, что женщины тоже похожи на своих родителей: не мудрее, не утонченнее, не безупречнее отца, родившего их. Сударыня и королева, для любого мужчины недостойно подозревать в этом всех женщин.

— Несомненно, такое поведение не подобает ни рыцарственному мужчине, ни подлинному поэту, — говорит королева Гиневра. — Однако глаза у вас полны слез.

— Ха, сударыня, — отвечает он. — Меня забавляет выплакивать по мертвому человеку глаза, когда-то

принадлежавшие ему. Ибо он был славным парнем до тех пор, пока не отправился буйствовать по свету с гордостью молодости и во всеоружии боли. И он слагал песни для удовольствия королей, и фехтовал для удовольствия мужчин, и нашептывал комплименты для удовольствия женщин в местах, где был знаменит и где смело наступал, доставляя всем удовольствие в те прекрасные дни. Но, несмотря на весь свой смех, он не мог ни понять своих товарищей, ни полюбить их, ни обнаружить в сказанном или сделанном ими чего-то еще, кроме чрезвычайной глупости.

— Что ж, человеческая глупость в самом деле очень велика, мессир Юрген, и дела сего мира часто необъяснимы. И получается так, что человек может спастись одной лишь верой.

— Ох, но это тело потеряло общую искреннюю веру его товарищей в важность использования ими получаса, месяца или многих лет. И потому, что одна ветреница открыла ему глаза и те увидели слишком много, он потерял веру и в важность своих собственных поступков. Было мало времени, из которого прошлое могло бы быть сделано приемлемым, — по ту сторону зияющей непредсказуемой тьмы. А это все, что где-либо определенно существовало. Между тем ему были даны взаймы мозг, играющий идеями, и тело, изящно двигавшееся самыми легкими путями. Так что он никогда не был вам парой, милая Гиневра, поскольку у него не было достаточной веры вообще во что бы то ни было, даже в собственные выводы.

Королева же Гиневра сказала:

— Тогда прощайте, Юрген, ибо именно я покидаю вас навсегда. Для тех, кто служил мне, я являюсь прелестным и превосходным шедевром Бога: в Карлионе, Нортгалисе и Жуаес-Гарде люди смотрели на меня с наслаждением, поскольку, как говорили, лицезреть меня значило понимать силу и доброту их Творца. Весьма красива была Изольда, и лицо Лунед искрилось, словно самоцвет; Моргана, Энио, Вивиана и проницательная Нимуя тоже прелестны; а привлекательность Эттарды восхищала смотревших на нее, словно величавая музыка; они, с достоинством разгу-

ливающие по чертогу Артура, казались изящнейшими произведениями Небес до тех пор, пока на возвышение не поднималась королева, будто луна среди мерцающих звезд. Люди тогда подтверждали, что Бог, создавая Гиневру, трудился обеими руками. И именно я покидаю вас навсегда. Моя красота, говорили они, не человеческая бледность с румянцем, но явный знак могущества Небес. Приближаясь ко мне, люди думали о Боге, поскольку во мне, говорили они, воплощено Его великолепие. Желаемое мной ни правильно, ни неправильно: оно божественно. Именно это видели во мне рыцари. Что касается силы и доброты их великого Отца, кавалеры прежних времен осознавали, глядя на меня, залог этого и человеческую потребность быть достойным такого Отца. И именно я покидаю вас навсегда.

Юрген же сказал:

— Я не видел в вас всего этого, или увидел не совсем это, из-за тени, преследовавшей меня. Сейчас слишком поздно, и происходящее очень печально. Я становлюсь лодкой без руля, бросаемой с волны на волну. Я превращен в бесплодный прах, которым играет вихрь и который вскоре позволит ему упасть на землю. Так что прощайте, королева Гиневра, ибо происходящее очень печально и несправедливо.

Так он попрощался с дочерью Гогирвана Гора. И она мгновенно исчезла, как платье-пламя задутой перед иконой свечи.

ГЛАВА XLVI

Желание Анайтиды

вновь Кощей взмахнул рукой. Тут к Юргену подошла женщина, странным образом одаренная и извращенная. Ее темные глаза блестели, у нее на голове была сетка из красного коралла, ветви которого смотрели вниз, и на ней была двухцветная туника: черное причудливо переплеталось с малиновым.

И Анайтида тоже забыла Юргена, или она не узнала его в человеке сорока с хвостиком лет. Пока он слушал Анайтиду и ее речи о чудесном, в сердце Юргена вновь пробудилась уверенность в том, что это единственная женщина, которую Юрген любил по-настоящему.

Она говорила об учении Таиды, о школе Сапфо, о тайнах Родопы и об оплакивании Адониса. А рефрен всех ее речей не изменился. «Ибо нам отпущено жить очень недолго, и никто не знает свою дальнейшую судьбу. Так что человек не обладает ничем, кроме крохотного, данного ему взаймы тела. Однако человеческое тело способно на множество любопытных удовольствий», — говорила она. И яркая задумчивая женщина с античной прямотой рассказывала о предметах, которые Юрген, уже не являвшийся повесой двадцати одного года, находил весьма смущающими.

«Ну и ну! — думал он. — Это никогда не покажется провинциальным. По-моему, я действительно краснею».

Вслух же он сказал:

— Дорогая моя, существовал — всего полчаса назад! — один юноша, усердно искавший подчиняющие себе неистовства, о которых ты только что болтала. Но, откровенно говоря, он не мог найти плоть, при-

косновение к которой вызывало бы сумасшествие. Позволь мне рассказать, что у юноши тоже были благоприятные возможности! Ха, даже сейчас я с нежностью вспоминаю блеск глаз и волос, пестрые одеяния и вкрадчивые голоса тех глупых, излишне доверчивых женщин. Но он переходил от одних уст к другим с пылом, являвшимся всегда наполовину напускным, и торжественными заверениями, являвшимися сознательным отзвуком той или иной любовной истории. Такие эскапады довольно приятны, но, в конце концов, они не были достаточно серьезны. Они интересовали только его тело, а я — нечто большее, нежели нагромождение яств, перемолотое моими зубами. Притворяться, что делаемое или переживаемое моим телом важно, кажется сегодня весьма глупым. Я предпочитаю рассматривать свое тело как необходимое вьючное животное, на котором я еду с определенными утратами и неприятностями. Так что я больше не стану создавать вокруг него суматоху.

Но тут королева Анайтида вновь заговорила о чудесном, а он стал непредубежденно слушать. Теперь королева говорила о своих владениях, которые она с ним разделит.

— Я слышал, — сказал Юрген, — что у тебя отменная резиденция на Кокаине.

— Но это лишь захолустье, куда я порой отправляюсь летом, чтобы пожить по-деревенски. Нет, Юрген, ты должен увидеть мои дворцы. В Вавилоне у меня дворец, где живет множество людей, которые связаны веревками и жгут для аромата отруби, ожидая своей участи. В Армении у меня дворец, окруженный огромными садами, в которые имеют право входить лишь посторонние: там их встречает более чем почтительное гостеприимство. На Пафосе у меня дворец, в котором есть пирамидка из белого камня, весьма любопытная на вид; но еще более любопытно изваяние в моем дворце на Амате, изображающее бородатую женщину, выказывающую и другие черты, которыми не обладают женщины. А в Александрии у меня дворец, который содержат тридцать шесть чрезвычайно мудрых и святых мужчин и в котором всегда ночь: и там народ

ищет чудовищных удовольствий, даже ценой мгновенной смерти, и достигает того и другого очень быстро. Повсюду мои дворцы стоят на возвышенностях близ моря, так что они издалека видны тем, кто у меня всегда в милости, — моим прекрасным широкоплечим морякам, не боящимся меня, но знающим, что в моих дворцах они найдут замечательную работу. Должна сказать тебе о том, что́ встречается в моих дворцах, и о том, как приятно мы там проводим время. — И она ему рассказала.

Теперь он слушал более внимательно, чем когда бы то ни было, и глаза у него сузились, а челюсть отвисла, и вид был весьма дурацкий, но он был глубоко заинтересован. Анайтида с их последней встречи подумала о некоторых новых развлечениях, и для Юргена, даже в сорок с хвостиком, голос королевы представлял собой жуткое, странное и прелестное волшебство. «К тому же, она в самом деле искушает очень тонко», — размышлял он, отчасти гордясь ею.

Затем Юрген зарычал и затрясся от злости. И ущипнул королеву Анайтиду за ухо.

— Дорогая, — сказал он, — ты рисуешь ослепительную картину, но ты достаточно проницательна, чтобы брать краски из грез неопытности. То, о чем ты болтаешь, совсем не такое, как в твоих описаниях. Ты забываешь, что говоришь с многократно женатым мужчиной, имеющим разнообразный опыт. Более того, я содрогаюсь при мысли о том, что могло́ бы случиться, если б сюда неожиданно вошла Лиза. А что касается остального, вся эта суматоха вокруг несказанных наслаждений, невыразимых ласк и других анонимных ужимок кажется весьма наивной. Мои уши, слава Богу, красноречиво защищены седыми волосами от непосредственного соприкосновения с твоим вечно привирающим язычком. Так что убирайся прочь!

На это королева Анайтида очень жестоко улыбнулась и сказала:

— Тогда прощай, Юрген, ибо именно я покидаю тебя навсегда. Впредь ты должен отгородиться от солнечного света, вечно избегая неудобств и предпочитая более прохладные отношения. Никто, кроме ме-

ня, не сможет пробудить желание, расточающее всего мужчину и ничего не теряющее, даже если после оно оставляет этого избранного навсегда подобным тусклому пеплу на солнце. А ты меня больше не интересуешь, ибо именно я покидаю тебя навсегда. Иди же к своим седеющим товарищам! И помоги им бросить вызов ясному здоровому солнцу, создавая гильдии, законы и лозунги, с помощью которых мир избавится от меня. Я, Анайтида, смеюсь, а мое сердце — волна на солнце. Нет такой власти, как моя власть, и никто из живущих не может противостоять ей. А насмехающиеся надо мной, как я хорошо знаю, лишь мертвая сухая шелуха, которую ветер носит со свистом, пока я собираю урожай под лучами солнца. Ибо я есть желание, расточающее всего человека, и именно я покидаю тебя навсегда.

Юрген же сказал:

— Я не видел в тебе всего этого, или видел не совсем это, из-за тени, преследовавшей меня. Сейчас чересчур поздно, и происходящее очень печально. Я становлюсь смущенным призраком, украдкой наблюдающим за поступками громогласных румяных людей. А я — сплошная усталость и мрачные предчувствия, поскольку я больше не различаю, кто я такой или каково мое желание, и я боюсь, что я уже мертв. Так что прощай, королева Анайтида, происходящее тоже очень печально и несправедливо.

И он попрощался с дочерью Солнца. А все цвета ее прелести затрепетали и слились в подобие высокого и тонкого пламени, поднимавшегося вверх. А потом это пламя погасло.

ГЛАВА XLVII

Видение Елены

в третий раз Кощей взмахнул рукой. Теперь к Юргену подошла златовласая женщина, одетая во все белое. Она была высока, прелестна и нежна, и ее миловидность не была румяно-бледной, как у многих дам, славившихся своей красотой, но скорее имела ровный блеск слоновой кости. У нее был большой, с горбинкой, нос, а изогнутый рот — не из самых маленьких. И однако, что бы ни говорили другие, для Юргена внешность этой женщины была во всем совершенной. И, увидев ее, Юрген встал на колени.

Он спрятал лицо в складках ее белого платья и долгое время оставался в таком положении, не произнося ни слова.

— Дама моего видения, — сказал он, и голос у него сорвался, — именно вы пробуждаете старые воспоминания. Сейчас я, конечно же, считаю, что вашим отцом был не дон Мануэль, а та страстная птица, давным-давно прильнувшая к лону Леды. А все сыны Трои находятся под стражей Аида. Огонь пожрал стены Трои, и годы забыли ее могучих завоевателей. Но вы по-прежнему приносите горе этим несчастным страдальцам.

И вновь голос у него сорвался. Мир казался безрадостным и похожим на дом, в котором долго никто не жил.

Царица Елена, наслаждение богов и людей, вообще ничего не ответила, потому что в том не было нужды: ведь человек, хоть раз взглянувший на ее красоту, находится за пределами спасения и за пределами желания быть спасенным.

— Сегодня ночью, — сказал Юрген, — как когда-то

посредством серого искусства Фобетора, посредством воли Кощея получилось так, что вы находитесь на расстоянии вытянутой руки от меня. Ха, милостивая государыня, будь это возможным, — а я отлично знаю о невозможности этого, что бы мне ни сообщали органы чувств, — я не способен стать парой вашему совершенству. В глубине души я уже не желаю совершенства. Мы, простые налогоплательщики, так же как и бессмертные души, должны жить политическими увертками, доктринами и лозунгами, что разъедают нашу жизнь так же, как моль портит одежду. Мы становимся нечувствительны к здравому смыслу, как к наркотику. И это отупляет и убивает в нас все бунтарское, изящное и безрассудное. Так что вы не найдете ни одного человека моих лет, жизнь с которым не казалась бы вам механизмом, стачивающим по собственному почину время. Ибо в течение этого часа я вновь стал существом установившихся обычаев. Я — лакей предусмотрительности и полумер, и я расчетливо обманул свои мечты. Но даже теперь я люблю вас больше книг, лености, лести и благотворного вина, хитроумным путем подсовывающего подходящее мнение о самом себе. Что еще может сказать старый поэт? По этой причине, милостивая государыня, я прошу вас удалиться, поскольку ваша красота — насмешка, которую я нахожу нестерпимой.

Но в его голосе ощущалась тоска, поскольку это была царица Елена, наслаждение богов и людей, глядевшая на него серьезными, добрыми глазами. Казалось, она рассматривает — так оценивают узор раскатанного ковра — каждый поступок в жизни Юргена. И казалось, она, к тому же, удивляется, без укоров и волнений, глупости мужчин и их собственному согласию завязнуть в такой трясине.

— О, я изменил своему видению! — воскликнул Юрген. — Я изменил и отлично знаю, что каждый должен изменить. И, однако, мой позор не менее ужасен. Я стал жертвой манипулирования временем! Я содрогаюсь при мысли о жизни изо дня в день со своим видением. Так что я никого из вас не возьму себе в жены.

Затем, трепеща, Юрген поднес к своим губам руку той, кто была возлюбленной всего мира.

— Так что прощай, царица Елена! Очень давно я нашел твою красоту отраженной в лице распутницы! И часто на каком-нибудь женском лице я находил ту или иную черту, напоминающую тебя, и ради этого я многословно лгал женщинам. И все мои стихи, как я теперь понимаю, были тщетным колдовством, стремящимся вызвать ту скрытую прелесть, о которой я знал по одним лишь смутным сообщениям. О, вся моя жизнь стала зашедшим в тупик поиском тебя, царица Елена, и неутоленной жаждой любви. Какое-то время я служил своему видению, чтя тебя честными делами. Да, несомненно, на моей могиле нужно написать: «Царица Елена правила на этой земле , пока та оставалась достойной ее». Но это было давным-давно...

...Так что прощай, царица Елена! Твоя красота стала для меня воровкой, лишившей мою жизнь радости и печали, и я больше не желаю мечтать об этой красоте. Я стал неспособен любить кого бы то ни было. И я знаю, что именно ты мешала этому, царица Елена, в каждое мгновение моей жизни с того несчастного мгновения, когда я, по-видимому, впервые обнаружил твою прелесть в лице госпожи Доротеи. Это воспоминание о твоей красоте я видел потом отраженным на лице какой-нибудь кокетки, и оно делало меня бессильным перед такой честной любовью, какую другие мужчины дарят женщинам. Ибо Юрген никого не любил — даже себя, даже Юргена! — всем сердцем...

...Так что прощай, царица Елена! В будущем я не стану скитаться в поисках чего-либо. Вместо этого я стану лениво трудиться ради домашнего уюта, играя сам с собой в лекаря и усердно стараясь дожить до преклонного возраста. А ни одно человеческое понятие, похоже, не стоит стакана глинтвейна. И не из-за какого понятия я бы не рискнул заведенным порядком, который мне так ужасно надоел. Я стал жертвой манипулирования временем. Я превратился в ла-

кея предусмотрительности и полумер. А это кажется несправедливым, но ничего не поделаешь. Поэтому необходимо сейчас попрощаться с тобой, царица Елена. Я совершил измену, служа своему видению, и полностью отрицаю тебя!

И он попрощался с дочерью Лебедя, а царица Елена ушла так, как исчезает светлая дымка, но не настолько быстро, как королева Гиневра и королева Анайтида. И Юрген остался наедине с черным господином. И мир казался ему безрадостным и похожим на дом, в котором долго никто не жил.

ГЛАВА XLVIII

Откровенные мнения госпожи Лизы

х, господа! — замечает Кощей Бессмертный. — Некоторым из нас определенно трудно угодить.

И теперь Юрген уже собрался, пожав плечами, скрыть свои чувства.

— При выборе жены, сударь, — указал Юрген, — нужно принять во внимание всевозможные мелочи...

Но тут его охватило недоумение. Юргену показалось, что о его предыдущем общении с тремя женщинами Кощею было явно неизвестно. Что ж, Кощей, создавший все таким, какое оно есть, — не кто иной, как Кощей, — делал сейчас для Юргена все, что в его силах. И это «все» равнялось добыванию для Юргена того, что Юрген когда-то с помощью молодости и наглости добыл себе сам. Значит, даже Кощей не мог сделать для Юргена больше, чем могло быть достигнуто молодостью, наглостью и стремлением вникнуть во все в целом, которые Юрген только что оставил как чересчур беспокойные. При таком выводе Юрген пожал плечами. Решительно, ум не был превыше всего. Однако ничто не вынуждено оповещать об этом князя Кощея, и никакой мудрости в попытках это сделать не было.

— ...Вы должны понять, сударь, — плавно продолжил Юрген, — что, каков бы ни был первый мгновенный импульс, любому здравомыслящему человеку ясно, что в прошлом каждой из этих дам есть многое, намекающее на врожденную неспособность к семейной жизни. А я люблю покой, сударь. Не соглашусь я и с моральной распущенностью — сейчас, когда мне сорок с хвостиком, — конечно, разве что в разговоре, когда это способствует общительности, и в поэзии, где она

ценится в качестве общепринятого украшения. И все же, Князь, шанс я упустил! Понимаете, я говорю не о супружестве. Но какими блестящими словами мне следовало изъясняться в присутствии этих знаменитых красавиц, теперь ушедших от меня навсегда! К каким стилистическим высотам азиатской прозы мне следовало взойти по чудесной лестнице тропов, метафор и малопонятных аллюзий! Вместо этого я пустословил, будто школьный учитель. Решительно, Лиза права, и я ни на что не гожусь. Однако, — с надеждой добавил Юрген, — мне кажется, что, когда я видел ее в последний раз, год назад в этот вечер, Лиза почему-то была менее разговорчива, чем обычно.

— Эх, господа, она находилась под воздействием очень сильных чар. Я нашел это необходимым в интересах здешнего закона и порядка. Я, сделавший все таким, какое оно есть, не привык к крайностям практичных людей, склонных безжалостно переделывать своих партнеров. На самом деле одно из преимуществ моего положения состоит в том, что подобный народ не считает все таким, какое оно есть, и, следовательно, очень редко меня беспокоит. — И черный господин в свою очередь пожал плечами. — Вы меня извините, но я замечаю у себя в расчетах, что этой ночью мне непременно нужно покрасить анемоны, а это довольно крупная планетарная система. Время поджимает.

— А время неумолимо. Князь, со всем должным уважением я полагаю, что именно этот трюизм вы и проглядели. Вы бросили в решительное наступление на мои фантазии самых очаровательных женщин. Но вы забываете, что показываете их мужчине сорока с лишним лет.

— А это так уж сильно меняет дело?

— Меняет весьма печально, Князь! Пока человек живет, он во многом меняется. Он менее уверенно держит меч и копье и не берет такой тяжелый посох, каким когда-то размахивал. Его меньше интересуют разговоры, а поток его юмора истощается. Он уже не такой неутомимый математик, каким был, хотя бы только потому, что его вера в личные способности ослабевает. Он осознает свои недостатки и, следова-

тельно, никчемность своих мнений, а на самом деле он осознает несомненную никчемность всевозможных материй. Так что он бросает попытки все рассчитать, а скипетры и свечи кажутся ему почти равноценными. И он склонен оставить философские эксперименты и позволить всему двигаться не обязательно по линейке. О да, это меняет дело. — Юрген вздохнул. — И, однако, несмотря на все это, некоторым образом наступает облегчение, сударь.

— Тем не менее, — сказал Кощей, — сейчас, когда ты проинспектировал цветок женственности, я не могу всерьез поверить, что ты предпочитаешь свою сварливую жену.

— Честно говоря, Князь, я тоже, как обычно, в нерешительности. Возможно, вы правы во всем, на чем настаивали. И, несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное. Но все же, в то же самое время!.. Послушайте, не позволите ли вы на мгновение взглянуть мне на свою первую жену?

Не успел он попросить, как просьба была выполнена: тут находилась, конечно же, госпожа Лиза. Громкость ее голоса больше не ограничивалась какой-либо изумительной некромантией. А после прохождения тех прелестных дам она выглядела на редкость невзрачной.

— Ага, негодяй! — начинает госпожа Лиза, обращаясь к Юргену. — Так ты думал от меня избавиться! Хорош гусь! Большую благодарность я получила за свой рабский труд! — И она начала браниться.

Но браниться она начала, к удивлению Юргена, почему-то заявив, что он даже хуже графини Доротеи. Потом он вспомнил, что, благодаря не самому страшному из возможных везений, последние известия из внешнего мира госпожа Лиза получила от своей сестры, жены нотариуса, двенадцать месяцев тому назад.

И весьма безотчетно Юрген стал думать о том, какими несущественными кажутся эти любопытные месяцы, посвященные другим женщинам, на фоне банальных лет, которые он и Лиза мучились в совместной жизни; об изящной и веселой девушке, которой была Лиза до замужества; о том, как хорошо она знала его вкусы в еде; и о том, как здорово она

угождала ему в те редкие дни, когда ее ничто, по-видимому, не раздражало; о всех пришитых ею пуговицах и всех заштопанных носках; и о том, какая буря разыгрывалась, когда кто-то имел наглость критиковать Юргена; и о том, насколько более неприятной — все принимая в расчет — была жизнь без нее, нежели с ней. Она, бедняжка, к тому же так непривлекательна внешне, что ее можно только пожалеть. И Юргена охватила наполовину тоска, а наполовину раскаяние.

— Думаю, я ее верну, Князь, — очень покорно говорит Юрген, — теперь, когда мне сорок с хвостиком. По-моему, ей так же тяжело, как и мне.

— Мой друг, неужели ты забываешь о поэте, которым мог бы стать? Ни один рациональный человек не стал бы оспаривать, что общество и дружеская болтовня госпожи Лизы, естественно, должны являться дезидератами...

Но госпожу Лизу всегда возмущало многословие.

— Замолчи, черный безбожник, и не намекай на такие постыдные вещи в присутствии добропорядочных людей! Ибо я, чтоб ты понял, добрая христианка. А твоя репутация всем известна! И ты самый подходящий товарищ для этого бездельника! Лучше и не придумаешь!

Так небрежно и сравнительно терпимо госпожа Лиза отделалась от Кощея, создавшего все таким, какое оно есть, посчитав, что он просто Сатана. А к своему мужу госпожа Лиза обратилась теперь особо.

— Юрген, я всегда говорила тебе, что ты докатишься до этого, и теперь, надеюсь, ты угомонишься. Юрген, не стой с открытым ртом, словно испуганная рыба, когда я тебя вежливо спрашиваю! А отвечай, когда с тобой говорят! Да, и не нужно пытаться выглядеть по-идиотски невинным, Юрген, потому что ты мне отвратителен. Ты слышал совершенно отчетливо, что твой самый подходящий друг сказал обо мне при моем собственном муже, стоящем рядом. Нет — прошу тебя! — не спрашивай меня, что он сказал, Юрген! Я оставляю это на твоей совести и предпочитаю больше не говорить об этом. Ты знаешь, что, когда я разочаровываюсь в человеке, для меня этого человека больше

не существует. Так что, к счастью, у тебя вообще нет нужды взгромождать лицемерие на трусость, поскольку, раз уж мой собственный супруг не чувствует себя мужчиной и не может защитить меня от оскорблений и вульгарного общества, мне лучше всего пойти домой и приготовить ужин. Смею сказать, что дом похож на свинарник, и я вижу, глядя на тебя, что ты опять гробил зрение, читая в постели. И подумай, как ты ходишь на людях, пусть даже в среде таких приятелей, с оторванной пуговицей на рубашке!

На одно ужасное мгновение Лиза замолчала. Затем она заговорила, с трудом сдерживая отчаяние.

— И сейчас, смотря на эту рубашку, я честно спрашиваю тебя, Юрген, неужели ты считаешь, что человек твоего возраста имеет право разгуливать в рубашке, которую никто... в рубашке, что... в рубашке, которую я могу лишь?.. Но я никогда не видела такой рубашки! Да и никто не видел! Ты просто не можешь себе представить, что у тебя в ней за вид, Юрген. Юрген, я тебя терпела, я мирилась со многим, ничего не говоря в тех случаях, когда многие женщины вышли бы из себя. Но я просто не могу позволить тебе самому выбирать себе одежду и таким образом губить дело и вынимать у нас изо рта кусок хлеба. Короче, ты вполне можешь кого угодно свести с ума. И предупреждаю тебя, что я покончила с тобой навсегда.

Госпожа Лиза с достоинством направилась к двери Кощеевой конторы.

— Так что ты можешь пойти или не пойти со мной — по своему выбору. Мне все едино, могу тебя уверить, после твоих жестоких слов и того, как ты на меня орал и подстрекал этого знатного арапа оскорблять меня в выражениях, которые лично я не повторю, чтобы не осквернить свои уста. Не сомневаюсь, ты считаешь, что все это очень умно и забавно, но теперь ты знаешь, что́ я об этом думаю. А в целом, если ты не чувствуешь, что такое влияние тебя погубит, тебе лучше пойти домой дальней дорогой, зайти к сестре и попросить у нее полфунта масла. Я знаю тебя слишком хорошо и предполагаю, что это ты следил за тем, как взбивается масло.

Госпожа Лиза выказала грандиозную радость, которая невообразима для незамужних женщин.

— Ты взбивал масло, пока меня не было дома!.. О нет, не ты! Вероятно, в доме не больше одного яйца. Ведь у моего повелителя и господина в его прекрасных и новых придворных нарядах были другие дела. И эта — на человеке твоего возраста с пузом, как пивная бочка, и ногами, как тростинки! — да, эта твоя постыдная рубашка — еще один повод, для твоего же собственного удобства, идти домой дальней дорогой. Предупреждаю тебя, Юрген, что из-за того, что я тебя поймала такого разодетого, я решила, прежде чем идти домой или куда-либо еще, заглянуть на пару слов к твоей надменной госпоже Доротее. Так, чтобы тебя со мной не было, потому что больше вы меня не будете водить за нос и вам обоим не нужно пытаться вновь обмануть меня в отношении своих поступков. Нет, Юрген, ты меня не одурачишь, я могу читать тебя, как книгу. А такое поведение, в твоем возрасте, вообще меня не удивляет, потому что именно этого я от тебя и ожидала.

И госпожа Лиза вышла в дверь и направилась прочь, все еще продолжая браниться. Жена Юргена распиналась о жене гетмана Михаила, рассуждая о чертах характера, о прошлых делах и (с увеличившимся рвением) о фигуре и внешности госпожи Доротеи, какими эти мерзости являются проницательному взору, и потому должны быть описаны беспристрастным языком, что представляет собой вопрос общественного долга.

Так пронеслась госпожа Лиза — не как пламя или дымка, но как глас Суда.

ГЛАВА XLIX

О компромиссах с Кощеем

ф! — сказал Кощей в наступившей тишине. — В любом случае тебе лучше остаться на ночь здесь. Я действительно думаю, мой друг, что тебе будет более спокойно, по крайней мере сейчас, в этой тихой пещере.

Но Юрген уже взял шляпу.

— Нет! Смею сказать, мне тоже лучше уйти, — сказал Юрген. — Сердечно благодарю вас за доброту ко мне, сударь; я по-прежнему ничего не знаю, но лучше так, как есть. А нужно что-нибудь, — Юрген деликатно кашлянул, — а нужно что-нибудь платить, сударь?

— О, пустяк, разве что за годичное содержание госпожи Лизы. Понимаешь, Юрген, ты носишь ужасно красивую рубаху, она мне весьма нравится, и я полагаю, исходя из слов, пророниенных только что твоей женой, что она ее не впечатлила, так как очень тебе идет. Поэтому в интересах семейного счастья, думаю, ты выкупишь госпожу Лизу за свою прекрасную рубаху?

— Что ж, охотно, — сказал Юрген и снял рубаху Несса.

— Как я понимаю, ты носил ее какое-то время, — задумчиво сказал Кощей, — и неужели ты ни разу не заметил какого-либо неудобства при ношении такой одежды?

— Ничего не обнаружил, Князь. Она шла мне и, похоже, воздействовала на всех очень благоприятно.

— Вот! — сказала Кощей. — Что я всегда и утверждал. Для сильного человека и вообще для здоровых простых людей это роковой раздражитель.

Но такие люди, как ты, могут носить рубаху Несса очень спокойно долгое-предолгое время и вообще становиться предметом восхищения. А ты закончил, обменяв ее на общество своей жены. Но теперь, Юрген, о тебе. Ты, вероятно, заметил, что на моей двери табличка «Вход воспрещен». Знаешь, необходимы определенные правила. Часто это создает помехи, но правила есть правила. И должен сказать тебе, Юрген, никому не разрешается покидать меня неискалеченным, если уж не по-настоящему уничтоженным. Действительно, знаешь ли, необходимы правила.

— Вы отрубили бы мне руку? Или кисть? Или целый палец? Полно, Князь, вы, должно быть, шутите!

Кощей Бессмертный был очень серьезен: он сидел в задумчивости и барабанил длинными, черными, как смоль, пальцами по крышке стола, причудливо инкрустированной тридцатью серебряными пластинками. При свете лампы его острые ногти сверкали, словно язычки пламени, а глаза внезапно обесцветились и походили на маленькие белые яйца.

— Но какой же ты странный человек! — сказал Кощей спустя некоторое время; жизнь вернулась в его глаза, и Юрген рискнул свободно вздохнуть. — Я имею в виду, внутри. Вряд ли там что-нибудь осталось. Правила, конечно же, есть правила. Но ты, являющийся остатком поэта, можешь уйти без помех когда угодно, и я у тебя ничего не возьму. Действительно необходимо где-то провести черту.

Юрген обдумал такую снисходительность и с тоской в сердце, похоже, все понял.

— Да, вероятно, это правда. Я не сохранил ни веры, ни желаний, ни видений. Да, вероятно, это правда. Так или иначе, Князь, я неподдельно восхищен каждой из дам, которым вы меня довольно по-дружески представили, и весьма польщен их предложениями. Я подумал, что они более чем щедры. Но действительно не по мне сейчас сближаться с любой из них. Понимаете ли, Лиза — моя жена. За последние десять лет, сударь, между нами много

чего было. И я ее во многих отношениях мучительно разочаровывал. И я к ней привык...

Затем Юрген задумался, глядя на черного господина со смесью зависти и соболезнования.

— Нет, вы, вероятно, не поняли меня, сударь, полагаю, из-за того, что вы не женаты. Но могу вас уверить, всегда происходит подобное.

— Мне не хватает подготовки для оспаривания твоего афоризма, — заметил Кощей, — поскольку супружество, несомненно, не включено в мою судьбу. Тем не менее для стороннего наблюдателя ваше обоюдное поведение кажется весьма занятным. Я не мог, например, понять, как твоя жена предложила навсегда убраться с ее глаз и все же поужинать с ней вечером; ни того, почему она должна желать ужинать с таким подлецом, каким она тебя описала с необузданными едкостью и неодобрением.

— Но опять-таки, сударь, всегда происходит подобное. И эта истина, Князь, великий символ. Истина состоит в том, что мы прожили вместе так долго, что жена стала по-идиотски меня обожать. Поэтому она, если можно так выразиться, не вполне рассудочно ко мне относится. Нет, сударь. В манере женщин отказываться от вежливости в отношениях с теми, ради кого они страдают с большой охотой; и кого женщина любит — того и карает, после подходящего случая.

— Но в ее речах, Юрген, никогда не было рассудительности. Они оглушают, они пугают, они погружают тебя в бурное море поиска недостатков. Одним словом, ты мог бы с таким же результатом противостоять урагану. Однако ты хочешь ее вернуть! Разумеется, Юрген, я не очень высокого мнения о твоей мудрости, но твоей отвагой я потрясен.

— Ах, Князь, это лишь потому, что я понимаю: все женщины — поэты, хотя они творят не всегда чернилами. Поэтому в тот момент, когда Лиза освобождается из того места, на которое, сударь, так сказать, незначительные личности могли бы, совершенно бездумно, сослаться как на ужасное подземное заведение, которое, я ни на миг не сомневаюсь,

управляется по системе, способствующей истинным интересам каждого, и, таким образом, отражает огромное доверие своим должностным лицам, если вы простите мою прямоту, — и Юрген заискивающе улыбнулся, — в тот самый момент мысли Лизы оформляются в самом высоком обвинительном стиле Иеремии и Амоса, бывших замечательными поэтами. В частности, ее завершающее замечание касательно графини я считаю примером непрерывной инвективы, которую редко встретишь в этот выродившийся век. Ну, а ее другой этюд в творческом сочинительстве — про мой ужин, который равным образом являлся экспромтом. Завтра она зашьет и заштопает мне некую эпическую поэму, а ее десерты продолжат быть богатейшей лирической жилой. Таковы, сударь, стихи Лизы, все до единого обращенные ко мне, дошедшему до флирта с заурядными королевами!

— Может, ты сожалеешь об этом? — спрашивает Кощей.

— О, Князь, когда я пристально рассматриваю глубину и напряженность этой преданности, которая в течение многих лет направлена на меня и выносит общество человека, который, что знаю особенно я, является самым скучным и надоедливым сожителем, я стою ошеломленный, словно перед неким чудом. И восклицаю: «О, несомненно, богиня!» И не могу думать ни о каких царицах, справедливо упоминаемых с придыханием. Ха, все мы, поэты, пишем очень много о любви. Но ни один из нас не может ухватить весь смысл этого слова до тех пор, пока не отразит того, что это страсть, достаточно сильная, чтобы побуждать женщину мириться с любым из нас.

— Даже при этом она, видимо, побуждает не совсем посредством доверия. Юрген, мне было больно видеть, как госпожа Лиза явно подозревала тебя в том, что ты в отсутствие жены бегаешь за женщинами.

— Подумайте же об этом! И сами увидите, как слабо привлекательнейшие из женщин могли меня искусить. Однако я могу понять и простить даже абсурдные представления Лизы. И опять-таки вы, ве-

роятно, не поняли бы моего пренебрежения подобным, сударь, из-за того, что вы не женаты. Тем не менее мое прощение тоже великий символ.

Тут Юрген вздохнул и, очень осторожно пожав руку Кощею, создавшему все таким, какое оно есть, пошел из конторы.

— Я тебя немного провожу, — сказал Кощей.

Кощей снял халат и надел парадный мундир с галунами, висевший на спинке странного на вид стула с тремя ножками, каждая из которых сделана из разного металла. Рубаху Несса Кощей завернул в бумагу и отложил в сторону, сказав, что как-нибудь он ею воспользуется. Кощей приостановился у доски и задумчиво почесал голову. Юрген увидел, что доска почти вся покрыта столбиками цифр, которые еще не сложены. И эта доска показалась ему самой жуткой вещью, с которой он где-либо сталкивался.

Затем Кощей вышел вместе с Юргеном из пещеры, и они зашагали поздним вечером по Амнеранской Пустоши и через Морвен. А пока они шли, Кощей говорил. И Юрген заметил странную вещь: луна клонилась к востоку, словно время бежало вспять. Но Юрген в присутствии Кощея, создавшего все таким, какое оно есть, не позволил себе это критиковать.

— Я устраиваю все дела наилучшим возможным образом, Юрген. Но они порой оказываются в страшном беспорядке. Эх, господа, у меня нет компетентных помощников. Мне приходится смотреть за всем, абсолютно за всем! И, конечно же, пока я некоторым образом непогрешим, то и дело будут случаться ошибки при фактическом осуществлении планов, которые в теории достаточно верны. Поэтому я действительно рад услышать, когда кто-нибудь молвит доброе слово за все, какое оно есть, поскольку, между нами, вокруг полно недовольства. И я, честно говоря, только что получил наслаждение, когда услышал, как ты высказался за зло перед этим бездельником монахом. Поэтому прими благодарности, множество благодарностей, Юрген, за свое доброе слово.

«Только что!» — подумал Юрген. Он понял, что они прошли мимо цистерцианского монастыря и при-

ближались к Бельгарду. И Юрген заговорил, словно во сне.

— Кто вы такой и почему меня благодарите? — спрашивает Юрген.

— Мое имя большой роли не играет. Но у тебя мягкое сердце, Юрген. Да будет твоя жизнь лишена забот.

— Спаси нас от зла и вреда, мой друг, но я уже женат...

Тут Юрген решительно сбросил чары, затуманившие ему голову.

— Послушайте, Князь, вы все начинаете снова? Я действительно больше не выдержу ваших благодеяний.

Кощей улыбнулся.

— Нет, Юрген, я не начинаю все снова. Ибо теперь я никогда и не начинал, и теперь не существует ни одного правдивого слова во всем, что ты вспомнишь о прошедшем годе. Теперь ничто из этого никогда не происходило.

— Но как так может быть, Князь?

— Почему я должен тебе рассказывать, Юрген? Допусти, что желаемое мной не только происходит, но уже и произошло, за пределами древнейших воспоминаний человека и его матери. Как бы иначе я был Кощеем? Так что прощай, бедный Юрген, для которого ничего особенного теперь не произошло. Я даю тебе не справедливость, а нечто бесконечно более приемлемое для тебя и тебе подобных.

— Но разумеется! — сказал Юрген. — Полагаю, нигде никого справедливость не волнует. Так что прощайте, Князь. И при нашем расставании я не задаю вам больше вопросов, так как понимаю, что человек получает скудное утешение, расспрашивая Кощея, создавшего все таким, какое оно есть. Но мне интересно, какое удовольствие получаете из всего этого вы.

— Эх, господа, — сказал Кощей с не самой искренней улыбкой, — я созерцаю зрелище с надлежащими чувствами.

И, сказав так, Кощей навсегда оставил Юргена.

«Однако как я могу быть уверен, — тут же подумал Юрген, — что этот черный господин действительно Кощей? Он мне так сказал. Что ж, да. И Горвендил, в сущности, говорил мне, что Горвендил — Кощей. Ага, а вот что еще сказал Горвендил!.. «Вот один из самых древних приемов создателей романов». Но был, к тому же, Смойт Глатионский, поэтому мне в третий раз всучивают объяснение, которое я вижу во сне! И так или иначе я остаюсь без доказательств».

Юрген сначала возмутился, а потом рассмеялся. «Но конечно же! Может быть, я говорил один на один с Кощеем, создавшим все таким, какое оно есть. И опять-таки, может, и нет. В этом вся суть — соль, так сказать, шутки, — в чем я никогда не смогу быть уверен. Ладно! — И тут Юрген пожал плечами. — Ладно, чего от меня можно ожидать?»

ГЛАВА L

Не идущая в счет минута

это на самом деле вся история, за исключением той минуты, когда Юрген задержался на пути домой. Ибо Кощей (если это действительно был Кощей) оставил Юргена, когда они приблизились к Бельгарду. И когда ростовщик уже шел один погожим апрельским вечером, его окликнули с террасы. Даже в сумерках он понял, что это графиня Доротея.

— Можно поговорить с вами одну минуту? — спросила она.

— Конечно, сударыня. — И Юрген поднялся с дороги на террасу.

— Я посчитала, что близится час вашего ужина. Поэтому ждала здесь, когда вы пройдете. Понимаете ли, мне не совсем удобно беспокоить вас в лавке.

— Что вы, сударыня. Это же предрассудки, — спокойно сказал Юрген и стал ждать.

Он видел, что госпожа Доротея сдержанна, однако очень хочет побыстрее провернуть свое дело.

— Вы наверняка знаете, — сказала она, — что скоро день рождения моего мужа, и я хотела бы обрадовать его одним подарком. Поэтому мне необходимо добыть немного денег, не беспокоя его. Сколько — отвратительный ростовщик! — вы могли бы дать за это ожерелье?

Юрген повертел ожерелье в руке. Это была привлекательная драгоценность, знакомая ему в качестве бывшей собственности матери гетмана Михаила. Юрген назвал сумму.

— Но это же, — сказала графиня, — крупица ее стоимости!

— Времена тяжелые, сударыня. Конечно, если бы вас интересовала его продажа, я мог бы оказаться пощедрее.

— Старое чудовище, я не могу этого сделать. Это было бы немыслимо. — Тут она заколебалась. — Это нельзя было бы объяснить.

— Что касается этого, сударыня, я мог бы сделать вам поддельное ожерелье, которое бы никто не отличил от настоящего. Вполне понимаю, что вы хотите скрыть от мужа любые жертвы, вызванные вашим чувством.

— Это мое чувство к нему, — быстро сказала графиня.

— Я и подразумевал ваше чувство к нему, — сказал Юрген, — разумеется.

Тогда графиня Доротея назвала цену ожерелья.

— Мне необходимо именно столько и ни на грош меньше.

Юрген с сомнением покачал головой и поклялся, что женщины бессознательно умеют совершать сделки. Но он согласился с ее ценой, так как ожерелье почти столько и стоило. Затем Юрген предположил, что продажу было бы более удобно завершить с помощью посредника.

— Если бы, к примеру, мессиру де Нераку объяснили суть дела и он смог бы посетить меня завтра, уверен, мы смогли бы совершить этот дружеский обман, не побеспокоив гетмана Михаила, — вкрадчиво сказал Юрген.

— Значит, Нерак придет, — согласилась графиня. — А вы дадите ему деньги, будто ожерелье его.

— Несомненно, сударыня. Весьма достойный молодой человек! Жаль только, что у него так много долгов. Я слышал, он за последний месяц крупно проиграл в карты. Я весьма огорчен, сударыня.

— Он обещал мне, когда долги будут выплачены, больше не играть... Но о чем это я? Я имею в виду, господин Любопытный, что принимаю значительное участие в судьбе мессира де Нерака. И порой браню его за необузданное поведение. И это все, что я имела в виду.

— Именно так, сударыня. Значит, мессир де Нерак придет ко мне завтра за деньгами, и больше сказать нечего.

Юрген замолчал. Луна поднялась уже достаточно высоко. Они вдвоем сидели на резной каменной скамье у балюстрады. А перед ними уходила вдаль дорога, и виднелись светлые долины и верхушки деревьев. Юрген вспомнил юношу и девушку, когда-то сидевших на этом

месте и говоривших обо всех великолепных поступках, которые совершит Юрген, и о счастливой жизни, которую они проживут вместе. Затем он посмотрел на сдержанную привлекательную женщину рядом с собой и подумал, что деньги, которые надо заплатить за долги ее последнего любовника, гарантированы соответствующим уважением к внешности.

«Эта галантная дама не поддается описанию, — размышлял Юрген. — Даже при этом тридцать восемь — неопровержимое и в чем-то осеннее число, и я подозреваю, что молодой Нерак пускает кровь своей пожилой любовнице. Но в его возрасте ни у кого нет совести. Да и госпожа Доротея все еще привлекательна. И все же мой пульс вытворяет со мной странные фокусы, поскольку рядом со мной она, и у моего голоса не те интонации, к которым я стремился, поскольку рядом со мной она. И я все еще на три четверти в нее влюблен. Да, в свете такой проклятой глупости, что даже сейчас меня обуревает, у меня хороший повод поблагодарить судьбу за вновь обретенную дряхлость. Однако жизнь кажется мне расточительным и несправедливым процессом, потому что это жалкий итог для юноши и девушки, которых я помню. И, взвешивая этот итог, я чуть не плачу и даже сейчас говорю романтично».

Но он не заплакал. В действительности слез не требовалось. Юрген получил свою честную прибыль на глупости графини, и его обязанностью было проналюдать, чтобы это дельце было обделано без какого-либо скандала.

— Так что сказать больше нечего, — заметил Юрген, поднимаясь в лунном свете, — кроме того, что я всегда буду рад служить вам, сударыня, и вполне могу похвастаться, что заслужил себе доброе имя, честно занимаясь своим ремеслом.

И он подумал: «В сущности, поскольку несомненно, что раз она становится старше, ей требуется все больше денег на любовников, я предлагаю ей сводничество. — Тут Юрген пожал плечами. — Это одна сторона дела. Другая же состоит в том, что я занимаюсь своим законным ремеслом, — я, являющийся тем, что́ из меня сделали годы».

Вот так Юрген оставил графиню Доротею, которую, как вы слышали, этот ростовщик любил в своей первой

молодости под именем Желанья Сердца — и которую в молодости, данной ему взаймы Матушкой Середой, он любил как царицу Елену, наслажденье богов и людей. Юрген оставлял госпожу Доротею после завершения простейшего дела, отнявшего лишь минуту, так или иначе в действительности не идущую в счет.

И после этой, не идущей в счет минуты ростовщик возобновил свой путь и вскоре подошел к дому. Он заглянул в окно. Его взгляду предстала уютная комната и накрытый к ужину стол, а госпожа Лиза что-то шила и, судя по всему, находилась во вполне дружелюбном настроении.

Тут ужас охватил Юргена, который бесстрашно смотрел в лицо кудесникам, богам и дьяволам. «Я же забыл про масло!»

Но тотчас же он вспомнил, что теперь даже сказанное ему Лизой в пещере не являлось реальным. Теперь ни он, ни Лиза никогда не были в пещере, и, вероятно, больше нет такого места и никогда не было. Это приводило в замешательство.

— Но мне нужно постараться запомнить, — сказал себе Юрген, — что я не видел Лизу с завтрака сегодня утром. Ничего не произошло. В конце концов, на меня не накладывалось требование совершить мужественный поступок. Так что я сохраняю свою жену такой, какая она есть, бедняжка! Я сохраняю свой дом. Сохраняю лавку и честное продолжение дела. Да, Кощей — если это действительно был Кощей — обошелся со мной очень справедливо. И, вероятно, его методы такими и должны быть во всем. Несомненно, я не могу зайти так далеко и сказать обратное: но все же, в то же самое время!..

Тут Юрген вздохнул и вошел в свой уютный дом. Так было в стародавние времена.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗЕМЛЯНЫЕ ФИГУРЫ

Название романа («Figures of Earth») достаточно многозначно. Это выражение означает не только 1) «фигуры (изваяния), вылепленные из земли (глины)», но и (с точностью до определенного артикля): 2) «земные (действующие на земле) личности»; 3) «знаки земли» (как стихии); 4) «земная арифметика» (или бухгалтерия, если обратить внимание на название частей), а кроме всего прочего соотносится с идиомой «figures of speech» — «риторическая фигура», «преувеличение».

ЧАСТЬ I

I

Гейс — в ирландском эпосе табу-запрет, накладываемый на человека; включает в себя обязательство, невыполнение которого может привести к смерти.

Фирболг (Фир Болг) — в ирландском эпосе одна из групп завоевателей острова Ирландия.

Норны — в скандинавской мифологии низшие женские божества, определяющие судьбу людей при рождении; их три — Урд («судьба»), Верданди («становление») и Скульд («долг»); они живут у источника Урд в корнях мирового древа — гигантского ясеня Иггдрасиля.

Фламберж (Flamberge) (фр.) — шпага.

Сускинд (Suskind) —анаграмма англ. слова «unkiss'd» (нецелованная»); по написанию имя напоминает нем. «Susskind» — «милое дитя».

II

Змей Востока — обладает чертами персонажей восточнославянских мифов Змея Тугарина и Кощея Бессмертного.

Змей Севера — обладает чертами мирового змея скандинавской мифологии Ёрмунганда и гигантского волка Фенрира.

Глейпнир — крепчайшая цепь, сделанная карликами-цвергами по просьбе богов, чтобы приковать Фенрира, созданного им на погибель.

Ориандр. — Имя составлено из имени «Орион» и греческого корня «андр» — «мужчина». Орион — в греческой мифологии великан, сын владыки морей Посейдона и горгоны Эвриалы; был

наделен Посейдоном способностью ходить по морю; потерял зрение, так как его ослепил, напоив пьяным, Ойкопион, к дочери которого сватался Орион.

Мимир — в скандинавской мифологии великан, хозяин источника мудрости, находящегося у корней Иггдрасиля. Верховный бог Один отдал глаз за мудрость, содержащуюся в источнике. Боги ваны отрезали у Мимира, бывшего у них заложником во время войны с асами, голову и послали ее Одину, который ее набальзамировал и с ней советовался.

Асы — в скандинавской мифологии основная группа богов, возглавляемая Одином; противопоставляются богам плодородия ванам и другим низшим божествам.

Змей Запада — обладает чертами верховного бога ацтеков Уицилопочтли («колибри-левша»), он сын Коатликуэ («в платье из змей») и Мишкоатля («облачного змея»), среди его атрибутов — обтянутый змеиной кожей барабан, жезл в виде змея и копьеметалка.

Черепаха — в фольклоре южноамериканских индейцев умное и хитрое животное, легко выходящее из сложных положений.

Гесперіды — в греческой мифологии нимфы, хранительницы золотых яблок на крайнем западе («сад Гесперид»); их три (или четыре) сестры — Айгла («сияние»), Эрифия («красная»), Геспера («вечерняя») и Аретуса.

Змей Юга — распространенный у австралийских племен мифологический персонаж Радужный Змей; в его образе объединены представления о духе воды, чудовище-драконе и магическом кристалле колдунов.

Орешник — во многих традициях наделялся волшебными свойствами: отгонял злых духов, помогал находить воду, клады и пр.

IV

Бегемот — в Библии гигантское сухопутное существо, сопоставляемое с морским чудовищем Левиафаном.

Лешие — в восточнославянской мифологии злые духи, воплощение леса как враждебной человеку части пространства; существуют представления о женских духах леса — лешачихах. У Кейбелла выполняют функции низших богов.

Павел и Поллукс. Павел — христианский апостол, не знавший Иисуса во время его земной жизни, до своего обращения был ярым гонителем христиан; в христианской традиции часто упоминается и изображается вместе с апостолом Петром. Поллукс — в римской мифологии так именуют Полидевка, одного из близнецов Диоскуров (второй — Кастор).

Кракен — в скандинавской мифологии морское чудовище.

Гиппогриф — в греческой мифологии крылатый конь.

Дракон — в греческой мифологии чудовищнй змей или чудовище с чертами змея.

Наяды — в греческой мифологии нимфы источников, ручьев и родников.

Херувимы — в иудаистической и христианской традициях ангелоподобные существа-стражи.

V

Шарлемань — Карл Великий (724—814), король франков, а впоследствии император Священной Римской империи.

Гектор — в греческой мифологии главный троянский герой «Илиады».

Михайлов день (День Святого Михаила) — 29 сентября.

Святой Михаил — в иудаистической, христианской и мусульманской традициях великий ангел, архангел; выполнял функции ангела-писца, заносящего в книгу имена праведников, ангела-хранителя таинственных письмен и ангела-учителя.

VI

Алианора — Элеонора Прованская (1223—1291), вторая дочь Раймунда-Беренгара IV, графа Прованского, и его жены Беатрисы.

Апсары — в ведийской и индуистской мифологиях полубожественные женские существа, обитающие преимущественно в небе; способны угрожать людям, в частности насылая на них любовное безумие.

VII

Жар-Птица — в восточнославянской сказке чудесная птица.

Албания — вероятно, это не название страны на берегу Адриатики или исторической области в долине Куры, а анаграмма слова «Баналия» (т. е. страна банальности, пошлости); «этиопы» — неточная анаграмма слова «поэты».

VIII

День Всех Святых — 1 ноября.

Фердинанд III («Святой») — король Кастилии и Леона, родился около 1200 г., умер в 1252 г.; отвоевал у мавров Кордову, Хаэн и Севилью, известен своими преследованиями еретиков, был канонизирован папой Клементом X.

«Подкошены, как зеленеющее дерево» — вольная цитата из 36-го псалма.

IX

Рождество — 25 декабря.

Раймон Беранже — Раймунд-Беренгар IV (умер в 1245 г.), граф Прованский и король Арльский.

Фурии — в римской мифологии богини мести и угрызений совести.

Гоблины — в европейской низшей мифологии духи, сходные с восточнославянскими домовыми.

Гидра — в греческой мифологии многоголовый змей, у которого вместо отрубленных голов вырастали новые.

X

Мерегретта — Маргарита, старшая дочь Раймунда-Беренгара IV, вышедшая замуж в 1234 г. за французского короля Людовика IX («Святого»).

Беатриса — дочь Фомы I, графа Савойского, жена Раймунда-Беренгара IV.

Босон (Босо) и Ротбольд (Рубо) — правители Прованса в конце IX и в середине X вв.

Шамир (шамур) — в легендах о царе Соломоне алмаз (по другим толкованиям, волшебный червь), с помощью которого можно тесать камни, избегая, согласно ритуальным предписаниям, использования железных орудий; в этих легендах упоминается также чудесный перстень («Соломонова печать»), с помощью которого царь укротил демонов.

XI

Василиск — мифический чудовищный змей; в средние века считалось, что василиск выходит из яйца, снесенного петухом и высиженного жабой; на изображениях имел голову петуха, туловище жабы и хвост змеи.

Яхве — в иудаизме непроизносимое имя Бога, открытое пророку Моисею.

Гавриил — в иудаистической, христианской и мусульманской традициях один из старших ангелов (архангел).

Соломон — третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 до Р. Х.), изображенный в Ветхом Завете величайшим мудрецом; его отец — царь Давид.

Сулейман-бен-Дауд (Соломон, сын Давида) — в мусульманской традиции соответствует библейскому Соломону.

XII

Английский король — Генрих III (1207—1272), правил Англией с 1216 по 1272 г., женился на Элеоноре Прованской 14 января 1236 г.

Маленькая Беатриса — младшая дочь Раймунда-Беренгара IV Беатриса в 1246 г. вышла замуж за брата французского короля Карла Анжуйского, впоследствии неаполитанского короля.

Иеффай — вождь израильтян в войне с аммонитянами, давший обет, что в случае победы он по возвращении принесет в жертву Господу первое существо, вышедшее из ворот дома ему навстречу; встретила же его единственная дочь, но Иеффай сдержал клятву.

Элль — историческая мера длины (около 113 см).

XIII

Мелюзина — в европейской низшей мифологии фея или демон-суккуб; образ восходит к кельтской мифологии. В сочинении Жана Аррасского (конец XIV в.) Мелюзина — одна из трех дочерей короля Шотландии Элинаса (ср. Гельмас) и феи Пресины; Пресина запретила мужу наблюдать за ее родами, но король нарушил запрет, и тогда мать забрала трех родившихся дочерей на остров Аваллон; узнав о предательстве отца, выросшие дочери заточают его в недра горы.

Нановиз. — См. примеч. к гл. XXXII «Юргена».

Последняя ночь апреля — ночь с 30 апреля на 1 мая в германской средневековой мифологии называлась Вальпургиевой ночью; это время ежегодного шабаша ведьм.

«Продовольствие Соломона...» — цитата из 3-й Книги Царств (4, 22—23 и 17, 6).

Илия Фесвитянин — ветхозаветный пророк Илия.

XIV

Химера — в греческой мифологии изрыгающее пламя чудовище с тремя головами: льва, козы и змеи; у нее туловище: спереди — льва, в середине — козы, а сзади — змеи.

Калькар (calcar) — в латыни это слово означает «шпора», в английском «спорынья».

Серафимы — в иудаистической и христианской традициях ангелы, особо приближенные к престолу Бога и Его прославляющие.

Кобылица Магомета. Магомет (Мухаммад) (ок. 570—632) — основоположник ислама и мусульманского государства; на лошади Бурак Магомет совершил «ночное путешествие» из Мекки в Иерусалим и вознесение на небеса; Бурак описывается как лошадь белого цвета с длинной спиной и длинными ушами, на ногах у нее белые крылья; позднее Бурака стали представлять крылатым конем с человеческим лицом.

Валаамова ослица. — В иудейских преданиях Валаам — иноплеменный маг и пророк; однажды ослица Валлама увидела незримого для него ангела, трижды преграждавшего ей путь, а затем обрела дар речи, чтобы предупредить о воле Бога (Яхве).

Пегас — в греческой мифологии крылатый конь; ударом копыта Пегас выбил на Геликоне Гиппокрену («Лошадиный источник»), вода которого дарует вдохновение поэтам.

Грифон — в греческой мифологии чудовищная птица с огромным клювом и телом льва.

XV

Биль и Хьюки — в скандинавской мифологии земные дети, воспитываемые Мани (месяцем).

ЧАСТЬ III

XVI

Альвы — в скандинавской мифологии низшие природные духи.

XVII

Витенагемот — англосаксонский совет старейшин.

Феникс — в греческой мифологии волшебная птица, живет 500 лет (по некоторым вариантам 1460 лет или 12954 года), имеет вид орла и оперение красно-золотых и огненных тонов; предвидя свой конец, феникс сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новый феникс. (Ср. с описанием у Кейбелла Жар-Птицы.)

XVIII

Пта — в египетской мифологии бог города Мемфис; Пта — демиург, создавший первых восемь богов, мир и все в нем существующее.

Яхве. — См. примеч. к гл. XI.

Абраксас — имя космологического существа в представлениях гностиков (I—III вв.); согласно доктрине василидиан, Абраксас — верховный глава небес и времени.

Кощей Бессмертный — в восточнославянской мифологии злой чародей. У Кейбелла Кощей играет роль демиурга.

Елена — в греческой мифологии спартанская царица, славившаяся своей красотой; из-за нее произошла Троянская война; Елена — дочь верховного бога Зевса, соединившегося с Ледой в образе лебедя.

Семирамида — в греческой мифологии дочь сирийской богини Деркето; мифологизированный образ исторической вавилонской царицы Шаммурамат (кон. IX в. до Р. Х.).

Гиневра — супруга героя кельтской мифо-поэтической традиции короля Артура.

Магдалина (Мария Магдалина) — в Новом Завете последовательница Христа, одна из мироносиц.

Европа — в греческой мифологии дочь финикийского царя Агенора; влюбившийся в нее Зевс похитил ее, превратившись в быка.

Лилит — в иудейской демонологии злой дух женского пола; согласно одному преданию, Лилит была первой женой Адама; по книге «Зогар», Лилит стала женой отождествляемого с Сатаной Самаэля, матерью демонов.

Сатана — в религиозно-мифологических представлениях иудаизма и христианства главный противник Бога, враг человеческого рода, царь Ада и повелитель бесов.

Катон — Катон Старший (или Цензор) Марк Порций (234—149 до Р. Х.) — римский писатель, основоположник римской литературной прозы и государственный деятель, первый римский историк, писавший на латинском языке.

Нестор — древнерусский летописец, монах Киево-Печерского монастыря, один из составителей «Повести временных лет», возникшей около 1092 г.

Мерлин Амброзий («божественный», «бессмертный») — в кельтской мифо-поэтической традиции и в повествованиях «артуровского» цикла поэт и провидец; по преданию, родился от мужского демона — инкуба.

Сократ (469—399 до Р. Х.) — древнегреческий философ.

Абеляр (1079—1142) — французский философ и теолог.

Аристотель (384—322 до Р. Х.) — древнегреческий философ и ученый.

Семь мудрецов — подразумеваются или китайские «семь мудрецов из бамбуковой рощи», или «семь мудрецов Греции».

Великие пророки — ветхозаветные пророки Исаия, Иеремия, Иезекииль и Даниил.

XIX

Беда, Кручина — в славянской мифологии воплощение злой доли.

Парамита — в религиозно-философских воззрениях индийцев совершенство, средство достижения нирваны.

XX

Миктлан — в мифах ацтеков загробный мир; бога загробного мира звали Миктлантекутли («владыка Миктлана»).

Кали («черная») — в индуистской мифологии одна из ипостасей жены Шивы Деви, олицетворение грозной, губительной стороны его божественной энергии.

Фрагнар. — О нем читайте в романе «Юрген».

Пуйл — в валлийской мифологии властелин потустороннего мира Аннона.

Апоп — в египетской мифологии огромный змей, олицетворяющий мрак и зло, извечный враг бога солнца Ра.

Склауг. — О нем читайте в романе «Серебряный жеребец».

Фобетор — в греческой мифологии бог сновидений, сын Морфея.

XXI

Бедламский нищий — прозвище сумасшедших, которых отпускали из лондонского дома умалишенных Бедлама просить милостыню.

Митридат (132—63 до Р. Х.) — царь Понтийского царства, правил со 121 по 63 г.

Мерлин. — См. примеч. к гл. XVIII.

Моисей — в Ветхом Завете первый пророк Яхве и основатель Его религии.

XXII

Эридан — в греческой мифологии река, протекающая на крайнем Западе.

День Всех Душ — день поминовения (2 ноября).

XXIII

Мимир. — См. примеч. к гл. III.

Тибо (Теобальд I) — король Наваррский, родился во Франции около 1200 г., умер в 1253 г.; обладал известностью в литературных кругах в качестве трувера, удостоился похвалы Петрарки и Данте.

ЧАСТЬ IV

XXV

Ди Пас — Paz (исп.) — мир.

Тохиль-Вака — составляющие этого имени таковы: Тохиль — в мифах индейцев киче бог грозы и разрушения; Vaca (исп.) — корова.

Стультиция (Stultitia) (лат.) — глупость.

XXVI

Молох — согласно Библии, почитавшееся в Палестине, Финикии и Карфагене божество, которому приносились человеческие жертвы, в частности дети.

XXVII

Агасфер («Вечный жид») — персонаж христианской легенды позднего западноевропейского средневековья: во время крестного пути Иисуса он оскорбительно отказал Христу в отдыхе и безжалостно велел идти дальше; за это ему самому отказано в покое могилы, и он обречен из века в век безостановочно скитаться до второго пришествия Христа.

XXVIII

Мафусаил — в Ветхом Завете один из патриархов, праотцев человечества, прославившийся своим долголетием.

Урей — в египетской мифологии извергающая яд и пламя первозданная змея, изображение которой укреплялось на лбу царя в знак его власти на небе и на земле.

XXIX

Слото-Виепус. — См. примеч. к гл. XXXII «Юргена».

XXXI

Кан, Мулук, Хиш, Кавак. — В мифах майя известны боги бакабы — братья Хобниль, Кан-Цик-Наль, Сак-Кими и Хосан-Эк, стоящие в четырех углах Вселенной и поддерживающие небо; бакабы связаны с цветовой и календарной символикой стран света: Хобниль — с востоком, красным цветом и годами, начинающимися с дня Кан; Кан-Цик-Наль — с севером, белым цветом и годами Мулук; Сак-Кими — с западом, черным цветом и годами Хиш; Хосан-Эк — с югом, желтым цветом и годами Кавак.

Утренняя звезда — в скандинавской мифологии отождествлялась с Большим Пальцем Орвандила: Орвандил — маленький ребенок чародейки Грои был похищен великанами-хримтурсами; его освободил Тор, унеся в корзине; по дороге у ребенка в дыру высунулся большой палец ноги, замерз и откололся; Тор бросил его в небо, где тот засиял утренней звездой. (См. также примеч. к гл. XXXIV «Юргена» — «Люцифер».)

XXXII

Митра — древнеиранский мифологический персонаж, связанный с идеей договора, а также выступающий как бог солнца.

Уицилопочтли — верховное божество в мифах ацтеков; первоначально был племенным богом ацтеков и обещал, что приведет их в благословенное место, где они станут его избранным народом; позднее вбирает в себя черты бога солнца и других божеств.

Таммуз — у ряда народов Передней Азии бог плодородия; согласно шумерской мифологии, умирающий и воскресающий бог-пастух Думузи проводит под землей каждые полгода.

Геракл — в греческой мифологии герой, сын Зевса и смертной женщины Алкмены; среди подвигов Геракла путешествие в царство Аида за стражем преисподней, трехглавым псом Кербером; в конце концов Геракл был вознесен на Олимп и принят в сонм бессмертных богов.

Гаутама — родовое имя Будды Шакьямуни (собственное имя — Сиддхартха), последнего земного будды, на основе проповедей которого сложилось буддийское вероучение; бодхисатва Шакьямуни по просьбе богов родился в облике человека, чтобы проповедовать дхарму; в возрасте 80 лет ушел в полную нирвану.

Дионис — в греческой мифологии бог плодоносящих сил земли, растительности и виноделия; существуют мифы о незаконном рождении бога; согласно основному, Дионис — сын Зевса и дочери фиванского царя Кадма Семелы; среди эпитетов Диониса — Лиэй («освободитель»): он освобождает людей от мирских забот, снимает путы размеренного быта, насылает безумие на врагов и страшно их карает.

Кришна — в индуистской мифологии одно из воплощений бога Вишну, выступает в роли борца за справедливость и защитника людей от демонов.

Десять помощников обладают чертами следующих богов: 1) Вишну — один из трех (вместе с Брахмой и Шивой) высших богов индуистской мифологии; изображается с четырьмя руками, в которых он держит чакру (букв. «круг», «диск») — оружие наподобие бумеранга, обладающее сверхъестественной силой, раковину, булаву и лотос (или лук); цвет его кожи — темно-синий. Юга («упряжка», «поколение») — в индуистской мифологии обозначение мирового порядка, древняя космографическая традиция насчитывала четыре юги — критаюга («благой век»), третаюга, двапараюга и калиюга (когда добродетели приходят в полный упадок). Калки («белый конь») — последняя аватара (воплощение в смертное существо ради спасения мира) Вишну; она произойдет в конце калиюги, в конце настоящего исторического периода. 2) Тор — в германо-скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, богатырь, защищающий Мидгард (мир людей) и Асгард (небесное селение богов) от великанов и чудовищ; противник Ёрмунганда, убивающий его в последней битве перед концом мира, но умирающий от его ядовитых укусов. 3) Кутойс — в мифах индейцев черноногих герой, родившийся от только что убитого бизона и нашедший приют у престарелой пары — старика и старухи; когда Кутойс вырос, он освободил людей от людоедов, чудовищного медведя, змея и др.; по завершении подвигов он отбыл в страну духов. 4) Савитар — в древнеиндийской мифологии солярное божество; он приносит и распределяет счастье, силу, дает долгую жизнь, изгоняет болезни, забирает грехи и пр. 5) Юй — в древнекитайской мифологии герой, усмиритель потопа, родился из тела своего утонувшего отца Гуня, также боровшегося с потопом; когда Юй буравил проход сквозь гору Лунмынь, путь ему освещал кабан со светящейся жемчужиной во рту; отводя воду, он уничтожал всякую нечисть (великанов, водяных духов, чудовищ и пр.). 6) Амон («сокрытый», «потаенный») — в египетской мифологии бог солнца, его священное животное — баран; Амон отождествлялся с богом Ра (Амон-Ра) и считался богом-творцом, создавшим все сущее, в нем невидимо существуют все боги, люди, предметы; Амон также отождествлялся с Гором, Пта, Хепри и др.; Амон почитался как мудрый, всеведущий бог, небесный заступник, защитник угнетенных. Анх — в египетской мифологии знак жизни (Т-образный крест

с окружностью наверху). 7) Шива («благой», «приносящий счастье») — в индуистской мифологии один из верховных богов; Шива — высшее существо, олицетворяющее силы созидания и разрушения во Вселенной; основной символ Шивы — линга. 8) Дяйку — в самодийской мифологии (у нганасан) герой, устроитель земли, победитель враждебных людям чудовищ; Дяйку — человек, воспитанный одинокой женщиной, не знающий отца; Дяйку посещает землю мертвых, отвоевывает у злых духов диких оленей и делает доступными рыболовные угодья. 9) Ту — у полинезийцев бог войны; вместе с братьями — сыновьями Ранги (отец-небо) и Папы (мать-земля) участвует в мироустройстве; посланец Ту — ястреб. 10) Опочтли — в мифах ацтеков бог рыболовства и ловли птиц, он изобрел для людей удочку, гарпун, сети и силки.

ЧАСТЬ V

XXXIII

Каюмарс — в иранской мифологии и эпосе первочеловек, позднее первый царь из династии Пишдадидов.

Скотийский Сигил — подробно об этом талисмане рассказывается в романе «Соль шутки».

Заполь. — См. примеч. к гл. XXXII «Юргена».

XXXIV

Вудсток — резиденция английских королей в Оксфордшире.

Мальчик, который впоследствии правил Англией — Эдвард I, сын Генриха III и Элеоноры родился 17 июня 1239 г., правил Англией с 1272 г. до своей смерти в 1307 г.

XXXV

Ева — согласно иудаистическим, христианским и мусульманским религиозно-мифологическим представлениям, жена Адама, первая женщина и праматерь рода человеческого.

Эдем — земной рай, в котором до грехопадения пребывали Адам и Ева.

Портуна — в италийских мифах богиня материнства; позднее ее образ слился с образом римской богини счастья, удачи и случая Фортуны.

XXXVI

Лубрикан — от лат. «lubricus» — «скользкий, опасный, соблазнительный».

Теодорет — такое имя носил известный толкователь библейских текстов IV в.

XXXVII

Иннокентий — видимо, подразумевается Иннокентий IV (Сенибальди ди Фиески), но он стал папой римским уже после смерти Мануэля в 1243 г.

Эттарра (Ettarre) — в ирландской мифологии известны правители сидов (эльфов и фей) Caibell (!) и Etar; имя также созвучно лат. «aeterna» — «вечная», «бессмертная».

Каин — согласно Ветхому Завету, один из двух сыновей Адама и Евы; земледелец, убивший своего брата, пастуха Авеля.

Сет — в египетской мифологии бог пустыни, олицетворение злого начала, убийца бога производительных сил природы Осириса; Сет изображался в виде человека с тонким длинным туловищем и головой осла.

XI

Da capo (ит.) — музыкальный термин, означающий «сначала».

Лета — в греческой мифологии река в царстве мертвых, испив воду из которой, души умерших забывают свою былую земную жизнь.

Евбулей — в греческой мифологии пастух, часть стада которого была поглощена землей, когда Аид похитил Персефону и умчал ее в царство мертвых.

ДОПОЛНЕНИЕ

(про имена и стихии)

Имя главного героя — Мануэль весьма значимо. Во-первых, Manuel — редуцированная форма имени Emmanuel: Емануил — имя Мессии, о котором пророчествовал Исаия: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». (Ис. 7, 14; также Мат. 1, 23). Кроме того, в древнеиндийской мифологии Ману («человек») — первопредок, прародитель людей. По роду занятий Мануэля и по знаку Зодиака (Козерог) его стихией является земля.

Алианора — видоизмененное «Элеонора» (см. примеч. к гл. VI), а поскольку она — апсара, ее стихия — воздух.

Фрайдис (Freydis) — королева страны по ту сторону огня, да и в ее имени содержится анаграмма слова «fyre» (архаичное написание слова «fire» — «огонь»). (Можно заметить, что имя читается так же, как слово Friday's («относящаяся к пятнице»), т. е. имеет место связь с нечетом, враждебным началом). (См. примеч. к гл. VI «Юргена».)

Рассмотрение соответствий главных действующих лиц четырем стихиям дает разгадку имени Ниафер. Стихией Ниафер, в силу присущей романам Кейбелла симметрии, должна быть вода. И слово «Ниафер» (Niafer) оказывается неологизмом, составленным из двух

слов: «Niagara» — «поток», «водопад» и «aquifer» — «водоносный слой».

Что касается названия вымышленной страны — Пуактесм (Poictesme), то американский кейбелловед Лин Картер считает, что оно составлено (в английской манере: начало одного слова + конец второго) из названий старинных французских провинций Poitiers (Пуатье) и Angoulême (Ангулем), хотя на наш взгляд, исходные топонимы: Poitou (Пуату) и Anjoumois (Анжумуа), а Poictesme — искаженное (англифицированное) Poictoumois (так Кейбелл называет эту страну в предисловии к «Земляным фигурам»). Но «Poictesme» можно прочитать и как «Пуактизм», и тогда получится название некоего философского или религиозного учения с корнем «act» — «действие», «поступок».

ЮРГЕН

I

Цистерцианский монастырь — цистерцианский орден был основан во Франции монахами-бенедиктинцами в 1098 г.; первый монастырь — Цистерциум.

Ориген (ок. 185—254) — христианский теолог и ученый; его доктрина включала учение о неизбежности полного спасения и соединения с Богом всех душ и духов, включая дьявола, и о временном характере адских мук.

Вальпургиева ночь. — См. примеч. к гл. XIII «Фигур».

II

Кощей Бессмертный. — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

Кентавры — в греческой мифологии полулюди-полукони.

Несс — один из кентавров, известный своим коварством; перевозя через реку молодую жену Геракла Деяниру, Несс покусился на ее честь, и Геракл пронзил его стрелой; умирающий кентавр, желая отомстить Гераклу, посоветовал Деянире собрать его кровь, поскольку та якобы поможет сохранить любовь мужа; Деянира пропитала кровью Несса хитон и послала его Гераклу; однако кровь Несса превратилась в яд, от которого погиб Геракл.

III

Даная — в греческой мифологии дочь Аргосского царя Акрисия; Зевс проник к ней, запертой в подземный медный терем, золотым дождем, и она родила сына Персея.

Ковчег — ветхозаветный праведник Ной со своей семьей спасся от всемирного потопа в ковчеге, в который он ввел по паре всех наземных животных.

Видам — во Франции наместник епископа.

Мафусаил. — См. примеч. к гл. XXVIII «Фигур».

V

Феи — в низшей мифологии Западной Европы сверхъестественные существа, волшебницы, способные к оборотничеству; обычно обитают в лесах, источниках и т. п.

Гномы — в низшей мифологии Европы маленькие антропоморфные существа, обитающие под землей, в горах или в лесу.

Валькирии — в скандинавской мифологии воинственные девы, участвующие в распределении смертей и побед в битвах.

Амазонки — в греческой мифологии племя женщин-воительниц; их имя происходит якобы от названия обычая выжигать у девочек левую грудь для более удобного владения оружием; амазонкам приписывается основание города Эфеса и постройка там знаменитого храма Артемиды.

Кинокефалы (псоглавцы) — в древних преданиях сказочное племя, населяющее страну на Востоке (Ханаан или Индию).

Баба Яга — в славянских мифах лесная старуха волшебница, ведьма.

Морфей — в греческой мифологии крылатое божество, сын Гипноса (Сна); принимая разные человеческие формы, является людям во сне.

Лепрехуны — в ирландской низшей мифологии и фольклоре эльфы, стерегущие зарытые сокровища.

Хирон — в греческой мифологии кентавр, отличающийся мудростью и благожелательностью.

Сфинга (Сфинкс) — в греческой мифологии чудовище с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы.

Химера. — См. примеч. к гл. XIV «Фигур».

Цербер (Кербер) — в греческой мифологии трехглавый пес, страж преисподней; у него туловище, усеянное головами змей, и змеиный хвост.

Аудумла — в скандинавской мифологии корова, происшедшая из инея, наполнявшего мировую бездну, и выкормившая своим молоком первого человека — великана Имира.

VI

Середа — в русской мифологии женский персонаж, связанный (как и Пятница) с нечетом, женским (враждебным) началом.

Лешие. — См. примеч. к гл. IV «Фигур».

Клото («пряха»), Лахезида («дающая жребий») — в греческой мифологии две из трех богинь судьбы мойр.

VII

Маска — драматический жанр XVI—XVII вв.

Ночь (Никта) — в греческой мифологии родилась от Хаоса вместе с Эребом (Мраком); Ночь с Эребом породили Гемеру (День) и Эфир; по одной версии, их дочерью является богиня реки в царстве мертвых Стикс.

VIII

Хольда — в германской низшей мифологии рождественский персонаж: старуха ведьма, проносящаяся в новогоднюю ночь по небу, или же добрая женщина, разносящая подарки хорошим людям и наказывающая плохих.

IX

Гиневра. — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

Калибур (Экскалибур) — чудесный меч, благодаря которому король Артур утвердил свое владычество над Британией; Артур, по разным версиям, или вытащил его из-под лежащего на алтаре камня, или добыл при содействии Мерлина меч Хозяйки Озера, который держала над водами таинственная рука.

Тролли — в германо-скандинавской мифологии великаны; они обитают внутри гор, где хранят свои сокровища.

XI

Артур — герой кельтской мифо-эпической традиции, впоследствии персонаж европейских средневековых повествований о рыцарях «Круглого стола».

Пендрагон — титул английских и уэльсских баронов.

Мерлин. — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

Ромул — в римской мифологии основатель Рима.

Давид — царь Израильско-Иудейского государства (X в. до Р. Х.).

Нафан — ветхозаветный пророк, советник царя Давида.

XV

Анайтида — греческая форма имени богини, почитавшейся в Малой Азии; в иранской мифологии носит имя Ардвисура Анахита, богиня воды и плодородия; в форме Анахит это имя вошло в армянскую мифологию; часть имени перешла в фарси в форме Нахид как название планеты Венера и ее персонификация. (Более традиционное написание имени — «Анаитида», но мы не смогли избежать соблазна превратить корень слова, в духе Кейбелла, в анаграмму слова «тайна».) Кроме всего прочего имя «Anaitis» представляет собой анаграмму лат. «insatia» — «ненасытная», «неутолимая», «неудовлетворенная».

XVI

Урсула — героиня средневековой легенды: Урсула, дочь британского короля, славившаяся красотой, мудростью и правдивостью, дала согласие на брак с ненавистным человеком, но лишь по истечении трех лет и при условии, что жених примет христианство; она со свитой отправилась в Рим, на пути к ней присоединялись

девственницы, посвятившие себя, как и она, Христу; их число достигло одиннадцати тысяч; на обратном пути на паломниц напали гунны и всех их перебили.

XVII

Гудрун — в германо-скандинавской мифологии жена эпического героя Сигурда.

XVIII

Утер Пендрагон — согласно Гальфриду Монмутскому, отец короля Артура.

XIX

Друидский лес. Друиды — кельтские жрецы, в валлийской традиции утверждается, что они пришли с Востока (из Индии, Персии или Египта).

Загорелый человек со странными ногами — греческий бог стад, лесов и полей Пан; народная этимология связывала его имя с греч. «pan» — «всё»; Пан козлоног, с козлиными рожками, покрыт шерстью; он известен своим пристрастием к вину и веселью, полон страстной влюбленности и преследует нимф (нимфа Сиринга («свирель») в страхе перед Паном превратилась в тростник, из которого тот сделал свирель); как божество стихийных сил природы наводит на людей беспричинный (панический страх); в античной философии Пан представлялся как божество, всё объединяющее.

XX

Пилат (Понтий Пилат) — римский прокуратор в Иудее, утвердивший смертный приговор Иисусу Христу.

Мельхиседек — в преданиях иудаизма и раннего христианства царь Салима (будущего Иерусалима), священнослужитель культа Эльона, отождествляемого библейской традицией с Яхве; в раннем христианстве Мельхиседек — прототип мессии, подобие Иисуса Христа; еретиками-мельхиседекианами ему приписывалось богочеловеческое достоинство, что позволяло делать отсутствие у него родословия.

Сим — в Ветхом Завете один из трех сыновей Ноя, благословленный отцом, родоначальник семитских народов; в преданиях Сим выступает как пророк и священник, отождествляется с Мельхиседеком.

Адам («человек») — в Библии первый человек, сотворенный Богом; в Евангелиях Иисус Христос называет себя «Сын человеческий» (т. е. «Сын Адама»), в генеалогии Иисус Христос — прямой потомок Адама; в Евангелиях также развивается учение о Христе как о «втором», «новом Адаме».

Ариане — последователи александрийского священника Ария (ум. в 336 г.), они не принимали основной догмат христианской церкви о единосущности Бога-Сына Богу-Отцу; по учению Ария, Сын Божий Логос — творение Бога, т. е. ниже Его.

Сабеллиане — последователи христианского учителя Сабеллия, рассматривали Сына и Святой Дух лишь как откровения или манифестации Божества.

Загрей — в греческой мифологии одна из архаических ипостасей Диониса, ряд мифов связан с воскрешением Диониса-Загрея.

Ахамот — в представлениях гностиков — последователей Валентина (из Египта, II в.) духовный плод грехопадения Софии («премудрости Божией»).

Василид — основатель одной из христианских сект в Александрии (II в.).

Докеты — секта, считавшая, что человеческая природа Христа — иллюзия.

Ланселот — герой «артуровского» цикла, рыцарь, тайно любивший королеву Гиневру.

Кокаинь — в европейской средневековой литературе страна удовольствия и изобилия.

XXI

Прокрида — в греческой мифологии дочь афинского царя Эрехфея, жена Кефала; уличенная мужем в измене с Птелеонтом, бежала на Крит к царю Миносу (который страдал насланным своей супругой Пасифаей недугом: испуская змей, скорпионов и сколопендр, он убивал сходившихся с ним смертных женщин); Прокрида излечила Миноса от бесплодия. В результате связи с быком — ипостасью владыки моря Посейдона Пасифая родила Минотавра (чудовище с головой быка), заключенного Миносом в лабиринт.

XXII

Венера — в римской мифологии богиня садов, была отождествлена с греческой Афродитой, став богиней красоты и любви; в честь нее названа планета, видимая как яркая утренняя или вечерняя звезда.

Хепри — в египетской мифологии бог солнца (утреннего, в отличие от Ра — дневного и Атума — вечернего), воплощался в образе навозного жука, скарабея, имел функции демиурга; считалось, что Хепри возник сам из себя.

Шинджешед — тибетское название божества-охранителя в буддийской мифологии ваджраяны Ямантаки; наиболее известной формой Ямантаки является Ваджрабхайрава: он темно-синего цвета, имеет 9 голов (одна из которых бычья), 34 руки и 16 ног.

Тангаро Лолокуонг — герой мифов маланезийцев островов Новые Гибриды, один из двенадцати братьев, рожденных из расколовшегося камня; патрон инициации юношей.

Легба — в мифах фон божество-трикстер, младший (седьмой) сын верховного бога Маву-Лиза; за нарушение божественных запретов Маву-Лиза обрек его на вечную сексуальную неудовлетворенность.

Св. Футен — первый епископ Лионский, среди галлов имел место фаллический культ этого святого.

Евмениды — в греческой мифологии богини мести; их три — Алекто, Тисифона и Мегера; с ними отождествляются римские фурии.

XXIII

Иванов день — совпадает с летним солнцестоянием.

Принц-консорт — супруг царствующей королевы.

Стелла (Stella) (лат.) — звезда.

Приап — в античной мифологии итифаллическое божество производительных сил природы (изначально собственно фаллос); по одной версии богиня Афродита, беременная Приапом от Диониса, сошлась с Адонисом, и ребенок родился уродцем — с двумя фаллосами, что объясняется двойным отцовством.

Тирс — в греческой мифологии жезл Диониса, увитый плющом и увенчанный еловой шишкой.

Вакх — одно из имен Диониса.

Апис — в египетской мифологии бог плодородия в облике быка.

Ба — в египетской мифологии один из элементов, составляющих человеческую сущность, обычно переводится как «душа»; в городе Мендесе находился священный баран, в котором воплощалась душа четырех величайших богов: Ра, Осириса, Хепри и Шу.

Саки — скифское племя.

Фриккo («любящий») — одно из имен древнескандинавского бога растительности, урожая и богатства Фрейра; существовал фаллический культ Фрейра.

Ваал (Баал) («хозяин», «владыка») — в западносемитской мифологии одно из наиболее употребительных прозвищ богов отдельных местностей и общих богов; Ваал-Фегор — упоминаемое в Библии божество, которому поклонялись в Моаве.

Ашера — древняя семитская богиня, мать богов и людей; среди посвящений ей важное место занимали предметы фаллического культа. «Ашерой» также назывался священный столб в семитских святилищах.

Линга («знак пола», обозначение мужского детородного органа) и йони («источник», женские гениталии) — в древнеиндийской мифологии символы божественной производительной силы; предметом поклонения служит изображение линги в виде каменного столба, поднимавшегося из йони.

Сехмет — в египетской мифологии богиня войны и палящего солнца, изображалась в виде женщины с головой львицы.

Ио — в греческой мифологии дочь аргосского царя Инаха, возлюбленная Зевса; опасаясь гнева своей ревнивой супруги Геры, Зевс превратил Ио в белоснежную телку.

Хекет — в египетской мифологии богиня плодородия, изображалась в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове.

Деркето — греческая форма имени западносемитской богини плодородия и благополучия Атаргатис.

Таурт — в египетской мифологии богиня — покровительница женщин и детей; изображалась в виде стоящей беременной самки гиппопотама с женскими руками и львиными задними лапами.

Диана — в римской мифологии богиня растительности, родовспомогательница, олицетворение луны; была отождествлена с греческой богиней охоты Артемидой; в Малой Азии, в знаменитом Эфесском храме почиталось изображение Артемиды «многогрудой», Артемида Эфесская — покровительница амазонок.

Таммуз. — См. примеч. к гл. XXXII «Фигур».

XXIV

Лесбос — остров в Эгейском море, давший название однополой лесбийской любви.

Екбатана — город в древнем Персидском царстве.

XXV

Иерихон — согласно Библии, при осаде этого города израильтянами преемник Моисея Иисус Навин велел семи священникам обходить город, трубя в трубы; на седьмой день, «как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом, и обрушилась стена до своего основания». (Ис. Нав. 6, 19).

Иоанн XXI — папа римский (1276—1277), называемый иногда Иоанном XX.

XXVI

Бриарей — в греческой мифологии чудовищное существо с пятьюдесятью головами и сотней рук, один из трех братьев сторуких — участников титаномахии.

Атлантида — сказочный остров, на котором правил сын Кроноса Посейдон и его потомки, которых Зевс покарал за нечестие.

Время — Хронос; народная этимология сблизила обозначение времени с именем титана Кроноса, сына олицетворяющего небо Урана и Земли Геи; по наущению матери Кронос оскопил серпом Урана, чтобы прекратить его бесконечную плодовитость; когда дети Кроноса под предводительством его младшего сына Зевса объявили войну титанам и победили, Кронос с остальными титанами был брошен в тартар, где находился под стражей сторуких.

Рианнон — в кельтской мифологии владычица потустороннего мира, жена Пуйла.

Страна Женщин — в кельтской мифологии одно из названий «островов блаженных».

Огигия — в греческой мифологии волшебный остров на крайнем западе, которым владела Калипсо, державшая у себя в течение семи лет Одиссея.

Трифема (Tryphema) (греч.) — предмет неги, наслаждение.

Ээя — в греческой мифологии сказочный остров волшебницы Кирки; прибывших на остров спутников Одиссея Кирка превратила в свиней.

Каер-Ис — Ср. Каер-Лои — в кельтской мифологии потусторонний мир.

Гесперидыю — См. примеч. к гл. III «Фигур».

Меропида — край Меропа, т. е. остров Кос в Эгейском море.

Планасия — остров между Корсикой и Эльбой (Ильвой), место ссылки.

Уттара (Уттаракуру) — 1) в джайнской мифологии местность в Мадхьялоке («срединном мире»), где растет калпаврикша («дерево, исполняющее желания») Джамбу; 2) в буддийской мифологии один из четырех континентов; там нет частной собственности, зерно созревает само собой, а люди не работают.

Аваллон (от валлийского «afal» — «яблоко») — в кельтской мифологии «остров блаженных», потусторонний мир, помещаемый на далеких «Западных островах»; символика, связанная с «островами блаженных» (стеклянная башня или дворец, дарующие бессмертие чудесные яблоки, которые предлагают населяющие остров женщины), принадлежат к архаическому слою традиции; считалось, что на этих островах остановилось время, царят изобилие и молодость; на Аваллон перенесен феей Морганой смертельно раненный король Артур.

Фелема (Thelema) (греч.) — желание, воля.

Левка — в греческой мифологии один из «островов блаженных», где после смерти обитал Ахилл вместе с Еленой; с Левкой отождествляли небольшой остров в Понте Евксинском (Черное море) у устья Дуная.

Елена — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

Кормак (Кормак Конд Лонгас) — герой ирландского эпоса «Похищение быка из Куальнге».

XXVII

Псевдополь (Pseudopolis) (греч.) — мнимый город.

Гамадриады — в греческой мифологии нимфы деревьев, которые, в отличие от дриад, рождаются и гибнут вместе с деревом.

Ахилл — в греческой мифологии один из величайших героев Троянской войны, сын Пелея.

Аид — в греческой мифологии бог — владыка царства мертвых, а также само царство.

Терсит — в греческой мифологии незнатный воин, участвующий в Троянской войне на стороне ахейцев, враг Ахилла и Одиссея.

Хлорида — в греческой мифологии несколько героинь носят такое имя или прозвище («бледная»).

Евбония — составляющие название страны таковы: Eu (греч.) — «хорошо», «благо»; bona (лат.) — «хорошая», «добрая».

Иггдрасиль, Урд, Норны. — См. примеч. к гл. I «Фигур».

Психея — в греческой мифологии олицетворение души, дыхания. По Апулею, бог любви Амур с помощью бога западного ветра Зефира получил в жены царскую дочь Психею, но та не должна была видеть лица своего загадочного супруга.

XXVIII

Югатин — от лат. «jugalitas» — «связь, соединение».

Лары — в римской мифологии божества — покровители общин и их земель.

Пенаты — в римской мифологии божества-хранители; как и лары, являются символом родного дома и домашнего очага.

Мутун — в Риме божество Мутун Титин отождествлялось с Приапом.

Вирго (Virgo) (лат.) — дева.

Домидук (Domiducus) (лат.) — приводящий в дом невесту (жениха) (эпитет верховного бога римского пантеона Юпитера как покровителя бракосочетания).

Према — от лат. «praematura» — «скороспелая», «преждевременная».

Субиго (Subigo) (лат.) — укрощать, приручать.

Рунцина — в римской мифологии богиня полольных и уборочных работ.

Сея — в римской мифологии богиня сева.

Нодоса — от лат. «nodo» — «связывать, скручивать».

Волусия — от лат. «volito» — «скатывать; сворачивать».

Оккатор (Occator) (лат.) — боронильщик.

Сатор (Sator) (лат.) — сеятель.

Саритор (Saritor) (лат.) — разрыхляющий почву.

Стеркутий (лат. — «унавоживающий поля») — в римской мифологии прозвище бога брака и рождения Пикумна.

Гиппона — от гр. «hippo» — «лошадь».

Бубона — в римской мифологии богиня-покровительница коров.

Аристей — в греческой мифологии сын Аполлона и нимфы Кирены; Гея, сделавшая его бессмертным, кентавр Хирон, музы и нимфы обучили его различным искусствам и мудрости; Аристей передал людям свои знания охотника, врачевателя, прорицателя, пастуха и пчеловода.

Форнакс — в римской мифологии богиня очага и печей для сушки зерна.

Термин — в римской мифологии божество границ и межевых знаков.

Гарпократ — греческое название Гор-па-херда («Гора ребенка»), одной из ипостасей египетского бога света Гора.

Сатиры и силены — в греческой мифологии демоны плодородия, составляющие свиту Диониса; у Вергилия мудрый силен в полусонном и полупьяном виде излагает историю космогонии.

Ореады — в греческой мифологии нимфы гор.

Протогон («перворожденный») — у орфиков эпитет греческого бога любви Эрота.

XXIX

Алкиона («зимородок») — в греческой мифологии дочь владыки ветров Эола, жена фессалийского царя Кеика; когда муж не вернулся из морского путешествия, Алкиона в отчаянье бросилась в волны; была превращена богами в зимородка.

XXX

Собачья переправа — согласно мифам ацтеков, для того чтобы достичь загробного мира, необходимо, кроме всего прочего, преодолеть последнюю водную преграду на спине красной собаки.

Фобетор. — См. примеч. к гл. XX «Фигур».

Аякс Теламонид — в греческой мифологии участник Троянской войны, соискатель руки Елены; ведет свой род от Зевса и нимфы Эгины, двоюродный брат Ахилла; Аякс — царь острова Саламин.

Филоктет — в греческой мифологии царь города Мелибеи; один из женихов Елены, участвовавший в походе на Трою.

Одиссей — в греческой мифологии царь острова Итака, участник Троянской войны; находясь среди женихов царицы Елены, предпочитает ее двоюродную сестру Пенелопу.

Агамемнон — в греческой мифологии предводитель греческого войска во время Троянской войны.

XXXI

Голиаф — в Ветхом Завете великан-филистимлянин, побежденный в единоборстве Давидом, поразившим его из пращи.

Пелид — сын Пелея, т. е. Ахилл.

Майское дерево — в Англии украшенный цветами столб, вокруг которого танцуют в майские праздники; имеет явно фаллический смысл.

Заполь, Нановиз, Слото-Виепус — анаграммы слов «польза», «новизна», «пустословие». (В оригинале «Ageus» — «usage», «Vel-Tyno» — «novelty», «Sesphra» — «phrases».)

XXXII

Зевс, Посейдон, Аид — в греческой мифологии три брата, сыновья Кроноса; при дележе власти в мире Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Аиду — царство мертвых.

Святой Антоний (250—355) — первый христианский монах, родился в среднем Египте, 15 лет занимался аскезой в пустыне.

Эдгар, Уолт, Марк — по-видимому, подразумевается Эдгар По, Уолт Уитмен и Марк Твен.

XXXIII

Лета. — См. примеч. к гл. XI «Фигур».

XXXIY

Нумырия, Брехауст — анаграммы топонимов Румыния и Бухарест.

Геенна — в иудаистической и христианской традициях символическое обозначение конечной погибели грешников и отсюда — ада.

Люцифер («утренняя звезда», т. е. планета Венера) — в христианской традиции одно из обозначений Сатаны.

Вельзевул (Баалзебуб) — в христианских представлениях демоническое существо, «князь бесов».

Велиал — в иудаистической и христианской традициях демоническое существо, дух небытия, лжи и разрушения.

Ахеронт — в греческой мифологии одна из рек в царстве мертвых Аиде.

Флегетон (Пирифлегетон) — в греческой мифологии огненная река, окружающая Аид.

Сатана. — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

XXXV

«Et tu Brute?» (лат.) — «И ты, Брут?» Слова умирающего Юлия Цезаря, обращенные к его старому другу Марку Юнию Бруту, одному из заговорщиков, убивших его.

Сет. — См. примеч. к гл. XXXVII «Фигур».

Баст — в египетской мифологии богиня радости и веселья, изображалась в виде женщины с головой кошки.

XXXVI

Поруца. — О приключениях Котта в Поруце читайте в романе «Серебряный жеребец».

Вампир — в низшей мифологии Европы мертвец, по ночам встающий из могилы или являющийся в облике летучей мыши, сосущий кровь у спящих людей.

Суккуб — бес в виде женщины, предлагающий себя для блуда мужчине.

XXXVII

Калки. — См. примеч. к гл. XXXII «Фигур».

XXXVIII

Асмодей — в иудаистических легендах (к примеру, о царе Соломоне) демоническое существо.

Тартар — в греческой мифологии пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида.

Нарака — в древнеиндийской мифологии ад или совокупность адов.

XL

Богач — герой евангельской притчи об убогом Лазаре (Лук. 16, 19): оказавшись в Аду, Богач увидел вдали Лазаря на лоне Авраама (т. е. в Раю) и обратился к Аврааму с просьбой послать к нему Лазаря «прохладить язык в пламени».

Лестница Иакова — ветхозаветному патриарху Иакову в месте, которое он потом назвал Вефиль («дом Божий»), приснился вещий сон: лестница, стоящая на земле, касалась неба, и по ней восходили и нисходили ангелы Яхве; Яхве, стоящий на лестнице, предрекает Иакову обилие потомства и обещает покровительство.

Енох — в Ветхом Завете потомок Адама, прадед Ноя, отец Мафусаила; по некоторым истолкованиям библейского текста, взят Богом живым на небо.

Илия — ветхозаветный пророк, вознесенный Яхве на небо.

XLI

Серафимы и херувимы. — См. примеч. к гл. IV и XIV «Фигур» соответственно.

XLII

Святой Петр — в Евангелиях один из двенадцати апостолов; Петр непрестанно свидетельствует Христу свою любовь и преданность, но по свершении Тайной Вечери Христос предрекает его троекратное отречение «в ту ночь, прежде нежели пропоет петух»; римское предание рассматривало Петра как основателя местной епископии; с нач. V в. неизменным атрибутом при изображении Петра являются ключи — от райских и адских врат.

Кана — Кана Галилейская, где Иисус совершил чудо претворения воды в вино.

Вино... в Иерусалиме — вино, которое Иисус подает (вместе с хлебом) ученикам на Тайной Вечере, — прообраз христианского причастия.

Иуда (Искариот) — в Евангелиях один из двенадцати апостолов, предавший Иисуса Христа.

Махаунд (Mahound) — искаженное англо-индийское «mahout» — «погонщик слонов», звучит как искаженное «my hound» — «моя собака»; видимо, подразумевается Махатма Ганди.

Две скрижали — две каменные доски с десятью заповедями, врученные Моисею на горе Синай Яхве.

XLIII

Кибела — в греческой мифологии богиня фригийского происхождения, близкая по своим функциям богине-титаниде Рее, а иногда отождествляемая с ней; носила также имена: Кивева, Диндимена, Идейская мать, Великая мать богов; богиня требует от своих служителей полного подчинения, забвения в безумном экстазе, когда жрецы Кибеллы наносят друг другу кровавые раны или когда неофиты оскопляют себя.

Асред, Адерес, Рес Деа — анаграммы имени «Середа»; Рес Деа (Res Dea) (лат.) — «богиня вещей».

XLIV

Ардханари (Ардханаришвара) — в индуистской мифологии представление бога Шивы в качестве двуполого существа (с правой — мужской и левой — женской половинами).

Пта. — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

Иалдаваоф — в христианских представлениях (особенно у гностиков) верховный архонт — дух-мироправитель, рассматривается как отец превзошедшего его Иисуса Христа; отождествляется с Абраксасом.

Абраксас. — См. примеч. к гл. XVIII «Фигур».

XLV

Гластонбери — монастырь в Англии близ границы с Уэльсом, в котором якобы была обнаружена могила короля Артура;

связывался с островом Аваллон (связь основывалась на ложной этимологии, отождествлявшей Гластонбери с характеристикой Аваллона как «стеклянного острова»).

Карлион — резиденция короля Артура.

Изольда — в европейской мифо-эпической традиции влюбленная Тристана, супруга короля Марка; в «Триадах острова Британии» Изольда упоминается в связи с Тристаном и окружением короля Артура.

Моргана — в европейских средневековых повествованиях «артуровского» цикла фея; впервые появилась у Гальфрида Монмутского (XII в.) в «Жизни Мерлина» в качестве главной из девяти сестер, хозяек чудесного «яблоневого острова».

Вивиана — персонаж «артуровского» цикла, фея, заточившая Мерлина в воздушную темницу Броселианды; в некоторых французских рукописях ее называют Нимуя; часто отождествляется с Хозяйкой Озера.

XLVI

Таида — афинская гетера, впоследствии жена египетского царя Птолемея I.

Сапфо — греческая лирическая поэтесса (1-я половина VI в. до Р. Х.), уроженка острова Лесбос.

Родопа — в греческой мифологии жена фракийского царя Гемоса; за то, что Гемос и Родопа называли себя Зевсом и Герой, они были превращены в горные вершины.

Адонис — в греческой мифологии божество финикийско-сирийского происхождения с ярко выраженными растительными функциями, связанными с периодическим умиранием и возрождением природы; культ Адониса существовал в Финикии, Сирии, Египте, на Кипре и Лесбосе; к примеру, согласно Лукиану, в Библе находилось святилище Афродиты, где происходили оргии в честь Адониса, причем первый день был посвящен плачу, а второй — радости по воскресшему.

Амат — древний город на южном берегу Кипра, известный своим храмом Адониса и Афродиты (Венеры).

XLIX

Иеремия и Амос — ветхозаветные пророки.

Примечания переводчика

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

ЗЕМЛЯНЫЕ ФИГУРЫ

ЧАСТЬ I
КНИГА ПРИХОДА

I. Как Мануэль оставил болото 10
II. Ниафер 15
III.Восхождение на Врейдекс 20
IV. В подозрительном дворце 25
V. Засада вечности 36
VI. Расчетливость Мафи 42
VII. Корона мудрости 46
VIII. Нимб святости 51
IX. Перо любви 57

ЧАСТЬ II
КНИГА РАСХОДА

X. Алианора 66
XI. Магия Апсар 72
XII. Лед и железо 78
XIII. Что велел Гельмас 85
XIV. Поединок на Морвене 91
XV. Перевязка победителя 101

ЧАСТЬ III
КНИГА БАЛАНСА

XVI. Фрайдис 106
XVII. Магия создателей образов 112
XVIII. Выбор Мануэля 119

XIX. Голова Беды 123
XX. Месяц за годы 128
XXI. Плата за службу 133
XXII. Возвращение Ниафер 139
XXIII. Обретение Мануэлем предмета желания 143
XXIV. Три женщины 149

ЧАСТЬ IV

КНИГА ИЗДЕРЖЕК

XXV. Дела в Пуактесме 154
XXVI. Сделка с аистом 162
XXVII. Прибытие на Саргилл 169
XXVIII. Как приняли Мелиценту 174
XXIX. Слото-Виепус Сновидений 180
XXX. Прощание с Фрайдис 188
XXXI. Государственные вопросы 196
XXXII. Спасение Пуактесма 200

ЧАСТЬ V

КНИГА ИТОГА

XXXIII. Процветание Мануэля 210
XXXIV. Прощание с Алианорой 216
XXXV. Тревожное окно 223
XXXVI. Отклонение от сути 229
XXXVII. Мнение Гинцельманна 234
XXXVIII. Прощание с Сускинд 241
XXXIX. Уход Мануэля 245
XL. Концовка: Da capo 254

ЮРГЕН

I. Почему Юрген совершил мужественный поступок 259
II. Принятие примечательного одеяния 264
III. Сад между рассветом и закатом 269
IV. Доротея непонявшая 273
V. Требование хлеба с маслом 284
VI. Показывающая, что Середа — женщина 289
VII. О компромиссах в среду 296
VIII. Старые забавы и новая тень 307
IX. Общепринятое спасение Гиневры 312

X. Жалкие обличья Фрагнара 318
XI. Явление герцога Логрейского 324
XII. Отклонение от темы и погубленная Иоланта 328
XIII. Философия Гогирвана Гора 333
XIV. Предварительная тактика герцога Юргена 339
XV. О компромиссах в Глатионе 349
XVI. Сложная ситуация у короля Смойта 355
XVII. О прокричавшем слишком рано петухе 364
XVIII. Почему Мерлин вел беседу в полумраке 371
XIX Загорелый человек со странными ногами 377
XX. Действенность молитвы 381
XXI. Как путешествовала Анайтида 386
XXII. Касающаяся разорванной завесы 390
XXIII. Недостатки принца Юргена 398
XXIV. О компромиссах на Кокаине 410
XXV. Заклинание Магистра Филолога 416
XXVI. В песочных часах Времени 421
XXVII. Беспокойные владения царицы Елены 427
XXVIII. О компромиссах на Левке 434
XXIX. Касающаяся сказанного Горвендилом вздора 445
XXX. Расчетливость короля Юргена 452
XXXI. Падение Псевдополя 457
XXXII. Различные приемы филистеров 461
XXXIII. Прощание с Хлоридой 473
XXXIV. Как император Юрген странствовал по преисподней 478
XXXV. Что сообщил Дедушка Сатана 482
XXXVI. Почему сын перечил Котту 486
XXXVII. Изобретение прелестной вампирки 492
XXXVIII. Касающаяся одобренных прецендентов 497
XXXIX. О компромиссах в Аду 505
XL. Восшествие папы Юргена 512
XLI. О компромиссах в Раю 518
XLII. Ежечасно тревожимые двенадцать 528
XLIII. Позы перед тенью 534
XLIV. В конторе управляющего 544
XLV. Вера Гиневры 550
XLVI. Желанье Анайтиды 554
XLVII. Видение Елены 558
XLVIII. Откровенные мнения госпожи Лизы 562
XLIX. О компромиссах с Кощеем 568
L. Не идущая в счет минута 575

Примечания 579

Литературно-художественное издание

Джеймс Брэнч Кейбелл

Сказание о Мануэле

Том 1

Составление, предисловие, примечания:
Сергей Хренов

Зав. редакцией *Геннадий Белов*
Редакторы: *Сергей Коровин, Николай Иовлев*
Художники: *Татьяна Канивец, Владимир Канивец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Верстка *Антонины Помазовой*
Корректоры Елена *Шнитникова, Алевтина Борисенкова, Нина Васильева*

Л. Р. № 030022 от 06.07.91 г.
Подписано в печать с оригинала-макета 28.02.94.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,9. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 243. Зак. 522.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.

Отпечатано на ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

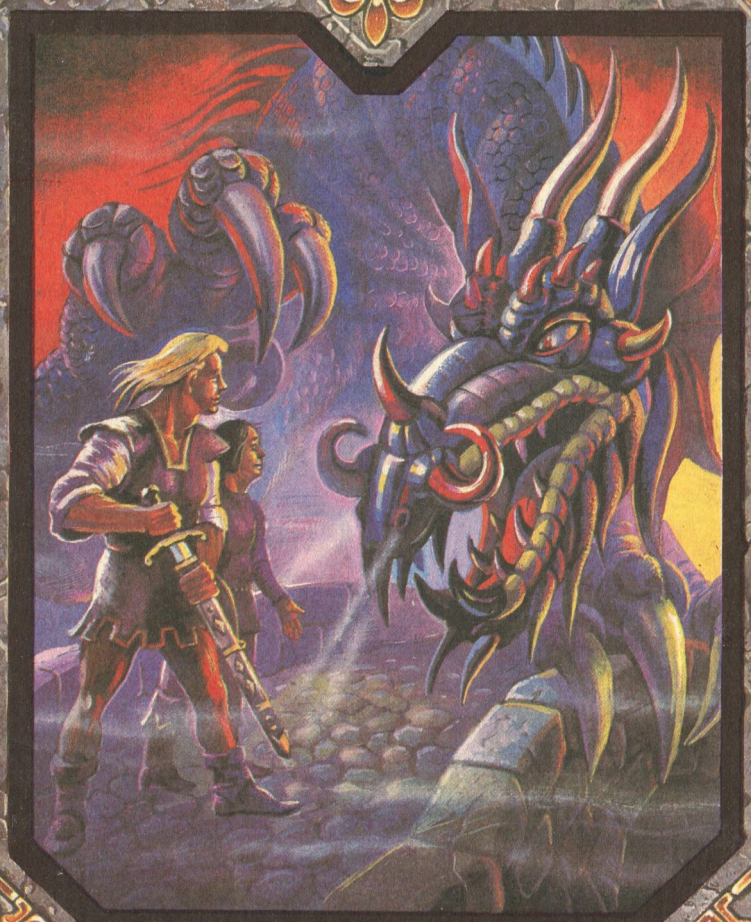

fantasy

«Сказание о Мануэле» — знаменитая эпопея одного из основателей жанра фэнтэзи американского литератора Джеймса Брэнча Кэйбелла.

Первый том «Сказаний» знакомит читателя с удивительной страной Пуанктесм, где рядом со средневековыми замками бродят кентавры, в лесных озерах живут русалки, где хитроумные демоны всячески пытаются сбить с пути истинного честных и благородных рыцарей.

Яркая палитра повествования, невероятные приключения главных героев, неподражаемый юмор и утонченная стилистика — все это читатель найдет на страницах «Сказания о Мануэле».

СЕВЕРО-ЗАПАД